

COVERT NETHERWORLD

БЕСКОНЕЧНОСТЬ II

МЕДАЛЬОН ПОГИБШЕЙ ПРИНЦЕССЫ

А.В. ВОЛКОВ

АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКИЙ РОМАН

18+

Андрей Волков
Covert Netherworld.
Бесконечность II. Медальон
погибшей принцессы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69166786
SelfPub; 2023*

Аннотация

Пять лет минуло с момента переворота в Понтийской республике, где директория свергла демократическую власть. Глобальный мир охватила турбулентность. Алчность корпораций, слабые политики, локальные усобицы привели к затяжному кризису, разрушив миропорядок. Среди этого таинственная организация SIGMA расплзлась по всей планете, сея хаос с помощью своих ставленников. Лишь маленькая группа ополченцев на севере бывшей Понтийской республики подняла знамя мятежа против тиранической Директории, провозгласив свое отдельное государство Балторуссию. Но на ослабленный мир надвигается ещё более страшная угроза. Планету стремительно охватывают вспышки смертоносного легочного вируса. Эта неизвестная болезнь убивает людей сотнями, и ни одно известное лекарство не может помочь в борьбе с ней. Пока члены правительственных делегаций ведут бесконечные консультации,

Председатель Балторуссии направляет своего человека на встречу с информатором, который имеет сведения о спасительной вакцине...

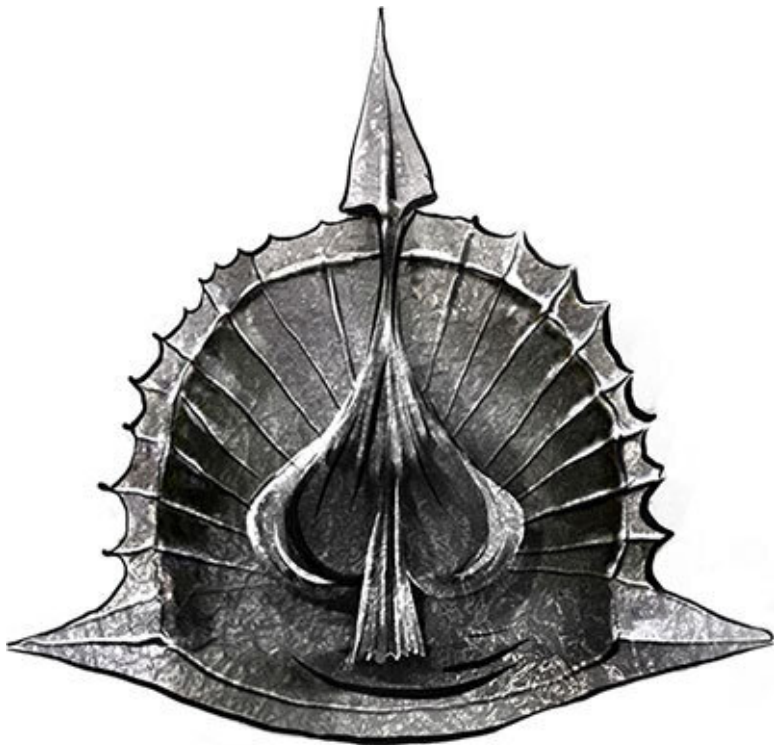
Содержание

Пролог	9
Глава I. Скрытые мотивы	21
Глава II. Восхождение	92
Глава III. Ход королевой	170
Глава IV. Лезвие бритвы	275
Глава V. Единственная свидетельница	350
Глава VI. Дьявольский эксперимент	443
Глава VII. На земле и под землей	539
Глава VIII. Осколки мозаики	632
Глава IX. Когда совпадения становятся возможностями	713
Глава X. Обстоятельства и искушения	783
Глава XI. Кошки и мышки	896
Глава XII. Жертва	1017
Глава XIII. Расклад идиота	1182
Глава XIV. Последствия	1235
Эпилог	1270
Covert Netherworld. Медальон погибшей принцессы. Энциклопедия	1311

Андрей Волков

Covert Netherworld.

**Бесконечность II. Медальон
погибшей принцессы**

КОНТРОЛИРУЙ НЕ ВЛАСТВУЯ
БУДЬ ВЕЗДЕ И НИГДЕ
ОТРИЦАЙ НЕ ОТРИЦАЕМОЕ

Три иронии-максимы Организации

ОСНОВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Кристина Леонова – политический консультант.

Ксения Авалова – бывший старший детектив-инспектор Оперативно-розыскного бюро.

Наталья Покровская – Председатель комитета по международным делам парламента Великооруссии.

Анастасия Урусова-Верховская – директор пансионата «l'Est». Жена Александра Верховского.

Александр Верховский – бизнесмен и ученый. Лидер сопротивления против Директории.

Флориан Штильхарт – советник по безопасности посольства Швейцарии в Сожской республике.

Фабиан Эмболо – криминалист из кантональной полиции Женевы.

Сергей Адашев – шеф Секуритаты.

Альберт Сабуров – бизнесмен, бывший министр торговли Понтии.

Александр Захаров – председатель Народного совета Балторуссии.

Стивен Рид – контр-адмирал канадского королевского флота, в отставке.

Алин Авонамйелус – бывший капитан канадских ВВС, помощница Рида.

«Голубь» – информатор Ксении Аваловой. Контрабан-

дист и сутенер.

Лев Аристов – ученый-вирусолог.

Константин Воротынцев – офицер военной разведки Великолукской области.

Сергей Артамонов – генерал-лейтенант. Шеф военной разведки Великолукской области.

Андрей Кирсанов – оперативник отдела убийств криминальной полиции Директории.

Анна Щербатова – скрипачка-виртуоз.

Снори – кот-фамильяр Ксении Аваловой.

Марианна Хорошевская – министр государственного просвещения Директории.

Джеффри Треверс – Американский финансист и промышленник.

Отец Игнатий – монах.

Лео Морган – боевой пилот канадских ВВС.

Эми Нильсен – боевой пилот эскадрильи «Отверженные».

Пролог

Полуостров Таврида, территория бывшего Великолорусского царства 5681 год от Сотворения Мира (Принятое в Великолоруссии летоисчисление)

ПОЛУОСТРОВ пылал огнем. Наверное, если бы можно было посмотреть на него из космоса, то даже оттуда были бы видны пожары. Впрочем, для редкого в ту пору гражданского жителя, что рискнул бы выйти на улицу, гораздо опаснее пожаров были марширующие по брусчаткам городов красногвардейцы. Война была проиграна, и теперь эти потерявшие человеческий облик существа наслаждались своей победой. Ружейные выстрелы и женские крики – обычные звуки того времени. Приказом реввоенсовета полуостров был объявлен «гнездом белогвардейщины», поэтому подлежал тотальной чистке. Любопытные на полуостров не допускались, а жители не выпускались. Всюду сновали только красногвардейцы и чекисты, расстреливая любого без суда и следствия. Растерзанные и изуродованные трупы врагов большевизма, преимущественно священников и объектов пролетарской любви – юных курсисток и монахинь, – главное украшение этого места на долгие годы.

А еще там была Она – Охотница.

Вороня лошадь, несущая её, остановилась возле некогда красивой набережной, теперь безнадежно сожженной огне-

метами. Бои здесь были ожесточенные, потому что добровольческая армия дралась даже несмотря на огромный численный перевес противника. У охотницы даже зародилась капля мимолетного уважения к храбрым офицерам, столь непохожим на это пролетарское отребье, которое, впрочем, отлично справлялось со своей задачей, если ими грамотно руководить и направлять в нужную сторону.

Один из «красных», маленький и юркий комиссар из латгалов, в кожанке, перетянутой портупеей, подбежал к ней. У него было одутловатое сухое лицо и пустые глаза человека необсуждающего приказы.

– «Беляки» засели в одном из береговых дотов, миледи, – доложил он, махнув рукой, в которой был зажат маузер, – им некуда бежать, однако они сумели передать шифрованное сообщение.

Охотница равнодушно посмотрела, куда указывал красный командир. Средних размеров бункер. Там царили боль, отчаяние и что-то еще, что-то не подвластное рациональному пониманию – готовность принести себя в жертву.

– Готовьте штурмовую команду, комиссар Лакцис, – кивнула охотница, – но никого не трогать, пока я не прикажу.

– Как пожелаете, миледи, – без всякого удовольствия проговорил комиссар.

Охотница безусловно отметила это, впрочем, ей было совершенно всё равно до его эмоций. Она прибыла сюда за тем, что совершенно не касалось рядовых исполнителей воли Организации.

Стали раздаваться мягкие минометные залпы. Двух вполне хватило, чтобы проделать проход внутрь сооружения. В него ринулись красногвардейцы. Охотница сделала шаг вперед сквозь взорванный проем. Она шла одна, не обращая внимания на выстрелы и падающие тела «красных» и «белых». Ей и до этого не было дела.

Штурм укрепления продолжался. Защитники отстреливались с завидным упорством, несмотря на явное численное меньшинство, ибо понимали, какая участь их ждет, если они сдадутся. Для «красных» убийство было даже не целью, оно было для них смыслом жизни. Казалось, что не может быть на свете более бесчеловечной и жестокой силы, чем большевизм. И только в Организации знали, что вся эта сатанинская сила – лишь инструмент, умело управляемый и направляемый ради их целей.

Пространство вокруг сузилось. Охотница оказалась перед тремя солдатами в темно-зеленых шинелях. Они торопливо вскинули винтовки. Небрежным движением охотница «выбросила» клинок, вмонтированный в перчатку, и ударила снизу-вверх. Ближайший к ней солдат потерял равновесие и, выронив винтовку, упал на землю. Охотница, схватив за дуло винтовки, развернула к себе спиной второго солдата,

обхватила локтем его горло и прижала. Третий не успел среагировать и выстрелил в товарища. Охотница отшвырнула труп и прыгнула вперед, разделяя третьего солдата на куски и двигаясь с силой и уверенностью.

Она шла дальше, оставляя за собой трупы, больше не лично, а руками красногвардейцев. Соппротивление им было обречено на поражение. Оставшихся в живых добровольцев согнали в просторное круглое помещение. Не только солдат. Там были и гражданские жители от прошлого режима: купцы, банкиры, а ещё их женщины и дети. В последней отчаянной попытке избежать революционного возмездия они пришли сюда. И здесь их путь будет окончен. Впрочем, охотница усмехнулась – какое её дело до революционного возмездия.

Тот, кто ей был нужен, тоже был среди них. Два красногвардейца грубо подвели его к ней и в его глазах она увидела смирение и спокойствие.

– Капитан Долматов! – поприветствовала его охотница. – Вот мы и снова встретились.

Она действительно ожидала этой встречи.

– Возвращайтесь туда, откуда пришли! – гордо отвечал офицер. – Того, что вы ищете... этого здесь нет!

Охотница обошла его кругом. Она как будто не услышала, что ей сказали.

– Последний из тех, кто бросил нам вызов в конце концов схвачен, – констатировала она.

– Не стоит быть такой самоуверенной, – отвечал Долма-

тов, – самоуверенность всегда ведет к неудаче.

– Вашей, капитан, – сказала Охотница. – Довольно глупых разговоров! Вы знаете, зачем я пришла. Отдайте мне это!

Долматов нашел в себе силы усмехнуться.

– Я же сказал, что этого здесь нет, – сказал он.

Охотница устала свой взгляд в пространство.

– Тогда вы скажите мне, где это, капитан, – бросила она. – Прекратите хабряться. Я понимаю, что вы сможете вынести любые физические страдания, но вы не готовы жертвовать жизнями других. Не стоит превращать обычную сделку в мучения для людей. Уже одно наше с вами присутствие сделало их обреченными.

– Ваше! – парировал Долматов. – Я пытался принести этим людям мир. А вы принесли войну и террор.

Охотница нетерпеливо качнула головой.

– Ах! «Как может разговор так быстро стать нудным?» – манерно протянула она. – Ради чего вы упорствуете, капитан? Монархии, которой вы служили, более нет. Необязательно умирать вместе с ней. Мне нужен только медальон, отдайте его мне.

Долматов слабо улыбнулся.

– Её медальон умер, – сказал он, – как и она сама. То, что вы ищете, никогда не найдет тот, кто одержим властью и страхом, как вам подобные. Лишь человек бескорыстный способен отыскать путь. Тот, над кем вы не имеете власти.

Охотница устремила на Долматова взгляд полный презре-

ния и самодовольства.

– Тогда никто его не найдет, – сказала она, – ибо на этой планете нет более человека не в нашей власти. Мы те, кто установим новый порядок.

Долматов слабо улыбнулся.

– Заблуждаетесь, – сказал он. – Пока у человека есть надежда, всегда найдутся те, кто бросит вам вызов. Потому что всегда будет та, кто следует вере и благочестию.

Охотница хищно улыбнулась.

– Возможно, – сказала она, – но вы об этом уже не узнаете!

Хлесткий удар рассек плоть, оросив красным землю. Разговор был закончен.

Комиссар Лаксис, до этого сохранявший ледяное спокойствие, неприязненно отпрянул.

– Э-э-э, какие ваши дальнейшие приказания? – пробормотал он.

Охотница хмыкнула.

– Остальные мне неинтересны, – сказала она. – Убейте!

– Как пожелаете, миледи, – кивнул Лаксис.

Один взмах его руки и красногвардейцы выстроились в шеренгу и вскинули винтовки.

– Огонь! – скомандовал комиссар.

Раздался грохот выстрелов, смешанный с криками. Мужчины пытались защитить женщин. Женщины старались закрыть детям глаза. Это не было жестокостью со стороны «красных», это было их естественным состоянием. Квинт-

эссенцией тех идей, которыми они руководствовались. Убивать, и как можно больше. Зачистка заняла не дольше минуты. Тех, кто еще продолжал шевелиться, после того как ружейные залпы стихли, добили штыками.

Охотница подошла к одному из офицеров, дергавшегося в агонии, и с силой надавила ногой на его рану.

– Кому вы передали медальон?! – прорычала она. – Он на «Барсе»? Отвечай мне!

В ответ послышался задавленный хрип.

– Теперь далеко отсюда... – проговорил офицер. – Далекот от таких как ты!

Усилием воли он сумел плюнуть в неё раньше, чем Лакцис вышиб ему мозги из своего маузера.

Охотница брезгливо смахнула кровь с манжета куртки.

– Обыщите этот поганый городишко! – сказала она. – Если надо сожгите его дотла. Мне нужна эта лодка.

– Будет так, как вы укажете, миледи, – пробормотал Лакцис.

В всесии Организации не должно быть сомнения. Другого не дано.

* * *

«Барс» и к плаванию то не был готов, чего уж говорить о возможном сражении. Но приказ капитана был ясен: убираться отсюда как можно скорее. Дав приказ готовить отплы-

тие, старший помощник Александр Николаевич Верховский сам выбрался на палубу и жестам указывал друзьям и незнакомцам, ищущим пути к спасению, забираться в лодку.

Ему на руки рухнул мальчишка лет двенадцати – юнга. Его лицо было обожжено и почернело. Но, к радости Верховского, он был жив.

– Вот, – выдохнул мальчик, протягивая какой-то круглый предмет, обмотанный шелковым шарфом. – Капитан приказал передать и спрятать на лодке. Он сказал, что вы знаете, а ещё сказал, чтобы вы немедленно уходили.

Верховский не нашелся что возразить. Убедившись, что мальчишка скрылся в лодке, он повернулся спиной к пылающему городу и направился в капитанскую рубку. Он не хотел уходить, но позволил себе отпустить привязанности. В этом пылающем городе догорало всё то, что он любил и за что сражался, и всё то, что он не сумел спасти. По справедливости, и ему надобно было здесь сгореть, но он должен был выполнить последний приказ капитана.

– Срочное погружение! – скомандовал он. – Не забудьте удостовериться, что все люки задраены и проверьте спасательные аппараты.

Он раздавал приказы, как на учениях. Но он не мог иначе. От него сейчас зависели жизни людей, а по пятам шла погоня. Для личных терзаний и интеллигентского самоедства времени не было.

Добравшись до капитанской каюты, он устало опустился на кресло и его взгляд упал на фотографический снимок девушки изящной и круглолицей с копной темно-русых волос. Он прекрасно помнил её, вежливую и интеллигентную. Такую юную и прекрасную. Он, естественно, был в неё влюблен, как и все младшие офицеры. А теперь она лежит в холодной сырой яме в Екатеринграде убитая. Такого не должно было произойти. И всё же произошло. Всё, что здесь произошло, предупреждение, на что способен человек, если довести его до скотского состояния. Это и было целью Организации.

Верховский вертел в руках предмет. Размотал шарф. На ладонь упал золотой медальон на цепочке с бабочкой и вставленными двумя изумрудами. Всё, что от неё осталось. Груба жизнь!

– Ваше благородие! – раздался голос.

Верховский обернулся. Перед ним стоял мальчишка-юнга. Его детское лицо выражало крайнее нетерпение.

– Предмет, который мы получили, – спросил юнга, – что

это?

Верховский улыбнулся. Не своим мыслям, а взгляду мальчика, который очень гордился порученным ему важным заданием. Ради таких мальчиков и девочек нужно жить дальше и бороться.

– То, что мы должны хранить, – сказал Верховский, потрепав мальчика по затылку, – надежда на будущее.

Мальчик ему поверил.

Глава I. Скрытые мотивы

*Во всем есть своя мораль, нужно только уметь
ее найти!*

Льюис Кэрролл

Текущий день

Перед ней проносились картины, которые её разум поглощал, как песок поглощает воду, с такой же скоростью, с какой снег тает в руке. Эти картины и были похожи на снег... Такие спокойные, безмятежные. Это была жизнь, о которой она всегда мечтала. Большой парк с широкими прудами и изящными извилистыми дорожками. Там были её родители, сестры, младший брат. Она знала, что они все были там. Ей хотелось, чтобы так было всегда. Так должно было быть. Тепло, любовь, смех и покой. Кто-то смеялся. Она видела эти добрые улыбки, смешные беседы. Она присмотрелась внимательнее. Мама улыбалась ей. Она была уверена, что ее ждет радостная и веселая жизнь.

Внезапно картины стали трансформироваться. Она неожиданно испугалась. Фигуры стали серыми и зыбкими их лица казались перекошенными от боли и тревоги и прозрачными, как из стекла. Она хотела подбежать к родителям,

но обнаружила, что не может сделать ни шагу. Она не могла даже дышать. Всё вокруг, весь её мир сжался в один горячий комок боли. Из этого комка соткались другие фигуры. Одиннадцать фигур с дикими ненавидящими всё и вся лицами, лицами, как будто бы поднявшимися из Ада. Она пыталась протянуть руки к матери. Раздался грохот. Фигура матери раскололась на множество осколков. Она слышала, как осколки падают на пол вместе с винтовочными гильзами. Она закричала: «Не надо!» Но звука ее голоса все рассыпалось в мелкое блестящее крошево...

Яркий белый свет. Она кричала. Она видела людей в длинных белых халатах и прозрачных масках. В их руках были длинные металлические шприцы. Её кололи этими шприцами. Она кричала...

Анна проснулась. Она обнаружила, что лежит в поту на своей кровати. Ее дыхание было сбитым, и попытка его восстановить не принесла ощутимых результатов.

– Ах, этот сон! – пробормотала она. – Ах, опять этот сон!

Девушка с трудом оторвала голову от подушки и села на кровать. В широкое окно ярко светила луна, по стеклам бил дождь.

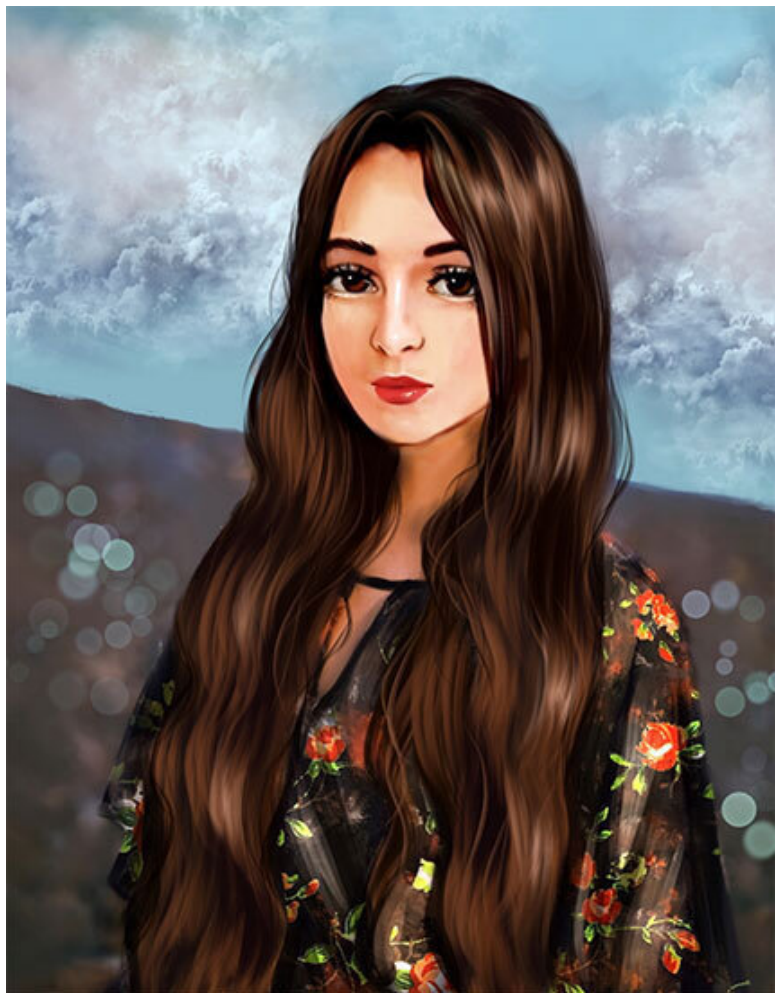
– Что же означает этот сон?

В свои семнадцать лет она не знала о себе ничего. Однажды она проснулась в больнице и узнала, что семнадцать лет была в коме. Ей так сказали врачи. Они же ей сказали, что её родители погибли в автокатастрофе. Всё, что у неё было, –

ЭТОТ СОН.

Анна Станиславовна Щербатова была привлекательной девушкой с тонким лицом, карими глазами и длинными каштановыми волосами. В ней всё было хорошо. Кроме одного. С ней всегда случались странные вещи и начали они случаться именно с того самого момента, как она пришла в себя после комы. Она, например, не только не ходила в университет, но даже в общеобразовательную школу... но, не имея и подобия принятого образования, она знала четыре иностранных языка, а также историю, географию и философию, притом на таком уровне, о котором мог бы мечтать любой выпускник университета. Однажды в довольно большой библиотеке, оставшейся от родителей, ей попался на глаза «Собор Парижской Богоматери» – когда-то первый исторический роман на французском языке, вышедший из-под пера романиста Виктора Мари Гюго и прославивший некогда запустелый собор, сделав его центром паломничества всего мира. Она стала читать эту книгу, погружаясь в описание Парижа времен короля Людовика XI и всей той эпохи, показанной довольно субъективно, исключительно с точки зрения революционного моралиста, который, впрочем, был достаточно талантлив, чтобы превратить «сюжет для небольшого рассказа» в монументальную эпопею о страстях человеческих. И вот, дойдя до причудливой игры слов в четвертой главе, связанной с поговоркой «margaritas ante porcos» и именем Marguerite, касательно приезда принцессы Марга-

риты Фландрской и её брака с французским дофином, только тут, девушка сообразила, что читает она совершенно по-французски и книга была на языке оригинала.

Её очень поразило тогда это событие, и она прочитала ещё несколько глав, а позже дочитала и до конца, истинно убедившись, что может читать и даже понимать по-французски. Она даже возвращалась к этому роману несколько раз, словно бы книга была какой-то особой с точки зрения понимания языка, но когда она купила в магазине «La Peau de Chagrin» Оноре де Бальзака, то, прочтя этот роман, о пороках и искушениях, поняла, что Гюго ничем в плане понимания не отличается, наоборот, даже возможно сложнее, с более витиеватыми оборотами и описательными моментами.

И сколько бы и кого бы Анна ни спрашивала о таком странном феномене, какие бы она книги не читала, она не могла найти ничего, чтобы ей помогло разобраться в себе. А главное – она ничего не помнила из своего детства. Вообще ничего. Не помнила ни родителей, ни того, что они погибли в автокатастрофе, ни самой автокатастрофы... Она только помнила яркий свет, как будто от тысячи фонарей.

Иногда, размышляя о себе, она часто представляла тот момент, когда к ней придет какой-нибудь родственник, обрадуется тому, что она жива и здорова, но никто не приходил. Она была одна. Одна уже много лет.

Жила девушка в приморском курорте Ольвия – неофициальной южной столице Понтийской директории, дивном городе, прославившимся своей архитектурой, – словно застывшем в пиратских романах и даже в нынешние странные времена поражающем своей фривольностью. Платаны и кашта-

ны, словно впитавшие в себя аромат тихого XIX века и одаривающие прохожих этим ароматом. Именно здесь был её дом – старинная деревянная дача, оставшаяся от родителей вместе с небольшим, но солидным капиталом, благодаря которому девушка могла не беспокоиться о хлебе насущном, особенно в это беспокойное время.

Надо сказать, что у Анны был ещё один талант, так же бывший всегда при ней. Девушка виртуозно играла на скрипке. Она часто устраивала на своей даче светские вечера, где собирались абсолютно разные люди от писателей и артистов, до бизнесменов и политиков. В каком-то смысле весь цвет Директории, бежавший от войны на севере. Впрочем, не стоит полагать, что Анна это делала ради того, чтобы потешить свое самолюбие. Таким нетривиальным способом она стала бороться с одиночеством, которое разъедало её. Но кто бы к ней ни приезжал на эти вечера никого из этих людей, она не могла назвать своими друзьями. Она была одна в мире и искренне полагала, что так будет всегда...

А жить, надо сказать, в ту пору было довольно непросто. Мир раздирали финансовый кризис, вызванный бушевавшим долгое время смертоносным вирусом VOC-1, уже названным «Чумой постмодерна», от которого никак не могли найти вакцину. В Понтии уже пять лет шла гражданская война между севером и югом страны, которая, по сути, давно превратилась в войну между Понтией и соседней Великоруссией, объявившей северные области своим протекторатом.

Кто за что воевал? Никому это не было понятно. Слышалось только кругом страшное слово «сепаратисты» и «Великорусская агрессия». Для граждан Директории эти слова стали синонимом абсолютного зла, ведь Великоруссия хотела лишиться Понтию её достояния, самобытности и вернуть к власти олигархов, скинутых с пьедестала власти патриотическими силами в ходе подавления олигархической революции пятилетней давности. В общем и целом, уничтожить всё, что создавала Директория последние пять лет. Война эта самая, ещё прежде всякого вируса, расколола до сей поры тихую Европу на два лагеря. Сторонники порядка и спокойствия, преимущественно старшее поколение поддерживало Директорию и в тайне мечтало о таких порядках в собственных странах, тогда как склонная к бунтарству молодежь – самопровозглашенную республику Балторуссию, воспевая в ней всё, что воображает себе юноша или девушка, шествующие в майке с портретом Че Гевары.

Многие же выбирали третий путь. Никого не поддерживая, они бежали от странной войны. Кто подальше на Восток, кто подальше – на Запад. И вот те, которые бежали, от них Мир полнился слухами о совсем уж диковинных вещах. О некой зловещей Организации, которая когда-то была побеждена, однако теперь воспряла вновь. И якобы цель этой Организации – мировой хаос. Немногие отваживались произносить её аббревиатуру – S.I.G.M.A., да и то шепотом, постоянно озираясь, словно бы эта самая Организация мог-

ла слышать каждое их слово. Хотя эти немногие смельчаки именно оно и говорили, что Организация всепроникающа, что в каждой стране и каждом городе, да что там городе, по всей Планете у них есть глаза и уши! Ещё ходили слухи о связанных с этой Организацией существах уж совсем зловещих и неназываемых.

Большинство обывателей-то, конечно, не брало многое из этого в расчет, но и отмахиваться от всякого беспокойного и нестабильного становилось труднее, и даже самые ярые скептики осторожно принимались к напряженной атмосфере тягостного ожидания чего-то грозного.

Смутные были времена.

Несколькими месяцами ранее

Самолет мчался над Понтийскими равнинами. Он летел, из столицы Борисфена, в сторону подконтрольной Директории жемайтской губернии – анклава, за который в настоящий момент шли упорные бои с армией Северян. Промелькнула гладь стального моря. После этого воцарилась полная и глухая темнота голубых лесов, и она длилась до тех самых пор, пока летательный аппарат не пошел на снижение возле города Сауле.

Сидевший в салоне Сергей Александрович Адашев был прямым и неподвижным, как будто в него просунули палку. Его лицо было непроницаемым и напоминало голову хищ-

ной птицы, а большая непропорциональная голова покоилась на сжатых в кулаки руках, которые он поставил в подлокотники кресла. Коричневые глаза с прищуром под широким гладким лбом и тонкими бровями смотрели перед собой с равнодушным спокойствием.

Адашев знал древнюю, избитую истину любой войны: даже идеально спланированная операция может потерпеть крах, поэтому он не тешил себя мыслью, что его план будет блестяще выполнен и именно эта осторожность двигала преобразование его плана вперед. Он не верил в легкие победы. Он вообще не привык верить, вера была для него ненужным излишеством. Он слишком хорошо знал, как манипулировать истинно верующими, если ты из тех, кто не верит ни во что и ни в кого, кроме самих себя. Нет он не отрицал веру, он, наоборот, упивался всем этим. Ему нравилось угодничество и подхалимство простого люда, который был готов отдать жизнь за свои идеалы, потому что этим можно было управлять и это можно было направлять в правильное для них русло. Такая уж натура у народа верить во все, что им скажут. А если человек слишком верит, значит, он лишен врожденного чувства субординации и порядка. Неслучайно любой тоталитарный режим с самого его момента становления стирает в человеке любую память о Боге. Поэтому надо научить людей этому порядку, а не пожелавших принять этот порядок призвать к ответу за их заблуждения и перед смертью подарить им шанс на просветление, а тех, кто и тогда

не пожелает принять этот порядок, лишить жизни страшно и мучительно, чтобы следующая очередь видела, что бывает с теми, кто отказывается от принятия порядка и контроля.

Самолет чуть подпрыгнул при посадке и покатился по посадочной полосе к месту своей стоянки. Как только он остановился, Адашев энергично соскочил с него и направился к ожидавшей его черной тонированной машине. Генерал опустился на заднее сиденье, а стоящий рядом с автомобилем мужчина в штатском поспешно вскочил на место водителя. Дверцы захлопнулись, и машина сорвалась с места.

Ехали они недолго, минут пятнадцать. Пока не остановились перед старинным замком, сохранившимся здесь ещё со времен польского владычества над этими землями.

Не говоря ни слова шоферу, Адашев вылез из машины и отряхнув помятый костюм направился ко входу. Здесь его встречали два крепких парня в черном с автоматами наперевес, один из которых открыл ему дверь.

Вас ожидают, – было сказано ему.

Пройдя сквозь дверь, Адашев попал в просторный, но тускло освещенный холл, каменный пол которого был покрыт толстым и прекрасно выделанным ковром. На стенах вестибюля, висели несколько выцветших портретов людей, которые в свое время были, очевидно, владельцами замка. Пройдя вестибюль, Адашев на миг затормозил, словно бы раздумывая входить ему или нет, затем повернул тяжелую латунную ручку.

Он попал в большую комнату, точные размеры которой определить было невозможно опять-таки из-за тусклого освещения. Стены в этой комнате были обшиты дубовыми панелями. На одной стене висела большая картина с библейским ветхозаветным сюжетом, на другой висели часы, на полу, как и в холле, лежал ковер светло бежевого цвета, с потолка свисала большая чугунная люстра. Посередине комнаты стоял большой кожаный диван, а перед диваном – маленький стеклянный журнальный столик, на котором валялось множество книг и журналов. Взгляд Адашева был обра-

щен к дальней стене, перед которой стоял мощный деревянный стол со старинным чернильным прибором и стоящим на стеклянной поверхности стола небольшом аквариуме, в котором игрались две ящерицы средних размеров.

– Какая причудливая сцена! – раздался голос. – Эти две ящерицы сцепились из-за добычи. Они дерутся, кусаются, всячески пытаются продемонстрировать друг другу свое превосходство. Но есть ещё одна третья ящерица. Она не участвует в драке, она только наблюдает. Она дает драться другим и терпеливо ждет пока её соперницы измотают друг друга и не смогут сопротивляться, и вот тогда она, как S.I.G.M.A., нападает, наносит удар и сжирает своих соперниц и их добычу.

Нельзя было определить был ли говоривший в комнате или где-то ином месте. Самого говорившего видно не было. Слышен был только его голос эхом, распространявшийся в пространстве.

Губы Адашева тронула почти невесомая улыбка.

– Весьма интересное сравнение, Координатор, – согласился он.

– Практическое, – отозвался голос. – Вся природа живет непосредственно по законам практики, и наша организация работает не интереса ради, генерал. Поэтому я надеюсь, что ваши усилия оправдают возложенные на них затраты.

Адашев коротко кивнул.

– Так и будет, – сказал он. – Согласно вашим инструкциям

я и доктор Аристов провели серию опытов над объектом.

– И результаты? – поинтересовался Координатор.

– Выше всяких ожиданий! – раздался ещё один голос и из тени на тусклый свет вышел презентабельный мужчина лет шестидесяти в двубортном сером костюме. – Объект полностью готов к работе.

В пространстве раздалось одобрительное хмыканье.

– Как продвигаются дела с форматированием её памяти? – спросил голос Координатора. – Мы должны получить информацию о медальоне как можно скорее.

Доктор замялся.

– Это продвигается не так быстро, как хотелось бы, – сказал он. – Девочка начинает что-то вспоминать, но пока её мучают лишь видения о её прошлом.

Голос снова хмыкнул. Флегматично на этот раз.

– Это интересно! – заметил Координатор. – Значит, её организм отвергает форматирование памяти. Вы утверждали, что форматированию можно подвергнуть любого человека.

Аристов потупил взгляд.

– В этом случае мне приходится признать, что воспоминания человека неотделимы друг от друга, – сказал доктор, – иными словами, я не могу отделить одно воспоминание и удалить остальные.

– Довольно неприятная новость, – согласился Координатор. – Ваша недалёковидность похожа на провал и тем не менее вы убеждены, что именно ваш план сработает.

– Тем не менее, – сказал Аристов, – как я уже говорил, у нас нет иного плана, кроме как извлечь информацию из её памяти. Просто для этого нужно время.

Адашев выступил чуть вперед.

– Возможно мы бы могли обсудить иной план, – сказал он. – У меня нет сомнений, что тайна медальона кроется в её памяти, я в этом убежден, но в то же время я полагаю, что нужно активизировать её память, позволить ей узнать, кто она, естественно под нашим контролем.

Аристов демонстративно фыркнул.

– При всём уважении к вам, генерал, – сказал он без тени уважения, – я не представляю для чего это нужно.

Адашев мягко улыбнулся.

– Мы должны позволить ей сбежать, – произнес он, – сделав это, она обязательно попытается узнать что-то о себе. Доктор говорит, что её видения – это её слабости, но мы знаем, что слабости человека всегда можно превратить в оружие в умелых руках.

– Это создаст ненужное внимание к моему плану, – проворчал Аристов.

– Вашему плану? – иронично выдохнул Координатор. – Та-а-ак...

Лицо доктора побледнело. Его взгляд упал на застывшую в углу комнаты охотницу. Впрочем, его испуг был чисто инстинктивным.

– Любой мой план идет на благо Организации, – попытал-

ся выкрутится Аристов.

– Никто не утверждает обратного, – сказал Координатор, – однако в ваших планах существует заминка, которая может помешать нашим планам, поэтому я бы послушал план генерала Адашева.

Адашев улыбнулся.

– Доктор абсолютно прав в своих подозрениях, – сказал он, – именно это я и хочу сделать. Привлечь к нашему плану дополнительное внимание. Наш вирус уже косит людей без отбора, любая надежда получить вакцину от него приведет механизм нашего плана в движение. Я уже нашел человека, используя которого мы сможем захватить медальон. Она честная, справедливая и сентиментальная. Только человек с такими качествами способен разгадать загадку, оставленную нам капитаном Долматовым.

– Звучит многообещающе, – заявил Координатор. – Генерал, вы уверены, что ваша стратегия безупречна?

Адашев повертел в руках папиросу. Закурил.

– Абсолютно, – сказал он, – потому что я лично просчитал все возможные контрмеры.

Голос в экране хмыкнул.

– Ваш оптимизм похвален, генерал. Что вы намерены сделать для реализации?

Адашев почтительно кивнул.

– Я уже связался с одним из наших людей в Великоруссии, – сказал генерал, – он приведет план в действие. Также

я планирую организовать утечку информации о вакцине, используя войска северян. Их тяга создать общечеловеческое благо непременно вовлечет их в нашу ловушку, ведь там есть человек, который очень заинтересуется участием нашей организации в распространении вируса – леди «Арнис». Мы ведь так долго ждали возможность отомстить ей. Осознание ею собственной беспомощности, когда она поймет, что не сможет остановить вирус станет для неё идеальным наказанием.

– Что же, – отозвался Координатор, – ваш план хорош и ради вашей собственной безопасности вам следует его выполнить. А что касается леди «Арнис» – пусть её смерть будет особенно унижительной и мучительной.

Адашев кивнул.

– Хорошо, – сказал он, послав ухмылку Аристову, – тогда я сегодня же приступлю к исполнению своего плана. Неудачи не будет. Заверяю вас.

Их не отпустили.

– До сего момента, – сказал Координатор, – мы были небрежны и потому не позволяли препятствовать удаче и случаю, которые способствовали срыву исполнения даже наилучших наших планов. Будьте осторожны и бережливы в выборе средств. Мои охотницы помогут вам в этом.

Аристов и Адашев переглянулись. У них был единодушный протест против данного поворота событий. Впрочем, ни тот, ни другой не были достаточно смелы, чтобы говорить об

этом открыто.

* * *

Из глубины памяти донесся теплый и родной голос. Кто-то звал её.

Она была уверена, что знает этот голос. Голос воздействовал на те части её сознания, которые были выключены или которых просто никогда не было. Возможно, что эти части сознания были сами выдуманы ею. Впрочем, вряд ли, ведь она старалась избегать глубоких размышлений и воспоминаний, её так учили. Но они упрямо продолжали лезть в голову.

– Анна, – мягко произнес голос.

Знакомое имя. Оно отозвалось в мыслях словно эхо из прошлого. Вот только чьего прошлого. Она не знала было ли это прошлое её или это только бесформенный сон.

Долгие периоды изоляции, которой время от времени подвергали её, преподносили её настроение в самых разных тонах. Иногда она чувствовала апатию иногда эйфорию, иногда всё это вместе. Она была уверена, что кто-то специально проверяет разные аспекты её поведения.

Сколь долго была она в таком состоянии неизвестно. Иногда ей казалось, что всю жизнь, а иногда, что она была раньше кем-то другим и совершенно не здесь, а здесь только возродилась. Но кем она была и даже как её звали, она не пом-

нила. Всё, что у неё было, – это её видения. Ей отчаянно хотелось сбежать из этого места и узнать другой мир. Тот мир, который был за окном бронированного стекла её изолятора. Она знала, что какой-то мир там есть, хотя видеть могла только небо и иногда солнце, а ещё она слышала шум моря. Бурного, как она представляла, и своенравного. Иногда пролетала чайка. Вот такой была её жизнь и очевидно ей предстояло провести так её всю. Держали её волю, её видения, которые показывали, что у неё была другая жизнь. Она усиленно держала их в памяти, ведь знала, что только они помогут ей установить контроль над собственной судьбой.

Нельзя сказать, что она никогда не покидала стены своей «обители». Периодически её куда-то вывозили. Но помнила она только мгновения выхода из изолятора и коридор с множеством стеклянных боксов, в которых можно было видеть людей, таких как она. Но что это за люди она не знала. Она только могла видеть, что они разные. В боксах были мужчины, женщины, дети. Люди были самых разных возрастов. Один раз её любопытство взяло верх, и она спросила у сопровождавшего её человека, которого она знала, как доктор:

– Кто эти люди?

– Особенности, – последовал ответ, – здесь все особенные.

Она тогда поняла, что очевидно, тоже особенная. Но почему? В чём её особенность? Она не знала этого и никто в целом мире не мог ей этого сказать. Она усиленно пыталась запомнить хоть что-то кроме коридора и людей в боксах, но у

неё это не получалось, потому что, как только коридор заканчивался, она отключалась, приходя в себя уже только вновь в изоляторе. Правда, иногда в памяти всплывали какие-то обрывки, особенно часто это были звуки скрипичной музыки, потрескивающий камин и шахматы, но относилось ли это к ней, она тоже не могла сказать. Возможно, это были просто кошмары, которые часто одолевали её сознание по ночам. Особенно один она помнила до мельчайших подробностей.

Она пыталась найти баланс в собственном сознании, но сделать этого не получалось.

Яркий свет ударил в стеклянный купол над ней и быстро исчез. Звука не было. Но она знала, что это пролетел вертолёт. А значит скоро у неё будут посетители. Она не могла видеть, но как будто чувствовала суету вокруг. Снующих туда-сюда солдат, отдававших друг другу приказы, шипение пневматических дверей. Словно бы огромный организм очнулся ото сна.

Она слышала, как к входной панели её комнаты подходят несколько тяжелых ног в военных ботинках, и более легкие и изящные каблуки дорогих мужских туфель.

В глаза больно ударил электрический свет. Доктор стоял перед ней в сопровождении двух солдат. Она никогда не видела его лица и не слышала настоящего голоса. Он стоял в свете лампы, так что она могла видеть только его остроносые ботинки.

– Твоими результатами очень довольны, – сказал доктор.

Они весьма впечатляют, однако ты до сих пор не можешь сформировать свою память и это плохо.

– Память... – эхом повторила девушка.

Внезапно её лицо поморщилось, и она стала отчаянно вертеть головой из стороны в сторону.

– Нет, нет! – закричала девушка. – Не надо! Не надо стрелять, пожалуйста!

Она упала на колени, тяжело отдыхаясь.

– Тебя до сих пор мучают видения, – констатировал доктор.

При слове «видения» девушка поморщилась.

– Да, – коротко сказала она, отрицать не было смысла. Кошмары и видения – это нарушение сна, а значит, датчики, закрепленные на ней, передадут это в систему.

Доктор флегматично хмыкнул.

– Расскажи мне свои ведения, – глухо попросил он.

Она не знала, с чего ей начать. Все эти дни, что она провела в заточении в изоляторе, она подвергалась видениям и галлюцинациям. Странные ощущения, мимолетные прикосновения и голоса, что звали её. Она пыталась как-то сложить их вместе, но это не получалось и причиняло ей только дополнительную ментальную боль.

– Иногда я вижу большой парк, – сказала девушка, – чувствую запах травы, деревьев. Мужчину и женщину, маленького мальчика, но я не могу понять, какое я имею к ним отношение, а ещё я вижу подвал, шахту и лица. Страшные ли-

ца. Лица палачей. Вы знаете, что это?

Доктор покачал головой.

– Это ненужные воспоминания! – сказал он. – Воспоминания мертвой! Побочный эффект. Они исчезнут, если ты научишься сама формировать свои воспоминания.

– А что, если нет? – спросила девушка.

Доктор пожал плечами.

– Тогда ты станешь бесполезна для меня, – сказал он.

Это было произнесено впервые. Хотя девушка каким-то чувством догадывалась, что этим всё и кончится. И всё же такая прямота, что она будет уничтожена, как отбракованный материал. Это вдруг заставило собраться её мыслям в кучу.

– Запомни, – продолжал доктор, – эмоции сделали человека слабым. Ты должна научиться избавляться от эмоций. Ты должна уничтожить всё то, что Она имела и возненавидеть всё то, что Она любила. Только тогда твои эмоции исчезнут. Попробуй, теперь.

Доктор достал из кармана небольшой портативный пульт и нажал на кнопку. В воздухе возникла длинная зыбкая фигура женщины средних лет.

Девушка посмотрела на фигуру и снова схватилась за голову. Её сильно трясло. Она кричала, кричала и ещё раз кричала. Кричала, чтобы не стреляли, кричала, чтобы её отпустили. Но образ женщины не исчезал.

– Избавься от видений! – сказал доктор. – Уничтожь их!

В руке у девушки оказался небольшой изогнутый кинжал.

– Хорошо, – мягко сказал доктор, – давай, сделай это.

Девушка медленно пошла в сторону фигуры, держа руку с кинжалом вытянутой вперед.

Она подошла ближе. Ещё ближе. Занесла руку для удара.

– Аня, нет! – раздался крик. – Не надо!

Откуда был этот крик? Словно бы тоже из снов.

Девушка замерла и снова сжала голову руками.

– Прикончи её! – крикнул доктор.

– Я не могу!.. – простонала девушка, упав на колени. – Не могу...

Доктор сделал жест охране. Солдат взвел автомат и выстрелил в фигуру. Женщина упала.

Девушка бросилась к упавшей фигуре, однако, как только она хотела до неё дотронуться, фигура исчезла.

Доктор убрал пульт в карман, откуда ранее его достал.

– Этого я и опасался, – холодно сказал доктор.

Девушка подошла к нему.

– Почему это со мной происходит? – спросила она, её лицо блестело от пота.

Снова глухое хмыканье.

– Процесс не совершенен, – сказал доктор, – то, что ты чувствуешь, – это побочный эффект. Твои предшественницы обычно сходили с ума за пару недель, ты продержалась дольше, и я надеялся, что ты не повторишь их участь, – доктор пожал плечами, – но похоже, что это не так.

Предшественницы, пронеслось в её сознании. Значит, не одна она такая. Сколько их было? И для чего был весь этот процесс? Её хотели ослабить, заставить чувствовать свою беспомощность. Её хотели превратить в оружие. Возможно, что убийство той женщины только готовилось и именно она должна убить её. Она не может позволить этому случиться. Она должна разобраться. Понять, что эти люди из видений значат для неё.

Её разум внезапно прояснился. Она вспомнила, что она жила на даче, что она была скрипачкой. С неё как будто спала пелена и он с новым пониманием уставилась на доктора перед собой.

– Что со мной будет? – спросила она.

Доктор покачал головой.

– Я боюсь, что у меня нет выбора.

«А у меня есть» – решила девушка. Чем бы здесь не занимались, об этом нужно рассказать. Она больше не будет слушать этого странного доктора. Как его зовут, она забыла его имя?

Внезапно девушка встрепенулась и всем корпусом навалилась на доктора, сбив его с ног, затем она вырвала из рук опешившего охранника пистолет и ринулась к выходу.

* * *

Она бежала по сизому в ночной дымке лесу, мимо чуть зе-

ленеющих деревьев, которые создавали ложное чувство безопасности. Она бежала, бежала не останавливаясь, несмотря на то что её ноги утопали в жидкой грязи несмотря на то, что колючие ветки царапали её лицо и руки. Несколько раз она падала, затем поднималась вновь.

За ней тоже бежали, её преследовали. Несколько ярких круглых огней яростно ощупывали лес, словно бы прорезая его насквозь. Эти огни искали её.

Девушка снова упала, и жгучая боль пронзила её сознание. Она почувствовала безжизненную пустоту под ногами и стала проваливаться в мутную вязкую жижу. Девушка отчаянно стала махать руками, стараясь за что-то зацепиться. Она нашла руками ветку и, тяжело дыша, стала выкарабкиваться из рва из последних сил, упираясь ногами в квакающую жижу.

С небес доносится рев моторов. Вспыхивают прожектора вертолета. Вертолет кружит над лесом, он тоже ищет её. Преследователи всё ближе.

Это уже было с ней раньше, она знала, что её уже преследовали, её уже убивали, один раз она спаслась, она знала это, она и сейчас спасется.

И из этого ощущения, ощущения неопишуемой боли, пропал страх и возникло жаркое пламя гнева.

Она бежала, бежала, что есть сил. Внезапно она увидела спасение – черная машина с тонированными стеклами. Она была свободной, она спаслась.

Дверца автомобиля открылась и из него вышел мужчина в военной форме. В его руках был пистолет. Ничего более девушка не помнила.

* * *

Адашев спокойным и размеренным шагом подошел к тому месту, где лежала девушка, её лицо казалось мирным и одухотворенным. Генерал проверил пульс. Всё было в порядке.

Послышался шум и возня. Это приближался Аристов в сопровождении охраны.

– У вас проблемы? – язвительно поинтересовался Адашев. – Должно быть, вы несколько переборщили с психологическим воздействием.

– Ерунда! – фыркнул Аристов. – Всё было в рамках допустимого. Я говорил, что процесс несовершенен. Я пробую разные раздражители.

– На мой взгляд её попытка побега осложняет ситуацию, – заметил Адашев, – я хочу ускорить операцию на месяц.

Аристов пожал плечами.

– Не вижу препятствий, – сказал доктор.

Адашев нахмурил брови.

– А она? – спросил генерал, указывая жестом бровей в сторону девушки.

Аристов равнодушно хмыкнул.

– Она мне более не нужна, – флегматично бросил доктор, – держать её лишнюю неделю или две – непозволительная роскошь. Впрочем, вы же этого и добивались, генерал.

– Тогда будем действовать, – сказал Адашев, – отпустим нашу птичку в свободный полет.

Аристов хищно улыбнулся в ответ. Что же, всё шло согласно плану. Девочку спровоцировали – теперь она будет искать и найдет, и тогда он заберет это у неё. Он не признавал никогда правоту других, но план Адашева следует признать дельным. По крайней мере на первом этапе ему можно следовать. А потом? Аристов усмехнулся. Потом план может и претерпеть какие-то изменения. Импровизация мышления отличает гения от посредственностей. Себя он относил к гениям.

Текущий день

Война... война не меняется...

С самой зари человечества, когда наши предки взяли в руки камни и палки, кровь лилась рекой во имя чего угодно – от Бога и справедливости до банальной ярости психопатов. С этим описанием, пожалуй, можно согласится. Только следовало бы добавить, что самая страшная из войн есть война

гражданская, когда брат с оружием в руках идет на брата, сын идет на отца, а отец на сына, когда ещё вчера лучшие друзья, сегодня они уже страшные враги, готовые за свои убеждения перегрызть друг другу горло. Вот такая вот война и длилась уже больше пяти лет на территории когда-то процветавшей Понтийской республики.

Да, Понтия полыхала в огне гражданской войны. Дневной свет, который проливалось на планету солнце ранней весны, пропал, поглощаемый клочьями маслянистого дыма, зелёными облаками удушливого газа и поднимающимися к небу комьями земли. С неба дождём рушились обломки, обращаясь в полёте в длинные перепутанные ленты. На голубом фоне оставалась едва заметная белая дымка.

Посмотри на это зрелище мили за три четыре случайный путник, он нашел бы зрелище прекрасным, достойным кисти Франца Рубо или Василия Верещагина.

Вблизи бой выглядел по-иному.

Бой вблизи – шквал смятение и паника, свист снарядов и пуль, разрывающихся возле твоего окопа; стрекот пулемета вблизи кабины твоего БМП, в башне которого звенит сломанный мегафон.

Прямые попадания снарядов, от которых дрожит твой блиндаж, и погибают те, с кем ты еще совсем недавно делил солдатский паек, травил байки, мечтал о мирной жизни. А теперь он лежит убитый и ты не понимаешь, как это могло произойти. Как ещё секунду назад человек был жив, а теперь

от него осталась только пустая оболочка? И от тебя, быть может, через секунду останется такая же оболочка и также кто-то другой такой же как ты будет стоять над твоим телом и удивляться.

Бой вблизи – отчаяние и ужас. Сжигающая внутренности уверенность, что весь мир хочет тебя убить.

Сейчас боя не было. Но эта напряженная тишина для молодой светловолосой девушки была хуже любой артиллерийской канонады, потому что она знала, что эта тишина временная. Временная до тех пор, пока не станет постоянной, а постоянной она станет только тогда, когда будет свергнута Директория. Впрочем, и Директория была лишь фантомом, винтиком в циничной игре, которую затеяла здесь Организация.

Новые краски собственных мыслей всё больше удивляли политического советника председателя мятежной республики, ведь, казалось бы, ещё совсем недавно она была менее идеологизированной девушкой. Ей самой иногда хотелось услышать свой прежний задор и беспечность. Не услышит. Не услышит никогда. Война выжгла из неё остатки её детскости. Глупо не повзрослеть после стольких лет. После всего, что произошло с ней. После всего того, что она узнала. Изящной ладонью девушка погладила круглый опал в своем кольце – свидетель её терзаний, перемен, что произошли с ней. А ещё символ. Символ того, что она понимает, что нужна людям. Символ того, что она должна озарять мир факе-

лом справедливости. Патетичны вы стали, однако, барышня!

Девушка, одетая в жакет-френч, сидела верхом на прекрасном пегом рысаке, и казалось, что они вдвоем единственные существа на всем этом огромном пространстве. Она чувствовала себя нестерпимо одиноко и заброшено.

Опустив бинокль, девушка потрепала коня по загривку и что-то шепнув ему на ухо, шагом повела её назад к полевому лагерю. Она вновь возвращалась со смешанным чувством тоски и спокойствия. После решения ООН о создании буферной демилитаризованной Сожской области, обе армии зарылись в окопах и смотрели друг на друга сквозь прицелы лишь изредка устраивая мелкие стычки, которые, как правило, ничем серьезным не заканчивались, однако при этом ничто не свидетельствовало о каком-то прекращении конфликта.

Легко соскочив с лошади, стараясь не наступать лишний раз на ветки деревьев, полезла в вырытый рядом блиндаж. Она стянула с себя френч, бросив его в угол и устало опустилась на лежанку.

Едва она прилегла, как в блиндаж заглянул молоденький паренек с погонами младшего сержанта, и, густо покраснев, деловито козырнул.

– Леди Арнис! – обратился он к девушке. – Председатель народного совета прислал сообщение. Он просит вас к себе.

Девушка некоторое время созерцала вокруг себя тишину. Значит, сам Председатель народного совета. Вероятно, намечалось нечто грандиозное. Как говорила одна её подруга, степень неприятностей зависит от того, насколько высокого ранга руководитель поручил тебе задание. Впрочем, сама подруга всегда находила себе приключения без какого-либо задания.

Девушка соскочила с лежанки, надела френч и сунула под его полу элегантный клинок очень гармоничных пропорций, в виде вытянутого листа ивы, на котором были выгравирована охранная надпись на латыни. «Сей меч зовётся «Аграсьяда», благородная защита от врагов для благородной леди». Обломок этого клинка она когда-то нашла в пещере на острове Гуанакани. Легенда гласила, что клинок принадлежал confidentке и телохранительнице католической королевы Изабеллы Кастильской, прибывшей к её двору из далекой Московии и ко всему прочему одной из участниц экспедиции Христофора Колумба, чьи корабли католическая королева отправила открывать и христианизировать новые миры на заокраинном западе. И было в легенде сказано, что таинственная Организация тогда боролась с юной и прекрасной королевой, мешая христианскому прогрессу и пропагандируя тоталитарный контроль языческой вседозволенности. Откуда пошла та Организация – то никому не ведомо, но в

легенде было написано, что данным давно в далеком краю молодой девушке Жанне из рода Арк явился архангел и призвал её идти на борьбу с дьявольской человеческой сущностью, которая оккупировала её родину. И была той сущностью таинственная и неизведанная Организация, stravливающая в кровавых войнах христианские народы, разобщая их и устанавливая контроль над ними, заставляя забыть о своей божественной сущности. Так говорила дева Жанна – провозглашая святую веру и христианское благочестие выше гедонического диктата. Девушка возглавила борьбу с Врагом и самоотверженно сражалась с агентами Хаоса. Много написано о её славных подвигах и известно, что наконец Организация объявила охоту на деву-воительницу и убила её с помощью предательства, но не убила идею борьбы за христианское благочестие. Идея Жанны жила и зажигала множество сердец и так случилось, что много лет спустя юная королева Кастилии Изабелла, смелая и остроумная, уже с молодости умевшая плести тончайшие политические кружева, столкнувшись с агентами Организации, узнала об истории Жанны и призвала своих верных людей на битву с этой темной сущностью хаоса, провозгласив «El creencia» – борьбу с языческим хаосом за спасение человека путем воспитания в нем богобоязненности и христианского благочестия. Человек не может быть подконтролен никому кроме триединого Бога и только одного его он должен страшиться в своих деяниях, ибо он должен помнить, что за каждое его действие

или бездействие ему необходимо будет отвечать перед высшим судом.

Так гласила легенда. И предначертано в ней было королевой, что вечным, вплоть до последних времен, будет противостояние людей веры и агентов Организации. И борьба эта будет отражением существующей эпохи и событий, определяющих её.

Ничего этого пять лет назад «Арнис» не знала, когда впервые столкнулась с деструктивной мощью Организации – чья цель была в установлении хаоса, путем политических убийств и точечном уничтожении важных целей. Только спустя несколько лет, изучив Организацию, «Арнис» поняла против кого, она решила идти, но это не отпугнуло её. Ибо сказано было королевой Изабеллой, что против Организации и её карающих охотниц всегда выступит дева-воительница – подобная деве Жанне, благородная своим изяществом, достоинством и сдержанностью. Мудрая, терпеливая и элегантная она бросит вызов Хаосу. И будет у каждой воительницы выбор: подчиниться дьявольской тирании или следовать путями Орлеанской девы-воительницы Жанны – вести людей к христианской гармонии и благочестию.

Более всего из святых Жанна почитала святую Екатерину и однажды небесный голос сказал ей, что в церкви этой святой за алтарем не очень глубоко в земле находится необычный меч. Когда она была в Туре, то послала за ним оружейника и написала тамошним прелатам. Жанна просила, что-

бы святые отцы отправили этот меч ей. Священники церкви нашли в указанном месте заржавленный меч. Но стоило его протереть, как ржавчина сразу и без усилий отошла.

Так Жанна стала обладательницей волшебного меча, о котором никто не знал. Девушка всегда носила его при себе. По всей Франции распространились слухи о чудесном мече после снятия осады с Орлеана. Находка необычного меча имела мистическое значение и была воспринята народом как чудо. Вероятно, в нём таилось нечто необычное или что-то было заключено в физических особенностях этого оружия, раз небесный голос сообщили Жанне о нем.

Это оружие видели соратники Жанны, солдаты её армии и придворные дофина Карла, и множество удивительных подвигов и невероятных событий связано было с этим мечом, но Жанна знала, что ей придется пожертвовать своей жизнью, и в свой последний бой меч не взяла, отправив его своим братьям.

Девушка попала в плен, и рассказывают, что осудившие Жанну допытывались, куда девушка спрятала свой меч, которым она сражалась.

– Сообщите нам о мече, который был найден в церкви Сент-Катрин-де-Фьербуа. Где он теперь?

– Этот меч мне дорог, потому что его нашли в церкви Святой Екатерины, а эту святую я очень люблю, – отвечала Жанна. – То, что случилось с моим мечом, не имеет отношения к делу, и я не буду отвечать на ваши вопросы.

Хитроумные судьи задавали Жанне каверзные вопросы, стараясь обвинить девушку в колдовстве и суеверии, по темному замыслу Организации и требовали сообщить, куда Жанна спрятала свой меч, но девушка им так и не сказала этого, унеся эту тайну на Небо.

Осталось загадкой дальнейшая судьба меча, но в легенде, что читала «Арнис» было сказано, что меч был по старинному обычаю брошен в Луару и много позже явился юной девушке из Московии Василисе Колдыревой – дочери одного из воевод Ивана Великого, которая отправилась ко двору благочестивой королевы просить защиты от новгородских еретиков.

Что же все легенды всегда оправдываются. Как меч оказался в пещере острова и что случилось с его прошлой хозяйкой, это возможно навсегда останется тайной, но «Арнис» дала обломку новую жизнь, восстановив лезвие и заточив его углеродным лазером. Теперь это было её главное оружие, перед которым трепетали агенты Организации, ибо меч этот, нынче способный разрезать даже иной металл, сиял ярче солнца и разил подобно молнии. Хотя сама «Арнис», главным оружием, всё равно считала голову, предпочитая действию мудрый диалог, но когда нужно сражаться, то немногие могли сравниться с ней, ведь много лет она изучала испанское мастерство фехтования – дестрезу, созданную как глубокую философию, дающую человеку гармонию, спокойствие и рациональность в поступках. Гармония, спокойствие, рациональность – они вместе и составляли Ноосферу – информационное поле Земли, связанное со всеми разумными существами, проживающими на планете и хранящее все их мысленные образы. Гармония, спокойствие и рациональность позволяли ощущать Ноосферу вокруг себя, изучать её концепцию, изменять восприятие человека, хотя и не сам ход событий. Ноосферой нельзя было управлять или подчинять её. Ноосферу можно было только постигать. Но и Ноосфера не управляла тобой. Она не была и набором заклинаний с помощью которых можно было передвигать предметы или превращать чайные чашки в крыс. Это было нечто более взаимосвязанное и глубокое, чем можно себе предста-

вить. Что-то неизмеримо высокое и лучшее. Впервые узнав о Ноосфере и соприкоснувшись с ней тогда – во время своего путешествия, того самого во время которого она обрела свой клинок, девушка поразило глубине этого явления и обнаружила незримую, но осязаемую совместимость этой метафизической сферы разума с теми вопросами и проблемами развития человеческой цивилизации, что увлекали её, всю её жизнь. Тогда она вдруг ощутила, что возможно именно эта самая Ноосфера и привела её в тот монастырь, показав смысл происходивших событий в глобальном мире и их взаимосвязанность.

Сержант нетерпеливо стал переминаясь с ноги на ногу. «Арнис» очнулась от созерцательных мыслей и улыбнулась: гармония, спокойствие, рациональность. Тому, кто сочинил эти три максимы никогда не доводилось иметь дело с такими молодыми и горячими сержантами

– Передайте, что скоро буду, – махнула она сержанту.

Несколькими минутами спустя, девушка мчалась на своем рысаче от приграничья к разрушенному артиллерией городу Пинску – ставке военного командования Балторуссии.

«Арнис» привязала коня возле старинного здания иезуитского коллегиума, которое нынче занимала контрразведка Балторуссии, гордо именуемая СМЕРШ. Северяне после провозглашения независимости отказались от латиницы в языке, что должно было подчеркивать их отличность от Директории. Девушке никогда особенно не нравился излишний

пафос северян, словно бы одним только названием и можно было сокрушить Директорию. Но иногда именно этот пафос и поднимал ополченцев в атаку, и кто знает, возможно, именно он позволял им так долго держаться против железных колонн совершенной армии Директории.

Внутренняя обстановка здания никак не выдавала в нем какое-то секретное учреждение. При входе сидел привратник, который записывал посетителей, дальше вошедший должен был подняться по широкой лестнице и, пройдя через роскошный каминный зал, входил в библиотеку, в которой можно было найти довольно редкие книги самых разных направленностей. На этом интересы обывателя заканчивались, ведь очень немногие гражданские бывали на верхних этажах, а те, которые бывали, естественно, ничего не рассказывали.

Ведомая дежурным офицером девушка поднялась по широкой, витой чугунной лестнице на один из этих верхних этажей и прошла по длинному с арками коридору. Дежурный офицер остановился перед одной из дверей, отворил её и пропустил девушку вперед, развернувшись и замерев возле косяка.

Комната, в которую зашла «Арнис» представляла собой просторный, светлый кабинет с большими окнами и высоким потолком, отделанным старинной лепниной. На карнизах, над окнами висели массивные темно-зеленые шторы из бархата, между окон стояли напольные часы с позолочен-

ным циферблатом, закрытый маленькой стеклянной дверцей, сквозь которую было видно, как подрагивают стрелки. Стены кабинета были окрашены кремовым цветом, а пол был покрыт паркетом цвета вишневого дерева. В центре кабинета перед высоким книжным шкафом стоял массивный, двухтумбовый, лакированный стол с окрашенными под золото краями. На столе лежали топографические карты и небольшая куча бумаг с набросками текста.

Тот, кто её вызывал, сидел за столом и, хотя никаких официальных званий он никогда не имел, носил генеральский френч. Но большой ошибкой было бы думать, что он делал это из-за выпендрежа. Просто Владимир Захаров ещё в бытность своей нелегальной деятельности знал, как лучше мотивировать тех, кто в него верит и готов идти за ним. Мундир всегда подходил для этих целей как нельзя лучше.

«Удивительна, причудлива жизнь» – подумала девушка, раньше они были по разные стороны баррикад, ей тогда так казалось, теперь по одну. Спасенная ею его дочь объединила их, и показала правду, что все иногда не то, чем кажется, – главный закон нынешнего времени и нынешнего мира. Теперь его дочь в пока безопасной Швейцарии, а он сражается здесь за будущее чужих детей, потому что знает или они победят здесь или более нигде в мире не будет спокойствия. Пути господни неисповедимы.

– Леди Арнис – улыбчиво поприветствовал её Захаров.
Она ответила легким кивком головы.

– В округе всё тихо, – сказала она, – никаких попыток прорыва оборонного периметра. Датчики расставлены, так что, если кто и полезет, есть шанс, что вы об этом узнаете первыми.

Захаров не оторвался от движения фигурок на карте.

– Приятно знать, что хоть какое-то решение ООН выполняется, – сказал он. – Садитесь.

«Арнис» так и поступила, присев на мягкое кожаное кресло напротив и удобно облокотившись на нём.

– Тем более, что такая тишина нам не мешает, – сухо добавил Захаров. – Намечается серьезное дело, поэтому я лично этим занимаюсь. Вам удалось посмотреть информацию?

«Арнис» пожала плечами.

– Да, – сказала она, – в общих чертах, но кое-чего я не понимаю. Если вакцина от вируса действительно существует, почему человек сообщил о ней именно вам, а не ВОЗ, например?

Захаров нахмурился.

– Это самый интересный момент – предупредительно сказал он – человек, который написал нам письмо, особенно указал, что передаст информацию только леди Арнис. Потому что информация касается небезынтесной ей Организации. Вероятно, слава о вас летит далеко впереди, чем вы полагаете, моя дорогая.

«Арнис» пожевала губу.

– Вот только под каким предлогом со мной не пытались познакомиться – вздохнула девушка – но заинтересовать меня информацией об Организации... Это же явная ловушка.

Захаров кивнул.

– Конечно, ловушка, – сказал он. – Но нам придется в неё попасться. Ситуация с распространением вируса становится всё серьезнее. Люди по всему миру готовы отдавать последнее за любой шанс на спасительную таблетку, но хуже самого вируса слухи о нём. Из-за вялого течения болезни люди обращаются за помощью к врачам, только когда уже ничего нельзя сделать. В результате врачей стали считать айнцаг-группами. Уже поползли слухи, что больных уничтожают, а тела сжигают в специальных зонах. Черный рынок завален поддельными лекарствами, которые могут вызвать массовый мор.

«Арнис» устало вздохнула. Незнание смертельно. Упомянутая в мыслях подруга всегда говорила, что в большинстве случаев убивает не оружие и даже не убийца, а невежество и незнание.

– Дело может закончиться настоящей катастрофой, – продолжал Захаров, – В выигрыше не будет никого.

«Арнис» задумчиво пожевала губу. Действительно, о смертоносном легочном вирусе не говорил только ленивый. Первый случай заболевания произошел еще год назад в одной из монгольских деревень и именно оттуда зараза поползла по миру, а уже к нынешней весне уже не было клочка зем-

ного шара, где не было бы заболевших. Где-то больше, где-то – меньше, но он был вездесущ. Человек мог быть пассажиром на шикарном круизном корабле, простым работягой, влиятельным бизнесменом, крупным политиком, даже главой государства. Вирусу было до этого всё равно. Но уничтожал он не всех сразу, а избирательно. Определенный вид вируса действовал на определенную расу и только на неё, тогда как другой вид вируса действовал на другую расу, из-за этого появились слухи, что правительства специально сокращают с помощью вируса численность населения. Люди массово выходили на демонстрации с призывами о закрытии границ, закидывали камнями конвои, перевозившие заболевших. Никакие меры самоизоляции не помогали. VOC-1 проникал в любую щель. Если вирус тебя отметил, застрелись, говорили люди, а глава Всемирной организации здравоохранения, вообще, в сердцах выплеснул, что проще взорвать планету, чем разработать вакцину от болезни, получившей в народе название «Зеленый призрак», по причине того, что очевидцы якобы видели, как вместе с последним вздохом умирающего, у него изо рта вырывалось, нечто вроде зеленого дыма. Правда это или нет – было неизвестно, по крайней мере врачи это не подтверждали, но ленты мировых новостей постоянно пополнялись самыми жуткими подробностями. Планета буквально сходила с ума.

«Арнис» прокрутила в голове всё это еще раз, понимая, что любая мысль о вакцине против этой напасти уже сама по

себе является сказочной. Помнится даже, президент фонда «G. Health» китайский миллиардер Ван ДзяХао лично обещал награду в миллион долларов за создание качественной вакцины. Впрочем, иногда самые фантастичные вещи оказываются правдой. Редко, но случается.

– Смысл нашего участия я понимаю, – сказала она, – но каков интерес Организации в распространении вируса?

Захаров закурил трубку.

– Это вам и необходимо выяснить, – сказал он, протягивая девушке свернутый листок. – Вы поедете в Ольвию и отправитесь по этому адресу. Найдите цирюльню Соломона Грошика.

– Грошика? – эхом повторила «Арнис», спичкой поджигая переданную бумажку.

Захаров кивнул.

– Это наш человек, – сказал он, – как только вы встретитесь с ним, он свяжет вас с информатором и сообщит детали. Это всё, что нам известно.

«Арнис» коротко улыбнулась.

– Ну, допустим, я не очень занята в данный момент – сообщила девушка, – но, предположим, информатор увидит меня, а я не оправдаю его ожиданий?

Захаров бесстрастно улыбнулся.

– Я в вас верю, – сказал он. – Вы умеете производить впечатление. Если есть шанс заполучить вакцину, им надо этим воспользоваться.

«Если бы от шансов что-то зависело в этом мире» – усмехнулась про себя «Арнис», – «Впрочем, в единственном шансе всегда безграничная надежда».

* * *

Яркое весеннее солнце дарило свои лучи старинным бульварам Ольвии, и тень от этих лучей сочилась сквозь высокие зеленые каштаны и обволакивала красивые дома, отражаясь в их множественных окнах причудливым орнаментом.

Генерала Адашева солнце не интересовало, хотя именно на него он смотрел через одно и вышеописанных окон. Вся ткань его мыслей сосредотачивалась сейчас на их идее. Идее прошлой и идее будущей.

Недавно Адашев прочитал одну из конспирологических теорий, которая рассказывала, что их Организация возникла в конце позапрошлого века и воплощала идеи милитаристского национализма, стремясь на его основе к власти над народами, населяющими эту планету. Основу этому заложил никому неизвестный философ, который предложил идею правления, основанного на силе и власти. Естественно, он не смог убедить в этом окружающих, поэтому он порвал с обществом и стал развивать свое учение втайне. Очень скоро нашлись те, кто поверил в его учение, те, кто отвергал идею гармонии, согласия, равенства и баланса. Они продвигали свою идею – идею права сильного. Их философия со-

здавалась не для созидания общества, а для господства над ним. В результате разразилась война между сторонниками идей гармонии и равновесия и сторонниками идеи силы. Она была кровопролитной, яростной и разрушительной, и, когда сторонники идеи гармонии и равновесия стали одерживать верх в рядах сторонников силы, начался раскол, они стали плести заговоры друг против друга и даже сражаться друг против друга и их общество уничтожило само себя, а большинство их последователей были уничтожены. Почти все, кроме самых преданных.

Адашев усмехнулся он никогда не верил в эти героические сказки, которые были сочинены точно не ими, а как раз адептами равновесия и гармонии, чтобы поддерживать свои идеалы.

Была ещё одна, значительно более древняя и гораздо менее популярная легенда рассказывающая, что когда-то в древние времена существовал тайный мистический орден убийц Ассасинов, название которого стало нарицательным. Целью их было ведение всеобщей террористической войны и сеяние хаоса путем сталкивания друг с другом разных политических сил. Они приходили из ниоткуда, находили выбранную жертву и пропадали в никуда. Ни высокие крепостные стены, ни огромная армия, ни преданные телохранители не были для них помехой. Они были везде и нигде. Убийцы, которые одним точным ударом лишали целые армии полководцев, а империи – монархов.

Шли годы, орден утратил свое былое влияние и исчез. И только страшные сказки остались о нём. Но не исчезла идея. И нашлись люди, что отыскиали и перевели древние тексты и обосновавшись в благополучной Европе образовали новый орден – Организацию, которая, руководствуясь убеждением, что человечеству необходим порядок, дисциплина и контроль, чтобы устранить свою варварскую природу, планировала создать новый мир, в котором Организация имела бы абсолютный контроль, оставаясь в тени над правителями и устраняя неудобных. В этом мире должен быть провозглашен новый порядок – доброкачественная тирания высших людей, которая уничтожит пережитки прошлого: неравенство, расизм, бедность, чиновничий произвол – основываясь на идее полного и абсолютного контроля человека человеком, поскольку на земле нет более совершенного существа и только его собственный разум и его воля определяет его возвышение или падение. И всё на Земле движется по одной, только высших людей, воле и низшие должны прислуживать высшим.

Их злейшими врагами были люди, считавшие, что человек всегда должен иметь право на свободу выбора и на свободу воли, даже при общих недостатках. Целью человека они считали построение общества, основанного на христианском благочестии и единстве человека с биосферой. Единстве природы, культуры и религии. Эти люди нашли свой приют при дворе кастильской королевы Изабеллы католи-

ческой, той самой, что завоевывала Гранаду и в честь которой шахматного ферзя стали именовать королевой. Она распознала опасность Организации для своих идеи общей христианской Европы и взяла противников Организации под свою защиту. Под протекторатом королевы эти люди стали бороться против Организации, совершив множество знаменитых ныне вещей, и в конце концов заставили уйти Организацию в тень, но они не смогли уничтожить Организацию, ибо тень есть истинная прибежище её, ещё со времен уже легендарных ассасинов. Тень, упорство и терпение. То самое терпение, которое спасло их от гибели; то самое терпение, которое принесет им победу. Адашев всё это понимал, он вообще относил терпение к самым главным достоинствам, хотя многие из его круга им пренебрегали. Поэтому они ушли со сцены, освободив дорогу более сильным. И теперь время тех, кто до поры скрывался, до той поры пока из истории они не превратились в легенду, а из легенды в страшную сказку... теперь их время пришло.

С балкона, где он стоял, открывался прекрасный обзор на очередной патриотический митинг. Разглядывая копошащихся людей с высоты своего положения, Адашев печально посетовал, что никто из них так и не поймет всего величия происходивших событий. Впрочем, и делится с ними этим знанием он не собирался, здесь его любимыми собеседниками были летучие мыши, уютно устроившиеся меж потолочных балок. С ними он любил разговаривать, с тем, что для

него представляет угрозу нет. Ещё раз покосившись вниз, Адашев тяжело вздохнул. Удивительно, хотя в его власти было всё, чтобы держать в кулаке этот ничтожный мир в контроле и страхе, он чувствовал себя нестерпимо опустошенно. Правы были древние, когда говорили, что власть меняет человека и стоит лишь попробовать вкус власти ты уже не можешь отказаться от неё. Потому что власть – это всё, что ты имеешь.

Ему отвели в планах Организации странное место. Адашев не питал особых иллюзий, что от него ждут каких-то сверхдействий. Держать в узде местных мятежников, отвлекать их внимание и силы, истощать и удушать их. Организация требовала именно этого.

И он безусловно мог обеспечить желаемое, но его натура требовала большего, чем роль послушного исполнителя воли Организации. Каким-то гением из гениев военной стратегии он себя не считал, и все же планирование хитроумных операций, и их точный расчет это было его любимым занятием, и он не собирался позволить Аристову – этому напыщенному и скользкому докторишке – лишать себя этого занятия. Роль болвана в старом польском преферансе не прельщала его.

От недостатка амбиций он никогда не страдал, благо способности его не подводили, главным из которых была его феноменальная память и запоминание разного рода фактов, которые он выкладывал в нужное время, умело жонглируя им.

Хотя иногда этот дар играл с ним и злую шутку. Иногда он слишком на него полагался.

В Организации обожали ему об этом напоминать. Но именно постоянное давление на него и помогало ему держать себя в тонусе.

Адашев отошел от окна в тень кабинета и посмотрел на трансляцию из Женевы с заседания ВОЗ. Он посмотрел на маленькие фигурки людей в телевизоре и отчетливо почувствовал себя игроком в шахматы. Вряд ли старик Бжезинский чувствовал что-то похожее, когда писал свою «шахматную доску», мечтал, возможно. Но это несколько разные вещи.

Да, вирус медленно но верно вносил свои коррективы. Особенно если «правильно» рассказывать о нём. «Зеленый призрак» косил людей тысячами. Каждый, кто им заразился, примерно через месяц встречал жуткую и не очень красивую смерть. Но вирус информационный был ещё опаснее, он поражал даже без инкубационного периода. Цены на лекарства взлетели до астрономических величин. Волны паники только усиливались. Адашев устал считать новостные сообщения о том, какая и где страна сколько людей отправила на карантин, чтобы не допустить распространения заразы, сколько стран закрывали границы и вводили протекционистские меры, а это только подрывало и без того слабую глобальную экономику. Правительствам всё труднее было доказать, что они здесь не причём. А то, что правительственные чиновни-

ки не могли быть подвергнуты вирусу, делало их слишком далекими от народа. Рано или поздно, но правительствам придется отказаться от глобальной интеграции в пользу ужесточения контроля, а значит, глобальность, как явление, будет подвергнута остракизму как главная опасность человечества. Ведь именно глобальность привела к вирусу и панике. И когда это произойдет, вирус внезапно прекратится, потому что контроль и автократия позволит навести порядок и разработать вакцину. Любые процессы глобализации будут свернуты и человечество останется разъединенным на многие годы. Организацию это более чем устраивало. Осталось только найти вакцину, чтобы использовать её тогда, когда нужно Организации.

Зуммер вызова отвлек от мыслей. На пороге его кабинета показался изящный женский силуэт. Девушка, на вид лет тридцати, четким и размеренным шагом прошла внутрь комнаты в сопровождении двух мужчин, одетых в строгие деловые костюмы.

– К вам профессор Мецгер, и доктор Кропс – сказала девушка, представляя вошедших.

– Благодарю вас! – сказал Адашев. – что же господа, – он повернулся к гостям, я вижу, что пришло время прощаться, но, прежде чем это произойдет, я бы ещё раз хотел поблагодарить вас обоих за ваш посильный вклад в создание успешной программы клонирования клеток. Будьте уверены, что именно благодаря вашим работам первая фаза

нашей операции завершена, поэтому вы получите достойную награду.

Один из гостей, тот, которого звали Мецгер, радостно закивал.

– Большое спасибо! – сказал он. – Нам было весьма приятно работать с вами.

Адашев невесомо улыбнулся.

– Я распорядился перечислить на ваши счета в Швейцарии сумму в двадцать миллионов долларов каждому, – сказал он, – на этом мы с вами расстанемся. Я надеюсь, что наше сотрудничество оказалось взаимовыгодным.

Гости вежливо поклонились и сделали попытку ретироваться, однако за их спинами выросла охотница.

– Чуть не забыл, – весело сказал Адашев, – я должен сообщить вам неприятнейшее известие: я узнал, что кто-то выкрал из сейфа очень важный для операции снимок нашего объекта. Этот некто продал его господину Верховскому, когда-то нашему товарищу, а теперь предателю, сбежавшему от возмездия в Великоруссию. Представляете, какая неприятность? Вы случайно не знаете кто это мог быть?

Теперь уже другой гость Кропс замотал головой.

– Не имеем ни малейшего понятия, – сказал он.

Адашев снова улыбнулся.

– А вот я почему-то так не считаю, – медленно сказал он, – более того скажу вам, что уже знаю кто это.

Адашев сделал невесомое движение рукой.

«Клинк» раздался звук Кропс посмотрел на торчащее из его груди лезвие взглядом, в котором читалось ужас и удивление, а ещё в эти последние секунды своей жизни он увидел уже лежащего на полу коллегу.

– Вы предали нас, доктор, – сказал Адашев, – неужели вы полагали, что мы не сможем отследить ваши звонки и перемещения. Зачем вы это сделали, мне интересно знать?

Кропс тяжело открыл рот.

– Просто я увидел, что вы и вам подобные делают с людьми, – прохрипел доктор, – вы их уничтожаете, разворачиваете. Не только людей. Компании, целые страны! Вы наживаетесь на горе и на бедах! Наживаетесь на страданиях! Ваша Организация – воплощение зла!

Адашев расстроено хмыкнул.

– Ничего нового, – вздохнул он, – очередной глупый идеализм. Я-то подумал, что Верховский заплатил вам. Это по крайней мере было бы понятно. Кто ещё знает?

Кропс зарычал и дернулся вперед специально, чтобы лезвие клинка больше разрезало его. «Глупо – подумал Адашев, – но дерзко». Он махнул охотнице, чтобы отпустила.

Лезвие с характерным звуком скользнуло обратно в крепление, встроенное в перчатку хозяйки и труп бесформенной кучей, упал на пол.

– Мы не успели получить от него имена, – задумчиво сказал Адашев, – нам нужно разработать клинок, который лучше бы фиксировал тело.

Охотница щелкнула пальцами. Подбежали два охранника и взвалив тела ученых на плечи, по одному каждый, вытащили их из кабинета.

– Положение осложняется? – поинтересовалась девушка с ледяной усмешкой.

Адашева передернуло. Он никак не мог привыкнуть к той атмосфере страха и ужаса, царившей вокруг этих девиц. Нет, сам он их не боялся. Даже умел контролировать и направлять их злобную энергию в нужное ему русло, просто ему было некомфортно. А он не любил дискомфортность.

– Незначительно, – сказал он, – тебе вновь надлежит поехать в Петерштадт. Я поручаю тебе проверить кто имеет информацию, касающуюся вот этой фотографии.

Охотница протянула руку и взяла небольшой снимок. Матерно поджав губы, повертела его в руках.

– Ты поступишь в распоряжение нашего агента в Петерштадте, – продолжил Адашев, – исполняй все его указания и запомни каждый, кто хоть притронулся к этому снимку, должен быть уничтожен!

Охотница склонила голову и покинула кабинет.

Адашев хищно улыбнулся.

Власть – она опасна. Прикосновение к ней пугает и возбуждает одновременно.

Предательство ученых, действительно незначительная проблема. Охотницы отследят знающих секрет и устранят их. Они по-другому не действуют. А вот проблемы, которые

встают перед мировыми державами, они совсем иного рода, и беззубую реакцию на них очень легко просчитать. Впрочем, ему даже лень было тратить на это время. Зачем, когда всё и так получается.

* * *

Флориан Штильхарт сидел меж двух солидных мужчин перед длинным столом с зеленым сукном в одном из залов дипломатического клуба при агентстве по внешним сношениям города Гомелум – столицы демилитаризованной Сожской области, решением ООН, разделившей север и юг некогда единой, Понтии. Во многом благодаря этому обстоятельству, а ещё потому, что ещё в старые времена это был центр литиевой промышленности Республики, Гомелум с его устремившимися вверх на фоне реки стеклянными небоскребами объявил себя вольным городом, занимавшим нейтральную позицию по отношению к обеим воюющим сторонам. И Директория, и Балторуссия пытались заручиться поддержкой гоменчан, которая давала бы право на безграничное использование местного лития, а, следовательно, и преимущество в войне. Городской совет Гомелума умело лавировал между обеими сторонами, установив законы, которые те должны были соблюдать: в противном случае они лишались права на покупку и транспортировку лития. Такова, во всяком случае, была официальная позиция. Неофициально

– Гомелум имел тайную сделку с Директорией, по которой ими был построен собственный завод по переработке лития в обмен на поставку оружия для местной милиции.

Гомелум также стал приютом для множества беженцев, спасающихся от войны. Кто-то из них оставался здесь на заработки, кто-то – перебирался отсюда в другие страны.

Попадавший в город путник сразу поражался до глубины. Весь город был похож на один драгоценный камень. Вдоль его бульваров выстроились стеклянные, черно-графитового цвета дома, отделанные мраморной плиткой, переливающиеся цветом всего возможного спектра. По длинной вытянутой набережной, днем освещенной солнцем, а по вечерам разноцветной иллюминацией гуляли модно одетые парочки и уже начинали кататься легкие лодки и спортивные байдарки.

В самом городе было кристально чисто и запрещались любые столкновения. Видеокамеры, воткнутые через каждые три метра, тщательно следили за соблюдением порядка, и все попытки нарушить оный карались быстро и жестко. Директорианцы пользовалась этим и всю оскорбляли, и цепляли представителей Балторуссии, стараясь спровоцировать их на конфликт. Те скрипели зубами, но сдерживались.

Собственно, благодаря всему этому в дипломатическом клубе всегда собирался самый интернациональный состав: дипломаты, бизнесмены, политики, промышленники. Эти люди приезжали в Гомелум улаживать свои дела как с пред-

ставителями Директории, так и с представителями Балторуссии тихо, не привлекая особого внимания и не рискуя нарваться на шальной снаряд.

Прошло уже четыре года с тех пор, как Флориан Штильхарт, оставил службу в криминальной полиции, являясь ныне атташе по внутренней безопасности швейцарского представительства. Гомелум он находил довольно милым городом. Ему нравились чистые улицы, модно одетые доброжелательные граждане, рафинированные рестораны. Однако Флориан знал стоило отъехать от Гомелума на несколько сотен километров, как картина рисовалась уже совершенно другая: разоренные деревни, покинутые дома, в крышах которых можно было часто наблюдать торчащие словно копья неразорвавшиеся снаряды, а редкие жители, прежде всего пожилые бабушки, были похожи на привидения. А всё здешнее великолепие было построено на умелом маневрировании между сторонами и использовании своего положения.

Наверное, это были несправедливо с его стороны. В конце концов, народ имеет право повеселиться. Но Флориана корбило от мысли, что пока здесь люди носят дорогую одежду, ходят по ресторанам, флиртуют друг с другом, совсем рядом пылает огонь несчастья. Ему казалось это омерзительным.

Потому что Флориан знал, что только один бизнес в мире может принести городу такие барыши – война!

За свою жизнь, Штильхарт, видел много разного, работа обязывала, но с войной он сталкивался впервые – и это зре-

лице ему не понравилось. Он не понимал, как можно сознательно заставлять людей убивать друг друга просто из-за личной наживы какого-то высокопоставленного дельца и как люди, даже под самыми благородными целями, могут сражаться друг с другом с такой ожесточенностью и остервенением, которые они никогда бы не направили в мирное русло и какими угрозами их заставляют делать это? Флориан не знал ответов на эти вопросы и что самое главное – он понимал, что и ответы ему могут не понравиться.

Карта у него сегодня определенно шла. Он уже уверенно обыграл немецкого дипломата и известного болгарского певца и теперь сосредоточил свое внимание на жгучей французенке лет двадцати шести в обтягивающем черном платье и бокалом мартини в руке.

Девушка игриво посмотрела на него.

– Вам сегодня везет, – сказала она, – вы любите рисковать.

– Риск – мое второе имя, – улыбнулся Штильхарт, – сто оноворов и девяносто недобор.

– Прекрасно сыграно. – отметила девушка.

Она сказала это с легкой вопросительной интонацией. Ожидала, что он представится.

– Штильхарт, – сказал молодой человек, закуривая трубку, – Флориан Штильхарт, – атташе по внутренней безопасности представительства Швейцарии, мадмуазель?

– Камилла Берже, – представилась девушка, – атташе по культуре французского представительства.

– Мы с вами коллеги? – спросил Флориан.

– Смотря в чём, – сказала девушка – три в трефах.

– Четыре, – улыбнулся Штильхарт.

– Пас, – сказал болгарин.

– Кажется, это сторона приносит мне удачу, – сказал Флориан.

– Это пока! – парировала девушка, – три без козыря.

Она сыграла четыре.

– Вы решили взяться за меня всерьез, – заметил Флориан.

– Этого я и хотела, – сверкнула глазами девушка. – Итак?

Штильхарт раскрыл карты.

– Малый шлем в пиках, – торжественно объявил Флориан.

Атташе по культуре явно сникла. Игроки легко рассмеялись.

– Вы меня должны простить господа, и вы мадам Берже, – произнес Флориан, – я боюсь, что это будет мой последний роббер на сегодня. Уже за полночь, мне завтра рано вставать.

– Бросить карты, когда партнер в выигрыше, – с укором сказал английский коммерсант, – это ваш фирменный ход, Штильхарт.

Флориан улыбнулся, поднимаясь из-за стола.

– Выигрыш разлагает душу, сэра Роберт, – сказал он, – всегда необходимо вовремя останавливаться. Всего доброго джентльмены – он кивнул девушке – мадам.

Штильхарт уже был у дверей, когда услышал сзади цоканье каблучков.

– Кажется вы тоже решили оставить партнера? – сказал он.

Кроме платья, на девушке теперь красовался легкий мунтон. Очевидно, она собиралась покинуть клуб вслед за ним, а скорее всего вместе с ним. Не то чтобы Штильхарт возражал...

– Вы так быстро ушли, – проворковала девушка, – даже не дали мне шанс на реванш. А ведь было так интересно. Кстати, я мадмуазель Берже.

Штильхарт задержался возле кассы, получая выигрыш.

– По-моему, вы из тех девушек, что всегда добиваются реванша, – заметил он, – если вы сочтете это приемлемой компенсацией, то как бы вы отнеслись к предложению поужинать. Внизу подают чудеснейшую царскую уху. Потом можно зайти ко мне, и я угощу вас настоящим бразильским кофе.

Камилла загадочно улыбнулась.

– Начало многообещающее, – манерно протянула девушка, – интересно, каким будет продолжение?

Они не ограничились только ухой, но также остались неравнодушны к утиной грудке, жареным почкам с пряно-стями и бутылке «Pomerol», урожая 2016 года, хотя Поме-роль из тех вин, которые хороши вне зависимости от года.

Штильхарт жил в небольших, но стильных апартаментах в южной части города, с видом на реку и огни набережной.

Целоваться они начали ещё в лифте и не прерывали это занятие, когда переступили порог квартиры.

– И этот человек убеждал меня, что его привычки меня-ются! – звонко сказал женский голос.

Штильхарт отлепился от желанных губ и возвел глаза к потолку. «Это безнадежно» – подумал он.

В гостиной включился свет. На зеленом кресле, скрестив ноги, сидела ещё одна молодая девушка. Внешность её – то-ченное личико, светлые волосы, хрупкая фигура; была абсо-лютно космополитична. Она была одета в бриджи для вер-ховой езды бежевого цвета, высокие кожаные ботфорты и длинный практически до колен красный жакет. Свои тонкие изящные руки она сложила на груди и широко улыбалась.

Камилла недовольно поджала губы.

– Это что твоя подружка? – спросила она.

Флориан, что-то проямлил невнятное.

– Я его психоаналитик, – сказала «Арнис», – надеюсь, он

вам не докучал? Если он вам доставляет неудобства, могу только принести свои извинения.

– Хватит уже меня преследовать, – сказал Штильхарт, – можно сделать такое одолжение?

«Арнис» поднялась с кресла и направилась к сладкой парочке.

– Вот видите, милая, – сказала она, – бред преследования. Ему постоянно кажется, что кто-то вторгается в его жизнь.

Штильхарт повернул голову к Камилле.

– Это не так! – сказал он. – Это она повсюду за мной ходит.

Девушка фыркнула.

– Знаешь, что! – сказала она, – Разбирайтесь тут сами, кто за кем ходит! Можешь не провожать!

Она крутанулась и быстро направилась к выходу.

– Я позвоню! – крикнул Флориан.

Ответом ему был хлопок двери.

Штильхарт тяжело вздохнул, развернулся к незваной гостье и прищурившись посмотрел на неё со скептической гримасой.

– Ты презренная! – констатировал он.

Девушка продолжала хитро улыбаться.

– Да, – продолжил Флориан, – ты самая, самая, самая презренная из всех самых, самых, самых презренных девиц, которых я только знал, и я не могу понять, как можно быть такой презренной? Такой презренной, что я даже не видел таких презренных. И это не потому, что я мало встречал пре-

зренных женщин...

– Если ты примешь мои скромные извинения, – протянула «Арнис», потягиваясь, – я не хотела красть у тебя эту ночь. У тебя по-прежнему хороший вкус.

Штильхарт ослабился.

– Сущий пустяк! – сказал он, – Найду её завтра и сочиню что-нибудь оправдательное.

«Арнис» притворно и заговорщицки ухмыльнулась.

– Думаю, после моего визита, – сказала она, – ты не захочешь здесь оставаться. Я ищу того, кто составит мне компанию в небольшом приключении.

Флориан застонал и сел напротив подруги.

– Так, ясно, – бросил он, изобразив скептическую гримасу, – слушаю. Куда ты на сей раз влипла?

– В такое дело, от которого лучше держаться подальше, – улыбнулась «Арнис».

– Запугиваешь?

– Нет – «Арнис» размяла костяшки пальцев. – Пытаюсь втянуть. Что тебе говорит название вирус «Зеленый призрак»? Меня ты, конечно, не думаешь чем-нибудь угостить?

Штильхарт скривил губы и поплёлся к барной стойке.

– Знаешь, – сказал он, наливая в бокалы вино, – я как-то стараюсь держаться подальше от любых словосочетаний со словом вирус. Тебя устроит бутылка Бри?

– Если у тебя есть хороший сыр, – сказала девушка, – с кусочком Fleur d’Hauterive оно будет вполне сносным. Один

неизвестный написал письмо в управление контрразведки. Думаю, тебя это заинтересует.

– Меня всегда интересует то, что пишут неизвестные в управление контрразведки, – улыбнулся Штильхарт, беря в руки протянутый девушкой лист бумаги. Там было написано, дословно следующее:

«Imeyu svedeniya kasayushchiesya vakciny protiv virusa «zelenyj prizrak». Esli vy hotite poluchit' ih, prishlite na vstrechu so mnoj vashu sovetnicu – ledi Arnis. Ya soglashus' peredat' ej informaciyu, no tol'ko ej i iz ruk v ruki. Mogu soobshchit' tol'ko, chto delo kasaetsya izvestnoj vam Organizacii. Ya ne veryu nikomu iz politikov, potomu chto znayu, chto oni vse pod kontrolem organizacii. Vashe opolchenie net, potomu peredav informaciyu vam, u menya budet shans ostat'sya v zhivyh. Esli me solve prinimaetsya podtverdite svoyu zainteresovannost', cherez izvestnogo vam cheloveka».

– Да, – протянул Флориан, – ни подписи, не штемпеля. Коротко, но содержательно. А что это за «известный вам человек»?

– Грошик, – сказала «Арнис», потягивая вино, – Это через него пришло письмо.

Штильхарт хмыкнул. Лично с владельцем этой смешной фамилии он знаком не был, но много слышал о нём. Выбор его в качестве курьера был вполне ясен.

– Этот Бри обладает высокой плотностью, – заметила девушка, – «Pascal Bouchard», Каберне Совиньон, Бургундия,

две ты-ы-сячи шестнадцатый, нет, ответ неверный, две ты-сячи семнадцатый. Мягкая зима дает элегантный вкус.

– Фантастика! – восхитился Флориан. – Надо же какое у тебя хорошее обоняние.

– Точнее зрение. – кивнула девушка, – я прочла этикетку.

Штильхарт, засмеявшись, отсалютовал ей бокалом.

– Твое здоровье! – сказал он, откладывая письмо, – Тебе не кажется, что рановато для пасхального подарка? Возможно, за этим кроется нечто большее. Думаю, кто-то хочет сыграть с тобой в игру.

– Возможно, ты прав, – сказала «Арнис», – именно это обстоятельство и заставило меня взяться за это дело. Ты же знаешь, что я просто обожаю играть в игры.

– Да-а? – протянул Флориан. – А мне кажется, что ты просто не любишь вирусологов.

– При чём тут они? – нахмурила лоб девушка.

– Ну как? – всплеснул руками Флориан. – Все вирусологи мира ночи не спят, чтобы изобрести вакцину от этого вируса, а тут появляешься ты и преподносишь её общественности. Это будет сильный удар по их самолюбию.

Девушка поморщилась.

– Нет, – пробормотала она, – подобная слава меня не прельщает. Знаешь, я тут открыла, что совсем не тщеславна по своей природе.

Флориан скорчил гримасу.

– О-о! Опять этот блеск в глазах и хитрая улыбка, – сказал он. – Всегда знал, что ты не можешь просто так посетить старого друга.

«Арнис» широко улыбнулась.

– Дружба не должна иметь срок годности, – менторно произнесла она. – Ты же не откажешь в помощи одинокой девушке?

– Ну конечно, – кивнул Флориан, – как же я тебе могу отказать. Мы же с тобой известные разъездные борцы с неприятностями мирового масштаба.

– Да, – небрежно бросила девушка, – мы с тобой любим быть в центре событий.

Они улыбнулись друг другу и звонко чокнулись бокалами.

Глава II. Восхождение

*Если в мире всё бессмысленно, спросила Алиса, –
что мешает выдумать какой-нибудь смысл?
Льюис Кэрролл*

Неделю спустя

Она больше не носила казенную неудобную прокурорскую форму, которая когда-то составляла основную часть её жизни. Прошлой жизни. Больше ничего этого в её жизни не было. Ни формы, ни докладов начальству, ни трупов в подвалах. Зато появились долгие нудные заседания в Думе, софиты и тяготящее сидение в кресле, пока девочки-гримеры накладывают косметику и как-то особо затейливо укладывают волосы, когда она участвует в политических толк-шоу – некой обязанности современного политика в Великолоруссии. Раньше было достаточно обычного пучка.

В этой её новой жизни Наталья Владимировна Покровская даже в собственном кабинете уже не могла чувствовать себя уютно.

Кабинет этот располагался на одном из верхних этажей большого красивого, красного дома, когда-то бывшего вначале зданием городской думы, затем музеем вождя пролета-

риата, а нынче зданием Государственной думы Велико­рус­сии, откуда открывался прекрасный вид на площадь и крас­ные башни древней крепости в центре великорусской сто­лицы – символа государства и его мощи. Графитового цве­та стол был завален рабочими документами, дисками, без­делушками, и разной чепухой, вроде очередного фанатского рисунка её самой в стиле манга с признанием в вечной люб­ви. Над всем этим беспорядком висел монитор, разделенный пополам двумя изображениями. Слева транслировался ве­ликорусский информационный канал «GRT» на английском языке, справа мерцало универсальная цифровая проекция человека и график голосов. У той и другой стороны прак­тически поровну.

То есть парламент, а с ним и общество, расколется попо­лам и по большому счету уже без разницы будут они при­нимать закон о едином цифровом распределителе или нет. Больше всего задевало то, что депутаты при голосовании бу­дут, как всегда, учитывать свои личные интересы – от лоб­бирования собственных проектов цифровой программы до банальных взяток от корпораций. Хорошо бы привлечь к го­лосованию церковь, но у них не было голоса. В результате получалось, что об общем состоянии общества после приня­тия закона не думал никто.

А вот она стояла на своем. Распределитель принимать нельзя. Слишком негодной была сама процедура принятия голосования. Кроме того, распределитель угрожал правам

личности. Информация собиралась безусловно и безакцептно. Никто из граждан ни в малейшей степени не мог повлиять на процесс сбора. На предприятиях устанавливался жесткий контроль за сбором данным. К тому же собирал информацию частный подрядчик.

Она предлагала назначить общественные слушания, сделать процесс корректирования максимально открытым, предлагала сделать данные распределителя государственной тайной. Но все её замечания наткнулись на стену непонимания и равнодушия. На неё все время смотрели, как «на ту юную выскочку, приехавшую из непонятно зачем вернувшийся территории». Ей прямо так один раз и заявили в кулуарах, пару дней назад. Тогда она еле сдержалась, чтобы не расплакаться. У неё получилось. Почти получилось.

Ох, и вечно у неё нелады с этим «почти». Она уже почти привыкла – за пять-то лет! – не накручивать на палец волосы, особенно на заседаниях. Почти не смущается перед камерой. И та манера, с которой к ней обращаются и на улице, и журналисты тоже почти не вгоняют в краску. Она даже немного укоротила волосы, чтобы выглядеть солиднее. Всё – она уже больше не девочка-следователь, бегающая по подвалам с копной вечно растрепанных волос, уже четыре года, как председатель комитета по международным делам. Это был красивый ход Московска – назначить на этот пост человека из территории, вернувшейся в родную гавань. Что ж, пора учиться вести себя степенно. Пять лет тому назад она,

рискуя жизнью и свободой, спасла от ужасной участи людей, которые, как и она сама, мечтали сделать этот мир лучше, и у неё почти получилось это сделать. А ещё через некоторое время перед ней, как и перед тысячами её земляков возник исторический выбор, который она, как и её земляки, сделала, предпочтя отказаться от заслуг, авторитета, от всего, что у неё было в той другой жизни, ради простой, человеческой, правды. Она жила, по правде, и будет впредь жить по правде, пока высшие силы будут позволять исполнять ей её долг.

Но как же её корбило то покорное равнодушие, с которым депутаты собирались принять «закон о цифровом распределителе». Неужели они не понимают, что, соглашаясь на это, они выхолащивают демократию? Лишают людей участия в публичных процессах. Людей, которые их выбирали! Нет, она была вовсе не против закона в целом, но считала, что вопрос надо решать поэтапно, с учетом специальных случаев и, уж конечно, спросить мнение людей. Она не понимала, почему такой вопрос, касающийся жизни каждого человека, нельзя вынести на плебисцит? Пусть каждый сам бы решал свою судьбу. Её за это предложение назвали глупой идеалисткой.

Ну и пусть, дочка, сегодня перед тем, как уйти в школу, сказала, что в идеализме её главная фишка. А дочке она доверяла точно больше, чем своим коллегам.

Такова была природа общественной жизни Великоруссии, в сложной конструкции которой соединились все самые тя-

желые стороны как современного капиталистического строя, так и старинного государственного устройства, где народные массы несут лишь тяжёлую служивую повинность, являясь рабской безличной основой государственного благополучия.

Шум за окном отвлек от мыслей и заставил обратить внимание на площадь. Видно было, что какие-то люди митингуют против закона. ОМОН пытается их оттеснить. «Вот они злонравия достойные плоды» – подумала Наташа. Это ведь происходит ещё до голосования. Что же будет после? Одну «площадь» она видела. Ей она не понравилась. Она и её земляки сделали выбор на вхождение в Великоруссию, чтобы избежать «ужасов площади», которые случились в Борисфене. Может ли тоже самое быть здесь? Наташа не хотела отвечать на этот вопрос. Она знала. Там, где рушится демократия, приходит Директория, а с ней тирания и хаос гражданской войны.

Наташа вздрогнула и оглянулась: в дверь кабинета зашла женщина. Покровская обрушила на себя все мыслимые кары, она совсем забыла, что у неё сегодня прием граждан.

Женщине на вид было под пятьдесят. Одета она была бедненько, но чисто и по всему её поведению видно было, что за собой ухаживала. На её голове был одет беленький платочек, который резко оттенял черные брови и сухое загорелое лицо. На лице её не было написано ни фальши, ни двуличности, никакого бы то ни было ухищрения, а её черные глаза излучали тепло и искренность.

«Детали, – подумала Наташа, – всегда важны детали».

– Здравствуйте! – размеренно произнесла старушка, – Вы Наталья Покровская?

Наташа кивнула.

– Да, это я, – сказала девушка тем размеренным тоном, которым она всегда говорила с посетителями и которого не достаивался практически ни один чиновник, – у вас что-то случилось?

Женщина поморщилась. Вероятно, ей было трудно говорить.

– Меня зовут Евдокия Козловская. Я живу одна вместе с дочкой, – женщина заплакала, – она у меня такая умница, такая честная, финансист от Бога, поэтому сидит в тюрьме.

«Дело принимает интересный оборот» – подумала Наташа. Она встала с кресла и налила женщине воды из графина, который стоял на сейфе в граненый стакан.

– Успокойтесь-успокойтесь! – сказала она, достав карандаш и блокнот, – Расскажите подробнее, пожалуйста.

Женщина выпила воды и почти украдкой вытерла намокшие от слёз глаза.

– Я Таню растила одна, – начала рассказ женщина, – она закончила международный лицей в Кранцберге, а потом финансовый университет, и сейчас учиться в аспирантуре в Петерштадте, на вечернем, а днем подрабатывает бухгалтером в студии «Скала». У неё всё было хорошо, пока однажды эта студия не стала снимать фильм про последнего Царя. Фильм этот совершенно дикий, я видела рекламу. Он святую семью показывает совершенными сатанистами, но дело не только в этом. Таня, как-то готовила отчёт, смотрела финансовые документы, – глаза женщины снова налились слезами, – ох

если бы она ничего не смотрела. Оказалось, что в смете гонораров для съёмочной группы был указан человек, который получил гонорар, хотя он не был членом съёмочной группы.

Наташа сдвинула брови и слушала очень внимательно, стараясь не пропускать ни слова из рассказа женщины изредка делая пометки в блокноте.

– Продолжайте, продолжайте, – сказала она, увидев, что женщина запнулась.

– Таня, она такая наивная, – сказала женщина, – она имела неосторожность, указать директору на это.

Наташа кивнула.

– И тут началось... – сказала она.

Женщина скорбно кивнула.

– Началось... – сказала она, – их финансовый директор сделал сверку и по его расчетам получилось, что деньги, которые были выделены на фильм, пропали, – женщина снова заплакала, – и Таню обвинили в присвоении этих денег и арестовали. А она... она сроду чужого не брала. Мы из очень воцерковленной семьи.

Наташа вздохнула. Кажется, ей опять предстоит брать срочный отпуск. Эх и аукнется мне когда-нибудь мое правдоискательство.

– Хорошо, хорошо, – сказала она, – а почему вы решили обратиться ко мне?

Женщина вытерла платком глаза.

– Ну как, – замялась она, – вы же такая смелая, решитель-

ная, про вас все по телевизору говорят и про референдум. Вы же та самая прокурор Покровская и про тот случай с таблетками тоже известно. Моя девочка, она же вместе с Катей Кирсановой училась и с другими, которых спасли потом.

Ах вот почему мне знакома эта фамилия, поняла Наташа, должно быть мелькала тогда в деле. Удивительно переплетаются линии судьбы, однако.

– Кто же, как не вы должны прекратить это безобразие и с фильмом, и чтобы Таню оправдали, – сказала женщина, – она ведь ничего не делала я знаю. А вы... вас все послушают.

Наташа сделала глубокий вздох про себя. Да, Наталья Владимировна, популярность, как она есть.

Девушка энергично побарабанила пальцами по столешнице.

– Хорошо, – сказала она – будем считать, что ваша история начинается сначала. Я займусь этим делом.

* * *

Наташа строго для себя решила, что сколько лет бы ей не отпустил Господь Бог, то в любом случае её эпитафией будет «пострадала в борьбе за справедливость».

Еще раз уверившись в этом, Наташа нажала одну из кнопок на своем рабочем столе.

Почти сразу в кабинет вошла её помощница Надя – круглолицая розовощекая девчонка лет двадцати.

– Вызывали, Наталья Владимировна? – спросила она своим тоненьким голоском.

Наташа кивнула.

– Отмени пожалуйста все мои встречи, – сказала Наташа – все вопросы только по телефону.

Надя задумчиво наморщила лоб.

– Я как раз хотела вам доложить, – сказала она, – к вам пришли очень серьезные люди, они вас ждут.

Покровская вопросительно посмотрела на помощницу.

– Военная разведка, – пояснила Надя, – они так представились. Генерал Артамонов и полковник Воротынцев.

Наташа вздохнула.

– И что им от меня нужно? – недовольно пробурчала она.

Надя пожала плечами.

– Не знаю... – честно сказала девушка. – Но они были крайне настойчивы. Поверьте, они это умеют.

Ну в этом то не было сомнений, Наташа устало мотнуло головой. «Весело день начался» – подумала она.

– Пригласи их ко мне, – развела руками девушка.

Надя сделала легкий кивок и ушла. Вернулась она практически сразу, уже вместе с двумя мужчинами. Один был постарше, крупный седой в строгом сером костюме, другой – лет сорока в бежевом костюме и красивых роговых очках.

– Наталья Владимировна, – приветствовал её мужчина в сером костюме, – наслышаны о вас. Большая честь познакомиться с вами лично. Генерал Артамонов.

– Полковник Воротынцев, – представился другой.

– Взаимно! – рассеянно сказала Наташа, указывая мужчинам на кресла. – Чем, простите, вызван ваш интерес?

Офицеры сели напротив неё.

– Я надеюсь, что вы понимаете, что всё что здесь будет сказано не должно уйти за пределы этой комнаты.

Ну ещё бы!

– Конечно, – широко улыбнулась Наташа, – только боюсь, что если вы пришли разговаривать со мной о моей позиции по...

– О нет-нет! – замотал головой генерал. – Речь пойдет совсем о другом.

– Ну тогда я слушаю, – сказала Наташа, дипломатично улыбаясь.

Когда уже эти парни перейдут к делу?

– У вас только что была женщина, – сказал Воротынцев, – она приходила к вам просить за свою дочь. Я прав?

Наташа, прищурившись, посмотрела на молодого офицера.

– Никогда не думала, что военная разведка занимается такими делами, как присвоение денег киностудии...

Генерал кивнул.

– Вы совершенно правы, – сказал он, – если бы не одно обстоятельство. Неделю назад наша станция слежения перехватила странную шифровку Секуритаты, это контрразведка Директории, отправленную из Петерштадта. Агент, который

писал донесение, по-видимому, считает полученные им сведения крайне важными.

Артамонов бросил взгляд на Воротынцева, как будто ожидал, что тот продолжит рассказ. Словно бы каждому из них надо было сообщить только часть информации.

Полковник понял намек и продолжил сам.

– Коротко говоря в шифровке говорится о некоей информации полученной... впрочем, прочтите сами.

Воротынцев достал из портфеля листок бумаги и протянул его девушке.

Сообщение гласило:

«МЕДАЛЬОН В ЕКАТЕРИНГРАДЕ НЕ
ОБНАРУЖЕН. СЪЕМКИ ПОСЛЕДНИЙ
ПРОДОЛЖАТЬ. СЕКРЕТНОСТЬ ПРЕВЫШЕ
ВСЕГО».

Наташа недоуменно воззрилась на гостей.

– И вы считаете, что я имею к этому какое-то отношение? – с естественной иронией спросила девушка.

Сидевший с мрачным видом Артамонов подарил ей оценивающий взгляд.

– «Последний», – сказал он, – так называется фильм, который снимает киностудия, где работала Татьяна Козловская.

Наташа многозначительно хмыкнула. У этих ребят слова в простоте не бывает.

– Ясно, – кивнула девушка, – только, что вы от меня то хотите? Никак я в толк не возьму.

Артамонов пожал плечами.

– Мать Козловской просила вас за свою дочь, – сказал он, – просила, потому что считает, что вы сможете ей помочь. Вы согласились. Мы всего лишь просим вас не бросать это дело и довести его до конца. Проведите депутатскую проверку этого фильма.

Наташа задумчиво пожевала губу.

– Д-а-а, – медленно проговорила она, – я даже не спрашиваю, как вы узнали так быстро о просьбе матери Козловской...

Воротынцев усмехнулся.

– А вы спросите, – сказал он, – в этом нет никаких сложностей. Учитывая обстоятельства, всё что связано с этой киностудией находится под наших негласным контролем.

Наташа фыркнула.

– Так, а я-то вам зачем? – спросила она. – Вломитесь в киностудию, перетряхните там все?

Артамонов вздохнул.

– Увы, – сказал он, – мы не должны показывать нашу заинтересованность в этом деле. Слишком высоки ставки. Нам нужно знать, как устроена система. Какую цель преследуют съемки? О каком медальоне речь? Как выстроена цепочка связей с Секуритатой? Как студия и Секуритата связаны? Понимаете?

Покровская поджала губы.

– Можно дурацкий вопрос с задней парты? – поинтересо-

вალასь дѳвущка. – Вы считаете, что я все это смогу выяснить?

– Сможете, – сказал Артамонов. – Во-первых мы дадим вам помощника. Этим помощником будет полковник Воротынцев.

«Всю жизнь об этом мечтала» – пробурчала про себя Наташа.

– А во-вторых, – продолжал Артамонов, – депутатская проверка – это единственный легальный способ подобраться к киностудии, не вызывая подозрений.

– Благо оснований для проверки более чем достаточно, – дополнил коллегу Воротынцев, – жалоб на этот фильм множество.

Девушка расправила плечи. Ну, в конце концов, она же обещала матери Козловской, что займется этим делом. Какая разница, каким именно образом? По крайней мере, она отвлечется от бесконечных нудных заседаний и от набившего оскомину словосочетания «цифровой распределитель».

* * *

В весеннем горном лесу шел снег. Он падал мелкими водяными хлопьями на черную безмолвную землю. Сам лес тоже был безмолвен и неподвижен, как будто кто-то заставил его замереть, лишь скрип от быстрых шагов косули нарушал эту тишину.

Косуля бежала, утопая копытами в последних сугробах,

отчего её следы были хорошо видны на снегу, и можно было проследить, куда она бежит. Большие, глубокие глаза стоящей неподалеку девушки следили за косулей через окуляр оптического прицела охотничьей винтовки, казалось, что ещё одно движение, девушка выстрелит и оборвет жизнь существа.

Ксения Авалова опустила винтовку и громко свистнула. Косуля повернула голову и в два прыжка подскочила к девушке, та потрепала её по загривку и протянула что-то зажатое в руке. Животное принялось и стало жевать лежащую в ладони девушки грецкий орех, затем благодарственно склонило голову и метнулось дальше в лес.

– Животные благородные существа, – сказала Ксения, – их не следует убивать.

Вертящийся рядом серый кот Снори норвежской породы согласно мяукнул.

Ксения понюхала носом холодный воздух, плотнее застегивая бежевую куртку-аляску, надетую поверх белого шерстяного свитера – предметов гардероба незаменимых в тех краях, где она жила. Её длинные русые волосы были убраны под вязаную шапку. Несмотря на события в прошлом и то, что с ней произошло, Ксения не утратила своего дара замечать мельчайшие детали и предвидеть надвигающиеся события и её лучистые глаза продолжали отмечать и оценивать окружающую её действительность.

После произошедшего в Борисфене Авалова скрылась из глаз, пока ситуация не успокоилась, если, конечно, это можно было назвать спокойствием. Затем она официально подала рапорт об отставке и устроилась на это самое место в управлении лесного хозяйства Подкарпатья. Местечко скромное, низкооплачиваемое, но зато тихое и спокойное, где она никого не знала и её никто не знал. Ксению это более чем устраивало.

Авалова стала жить на купленной у какой-то бабульки маленькой деревянной даче, где даже через восемь лет, её проживания не появилось никаких предметов уюта, кроме чего-то самого необходимого. Жизнь, которой она жила, застыла где-то в вакууме, в закрытой колбе, в которую Ксения не пропускала грызущее её душу чувство вины.

Из-за неё то старое дело привело к таким трагическим последствиям, к тирании Директории, в конце концов. Она знала, кто стоит за происходившей трагедией, но она ничего

не могла доказать. Она пыталась, но пришла другая власть с другими идеями и другими порядками.

Поэтому она просто жила и старалась не обращать внимание на внешнюю атмосферу.

Вчера ей исполнилось тридцать восемь. Никак особенно она свой день рождения не отметила, разве что, получив звонок от отца, сообщила про придуманную ею вечеринку и несуществующих друзей, с которыми она вместе праздновала, чтобы он не беспокоился о её судьбе.

Её сегодняшнее утро, началось, как и все предыдущие. Она посмотрела новости, где передавали одно и то же, про рост экономики, внешнеполитические успехи, победоносную и справедливую войну с северянами-сепаратистами и выступление человека, который номинально был президентом. Фамилию его она не помнила, да это было и не важно, поскольку он менялся каждый год. Формально всем управляла Директория, состоявшая из шести человек. Они и выбирали Президента сроком на год.

Вот такой отныне стала Республика, за которую она боролась и не смогла отстоять. Жителям в один прекрасный день сообщили с таких же экранов телевизора что демократия потерпела крах от коррупции и власти олигархов, которые хотели устроить переворот. Теперь же к власти пришли военные – они-то и наведут порядок, составив Директорию. Жители восприняли происходящее достаточно однообразно. Кто-то посокрушался, но большинство в едином порыве

приняли новый строй, рассчитывая на хоть какой-нибудь порядок, считая, что так даже лучше. Средний обыватель хотел только, чтобы еды было в избытке, чтобы что-то можно было посмотреть по телевизору и чтобы власти не мешали его потворствованию паре вредных привычек. Тех же, кто пытался робко протестовать, причисляли к отжившему классу аристократов и политиков, которые теряют власть и желают вернуть её обратно, препятствуя порядку и стабильности.

Когда-то единое население теперь было разделено на граждан и лиц без гражданства. Гражданство давалось не в восемнадцать лет, как было ранее, а в двадцать два года и стало носить характер приобретаемого, то есть, чтобы его получить нужно было выполнить ряд условий. Одним из них – была обязательная армейская служба как для мужчин, так и для женщин. Только после отбытия воинской или полицейской повинности можно было обрести заветную пластиковую карточку, подкрепленную избирательным правом, социальными льготами, оплатой обучения и внеочередным разрешением иметь детей.

Бывшую до Директории республиканскую службу безопасности упразднили, образовав на её базе новую структуру – Секуритату. Она стала всевидящим оком нового порядка.

Существовавшие же прежде автономные волости преобразовали в губернии, которыми управлял не избираемый представитель, как было ранее, а утверждаемый Директорией наместник, который обладал всей полнотой власти над

данной территорией.

Медленно, но верно дни становились всё угрюмее и вокруг зрела тревога.

Случилось однажды мирное выступление на севере бывшей Республики, вызванное реквизицией земельных участков и продовольствия в пользу армии. В один из дней колонна военных грузовиков, шедшая с зерном, была окружена толпой безоружных граждан, которые расположились на дороге и отказывались уходить, мешая движению. По подразумеваемому разрешению Директории, руководивший колонной майор приказал ехать прямо на толпу, многих ранив и убив. Учинив такую резню, майор получил чин генерал-полковника и был назначен на должность Наместника, предварительно казнив предыдущего за халатность в «подавлении бунта»

Для многих прежде, даже сквозь пальцы смотревших на Директорию, это событие, которое в народе стали именовать «полесская резня» стало сигналом к тому, что идеалы прошлого мертвы бесповоротно и что настало время для вооруженного сопротивления. Лидеры восстания обратились за помощью к Великоруссии, и Московск объявил территорию северной Понтии своим протекторатом. Так началась жесткая, непонятная и ненужная братоубийственная война, длившаяся уже пять лет.

И вот уже, когда казалось хуже быть уже не может, пришла новая напасть. Неизвестная, стремительная и смертоносная

– вирус. Никто не понимал откуда он появился. Но, найдя дорогу к людям, он начал свирепствовать с ожесточением, которого ещё не знала история человечества. Первыми заразились солдаты ведущие бои в Жемайтии. После легкого недомогания их отправляли по домам, там они заражали друзей и родственников. Так из Понтии болезнь вместе с торговцами, товарами и туристами распространилась по всему миру и бушевала уже год.

Вот такой стала отныне её жизнь.

Ксения продолжала стоять и с закрытыми глазами собирала вокруг себя тишину леса, потом она свистнула Снори и побрела назад к своему домику. Изменение в пейзаже она уловила сразу, возле крыльца стояла бежевая двадцать четвертая «Волга», за лобовым стеклом которой торчал до боли знакомый пропуск в Оперативно-розыскное бюро. Возле автомобиля вертелся худой молодой человек примерно лет на десять младше неё. У него были глаза на выкате, большие уши, длинное худое лицо с гладкой лишенной щетины кожей и с абсолютно наивно-ретивым выражением лица, готовым броситься и в огонь, и в воду. Молодой человек нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Было очевидно, что он прибыл из того региона страны, куда уже добралась весна.

«Детей набрали» – подумалось Ксении. Что ж тут удивительного, что так выросла преступность.

Снори бросился к незваному гостю, громко шипя. Молодой человек боязливо отпрянул в сторону.

– Снори, фу! – приказала Ксения, стягивая рукавицы. – Фу сказала!

Кот заурчал и подбежал к ноге хозяйки, поглядывая любопытным взглядом на гостя.

Молодой человек приосанился.

– Добрый день! – произнес он высоким, почти мальчишеским голосом, заходя вслед за девушкой в дом.

Ксения стянула с себя куртку и растерла друг о друга замерзшие ладони. Затем подошла к плите и налила себе чай, который, как обычно передержала, заварив его слишком рано, до выхода на улицу. Молодой человек продолжал стоять в дверях.

– Вы, Ксения Авалова? – наконец спросил он.

Может быть, ей показалось, но это было произнесено почти с благоговейным трепетом.

Девушка коротко кивнула.

– Кто вы?

– Андрей Кирсанов. Я вам звонил несколько раз и сообщения оставлял, должно быть, вы не получили.

Девушка окинула его придирчивым взглядом. Действительно парень смотрел на неё, как на сошедшего со страниц комикса супергероя. Авалова сняла с головы шапку, и копна её мощных русых волос, высвободившись наружу, рассыпалась по толстому свитеру. Девушка подошла к столу и, взяв длинный, острый нож, стала разделявать свежепойманную рыбу.

– Пейте чай, – сказала она, – иначе заболите с непривычки, – сказала девушка, небрежно указав рукой на термос, – только он крепкий.

Молодой человек взял стоявшую на столике кружку.

– Я заместитель начальника криминальной полиции, отдел убийств, – быстро представился он.

– Заместитель начальника ОРБ вы хотели сказать? – поправила Ксения, бросив одну из разделанных рыб Снори.

Кот утробно заурчал и с довольной мордой, бросился к еде.

Молодой человек рассмеялся, тоже достаточно по-детски.

– Нет, у нас всё изменилось. Очень многое. Сплошные реформы, теперь больше нет Оперативно-розыскного бюро, мы называемся Государственным бюро расследований. И милиции нет – это слово слишком напоминает о временах разгула коррупции и власти олигархов, теперь мы входим в структуру национальной полиции.

Ксения вопросительно подняла бровь. Уже и слова мешают.

Кирсанов налил себе чай в большую жестяную кружку.

– Я приехал, чтобы попросить вас о помощи, – сказал он.

Ксения криво усмехнулась.

– Меня? – спросила она. – И в чём же конкретно я могу помочь, вашему Новому порядку?

Если колкость и не понравилась молодому человеку, то он не подал виду.

– Несколько дней назад, – сказал он, – мне на стол легло заявление о пропаже двух иностранных ученых. Профессор Мецгер и доктор Кропс. Они пропали неделю назад, при весьма странных обстоятельствах.

Ксения хмыкнула.

– Вы полагаете, что я к этому имею какое-то отношение? – ехидно спросила она.

– Я думаю, что никто кроме вас не сможет понять, что с ними произошло, – сказал молодой человек.

«Вот ещё... приехали... больно надо».

– Мне необходим свежий, профессиональный взгляд, – добавил Кирсанов. – Я бы хотел, чтобы вы ознакомились с материалами дела, вдруг мы что-то упустили.

Ксения покачала головой.

– Я, теперь лесничая, – сказала она, – и больше не занимаюсь уголовными делами, да и интереса признаться не вижу. А почему вы обратились именно ко мне?

Кирсанов насупился, он был явно растерян.

– Я... просто вы большой профессионал... и никого нет сейчас в действующей полиции, кто бы сравнился с вами.

Лесть – дешевый прием. На неё он никогда не действовал.

– Позвольте узнать, откуда же у вас такие сведения? – прищурившись спросила девушка.

Молодой человек тяжело вздохнул и протянул ей пистолетную кобуру.

– Когда-то, пять лет назад вы подарили эту кобуру малень-

кому мальчику, у которого убили сестру, – сказал он, – мальчик вырос и стал полицейским как обещал. И пытается ловить плохих парней, как та, что потрясла его тогда.

Ксения чертыхнулась. Как же она сразу не поняла? Не вспомнила? Эта же девочка всё время была у неё перед глазами. По-моему, она иногда бывает слишком черствой.

– Вы лучшая из всех, – продолжал говорить Кирсанов – вы прирожденный лидер!

О да, где-то она это уже это слышала. Детектив Авалова, вы прирожденный лидер, мы надеемся, что вы будете и впредь выполнять свой долг. Было уже, закончилось правда плохо.

– Нет, – коротко ответила девушка.

– Почему? – взвился Кирсанов. – Разве вы сильно заняты? Я видел вашу рутину. Походы по лесу с винтовкой? Это ли предел мечтаний Ксении Аваловой?

Ах вот как мы заговорили. Мальчик с характером, как и его сестра.

– А кого-ты рассчитывал найти здесь? – спросила Ксения. – Супергёрл?

– Я же сказал... – начал Кирсанов.

– Ты молод, – перебила его Ксения, – у тебя впереди вся жизнь! Зачем тебе гнаться по следам прошло и откапывать меня здесь?

Кирсанов потупил взгляд.

– Потому что только вы можете показать мне...

Ксения приподняла бровь.

– Показать что? – спросила девушка.

– Помочь мне, – произнес Кирсанов, – помочь разобраться в том, что происходит вокруг. С каждым днем становится всё тревожнее. Война эта, пропажа ученых, вирус. Всё это так странно. Я не понимаю... мне кажется, что что-то надвигается, и я боюсь встать не на ту сторону. Помогите мне разобраться!

Ксения вздохнула. С этого и надо было начинать. Она закрыла глаза на две секунды. Открыла. Разве этот парень виноват, что всех его начальников разом уволили, и он остался один поддерживать порядок в меру своих возможностей. У него убили сестру. Он мечтал во имя её памяти нести справедливость. Ему понарасказывали, что нужно идти в полицию, бороться за родину, за порядок, против проклятых сепаратистов, разве он лично виноват в том, что реальность оказалась не такой? Он ведь не знал, что это Директория и убила его сестру. Она знала. Наверное, она действительно должна ему показать. Может это её судьба?

Её взгляд непроизвольно упал на сервант, на стеклянной полке которого стояла небольшая коробочка. Там лежал тот самый изумруд, выпавший из перчатки охотницы. Некоторое время он занимал её внимание. Она пыталась понять, какой смысл был в том, что охотница его носила. Но так и не поняла, оставив камень себе в качестве напоминания.

Интересно, почему она сейчас вспомнила о нём? Как

странно. Что-то как будто заставило её обратить внимание на шкатулку, где лежал камень.

Девушка подошла к серванту и достала шкатулку. Камень был на своем месте. Зеленый и тусклый. Иногда, когда ей было тоскливо, она брала этот камень в руки и начинала его рассматривать. Удивительным образом её тоска проходила и наступало спокойствие. Впрочем, Ксения всегда относилась к этой метаморфозе на счет своего характера. Девушка торопливо сунула изумруд в карман. Его было небезопасно оставлять здесь. Она не понимала до конца что это за камень, но считала, что за ним лучше приглядывать одним глазом, а лучше двумя.

Сзади раздалось покашливание. Ксения обернулась.

Подпиравший балку дома Кирсанов шутливо отсалютовал ей кружкой. Она даже забыла о нем из-за этого камня.

– Спасибо за чай, – сказал он, – и за то, что выслушали, я, пожалуй, пойду.

Молодой человек вышел на крыльцо.

Авалова философски вздохнула и посмотрела на Снори.

– Что думаешь? – спросила она.

Кот посмотрел на хозяйку выразительным взглядом, встопорщив усы и красноречиво мяукнул.

– Предатель, – констатировала Ксения – на юга захотел!

Девушка бросила взгляд на молодого человека, который на секунду задержался и наблюдал за ней с короткой улыбкой.

– Знаете, а вы ему понравились, – сказала Ксения, потрепав Снори по загривку, – поэтому я поеду с вами, но только

при исполнении двух условий...

– Каких? – спросил Кирсанов, его вид говорил о том, что, если она его сейчас попросит прыгнуть в ледяную прорубь и просидеть там часов этак восемь, он это сделает.

– Чтобы не случилось, – сказала Ксения, – вы всё время будете слушать только то, что говорю вам я, и делать будете только то, что говорю вам я, – девушка впервые за время разговора протянула руку. – Идет?

Кирсанов с облегчением сжал ладонь Аваловой.

– Идет. – улыбнувшись, сказал он – А второе?

Девушка секунду помолчала, после чего белозубо улыбнулась.

– Вы подружитесь со Снори, – сказала она, не убирая улыбки, – это главное условие.

Молодой человек смущенно кивнул. Наверное, он ожидал всё-таки чего-то более серьезного.

* * *

Ольвия встретила ярким майским солнцем и легким морским бризом, тем самым что приятно освежает лицо и дарит прекрасную прохладу, что особенно полезно во время отдыха. Старинному городу, казалось, было всё равно до тех событий, что делались вокруг. Город жил, жил и всё, его не интересовало, какой у кого образ мыслей, кто какие мысли хочет вернуть, хорошо быть городом или деревом. Растешь

себе и растешь.

Флориан запарковал желтый Citroen Activa возле красивого двухэтажного здания фисташкового цвета, выходящего окнами на старинный оперный театр.

Его спутница мирно спала на пассажирском сидении. Штильхарт потряс её за плечо.

– Эй, мы прибыли, – сказал он, – пора просыпаться.

Ноль реакции.

– Хватит спать!.. – тряхнул девушку Флориан.

«Арнис» открыла глаза и воззрилась на него недовольным взглядом. Теперь на ней красовался длинный белый жакет с вкраплением черного, тонкие брюки и черные лаковые туфли.

– Нет, не хватит, – пробурчала девушка, – обязательно поднимать меня среди ночи?

С этими словами она положила голову на дверной подлокотник и вновь закрыла глаза.

– Среди ночи? – опешил Штильхарт. – Вообще-то уже позднее утро...

Флориан резко открыл дверь автомобиля, и девушка чуть не полетела кубарем из салона.

– А утро, – добавил Штильхарт, – известно, как часть дня. А когда оно такое прекрасное, как сегодня, то и весь день пройдет отлично.

«Арнис» приоткрыла один глаз.

– Что в нём интересно прекрасного? – пробурчала девуш-

ка. – Подлинно прекрасное утро, – это мягкие перины и яичница с тостами, на завтрак.

Флориан затянулся морским воздухом.

– Прислушайся, – сказал он, – утренний хор уже звучит во все свои голоса. Разве не прекрасно?

Девушка села на каменную балюстраду, протирая глаза влажной салфеткой.

– И все в здравом уме, кроме сумасшедших почтальонов и молочников, до сих пор спят, – язвительно произнесла «Арнис». – Куда ты меня хоть привез?

Штильхарт всплеснул руками.

– Великий космос, – возмутился он, – эта женщина ещё и жалуется. Здесь находится квартира одного лионского адвоката. Он любезно согласился одолжить её нам.

Девушка широко зевнула.

– Это тот, который разговаривает не только на три темы: как удержать деньги? как уйти от налогов? как избежать наказания за отмывание денег? – зевая произнесла она.

– Ну, не стоит быть такой категоричной, – сказал Штильхарт пальцем, прикрыв девушке рот, – зато через него всегда можно достать билеты на Лигу чемпионов.

– Зачем доставать билеты на то, что можно посмотреть по телевизору? – покачала головой девушка.

Квартира, которую имел в виду Флориан находилась на мансарде дома и представляла собой типичный просторный лофт, состоящий из гостиной, совмещенной с кухней и

спальни. Квартира имела чистый и изящный вид: свежеекрашенные нежным синим цветом стены, дорогой паркет на полу, в половину которого лежал ковер в виде шкуры медведя. На стенах висели небольшие пестрые картинки. Мебель соответствовала интерьеру. Коричневый кожаный диван стоял придвинутым к одному из окон, перед диваном стоял стеклянный стол, заваленный журналами, а два мягких кресла стояли чуть поодаль. В комнате имелась небольшая плазменная панель.

– Надо же! – удивилась «Арнис», беря в руки один из журналов. – Последний номер «International Affairs». Между прочим, здесь опубликована моя статья – «Проблемы и перспективы глобальной устойчивости». Я, однако, становлюсь популярна.

Штильхарт улыбнулся.

– Не ты, – напомнил он, указывая на журнал, – скорее твоё альтер-эго – Кристина де Леон – молодой профессор из университета Аликанте и успешный политтехнолог великорусского происхождения.

«Арнис» пожала плечами.

– Я – это всегда я, – сказала она, – мои статьи и работы живут самостоятельно, своей жизнью. Я надеюсь, что люди, читающие мои статьи поймут необходимость устойчивости. А чье имя стоит в заглавии – совершенно не важно. Я не гонюсь за индексом Хирша.

Штильхарт похлопал девушку по плечу.

– Я тебе верю, – сказал он, – ты известна как истинное воплощение скромности.

– К счастью для тебя, – буркнула девушка, заглядывая в холодильник, где лежали кое-какие нескорпортящиеся продукты. Не бог весть что, но нехитрый ленч сообразить было можно.

Помывшись и быстро проглотив, как говориться, что бог послал – два бутерброда с полутвердым сыром и пару яблок («Арнис» опять посетовала на отсутствие яичницы с тостами), запив это быстро заваренным чаем, они сразу отправились по адресу, указанному в записке. Рассиживаться было некогда.

Флориан припарковал автомобиль через улицу от цирюльни и остался ждать, на случай экстренной эвакуации.

Все, кто по долгу жил в Ольвии, знали, что в этом городе нет лучшей парикмахерской, чем цирюльня Соломона Грошика, особенно если тебе надо продать или купить информацию.

Именно эта цирюльня, расположившаяся на первом этаже обветшавшего здания, была целью поездки «Арнис».

Флегматичным движением руки девушка открыла дверь и вошла внутрь.

Убранство парикмахерской, ничем не отличалось от сотен других подобных заведений. Несколько комфортабельных кресел перед длинными зеркалами, миниатюрными столиками, разными шкафчиками, где стояли шампуни, лаки и

прочая дребедень. На полу белая плитка, чтобы легче было собирать остриженные волосы.

Зайдя в помещение, девушка некоторое время потопталась возле регистрации – длинной матового цвета стойки, на которой стоял компьютер и телефон, – и наконец негромко кашлянула, объявляя о своем присутствии.

– Извините, пожалуйста, – сказала она.

В проеме кладовой появилась седая голова принадлежащая, человеку лет семидесяти пяти – восьмидесяти. Вместе с ней в зал ворвались клубы обычного запаха парикмахерских.

– Вы ко мне? – поинтересовался старик тонким скрипучим голосом.

– Если вы Соломон Грошик? – отозвалась «Арнис»

Старик кивнул.

– Я Соломон, – сказал он, – а вы кто?

– Мне сказали, что у вас можно купить чудесный шампунь? – сказала «Арнис» вместо того, чтобы назвать свое имя.

– Совершенно верно, – сказал Грошик, – мне таки вчера привезли прелестный новый шампунь от «Рене Фуртерер»... Я рад, что мы уладили все формальности, – он улыбнулся и протянул руку, Соломон.

– «Арнис», – сказала девушка, пожимая руку.

На лице Грошика выразилось удивление.

– Знаменитая «Арнис»? – риторически спросил он. – Ваша слава летит впереди вас, юная леди.

«Арнис» коротко улыбнулась.

– Выпьем за знакомство? – предложил Соломон. – У меня есть чудесный ирландский виски.

«Арнис» пожала плечами садясь в кресло.

– Не откажусь, – сказала она.

Соломон снова скрылся в подсобке и в скором времени вернулся квадратной бутылкой и двумя бокалами.

– Вы первый раз в Ольвии? – спросил Соломон, разливая напиток.

«Арнис» отрицательно покачала головой.

– Нет, – сказала она, – я много раз здесь бывала, до войны.

Соломон хмыкнул.

– Знаете, – задумчиво сказал Грошик, – я прожил здесь восемьдесят лет, в том числе и румынскую оккупацию, и только-только начинаю понимать, что ольвиец – это не житель, а национальность. Ваше здоровье!

– И ваше, – сказала «Арнис».

Грошик откинулся на кресле.

– Впрочем, давайте поговорим за ваше дело – сказал он.

«Арнис» вежливо улыбнулась.

– Как вы считаете, я здесь не напрасно? – спросила девушка.

Грошик нахмурил брови.

– Определенно, – кивнул он, – хотя у меня нюх отменный и я подозреваю, что наш доброжелатель говорит меньше, чем

знает.

– Удалось выяснить кто написал письмо? – спросила «Арнис».

Старик пожал плечами.

– Увы, – сказал он, – хотя я пытался. Единственно, что могу сказать. Письмо не было написано под давлением.

«Арнис» пожевала губу.

– Значит, у нас всё-таки есть шанс, что информация правдива, – сказала она, – а когда я могу встретиться с информатором?

Соломон улыбнулся.

– С этим все очень просто, – сказал он, – с ним вы увидите сегодня вечером.

– Где? – спросила «Арнис».

– Загородный дом Анны Щербатовой – это местная богачка, с причудами, каждую субботу она устраивает званый вечер на своей даче. Что-то вроде богемного салона.

«Арнис» насупилась.

– И как я его узнаю? – спросила она. – Информатора?

– Он сам к вам подойдет, – сказал Соломон, – он вас знает в лицо.

«Арнис» отпила из бокала. Виски обжигал горло, но отказываться было не вежливо. Интересные новости.

– А у вас у самого есть, какие-то зацепки? – спросила девушка.

– По поводу вакцины? – поинтересовался Грошик.

– Да, – кивнула «Арнис»

Соломон предупредительно поднял палец.

– Есть, – сказал он, – всё тщательно скрыто, но мой «друг», – он дотронулся пальцем до кончика носа, – считает, что дело нечисто.

– И что же конкретно? – поинтересовалась «Арнис».

Соломон встал с кресла.

– Я не могу сказать точно, существует ли действительно готовая вакцина от «зеленого призрака», но подозреваю, что окажется такая разработка у правительства любой страны, оно уже бы заявило монопольные права на изготовление и продажу лекарства.

«Арнис» насупилась.

– Значит, это какой игрок вне прямого поля? – спросила она – А не конкретное государство?

– О нет, – сказал Соломон, – вряд ли это конкретное государство. Ни одна из сверхдержав не допустила бы подобной ситуации. Вирус стал для них большим сюрпризом. Знаете, о кризисе не говорил только ленивый, но никто не был готов к нему по-настоящему. Вирус – вот что стало триггером.

Девушка пожевала губу.

– Но может ли негосударственный игрок обладать такими планетарными масштабами? – спросила она.

Грошик фыркнул.

– Не знаю, – сказал он, – наверное, сам по себе может быть и нет, но они могут использовать свое влияние на государ-

ства. Например, одна здешняя клиника...

Договорить ему не дал приглушенный выстрел. Грошик упал на плитку и по белому покрытию картинно разлилась кровь. Вторым выстрелом неведомый киллер хотел прикончить и девушку, но она заметила блеск оптики перекувырнулась и выстрел пришёлся в шкаф с лаками из-за чего они вспыхнули. Девушка моментально выхватила клинок.

Вовремя! Сверху спереди на неё уже обрушился неизвестный убийца. Девушка вскинула клинок и ударила им по оружию. Заточенная углекислотным лазером сталь отсекла половину ствола пистолета. Давление пороховых газов разорвало остаток оружия на куски вместе с нападавшим.

«Арнис» убрала свой клинок и осторожно подошла к дымящемуся трупу. Обыскать она его не успела, так как услышала рев автомобиля. Вероятно, это был сообщник. Девушка быстро сняла с трупа куртку и кепку, нацепила всё это на себя. Изображая пошатывание, она направилась к машине, за рулем которой сидел толстый бугай.

– Сделал? – осведомился бугай.

«Арнис» махнула рукой.

– На базу давай!.. – сказала она, как можно более хрипло-глухим голосом. – Всё у меня.

«Арнис» уселась на заднее сидение, пожалев, что рядом нет Штильхарта, приготовилась к поездке неведомо куда.

Автомобиль ехал по узкой заасфальтированной дороге на север и прочь от города. Его южные огни остались далеко позади. Вокруг была крошечная темнота. Поэтому яркий электрический свет больно ударил в глаза, когда автомобиль подъехал к высокому бетонному забору, похожему на крепостную стену, с фонарями и шлагбаумом раздались спокойные шаги, затем хриплый смех и их автомобиль поехал дальше. За шлагбаумом света снова стало мало. Было похоже, что они сразу въехали в какой-то туннель, наподобие тех, что в метро. Кругом провода и маленькие фонарики. «Интересно, где это я и как я отсюда выберусь?» – усмехнулась «Арнис». Наверное, надо было подумать, ну, прежде чем бросаться в незнакомую машину.

Наконец тоннель кончился. Свет опять больно ударил в глаза, (да они нарочно что ли?!), и «Арнис» сумела разглядеть высотное стеклянное здание, похожее на штаб-квартиру ООН в Нью-Йорке. Очередной шедевр современной мысли урбанизма. Большая надпись на входе гласила:

«Department biologicheskogo blagoustroistva»

Так, подумала «Арнис», чего же меня опять в какие-то клиники заносит, а? По-моему, прошлого раза сполна хватило.

Автомобиль затормозил и стал опускаться, очевидно на подземный паркинг. Вновь стало темно. Мотор замер. Путешествие закончилось. Водитель вышел из машины и открыл заднюю дверь.

– Добрый вечер – улыбнулась ему девушка.

Хорошим манерам его вряд ли учили, потому что вместо учтивого приветствия бугай двинул ей ногой в живот, из-за чего девушка вылетела из машины, с другой стороны.

Прийти в себя ей не дали. Бугай обежал машину и всем телом придавил «Арнис» к холодному бетонному полу, в его руке блеснуло лезвие ножа. «Арнис», пожертвовав лицом саданула противника головой, тот слетел с неё, скорее от неожиданности. Они оказались друг напротив друга. Бугай взмахнул ножом и полетел на девушку, но «Арнис» вовремя увернулась, и бугай со всей силой впечатал себя в дверь автомобиля. Девушка для верности ещё дала ему разок ладонью по шее.

«Арнис» выдохнула и некоторое время приводила себя в порядок, потом стала обыскивать карманы оглушенного ею бугая. В них обнаружился жетон офицера Секуритаты, а также пластиковая ключ-карта от кабинета на пятом этаже. Определив для себя, что она, ну просто обязана побывать в этом кабинете, девушка стала озираться в поисках лифта. Оный обнаружился метрах в пятидесяти от неё. Затолкав бугая в машину «Арнис» легкой припрыжкой, побежала к лифту и, сунув в специальное отверстие карту, стала подни-

маться.

* * *

Пока стеклянная кабина лифта возносила её, «Арнис» любовалось огромным стеклянным же атриумом с многочисленными галереями и балконами, а ещё то тут, то там, она замечала застывших в немом ожидании бойцов Секуритаты; встретиться с ними – так себе перспективка.

С коротким сигналом лифт остановился и двери открылись. «Арнис» была уже готова увидеть армаду солдат, которые на неё накидываются, или злобных собак или то, что сработает сигнализация, однако ни первого, ни второго, ни третьего не случилось. Коридор был пуст. Он был длинный, белый и с черным графитовым полом без дверей или ниш, только световая дорожка вдоль него указывала направление к единственной двери. «Арнис» побежала вперед, прогнав попутно четвертую возможность: дверь внезапно распахивается и оттуда опять-таки вылезает вооруженная публика.

«Арнис» приложила карточку к замку, и, мигавшая красным, панель стала зеленой. Похоже тут никаких фокусов не было.

За дверью оказалась огромная панорамная комната с выгнутым стеклом сквозь, которое можно было наблюдать на ночные городские огни. Это было удивительно, поскольку город располагался достаточно далеко, но здесь он был как

будто на ладони. Кто бы ни владел этим зданием, он был очень богат, чтобы иметь такие технологичные стекла.

«Арнис» прошла дальше и стала обозревать комнату, которая, судя по всему, была кабинетом. Глянцевый антураж состоял из двух цветов – белого и черного. Немного не доходя окна стоял куб – тоже черный с расчерченными серебристыми нитями и причудливой геометрической формы кресло. Куб, очевидно, играл роль стола.

«Арнис» обошла куб и увидела, что с другой его стороны в него вмонтирован небольшой сейф.

Девушка улыбнулась, как говорил Джон Кеннеди, дипломату нужны железные нервы профессионального карманника. И навыки, наверное, тоже, добавила от себя «Арнис».

Девушка вытащила из кармана пластиковую карточку и прислонила её к дверце. На небольшом дисплейчике карточки забегали цифры, дублируя их на магнитный замок сейфа. Раздалось два щелчка, и дверца распахнулась.

Подходящую остроту «Арнис» подобрать не успела. Как только она сунула руку внутрь, сразу взвыла тревога.

«Ну почему мне никто не сказал, что здесь лучевая защита» – возмутилась девушка, выхватывая папки с документами. Хочется надеяться, что там что-то стоящее, а не рецепт Сассекского пудинга.

Какофония сигнализации смешалась с криками и топотом множества ног, обутых во что-то тяжёлое. Для полной радостной картины из потолка выскочили автоматические ту-

рели, обрушив на девушку ливень пуль. Девушка, пригибаясь припустила со всех ног.

Надо ли говорить, что она нарвалась на охрану?

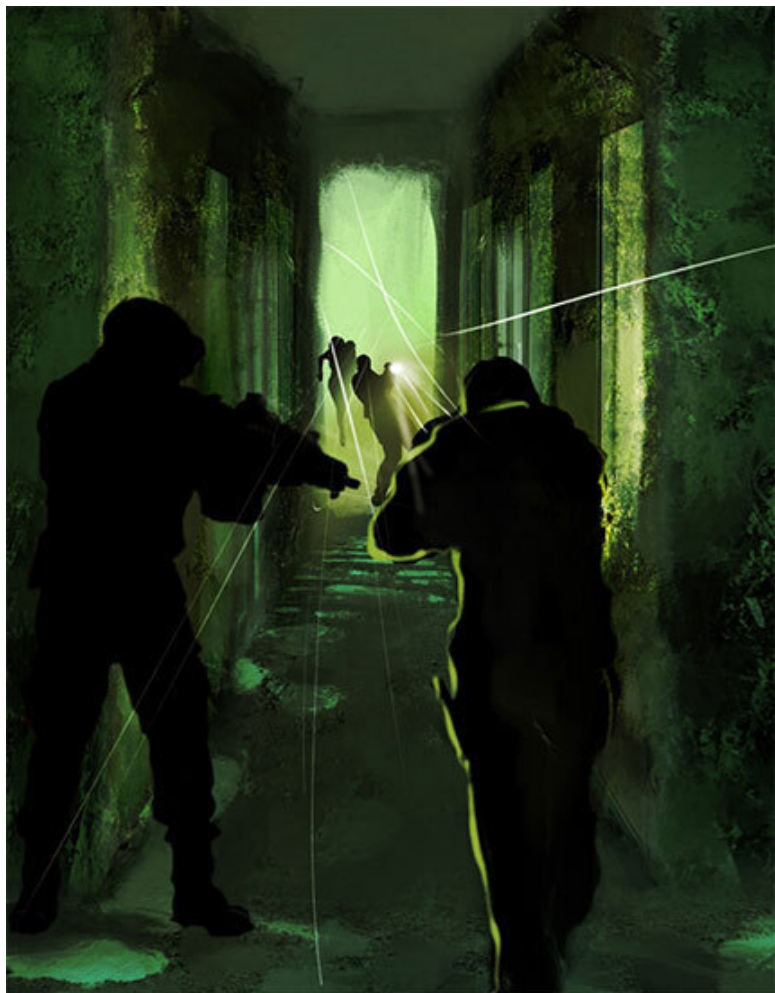
– А ну стоять! – крикнул солдат в форме Секуритаты. – Держите её!

Ей повезло, что боец оказался плохим стрелком и дал ей время убежать к лифту. Стеклопанная кабинa дала ей возможность легкой передышки.

Лифт остановился на нижнем уровне атриума. Там девушка нарвалась на очередную засаду. Под ливнем пуль «Арнис» выскочила из здания и спряталась за массивной бетонной колонной, пытаясь оценить время, когда у преследователей кончатся патроны. Из стеклянного фойе тем временем приближалась другая веселая компания.

Кажется, она здесь задержалась. Девушка прыгнула вперед к единственному на её взгляд спасению – припаркованным военным квадроциклам Секуритаты. Вскочив на один из них, «Арнис» завела мотор и дала газу. Она вновь ехала по длинному тоннелю с фонариками и проводами, искренне надеясь, что здесь ничего не заминировано. Впрочем, она это точно установила, поскольку ей вслед гнались несколько таких же квадроциклов. Одно хорошо: они не стреляли. Однако благородство преследователей явно продлится только до шлагбаума. А вот дальше... «Дальше» «Арнис» дожидаться не стала, девушка стянула с себя туфли и зажала одной из них педаль газа, и в тот момент, когда квадроцикл подъезжал

к шлагбауму, она, вывернув руль, соскочила с четырехколесника и перекувырнулась под металлическим прутом. Лишенный седока квадроцикл проскочил следом в ночью тьму.

Переведя дыхание, «Арнис» прислонилась к холодному бетону.

– Мои итальянские туфли, – тяжело вздохнула девушка, бросая в даль оставшуюся лодочку.

Пространство озарил рев мотора и свет фар. Откуда-то из черноты вылетел «Ситроен».

– Прыгай, быстро! – завопил Флориан.

Дважды упрашивать не пришлось, шлепая босыми ногами по асфальту, «Арнис» забралась в машину, и Штильхарт, не успев она закрыть дверь, рванул в сторону города.

Да, заключила «Арнис», такие места, вероятно, она всегда будет покидать с фейерверком.

* * *

Покровская не любила самолеты. Она признавала, что это самый быстрый вид существующего на сегодняшний день транспорта, но вся предполетная суэта дико её выматывала, да и сам полет, заключающийся в бесцельном времяпрепровождении в течение нескольких часов, тоже не вызывал особой радости и наконец постоянный гул двигателей мешал ей думать. «Нет, ехать на поезде гораздо приятнее» – заключила Наташа.

Её сопровождающий сидел рядом с ней. По первому впечатлению, он производил впечатление толкового и дотошно-го парня. Наташа надеялась, что поговорка о верности пер-

вого впечатления верна.

Это дело занимало её. Она, признаться честно, уже забыла тот азарт, с которым раньше бросалась в расследования. Но её привлекал не только азарт, но ещё та аура таинственности, которая окружала эту запутанную историю.

– А кто снимает это кино? – спросила девушка вслух. – Что о нём известно?

Воротынцев пожал плечами.

– Некто Школьников, – сказал он, – из современных режиссеров. Таких сейчас много. Лет семь назад он снял какую-то драму о Великой Отечественной, которую никто не смотрел, но от которой пришли в ярость ревнители прошлого. Школьников тут же сделался иконой среди определенной публики, всяких там либералов и прогрессистов. Но с ними он якшаться не стал, наоборот всячески поддерживает нынешний политический курс.

Наташа вопросительно сдвинула брови.

– Эта тирада, означает, что он мог пойти на аферу с деньгами? Воротынцев флегматично кивнул.

– Теоретически, да, – сказал он, – тем более если бы вскрылось нецелевое использование средств. За аморалку нигде уже не сажают, а вот за нецелевое использование посадить могут.

Наташе, исходя собственных жизненных эсперианций, такие ситуации не нравились. По её мнению, любой фильм или спектакль, или нарисованная картина, даже если была

абсолютно бездарной имела под собой не только отмывание денег. Может она и перебарщивала, но снятие подобного фильма имело определенный смысл и без финансовой составляющей. Но зачем? Кому это нужно?

– А что мы знаем о девушке? – спросила она. – Почему её арестовали, слежка?

– Да нет, – бросил Воротынцев, – заявление принес сам Школьников, нет виноват, директор студии – Штайнман. А о девушке, ничего особенного. До этого момента она нигде не светила. Я смотрел характеристики, все о ней положительно говорят.

– Так а в чем суть дела? – спросила Покровская. – В чём именно её обвиняют?

– В общем, банальная история. – кивнул Воротынцев. – Месяц назад, на счёт студии были перечислены деньги из фонда кино, для съемок фильма. Деньги были приняты на баланс, всё честь по чести, а где-то две недели назад, Штайнман попросил Козловскую перечислить некоторую сумму на покупку съемочного оборудования, однако деньги на счет мастерской не поступили, а поступили на счет самой Козловской.

Наташа закусила губу.

– А мотив?

– У Козловской был кредит, – пояснил Воротынцев, – если быть точным, большая задолженность по кредиту. Когда опрашивали свидетелей, они сказали, что неоднократно слы-

шали, как Козловская ругается с коллекторами по телефону, кстати, говоря эти две свидетельницы подтвердили в суде, что Штайнман давал девушке поручение оплатить съемочное оборудование.

– Что за люди? – спросила Наташа.

– Актрисы, – пояснил Воротынцев, – они задействованы в фильме, который Школьников снимает. Княжон, по-моему, играют. Лина Шмидт и Яна Волохова, кажется. Так вот они в один голос утверждают, что в день, когда Штайнман просил Козловскую оплатить оборудование, она, якобы, просила у него выдать зарплату пораньше, мол ей кредит платить нечем, но он ей отказал.

– А подлинность кредита проверили? – спросила Наташа. Воротынцев кивнул.

– Да, Банк Петровский. Кредит на Козловский Татьяну Сергеевну, значит.

Наташа задумчиво поджала губы. Она обдумывала рассказ Воротынцева и не понимала, что ей в этом рассказе не нравится. Она не находила в нём ничегостораживающего. Всё просто, логично и понятно и главное процессуально верно, по крайней мере на первый взгляд. Но вот перехваченная шифровка... она немного сбивала. Может быть, девушка узнала, что-то лишнее. Её мать говорила, что в смете на съемочную группу значился лишний человек. Возможно, этот человек и связан с шифровкой. К тому же если человек из религиозной семьи, то воровство для него табу. Да, конечно,

бывают разные обстоятельства, но всё же...

Девушка задумчиво покачала головой.

– Не вяжется, – сказала она вслух, – как-то слишком уж гладко. Даже если она украла, то неужели, она не могла сделать это как-то красивее? Сделать левый счет или может быть перевести на счет какого-то знакомого. Нет, она просто берет деньги со счета фирмы и переводит их на свой счет, что же она не могла не понять, что пропажа вскрыется и первой на кого подумают, будет она? Это первокурсница поймет, а она опытный бухгалтер.

– А может она так и хотела, – предположил Воротынцев, – просто не успела. Может быть, пропажа вскрылась раньше, чем она думала.

Наташа нахмурилась.

– Допустим, – сказала девушка, – и Штайнман лично идет подавать заявление на неё? Не посылает юриста, а падает лично, странно, не находите. И ещё один момент, допустим на неё действительно давят коллекторы и у неё нет другого выхода, кроме как украсть. Но украв деньги, она не бежит расплачиваться по долгам, а неделю держит их на своем счете, зная, что фирма, которой должны были перечислить эти деньги, обязательно их затребует. Да и вообще получается, что всё обвинение строится только на показаниях свидетелей, которые сами зависят от Школьниково, а он в любой момент может выгнать их со съемочной площадки, если они не скажут, то что нужно.

Воротынцев нахмурился.

– Стоп, я не пойму – сказал он, – мы кого подозреваем в подставе директора или режиссера, ведь Школьников не занимается административными делами студии:

Наташа повернула голову в сторону и стала смотреть в иллюминатор на мелькающие новгородские леса.

– Но лист съемочной команды определяет режиссер, – возразила девушка, – и если там правда были заявлен человек, который не участвовал в съемке, Школьников обязан был об этом знать.

– Но ведь это мог быть просто стажер или какой-нибудь помощник на общественных началах, – возразил Воротынцев, – вполне возможно, что он работал, но не получал денег за работу. Так ведь тоже может быть.

Покровская откинула голову на подголовник.

– Возможно, – сказала она, – но, как я понимаю, никто не нашел документы, где бы этот человек был указан, так?

Воротынцев кивнул.

– Так, – сказал он, – никаких следов, – обвинение считает, что Козловская его просто выдумала.

Наташа предупредительно подняла палец.

– Вот, – сказала она, – а если это так, как вы говорите, то почему ни Школьников, ни Штайнман о нём не упоминали. Ведь чего проще, скажи, «да она мне показывала. Я ей всё объяснил». Зачем им скрывать это?

– И зачем? – сдался Воротынцев.

Покровская коварно улыбнулась.

– Очень просто, – сказала она, – этот человек не хочет, чтобы его показывали, но при этом ему для чего-то очень было нужно находиться в съемочной команде, именно в этой съемочной команде, улавливаете смысл?

– Пытаюсь, – честно сказал Воротынцев, – вы клоните к тому, что этот человек и связан с шифровкой?

Наташа кивнула.

– Именно, – сказала она, – тут дело в фильме. Нужно понять причину того, почему этот фильм был снят именно в таком стиле в каком он снят. И почему его снимет этот конкретный режиссер. Важно знать, кому это выгодно.

Воротынцев выпятил губу.

– Фильм как политическая провокация, – с сомнением проговорил офицер, – не слишком ли круто, для Школьниковова? Он трусоват и вряд ли будет участвовать в чем-то подобном.

Наташа покачала головой.

– Школьников – лишь прикрытия, – сказала она. – Думаю, что есть кто-то крупней.

Воротынцев хмыкнул.

– Возможно, – кивнул офицер, – и всё же не понимаю причём тут Козловская и зачем её подставлять? Разве своими словами о лишнем члене команды, она могла как-то повлиять на осуществление провокации? Там и погорячее темы для споров есть, касающиеся этого фильма. Если бы государ-

ство хотело этот фильм прикрыть, оно давно бы это сделало, без всяких бюрократических заморочек.

Наташа задумчиво дернула бровями. Она была согласна, что-то тут было не то. Что-то, что она пока не знала.

– В любом случае, – сказала она, – для начала, нам нужно поговорить с самой Татьяной. Это ведь можно устроить?

Воротынцев коротко кивнул.

– Я уже договорился, – сказал он, – нам устроят свидание, сегодня вечером.

Наташа улыбнулась. Она любила исполнительных подчиненных.

* * *

Пока «Волга» её нового напарника мчала их по шоссе в сторону Ольвии, Ксения всю дорогу сюда думала почему согласилась взяться за это дело. Нет не по каким-то идейным соображениям и не из-за этого смазливого мальчишка Кирсанова, а скорее всего из-за себя. Она поехала, потому что ей хотелось поехать. Поехала, потому что ничего лучше этого она не умеет делать. И делать то, что она должна делать в этой стране лучше всех умеет она одна, а те другие люди, которые тоже умеют делать они, выбрали иной путь, она их не осуждала. Так уж вышло. Хотя, возможно, и могла? Она часто задавалась вопросом: все ли она сделала, чтобы не произошло то, что произошло, тогда пять лет назад? Она ушла,

потому что остаться для неё значило бы отказаться от правды. Значило признать то, чего не было. Значило растоптать всё то, за что она боролась и страдала. И, может быть, согласие её на приезд сюда в Ольвию было чем-то вроде попытки что-то если не изменить, то исправить. Она не выбирала эту дорогу. Это эта дорога выбрала её, и она должна была следовать тому пути, что был ей предначертан.

– Здорово, что вы согласились поехать, – весело произнес Кирсанов, – с вами, мы раскроем это дело в два счета.

Интересно, кем он меня все-таки воображает, подумалось девушке, неужели правда считает, что я взмахну рукой, и все плохие парни понесут наказание. Она перехватила его взгляд. Да, похоже на то.

– Я честно рад, – сообщил Кирсанов, – вы же для меня были, что-то вроде... вроде легенды. Как древний воин, защищающий справедливость.

Может мне ещё шрам на лоб сделать, усмехнулась девушка, или нацепить матроску?

– Ах это вот так теперь называется? – смеясь воскликнула она. – Давайте лучше о деле. У вас есть хоть какие-то зацепки?

Кирсанов кивнул.

– Как я сказал пропали ученые, – произнес молодой человек, – Профессор Мецгер, и Доктор Кропс. Оба исчезли без следа. Причем оба в один день.

Ксения насупилась.

– А чем они здесь занимались? – спросила девушка.

– Их пригласили на международный конгресс, – кивнул Кирсанов, – вместе с ними приехало ещё человек пятьдесят.

– Но пропали именно эти, – уточнила девушка, – а кто сообщил об их исчезновении?

– Заявление поступило от секретаря доктора Кропса, – сказал Кирсанов, – она же, собственно, и сообщила, что последним человеком, с которым она его видела, был профессор Мецгер. Так мы выяснили, что и Мецгер исчез.

Авалова задумчиво пожала плечами.

– Есть хоть какие-то предположения, что с ними могло произойти?

Кирсанов покачал головой.

– Никаких, – сказал он, – но вся эта история очень странная. Двое ученых, лучшие специалисты в своих областях и...

– А чем они занимались? – перебила его Ксения.

Кирсанов закусил губу, вспоминая.

– Кропс был генетиком, – сказал он, – а Мецгер вирусологом.

Авалова многозначительно хмыкнула.

– Интересно... – согласилась девушка, – очень интересно. Мне надо съездить допросить этого секретаря.

Возлежавший на заднем сидении волги Снори весело и весьма саркастически мяукнул. Ксения повернула к нему голову.

– Следи за языком, – сказала она, – я ещё ни на что не

соглашалась.

Интересно, кого ты обманываешь, а сестричка?

* * *

Приехавшие на международный конгресс ученые все были размещены в пятизвездочном отеле «Бристоль», недалеко от набережной.

Секретарь и ассистент доктора Кропса, Амандин Анри – француженка лет двадцати пяти ожидала их в бизнес-сьюте на восьмом этаже. Ксения здесь делала всё тоже, что обычно: смотрела вокруг, все подмечала, оценивала обстановку.

Ничего выдающегося. Стандартный деловой номер. Окна, высотой почти достигавшие потолка, были неплотно задвинуты гардинами, через которые проскальзывал вход на балкон и Эвксинское море. В углу стоял письменный стол и офисное кресло. Ещё одна комната поменьше была отведена под спальню. Повсюду виднелись хорошо знакомы метки криминалистов. Было понятно, что если с ученым что-то произошло, то явно не здесь.

Все было спокойно и мирно, кроме ассистентки, которая, в противоположность атмосфере номера, находилось в состоянии в высшей степени напряженном.

– Поверить не могу, что такое могло произойти, – причитала она, – я думала, что профессор Мецгер сможет что-то прояснить, но если, и он пропал, то я вообще ничего не по-

нимаю...

– Почему вы решили, что вашего шефа похитили? – спросила Ксения. – Га это что-то указывает?

Секретарь наморщила лоб.

– Понимаете, – сказала она, – я работаю у доктора Кропса уже шесть лет и за эти шесть лет, он ни разу не пропускал свои панельные выступления. Кроме того, доклад, который он должен был представить на конференции, это обобщение его работ за последние шесть лет.

– А над чем именно он работал? – уточнила Ксения. – У него был какой-то особый проект? Секретарь развела руками.

– Я не знаю точно, – сказала девушка, – именно к этому проекту, он меня не подпускал. Но один раз мне удалось посмотреть его документы. Его опыты были связаны с РНК-зависимой ДНК-полимеразой. В общем, с проблемами клонирования.

– Интересно, – кивнула Ксения, – а вы склонны видеть связь между его работой и пропажей, может быть, научные конкуренты или что-то в этом роде?

Секретарь покачала головой.

– Это стереотипы, – сказала она, – знаете, это только в старомодных детективах, соперники убивают за открытие. На самом деле каждый ученый сидит в своем кабинете и работает над чем-то своим, а потом открывает для мира и коллег. Наоборот, чтобы создать что-то великое нужно объединить творения нескольких ученых. Да, конечно, исключения слу-

чаются, но их крайне мало, и доктор Кропс точно не входит в это число.

– Почему вы так уверены? – спросила Ксения.

– Потому что никто кроме доктора Кропса, его темы не исследовал, – сказала секретарь.

Ксения улыбнулась.

– И как я понимаю вас, – сказала она, – вы ведь его аспирант, так?

Секретарь кивнула.

– Так, – сказала девушка, – но я занимаюсь своей отдельной темой. Она пересекается с работами доктора Кропса только косвенно.

Держалась она открыто. Лжи в её словах не чувствовалось. Все вообще было благостно, Ксении это не нравилось.

– Ну может было что-то странное в его поведении? – спросила она, – возможно его что-то волновало.

Секретарь нервно облизала губы.

– Кое-что было, – сказала она, – доктор Кропс, за неделю, до исчезновения, послал меня на почту. Необходимо было отправить в одно письмо в Петерштадт. Оно как раз содержало документы, в которых шла речь о РНК-зависимой ДНК-полимеразе. Я их нечаянно подсмотрела. Доктор это увидел и очень рассердился. Он тогда отобрал их у меня и пошел на почту сам.

Ксения сдвинула брови.

– Было в конверте что-то ещё? – спросила она.

Секретарь нервно закивала.

– Да-да, – сказала она, – было. Как раз, когда доктор отобрал у меня конверт из него выпал фотографический снимок девушки. Он был черно-белым. Лица, к сожалению, я не рассмотрела. Помню, что она была в платье.

Авалова задумалась. Интересно, что было в этих документах такого, из-за чего нужно было так бушевать? Обычно научные руководители с удовольствием делятся с аспирантами своими открытиями.

– Прошу меня извинить, – оборвала её мысли секретарь, – я сегодня руковожу заседанием секции генетики. Я была бы признательна, если бы вы...

– Хорошо, – сказала Ксения, – мы постараемся держать вас в курсе.

* * *

Флориан открыл дверь квартиры и привычно огляделся на предмет ловушек, он всегда так делал в последние годы. Сейчас всё было спокойно. В квартире никого не было, если не считать подруги, которая сидела, откинувшись на спинку кресла с компрессом из намоченного цветного полотенца на голове, и выглядела в нём весьма оригинально.

– Как голова? – патетично поинтересовался Штильхарт. «Арнис» кисло посмотрела на молодого человека.

– Могло бы быть лучше – пожаловалась она, срывая с го-

ловы полотенце.

– Нашла что-нибудь, стоящее внимания? – спросил Флориан, кивнув на разложенные на стеклянном столике перед девушкой документы.

– Пожалуй, – отозвалась «Арнис», – Смотри-ка!

С этими словами девушка протянула Флориану помятую фотографическую карточку с каким-то пейзажем.

Штильхарт пожал плечами, набивая трубку.

– Станный предмет в медицинском досье, – сказал Штильхарт. – Но не вижу ничего особенного. Парк или сад, девушка стоит на зеленой лужайке!

«Арнис» вооружилась лупой и стала увлеченно водить лупой по фото.

– Согласна, ничего, – кивнула девушка, – если бы фото не было дотировано началом XX века. Посмотри, как одета девушка.

Штильхарт, вертя в руках трубку, внимательно взгляделся в снимок и флегматично качнул головой.

– Да, действительно, – сказал он, закуривая, – как-то сразу внимание не обратил. Хотя, может быть, это просто фото со съемки какого-нибудь исторического фильма, смотри, уж больно качество хорошее для начала прошлого века.

Девушка покачала головой.

– Скорее уж увеличенный негатив или копия с оцифровки старой фотографии, – предположила девушка, – судя по позе девушки... такие позы для съемки были в то время рас-

пространены.

Штильхарт еще раз пальцами покрутил лежащее на столе фото из стороны в сторону, словно бы от этого он бы получил ответы на интересующие его вопросы.

– Вот если бы хотя бы знать, где это снято и кто здесь изображен, – пробормотал он, – может, это какое-то редкое фото или что-нибудь ещё в этом духе. «Арнис», не оставляя бокал с вином, бросила небрежный взгляд на снимок.

– Ну, – сказала девушка, – где это снято, и я тебе скажу. Это снято в Царском – курорт, один из пригородов Петерштадта. До пролетарской революции там была резиденция Царя Великороссии из династии Михайловых. Но вот кто эта девушка или женщина... здесь так снято, что и возраст не поймешь.

– Я бы сказал девушка, – предположил Штильхарт, – пластика изящная.

«Арнис» прыснула.

– Ах простите! – захохотала девушка. – Я и забыла, что сию рядом с большим ценителем женской пластики.

Флориан скривил рожу.

– Ты остроумна, как плохо сидящий парик, – сообщил Штильхарт, – надо бы найти хорошую фотомастерскую и увеличить снимок. Почему рядом нет Фабиана, когда он так нужен?

Девушка кивнула.

– Согласна, – сказала она, наслаждаясь вином, – и про Фа-

биана тоже. Но меня интересует другой вопрос. Люди, которые убили Грошика, привезли меня в этот медицинский департамент, и в сейфе этого департамента я обнаруживаю папку, где вместе лежат какие-то медицинские документы и это фото. Странноватый набор, прямо скажем.

Штильхарт пожевал в зубах трубку.

– Ты хочешь сказать, что все это связано? – спросил он.

– То-то и оно, – задумчиво проговорила «Арнис», – если документы укладываются в одну картину. Ну всякие там опыты и так далее, то фотография явно из другой области, но почему-то она попала именно в это досье.

Штильхарт отошел от стола и стал расхаживать по комнате, заломив руки за спину и пуская кольца дыма.

– А Грошик ничего тебе не успел сказать ни про какое фото? – спросил он.

«Арнис» покачала головой.

– Да нет, – сказала она, – я и поговорила с ним только несколько минут. Он только сказал мне, где будет встреча с информатором.

– И где? – спросил Штильхарт.

– Загородный дом Анны Щербатовой, – сказала «Арнис», – не знаешь такую? Грошик сказал, что она с какими-то причудами.

Штильхарт коротко кивнул.

– Имя слышал несколько раз, – сказал он, – история, знаешь ли, действительно потрясающая. Эта девушка, пред-

ставь, семнадцать лет пролежала в коме после автокатастрофы, в которой погибли её родители, а когда пришла в себя, то у неё открылись потрясающие способности. Она даже в школе не училась, а знает четыре языка, историю, философию и ещё кучу всего ненужного.

«Арнис» флегматично пожала плечами.

– Занятно, – согласилась девушка, – но, знаешь, мозг штука хитрая. А чем она живет? Не рекламой же своего таланта?

– Она скрипачка, – пояснил Штильхарт. – Очень талантливая, кстати, ну насколько я слышал. Опять же непонятно откуда этот талант. Вообще, как говорят, ни один специалист не может объяснить откуда у неё все это. Знают только то, что богатая. Ей хороший капитал от погибших родителей остался.

«Арнис» задумчиво двинула головой.

– Интересно, – протянула девушка, – очень интересно. Мы с тобой опять в центре какой-то странной игры. Думаю, мы найдем больше, чем рассчитываем. Ну что же, сегодня вечером увидим. Надеюсь, у тебя есть смокинг, а Штильхарт?

* * *

Наталья Покровская сидела в кресле начальника следственного изолятора, пока оный отправился привести к ней из камеры Татьяну Козловскую. От нового знакомого Воро-

тынцева удалось немного узнать, и теперь Наташа хотела получить некоторую порцию информации от самой подозреваемой. Ей необходимо было составить свое впечатление о ней и понять так уж ли она чиста и непорочна, какой её рисует мать. Всё-таки, как бы эта женщина ни импонировала Наташе, мать всегда останется матерью и заунывный голос реализма твердил девушке, что надо сначала увидеть, а потом делать выводы.

То же самое касалось её мнения о Школьникове, и, хотя, вкратце изучив его творчество, она представляла, что за фильм он мог снять, тем не менее и здесь с выводами она тоже пока не спешила. По крайней мере, чтобы говорить о каких-то лишних людях, нужно было найти этому хоть крошечное подтверждение. Любой, кто знал Наташу, мог смело утверждать, что она всегда работала педантично и обстоятельно. Вот и сейчас она будет работать педантично и обстоятельно, не бросаясь с саблей на броненосец, а-ля чилийский капитан Прат.

Входная дверь со скрипом отворилась и на пороге появилась молодая девушка, которую сопровождал подтянутый офицер в стандартной униформе и с майорскими пагонами на плечах. Она сильно повзрослела и была совсем не похожа на фотографию, которую Покровская видела в материалах дела пятилетней давности.

– Арестованная Козловская доставлена, – возвестил майор.

Наташа коротко кивнула.

– Благодарю вас! – сказала она. – Подождите, пожалуйста, в коридоре.

Майор напрягся.

– Вообще то не положено, – сказал он, – я должен присутствовать.

Наташа сделала глубокий вдох, затем выдохнула.

– Подождите в коридоре, – как можно вежливее, но уже с металлом в голосе повторила Наташа, – будьте любезны.

Застывший рядом Воротынцев легко кивнул.

Майор скривил им физиономию, но поняв, что спор может закончиться снятием погон, удалился.

Наташа повернулась к девушке.

– Добрый день, вы садитесь, – мягко сказала она, доставая из сумки блокнот, коим всегда пользовалась и где всегда записывала свои мысли. Лет через сто пятьдесят с аукциона обязательно продадут, как реликвию эпохи «Цареградской осени», – усмехнулась про себя Наташа. Я Наталья Покровская, – представилась она, – депутат...

Седевшая перед ней девушка флегматично кивнула.

– Я знаю, кто вы, – сказала девушка, присаживаясь на край стула, – но почему вы здесь оказались или я чем-то вам могу помочь?

Девушка пыталась держаться уверенно, но эта уверенность была скорее для себя самой, потому как тихий равнодушный голос выдавал абсолютную покорность судьбе. Кем

бы не была эта девушка, но уж точно не профессиональным жуликом, может быть поэтому они придумали историю с невыплаченным кредитом?

– Скорее это я могу вам помочь, – вежливо улыбнулась Наташа, – дело в том, что ко мне пришла ваша мама и...

Услышав про мать, девушка встрепенулась.

– Мама! – воскликнула она. – Как она? Я ей давно не писала... – девушка словно бы на секунду оттаяла и лицо её просияло, но затем она вспомнила, где именно она находится и лицо её снова помрачнело.

Наташа неслучайно первым делом упомянула про мать, она хотела сразу проверить, какой будет реакция девушки, и то, что реакция была обыкновенной человеческой весьма её порадовало.

– Она в порядке, – заверила её Наташа, – впрочем, за вас очень переживает и поэтому попросила меня помочь вам.

Девушка поморщилась, как будто от боли.

– Помочь... – эхом повторила девушка, – мне уже вряд ли кто-нибудь поможет, даже вы.

В её голосе слышалось отчаяние, но это было вполне естественно. Наташа взяла девушку за руку.

– Для начала успокойтесь, – сказала она, – если меня попросили помочь, я помогу вам в любом случае, но мне от вас нужна правда: да или нет?

– Никогда в жизни! – воскликнула девушка. – Я никогда ниточки чужой не возьму. Я даже сигареты не пробовала никогда.

Наташа кивнула.

– Хорошо, – сказала она, – давайте всё по порядку. Я хочу от вас услышать всю историю ещё раз.

Татьяна вздохнула и сжала руки в замок, скорее всего для того, чтобы они не тряслись.

– Всё началось где-то два года назад, когда наша студия стала снимать фильм «Последний».

– Это о жизни последнего царя? – уточняющее спросила Наташа.

Её собеседница кивнула.

– Да, – сказала она, – и под этот фильм были выделены большие деньги от министерства культуры и фонда кино, для оплаты, там, гонораров, командировок. И в начале всё было как будто нормально, но потом к нам в студию, стали частенько захаживать один посторонний человек: девушка. Я её очень хорошо помню, потому что было жарко и у меня дверь всё время была открыта.

Наташа подняла руку останавливая рассказ.

– Вы, простите, сколько времени там отработали? – спросила она.

– Три года, – ответила девушка.

– Ясно, – сказала Наташа, – продолжайте.

Татьяна немного замялась.

– Так, о чем я? – риторически спросила девушка.

– Вы сказали, что дверь была открыта, – подсказала Наташа. Что же и этот момент она проверила, если бы девушка репетировала свой рассказ заранее, она бы не запнулась после такого простого вопроса.

Татьяна закивала.

– Да-да, – сказала она, – так вот, эта девушка всё время встречались с Школьниковым, причем он всё время был какой-то нервный с ней, словно бы чего-то боялся. Но вот что странно: перед нашей поездкой в Екатеринбург наоборот расцвел, приосанился, а заодно объявил, что эта девушка, теперь член съемочной группы и поедет с нами.

– Ну и что? Режиссер же может включить кого угодно в команду. Или нет? – оценивающе спросила Наташа.

Татьяна покачала головой.

– Это не так просто, – сказала она. – Дело в том, что на каждого члена группы выделяют деньги, на размещение, питание и всё прочее, соответственно, четко надо понимать, зачем едет тот или иной человек.

– И вы считаете она поехала за зря? – поинтересовалась Наташа.

– Я не знаю за зря, или не за зря, – сказала Татьяна, – может быть, для себя она поехали и не за зря, только вот

на съемочной площадке она так и не появилась. Мы сразу как прилетели, она от нас и уехала и вернулись, когда мы уезжали из Екатеринбург, а деньги то на неё были выделены, мне нужно делать отчет, а и не знаю, что эта девица делала. И самое главное – никто из членов группы её не видел, и она ни с кем не общалась.

Наташа задумчиво вздернула бровь. Пять лет назад, она уже слышала подобное описание.

– И вы сообщили об этом директору? – спросила она.

Татьяна покачала головой.

– Не сразу, – сказала она, – я вначале вообще подумала, что это не мое дело, но потом, мы поехали на съемки в Царское, и в списках группы снова появились эта девица. Она снова поехала с нами.

– И на неё опять выделялись деньги? – спросила Наташа.

Её собеседница кивнула.

– Именно так – сказала она, – вот тут я не выдержала. Пошла и высказала всё Штайнману. Даже не знаю, что меня подвигло на это. Просто я больше стала погружаться в сюжет фильма и, я понимаете из очень религиозной семьи, и я очень чувствительна к любому осквернению наших ценностей, а в этом фильме показано, как царственные мученики занимаются оккультизмом, поэтому, честно говоря я уже не хотела работать над этим фильмом, тут ещё и убийство это произошло, пока мы были в Царском, я грешным делом на эту девицу и подумала, в общем как-то всё смешалось, я и

пошла к Штайнману и сказала, что, происходит мошенничество с деньгами и я не буду больше делать отчеты.

– И что он? – спросила Наташа. – Как он отреагировал на это?

Татьяна пожала плечами.

– А никак, – сказала она, – даже не стал кричать или опровергать что-либо, просто сказал, чтобы я убиралась. Я и уехала, а ночью меня арестовали.

– Вы упоминали какое-то убийство, – спросила Наташа. – Что это за убийство?

– Когда мы были на съемках в Царском, убили туристку, она часто гуляла по парку и иногда смотрела на съемки, а потом я узнала из новостей, что её убили, в гостинице. Зарезали ножом.

Покровская нахмурилась. Всё становилось снова очень сложно.

– А почему вы подумали, что это сделала эта девица? – резонно спросила она.

Татьяна пожала плечами.

– Сама не знаю, – сказала девушка, – но вы же знаете, как погибла моя подруга – Катя Кирсанова. Её же зарезали и труп спрятали на крыше пансионата. Я и подумала, что... Просто туристка эта иногда присутствовала на съемках и девица, про которую я вам рассказывала, ну не знаю, заигрывала, что ли с ней, а может быть и требовала что-то. Я не очень обращала внимание, честно говоря. Помню только, что го-

ворила она с сильным акцентом.

Так, Наталья Владимировна, и куда мы опять влезли? – мелькнуло в голове у Наташи.

– Хорошо, – сказала она, – а вот, этот Штайнман говорит, что вы требовали денег в счет зарплаты для погашения кредита? Это что за история?

Татьяна снова замотала головой.

– Я никогда не требовала у них денег, – сказала она, – даже выходного пособия, у меня действительно есть кредит в банке Петровский, но я всегда платила вовремя, а банк теперь говорит, что у меня долг в пятьсот тысяч рублей, но я не понимаю откуда.

В голове Наташи бушевал вихрь мыслей. Да, если это действительно подстава, то неплохо они подготовились, но возникал вопрос: зачем нужно было так подставлять обычного бухгалтера? чем же она могла помешать? Неужели только тем, что увидела эту девицу. Наташа нажала кнопку вызова конвоя. В комнату вошёл тот самый майор, который привел девушку в сопровождении конвойного.

– Большое спасибо за информацию! – сказала Наташа. – Не скажу, что её много, но я постараюсь вам помочь. Если вы что-то вспомните ещё, обязательно мне позвоните, – она дала Татьяне свою визитку, одновременно подарив майору весьма содержательный взгляд, означавший, что он должен давать ей позвонить, – и можете позвонить маме, – добавила она. Майор только тяжело вздохнул.

Конвойный снова надел на Татьяну наручники, она снова сделалась мрачной, но не такой, как была в начале разговора.

– Благодарю вас! – сказала девушка в адрес Наташе.

Та в ответ коротко усмехнулась.

– Да пока не за что, – сказала она.

– За то, что верите, – успела добавила Татьяна, в тот момент, когда её уводили из кабинета.

Дверь за конвойным закрылась, и Наташа повернулась к Воротынцеву.

– Берегите её, как зеницу ока, – сказала она, – чтобы даже волос с её головы не упал.

Офицер коротко кивнул.

– Думаете не виновата? – спросил он.

Наташа пожала плечами.

– Не знаю, – честно сказала она, – гладко всё как-то, а мне это очень не нравится.

В одном Наташа была убеждена. Её мучает очень нехорошее предчувствие.

Глава III. Ход королевы

– А где я могу найти кого-нибудь нормального? – спросила Алиса.

– Нигде, – ответил Кот, – нормальных не бывает. Ведь все такие разные и непохожие. И это, по-моему, нормально.

Льюис Кэрролл

Ксения сидела на пассажирском сиденье машины Кирсанова и жевала грецкий орех, как она всегда делала во время раздумий. Старые привычки иногда сохраняются. Кирсанов вел терпеливо, осторожно, тихо говоря по телефону через гарнитуру.

Много от секретаря они не узнали. Фактически ничего. Но она умела даже из таких крох вычленять важные сведения. Не то что секретарь увидит документы испугался пропавший Кропс, а того, что она их увидит вместе с фотографией и поскольку он был очевидно высокого мнения о её умственных способностях, он опасался, что Амандин Анри соединит это воедино. Была очевидна и та зависимость между волнением Кропса по поводу конверта и его исчезновением. Но что же могло быть в этом конверте?

– Если предположить, что пропавшие ученые занимались торговлей каких-то секретов? – продолжила Авалова свои рассуждения вслух, – то такого рода информацию, в этой

стране можно предложить только трем людям. И один из них, Соломон Грошик, обретается, как раз в Ольвии. Вот кому следует нанести визит/

– Это владелец цирюльни на Приморской улице? – спросил Кирсанов.

Ксения кивнула.

– Угу, – Кирсанов равнодушно пожал плечами.

– Вряд ли он обратит на наш визит внимание, – сказал молодой человек.

Ксения насуплено посмотрела на Кирсанова.

– Это ещё почему? – не поняла девушка.

– А его убили, – сказал Кирсанов, – сегодня утром. Об этом пишут все местные газеты. Удивительное совпадение...

Ксения пожевала губу.

– Нет, дорогой друг, – сказала она, – вряд ли это совпадение. Это ещё одно звено, в цепи событий, которые нам ещё только предстоит понять.

– Думаете, что здесь есть связь? – спросил Кирсанов.

Ксения кивнула.

– Это же очевидно, – сказала она, – все эти события произошли одно за другим. История с документами, пропажа ученых и убийство Грошика. И всё это завязано на лишь один факт. Было что-то в этих документах. И видно, кому-то это, что-то, очень нужно.

– Но кому?

Ксения улыбнулась.

– Это мы и должны выяснить, – сказала она, – давай в парикмахерскую. Я хочу взглянуть на место убийства.

Там они были через двадцать минут. Ксения вышагивала своим четким, спортивным шагом вдоль ряда парикмахерских кресел и вновь собирала глазами информацию. Кирсанов сразу отправился разговаривать с местными полицейскими. Она ничего не отрицала. В том числе и то, что Грошик действительно мог быть убит из-за чего-то ещё. «Друзей» у покойного было хоть отбавляй. Впрочем, уже первые результаты осмотра заставили отбросить такую версию.

Вертящийся вокруг её ноги Снори многозначительно мяукнул.

– Ты совершенно прав, дружище, – сказала Ксения – здесь явно что-то искали.

– Хей! Как вам это понравится? – непонимающе воскликнул Кирсанов, протягивая что-то девушке. – Нашли в кармане одного из убитых.

Этим чем-то при детальном рассмотрении оказался металлический жетон с выгравированным на нем кинжалом, воткнутом в клубок змей и надписью по-латыни «fide et honore».

– Секуритата, – поняла Ксения, – ставки повышаются.

– Ми-ау... – сообщил свое мнение Снори, оскалив зубы.

Кирсанов недовольно поморщился.

– Очевидно офицер увидел, как убивают парикмахера и хотел помешать, – предположил молодой человек, – но, ви-

дать убийца был проворнее.

Ксения мимолетно улыбнулась. И где их берут таких навивных? На её погибших ребят он совершенно похож не был. Светлее и чище. Его сестра, вероятно, тоже была такой.

– Возможно, – сказала она, – если бы не одно обстоятельство. Грошику стреляли в спину, а значит, убийца должен был стоять за стеклом, а если бы он стоял там, то офицеру Секуритаты ничего не стоило его обезвредить. Вывод?

Кирсанов насупился. Что-то было смешное и одновременно трагическое в этом выражении лица.

– Значит, получается, что это сотрудник Секуритаты в него стрелял? – скорее с обратной надеждой спросил молодой полицейский.

Ксения кивнула, правда, скорее собственным мыслям. Этот парень правда такой идеалист или их так теперь всех зомбируют?

– Скорее всего, – вслух заметила девушка, – но только не понятно, отчего он погиб?

Кирсанов задумчиво покачал головой.

– Никогда такого не видел, – сказал он, – смотрите, его пистолет как будто взорвался у него в руках. Разве такое может быть?

Ксения кивнула.

– Может, – сказала она, – если пуля не вылетела и осталась в патроннике.

Кирсанов почесал затылок.

– А может сам парикмахер? – он замотал головой. – Хотя нет, если он стоял спиной, то не мог видеть убийцу. Тогда получается, что в парикмахерской был третий?

Ксения одобрительно кивнула.

– Соображаешь, – сказала она, – сколько точно мы не знаем, но кто-то вероятно был. Смотри здесь повсюду следы борьбы, а Грошик умер сразу.

Кирсанов некоторое время обдумывал, что сказать.

– Я думаю так, – сказал он, – стрелок убил парикмахера, а потом появился этот третий и убил его самого. Правильно?

Ксения покачала головой. Действительно соображает.

– Немного не так, – улыбнулась она, – третий уже находился в парикмахерской. Не для себя же одного Грошик два бокала поставил. Мне кажется, что Грошик и третий разговаривали, когда выстрелили в Грошика, но ещё мне кажется, что был четвертый.

– Четвертый? – удивился Кирсанов.

Ксения кивнула.

– Этот четвертый, – сказала она, – ждал или убийцу, или третьего, а потом уехал. Я, когда сюда шла свежие протекторы обнаружила. Скорее всего именно на этой машине уехал этот четвертый.

Кирсанов нахмурился.

– А как вы думаете, – сказал он, – о чём разговаривали третий и парикмахер?

– Да о чём угодно!.. – пожала плечами Авалова. – Вполне

даже возможно, что о том, о чём мы с тобой собирались с ним поговорить, но не успели. Вероятно, этот кто-то сделал это до нас.

– И забрал документы Кропса? – спросил Кирсанов.

Ксения покачала головой.

– Вряд ли, – сказала девушка. – Грошик хранителем не был. Только сводил людей друг с другом. Ну и, естественно, получал с этого процент. В детали сделок он не вдавался.

Кирсанов задумчиво дернул щеками.

– Значит, Грошика убили, чтобы тот не успел, что-то рассказать, – произнес молодой человек, – я так понимаю.

Ксения кивнула.

– Возможно, – согласилась девушка. – Или тот офицер Секуритаты хотел услышать имена тех, у кого Грошик был посредником.

Кирсанов шмыгнул носом.

– Как думаете, наш третий имеет к этому отношение? – спросил он.

Ксения пожала плечами, осматривая глазами цирюльню.

– Может быть, – сказала она. – А может быть и нет. Грошик много с кем вел дела. Но знаешь у него была одна привычка, он никогда не вел их параллельно. Так что если мои домыслы верны и пропавший Кропс действительно обращался к Грошику, то его убили именно из-за документов.

Молодой человек фыркнул.

– Хотелось бы ещё знать, что это за документы, – провор-

чал он, – и где они сейчас.

Ксения флегматично кивнула, наблюдая, как дворник в оранжевом жилете подметает улицу. Девушка махнула Кирсанову следовать за ней и вышла из цирюльни.

– Уважаемый! – окликнула она дворника. – Вы часом с утра здесь улицу не подметали?

Дворник не реагировал. Авалова сунула ему в карман две банкноты.

– Меня это очень интересует, – шепнула она.

Дворник сразу оживился.

– Да как не подметать, – сказал он, – конечно, подметал. Только я СЕКурам ничего говорить не буду.

– А я и не СЕКур, – сказала Ксения, – друга моего здесь убили. Соломона Грошика. Мне бы очень хотелось, кто это сделал.

Дворник прекратил мести и воззрился на девушку.

– Так там злодей и лежит – сказал он – уже его убили, раньше тебя.

Ксения широко улыбнулась.

– Ну а кто убил, видел? – спросила она – воздастся должно хорошему человеку.

Дворник кивнул.

– Видел, – сказал он, – как не видеть. Девица это была. Красивая такая, шатенка. Она к Грошику пришла, минут за двадцать до убийства.

– А лица не запомнил? – спросила Авалова.

Дворник пожал плечами.

– Вот уж, чего нет, того нет, – сказал он, – да я и на другое смотрел. У девицы этой меч в руках был.

– Меч? – переспросила Ксения.

– Ага, – кивнул дворник, – реальный такой меч. Стрелка того, когда из цирюльни взрывом вышвырнуло. Девица эта следом высочила. Я тогда меч и приметил. Ну а так известно, кто мечом то здесь орудовать может.

– Кто? – непонимающе спросил Кирсанов.

Дворник криво усмехнулся.

– Да знамо кто, – Агентесса северян, – бросил он, – «Ар-нис».

Ксения почувствовала, что в её спутнике закипает гнев.

– Сепары, – с яростью и пренебрежением проговорил он, – бандиты и убийцы! Ненавижу их!

– Ненависть слишком сильное слово, – сказала Ксения, – ты же говорил мне, что хочешь разобраться, а сам же употребляешь абсолюты.

Кирсанов фыркнул.

– Вот только не надо мне рассказывать про равные права всех граждан, – сказал он, – и прочую либеральную чушь! Это другое! Эти люди недоговороспособны, поэтому начали войну.

Авалова улыбнулась.

– Войну не начинают люди, – сказала она, – война происходит помимо их желания. Это просто самое простое решение кризиса, в котором заинтересованы обе стороны так или иначе.

– Защищая Родину мы испытываем свое сердце, – горячо возразил Кирсанов, – это задача каждого.

Авалова пожала плечами.

– Если Родина, действительно в опасности, – сказала она, – только вот как ты определишь, кто несет опасность?

– Те, кто не подчиняется закону, – сказал Кирсанов. – Ес-

ли ты не подчиняешься закону, значит, несешь опасность.

Ксения улыбнулась.

– Безусловно, – сказала девушка, – но только в том случае, если те, кто устанавливает законы, сами им подчиняются. А если они устанавливают их лишь для контроля, то это не закон, а рабство.

Кирсанов вздохнул.

– Если честно я ничего не понимаю, но я знаю, что сепаратисты – это зло. Они враги государства.

Авалова мысленно усмехнулась. По его мнению, все было просто и понятно.

– Всего лишь потому, что у них отличное мнение? – спросила она. – Не стоит абсолютизировать государство, ибо иногда государство выражает желание лишь узкой прослойки, находящихся у власти в данный момент времени. Государство не должно быть самоцелью, оно должно быть механизмом обеспечения порядка и безопасности, но при этом не наступать на права людей. Истинное государство – это гармония между свободой и порядком. Сепары, как ты их называешь, считают Директорию коррумпированной и тираничной —

– Но это не так! – возразил Кирсанов. – И потом какая разница, это ведь они развязали войну!

Ксения пожала плечами.

– Думаю, многие сепаратисты такого же мнения о Директории. Запомни мой друг, реальные политические вопросы

никогда не бывают черно-белыми. Много в этом мире зависит от нашей точки зрения на тот или иной вопрос и, сформировав её, получаешь ответ. Только важно помнить, что распространенное убеждение верно далеко не всегда, и выбирать следует вдумчиво.

Кирсанов наморщил лоб, ища подходящий ответ.

– При всем уважении к вашему мнению, но точно не Директория вводила войска в Цареградскую область и сецессировалла её? На нас напали и хотят уничтожить нашу самобытность и наш выбор. Разве не так? Возможно, Директория иногда перегибает, но мы защищаемся. Северяне такие же пешки агрессора.

Ксения приподняла бровь.

– Не забывай, что северяне когда-то тоже были частью этого государства. Ты можешь не разделять их идеалы, но если хочешь иметь право выбора, то не отказывай в праве выбора другому.

Кирсанов хмыкнул.

– Пожалуй мне стоит взять у вас пару уроков политики, – язвительно сказал он.

Девушка улыбнулась.

– Не скажу, что сильно её люблю, но с удовольствием дам их тебе. Только перестань мне все время выкать, а то я себя чувствую столетней старухой.

Оставив молодого человека записать показания, Авалова тихо отошла в сторону, подальше от любопытных глаз. Вы-

тащив мобильный телефон, девушка набрала один из старых номеров, который всегда хранила на всякий случай.

– Алло! – раздался в трубке глухой голос.

– «Голубь», – сказала Ксения, – надо поговорить.

С другой стороны трубки послышался едкий смешок.

– А я думал, ты выкинула этот номер, детка вместе с прошлой жизнью. Но раз ты в Ольвии, значит, тебе нужны сведения. Я прав? Хе-хе-хе...

Спрашивать откуда «Голубь» узнал, что она приехала, Ксения посчитала глупым, на самом деле, даже обрадовалась факту, значит от дел он не отошел.

– Скажи, когда и где, – коротко бросила Ксения, – я буду.

Снова едкий смешок.

– Скину адрес эсэмэской, детка, – проворковал «Голубь», – в предвкушении от встречи с тобой. Думаю, нам есть, что обсудить.

Ксения усмехнулась. Вот что никогда не меняется так это низший мир.

* * *

Наташа сидела в салоне автомобиля Воротынцева и прикрыв глаза за солнцезащитными очками обозревала город. Пообещав Татьяне и её матери помощь и защиту, она до сих пор не знала ничего, что могло бы эту помощь предоставить. Ведь нельзя же просто взять и обвинить режиссёра фильма

в мошенничестве только на основании того, что сюжет этого фильма кому-то там не понравился. Засмеют ведь. Она живо представила себе картину, как она в белом прокурорском мундире влетает в кабинет режиссера в сопровождении СОБРа и под дулами автоматов обличает его в фальсификации истории, оскорблении чувств верующих, экстремизме и многих других грехах. Затем она торжественно надевает на Школьникову наручники и выводит его из кабинета... А ещё через несколько часов появляется свора адвокатов, журналистов, её коллег депутатов и ещё Бог знает кого и режиссёра под громкие одобрительные возгласы этой разношерстной кампании освобождают, а за ней закрепляется пожизненный ярлык душителя свободы творчества и самовыражения, что будет подкреплено соответствующими газетными заголовками.

Наташа сообразила, что даже придумала обвинительную речь против Школьникова, которую она могла бы произнести с сильным красноречием.

Девушка вздохнула.

Нет, Наталья Владимировна, сказала она себе, в таком случае вы можете точно попрощаться с возможностью объективного разбирательства с этим делом. Здесь надо действовать не напролом, а тонко и аккуратно. Что-то крутится вокруг этого фильма. Что-то пока ей непонятное. Если фильм, действительно политическая провокация, чтобы взбудоражить общество, то, девица, о которой говорит Коз-

ловская это куратор, который следил во время командировок, чтобы Школьников снял, что было нужно Заказчику. В этом случае Наташа понимала, кем могла оказаться странная девица. Встреча с ней Наташу совершенно не прельщала. Прошлого раза хватило.

– Итак, – услышала она голос Воротынцева, – какие наши дальнейшие действия.

Девушка нахмурила брови.

– Я бы, конечно, могла бы сказать, что пойдём по музеям? Однако я предложу вам иную культурную программу – визит офиса студии.

Воротынцев наморщил лоб.

– А смысл? Обыск нам всё равно никто не даст, а так они ничего не скажут.

Наташа пожала плечами.

– Сказать-то не скажут? но обстановку там проверить стоит и потом, они ведь не знают, что мы начали под них копать, вот и надо проверить их реакцию, если у них всё в порядке, то вряд ли они будут нервничать. Мы ведь можем и не говорить, что работаем по этому делу или сказать, что появились новые обстоятельства, связанные с кражей денег, вариантов много.

Воротынцев обольстительно улыбнулся.

– Ну что же прислушаюсь к вашему мнению, – сказал он.

Офис студии Школьникова располагался на Каменном острове – районе, построенном в начале прошлого века.

Он относился к так называемым «буржуазным кварталам», потому как до революции селились там преимущественно крупные фабриканты, врачи и инженеры.

Воротынцев выжимал из автомобиля допустимый максимум, несясь по узким лабиринтам улочек, просачиваясь между строениями. Подъехав к дому, они вышли из машины и направились в подъезд.

Дом 4 по Ординарной улице, являвшийся целью их поездки, ничем не отличался от своих собратьев по проспекту. Он был построен в стиле модерн, камень кое-где потрескался (видимо, результат частых наводнений), но было видно, что жители за ним следят.

– Я хотела спросить, – поинтересовалась Наташа, – а что это за история с убитой туристкой, о которой Козловская рассказывала?

Воротынцев почесал затылок.

– Здесь всё так. Действительно, туристка из столицы, приехала сюда на отдых, ходила по ресторанам, магазинам, гуляла по паркам в Царском, а на следующее утро её нашли зарезанной, в своем номере, в бутик отеле.

– Ограбление? – поинтересовалась Наташа.

Воротынцев покрутил головой.

– То-то и оно, что нет! – сказал он. – У неё ничего не взяли, а в номере был мобильник Apple, часы швейцарские и денег две тысячи евро, представляете, и всё оставили на месте.

– Значит, заказное, – констатировала Покровская.

Воротынцев задумчиво наморщил лоб.

– Да тоже вначале так подумали, только сами посудите, кому здесь могла помешать рядовая туристка? Врагов у неё здесь не было, да и друзей тоже.

Наташа вопросительно двинула бровью.

– Но так ведь быть не может – сказала она – не бывает немотивированных преступлений.

Воротынцев пожал плечами.

– Так-то оно так – задумчиво проговорил он – вот полиция и зависла уже как месяц. Начальство на ушах и главное ни свидетелей ни подозреваемых. Белый лист. И самое поразительное, что убийство произошло в комнате, запертой изнутри, а следов взлома никаких.

Покровская нахмурила лоб.

– Если Козловская говорит правду, и она действительно эту туристку видела вместе с нашей странной девицей, это хлипкая, но ниточка.

Воротынцев развернулся на лестнице и внимательно посмотрел на коллегу.

– Интересно, только она, ведь и сама могла это придумать, чтобы вас заинтересовать, а про это убийство, по-моему, весь город знает.

Наташа кивнула.

– Конечно, могла, но, с другой стороны, это легко проверить. Надо съездить в Царское и поговорить с местными воз-

ле парка, наверняка кто-нибудь, что-нибудь видел или слышал.

Воротынцев согласно кивнул.

– Можно, всё равно других зацепок у нас нет. Я согласен, факт заслуживает внимания.

Они поднялись на второй этаж и уперлись в массивную железную дверь, на которой была прибита табличка: студия «Скала».

Дверь была не заперта. Покровская и Воротынцев спокойно вошли внутрь. Помещение представляло собой типичный местного посткоммунистического разлива офис с высокими шкафами доверху набитыми папками, фикусами на подоконниках и одиноко скучающей девушкой-секретарем, которая сидела за столом и листала модный журнал.

– Вам назначено? – спросила она томным голосом, однако, как следует разглядев лицо Покровской, сразу же вскочила с кресла и расплылась в улыбке, – А, вы к господину Школьникову! Конечно-конечно!

Девушка выскочила из-за стола и стуча шпильками пошла в другой конец офиса, где виднелась дверь, одновременно делая знак идти за ней.

– Оставайтесь здесь, – кивнула Наташа, Воротынцеву и пошла за секретаршей.

Девушка подвела её к двери, и сама легко постучала.

– Я занят, – раздался голос.

Невзирая на это, девушка открыла дверь.

– Рафаил Альбертович, это к вам.

Штайнман, как поняла Покровская, поскольку Школьникова звали по-другому, резко оторвал взгляд от компьютера и хотел ещё раз что-то объяснить секретарше, но увидев Наташу, тоже расплылся в улыбке.

– Наталья Владимировна, какая честь для нас, что столь известный человек, посетил наше скромное место служения искусству! Прошу вас.

С чего это он такой любезный, подумала Наташа, как-то это слишком вычурно.

Она не стала принимать приглашение и села в обычное гостевое кресло, попутно обзревая кабинет.

– Чем обязаны? – не снимая улыбки сказал Штайнман. – Если вы к Ефиму Алексеевичу, то его, к сожалению, сейчас нет, но я готов с удовольствием ответить на любые ваши вопросы, – он театрально хлопнул в ладоши, – совсем забыл, может быть кофе?

– А кофе нет!.. – влезла секретарша.

Штайнман развернулся и посмотрел на неё звериным взглядом.

– Найди! – шикнул он на девушку.

Секретарша поджала губы и скрылась за дверью.

Штайнман деловито потер руки.

– Итак, я вас слушаю.

Наташа вытащила из сумки фотографию Татьяны и положила её перед директором.

– Кто это? – спросил Штайнман, хотя по его помрачневшему лицу, он узнал девушку.

Наташа улыбнулась.

– Я веду проверку по делу Татьяны Козловской, – сказала она.

Штайнман пренебрежительно хмыкнул.

– А, студентка эта, да, помню-помню. Так нас подставила, что проблем теперь по самые помидоры, – он нервно шмякнулся в кресло, – и главное – такой проект интересный, масштабный и сумму под него неплохую выделили.

– А что за историю мне Татьяна рассказала на допросе про каких-то людей, которые не входили в съемочную группу, а им деньги будто бы выделили? – как бы наивно спросила Наташа.

Штайнман выпустил щеками воздух.

– Да не было никаких людей, там с документами просто путаница вышла, мы еще одного оператора хотели пригласить и деньги на него расписали, а он отказался, ну и мы деньги перевели на другие нужды.

Наташа сделала удивленное лицо.

– А почему же это не было отражено в отчете? – резонно спросила она.

Штайнман фыркнул.

– Потому что наш бухгалтер стащил у нас деньги и его арестовали, – сказал директор, – что же, по-вашему, мне нужно, чтобы она в СИЗО этот отчет делала?!

Наташа коротко улыбнулась.

– А что же вы так нервничаете? – спросила она. – По-моему поводов для паники нет никаких? Скажите, а вы действительно полагаете, что Татьяна украла деньги?

– Полагаю или не полагаю? это не юридические категории. Есть факты, на момент пропажи денег в офисе находились трое: я, Школьников и она. Не мы же у себя украли деньги? Или вы на это намекаете? Наташа приподняла бровь.

– Я ни на что не намекаю, – спокойно сказала она, – я провожу проверку и мне необходима вся картина дела.

Штайнман снова фыркнул.

– Картина дела такова, что наш бухгалтер украл деньги, причем не наши, а государственные и мы компенсировали недостачу, между прочим, из своего кармана.

– Неплохой у вас карман – заметила Наташа – Скажите, а данные оператора у вас остались?

Штайнман покачал головой.

– Естественно, нет, – сказал он. – Мы не храним данные недобросовестных кадров.

– Интересно, – сказала Наташа, – как это у вас быстро, один раз заболел – и уже недобросовестный кадр?

– Представьте себе, и так тоже бывает, – отрезал Штайн-

нман, – если хотите вы можете обратиться на студию Петрофильм, они их могут помнить, – у него запыкал, какой-то аппарат, встроенный в рабочий стол, – а теперь извините у меня дела и мой вам совет, бросьте это дело ничего хорошего оно не принесет ни вам ни Козловской.

Наташа белозубо улыбнулась.

– Я, пожалуй, так и сделаю, зачем нужны проблемы, когда можно заниматься более приятными вещами, не правда ли? Спасибо, что нашли время со мной встретиться. Мне уже более-менее понятна ситуация, но знаете ли... мать всё-таки. Прошу прощения за беспокойство.

Девушка в изысканных выражениях попрощалась, пожелав всяческих успехов и вышла из кабинета, оставив Штайнмана в сильном волнении.

* * *

Если бы кто-нибудь сторонний увидел сейчас режиссера Школьниковца, он бы сразу понял, что тот явно недоволен жизнью. Для этого было достаточно посмотреть на его кислую мину. Весь разговор Штайнмана с Покровской режиссер наблюдал по специальной внутренней камере, и, надо сказать, особого удовольствия от её визита, он не испытал.

Когда на него впервые вышли с предложением съемок фильма про последнего Царя, он сначала всячески отказывался, но люди, стоящие за проектом, назвали ему такую

сумму, что сказать «нет» было просто нелепо. К тому же, и делать ничего было не надо. Просто поездить поснимать в местах, где когда-либо проживала царская фамилия и организовать пиар-кампанию по продвижению фильма на широкий экран. Если бы ему сказали, что на его хвосте повиснет депутатская проверка, то он бы не стал связываться ни за какие деньги. С него хватило и той девицы, которую заказчик послал к ним консультантом по съёмкам. Её ледяное лицо и холодная усмешка до сих пор стояли в глазах. Школьников был трусом и свою трусость считал не пороком, а самым главным своим качеством, позволявшим ему стойко держаться на плаву киноиндустрии и лавировать между различными творческими группировками.

Но трусость – это не значит истерика, в которую ударился его помощник сразу после ухода Покровской.

– Всё пропало! – верещал он, – Она сюда пришла с проверкой, если выяснится, что мы...

– Молчи, дурак! – оборвал его Школьников. – У них нет ни малейшего повода. Думаю, что Покровская действует по собственной инициативе. Я свяжусь с генералом Адашевым. Он подскажет, как нам поступить.

Они оба сгруппировались перед большим экраном. Школьников набрал код на клавиатуре и вошел в специальную программу, которую получил, когда с ним связались заказчики. Он пользовался этим способом связи только в особых случаях, сейчас, как раз был такой. По крайней мере

Школьников на это надеялся, иначе...

Настройка, запрос. Ответ получен и был удовлетворён. В начале экран ярко замерцал, а потом сформировался в фигуру человека, сидящего в офисном кресле.

– Я же говорил, что сам с вами буду связываться, – громыхнул голос.

Школьников, откашливаясь, даже не заметил, как у него пересохло в горле. Он хлопнул рукой по руке. Если честно, то он надеялся, что с течением времени научится разговаривать с их нанимателем, но пока надежды на это не было. Кроме того, по мере съёмок фильма и приближения срока его выхода, редкие сеансы связи становились всё более выводящими из равновесия. Школьников почувствовал, как язык прилип к гортани. Он даже слова не мог сказать.

Естественно, этой его минутной слабостью воспользовался Штайнман, чтобы устроить истерику.

– Всё пропало! – завопил он – к нам явились с проверкой фильма! Ваши планы пошли прахом, съемки надо сворачивать! Мы не можем идти против власти, если Покровская узнает правду...

Истерика была остановлена одним взглядом их собеседника.

– Значит, вы готовы пойти против меня – холодно сказал голос – я поражен, – он помолчал. – Школьников, я хочу, чтобы этот слизняк больше никогда не попадался мне на глаза.

К режиссеру словно бы вернулся дар речи, но приказывать Штайнману не пришлось, потому как директор с отменной прытью, пятясь назад скрылся за дверью кабинета. Слизняк, охарактеризовал компаньона Школьников, он был совершенно согласен с определением Адашева.

Его собеседник подождал пока за директором закроется дверь, затем продолжил.

– Ситуация неудачная, но не смертельная, – сказал он, – вы просто должны ускорить реализацию наших планов. Приступайте к получению прокатного удостоверения на фильм.

Школьников поежился, ему очень хотелось быть невидимым и неслышимым.

– Конечно, господин генерал, – промямлил он, – но...

Быть абсолютным подхалимом у любой политической силы – было второй натурой Школьникова, а подхалимаж не купишь, к этому нужно иметь талант, воспитанный долгой работой в шоу-бизнесе.

– Но, быть может, это не самый удачный момент для подобных действий, – боязливо сказал он, – возможно отсрочка...

– Заверяю вас, что это ваш звездный час, – ответил собеседник, – небольшой скандал вокруг фильма лишь укрепит ваше положение смелого и независимого режиссера. Никто более не посмеет оспаривать ваш авторитет.

– Но при всем уважении, – сказал Школьников, – я всё ещё не понимаю вашей заинтересованности? Не поймите

превратно, мы, конечно, вам благодарны, но мы не до конца понимаем вашу цель.

Генерал усмехнулся.

– Цель? – произнес он. – Мне кажется, она, у нас с вами, общая – изменить мир. Сделать его свободным и независимым? Разве, у вас, она какая-то другая?

Это было сказано таким тоном, что иного выхода, кроме как согласится, что, да такая, не было.

– Мы полагаемся на вашу милость, господин генерал, – проворковал Школьников, – А как быть с депутатом?

Проецируемой экраном картинке сложно стать тёмной, тем не менее у Школьниковова усиленно складывалось мнение, что фигуру его собеседника заволокло черным дымом.

– Им не следовало впутываться в эту историю, – холодно произнес генерал, – убейте, – потом поразмыслив добавил, – немедленно!

Изображение померкло. Генерал закончил разговор, оставив Школьниковова размышлять над сущностью их странного союза. Режиссеру было очень некомфортно и страшно.

* * *

Вечер подкрался тихо и незаметно, как это обычно бывает в теплое время года. Ольвия отдыхала от дневной жары, погружаясь в морскую синюю тишину, которая приносила с собой долгожданную прохладу. «Арнис» слушала эту тиши-

ну. Впервые за много дней она слушала спокойную тишину, которая не будет нарушена гулом снарядов или стрекотом пуль, и ей хотелось просто остаться здесь навсегда и просто слушать эту тишину.

Дом Анны Щербатовой представлял собой двухэтажный сруб, состоящий из горизонтально уложенных традиционно друг на друга брёвен, что называется «в лапу» и в «в чашу» и был похож на сказочный терем. Он был полностью украшен богатой резьбой, наличниками на окнах и подзором под балконом второго этажа. Внутри дом был стилизован под обстановку начала XX века. Темный деревянный паркет, обои белого цвета с какими-то васильками. На стенах висели небольшие картинки эпохи модернизма. Простая и добротная мебель: ломберный столик, софа, которая была прислонена к большому трюмо и несколько выставленных в ряд стульев. По бокам стен были приставлены резные деревянные лестницы, которые вели на балкон, кругом обводивший гостиную. Балкон соединялся большим проемом, который вел в широкую залу, украшенную резным потолком и стенами темно-зеленого цвета. В ней можно было наблюдать фортепьяно, стоявшее в самой середине и несколько столиков, накрытых скатертями, на которых стояли тарелки с фруктами и бокалы с шампанским. Зала заканчивалась резной же дверью, ведущей на внешний балкон. В отличие от светлой гостиной, это помещение было практически не освещено, кроме нескольких бра на стенах. Основным же светом служил

большой камин, придающий комнате домашний уют.

Надышавшись вечерним воздухом, «Арнис», зашла внутрь и устроившись в укромном уголке стала теперь разглядывать собравшуюся на вечере публику. Она была весьма смешанной, здесь были бизнесмены, депутаты, артисты и разные светские люди, как сказал бы классик, самые разнообразные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все они жили. Хозяйка дома – привлекательная молодая девушка, одетая в чёрное закрытое платье, достаточно заурядного фасона, но кружевами ручной работы, сходное с тем, что было «Арнис», на которой было длинное платье-жакет синего цвета. Анна Станиславовна Щербатова стояла на небольшом помосте и исполняла скрипичную партию Вивальди, создавая идиллическое дополнение к шумящему за окнами морю. Она была действительно великолепна. «Арнис» знала, что скрипичные партии Вивальди самые сложные в мире.

– Иногда слухи имеют обыкновение подтверждаться, – заметил Флориан, закуривая трубку, – здесь и правда собрался весь цвет общества. Я тебе точно говорю.

«Арнис» сухо пожевала губу, пристально наблюдая за девушкой со скрипкой.

– Три закона вселенной, – кивнула девушка, – закон первый: подобное притягивает подобное. Закон второй: Подобное порождает подобное. Закон третий: то, что не становится подобным, отторгается.

Флориан коротко улыбнулся.

– Это ты про нас? – весело спросил он.

– Ага, – кивнула девушка, – поэтому четвертый закон: любуйся живописными окрестностями. Возможно, придется быстро ретироваться.

Штильхарт улыбнулся в ответ.

– Не люблю уходить с вечеринок первым – сказал он.

«Арнис» осклабилась.

– Ну ты же известный ценитель богемной жизни – сказала она – не просветишь, кто здесь, кто?

Флориан кивнул.

– Охотно, – сказал он, – собрался весь бомонд, но нам здесь интересны трое. Там справа: Викинт Раудан – директор местного порта. Латгал. Сколотил деньги на контрабанде, но поскольку половину от суммы гонорара отправляет в Борисфен, его никто не трогает. Девушка, что с ним разговаривает – Марианна Хорошевская – министр государственного просвещения, её ещё называют лицом возрождения Понтийской государственности. Родилась в глубокой деревне, была практикантом-преподавателем Международного лицея по истории и философии. Да-да того самого, в котором училась Екатерина Кирсанова. Она даже по-моему была руководителем класса Кирсановой. Всегда отличалась горячим патриотизмом. Во время памятных тебе событий вывела на площадь своих лицеистов – протестовать против революции, несколько из которых погибло в завязавшейся драке с «ли-

берально настроенной молодежи». После установления Директории они были объявлены героями борьбы за национальный суверенитет, а Хорошевская получила все блага цивилизации.

«Арнис» фыркнула.

– Кто был ничем, тот станет всем, – пробормотала девушка – уже проходили. А это что, за презентабельный мужчина рядом с ними стоит?

Штильхарт криво ухмыльнулся.

– Оу, а мы сегодня у него с тобой были в гостях – заметил молодой человек – доктор Лев Аристов.

– И?..

– И ничего – пожал плечами Флориан – вот о нём я понятия ничего не имею. Фамилию слышал, но лично мы не встречались. Аристов человек закрытый, как о нем говорят, по светским тусовкам не ходит. Занимается перспективной медициной. Генная терапия, стволовые клетки, ну и всякое такое прочее.

«Арнис» пожевала губу.

– Тогда странно, что он делает здесь, – произнесла девушка, – неправда ли интересно...

Она осеклась, потому как заметила, что Аристов прервал разговор с Рауданом и в сопровождении Хорошевской направился в их сторону. Теперь она смогла как следует разглядеть его. На лысой лоснящейся голове блестели очки-половинки в тонкой графитового цвета оправе. Угол рта был

все-время скошен в какой-то неестественно презрительной усмешке. Дорогой костюм и холерный уверенный вид сочетался с хищным взглядом человека, привыкшего управлять людьми.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался он, – доктор Лев Аристов. Мне весьма приятно познакомиться с олицетворением будущей мировой глобалистики, сеньора де Леон, если не ошибаюсь.

«Арнис» вежливо поклонилась.

– Сеньорита, – поправила она – И можете говорить на великорусском, я понимаю.

Аристов отвесил ответный поклон.

– Признаюсь, я не ожидал, что вы из Великоруссов, – сказал он.

Девушка кивнула.

– Мои предки оказались в Испании во время гражданской войны, – сказала она, – Они воевали на стороне фалангистов.

Аристов развел руками.

– Вижу вы полны сюрпризов, – сказал он, – Впрочем, как и ваша статья, она привлекла много внимания.

Еще один вежливый поклон от девушки.

– Благодарю! – улыбнулась в ответ она, протягивая руку. – Это честь и для меня. Я слышала, что ваша деятельность направлена на процветание не менее, чем моя. Это мой друг – господин Флориан Штильхарт – советник консульства Швейцарии в Гомелуме.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Аристов элегантно указал на стоявшую рядом с ним Марианну.

– Я уверен, что вы слышали о госпоже Хорошевой, – сказал он – она министр просвещения в нашем правительстве, – занимается воспитанием нашего подрастающего поколения, правда иногда слишком уж рьяно. Право не знаю нужно ли это?

Аристов лениво рассмеялся. «Арнис» улыбнулась Хорошевой.

– Я рада познакомиться с достойным примером настоящего Понтийского патриота, – сказала вслух девушка, – о вас очень много говорят в последнее время.

– Желая поддерживать страну в порядке, ты поневоле оказываешься в центре внимания, – ответила Хорошевая, холодное выражение лица и сдержанность манер которой, говорили многое о чертах её характера.

– Это замечательные слова, – «Арнис» отсалютовала бокалом – в наш бурный век, нам так не хватает стабильности.

– Мы все на это уповаем, – кивнул Аристов, – как вам город, вы уже бывали в Ольвии, ранее?

– О нет, – улыбнулась «Арнис», – я здесь первый раз. Выступаю на семинаре Европейского института глобальных исследований.

– Я бы с удовольствием послушал бы ваш доклад – сказал Аристов – но, к сожалению, сплошная работа. Совещания,

опыты, встречи с инвесторами. Не часто удается вот так пообщаться с коллегой, к тому же красивой женщиной.

Девушка пропустила ещё одну вежливую улыбку. Эх, школьные годы чудесные!

– Сочувствую, – сказала она, – жизнь очень коротка и нам не часто удается делать в ней то, что хочется. Но мы должны идти на жертвы ради будущего человечества.

– Ах как это верно, – отвечал Аристов и сразу же повернулся к Хорошевой, – кажется, Марианна, у меня появился соратник по идеализму.

Марианна ровно улыбнулась, но предпочла промолчать. Она вообще не вступала в диалог.

Тем моментом партия Вивальди закончилась и раздались вежливые, аристократичные аплодисменты. Девушка в чёрном вежливо поклонилась гостям и изящно подошла к тому углу, где стоял Аристов.

– А вот и вы, Анна Станиславовна, – широко, но немного натянуто улыбнулся доктор, – позвольте представить – хозяйка нашего вечера и чудесная скрипачка, – Анна Станиславовна Щербатова. Она одна из тех, кого можно назвать девушкой из хорошего общества. Такие люди так редки в наше проклятое время.

– Я весьма рада познакомиться с вами, – сказала «Арнис», делая легкий кивок, – вы играли Вивальди, что весьма редко для скрипки, – она протянула руку.

– Я тоже рада знакомству, – сказала Анна, – я читала ваши

статьи. Не могу сказать, что все понимаю, но в наше время поразительна такая любовь к гармонии и гуманизму.

В том, как она это сказала, «Арнис» не увидела того скрытого лицемерия, какое было у Аристова или у Хорошевой, что было весьма необычно. От этой девушки вообще веяло необычностью и это настораживало, а её живой взгляд и быстрые движения выдавали в ней творческую и увлекающуюся натуру.

«Арнис» вновь повернулась к доктору.

– Вы так лестно отзывались о моей деятельности, – мелодично произнесла она, – но совсем не рассказываете о своей, о вас ходит множество тайн.

Аристов учтиво поклонился.

– О, у меня нет особых секретов, любезная сеньорита де Леон, – сказал он с налетом вежливого удивления, – я всего лишь ремесленник. Просто пытаюсь исправить неправильные творения природы и сделать их более пригодными для существования в нашем жестоком мире.

– Путем генетического вмешательства? – спросила девушка.

– Отчасти, – скривил губы в улыбке Аристов – но, скажу вам, что мотивация и когнитивное воздействие гораздо важнее физиологии. Так что я бы поспорил со стариком Ламброзо насчет его умозаключений.

«Арнис» многозначительно хмыкнула.

– Думаю, что вы говорите сейчас не о животных? – спро-

сила она с усмешкой.

Аристов кивнул.

– Пока я, действительно, изучаю методы воздействия на животных, – сказал он, – но моя теория может распространяться и на людей. Мой принцип: сделай человека нормальным, а хорошим и свободным он сделает себя сам.

«Арнис» дернула бровью, выказывая интерес.

– Иногда самые нормальные люди оказываются ненормальными, – вежливо сказала она, – или вы считаете, что нормальность поддается контролю?

Аристов усмехнулся, желваки на его скулах заиграли в такт его усмешке.

– Я не разделяю понятия нормальность и нормативность, милая сеньорита, – проговорил он, – нормальный человек всегда нормативен, на мой взгляд.

– Излишняя нормативность убивает оригинальность, – возразила «Арнис» – на мой взгляд.

– Но повышает производительность, – парировал Аристов, – залог построения прочной системы.

Девушка улыбнулась.

– Машиноподобной, – поправила она, – лишенной эмоций, увлечений, любви, страданий, здорового азарта наконец. Мне кажется, что в таком состоянии человек становится похожим на робота.

Аристов осклабился.

– Вот у нас с вами уже вышел небольшой научный спор, –

засмеялся доктор, – неужели вы азартны, милая сеньорита? Никогда бы не подумал, глядя на вас.

– Смотря о каких ставках идет речь, – сказала девушка, – я умею вовремя останавливаться. Нельзя черпать силу в своих страстях.

Аристов заинтересованно посмотрел на неё.

– Вы любите игры? – спросил он.

– Зависит от партнера, – заметила девушка.

Аристов бесстрастно хмыкнул.

– Что же, тогда, может быть, сыграем? – спросил он – я разработал свой особый вид шахмат, по классическим правилам, но с тонким воздействием на структуру человеческого мозга. Проблема в том, что я никак не могу найти достойного соперника. Возможно, у вас получится удивить меня. Давайте выясним, что сильнее: моя нормативность или ваша оригинальность. Научный спор на шахматной доске.

– Шахматные журналы отдадут много за возможность напечатать такую партию, как сказано в одной великой книге, – опустила улыбку девушка, – я принимаю ваш вызов.

Аристов снова усмехнулся.

– Отлично, – сказал он, – я думаю, что мы должны добавить перчика и монетизируем ставки. Сумма в сто тысяч вас устроит? Предупреждаю я серьезный игрок.

– Вполне, – сказала, «Арнис,» – я тоже.

Аристов в ответ учтиво склонил голову и повернулся к Анне.

– На кого вы рискнете поставить, моя дорогая?

Девушка покачала головой.

– Вы же знаете, что я не поклонница ваших шахмат, – бесстрастно сказала она.

Аристов недобро сверкнул глазами, хотя лицо его выражало сплошную доброту.

– О, дорогая, это же простые шарады, – сказал доктор, – Марианна, принесите пожалуйста, коробку с шахматами.

Хорошевская холодно кивнула и манерно удалилась по лестнице вниз.

«Арнис» вздохнула. Отказываться уже было глупо. К тому же ей было любопытно посмотреть, что же это за такие шахматы. Всё-таки она была неплохим игроком, еще со времен интерната. Девушка бровями указала Флориану, чтобы он не спускал с Анны глаз. Эта девушка заинтересовала её. За милым личиком скрывалось что-то странное и неясное. Здесь вообще все было каким-то странным. Неестественным, что ли. Девушка пожевала губу. Куда-то она попала. Осталось понять куда именно.

* * *

Ксения Авалова тоже наслаждалась спокойствием весенней ольвийской ночи. Если, конечно, местечко, где они находились с компаньоном, можно было назвать спокойным.

Снори опасно зашипел, выказывая явное неудоволь-

ствие нахождению здесь.

– Понимаю тебя, дружок, – сказала девушка, – надеюсь, что мы здесь ненадолго задержимся.

Кстати, о компаньоне, куда это он пропал? А вон, стоит у какой-то палатки покупает еду, интересно это у меня занудство такое или сказывается наставнический опыт?

Не то что бы Кирсанов её раздражал, но ответственность над кем-либо, кроме себя, никогда не доставляла ей особого удовольствия.

А ещё Кирсанов оказался страшным балаболом, он всё время говорил, причем не по делу и ещё был очень самонадеянным и дерзким. Но в то же время его робкий и пытливый взгляд, слишком естественный для нынешнего времени, давал некоторую возможность скорректировать этого молодого человека.

С другой стороны, напомнила себе девушка, этих юнцов из теперешней полиции как-то особо не обучали. Они же для другого набирались, для красивой картинки, а то, что каждый из них в отдельности человек, это мало кого интересовало. Точнее вообще никого.

Девушка взяла стаканчик с кофе и шутливо отсалютовала напарнику. Снори угостили сосиской. Он быстро заграбастал её передними лапами и начал катать по земле.

– Итак, – хмыкнул Кирсанов, наблюдая за котом, – и каков наш дальнейший план?

Ксения криво ухмыльнулась.

– Ха, а я-то думала, что это у тебя громадье планов – язвительно заметила она.

Кирсанов только насупился.

– О! – протянул он. – Уу меня навалом энтузиазма, а у вас опыта, и я надеюсь, что многому научусь.

Ксения недоверчиво посмотрела на молодого человека. Она не очень поняла, что это было наивность или сарказм. Снори забавно зарычал.

– Ну, во-первых, я просила тебя мне не выкатать – со смешком в голосе сказала девушка, – а во-вторых мы сейчас должны встретиться с одним премилым парнем, у которого может быть информация о наших пропавших ученых.

– И кто он? – живо поинтересовался Кирсанов.

– Его кличка «Голубь», – сказала Ксения – он покупает и продает.

– Птиц? – шутливо спросил Кирсанов.

– Нет, – сказала Ксения, – информацию, но и птиц тоже – добавила она – этот «Голубь», сам сутенер и мелкий контрабандист, если кто-то и может знать о предмете наших поисков, кроме Грошика – это он.

Кирсанов смешался.

– Что же это, – сказал он, – мы, как при рухнувшей преступной власти, будем с преступностью бороться при помощи преступников? Это отживший метод!

Ксения рассмеялась.

– Отживший, говоришь, – сказала девушка, – ну и какой

же, по-твоему, действенный?

Кирсанов задумался.

– Ну, – начал он, – нужно, чтобы граждане сами помогали полиции. Кто-то, что-то обязательно увидит, узнает и сообщит нам.

Авалова покачала головой.

– Никогда, – сказала она, – потому что, запомни, обыватели всегда заняты своими делами и пока их как следует не растрясешь, ничего они тебе не расскажут, а даже если и расскажут, то пока ты найдешь этих свидетелей, потратишь уйму времени, поэтому надо спрашивать тех, кто на информации делает деньги, а это, скажем так не всегда законно, понял?

Кирсанов кивнул.

– Ясно, – сказал он, – я понял, мой первый урок, полностью тебе довериться.

Ксения подарила ему кроткую улыбку. Что же он, конечно, ещё очень сыроват, но если над ним правильно и терпеливо поработать, то из него может выйти определенный толк.

– Именно так, – сказала девушка, – поэтому сейчас мы должны перестать болтать и начать заниматься делом.

Они находились в известном всей Ольвии злачном месте, под названием «спуск» – довольно неприглядной улочке в старом городе, районе заброшенных корпусов приборостроительного завода, которые были изрисованы самыми разными граффити.

– Место для поклонников трущобной экзотики, – заметил Кирсанов.

– И ещё отличное место для тех, кто хочет спрятаться от лишних глаз, – добавила Авалова.

– Как наш клиент? – спросил Кирсанов.

– Ты схватываешь на лету, – улыбнулась Ксения.

Этому месту всегда прочили такое же злачное будущее, какое у него и было настоящее, однако вновь пришедший директорианский губернатор развёл здесь лихорадочную деятельность по благоустройству района, сам лично выезжал на субботники и даже выбил у центральной власти бюджетные деньги на строительство творческих площадок. После того, как деньги выделили, субботники прекратились, а сами средства пропали.

– Мы пришли, – сообщила Авалова.

Целью их похода был покосившийся от времени строи-

тельный вагончик из почерневшего от времени дерева.

Перед вагончиками, на пластиковом стуле сидел здоровый бугай, завидев Ксению, он сначала потянулся за пояс, но взглядевшись в лицо девушки уважительно кивнул и не говоря не слова указал засаленным рукавом на дверь.

– Ждите, со Снори, здесь, – сказала Авалова.

Кот зашипел.

– Всё в порядке, – сказала Ксения, – я должна пойти одна.

Снори сел на задние лапы и завил хвостом. Он явно был не согласен с таким положением вещей. Ксения потрепала его по загривку и направилась в сторону вагончика.

Внутренняя обстановка помещения была просто замечательной. Везде перья и помет, и разноголосые крики разных птиц. Снори здесь бы определенно понравилось. Если хозяин будет несговорчив, пожалуй, надо будет позвать кота и разрешить ему провести здесь инвентаризацию. Ксения, стараясь не запачкаться, подошла к небольшому столику, за которым развалившись сидел в кресле с полинялой обивкой тонкокостный журчик с длинными и сальными волосами и испещренной оспинами кожей.

– Что принесло скромную лесничую в мое жилище? – спросил он, не глядя на вошедших. – Надеюсь, ты оставила своего пушистого друга на улице.

Ксения хмыкнула.

– Это зависит от твоих ответов – сказала она – мне нужна информация и скорая.

«Голубь» снял ноги со стола.

– Ну что же информация это ко мне – нервно захохотал он – это ведь мой бизнес, детка!

Ксения села на повернутый спинкой к голубю стул.

– Профессор Мецгер, и доктор Кропс, – сказала она, – оба пропали несколько дней назад.

– Они мертвы – сказал «Голубь» – но это бесплатно. Следующий ответ будет стоит гораздо дороже.

Ксения сжала губы в жесткой ухмылке.

– У меня нет времени торговаться, – бросила девушка, – давай без глупостей.

«Голубь» махнул рукой.

– Ладно, ладно, – усмехнулся гангст, ер – ты хочешь узнать, что за документы они торговали, да?

Ксения сухо кивнула.

– И что с ними случилось? – спросила она – и какое отношение к этому имеет убитый Грошик?

«Голубь» со смешком хлопнул себя по коленям.

– Ты сразу задаешь масштабные вопросы, как всегда впрочем – заметил он – кое-чего я действительно знаю. Событий много – он махнул рукой в сторону окна – там. Ходят слухи, что затевается какое-то крупное и очень мутное дело. За ним стоит некая организация. Хорошо тебе известная. Этот парень, Кропс, проводил для них какой-то эксперимент, связанный с геной инженерией, деталей не знаю, но то ли денег ему мало заплатили, то ли совесть заела... в общем, пытал-

ся парень продать данные проекта на сторону. Организация такого, естественно, не любит.

– Через Грошика? – спросила Авалова.

– Естественно, – сказал «Голубь», – через кого же ещё?

– Через тебя? – улыбнулась Ксения. – Нет?

«Голубь» замахал руками.

– Я что псих? Совать свой нос в дела Организации, – сказал он, – А Грошик, тот... да-а. Сунулся, на свою беду. Говорят, он с северянами дружбу водил. Возможно, этот Кропс им хотел информацию толкнуть, кто знает?

– Узнать точнее сможешь? – спросила Ксения.

«Голубь» гортанно рассмеялся.

– Конечно, детка, – сказал он, – раз ты просишь. Вот, ни для кого другого, в мире, не стал бы узнавать, но после того, что между нами было...

Ксения оценивающе прищурилась.

– Слушай, что говорят на улицах, – сухо сказала девушка, – если кто-то упомянет, то, чем я интересуюсь... ты знаешь, что делать.

«Голубь» обнажил гнилые зубы в усмешке.

– Что ж, я отправлю своих пташек полетать на воле и посмотрю, что они скажут, – он щелкнул пальцами в воздухе. – Я позвоню тебе, если что узнаю, детка.

– Позвонишь, – сказала Ксения с холодной улыбкой, – не сомневаюсь.

Наташа покинула офис студии в весьма смешанных чувствах. Она не могла чётко определить, что именно её настораживало в Штайнмане. Вполне возможно, что именно та его подчеркнутая уверенность, с которой он держался при разговоре с ней. Встретил он её весьма радушно, говорил, не скрывая своей позиции. Словом, всё это выглядело, так, как будто за Штайнманом стоял некто, который, по мнению директора, мог бы подстраховать их компанию на случай непредвиденных обстоятельств. И этим некто был явно не Школьников. Кстати, о Школьникове, не случайно было то, что Штайнман принимал её один, скорее всего режиссер наблюдал за их разговором со стороны. Девушка вообще начала подозревать, что в офисе были готовы к приезду компетентных органов, а может быть и кого-то типа её, возможно и поэтому вся встреча прошла, как будто по запланированному сценарию, даже на вопрос о лишних деньгах имелся заготовленный ответ. Подобная ситуация была возможна только при заранее подготовленном плане. Плане, который составляли явно не Штайнман и Школьников.

А может ей следует подобраться к загадке, с другой стороны, может быть фильм только прикрытие для чего-то большего? Возможно, что ей следует действовать индуктивно – от частного к общему, иными словами, ей следует найти сна-

чала искомую парочку и тогда она поймет смысл всего происходящего.

Наташа поймала себя на ощущении, что она очень сильно уже увлеклась этим делом. Оно ей нравилось. Хотя вторая половинка её сознания назойливо твердила, что она сейчас должна быть в столице и сражаться с теми, кто ратует за «распределитель». Эти половинки никак не могли соединиться. И тем не менее она, впервые за много дней, чувствовала себя спокойной и свободной.

– У меня такое чувство, что кто-то над всей этой командой плотно поработал – заметила девушка вслух – кто-то стоит над ними сверху. Кто-то, кого они очень сильно боятся.

– S.I.G.M.A.? – спросил Воротынцев.

Наташа пожала плечами.

– S. I. G. M. A. – это фантом – сказала она – иллюзия страха глобальной всепоглощающей угрозы. Этим они достигают своих целей. Нам нужна конкретная персона, кто стоит за этим. И почему им так был нужен фильм. Не ясно мне это.

Воротынцев вздохнул.

– Ну, что, тогда в Царское? – спросил её Воротынцев, когда они доехали до развилки на скоростной диаметр.

Наташа кивнула.

– Пожалуй – сказала она – я думаю, что нам следует подобраться к нашей загадке, с другой стороны. Если есть маленький шанс, на то, что наша таинственная девушка, действительно общалась с той убитой туристкой, то им надо вос-

пользоваться. Других зацепок пока у нас нет. Ведь зачем-то она крутилась возле этой туристки и, не просто же так. А фото её раздобыть можно?

– Вам для коллекции? – усмехнулся Воротынцев – не трудитесь, оно есть в полицейском отчете —

Наташа достала телефон. И используя внутренний код, который имела как депутат, вошла в базу данных МВД и обомлела.

Убитую туристку звали Анастасия Урусова-Верховская. Этого для Наташи уже было достаточно, что похолодеть с головы до пят. Фотография молодой женщины, прилагавшаяся к делу вновь заставила Покровскую вспомнить Кранцберг и события, которые происходили пять лет назад. Анастасия Урусова, здесь на фото, была несколько старше, но это была она.

Количество знакомых фамилий в этой истории уже зашкаливало. Верховский был связан с убитой Кирсановой. Татьяна Козловская была её подругой. Жenu Верховского убивают здесь, а Козловская становится невольным свидетелем. Случайность? Нет, не верила, она в такие случайности.

Наташа бросила беглый взгляд на Воротынцева. Они это знали, когда предлагали мне участие в этой операции? Если да, то почему умолчали? Очень в этой истории много непонятного. Во всяком случае, она пока не будет говорить Воротынцеву о своих умозаключениях. Тем более, что он и не спрашивал, а вдруг стал пристально вглядываться в зеркало

заднего вида.

– Держитесь – сказал он наконец – думаю, что нам придется ехать очень быстро.

Наташа обернулась сзади них мелькал черный мотоцикл.

– Он висит у нас на хвосте уже минут пятнадцать – пояснил Воротынцев.

Офицер вдавил педаль газа в пол и мотор радостно зарычал. Машина увеличила скорость, но преследователь не отставал, лишь сокращая расстояние. Наконец, когда между машиной и мотоциклом оставалось метров сто, водитель мотоцикла повернул какой-то рычажок и из носовой части мотоцикла изрыгнулась струя смертельного пламени. Она неминуемо бы спалила машину целиком, если бы Воротынцев в последний момент не крутанул руль влево вылетев на встречную полосу и чудом не врезавшись в грузовик. Пламя лишь подожгло полосу дороги и мотоцикл не успев сбавить скорость влетел в его эпицентр. Произошел взрыв.

– Мило у вас встречают депутатов – заметила Наташа.

Воротынцев фыркнул.

– Это только первая приветственная делегация – сказал он, указывая в зеркало.

Наташа обернулась, Место преследователя занял черный хаммер, вылетевший из-за ближайшего тоннеля. Секунду спустя окружающая действительность наполнилась звуками автоматных и пистолетных выстрелов. Воротынцев вел машину со скоростью под 200 километров в час усиленно ви-

ляя из стороны в сторону, уворачивая машину от выстрелов. Где-то вдалеке завывла полицейская сирена и Наташа краем глаза заметила, как белая «Лада» перекрыла собой дорогу, возле того участка, который они только что проскочили. Маленький жигуленок, естественно не представлял особой проблемы для тяжелого джипа, однако вероятно водитель решил объехать полицейских по более широкому радиусу, но не рассчитал расстояние и чиркнув «Ладу» бампером, от чего ту развернуло под прямым углом, сам слетел с обрыва вниз. Через несколько минут в этом самом низу громыкнуло.

Но и на этом их приключения не закончились. Из-за широкой кроны вековых деревьев вылетел боевой дрон и стал поливать округу огнем из крупнокалиберного пулемета, без всякого разбора.

– Вам не кажется, что мы кому-то сильно не нравимся? – риторически осведомился Воротынцев с нервным смешком в голосе.

Оторваться сможете? – тревожно спросила Наташа.

Воротынцев стиснул зубы.

– Постараюсь! – сказал он – у меня же не болид формулы 1, даже Шумахер проиграл истребителю!

Дрон продолжал изрыгать смертоносные снаряды и единственно, что их ещё отделяло от превращения в яичницу это то, что машина постоянно виляла из стороны в сторону и компьютеру, установленному на дроне было сложно зафиксировать цель, поэтому он компенсировал эту неприятность

количеством выстрелов.

Наташу сильно подбросило в кресле, и она ударилась головой о потолок, во рту появился привкус чего-то соленого. Воротынцев посмотрел в боковое зеркало одна из шин была безвозвратно превращена в кашу и теперь тащилась за ними замедляя автомобилю ход. Оставалось только одно.

Надо сказать, что это «одно» они оценили по достоинству и в лучших традициях голливудских боевиков, просто и незатейливо на полном ходу выпрыгнули из машины. Наташа никогда не понимала, как она осталась вообще жива после такого прыжка, наверное, спасло то обстоятельство, что дорогу окружал коротко остриженный мягкий газон.

Их автомобиль, потеряв управление вылетел с трассы, врезавшись в ближайший отбойник. В этот же отбойник, не разобравшись в ситуации влетел и дрон. Всё потонуло в облаке взрыва.

Наташа, пошатываясь поднялась на ноги.

– Вот это да! – выдохнула девушка – дело принимает серьезный оборот. Такую охоту устроить.

Воротынцев ковыляя подошел к ней.

– Да уж – сказал он – тут действительно похоже вещи похлеще, чем неучтенные деньги. Из-за них такое бы побоище не организовали.

Наташа кивнула, попутно вытирая кровь с губы.

– И это не Штайнман со Школьниковым. У них на такое, масштаба мысли не хватит.

Воротынцев нахмурился.

– Но кто, тогда? – спросил он.

Наташа покачала головой.

– Не знаю – сказала она – но этот кто-то очень не хочет, чтобы мы выяснили истинную причину съёмки фильма. Теперь это я понимаю точно.

Воздух наполнился ревом полицейских сирен. Сегодня они в Царское вряд ли попадут.

* * *

Перед ней лежала большая шахматная доска с выставленными по всем правилам фигурами. «Арнис» смотрела на эту доску с таким видом, словно бы это была заводная бомба. Нет она, конечно действительно неплохо играла в шахматы, но она не имела ни малейшего представления зачем Лев Аристов предложил ей играть и какого подвоха от него можно было ожидать, а то, что от него надо было ждать подвоха, она не сомневалась.

«Арнис» ещё раз потрогала фигуры, они были сделаны из матового стекла и очень холодные на ощупь. Двигать их можно было только одной рукой – правой. Левая рука была зафиксирована на кресле и к ней были подсоединены электроды. Сидящий напротив неё доктор, рука которого также была прикована к креслу, послал ей снисходительную усмешку.

– Вы готовы сеньорита? – спросил доктор.

«Арнис» кивнула, интересно только к чему? Но делать было нечего, она играла белыми и надо было начинать, девушка двинула королевскую пешку. Аристов двинул вперед коня. Она ответила, подвинув на две клетки вперед пешку на d-4. Не секунды ни подумав Аристов передвинул одну из пешек, освобождая дорогу слону. «Арнис» подвинула королевскую пешку ещё дальше. Аристов атаковал её пешку слоном. И в этот момент дикая боль пронзила левую руку, как будто её кипятком ошпарили – электроток.

Аристов отправил ей ещё одну усмешку.

– Ах простите – сказал он – я забыл предупредить. Мы ведь стратеги с вами, сеньорита де Леон, а шахматы – это наши солдаты, поэтому, когда наши солдаты гибнут, мы тоже будем чувствовать боль, это ведь справедливо, не так ли?

– Конечно – фальшиво усмехнулась «Арнис», краем взгляда заметив откровенно издевательскую усмешку на лице Хорошевой. Ах вот так вот, значит. Ничего сейчас я тебе покажу.

– Да – добавил Аристов – руку от аппарата поднимать нельзя, иначе вы проиграете, ведь если командир бежит с поля боя, его войско проигрывает.

«Арнис» согласно кивнула. Нужно было держаться. Она подвинула вперед слона.

Штильхарт с увлеченным видом наблюдал за игрой, хотя сам в ней ничего не понимал. Нет, он, конечно, знал правила, но как-то не особо интересовался всеми этими гамбитами, дебютами и прочим всем, чем его подруга всё время забивала себе голову.

Но его удивлял сам подход Аристова. Зачем он предложил эту игру? Просто для развлечения? Или это была игра ради другой игры. Выведать информацию о странной парочке, появившейся на вечере для особых гостей? Да это весьма возможно. Вероятно, Аристов будет её запугивать и выводить из себя. Надо бы ей как-то помочь, но, что он может, если сам не умеет играть...

Внезапно он почувствовал на себе пристальный взгляд.

– Не оборачивайтесь – услышал он женский голос.

– Это вы информатор? – в полголоса спросил он.

– Да – ответила девушка – я не хотела привлекать внимание, поэтому пригласила вас сюда.

Штильхарт не оборачиваясь, усмехнулся.

– Весьма разумно – сказал он – но как вы поняли, что мы это те, кто вам нужен?

– Девушка должна была согласится играть в шахматы – прозвучал ответ.

Штильхарт открыл рот, подумал, потом опять открыл.

– Позволю себе спросить, чтобы было если бы она не села играть в шахматы? – с совершенно естественной иронией поинтересовался Флориан.

– Встреча бы не состоялась – холодно отчеканила девушка – разве вам не сообщили парольный сигнал?

– К сожалению, не успели – сказал Штильхарт – вы разве не знаете, что Грошика убили?

Девушка охнула.

– Что с вами, Анна? – услышал Флориан чей-то голос.

– Всё в порядке – испуганно ответила девушка – я просто устала немного.

Штильхарт сделал все, от него зависящее, чтобы не удивиться на глазах всего честного народа, поэтому все что он сумел произнести, это «ах, чтоб...» громким шепотом и украдкой посмотрел на девушку. Она была очень красивая, степенная, но на её лице как будто застыла печаль. В ней действительно было, что-то странное, неестественное.

– Это усложняет положение – сказала Анна – поговорим об этом после. Как только гости разойдутся, после партии, сделайте вид, что уходите. В прихожей есть небольшая комната, я найду вас после того, как все уйдут.

Штильхарт усмехнулся. Вроде бы все было просто. Осталось только выиграть партию. Он поежился. Ситуация только больше запутывалась.

Партия продолжалась и всё больше белых шахматных фигур оказывались выставленными за пределы доски и чем больше их было, тем сильнее девушка ощущала на себе разряды тока.

Аристов хищно улыбнулся.

– Прикажете прекратить партию? – снисходительно спросил доктор – или продолжим?

«Арнис» хитро улыбнулась в ответ.

– Безусловно – сказала она – продолжим.

Белая ладья вперед. Черный слон берет туру. Снова удар током.

– Шахматы интересная игра – говорил Аристов – пока ты в неё играешь, ты много интересного можешь узнать о человеке – он плотоядно усмехнулся – эти шахматы расскажут мне обо всём, даже о ваших мыслях.

Мыслях, пронеслось в голове девушки.

– О да – сладко произнес Аристов – мысли, чувства – он подвинул фигуру – я знаю вы боитесь.

«Арнис» не отвечала, она старалась сосредоточиться на игре. Глупости какие! Что он мог знать о её мыслях?

– Да, вы боитесь – повторил Аристов – боитесь снова кого-то потерять.

«Арнис» вздрогнула. Откуда он мог знать? Нет, нет, всё

это глупости. Он её просто мистифицирует. Сосредоточиться, ей нужно сосредоточиться!

– Вы слишком медленно ходите – пояснил Аристов – вы боитесь сделать ход, боитесь рисковать. Потому что, очевидно, что вы боитесь за свои фигуры, боитесь их потерять. Вы олицетворяете каждую фигуру с теми, кого вы уже теряли. Вы знаете, что близкие вам люди всегда уходят.

Аристов взял ещё одну фигуру, и ещё один сильнейший разряд пронзил ладонь девушки, но она не отпустила руку. Как он это угадывает?

Девушка словно бы погрузилась в темный омут, в котором вихрем стали проноситься все события её жизни. Пропажа родителей, она не знала, как они пропали. Она только помнила, как остается одна в тёмной комнате и полоску света, просачивающуюся через высокую фигуру. Но она тогда не сдалась, она училась. Училась познавать себя. Училась познавать окружающий мир. У неё неплохо получалось. Учеба в дипломатическом интернате, потом в академии глобальных исследований. Жених из хорошей семьи. Она нашла себе интересную тему для исследований. У неё могла быть совершенно иная жизнь. Как же всё поменялось?

У неё была подруга – хозяйка художественной галереи. Они много времени проводили вместе. Путешествовали, строили планы. А потом тот самый день, накануне её двадцатилетия. Она звонит ей, но трубку берет полиция. Тогда она в беспамятстве побежала на адрес, который сказали по-

лицейские и там увидела её. Она лежала на асфальте и как будто спала и лишь пятно крови на виске выдавало правду. Она не понимала, как такое могло с ней произойти. Ей сказали, что она совершила самоубийство. Она не поверила, стала разбираться. Узнала, что некий коммерсант хотел купить галерею её подруги, разорил её, наделал долгов, а потом отказался от сделки, обвинив её подругу в краже дорогой картины. Что было потом? Ах, да... Она поехала в дом к этому коммерсанту, пыталась выбить у него признание и обелить честь своей подруги. Между ними происходит стычка. Коммерсант оказывается ранен. Его прислуга вызывает полицию. Полиция арестовывает её. Обвинение тяжелое – проникновение в дом и попытка убийства. Суд берет её под стражу. Жених отказывается ей помогать, он говорит, что не желает иметь ничего общего с воровкой. Тщетно она пыталась объяснить ему, что невиновна.

Её должны были отвезти в тюрьму. Но вместо этого она попадает в старинный дом, на окраине города. Там её встречает отставной адмирал. Он предлагает ей выбор: или сесть в тюрьму на пятнадцать лет или помогать ему исправлять ошибки правосудия и расследовать дела, которые оказались не по зубам полиции, вместе с молодым детективом Флорианом Штильхартом. Неохотно она согласилась. Так эти двое стали командой и хорошими друзьями, питая друг к другу бережливую дружескую привязанность и пускаясь в авантюры, иногда случайно, иногда по поручению адмирала.

Тогда она поняла, что ей нужно делать. Ей нужно не допускать того, чтобы у кого-то ещё рушился мир. И она построила этот новый мир борьбы за правду в себе, мир, который вновь изменился, раздвоившись на до и после. Судьба поставила её перед выбором, и она этот выбор сделала. Но разве этот выбор мог остановить войну, разве он мог вернуть жизни тех сотен людей, которые гибли на её глазах...

Она запуталась, она не понимала, какой фигурой ей ходить.

– Бедная – подал голос Аристов – все ваши страхи станут реальностью.

Свободной рукой она сжала виски и пешка, которую она держала в руках со звоном, упал на доску.

– Вы проиграете мне – сказал Аристов – и вы потеряете всё!

Её руку понизил очередной разряд. Она почти оторвала ладонь, как вдруг почувствовала, что её кольцо наливается теплом. Это странное ощущение она чувствовала не в первый раз. Оно всегда приходило, когда на душу наваливалась тоска. С тех пор, она стала считать кольцо своим талисманом. Вместе с теплом стали уходить грустные воспоминания.

Давай, ты сможешь, произнесла «Арнис». Да, именно так, она сможет. Он всего лишь манипулирует мной. Никогда не надо игнорировать прошлое. Без прошлого нет будущего. Она должна открыто смотреть в свое прошлое. Прошлое бесполезно оплакивать, но понимание его это уважение правды,

лежащей не на поверхности.

Девушка сжала руку в кулак и разжав его с силой поставила королеву на клетку, где стоял черный слон. Аристов дернулся, его руку пронзило током.

– Как вы... – опешил доктор.

Черный конь бьет пешку. Белая королева бьет черного коня.

– Нет – сказала она – вы не правы. Близкие всегда уходят, но не покидают нас навсегда. Они остаются с нами в образах, мыслях и чувствах.

Черный слон вперёд. Белая тура бьет черного слона...

– Мы храним эти образы – продолжала «Арнис» – и они хранят нас, помогают нам и связывают нас воедино!

Черная тура вперед. Белая королева берет ладью...

Руку Аристова затрясло. Она даже посинела, и он с криком отдернул её от аппарата с электродами.

– Шах и мат – констатировала девушка, послав доктору ослепительную улыбку.

Аристов резко вскочил со стула, его всего трясло, лицо блестело от пота, а глаза горели яростным огнем, по всему его виду казалось, что он готов продолжать поединок в рукопашную.

– Хватит! – рявкнула Хорошевская – довольно!

Аристов нервно расхохотался.

– Успокойтесь, дорогая – сказал он, тяжело дыша – это же всего лишь игра! Не так ли, сеньорита?

– Естественно – холодно сказала «Арнис». Её тоже всю трясло.

Аристов усмехнулся. Его дыхание было прерывистым.

– Кажется, я вас недооценил – выдохнув проговорил он – вы победили меня – он протянул руку – поздравляю!

«Арнис» пожала руку. Она была мокрой от пота.

– Рассчитаемся на выходе – сказал Аристов.

«Арнис» кивнула, мысленно успокаивая сознание. Ныл каждый мускул. Ничего себе игра. Если он смог почти сломить её, то, что же он делает с другими? И каковы последствия? В любой игре соперник пытается загнать тебя в ситуацию, которой может управлять и выявляет слабые места... что таким образом узнает Аристов? Тайные секреты? Подчиняет людей своей воле? Этот доктор любит нестандартные эксперименты.

К девушке неслышно подошел Флориан и отсалютовал ей трубкой.

– Ты, была просто восхитительна – заметил молодой человек – немедленно записываемся на чемпионат мира. Я думал, что этого доктора удар хватит.

– Это меня удар сейчас хватит – констатировала «Арнис» – ну и игры здесь в почете.

– Скромное обаяние буржуазии – улыбнулся Штильхарт – и оскал капитализма. Развлечения на уровне.

– И никакого информатора – фыркнула «Арнис» – похоже, что съездили впустую.

Флориан сделал гримасу удивления.

– Ну-у почему же – произнес он – пока ты, упражнялась в шахматах, я как раз общался с ней.

Его подруга столько раз удивляла и поражала его, что Штильхарт испытал чувство легкого торжества, когда увидел обалделое лицо девушки, в изумлении уставившуюся на него.

– Так что мы пока остаемся здесь – сообщил Флориан широко улыбаясь – медленно поверни голову и увидишь девушку, у неё в руках скрипка.

«Арнис» округлила глаза.

– Да, именно та, о которой ты подумала – кивнул Штильхарт – она назначила тебе randevu, после игры. Ты знаешь, обычно я остаюсь с хорошенькими девушками, но в этот раз уступлю это право тебе. Надеюсь, тебя не тянет к юным скрипачкам?

«Арнис» вздохнула. Опять подтвердилась старая истина, что искать надо на поверхности. Ну что ж может после разговора, она получит ответы на свои вопросы? Хотя бы на некоторые. Впрочем, когда такое бывало?

* * *

Ксения ощущала всю поднимающуюся бурю эмоций от ожидания получения информации, которая сдвинет дело с мёртвой точки, в душе своего напарника. Парень был, как на

иголках, словно влюбленный школьник. Сама она сохраняла спокойствие и холодную отстранённость.

– Мне не нравится ждать – заявил Кирсанов – почему мы не можем просто устроить повальный обыск у всех преступников в Ольвии?

Ксения хмыкнула.

– А что нам это даст? – риторически поинтересовалась девушка – нам же никто не сказал, что интересующий нас персонаж связан с преступным миром.

Девушка с интересом, наблюдала вид строений, окружавших дорогу, по которой они шли. Пузырившаяся краска на стенах, выбитые стекла, которые смотрели на них словно тысячи безжизненных глаз. Мимо них тянулась линия разбитых тротуаров.

Это был другой мир, подумала Ксения – мир, который сильно отличался от того показного великолепия, которое лилось на них с экранов телевизора пропагандистских каналов Директории, хотя оно, это великолепие, было всего в нескольких сотнях метрах от района, где они находились.

– Да, но тогда, как они могут нам помочь? – задумчиво поинтересовался молодой человек – ведь твой информатор не у законопослушных граждан будет спрашивать?

– Преступный мир, как паутина – пояснила Ксения – он состоит из тысячи мельчайших нитей и когда происходит то, что произошло в цирюльне Грошика, нарушается баланс, который существует в их мире.

Кирсанов нахмурился.

– Поэтому они сами заинтересованы в том, чтобы помочь нам разобраться – догадался молодой человек.

Девушка с удовлетворением кивнула.

– Верно – сказала она – причем они заинтересованы гораздо больше, чем мы.

– Но ведь получается, что мы вступаем с ними в сговор – возразил Кирсанов – разве это правильно, пусть даже наши цели сходны?

Он был идеалистом, поняла Ксения, одним из многих молодых идеалистов, которым их власть вбивала, что они рождены, чтобы менять эту страну, естественно в тех пределах, в которых им было это допущено.

– Никогда не тешь себя мыслью победить преступность, друг мой – мягко сказала Ксения – она не будет побеждена и через три тысячи лет, но мы должны бороться против тех, кто декларирует благородные цели, а на самом деле ходит у этого преступного мира в холуях.

Кирсанов пожал плечами.

– Но Директория скинула преступную власть – возразил он – уничтожила олигархов и коррупционеров.

Ксения поморщилась. Этому юноше предстоит ещё многое узнать. Возможно, не сейчас.

– Может быть та власть и была преступная – согласилась девушка – но, разве эта новая власть, чем-то отличается от старой? – она обвила рукой воздух – посмотри вокруг, что

эта Директория сделала для людей, здесь обитающих? Или разве их жизнь как-то изменилась к лучшему? Если человеку не становится лучше, то не всё ли равно, какая фамилия у президента?

– Это не так – воскликнул Кирсанов – ты говоришь, как сепары!

Ксения коротко улыбнулась.

– А разве эти твои сепары – повторила она термин – сразу были сепарами? разве они не выступали за свои права и свои ценности? Почему ты сразу отказываешь им в этих правах?

Кирсанов вздохнул.

– Директория выступает за стабильность и безопасность – горячо сказал он – сепаратисты хотят разрушить наше достояние, наш особый путь.

Они зашли в неказистое на вид кафе, в котором должны были ожидать звонка от голубя.

– А мы получили эту стабильность? – задалась вопросом Ксения, усаживаясь за круглый деревянный столик – тебе не кажется, что идеалами особого пути и достояния просто воспользовались? Что если наша страна стала тем самым злом, с которым мы должны бороться? Ты сам этого не понимаешь, иначе бы не пришел ко мне.

Кирсанов фыркнул.

– Я слышал эту теорию – сказал он – но она в корне не верна. Старая власть бежала, оставив республику анархии и преступности. Только Директория смогла подчинить себе сти-

хию и усмирить её. Вот почему я считаю Директорию великой. Она одна сумела в общем хаосе навести порядок. То, что произошло потом, вот типа, отмены свободы печати и собраний, это лишь государственная необходимость. И разве в условиях всеобщей пандемии нам нужна эта свобода? Разве олигархи и коррупционеры республики смогли бы нас защитить от внешних угроз? А их слишком много. Пандемия, сепаратисты. А завтра? Да Бог ещё знает кто! Где бы мы были без Директории? Где бы наша страна была без Директории?

Ксения задумчиво приподняла бровь и усмехнулась. Этому молодому человеку на митингах бы выступать. Ему там не было бы равных. Эх молодо-зелено.

– Не знаю – сказала она – но не уверена, что где-то там было бы хуже, чем здесь.

Тем моментом, к ним подошла девочка лет пятнадцати-шестнадцати в коротенькой юбочке и полупрозрачной майке. Её внешний вид вызывал сотни вожделенных слюнявых взглядов подвыпившей публики.

– Что будите? – спросила она тонким голосом.

– Виски – сказала Ксения.

– Мне тоже – кивнул Кирсанов, он смотрел на официантку взглядом, в котором одновременно читалось непонимание и жалость.

– В этом тоже виноваты сепары? – ехидно спросила Ксения, с видом человека, которая видела и худшее – или в этом

ты видишь величие Директории?

Кирсанов подарил ей мрачный взгляд.

– Это софистика – сказал он.

Ксения покачала головой.

– Вовсе нет – сказала она – софистика – это обман ума, а эту ситуацию ты видишь, сейчас и здесь. Запомни, что восприятие событий, которые с нами происходит, зависит исключительно от реальности, которую мы видим. Я не спору, что возможно и нужен такой контроль и порядок, но иногда мне кажется, что в руках Директории это всего лишь ширма, для сокрытия своих интересов. Согласись, что некоторые поступки Директории весьма трудно оправдать.

Кирсанов отпил из бокала. Видно было, что он ловит каждое слово девушки, даже если с ней не согласен.

– Да я знаю, что это неправильно – жарко сказал он – лишать людей права на слово, гражданских прав, заставлять воевать...

– Весьма длинный список – заметила Ксения.

– Но разве это не стоило того? – продолжал Кирсанов – разве это не стоило мечты? Может быть, истина рождается через муки всего этого – он обвел рукой воздух, подражая Ксении – может это и был тот необходимый толчок?

Авалова только тяжело вздохнула. Она ведь сама когда-то была такой и казалось, как недавно это было. Молодежь, ведь всегда особенно остро чувствовала несправедливость и чувствовала её с некоторой тягой к бунтарству, только этим бун-

тарством всегда пользовались прохвосты, вот в чём был фокус. Фокус или насмешка судьбы и истории.

– Возможно – произнесла она – но скажи мне, что происходит, когда мы начинаем, что-то толкать?

Кирсанов почесал переносицу.

– Оно начинает двигаться быстрее – сказал он – видишь, ты сама это сказала.

Ксения улыбнулась.

– А тебе не кажется, что быстрое продвижение вперед не оставляет времени на раздумья и оценку правильности ситуации?

Кирсанов вздохнул.

– Возможно – сказал он, нехотя признавая поражение.

– Вот тебе ещё один мой урок – сказала Ксения – никогда не суди и не делай поспешных выводов, иначе это может обернуться большой бедой.

Она это знала не понаслышке.

К ним снова подошла девочка-официант, на сей раз с телефоном в руке.

– Вам звонят – коротко сказала она.

Ксения взяла из рук девочки трубку.

– Авалова.

– «Ольвийский порт» – раздался голос в трубке – офис

215 —

– Это всё? – спросила Ксения.

В трубке послышался смешок.

– Я задал своим птичкам вопрос, детка – сладко сказал «Голубь» – и мне назвали имя – доктор Лев Аристов.

– Кто этот доктор? – спросила Ксения.

– Это один из тузов, на сером рынке генной инженерии – пояснил информатор – не самый скромный товарищ, по моим данным он недавно очень интересовался пропавшими документами. Есть слух, что Мецгер и Кропс были связаны именно с ним.

– Где мне его найти? – осведомилась девушка.

«Голубь» сардонически рассмеялся.

– Не всё так просто, детка – заметил гангстер – чтобы выйти на Аристова сначала нужно связаться с парнем по имени Викинт Раудан.

– Это Директор порта? – уточнила Ксения.

– Да – сказал «Голубь» – он мелкая рыбешка, но является посредником в разных теневых схемах и у него хорошие связи. Через него Аристов надеется вернуть то, что у него украли.

– Ты узнал, что это? – спросила Авалова.

– Нее – протянул «Голубь», цокая языком – вокруг этого дельца, такая секретность, но я выяснил, кому Грошик собирался сплавить документы.

– И?

– Тебя это заинтересует – засмеялся «Голубь» – документы предназначались Александру Верховскому.

Мысли Ксении обрушились. Прошрое, которое она хотела

забыть, догоняло её.

– Знакомое имечко, а? – спросил Голубь и захохотал в трубку.

– Знакомое – мрачно усмехнулась Ксения – а в чём здесь его интерес? Он интересуется генной инженерией?

«Голубь» хмыкнул.

– Он человек разносторонних интересов – сказал он – но в данном случае, как говорят, эти документы... они как-то связаны с историей его семьи.

Про семью Верховского Ксения ничего не знала. Слухи ходили разные. По одной из версий, его прадед был офицером царского флота Великоруссии и погиб в годы гражданской войны. Какое это может иметь отношение к генной инженерии?

– Ты знаешь, где он? – спросила девушка.

«Голубь» засмеялся.

– Вот чего не знаю, того не знаю – сказал он – говорят, что он подался в Великоруссию. Я думаю, что с моей информацией, ты и сама разыщешь, всё что тебе нужно. Удачи, детка.

В трубке раздались гудки.

Что же, подумала Ксения, если информация «Голубья» точна, то у них возможно появился конкурент. Любопытно было бы посмотреть на товар. Пока всё, что она знала это то, что пропавшие ученые были убиты, если конечно верить Голубю. Она Голубю верила. Но кто стоит за этим? Верховский? Организация? У неё мало данных для анализа. Нужно

ещё.

– Пойдем – сказала она Кирсанову – продолжим наши разговоры позже, я надеюсь у нас будет время.

В то самое время, как она это говорила, где-то сзади раздался шум.

* * *

– «Что это ты прячешь под юбочкой, сладенькая моя!» – Ксения повернула голову и увидела широкое небритое лицо мужчины в камуфляже и портупее, который сидел в компании не более порядочных друзей, чем он сам и поглаживал волосатыми руками бёдра той самой девочки-официантки, которая подошла с подносом с полными пивными бокалами. Авалова привыкла к подобным выходкам сброда и поэтому вся эта сцена даже отвращения не вызывала. Она просто отметила факт. В её напарнике же чувствовалось, закипал гнев и в его глазах заиграл тот самый хорошо ей знакомый огонёк.

Девочка-официантка, стараясь не обращать внимания на пошлые движения мужчины расставляла на столе пивные закуски. Один из мужчин гортанно хрюкнул и наклонился к соседу и стал ему, что-то шептать в ухо. Через несколько секунд они оба разразились диким хохотом, сотрясшим хлипкие стены заведения, затем один из этой пары встал во весь свой рост и с наглым видом опрокинул тяжёлую ладонь на плечо девочки.

– Тебе взрослые дядя задали вопрос, дорогуша – сказал он – Или ты покажешь свои прелести сама, или... нам придется посмотреть на них самим.

На лицах пьяной солдатни застыло гадливое сладостное выражение лица, каждый потирал свои руки в предвкушении доли. Обслуживающий персонал и завсегдатаи сразу же ретировались и усиленно делали вид, как будто ничего не происходит и только у Кирсанова был вид человека, который сейчас расчехлит свою кобуру и нашьпигует грубиянов свинцом до ушей.

– Неужели тебе не нравится? – поинтересовалась Ксения – это же твои герои? Разве нет?

Кирсанов скривил физиономию.

– Нет – сказал он – никто не имеет право подминать честь и справедливость. Можно я с ними разберусь?

Ксения дернула бровью.

– О – флегматично кивнула девушка – ну если ты, так сильно желаешь? Вперед —

Кирсанов так и поступил. Он вскочил из-за стола и размашистым шагом подошёл к компашке. Ксения с трудом подавила улыбку, ох уж эта детская непосредственность.

– Немедленно оставьте девушку в покое! – насколько мог властно сказал Кирсанов.

Ответом ему был взрыв хохота.

– Слухай, ты значок – сказал один из громил – иди-ка ты отсюда, пока цел, а то у тебя могут появиться неприятные

пятна на роже. Мы из Секуритаты, понял!?

– Мне всё равно откуда вы – холодно сказал Кирсанов – я попросил оставить девочку в покое.

Один из громил поднялся и навис над полицейским, ситуация накалилась.

– Ты это видел – он продемонстрировал здоровый тесак – ты сепар, недобитый, я сейчас тебе трепанацию сделаю и по вытаскиваю все предательские мысли.

Кирсанов рассуждать не стал, а схватил громилу за руку и попытался вытащить из-за стола. Получилось у него это не слишком хорошо. Точнее вообще не получилось. Громила перехватил его «прием» и опрокинул полицейского на деревянный столик, ножки которого треснули от человеческого веса, и он обрушился. Для верности Кирсанов получил ещё удар в печень ногой.

Но молодой человек решил не сдаваться, со всех сил двигнув ногой своему обидчику в челюсть. Тот, больше от неожиданности, свалился вниз и больше не шевелился.

Второй головорез уже обзавёлся ножом и стал им усиленно махать перед Кирсановым. Этот поединок оказался более успешным. Хлестким ударом молодой человек выбил у хулигана нож, а вторым ударом отправил его отдыхать к своему соседу.

– Неплохо – заметила Ксения, она не участвовала, в разборке и стояла поодаль, но браунинг сняла с предохранителя, на всякий случай – сперва избавился от его оружия.

Кирсанов хмыкнул.

– Я стараюсь совершенствовать свои приемы – с ехидной улыбкой парировал он.

Ксения неожиданно выставила назад кулак.

– Но его ты проглядел – констатировала девушка. Её локоть вошел в скулу третьему участнику драки, и громила оглушительно рухнул на пол, безнадежно похоронив под собой табуретку.

– Н-нет – удивленно возразил Кирсанов – я специально!

Гул голосов и звон посуды в заведении возобновились. Девочка-официантка, которая всю схватку наблюдала с открытым от страха ртом, теперь смущенно улыбалась своим спасителям.

– Не надо было вам вступаться – тихо сказала она – это же СЕКуры, у вас будут проблемы.

Ксения флегматично пожала плечами.

– Не будут – сказала она – зачем ты здесь работаешь? У тебя родители есть?

Девочка покачала головой. На её лице выступили маленькие слезинки.

– Погибли – сказала она – уже шесть лет назад. Здесь какие-то демонстрации были. Родители меня из школы забрали. Шальная граната. А я убежала. А сейчас в последнем классе. На жизнь как-то зарабатывать надо. Ладно, я пойду. Спасибо вам.

Девушка потянулась, убрать со стола стаканы, Авалова быстрым движением сунула на поднос двести евро, затем окинула внимательным взглядом напарника, лицо его выражало крайнее недоумение, смешанное с негодованием.

– Вот она твоя стабильность – сухо заметила девушка – теперь мы можем идти?

– Можем – холодно ответил Кирсанов.

Расплатившись за еду, парочка направилась к выходу из кафе.

Ксения бросила на барную стойку пару банкнот.

– Извините за беспорядок – криво ухмыльнулась она бармену.

Тот возможно и хотел бы поговорить по душам с гостями, но бросив взгляд на бедра девушки, понял, что не стоит.

Парочку провожали шепот, бормотанье и опасно-завистливые взгляды завсегдатаев, поспешивших вернуться к своим делам.

* * *

Поблагодарив хозяйку за её прелестный вечер, почтенная публика стала расходиться, живо обсуждая произошедшую историю. Вероятно, никто и никогда ещё не обыгрывал Аристов в его шахматы. Похоже эта игра была главным блюдом каждого вечера.

– Вы сильный противник, сеньорита де Леон – произнес Аристов, расписываясь в чеке, вероятно, сумма в сто тысяч евро не была для него значимой – прошу получить, ваш выигрыш.

«Арнис» коротко усмехнулась.

– О нет – сказала она с нестираемой наглой улыбкой – вы прекрасный шахматист и я не хочу, чтобы вы чувствовали себя побежденным. Я могу поменять выигрыш, на желание?

– Я слушаю – оживился Аристов.

Этого он тоже не ожидал, решила девушка, хотел просто

отделаться чеком. Ты друг обо мне многого не знаешь.

– Устройте мне экскурсию по вашей клинике – хитро сказала «Арнис» – вопросы генетического развития интересны мне, для моих дальнейших исследований.

Аристов снова усмехнулся и наверно первый раз с одобрением.

– Интересно, вы проигрываете также изящно, как и выигрываете? – любезно поинтересовался доктор.

«Арнис» манерно дернула плечом.

– Никогда не приходилось проигрывать – улыбнулась девушка.

Аристов положил чек на высокий деревянный комод в прихожей.

– Во всяком случае, эта игра сыграна – сказал он – я проиграл. Это точно. Дождемся следующей, и я, быть может, верну себе этот чек. Ну а что касается желаний... я, признаюсь, сам хотел, пригласить вас на презентацию своего нового проекта, которую я устраиваю не далее, чем в выходные. Буду вас с нетерпением ждать. Вы остановились в Бристоле?

– Отнюдь – отвечала «Арнис» – у меня апартаменты на улице Чайковского.

Аристов кивнул.

– Замечательно – сказал он – мой секретарь пришлет вам приглашение.

– Всего вам доброго – попрощалась «Арнис»

– Взаимно – сказал Аристов, улыбнувшись – познакомит-

ся с вами – море удовольствия.

Девушка с сомнением подумала о бушующем за окном море и проглотила последнюю издевку, которую доктор и не думал скрыть. Аристов не просто производил впечатление хитрого и опасного человека, он, несомненно, был им. Вопрос, в интересах кого и для чего он действует? Что же, возможно, у неё появится шанс это выяснить.

Они мирно пожали друг другу руки, как после хороше-го поединка, и доктор удалился в сопровождении Хороше-вской.

– Как ты его находишь? – спросил Флориан – мне кажется преинтереснейший субъект и позволю себе заметить столь же пренеприятнейший.

«Арнис» кивнула.

– Согласна – заметила девушка – им стоит заняться. Можешь собрать на него то, что я не знаю? Я думаю, что у тебя есть доступ в посольские базы данных.

Штильхарт скептически наморщил лоб.

– В три часа ночи или вообще? – поинтересовался он.

«Арнис» развела руками.

– Постарайся связаться с адмиралом – сказала она – возможно он сможет помочь. Только не отсюда. Мы ещё не знаем сколько в этом доме любопытных ушей.

Флориан сделал крайне невинное лицо.

– О, я не так наивен, как ты думаешь – улыбнулся молодой человек – жди меня, и я вернусь.

Девушка усмехнулась.

– Будешь возвращаться, не забудь обналичить деньги – заметила она, протягивая Флориану чек – Я же их всё-таки выиграла, как никак!

Штильхарт улыбнулся в ответ. Раз его подругу не покидало чувство юмора, значит они были на верном пути.

* * *

Аристов гнал машину, по разогретой от дневной жары дороги с такой скоростью, что её потрясывало. Эта девчонка порядком ему попортила нервы.

– Вы раньше не заходили так далеко – заметила сидевшая рядом Хорошевская – как бы это не вышло боком.

Аристов не отрываясь от дороги бросил на девушку резкий взгляд.

– С чего это ты меня поучаешь? – осведомился он – не слишком ли ты смела для подобных замечаний?

Хорошевская сделала вид, что не заметила укор. Она сохраняла свой холодный и невозмутимый вид.

– Я не поучаю – сказала она – я предупреждаю. Вам было поручено следить за Анной, а вы ввязались в психологические баталии с этой девицей. Организации – это может не понравиться.

– Организация живет за счет моих разработок – напомнил он – к тому же эта девчонка в полном неведении о наших

планах.

– Но весьма вероятно, что она о них узнает – сварливо парировала Хорошевская.

– Не раньше, чем я ей позволю это сделать – сказал Аристов – и только для того, чтобы насладиться моментом триумфа от её реакции.

Хорошевская скривила недовольное выражение лица. Она не одобряла никогда холерические поступки и была не в восторге от того, что ей приказали нянчиться с этим доктором, но Организации, нужен был кто-то, кто будет останавливать его эм... порывы. Теперь она понимала почему.

– Вы хотите убить эту Арнис? – спросила она вслух.

– О да – сладко протянул Аристов – о большем, я и мечтать не могу.

Впервые на лице Хорошевской заиграла усмешка, пусть и издевательская.

– Потому что она первая, кто выиграл в ваши шахматы? – с неприкрытым ехидством спросила она.

Аристов проглотил колкость.

– Из-за того, что она Арнис – холодно ответил доктор – и как враг Организации, она должна умереть.

Хорошевская сжала губы. Тяжелый случай.

– Ещё немного, и вы бы раскрыли себя перед ней – сказала она – из-за вашей поспешности, она бы сообразила о планах Организации, раньше, чем нужно. Вы не знаете кто она на самом деле. Это всего лишь ваше предположение. В

конце концов «Арнис» – это фантом. Мы должны узнать её настоящее имя. А как узнаем... не волнуйтесь, когда придет время она умрет – Хорошевская бесстрастно улыбнулась – я лично убью её.

* * *

Неспешно мерцали теплого света лампы в массивной деревянной люстре, создавая в нижней гостиной дома полутемную атмосферу. Ночная тишина наполнила дом.

«Арнис» расположилась в широком кресле, перед биокамином, который весело горел, источая сладкий аромат корицы.

Хозяйка дома сидела подле неё, погруженная в свои мысли и было не понятно ждет ли она, что «Арнис» с ней заговорит первой или сама собиралась с мыслями, подбирая слова. Девушка её не торопила. Удивительно странно это было, но ей почему хотелось верить Анне заранее. Верить в её чистые помыслы.

На неё уже стал наваливаться сон, когда девушка наконец заговорила.

– Вы, наверное, сильно удивились, когда узнали, что информатор – я? – спросила она – должно быть вы ожидали каких-то особых паролей и тайных посланий.

«Арнис» пожала плечами.

– Меня больше интересует, откуда у молодой девушки та-

кие сведения – заявила она.

Анна улыбнулась.

– Всё что я вам расскажу это, относится к вопросу веры и на данном этапе вам придется верить мне на слово – сказала она – не знаю поверите ли вы, но уверяю вас, что я рискую жизнью встречаясь с вами.

«Арнис» усмехнулась.

– Я уже начинаю к этому привыкать – сказала она – именно поэтому ваш порыв несколько озадачивает. Как вы получили информацию о вирусе?

Анна откинулась в кресле, устраиваясь поудобнее и некоторое время думала под треск дров в камине, казалось, что хотя она уже приняла решение, всё ещё собирается с мыслями.

– Я, пожалуй, начну с самого начала – тихо вздохнула девушка – видите ли, у меня не самая обычная история. Когда я была маленькая, то попала с родителями в аварию и впала в кому, в которой я провела семнадцать лет – она закусила губу – хотя, вы, наверное, это и так знаете?

«Арнис» кивнула.

– Я слышала об этом – сказала девушка – и про ваши необыкновенные способности тоже. Это, действительно довольно интересный феномен.

Анна слабо улыбнулась. По ней было видно, что эти «способности» не приносят ей сильной радости. «Арнис» это хорошо понимала. Может именно это обстоятельство и тянуло

её к этой девушке?

– Собственно говоря – заметила Анна – именно с этих способностей всё и началось. Думаю, вы понимаете, что я сама пыталась разобраться что же со мной такое. Жить с таким грузом на сердце, когда ничего не помнишь очень тяжело. К тому же мне иногда казалось, что во мне живет какой-то другой человек, мое сознание словно бы раздваивалось.

«Арнис» внимательно слушала.

– И вот однажды – продолжала Анна – ко мне подошёл мужчина. Он сказал, что знает о моей проблеме, долго изучал мой феномен и может мне помочь.

«Арнис» прищурилась.

– Это был Аристов? – спросила она.

Анна покачала головой.

– Вовсе нет – ответила девушка – это был генерал Сергей Александрович Адашев.

– Шеф Секуритаты? – как бы ненароком уточнила «Арнис»

– Именно так – кивнула Анна – я понимаю... вы удивлены. Адашев сказал мне, что он старый друг моего отца и очень долго меня искал, думал, что я погибла. Я не могла ему ничего рассказать или возразить, ибо ничего не помнила. Генерал проникся моей историей и сказал, что у него есть один знакомый, очень добрый и талантливый человек, который поможет мне. Я согласилась без вопросов и тогда меня отвели к Аристову —

Анна замолчала, ожидая возможных вопросов, но «Арнис» лишь вежливо слушала.

– Аристов осмотрел меня – продолжала девушка – и сказал, что причина моей амнезии в психологическом барьере и его можно разрушить, только если полностью открыть сознание и сделать это можно только через специальную генетическую терапию.

– Почему генетическую? – спросила «Арнис»

Анна встала с кресла и подошла к деревянному столику, на котором стояла початая бутылка красного вина. Девушка откупорила бутылку и налила вино в бокал.

– Доктор сказал, что из-за автокатастрофы произошли изменения в моей структуре ДНК и клеткам мозга необходимо придать новые функции.

Анна отпила вина и спохватившись жестом предложила налить собеседнице. «Арнис» согласилась.

– Благодарю – кивнула она – я так понимаю, что ваше лечение происходило в департаменте Аристова?

Анна кивнула.

– Да – сказала девушка – терапия проходила два раза в неделю. Но я мало что помню об этом. Помню только врачей в белых халатах и прозрачных масках. Всё было, как в тумане, как будто ныряешь в омут и тебя там топят, и ты захлёбываешься в мутной воде. А потом меня стал мучать один и тот же сон.

– Сон – заинтересовалась «Арнис» – какой сон?

Анна вздохнула.

– Очень странный – сказала она – сначала я оказываюсь в парке и вижу много-много людей и меня окружает тепло и радость, рядом со мной, маленький мальчик, женщина и ещё кто-то, они зовут меня, обнимают. А потом сон трансформируется в кошмар. Я оказываюсь в полуразрушенном доме с этими людьми и появляются палачи, они стреляют в меня, и я вижу яркий свет ламп и после этого, я просыпаюсь.

Некоторое время в комнате царил тишина, которая нарушалась только потрескиванием камина.

– Как вы увидели эту картину? – спокойно спросила «Арнис» – я имею откуда вы наблюдали этот сон?

Анна потупила взгляд.

– Я... Я была этой девушкой, которую расстреливали – сказала девушка.

«Арнис» задумчиво пожевала губу. Вечер явно переставал быть томным.

– Вы говорили об этом сне Аристову? – спросила она.

Анна кивнула.

– Да – сказала девушка – он всё время говорил, что это воспоминания мёртвой.

– Воспоминания мёртвой – эхом повторила «Арнис» – что это значило? Аристов объяснил вам?

Анна только снова покачала головой. Было видно, по её виду, что она действительно мало знает.

– Я никогда не понимала – сказала она – но мне иногда ка-

залось, что мне как будто засовывают чужие воспоминания.

«Арнис» задумчиво дернула бровью. Когнитивное воздействие и форматирование памяти? Звучало, как фантастическая сказка. Впрочем, ей ли в это не верить, учитывая каптагон?

– Интересно – произнесла девушка – а в чём же это выразалось? Было что-то такое, необычное, может быть, что заставило вас так думать?

– Когда мне проводили эту терапию – сказала Анна – у меня в мыслях всё время звучал один и тот же голос, который нашептывал мне одну и ту же фразу, «медальон! Отдай медальон!»

«Арнис» нахмурилась. Сидевшая напротив нее девушка и сейчас произнесла это, будто как механическая кукла. Что это? Нейролингвистическое программирование? Гипноз? Какой ещё гадостью занимается Аристов?

– Медальон? – переспросила она вслух – что за медальон? Анна пожала плечами.

– Я не знаю – сказала девушка – у меня никогда не было медальона. Вот почему я и сложила два и два, и решила, что в меня вкладывают воспоминания, какого-то мертвого человека, у которого этот медальон был.

– Ага – хмыкнула «Арнис» – ясно. И что, у вас нет мыслей, что это может быть за медальон?

Лицо Анны приняло задумчивый вид.

– Тогда ни малейшего – сказала она – но вот недели три

назад, это тоже было в субботу, я случайно услышала разговор Аристова с Адашевым. Доктор упрекал Адашева за медлительность и заявил, что Раудан уже нашел бортжурнал и теперь достать медальон Великой княжны будет очень просто и для этого не нужно форматировать память объекта. Я так и подумала, что речь обо мне и с этого момента стала относиться к ним с подозрительностью.

«Арнис» нахмурилась.

– Ах вот как! – воскликнула девушка – Выходит, что этим делом интересуется Секуритата. Это немного объясняет, почему вы связались с нами, но почему вы решили, что это связано с вакциной от вируса?

Анна улыбнулась.

– Вы не совсем правы – сказала она – я решила связаться с вами несколько позже. Тогда я, честно говоря, не думала об этом. Мне было важно найти этот медальон. Вы знаете, у меня было какое-то сумасшедшее чувство, что именно в нём я найду все ответы. Такое ощущение, что это на самом деле моя вещь, но давно-давно потерянная. Не сталкивались никогда с таким ощущением?

«Арнис» покачала головой.

– Странное чувство, не правда ли – продолжала девушка – оно было словно наваждение. Я поняла, что должна разобраться в этом. Слово какой-то внутренний голос толкал меня. Вот только я даже не знала с какой стороны подступиться. И вдруг, представьте мое удивление, в моем доме

раздается телефонный звонок. Это был Грошик.

Хм, задумалась «Арнис». Выходит, это Грошик сам на неё вышел. Как причудлива, однако кривая судьбы.

– Вы его уже тогда знали?

Анна пожала плечами.

– Его же все знают, в Ольвии – бросила девушка – он лучший парикмахер. Я много раз пользовалась его услугами.

«Арнис» улыбнулась. Даже если она, что-то недоговаривает, здесь объяснение вполне правдоподобное.

– Да, конечно – сказала она – прошу вас, продолжайте.

Анна судорожно кивнула.

– Конечно – сказала она – и вот Грошик сказал мне, а я тогда и понятия не имела, что он информационный брокер... Он сообщил, что меня разыскивает один человек и у него есть сведения о моем прошлом.

«Арнис» пожевала губу. Однако, как много людей знают о прошлом этой девушки.

– Вы встретились с этим человеком? – спросила она.

Анна кивнула.

– Да – сказала она – это был приятный мужчина. Лет за сорок. Его звали Александр...

– Верховский? – быстро перебила «Арнис»

Она почему-то уже знала ответ.

– Да – кивнула Анна – а вы с ним действительно знакомы?

«Арнис» усмехнулась. Вряд ли это можно было назвать традиционным знакомством – полет в пассажирском отсе-

ке конвертоплана, во время эвакуации. Хотя когда-то его помощница, оказавшаяся охотницей, предлагала ей от его имени стать его политтехнологом. Интересно, как бы повернулись события, если бы она тогда согласилась? Естественно, любая вещь относительна, однако её всегда продолжало удивлять, как всё в мире переплетено. И опасно.

– Да – подтвердила девушка – а почему действительно? Анна улыбнулась.

– Он сам мне об этом сказал – сообщила девушка – собственно, это его просьба – обратиться к вам за помощью.

Неожиданно, подумала «Арнис», но предсказуемо. Значит Верховский опять ведет какую-то игру. Зачем на этот раз? И на чьей он стороне сейчас? Вряд ли на нашей, ответила она сама себе, но и не на стороне Директории, а враг моего врага, как говорится...

– Я встретила с ним здесь, в этом доме, и он предложил мне сделку...

Несколько недель тому назад

Был один из тех моментов ночи, когда она только вступала в свои права и на небе ещё оставались, крошечные полоски света. Анна сидела перед камином, закутавшись в белый пуховый платок и отвлеченно смотрела, как за окном плыли, оседая на теплых стеклах голубоватые снежинки.

Девушка как будто чего-то ждала. И верно, как только,

через некоторое мгновение, раздался легкий стук в дверь, Анна нервно вздрогнула и торопливо сказала: «Войдите».

В комнату вошел высокий мужчина в теплом сером костюме в клетку и таком же сером клетчатом шерстяном пальто, на плечах которого блестел снег. Длинные светлые волосы его были зачёсаны назад, а нижнюю половину лица закрывала борода, делая мужчину похожим на древнескандинавского воина.

– Добрый вечер – мило поздоровалась Анна – вы Александр?

Мужчина коротко кивнул.

– Я рад, что вы смогли со мной встретиться – сказал он – поверьте, что разговор, который я поведу крайне важен, для нас обоих.

– Не желаете присесть? – безмятежно ответила Анна – я надеюсь на это. Вы действительно, что-то обо мне знаете?

Верховский быстро опустил в кресло.

– Знаю? – риторически спросил он, всматриваясь в её лицо – скорее догадываюсь. Впрочем, не буду ходить кругами, я проделал трудный путь, чтобы добраться сюда.

– Могу ли я вам предложить чашку чая или кофе? – хозяйски осведомилась Анна.

– Если можно вина – попросил Александр.

Некоторое время спустя в его бокал было налито красное вино. Он не продолжал до тех пор, пока не пригубил его. Должно быть подумала Анна, её гость очень устал с дороги.

Не следовало так набрасываться на него с расспросами.

– Думаю старый Грошик не до конца посветил вас в тонкости вопроса – заявил Верховский – дело в том, что я ищу одну вещицу, которая не только может рассказать вам о вашем прошлом, но и спасти всё человечество.

Ну и дела, воскликнула про себя Анна. Она как-то, даже несмотря на свои странные способности, не олицетворяла себя со спасением человечества.

– Прошу вас продолжайте – попросила девушка – эта вещь, здесь, в Ольвии?

Верховский вздохнул.

– Не совсем. Здесь находится то, что поможет найти эту вещь. Во время Великой войны мой прадед служил офицером на подводной лодке «Барс», под началом капитана Долматова... – важно сообщил Верховский и поведал историю.

Рассказ получился у него длинным. Анна с интересом, в духе библиотеки приключений, слушала повествование о перспективной подводной лодке, команда которой выполняла разные секретные поручения на благо отечества. Одной из последних миссий стала кража секретной вакцины от, разработанного некой тайной организацией, боевого вируса – Синяя смерть. Теперь этот вирус известен, как «Испанка». Анна слушала рассказы о странном появлении этого вируса, о его тяжелейших последствиях и о том, как революция и разразившаяся гражданская война помешала доставить вакцину вовремя и разработать на его основе лекарство. В результате болезнь была выпущена наружу и вызвала миллионы смертей и остановлена она была только тогда, когда захотела этого тайная организация. Аббревиатуру, которой и сегодня упоминают, как страшилку – S. I. G. M. A. Теперь, эта организация возродилась и вновь устраивает теракты, революции и прочие безобразия.

– Всё, что происходит сейчас – говорил Верховский – это ещё более страшное повторение тех событий прошлого. То-

гда в хаосе войны капитан Долматов погиб, но перед смертью он успел спрятать информацию о лекарстве в некой драгоценной для него вещи. Он поручил моему прадеду спрятать и эту вещь тоже в водонепроницаемом контейнере на борту подводной лодки, а саму лодку затопить в океане. Там, где её никто не найдет, пока лекарство вновь не потребуется, когда вернется S.I.G.M.A.. Теперь понимаете? Сейчас нужно найти эту вакцину. Только она может спасти мир от катастрофы.

Некоторое время царило молчание. Анна продолжала смотреть на снежинки.

– Какой ужас – прошептала девушка – но неужели, я могу что-то сделать?

Верховский вздохнул.

– На самом деле можете – сказал он – капитан Долматов долгое время был капитаном царской яхты и дело в том, что её бортовой журнал, находится здесь в Ольвии. Возможно, изучив его, мы смогли бы понять, где искать затопленный корабль. За этим журналом охотится ваш знакомый доктор.

– Аристов? – переспросила Анна – ему-то какое до этого всего дело?

Верховский пожал плечами и пригубил вина.

– Ему есть дело до всего, что может быть связано с научными экспериментами, скажем так – произнес мужчина – вы же были у него в клинике и наверняка поняли, что он не совсем этичен в своих изысканиях, разве не так.

Анна пожевала губу.

– Вы правы – неуверенно сказала девушка – мне он кажется странным, но не более того. Даже, признаюсь вам честно, не столько он лично, сколько его методы.

Верховский покачал головой.

– Вы, к счастью, мало что знаете о его методах – сказал он – да и я признаться тоже, не всё знаю до конца. Могу сказать только, что Аристов ищет вакцину от вируса, чтобы презентовать её как собственную разработку, тогда, когда это будет ему выгодно. Тысячи, сотни тысяч людей могут ещё погибнуть. Вы вхожи к нему, поэтому я прошу вас помочь мне добыть этот журнал.

Анна некоторое время размышляла над этой более чем странной просьбой. Она ни в чем таком никогда не участвовала, но её внутренний голос почему-то твердил ей, что она должна согласится, потому что это важно лично для неё. Девушка не понимала, откуда это ощущение, но оно было таким сильным, что пробирал озноб.

– Но какое это отношение имеет ко мне? – спросила она – вы сказали, что о чем-то догадываетесь?

Верховский хмыкнул.

– Догадываюсь – сказал он – но пока не могу ничего сказать определенно. Разве только то, что, отыскав этот журнал вы поймете свою природу.

Анна округлила глаза.

– Вы хотите сказать, что эта вещь связана со мной? – с явной иронией поинтересовалась девушка – такой давности

документ?

Мужчина пожал плечами.

– Безусловно – сказал он – но вы должны сами увидеть своими глазами. Только тогда вы сможете понять.

– Согласна! – воскликнула Анна – согласна на что угодно. Однако я надеюсь вы человек, действительно порядочный и не собираетесь просто использовать меня.

Верховский улыбнулся.

– Мораль – это то, что отличает героев от злодеев – сказал он – надеюсь вы скоро это поймете.

Текущий день

«Арнис» слушала рассказ откинувшись в том самом кресле, очевидно, где до неё сидел Верховский. Интересно было то, что сущность этого человека никак не поменялась, исходя из рассказа Анны. Он по-прежнему не говорил и слова в простоте. Вот уж действительно привычка вторая натура. Но девушку больше интересовало: почему он пришел к юной скрипачке? Что в ней такого особенного? Зная Верховского, она ни на йоту не верила, что только потому, что «Анна вхожа к Аристову». Нет, тут было, что-то ещё. Она чем-то заинтересовала Верховского.

...В конце он попросил разыскать вас, – продолжала Анна, – сказал, что вы – та, кому можно доверять и поймете важность событий.

«Арнис» пожевала губу. Верховский был одним из тех, немногих, кто знал её настоящее имя. Он так же знал и то, что она обязательно заинтересуется этим делом. Вероятно, он всё просчитал. Но какова же его цель?

– Почему же Верховский не обратился ко мне лично? – спросила она. – Он упоминал это?

Анна пожала плечами.

– Не точно, – проговорила она, – скорее даже нет, чем да. Он только оставил свой адрес в Петерштадте, сказав, что ему нужно встретиться там с одним человеком. Вот и всё, что я знаю. Вы можете мне не поверить, но всё что я вам рассказала правда. Возможно, вы рассчитывали на другое...

«Арнис» про себя засмеялась. Интересно на что? Может быть на то, что эта юная особа взмахнет рукой и вытащит химическую формулу, как кролика из шляпы? Нет уж. Она наивностью страдала, конечно, но не в таких формах. Кроме того, это было бы не интересно.

– Да нет, верю, – сказала «Арнис», – я слышала и более фантастические истории, которые оказывались правдой. Теперь нам с вами надо решить, что делать с бременем, которое нам поручено. Вы знаете, где журнал?

Анна кивнула.

– Я стала следить за Аристовым – сказала она – когда представлялась возможность. Он бывал у меня на вечерах почти всегда. Играл в свои безумные шахматы.

– Да уж – усмехнулась «Арнис» – то ещё развлечение.

Анна в ответ только пожала плечами.

– Это его ноу-хау – сказала девушка – он говорит, что это помогает ему изучать психологию поведения людей.

«Арнис» задумчиво поджала губы. Она уже это испытала на себе.

– Кстати о вечерах – перебила она – чья эта идея, проводить их? Ведь не ваша?

– Аристова – вздохнула Анна – он сказал, что общение с людьми поможет мне восстановиться, а используя мои таланты можно устроить прекрасное аристократическое развлечение. Не затратное для моей психики.

«Арнис» прищурилась.

– Он так и сказал, «аристократическое»?

Анна кивнула.

– Да – сказала она – теперь я понимаю, что он использовал мои вечера для своих тайных переговоров. Верховский объяснил мне это и посоветовал использовать. Я стала чаще прислушиваться к его разговорам. Так я узнала, что журнал был уже обнаружен ими и подвергся оцифровке. Диск с данными спрятан в шкатулке на портовом складе.

«Арнис» закусил губу.

– Значит вот почему Аристов общался с начальником порта Рауданом? – в пространство спросила девушка – возможно его оцифровали, для того чтобы обнаружить скрытый шифр.

Анна кивнула.

– Итак нужно наведаться в порт и забрать диск – заключила «Арнис» – пока он не понадобился Аристову.

Не самая простая задача, усмехнулась про себя девушка, а уж Штильхарт-то как обрадуется вырисовавшейся перспективе.

– Окончательное решение за вами – продолжила девушка – я готова вам помогать в поисках. Какое бы вы ни приняли решение вы можете на меня рассчитывать. Только времени у нас мало. Наш враг не слишком медлит, он будет действовать.

Анна улыбнулась, но одновременно задрожала. Ей было страшно «Арнис» чувствовала это.

– Я приняла для себя решение – сказала девушка – я хочу узнать правду о себе и если при этом есть возможность помочь людям справиться с бедой, то готова отдать ради этого всё.

Анна улыбнулась. Честно и открыто, но что-то не от мира сего всё-таки было в этой улыбке, и всё же ей хотелось верить. Ловушка? Если и так, то пусть будет рядом.

– Вот и чудно – улыбнулась «Арнис» – а теперь давайте спать, как говорится: утро, вечера мудренее. Мы идем на встречу опасности, но лететь сломя голову не следует.

– Вы можете остаться здесь с вашим другом – предложила Анна – мне кажется, что так будет рациональнее.

И снова какая-то убийственная честность в её словах и никакой задней мысли. По крайней мере с виду. Странная всё-таки девочка, очень странная.

– Я думаю, он не откажется – отозвалась «Арнис» – доброй ночи.

Перед самым выходом из гостиной девушка остановилась.

– Кстати, моя фамилия Леонова – сказала она – Кристина Леонова.

Глава IV. Лезвие бритвы

Как Алиса ни пыталась, она не могла найти тут ни тени смысла, хотя все слова были ей совершенно понятны.

Льюис Кэрролл

Утро в Петерштадте настало шумное и светлое. Точнее не в Петерштадте, а в Царском, поправила сама себя Наташа. Она уже, почитай минут десять рассматривала решётку дворцового парка и размышляла, нет ли о дурацком законе, а о том, что она в очередной раз влезла в весьма сомнительное дело, где она будет иметь удовольствие от общения с малоприятными типами, которые любят гоняться за тобой, чтобы убить. Причем способы будут самые изощренные. Скупиться они не будут. Особенно если она и дальше будет идти в правильном направлении, если не к разгадке, то к ответу на какие-то вопросы.

Всю ночь её продержали в отделении полиции. Что-то записывали, проверяли, устанавливали. В гостиницу она явилась только часов в пять, утра и естественно сразу завалилась спать. А когда она проснулась и отправилась завтракать, то разделяясь с кофе и тостами параллельно читала утреннюю газету с увлекательнейшим материалом о том, как народные избранники и ярые противники закона о «цифровом распределителе» занимаются стритрейсингом в центре су-

дебной столицы Велико­рус­сии. Есте­ствен­но, там была изоб­ра­жена её соб­ствен­ная физио­номия. Ну, мир же не без доб­рых лю­дей.

Вряд ли после тако­го она обретет по­пу­ляр­ность. Хотя нет, по­пу­ляр­ность, она уже об­ре­ла сверх­ме­ры, а вот с под­держ­кой бу­дет труд­но­ва­то. Осо­бен­но в пар­ла­мен­те, где каж­дый толь­ко и но­ро­вит по­ста­вить тебе под­но­жку и с уми­ли­тель­ным на­сла­жде­нием на­блю­дать, как ты ка­ти­шься ку­ба­рем по карь­ер­ной лес­т­нице.

Проб­ле­мы на­уж­но ре­шать по ме­ре их по­ступ­ле­ния – опре­де­ли­ла для себя На­та­ша – поэ­то­му сей­час сле­ду­ет за­нять­ся тем, для че­го они сю­да при­еха­ли. Поэ­то­му она в кон­це кон­цов пре­кра­ти­ла созер­ца­ние красот пар­ка, тем бо­лее что мест­ные абори­ге­ны мо­гут поин­те­ре­со­вать­ся что это она здесь око­ла­чи­ва­ет­ся, в та­кую рань. Пер­спек­ти­ва от­пра­вить­ся в от­де­ле­ние ещё раз, её не пре­ль­ща­ла.

Де­вуш­ка спо­кой­но вы­дох­ну­ла и по­до­шла к буд­ке ох­ра­ны, сто­яв­шей воз­ле во­рот. Си­дя­щий за стек­лом ох­ра­ник оки­нул её рав­но­душ­ным вз­гля­дом.

– Из­ви­ни­те по­жа­луй­ста – ска­за­ла На­та­ша, силь­но на­де­ясь, что её со­бе­сед­ник го­дит­ся для дель­но­го раз­го­во­ра – вы не ви­де­ли здесь эту де­вуш­ку?

Покров­ская по­ка­за­ла ох­ра­н­ни­ку фото. Не­ко­то­рое вре­мя муж­чи­на при­ди­рчи­во изу­чал пред­мет.

– А – это де­вуш­ка, ко­то­рую уби­ли – доб­ро­душ­но ска­зал он – да я пом­ню, пом­ню. Она здесь ча­сто гу­ля­ла. Я по­че­му

запомнил, обычно туристы здесь всё группами, а она одна была, вот, а тут смотрю в один день с ней девица стоит и такая, знаете неприятная, на вид и что-то очень резко с ней обсуждала.

Он говорит тоже самое, что говорила Татьяна, отметила Наташа.

– А о чём был разговор, не слышали? – спросила девушка в слух.

Охранник покачал головой.

– Да нет – сказал он – я вообще не любитель чужие разговоры слушать, да и потом они вон у того флигеля стояли – мужчина махнул рукой.

Наташа кивнула.

– А вот вы говорите, что вторая девица была неприятная – сказала девушка – а в чём это выразалось?

Охранник почесал затылок.

– Да вы знаете, я вообще, в разведке, в армии служил – сказал он – нас учили разные особенности подмечать, а она знаете такая, словно бы без лица. Вот вроде бы есть лицо, а вроде бы и нет. И такая, холодная, как лёд. Вот посмотришь на неё, аж трясоти начинается. И губы такие, знаете, словно бы застывшие в усмешке.

Кажется, мы уже видели такую, заключила про себя Наташа, неужели здесь была охотница? Значит Школьников связан с Организацией? Но что проку Организации в нём?

Не спеши с выводами, одернула себя девушка, собери больше информации.

– Без лица – повторила Наташа вслух – а что ни будь еще об этой девушке можете сказать?

Охранник пожал плечами.

– Да нет – сказал он – я вообще эту историю бы не вспомнил, если бы в новостях не увидел, что её убили – он почесал переносицу – знаете, что, поговорите с кем-нибудь из торговых рядов, туристических. Она с фирменным пакетиком стояла, вероятно, что-то купила там.

Наташа кивнула.

– Ясно – сказала она – благодарю за помощь.

Охранник заулыбался.

– Всегда рад помочь, барышня – сказал он.

Наташа вежливо попрощалась с мужчиной и поспешила вернуться к Воротынцеву.

* * *

Рынок, что указал Наташе, охранник представлял собой типичную для подобного места торговую зону с палатками, магазинами, сувенирными лавками, мелкими закусочными. Обычно, здесь скорее всего было не протолкнуться от ту-

ристов, жаждущих купить пару матрешек и шапок-ушанок. Однако теперь было тихо и меж закрытых палаток гулял ветер. В городе ввели режим «рекомендованного карантина», и лишь немногие торговцы рискнули сегодня показать свои носы.

Нацепив очки, в очках её всегда меньше узнавали, Наташа подошла к одному из киосков и деловито постучала пальцем по металлической крыше. Секунд через десять перед ней возникла дородная женщина в синей майке и повязанном поверх нее фартуке.

– Доброго утрачка – энергично заявила она – сувенирчики интересуют. У меня лучшие. Качественные. Оно-то у других китайское всё, а у меня наше отечественное.

Женщина, видно очень гордилась этим фактом.

– Пожалуй, в другой раз – улыбнулась Покровская – сегодня мне нужна информация. Вы здесь видели эту девушку? Торговка ослабилась.

– Так я вроде не СОВИНФОРМБЮРО – сообщила она – я сувенирами торгую. Есть деньги, покупайте! Нет, проваливайте! А то ходят тут, барышни разные на вроде вас. Вы спрашивают всё. А потом всякая ерунда случается.

Наташа нахмурилась. Кажется, она пришла по адресу.

– А мы как раз и интересуемся этими разными барышнями – сказала девушка, протягивая торговке фото вместе с банкнотой в тысячу рублей – очень интересуемся.

Женщина опасливо покосилась на непрошенных гостей,

но фотографию взяла. Нацепив на нос толстые очки, она стала вглядываться в снимок.

– А-а-а, это вам Семёныч нужен – почти медовым голосом произнесла она – он поболее моего знает. Он с нею общался. Я сейчас вам его приведу.

Наташа только флегматично вздохнула. Женщина вытерла руки о фартук и покачиваясь из стороны в сторону направилась куда-то в дальний конец рынка. Минуты через две она вернулась, но уже в компании с маленького роста лысыком в потертых джинсах и бежевом джемпере.

– Вот Семеныч – сказала женщина – твоей туристкой интересуются, что фотку тебе впаривала. Я ведь говорила, тебе, твердолобому чурбану, что не надо тебе в эту историю было лезть, только головную боль схлопочешь, и вот пожалуйста.

Семеныч вспыхнул.

– Да много ты понимаешь, баба – фыркнул лысык – ты знаешь, какие мне деньги за неё бы предложили. Да ты таких денег с роду никогда не видела.

Воротынцев резко встал между ними.

– Так хватит – жестко сказал он – потом между собой разберетесь. Кто сколько денег видел.

– Вы про девушку расскажите лучше – добавила Наташа – вы её точно видели.

Лысык энергично закивал.

– Да лучше глаза бы мои не видели – сказал он – так точно. Крутилась она здесь. Фотографию старинную показыва-

ла. Просила узнать её историю. Я же барышня не всё время здесь торгую. Это так, прибавка небольшая. Зарплата-то в университете – слезы, а до пенсии ещё топать и топать. Сейчас реформу провели... Вообще хоть помирай.

– Так что за фотография была? – нетерпеливо спросил Воротынцев – что?

Лысик махнул рукой.

– Ох интересная – сказал он – фотография-то Великой княжны Анны, царствие ей небесное, дочери последнего царя нашего, вот значит, которую она своему возлюбленному подарила, когда он на фронт уходил, Великой войны.

Наташа нахмурилась. Что-то она не слышала ни о каких возлюбленных дочерей последнего царя.

– Да такое фото историческая ценность – нашелся Воротынцев – кто тебе мог предлагать подобное?

Лысик испуганно охнул.

– Бес попутал – начал каяться он – я же вижу, фото-то и верно редкое. Я дамочке этой и говорю. Мол оставить себе его должен. Для исследования. Она, нет, давайте вы лучше со мной поедете. А у меня, даже лупы с собой завалящей не было. В общем сказал ей, что вечером приеду. Попросил адрес оставить. Ну, короче распрощались мы. Это всё под утро было. Ну на вроде, как сейчас. А когда я уже киоск-то свой закрывал. К дамочке той собирался ехать. Взял инструмент кое-какой. Это вечером было. Ещё дождь зарядил. Чувствую взглядом меня сверлит кто-то. Поворачиваюсь, деви-

да стоит. Только совсем другая. Пальто на ней длинное бордовое, типа тречна, бархатное с капюшоном, и ещё с какими-то шнуровками и застёжками, и оторочка кружевная, а лица не видать, только нижнюю половину. Подбородок белый, как из льда. Не понравилась она мне шибко. Я ей и говорю, «закрыта лавка. Завтра приходите». А она фыркнула и говорит: «Я издалека. Слышала тебе сегодня интересную фотографию показывали» Я ей «тебе-то что за дело?». А она «Скажешь, где, заплачу, щедро». У меня так душа в пятки и ушла «Катитесь вы барышня отсюда со своими деньгами», говорю «Не видел я никакой фотографии». Она даже внимания не обратила «То, что не видел, тебе повезло», шипит, «где с продавцом встречаешься скажешь»

– И вы сказали!?! – грозно спросила Наташа.

Мужчина съёжился под её взглядом.

– А что мне было делать? – сварливо спросил он – ждать пока меня удавят, как котенка?

Наташа покачала головой. Ох уж мне этот простой люд, подумала девушка, нет она, конечно, не причислила себя к принцессам крови, но это простофильство доводило её порой просто до белого каления.

– Ах ты ж шкура, а! – воскликнул Воротынцев.

Мужчина опасливо покосился на офицера.

– Вы её не видели! – посетовал он – она словно падший ангел, такой и не это расскажешь, что теперь меня убивать за это? – жалобно поинтересовался мужчина. Видно, что даже

вспоминать гостью ему было не по себе.

Наташа призывно подняла руку.

– Хватит причитать – веско произнесла она – сделанного, как говорится не воротишь. Что ещё вы можете сказать про девушку, которая фото приносила.

Лысик замотал головой.

– Да она особо не говорила ничего – сказал он – да и знаете, в таком деле, меньше знаешь-целее будешь. Мне кажется меня поэтому, та вторая девица, отпустила.

– Что же это за чудовище такое? – иронично спросил Воротынцев – что вы даже сейчас трясетесь.

Лысик фыркнул.

– Будто бы вы не знаете – нервно бросил он – что за девицы такие ходят. Есть такие девицы, которые если к тебе пожалуют, то сразу эпитафию пиши, если они конечно тебе позволят. Ни жди от них ни жалости, ни пощады. Они сама смерть.

Наташа вздрогнула. Неужели к этому торговцу явилась охотница? Эти девицы всегда были на уровне конспирологических историй. Наташа в силу природной любви к логике не поверила бы, если бы не испытала на себе их э-эм... возможности.

– Значит девушка к вам пришла с фотографией – заговорила Покровская – просто, можно, сказать с улицы, и вы сразу захотели сделать оценку?

Лысик пожал плечами.

– Да я же говорю, что не вникал особо – бросил он – меня только бабки интересовали, хотел уломать её продать снимок мне.

Наташа с ухмылкой на лице посмотрела на Воротынцева.

– Полковник – сказала она – а вы поверите в то, что этот прелестный мужчина не поинтересовался откуда у девушки антикварный фотоснимок, да и ещё определив сразу кто на нём изображен?

Воротынцев поморщил лоб.

– Да мне кажется, что даже если ему фото кота или собаки принесли бы – ухмыльнулся офицер – он и тогда бы поинтересовался откуда.

Наташа кивнула.

– И не сделал бы он этого в одном лишь случае – мягко сказала девушка – если бы с девушкой его попросили бы встретиться и попросил человек, которому он доверяет. Вот тогда бы он не боялся оказаться где-нибудь на пере у антикварного авторитета.

Мужчина спал с лица.

– Да не просил меня никто – замотал он головой – она сама пришла, сама.

Наташа ослабилась.

– Ну да, мы уже в песне это слышали – сказала она – невиноватая я, он сам пришел. Только вот, девица, что к вам после приходила тоже скоро догадается, что вы ей не все сказали, и она с вами задушевных бесед вести не будет и с тем,

кто вас просил тоже.

Лысик испуганно заморгал глазами.

– Есть один человек – тихо сказал он – его называют «Собиратель». Он хозяин над всеми дилерами. Вот он меня просил.

– Где его можно найти? – спросила Наташа.

– Не знаю – сказал лысик – он же мне не докладывает.

– Но узнать можно? – допытывалась Покровская.

– Послушайте, я не хочу с пером в боку оказаться – занял лысик – «Собиратель», он такой... ему чего не понравится, он кивнет, так, обстоятельно и ты в Неве.

Наташа пожала плечами.

– Ну если для вас предпочтительно быть с перерезанным горлом... – задумчиво начала девушка.

Лысик вновь заморгал, взвешивая шансы.

– Гостиница «Британия» – быстро произнес он – номер 639 люкс. Он его всё время снимает, когда в Петерштадт приезжает. Только я вам ничего не говорил.

– Вот – сказала Наташа – значит разум вам не чужд. Выбирать правильно, всегда полезно.

Лысик только заломил в отчаянии руки.

– Господи Боже! – заверещал он – это же что делается? Уже и антикварную вещь просто так купить нельзя. Когда такое было, а? Да куда же это мы идем-то?

У Наташи ответа не было. Она сама не знала, куда.

Старинная дача лежала окутанная тишиной и сизо-сиреневым туманом рассвета. Вот его входная дверь тихонько скрипнула, и в прихожую бесшумно проскользнул Штильхарт, закатывая чемоданы. В четыре часа утра он получил смс от подруги, где она в своей обычной лаконичной манере, иными словами, не объясняя ничего, попросила его привезти все их вещи на дачу.

Вкатив чемодан в гостиную, Флориан, подошёл к буфету, откупорил недопитую бутылку вина и понюхав пробку, как заправский сомелье, налил немного в бокал. Его всегда умиляла эта местная привычка: спокойно оставаться на ночь в чужом доме, совершенно не зная хозяев. Нет он не страдал брезгливостью, боже упаси, просто ко всему в этом мире он относился с изрядной долей рациональной осторожности. Его же подруга была, по-моему, готова верить и помогать всем, в любой ситуации, даже не надеясь на результат.

– Можешь чем-нибудь порадовать? – раздался за спиной голос. Штильхарт резко развернулся, он, наверное, никогда не привыкнет к её манере подкрадываться. Впрочем, сейчас, его подруга не подкрадывалась, а просто сидела сзади и потягивала кофе.

– Могу несильно расстроить – сообщил Флориан – у твоего друга – доктора, весьма богатая биография.

– Предпочту краткое содержание – ответила Кристина, не отрывая взгляд от журнала «Глобализация сегодня».

Флориан сел в кресло напротив и тоже налил себе кофе.

– Биография у него действительно необычная – сказал он, намазывая маслом тост – он из профессорской семьи. Его дед был одним из учеников академика Павлова. Он получил блестящее образование. В конце 80-х учился интернатуре во Франции, что, сама понимаешь, по тем временам было непросто. В общем подавал большие надежды. Однако в процессе научно-практической работы у него открылась совершенно неумная страсть к разного рода экспериментам, любовь к изобретению разного рода новых веществ, связанных с влиянием на генетическую структуру человека, что естественно требовало согласований с научным миром, но его методы были столь резки и революционны, что он не нашел никого из коллег, кто бы его поддержал. В результате о нём поползли разные нехорошие слухи, и он стал переезжать из города в город и в конце концов он так настроил против себя всех корифеев тамошней медицины, что был вынужден покинуть Францию и перебраться в Швейцарию.

Девушка всё-таки оторвала взгляд от журнала.

– Признаться не вижу ничего криминального? – честно призналась она, подливая сливки – типичные научные дразги.

Она снова погрузилась в журнал.

Флориан широко улыбнулся.

– Не волнуйся, сейчас увидишь – сказал он – в Швейцарию, наш друг перебрался не просто так, а с умыслом. Потому что там, в Лозаннском университете преподавал доктор Хельмут Ланге.

Кристина приподняла бровь.

– А это что ещё за личность? – спросила девушка.

– О, весьма известная – сказал Штильхарт – Ланге первым в Германии стал интересоваться проблемами генетики. Во время Второй Мировой он экспериментировал над беременными женщинами в концлагерях. Накачивал их химическим составом, после чего у женщины на последнем месяце случался выкидыш. После чего останки ребенка подвергались химическому расщеплению в результате чего появлялись пригодные к делению клетки.

Кристина округлила глаза.

– Клонирование? – переспросила она.

Штильхарт кивнул.

– Ну, протоклонирование, я бы сказал – произнес молодой человек – Ланге пытался, соединив клетки разных младенцев, создать одного совершенного человека.

– И успешно? – недоверчиво поинтересовалась Кристина.

– Более-менее – сказал Штильхарт – появилось несколько вполне здоровых особей, но они все сошли с ума, через несколько лет, от преждевременного взросления.

Кристина задумчиво пожевала губу.

– И почему его за это не судили?

Флориан покачал головой.

– Советы – сказал молодой человек – в конце Второй мировой, лагерь в Пиллау, где он, собственно, работал, разбомбила английская авиация и когда красная армия вошла туда, никаких доказательств его преступлений не осталось. Его конечно пытались привлечь, но для красных он оказался слишком ценным кадром и после войны его отправили работать в эту как вы её называете... барашка, мурашка.

Девушка прыснула.

– Шарашка – сказала она.

Штильхарт только махнул рукой.

– Да туда – сказал он – ну что добру пропадать. И работал он, у советов, над интересной темой: влияние ядерного взрыва на генетическую структуру человека, так что теория Лысенко, это только для темных народных масс.

Кристина кивнула. Она в этом даже не сомневалась.

– Как же он тогда оказался за границей? – спросила девушка.

Флориан предупредительно поднял палец.

– Вот здесь начинается самое интересное – сказал он –

умирает Сталин, и шарашки начинают ликвидировать, а ученых освобождать. В их числе был и Ланге. Сначала он преподавал в школе НКВД, а затем его как ценный кадр переправляют в Восточную Германию, чтобы он мог строить новую социалистическую родину и всякое такое, но, вероятно, перспектива его не прельстила, и он перебежал в ФРГ. Стал рассказывать про ужасы тоталитаризма и коммунизма. Короче обычная история для перебежчика. В общем, там он проводит несколько лет, а затем перебирается в Великобританию, где начинает сотрудничать с британской оборонной лабораторией науки и техники, и по их заказу занимается генетическими мутациями разных вирусов. Слышала что-нибудь про историю, когда живые бактерии, вызывающие инфекции крови и грудной клетки, были распылены возле Лайм-Бей?

– Краем уха – бросила Кристина – что-то читала. Кажется, тогда пострадало мирное население какой-то деревни.

– Вот-вот – сказал Штильхарт – и, представь себе, что никто другой, как Ланге руководил этим экспериментом. Ну этот инцидент вызвал широкий общественный резонанс, и доктора перевели подальше от скандалов, в Гонконг. Доктор снова обиделся и опять сбежал, украв секретные документы, касающиеся биологического оружия.

Леванова дернула щекой.

– Действительно богатая биография – сказала она – и куда на этот раз?

Штильхарт пожал плечами.

– На сей раз – сказал он – в коммунистический Китай и работал на маоистов. Улучшал генетику нации, по заданию партии, а некоторые злые языки говорят, что принимал участие в разработке для китайцев бактериологического оружия, которое якобы было применено в пограничных конфликтах между СССР и Китаем. Говорят даже, что маоисты специально устроили провокацию, чтобы протестировать новое оружие.

Левонova удивленно сдвинула брови.

– И, что успешно? – спросила она.

Штильхарт только флегматично пожал плечами.

– Ну, с учётом того, что советская реактивная артиллерия превратила тогда маоистов в ракет – усмехнулся он – думаю, что неуспешно. Но, повторяю, всё это только злые слухи.

Кристина усмехнулась.

– Злые слухи самая верная информация – философски изрекла девушка – как же он снова очутился на Западе?

Штильхарт покачал головой.

– Никто не знает – сказал он – известно только, что в середине 70-х, он, под именем Леона Фрейверта – датского подданного, получил кафедру в Лозаннском университете, куда и приехал Лев Аристов, у которого Ланге стал научным руководителем.

Кристина нахмурилась.

– Ланге мог поделиться опытом и знаниями с Аристовым

– кивнула Кристина – образ мышления схожий.

Штильхарт улыбнулся.

– Возможно – сказал он – но, к несчастью, как только он научил своего ученика всему что сам знал, тот убил его пока учитель спал.

Кристина округлила глаза.

– Нет, ну не так кинематографично, конечно – сквозь улыбку заметил Флориан – но, действительно, пятнадцать лет назад Ланге умирает в своем загородном доме при довольно странных обстоятельствах. Инфаркт миокарда с последующим ураганным отеком легких. При том, что организм у него был совершенно здоровый.

– Отравление?

Флориан пожал плечами.

– Официально дело никто не заводил – сказал он – личность темная, сама понимаешь, кому нужны скелеты в шкафу. Тем более в Швейцарии. Умер себе старичок и умер. Ну а Аристов поплакал над телом любимого учителя, кремировал его и выехал из конфедерации.

История действительно была впечатляющей. Кристина задумчиво пожевала губу. Некоторое время она созерцала пространство вокруг себя, словно оценивая сказанное.

– Как тебе удалось достать информацию? – наконец спросила девушка.

– Подробности биографии нашего друга адмиралу сообщил один отставной директор «Натив» – сказал Штильхарт –

евреи, как ты знаешь следят за личностями подобными Ланге.

– Так может они его и прибили? – поинтересовалась Леонова.

Флориан покачал головой.

– Я тоже об этом спрашивал – сказал он – но нет. Да и потом, евреи никогда не стали бы скрывать такую вещь, ведь для них охота на бывших нацистов, что-то вроде национального спорта. Нет, они бы не стали молчать.

Кристина мотнула головой. Всё, что происходило, было похоже на какую-то спланированную заранее комбинацию. Нечто значимое готовилось в этом мире, и этот странный доктор принимал в этом готовящемся событии самое непосредственное участие. Она должна узнать, что он затевает. От этого зависит всё.

* * *

Утро в Ольвии вступало в свои права и яркое весеннее солнце теперь освещало деревянные своды старинной дачи, просачиваясь сквозь плотные шторы.

Кристина сидела, запустив руки в распущенные по плечам волосы и созерцала узоры на деревянных балках потолка гостиной. Пересказав свой разговор с Анной, она подтвердила свою догадку о том, что Флориан будет в восторге от новостей.

– Очень увлекательно – пробурчал молодой человек – по-ди туда, не знаю куда, принеси то не знаю, что. Значит ты склонна верить в эту историю?

Кристина пожала плечами.

– Как будто у нас с тобой есть выбор? – заметила девушка – мы получаем хотя бы наработку того, что искать. Ну а потом, почему нет? Я, конечно, признаю, что в этой истории есть очень много неясного, особенно роль нашего старого друга Верховского. Почему он не связался со мной напрямую, а через девушку, чего он боится? Может быть, в этой девушке есть что-то, что он хочет показать нам? Не знаю, но ей я верю. Теперь, что касается бортжурнала. Помнишь фото, которое я позаимствовала у Аристова? Если оно действительно начала прошлого века, то значит, и оно имеет отношение к нашей истории. Не для красоты же оно там лежало? Думаю, Аристова можно обвинить во многом, однако же, вряд ли в необдуманности. Он хитрый и расчётливый человек, просчитывающий каждый свой шаг. Он не стал бы гоняться за фантомом.

Штильхарт изобразил на лице задумчивую гримасу.

– Медальон Великой княжны – медленно произнес он – это значит, что значит? Или это тоже какое – то кодовое слово? Если не ошибаюсь, так именовали великорусских принцесс, до пролетарской революции?

– Да ещё жен великих князей – добавила Кристина – ну и прочее в этом духе.

– Ты хоть представляешь сколько в Великоруссии их было? – весело поинтересовался Флориан – и сколько из них носили всякие безделушки. Нет, ну я понимаю, что мы, конечно, можем сократить список, до начала прошлого века, но...

Его мысли прервала вошедшая Анна с дымящейся блинницей из гжельского фарфора, на которой ровной стопочкой лежали широкие блины, окруженные креманочками со сметаной и вареньем. Анна, судя по всему, была весьма рачительной хозяйкой. Вид еды сразу несколько примерил Флориана с ситуацией.

– Выглядит достаточно вкусно – улыбнулся молодой человек – вы определенно лучше Аристова.

– Благодарю – улыбнулась Анна – я ещё кое-что вспомнила. Когда Раудан разговаривал с Аристова, он мимоходом обмолвился, что перед походом Долматов забрал медальон со штандарта. Заметьте, я не знаю, что такое штандарт.

– А вы говорили об этом Верховскому? – спросила Кристина.

Девушка качнула головой.

– Нет – сказала она – он не связывался со мной последнее время. Я уже даже начала беспокоится. Не случилось ли с ним чего.

Штильхарт растерянно замотал головой.

– Я не понимаю причем тут штандарт – пробормотал он. Леонова закусила губу.

– Так называлась парадная яхта последнего царя Велико-
русии – произнесла девушка – и её капитаном, до великой
войны, как раз и был Дмитрий Владимирович Долматов –
молодой, перспективный офицер. Некоторые исследователи
говорят, что у него был роман с одной из княжон.

– Тогда получается, что княжна...

Кристина кивнула.

– Возможно, одна из дочерей последнего Царя Великорус-
сии – закончила она – за ответ получаешь десять баллов, твоя
команда выходит вперед.

Штильхарт ослабился.

– Постой-ка – сказал он – если ты права и на той фотогра-
фии действительно Царское, то девушка, которая там изоб-
ражена...

Левонова улыбнулась.

– Запиши ещё десять баллов – весело сообщила она – мест-
ный морской климат явно идет на пользу твоей сообрази-
тельности.

– А что за фотография? – не поняла Анна.

Штильхарт вытащил из кармана пиджака конверт и поло-
жил на стол перед девушками снимок.

– Вот эта – сказал он – ну теперь всё просто. Увеличим её
и узнаем чей был медальон.

– Согласна – сказала Кристина – думаю отсюда и следует
начать. Поняв, кто изображен на фотографии, возможно мы
поймем, как эта девушка связана с Долматовым и секрет-

ной миссией.

Анна что-то усиленно пыталась рассмотреть на фотографии.

– Это очень странно – сказала она – мне кажется, что я, когда уже была в этом парке. Я помню и эти деревья, и дворец. Я помню было лето и ярко светило солнце – девушка закрыла глаза и тут же их открыла – нет больше ничего не помню. Как это, однако чудно.

Флориан пожал плечами.

– Мы говорим эффект дежа вю – сказал он – кто знает, возможно это всплохи памяти вашей жизни с родителями. Возможно, они привозили вас туда.

Анна покачала головой.

– Нет – сказала она – у меня такое ощущения, что я бывала там очень часто. Как будто это место было... это как будто одурманивающий сон.

Кристина внимательно наблюдала за девушкой. Она ещё раз отметила, что Анна опять стала говорить сухо, как робот. Возможно ли было, что в неё вложили какие – то мысли? Но если так, то как отличить, когда она говорит правду. Кристина понимала одно, девушка очень боялась того, что она говорила. Значит если её используют, то в темную. Главный вопрос, кто? Верховский, Аристов? Хотя нет, главный вопрос всегда зачем? Зачем её использовать?

– Вы говорили, что Аристов сказал, что это воспоминания мертвой – задумчиво проговорила Кристина – может быть,

это покажется фантастикой, но, мне кажется, что в вас действительно пытались вставить другую личность.

Флориан расширил глаза от удивления.

– Такое возможно? – спросил он.

Кристина пожала плечами.

– Сейчас наука и техника до чего только не додумалась – сказала она – есть разные гипнотические методы, нейролингвистическое программирование, пересадка разума. Человека можно ввести в транс и погрузить в личность другого человека. Этот человек видит всё, что происходило с другим человеком, как будто происходит это с ним самим.

– Если ты права, то возможно Верховский как-то связан с этим – предположил Флориан – или был связан, учитывая его прошлое.

– О чем это вы? – испуганно спросила Анна.

Штильхарт бросил на Кристину многозначительный взгляд.

– Ты ей не рассказала? – спросил он – она же не знает ничего своем друге.

– Не знаю, чего? – спросила Анна.

Кристина вздохнула и, собравшись с духом, обстоятельно поведала девушке, о каптагоне, о бунте в Борисфене и о многом другом, что происходило здесь пять лет тому назад и какое отношение к тем событиям имел Верховский.

– Ужас какой – вырвалось у Анны, когда Кристина закончила повествование – надо же сколько событий и все мимо

меня.

Девушка позволила себе слабо улыбнуться.

– Но я не согласна с вами, Флориан – продолжила она – даже если человек совершает плохой поступок, он имеет шанс на исправление. Каждый имеет такой шанс. Мне кажется, Верховский осознал свою вину поэтому и хочет помочь людям.

Штильхарт пожал плечами. Вряд ли он так считал. По правде, своей он вообще считал подозрительными всех людей, которым пришла в голову блажь жить не по строго очерченной линии, пусть своей собственной, но строго очерченной. А уж о том, чтобы быть толерантным к раскаявшимся злодеям, об этом и речи быть не могло.

– Я просто вспоминаю некоторые исторические факты – многозначительно сказал он.

– Верховский очень непростой – кивнула Кристина – согласна. Он много чего видел и много чего знает. По каким-то своим соображениям он, возможно не говорит всего, что ему известно, однако же на стороне Организации он играть не будет.

Флориан закатил глаза.

– Ах прости, я забыл, что ты восхищаешься его «мужеством» перехода на правую сторону – язвительно произнес он.

Кристина коротко улыбнулась.

– Наши взгляды о поступках Верховского никогда не сов-

падали – сказала она – и тем не менее, я не чувствую в нём угрозы.

– Ты давно с ним не общалась – возразил Флориан – кто знает, каким ты найдешь его теперь? Знаешь, я заметил, что когда Верховскому нужно сыграть на чьих-то желаниях, то ему вообще цены нет–

Кристина поджала губы.

– Ты обобщаешь – веско заявила девушка – избавь меня от повторных лекций, об опасности шального богатства и смазливых красавчиков.

Она уже несколько раз слышала его рассуждения, на эту тему и зазубрила, что Штильхарт не выносит ни того ни другого.

– Вопрос не в том нравится ли нам Верховский, а соглашаемся ли мы ему помогать, или нет? – продолжала Кристина – Ты можешь дать гарантию, что есть другой способ отыскать вакцину? Тем более, что кое-кто уже на полпути к успеху. Это мы с тобой и без Александра Владимировича знаем.

Флориан флегматично пожал плечами. В конце концов, он уже высказал свое мнение.

– Хочу тебе напомнить, что офис порта – это режимный объект – заметил молодой человек – в условиях эпидемии туда не могут войти ни чиновники, ни дипломаты. Только те, у кого есть спецпропуск, а коды доступа меняются, каждые шесть минут.

Кристина ослабилась.

– Я в дверь стучать не собиралась – заявила девушка – но, честно говоря, не думаю, что они обратят внимание на двух молодых девушек.

Флориан безвольно опустил руки.

– Ты же не собираешься изображать... – с ужасом спросил он.

Ответная хитрая улыбка Кристины заставила признать, что теперь этот план окончательно ему разонравился.

* * *

Если бы некто попросил Наташу придумать синоним к фразе прекратить жить, то она бы могла озвучить сразу несколько. Например, умереть, скончаться, придушить, отравить, застрелить. Слова на эту тему, сегодня у неё получались гладко и естественно. Особенно возле гостиницы «Британия», что находилась возле старинного собора, и вот уже сто лет как была местом паломничества любителей спиритической экзотики, благодаря тому что когда-то в одном из её номеров повесился известный поэт, или повесили, черт теперь его разберет, но Бог видит любопытно, почему у постояльцев этой гостиницы всегда такая незавидная судьба. С ними постоянно что-то случалось. Гостиница была словно отражением города, который начиная с самого своего основания терпел убийства и предательства.

Вот и Анастасию Урусову нашли убитой в своем номере,

как того известного поэта. Правда в другом отеле.

Только легкости это не прибавляло. Даже наоборот.

Что здесь делала эта девушка? Она приехала сюда, явно не для того, чтобы продать фотографию столетней давности? Но она хотела узнать её подлинность. Для чего? И почему она не стала обращаться к проверенному антиквару, а искала связи где-то на черном рынке? Ответ был очевиден: она боялась, что кто-то узнает, что у неё есть эта фотография. Официальные дилеры народ ненадежный, если всё хочешь сделать тайно. Начнут разносить по всем углам: ко мне сегодня приходила такая-то, принесла вот-это... Здесь безусловно лучше обратиться к теневому сектору, туда, где длинный язык и бахвальство не в почете.

– Вы верите? – спросил между делом её Воротынцев – в то, что сказал этот торгаш? Я имею в виду про девицу?

Ха, подумала девушка, верю ли я? Естественно, ещё как верю. У меня на лице все доказательства. Левая сторона лица неприятно заболела.

– Не знаю – сказала она – всякое возможно. Я со многим в жизни сталкивалась. А скажите, кто такой «Собиратель»?

Воротынцев пожал плечами.

– Ну здесь всё точно он сказал – бросил офицер – есть такой, деятель. Личность достаточно темная, особо он не светится. Знаете, мелочёвку разную толкает на рынке, через дилеров, на вроде этого мужичка. Самое интересное, откуда он что берет, никто не спрашивает, так проверяют подлинность

и порядок, а вот сам он, для души, разные музейные экспонаты собирает, поэтому и прозвище такое, «Собиратель»

Наташа поджала губы. Откуда же Урусова знала этого «Собирателя»? Вряд ли самолично. А вот Верховский может знать. Получается он тоже в деле? Ну да, скоро узнаем.

Протиснувшись в тяжелые двери отеля, Наташа была в предвкушении прекрасной старины и степенности величавого здания. Однако никакая степенность там даже не ночевала. Наоборот, в отеле царил суший Вавилон. Все куда-то бегали, сновали туда-сюда. Служба охраны, служба портье, «лагидж-сервис». По всему внешнему виду персонала, явственно следовало, что у них одно желание: забиться где-то в укромном уголке, так чтобы их не видели и не слышали.

– Кажется мы прибыли вовремя? – сообщила в пространство девушка.

Они прошли до конца коридора и уперлись в стоявших, подобно двум статуям, охранникам, в одинаковых черных костюмах.

– Дальше хода нет – громыхнул один.

– Мы к хозяину, пропустите – сказала Наташа.

Ответом её были вскинутые пистолеты. Дело принимало серьезный оборот.

Сзади девушки кто-то откашлялся.

– Отпустите её – сказал голос – это не она.

Наташа развернулась. У неё за спиной стоял длинный жилистый мужчина в синем костюме в полоску.

– Хорошо, что ваше лицо всем известно – сообщил мужчина – иначе бы парни из вас уже решето бы сделали.

Какой вежливый прием, однако в Северной столице. Сначала её пытаются испепелить с воздуха, теперь угрожают сделать решето. Однако!

– Что здесь случилось? – воспользовался замешательством девушки Воротынцев.

Мужчина стоял не мигая.

– Может быть вы нам расскажите – сказал он – раз вы интересуетесь шефом. Пойдемте за мной!

Выбирать было не из чего. Их практически затолкали в лифт, на котором они стали возноситься на шестой этаж.

– Вы ведете нас к «Собирателю»? – рискнула спросить девушка.

Мужчина в костюме искоса поглядел на неё.

– Любопытное предположение – сказал он.

Лифт затормозил. Выйдя из кабины, они, не останавливаясь прошли между трупов трех или четырех охранников. Наташа не успела увидеть, как они были убиты, но успела заметить на их лицах выражение суеверного ужаса.

Дверь в № 639 была широко распахнута. Внутри помещение было абсолютно степенное, какое мечтала увидеть Наташа. Дорогой ворсистый палас, мебель из редких пород дерева. Вот только и здесь лежали два мертвых охранника, а на кровати в неуклюжей позе покоилось тело полуголого мужчины лет пятидесяти. Его голова была запрокинута, а горло покрывала тонкая резанная рана. Рана от чего-то колюще-режущего. Не стоило больших умственных стараний,

чтобы понять, кто мог сотворить такое. Вопрос кто не стоял. Стоял вопрос, зачем?

Наташа мельком взглянула на ведущего их гангстера. Может это какие-то мафиозные разборки? Что-то вроде передела сфер влияния?

– Я так понимаю никто не видел, как это произошло? – поинтересовалась Наташа.

Гангстер фыркнул.

– Да уж конечно – нервно произнес он – если бы видели, мы бы не с вами разговаривали, а с этой стервой.

– Какой стервой? – быстро спросил Воротынцев.

– Что к шефу приходила – ответил гангстер – он расслабиться решил, перед одной деловой встречей и вызвал девочку. Пришла, фря. Вся такая манерная, фигуристая, лица только не видно было. На ней брюки были кожаные, плащ бархатный, бордовый с капюшоном и бляшками какими-то металлическими, на этот похож, которые молодняк носит, эти как их...

– Готы – подсказала Наташа.

– Ага – закивал гангстер – Я ещё подумал мельком: шеф ролевые игры устроить хочет. Ну я мешать-то не стал. А потом смотрю один час прошел, второй, а всё никто не выходит. В общем зашел, и вот, сами видите, что случилось.

Наташа видела... и понимала.

– Вот теперь мне и ответьте – сказал уже с напором гангстер – что вам всем от нас нужно?

Покровская хмыкнула.

– Ну, что было нужно вашей незнакомке, я не знаю – сказала она – хотя, честно признаюсь, догадываюсь.

– И что же? – осклабился гангстер.

Девушка пожала плечами.

– Думаю, это как-то связано с одной фотографией, которую вас попросили оценить и если вы хотите остаться живыми, то очень вам советую рассказать мне всё, что вы знаете.

Наташа надеялась, что её тон был достаточно убедителен, чтобы это тип понял, что она не шутит. Впрочем, судя по его виду, он был как будто рад поделиться информацией.

– Фотографию действительно просили оценить – сказал гангстер – но не только. Еще батисферой интересовались.

– Батисферой? – спросил Воротынцев.

Гангстер сухо кивнул.

– «Собиратель» имел свою батисферу – сказал мужчина – он часто использовал её для поиска пиратских сокровищ, ну и прочего разного добра со дна морского.

– И толкал потом на аукционах – встрял Воротынцев – вот, оказывается, откуда столько «неучтенки» на антикварном рынке.

– Так вот – продолжал гангстер – тот, кто принес фотографию, хотел арендовать её для погружения возле побережья Ньюфаундленда. С ним и должна была быть встреча, кабы не девица.

– Это был Александр Верховский? – напрямую спросила

Наташа.

Гангстер улыбнулся.

– А вы начитанная – сказал он – да, это был Верховский. Он ещё до Директории с шефом дела вёл. Правда последнее время, что-то не было его видно. А тут приходит. Да не один, а с барышней, ну с женой, то бишь. Об чём они уже там перетирали с шефом, я не знаю, но «Собиратель» велел батисферу проверить.

Наташа нахмурилась.

– И что, ваш шеф, ничего не говорил, зачем Верховскому батисфера? – спросила девушка.

– Мимоходом обмолвился – бросил гангстер – сказал, что ему нужно достать некий груз, с затопленной подводной лодки времен Великой войны. Большого я не знаю. Детали они должны были обсудить при встрече, завтра.

Фотография столетней давности, лодка из тех же времен. Чем бы теперь не увлекся Александр Верховский, оно явно представляло опасность, особенно если этим интересовалась Охотница. Эх, Наталья Владимировна, опять вас угораздило влезть в какую-то темную историю. Она заметила, что Воротынцев все время разговора хранил спокойствие. Вот уж у кого мне надо поучиться степенности-то, усмехнулась девушка. Он такой спокойный от профессионального воспитания или...

– Вы уже сообщили о случившемся Верховскому? – спросила она вслух.

Гангстер покачал головой.

– Прекрасно – сказала она – свяжитесь с ним и подтвердите встречу. Только вместо вашего безвременно почившего боса туда пойду я.

Гангстер фыркнул.

– Кажется у меня нет выбора – заметил он.

Наташа улыбнулась одними губами.

– Никакого – сказала девушка – хотя нет, есть. Лежать здесь рядом, в таком же виде. Если та, что приходила к вам не нашла фотографию. Она вернется и ей будет все равно, что у вас её нет.

Гангстер напрягся, его лицо выражало крайнюю степень волнения.

– Вам-то это всё зачем? – недоуменно спросил он.

– Я любопытна – заявила Наташа – а у Верховского есть ответы, на мои вопросы.

Гангстер почти растерянно помотал головой.

– Вы говорите меньше, чем знаете – недовольно произнес он – что это была за девица? Вы явно в курсе.

Наташа внимательно окинула мужчину взглядом.

– Разве вам мало? – спросила девушка – всего, что вы видели вполне достаточно. Бегите от неё и не заговаривайте с ней ни в коем случае, она смертоносна и безжалостна. Это всё, что вам нужно знать. А в остальное, боюсь, вы, не поверите. Я, честно признаться, и сама не верю.

Гангстер заметно побледнел. Ему явно было о чём поду-

мать.

* * *

В свои лучшие дни порт Ольвии был важным транспортным узлом международного значения в стратегически важном кластере. Он имел один из крупнейших в Европе пассажирских терминалов, был третьим по грузообороту на Эвксинском море. Но время менялось, менялись и условия. Начался кризис, произошло падение производства, снизился и объём грузоперевозок, в результате чего ольвийские моряки стали искать счастья и работу в других парокходствах, в основном зарубежных, а некогда процветавший порт превратился в забытый всеми, практически не посещаемый городской объект.

Километровые причалы, морской вокзал, плавучие и порталные краны, пакгаузы, охватывающие порт, некогда одни из самых современных – теперь лишь покосившиеся от недолжного руководства руины, где можно изредка найти искореженные детали необычных механизмов. Попадались среди развалин и современные постройки, неаккуратные, плохо спроектированные и наспех сколоченные из всего, что было под рукой. Они разительно отличались от старых зданий.

Какой-либо структурированной власти в порту не существовало. Местное начальство не озабочивалось бюрократи-

ей и предпочитало решать дела по-простому. В иной момент Кристина Левонова обрадовалась бы данному обстоятельству, но сейчас им как раз нужно было привлечь внимание к себе как можно больше внимания. Поэтому действовать решили со всей возможной помпой. С моря дул свежий ветерок, чуть разувавший полы черного жакета, в который была одета Кристина и который был достаточно длинным, чтобы можно было спрятать меч и одновременно сохранять его в доступе.

От основной территории порта их отделял высокий сетчатый забор, между единственным сочленением которого располагался КПП. Кристина подъехала непосредственно к шлагбауму, чтобы охране было лучше видно её машину. Она по опыту знала, что если их потом будут допрашивать, то охранники запомнят исключительно яркий цвет автомобиля, но никак ни марку, ни их самих.

– Вот мы и здесь – заметила Кристина – помните, всё строго по плану, без импровизаций, дело серьезное. Берем журнал и уходим.

Анна недоверчиво посмотрела на девушку.

– Вы думаете, что мы можем столкнуться здесь с чем-то неприятным? – поинтересовалась Анна.

Кристина кивнула.

– Никогда не знаешь, с чем можно столкнуться – философски заключила девушка. Краем глаза она заметила подходящего охранника – смелее, ваш выход.

Охранник – весьма плотный мужчина лет пятидесяти с внушительным мясистым лицом и пышными усами, маленькое лицо власти, уставился на Легонову придирчивым взглядом.

– Вы здесь зачем? – поинтересовался он.

– Мы приехали к господину Раудану – спокойно сказала Анна.

Охранник наклонился, чтобы как следует рассмотреть девушку.

– Он вас ждет?

Анна изобразила гнев на лице.

– А сами-то вы, как думаете? – веско спросила она.

В этой стране спор с двумя разодетыми барышнями, приехавшими на французской иномарке, мог запросто обернуться вылетом с работы, а поскольку в условиях, когда и со стабильной зарплатой за квартиру было нечем платить, и любая работа ценилась, а патриотизм и национальную идентичность на хлеб не намажешь, охранник просто махнул рукой, для верности переписав номер автомобиля.

Кристина въехала на территорию порта и запарковала машину возле здания морского вокзала. Девушки вышли из автомобиля и уверенным шагом направились ко входу.

Внутри вокзал был похож на гигантский муравейник, кишущий самым разномастным народом в примерно одинаковых одеждах, различавшихся только цветом и стоимостью ткани. У большинства людей в руках были тяжелые вещевые

сумки, которые свидетельствовали, что эти люди взяли билет на корабль в ближайшую Турцию, ну или куда подальше и исключительно в один конец.

Кристина на всякий случай удостоверилась, что рукоять меча по-прежнему закреплена под жакетом, оптимально быстро извлекаясь оттуда, и сделала знак Анне, что можно идти. Она сейчас была проводником для Левоновой, так как Кристина никогда до этого не была в Ольвийском порту. Анна же не так, чтобы хорошо его знала, но посещать его ей приходилось.

Разноцветные гранитные плиты пола основательно пожелело время, кое-где они превратились в крошево, сквозь которое проглядывала жидкая грязь. Шли подальше от стен: угроза, что в тебя чем-то плеснут сверху была вполне реальной. Вокруг, не обращая на них никакого внимания суетился простой люд. Мимо прошла местная аристократия – парочка народных депутатов в компании длинноногих спутниц, шедшие по направлению к пятизвездочному пароходу.

Когда они проходили небольшое питейное заведение, оттуда вывалилась троица сильно захмелевших гуляк и активно зазывала девушек присоединится к ним большими пивными кружками.

– Эй, дорогуши – крикнул один из них – не желаете ли сладко провести время. Мы угощаем.

Ответить Кристине помешало другое событие. За одним из столиков этого же заведения сидела компания портовых

работяг. Они громогласно и с жаром обсуждали те, события и новости, которые уже давно новостями не были. Рассуждали о вирусе, о финансовом положении, проскользнули слова «клиника» и «белый автобус». Девушка захотела прислушаться и понять о чём идет речь, но в это время в заведение пожаловал патруль Секуритаты. Разговоры тут же стихли.

– Незаконный митинг – громыхнул старший офицер – покушение на государственность.

Один из докеров активно замахал руками.

– Да я ничего такого, ваша милость – сказал он – я так, невзначай.

– Там разберутся – громыхнул офицер, махнув рукой – вы пойдете с нами.

Далее последовали обычные заламывания рук, крики и стоны. Вход пошли приклады и дубинки. Люди пытались от них укорачиваться, но тонкая, хлесткая резина настигала их.

– Вот и увидят, что такое белый автобус – загоготал один из СЕКуров другому.

– Молчи дурак, про то, чего не знаешь – одернул его другой – тебе и в самом страшном сне такое не привидится, понял.

Из дверей бара выскочил толстяк в потертой майке с масляными пятнами. Очевидно хозяин.

– Что вы делаете? – закричал он – вы не можете просто так уводить моих гостей. Вы же милиция, разве вам не стыдно!? Или вы совсем страх потеряли? Вы понимаете, что калечите

свой народ?

Стоящий рядом военный с черными немигающими шальными глазами крикнул ему:

– А ну молчать! – оголосил офицер – он ещё меня учить закону будет! Пасть заткни, рыло свинячье! Мне ничего не стоит разmozжить твою голову этим прикладом и проверить, что у тебя в мозгах.

И действительно офицер, что есть силы саданул мужчину по голове прикладом автомата и отпихнул ногой. Толстяк покотился по холодному бетонному полу. Рука Кристины дернулась в направлении эфеса её меча, но девушка вовремя остановилась. Выдохнула. Она, конечно, могла сейчас раскидать этих парней в разные стороны, но прекрасно понимала, что никак не поможет ни этому толстяку, ни уводимым людям. Нет, она будет сохранять хладнокровие.

– Что такое «белый автобус»? – спросила её Анна, пока они шагали по коридору к административным лифтам. Ей понадобилось некоторое время, чтобы отойти от шока, увиденного.

– Понятия не имею – заявила Кристина – но вряд ли речь идет о рейсовой маршрутке. Во всяком случае, я ни о чём таком раньше не слышала.

Лифт вознес их на двенадцатый этаж, где располагалась диспетчерская и администрация. Девушки оказались в просторном зале, который по замыслу строителей должен был освещаться японскими люминесцентными панелями, но деньги, которые на них были выделены, пропали, и при-

шлось довольствоваться масляными лампами. Хорошо, что факелы нигде не воткнули, подумала Кристина, а ведь могли. Она бы не слишком удивилась подобному антиквариату.

Общее пространство было разделено перегородками на конторы, как в банке. Между ними бродил, скорее всего местный персонал, одетый в одинаковую форменную одежду, нагруженный пачками компьютерных распечаток, которые они переносили из одной конторки в другую.

Путь им преградил низкорослый сублильный человек с длинными черными волосами. Его голос был пискляв, но уверен.

– Я администратор порта – деловито отрекомендовал он себя – меня зовут Айтис Монтвид. Как я могу вам помочь?

– У нас небольшое дело к господину Раудану – пояснила Анна – по известному вопросу.

– Естественно – кивнул администратор – позвольте лично проводить вас. Развелось столько смутьянов в последнее время, они гораздо опаснее, чем кажутся.

– Мы заметили – сухо заявила Кристина, жалея, что давно не тренировала местное наречие.

Администратор сделал приглашающий жест. Девушки переглянулись, очевидно, здесь уже кого-то ждали, впрочем, вряд ли их. Оставалось сохранять спокойствие и вежливый интерес к происходящему. Или... как там говорит Аристов? Аристократичный? Вот-вот самое оно. Кристина вовремя вспомнила, что она должна была идти справа от мужчины,

как это полагалось по законам Директории.

Коридоры здания вокзала, покрытые плесенью от плохой вентиляции, были украшены орнаментом из цветной мозаики и плакатами давностью в полвека, которые зазывали туристов посетить местные красоты. В многих местах цветные камешки отвалились, обнажив голые сены, наспех окрашенные каким-то неопределяемым цветом. Шаги эхом отражались в сумраке над головой.

Наконец их подвели к стене, которая заканчивала коридор и выполненной из грубого камня, что странно смотрелось на фоне, пусть и состарившихся, но всё-таки эффектных стен, отражавших былое величие. В эту самую стену была врезана большая двустворчатая металлическая дверь, на которую указал администратор.

– Вас ждут – коротко сказал он – проходите.

После чего администратор вежливо поклонился и испарился. К Аристову и его приспешникам очевидно здесь питали уважение, не то, что к тем несчастным работягам.

Девушка повернула ручку двери, увлекая Анну за собой.

Они попали в кабинет стандартных размеров со свежееклеенными белыми обоями и простой офисной мебелью. Возле окна за небольшим столом восседал начальник порта, тот самый, который был вчера на вечере. Завидев гостей, он оторвался от созерцания компьютерного монитора и пристально окинул взглядом девушек.

– Я ждал другого человека – сообщил он – не знал, что вы

тоже в этом участвуете, Анна.

Кристина выругалась про себя. Выступала против импровизации и вот тебе, пожалуйста, надо было что-то придумать, какое-то удобоваримое объяснение.

– Доктор любит нестандартные ходы – неожиданно услышала девушка голос Анны.

Девушка в недоумении поглядела на неё, но вероятно Анна угадала верно, поскольку Раудан побледнел и весь съёжился в кресле.

Кристина поняла, что следует что-то сказать.

– У вас есть, то, что нас интересует – подала она голос – не так ли?

Раудан энергично закивал головой.

– О да-да – сказал он – весьма непросто было найти, то, что просили, но всё-таки это мне удалось.

Он отлепил себя от кресла и подошел к вмонтированному в стену маленькому сейфу. Набрал код и достал оттуда небольшой диск.

– Журнал царской яхты! – возвестил Раудан – как есть! Весь записан на эту игрушку.

Кристина пыталась сохранять самое спокойное выражение лица, но настроение не улучшалось, как-то всё слишком просто.

– Мы рады, что вам удалось исполнить данное поручение в такие быстрые сроки – медленно проговорила Левонова, надеясь, что её голос звучит достаточно правдоподобно – од-

нако это ещё не вся информация, что нас интересует, как вы понимаете.

Раудан снова закивал, вся его субтильная фигура выражала крайнюю податливость.

– О да-да – сказал он – как мы и предполагали, оцифровка точно позволила нам определить, что искомый вами груз находится на борту подводной лодки. Однако само место лодки не указано. Я могу только сказать, что, исходя из некоторых документов, есть вероятность того, что до сих пор жив один из членов экипажа этой лодки.

– Такое возможно? – успела удивиться Кристина от неожиданности забыв про то, кого она изображает. Впрочем, расслабься, сказала она себе. К этому типу могли послать кого угодно.

– Разумеется – сказал Раудан – дело в том, что этот человек был юнгой на корабле. Ему тогда было не больше тринадцати. Его фамилия Извеков. Николай Извеков. Вот только не могу сказать, где он проживает. Его след теряется после революции, но он жив. Это точно.

Разумеется, пробормотала про себя Кристина, теперь ясно, что мы должны искать этого Мафусаила. Только вот где? В голове у Кристины роилась ещё сотня вопросов, самого разного порядка, но она посчитала, что сейчас лучшее отваливать, пока этот товарищ прибывает в благостном неведении об их принадлежности.

– Мы примем к сведению – нарочито холодно сказала де-

вушка, делая знак, что они уходят – Мы получили от вас все, что было нужно. Всего вам доброго.

– Господину Аристову от меня нижайший поклон – проямлил Раудан – а то, признаться, я думал, что он уже потерял интерес к этому делу. Генерал Адашев предлагал мне куда больше за сей документ.

Ах вот как, удивилась про себя Кристина, значит Адашев играет против Аристова. Но как такое могло быть? Или они просто соревнуются друг с другом, кто быстрее достанет контейнер с лодки? Да этот вариант более реален. Значит за ними есть кто-то третий. Тот использует их как ездовых собак, стремящихся перебежать друг друга и тянущих таким образом упряжку вперед. Вот только сколько этих собак? Кристина не хотела быть одной из них. Бежать под чьим-то руководством она считала крайне неинтересным делом. Она всегда помнила, что, когда игра заканчивается, король и пешка падают в одну и ту же коробку.

* * *

Начальник порта остался в одиночестве и некоторое время обдумывал прошедшую встречу. Всё оказалось легче, чем он предполагал. Аристов предложил несколько больше за информацию, чем Адашев. Всё было честно. Теперь пусть они сами разбираются друг с другом.

Именно в тот момент, когда Раудан мысленно подсчиты-

вал прибыль от выгодной сделки в дверь его кабинета, постучали.

Начальник порта заворчал. Наверняка какие-то жалобщики на действия полиции.

– Войдите – сказал он.

Дверь открылась и на пороге возникла Хорошевская вместе с его администратором крайне взволнованного вида. Увидев Хорошевскую у Раудана, душа ушла в пятки. Теперь он явственно сообразил, что те девицы его надули.

– В чём дело? – осведомилась Хорошевская – разве вы не меня ждете? Мы же договаривались. Я жду информации.

Вся задача Раудана состояла сейчас в том, чтобы заморозить голову этой девице, чтобы не слишком сильно пострадать.

– Видите ли – начал он – тут произошла неприятность...

– У тебя есть информация или нет? – осведомилась Хорошевская.

Раудан вжался в кресло, словно бы эта поза делала его невидимкой.

– Она есть – мямлил он – то есть была, эх, эм – её у меня украли – у меня украли судовой журнал! – его голос сорвался на фальцет.

Хорошевская не обращала внимания на его стенания и смотрела куда-то в сторону.

– Вот как – равнодушно сказала она, как будто происшествие её не касалось вовсе – и кто же это был?

– Не знаю – выл Раудан – они сказали, что от доктора, что я мог сделать?

Охотница скривила рот в усмешке.

– Вы должны были ждать меня – сказала она – вы же знали, что именно я приду за материалом?

Раудан энергично закивал головой.

– Да, да – сказал он – только я... я...

– Вы хотели побыстрее избавиться от ненужной вам информации – перебила его охотница – и получить деньги. Вам всё равно было кому продать информацию, и вы хотели стравить Адашева и Аристова, поэтому вы предали общее дело – она подошла ближе и стала напротив кресла, где сидел Раудан – что-то ещё?

Раудана всего трясло: трясло от неудачи, трясло от осознания того, что если он ошибется в показаниях или будет увиливать, то его скормят рыбам, причем живьем.

– Да я не сразу им поверил – пытался оправдаться Раудан – но я подумал, что может быть он не хочет светить вас и...

– Я спросила – прервала его охотница – что-нибудь есть ещё, для меня?

Раудан испуганно дернулся, понимая, что разговор закончился.

– Ну... э-э-э... нет – пропищал он.

Хорошевская почти кротко улыбнулась.

– Замечательно – мягко сказала она – ты был очень полезен. Организация благодарит тебя за твои деяния.

Раудан заискивающе посмотрел на ледяную маску на лице девушки в его глазах мелькнула было надежда, но она очень быстро угасла.

– Подождите – взмолился он – я могу назвать имена. Там была Ма...

Вмонтированный в перчатку клинок скользнул в сторону отсекая голову Раудана от шеи вместе с каким-то квакающим звуком.

– Неееее...

Обезглавленное тело, так и осталось сидеть на стуле.

Хорошевская повернула голову к администратору, который стоял с белым от ужаса лицом.

– Можете считать себя новым начальником порта – сказала девушка и быстро вышла из кабинета.

Закрыв за собой дверь, она подозвала двух здоровых мордоротов – офицеров из гвардии Секуритаты.

– Облавы отставить – сказала охотница – две девицы взяли нечто крайне ценное для меня. Вряд ли они уже успели покинуть пределы порта. Найти их и убить, отобрав то, что они украли. Исполнять! Живо!

Офицеры почтительно козырнули и побежали раздавать команды солдатам.

Охотница раздраженно зашипела. Никогда еще она не чувствовала такой досады. Нет она злилась не на себя, а на этих напыщенных индюков Аристова и Адашева. Насколько же они пошлы в своем низменном стремлении возвыситься-

ся за счет другого. Сколько бы они ни пытались вырваться вперед, они никогда не покинут места, определенного им в иерархии Организации. Они неимоверно глупы и ей очень хотелось указать им, на эту глупость, впрочем, она не станет убеждать Адашева, что Аристов не имеет отношения к похищению бортжурнала. Наоборот, она убедит, что доктор специально скрыл его от генерала, чтобы оказаться впереди и что, отчасти правда. Если уж ты смотришь шоу, так научись получать от него удовольствие.

* * *

Кристина решила спуститься вниз по лестнице. Меньше шансов нарваться на незваных попутчиков. По бетонным ступеням им удалось спуститься благополучно, а вот когда они вышли из двери ведущей в зал ожидания, девушку стали терзать смутные сомнения по поводу отсутствия ненужного внимания. Слишком много широкоплечих ребят в броне суетилось вокруг. Стоит им отдать одну команду...

Не успела, она прийти к этому, как открытию, как где-то сверху сработала тревога. Нет, ну почему опять, взвыла она, про себя. Ну в самом деле, может она когда-нибудь покинуть почтенное учреждение, без воя сирены? Очевидно, нет!

– Если нас здесь поймают... – начала Анна с до смерти перепуганным лицом.

– Будем действовать быстро, не поймают – заявила Кри-

стина, стараясь придать уверенности своим словам.

– Перекрыть вход, ПЕРЕКРЫТЬ! – кричал тот самый офицер, который ударил прикладом толстяка – хозяина бара. Люди, которых сгоняли, его солдаты были опущены на колени, скованные единой цепью. Очевидно их ещё не успели увести.

Девушки дернулись было назад, но путь уже был перекрыт парочкой крепких парней в разгрузке и с автоматами на перевес, которые вышли из лифта.

– Может сказать им, что мы не знакомимся с мужчинами в порту? – ехидно спросила Анна.

Кристина усмехнулась в ответ.

– Вряд ли они оценят наш юмор – заметила девушка.

Один из парней в разгрузке вышел вперед.

– Верните то, что вы взяли в кабинете – заявил он, одарив девушек ледяной усмешкой – и тогда вы умрете без мучений.

Скудный выбор, подумала Кристина, в её голове кипел сейчас котел мыслей, касающихся того, как им отсюда выбираться. Особых вариантов не было.

Девушка послушно подняла руки и взглядом указала СЕ-Куру, что, то, что им нужно лежит в левом внешнем кармане и когда тот подошел ближе от всей души саданула его ногой в челюсть, затем схватила Анну за руку и ринулась в сторону арестованных людей, одновременно при этом выхватив спрятанную под жакетом рукоять. Вся конспирация насмарку, но, как говорится, всем не угодишь.

Подбежав к пленникам, девушка рубанула клинком по цепи, превращая её в труху, на глазах изумленных людей.

– Это же «Арнис»! – залился восторгом мальчуган лет пяти, так словно бы увидел в жизни любимого киногероя.

– Уходите отсюда скорей – скомандовала скороговоркой людям девушка – скройтесь, если можете уезжайте из страны.

Пленники, не верившие в чудо избавления повскакивали на ноги и бросились к выходу. Охрана на них не обращала внимания, решив сосредоточиться на самозванках. Ты же хотела, помочь людям. Помогла. Ну почему опять с фейерверком?

Кристина поняла, что, обратив на себя внимание, она даст пленникам возможность скрыться. Поэтому утаскивая за собой Анну, она взбежала на площадку второго этажа, где располагались магазины. У самого края лестницы возник СЕКуР, уже вскидывавший автомат. Кристина рубанула клинком вдоль ствола, вызвав сноп искр и засветила атакующему субъекту кулаком в скулу, отправив в длинный полет по лестнице. СЕКуР с воплем полетел вниз, сбив по пути ещё троих.

Полюбоваться их вне всяких сомнений эффектным падением времени не было, так как из-за ящиков выскочил ещё один солдат с автоматом в руках и принялся поливать свинцом воздух.

Впереди тархтел какой-то древний эскалатор. Девушки

вскочили на него, уворачиваясь от грохочущих сзади выстрелов. Подъемный механизм вознес их на последний этаж, где громоздились сотни деревянных ящиков. Там их тоже встречали. Кристина провела классическую подсечку, опрокидывая одного противника на металлический пол. Другому она перебила пистолет и ногой стукнула по челюсти.

Среди ящиков обнаружилась вертикальная лестница на крышу, которой девушки не преминули воспользоваться. Люк был закрыт. Кристина махнула клинком. Части металла полетели вниз. Анна наблюдала за ней с суеверным восторгом.

– Как это возможно? – успела воскликнуть девушка.

Кристина улыбнулась.

– Легированная сталь – пояснила она – заточенная углекислотным лазером. Элегантное оружие, но приметное. Так что, если есть кому смотреть, им будет не трудно прочесть *здесь была «Арнис»*. Уж явнее, чем я сейчас расписалась, расписаться невозможно.

Девушка невесело усмехнулась, забираясь по лестнице вверх.

На крыше их встретил целый отряд из внутренней охраны с пистолетами и дубинками. Пестрая компания преследователей открыла огонь, но целились доблестные бойцы, кое-как и даже близко не попадали. Уворачиваясь на бегу от выстрелов, девушки приблизились к краю крыши и прыгнули на стоящий внизу какой-то мягкий груз. Затем вскочили на припаркованный возле нагромождения контейнеров автокар и Кристина дернув рычаг двинула машину в сторону ворот, попутно распугивая назойливых преследователей.

– Штильхарту такое развитие событий определенно понравилось бы – нервно засмеялась Кристина – он просто

олух, что с нами не поехал—

Анна слабо улыбнулась.

Пробив корпусом автокара шлагбаум, девушки резво выскочили из него и рысью кинулись к своей машине.

— Пора отсюда выбираться — сказала Кристина, заводя мотор — думаю местным будет о чём посудачить.

— Не возражаю — кивнула Анна, пристегиваясь.

Кристина вдавила педаль газа и Ситроен со скрипом резины вылетел с территории порта, под аккомпанемент выстрелов охраны.

Хорошевская наблюдала всю эту картину с крыши одного из пакгаузов. Её лицо сохраняло презрительную усмешку.

— Свяжитесь с патрульной полицией — бросила она офицеру секуритаты — мне нужна эта машина.

Она вновь зашипела на себя. Слишком долго она позволяет добыче убегать. Она не должна давать ей шанса. Не должна совершать ошибок. Быть высшим существом среди плебса, значит не совершать ошибок. Её заставили ошибиться дважды.

Её ноздри расширились, когда она сделала глубокий, прерывающийся вдох. Нет времени на самокритику. Она знала, что найдет их снова. Нет в мире такого места, где она не достанет их. И она не проиграет, как бы много времени это ни заняло. Но все равно это страшно злило Хорошевскую.

Они заплатят за это сполна.

* * *

– Да – это было приключение – сказала Анна – хорошо, что всё в прошлом.

Ответом ей была полицейская сирена и высочившая из-за угла Тойота, которая перекрыла им дорогу, под недовольные сигналы других водителей.

– Подожди радоваться – сказала Кристина.

Из полицейской Тойоты выбрался длинный офицер и держа руку на кобуре направился в сторону автомобиля девушек.

Кристина дернула рычаг коробки передач на реверс и развернула Ситроен на 180 градусов в результате чего в бок Тойоты врезался проезжавший мимо Жигуленок. Во все стороны полетели ошметки отделки.

Девушка вдавила педаль газа в пол. Тем временем сзади вместе с сиреной нарисовалась ещё одна патрульная машина. Кристина резко свернула во избежание быть зажатой, чуть было, не размазав свой автомобиль о движущийся рядом грузовик.

– За нами погоня! – сообщила девушка, просто для констатации факта – держись поедем очень быстро!

Патрульный «Форд» повис сзади. Спереди быстро приближался мощный джип. Кристина надавила на клаксон. Джип шарахнулся в сторону с несвойственной для его габаритов маневренностью.

ритов прытью.

Она снова свернула с главной дороги и нырнула в узенький переулочок по пути распугав пару легковушек и погнала автомобиль туда, где ей казалось должно быть безопасно. Ага как же, ведь именно там дорога оказалась перекопана. Кристина вновь крутанула машину, вокруг собственной оси и рванула назад решив, что лучшее поиграть в лобовой таран. Водитель «Форда» не выдержал первым и пытаясь избежать столкновения крутанул рулем в результате чего проломил капотом внешнюю стену здания, проделав в ней впечатляющих размеров брешь.

Один «Форд» почти сразу был сменен двумя «Хёндаями». Пытаясь смотреть во все зеркала одновременно Кристина заложила крутой вираж влево, накренив автомобиль, забравшись одним из бортов на песочную насыпь, которую какой-то умник отделил хлипкой металлической оградой, которая естественно прогнулась в виде параболы. Кренящаяся на один бок машина проскрежетала днищем по металлической загородке и вырулила в ещё один переулочок, а вот одному из «Хёндаев» повезло меньше – он въехал носом прямо в кучу, засыпав песком весь салон.

Ситроен вновь вырвался на простор основной трассы, правда на совсем не нужную полосу, причем на высокой скорости. Кристина досадливо шмыгнула носом и выругалась на автомобиль, как будто он был виноват в той ситуации, что они, как бык напролом мчались навстречу впереди движущимся.

щемуся транспорту. Дела складывались не лучшим образом, а тут ещё по ним открыли огонь из догоняющей машины. Анна инстинктивно пригнулась, но пули не причинили особого вреда, лишь постучав по стеклам.

– Эти французские стекла – хмыкнула Кристина заложив ещё один вираж, развернувшись через сплошную и выехав в нужную сторону. Полицейская машина попыталась повторить маневр и благополучно попала под таран сразу двух машин по обе стороны трассы. У третьей машины маневр получился и вывернув она помчалась за Ситроеном. Кристина так крутила рулем, что едва не вырвала его из колонки. Зато их автомобиль теперь ехал разом через три полосы, что не осталось не замеченным для парктронника, который стал верещать, как сумасшедший, предупреждая о многочисленных столкновениях. Глянув в боковое зеркало Кристина обнаружила, что преследователь и не думает отставать. По ним снова открыли огонь. Кристина заметила разрыв в потоке движущихся машин и вдавив педаль газа в пол кинула Ситроен в прорыв. Выстрел пришелся в дорожное покрытие. Девушка не убирала ногу с педали. Мотор стонал на предельных оборотах.

– А они ничего – усмехнулась Кристина – ну, как говорит Штильхарт: «не можешь остановиться, врубай скорость!»

Заметив въезд на частную автостоянку, девушка дёрнула машину туда по ходу движения проломив деревянные перила и помчалась сквозь ряд стоящих машин. Анна под-

бирала нужную молитву, когда их автомобиль проломил перила с другой стороны стоянки и скользя по контрфорсу выскочил на загородное шоссе. Это было радостно, хотя бы тем, что они двигались уже как остальные машины, правда с недозволенной скоростью. Они промчались мимо старенького «запорожца», в его салоне сидел почтенный старичок профессорского вида, который проводил их округлившимися глазами. Кристина снова утопила педаль газа в пол, и «Запорожец» вместе со старичком остался позади.

А вот их преследователи нет. Они тоже влились в поток. Всячески презирая правила, Кристина вела машину сумасшедшим зигзагом игнорируя и разметку, и других участников дорожного движения. Парням в полицейской машине забава понравилась, так что какое-то время они увлечённо повторяли маневры за Ситроеном.

– Пора отсюда выбираться – заметила Анна – пока у нас машина не развалилась на части.

– А я чем занимаюсь?! – буркнула Кристина.

Девушка врубила мотор на полную мощность, их машина подпрыгнула и скользя по прицепу автовоза, как по трамплину вспарила в воздух и пролетев мимо трех машин вновь приземлилась на шоссе, а вот их преследователь наткнулся на бампер автовоза и развернувшись протаранил разделительное ограждение и переехав через встречную полосу, на обочину, въехал в дерево.

Кашляя и чихая от пыли, Кристина выдохнула.

– Жалко, что это никто не снимал – бодро сказала девушка – по-моему шикарная реклама «Citroen».

Интересно, подумала она, прикидывая повреждения, сколько местные будут ломать головы, составляя из кусочков картину происшествия?

Автомобиль в этот момент уже был в общем потоке и двигался с нормальной скоростью, уносясь прочь от города.

* * *

Несколько часов спустя после разговора с неизвестным гангстером, Наташа была основательно сбита с толку. Нет, одну ниточку, за которую можно тянуть в этом клубке странных событий, она всё-таки обнаружили, но не дав им возможность даже потянуть за эту ниточку, клубок снова запутался.

Единственно, что ощущала девушка – это сильное беспокойство. Присутствие чего-то нагнетающего. Чувство затаенной угрозы, которое рождало мелкую дрожь.

– Он прав – заявил Воротынцев – вы говорите гораздо меньше, чем знаете. Я видел, как вы среагировали на описание той девицы. Вы явно в курсе кто это был —

Наташа пожала плечами.

– Пока у меня в голове одни предположения – сказала девушка – и от них мне беспокойно на сердце. Возможно, Верховский и прояснит нам эти тайны, но я вряд ли.

Воротынцев усмехнулся. Вряд ли он ей поверил.

– Связующее звено – сказал он – мы должны найти связующее звено между фильмом и событиями, которые произошли в гостинице. Всё, что я могу предположить – это то, что есть некто, который ищет тоже самое, что ищет Верховский. Думаю, что ключом является фотография, которую видел торговец.

– Но не могли же они съемки фильма устроить из-за одной фотографии? – удивилась Наташа.

– Съемки возможно нет – обронил Воротынцев – но девица находилась там именно из-за неё. Она искала фотографию в Екатеринбург. Не найдя снимок там, она отправилась в Царское. Дальнейшее вам известно.

Наташа пожевала губу.

– Минуточку – сказала она – что нам известно? А откуда она узнала, что нужно ехать именно в Царское? Ей что телеграмму прислали? И потом в шифровке говорится про медальон, а не про фотографию. Тут что-то не то.

Воротынцев почесал затылок.

– Возможно медальон, это как раз то, что и ищет Верховский – предположил он – этот медальон и лежит на той лодке.

Хорошее предположение, подумала Наташа, только что же это за медальон такой, что за ним охотница гоняется?

Девушка громко вздохнула.

– Вся наша поездка построена на двух словах «если» и

«возможно» – сказала девушка – а я хочу конкретных фактов. Вот когда мы их получим, тогда и будем строить гипотезы.

Наташа остановилась перед железной дверью темно-коричневого цвета, за которой должна была располагаться квартира, адрес которой указали актрисы, что показания против Козловской давали. Покровская хотела поговорить с ними сама. Она понимала, что ничего конкретного она от них не добьётся, но хотела составить впечатление насколько им можно доверять. Судя по тому, что квартира была на одном из островов, она была куплена явно не за актерский гонорар. Особенно если учесть, то обстоятельство, что Наташа не нашла никакой стоящей информации об этих девушках, с точки зрения театра и кино. Такова была чисто великорусская традиция. Не танцующие балерины, не катающиеся фигуристки и не играющие актрисы. Эти девушки видать были из последних.

Наташа нажала кнопку звонка.

Ждать пришлось недолго. За дверью раздались шаги и через несколько секунд они лицезрели высокую брюнетку на которой был одет красный халат-пеньюар, весьма выразительно подчеркивающий формы девушки. На вид ей было не больше восемнадцати.

– Привет – сказала девушка, в кокетливой позе облокотившись на дверной косяк, так чтобы было видно побольше того, что было скрыто пеньюаром – а вы кто?

Воротынцев, который старался смотреть на исключительно лицо, а не на пеньюар показал удостоверение.

– Привет – сказал он – а мы по делу.

Девушка засмеялась.

– О, как внушительно – сказала она сквозь смех – пришел меня арестовывать? У нас если что, наручники есть.

Интересно это можно отнести к понятию нравы Растеряевой улицы, подумала Наташа, или уже требуется новое понятие?

– Ну как дело пойдет – попытался отшутиться Воротынцев – а вас девушка, как звать?

Девушка манерно протянула руку.

– Яна – растягивая буквы произнесла она – а тебя?

Офицер усмехнулся.

– Полковник Воротынцев – сказал он – у меня к вам несколько вопросов.

С лица девушки не сходила улыбка.

– Ну ты не стой в дверях, полковник – сказала она, сделав приглашающий жест – заходи, поговорим о твоих вопросах. Подружка у тебя глухонемая что ли?

Наташа уже хотела объяснить этой юной грации... Собственно, что? Подумала девушка. Она предпочла остаться глухонемой. На данный момент.

Они прошли вслед за Ольгой через небольшую прихожую в просторную гостиную, в центре которой стоял диван, на котором лежала, задрав ноги еще одна девушка, как подо-

зревала Наташа – Лана. Одета она была в стиле Ольги, только розовый пеньюар был открытый и прозрачный, а на ногах были гольфы. Яна ни говоря ни слова присела на диван и обняла вторую девушку за шею.

– Ну – сказала она – спрашивайте, что хотели.

Воротынцев откашлялся у него почему-то пересохло в горле. Наташа тихо вздохнула. Лучше бы с ней рядом был бы булгаковский Азazelло.

– Дело в том – сказала она – что вы и ваша подруга выступали в суде по делу Татьяны Козловской свидетельницами со стороны обвинения.

Обе девушки рассмеялись.

– Таньки что ли, – сказала Лана – я припоминаю, это было очень смешно видеть её в суде.

Наташа вопросительно подняла бровь.

– Да? – спросила она – и в чём же дело?

– Ну она вся такая правильная ходила – сказала Яна – всё время с учебниками, всегда строго одета. Мы её пытались развеселить, ну ты понимаешь – девушка положила руку на колено подруги и провела вдоль ноги – но она так и была буквой, хотя у неё даже парня не было, а тут вдруг такое, мы с Ланкой, чуть не умерли со смеху, когда узнали, что она деньги стырила. Коктельчик хотите?

Наташа кивнула. Возможно, так разговор будет более открытым. Девушка Лана поставила перед ней бокал «Оргазма», хорошо хоть не «Кровавую Мэри».

– А ты чё, её подружка что ли? – поинтересовалась Яна. Наташа махнула рукой.

– А, так – бросила девушка – блогерша. Разные жаренные новости собираю.

Лана хлопнула в ладоши.

– Круто! – воскликнула она – сейчас блогинг это всё. Остальное отстой. Мы с Янкой тоже подумываем заняться. Времени правда нет, гастролы одни. То тут, то там.

– Вы прямо нарасхват – заметил Воротынцев.

Лана фыркнула.

– Да ты чего прикалываешься? – спросила она – мы же типа мега звезды. Разве music-best не смотрел? Ансамбль «Нимфетки». Типа не слышал, да? Мы обе оттуда. Фима Школьников нас тогда продюсировал, а потом роль в этом сериале про царя предложил. Круто, да? Я обожаю литературных героев.

Наташа отпила коктейль. Ну теперь, хотя бы это вырисовывалось. Только ничего странного в общем в этом не было. Достаточно типичная история.

– Исторических – поправила девушка – так что там с деньгами-то было? На суде вы сказали, что видели Татьяну с большой суммой денег.

Яна кивнула.

– Ага – сказала она – вот именно. Мы с Ланкой в тот день были в ресторане. В очень дорогом ресторане. На Невском. У Ланы, понимаешь ли, папа крупная шишка в правительстве

города, знаешь, типа гражданского генерала, и мы можем себе позволить весело провести время. Сидим мы там, вдруг я вижу эту ботаничку в этом самом ресторане, прикинь?

– Думаю вы удивились – кивнула Наташа.

Яна фыркнула.

– Еще бы – сказала она – так представляешь она ещё с папиком богатым была. Ужинали вместе.

Наташа закусила губу. Это уже было интересно.

– Можете его описать? – спросила она.

– А чего его описывать? – поинтересовалась Яна – это Александр Верховский был, тот самый. Ума вот не приложу, откуда она его знает, ведь моль молью.

Вот такого поворота Наташа точно не ожидала. Не может быть, чтобы Татьяна была знакома с Верховским. Эта девица что-то путает. Позвольте как это могло быть? Что между ними общего? С другой стороны... Может Верховский тоже копает под студию и использовал для этого Козловскую? А что? С её подругой он поступил именно так, правда та история имела не счастливый финал.

– Вот ему-то она деньги и передавала – продолжила Яна – мы так и обалдели. Было, знаешь видно, что денежки у неё появились невзначай. Я ещё подумала вот блин мышшь серая, всё бедненькой прикидывается, а тут деньгами сорит, как фантиками.

Воротынцев прищурился.

– А как вы догадались, что это деньги со студии? – резонно

спросил он.

Яна скривила губы.

– Ну, где же ещё эта курица могла их взять? – риторически спросила она – если у неё даже мозгов не хватило их перевести куда-нибудь на счет, а снимать наличные и отдавать их в кейсе, как в фильмах про мафию. И потом, на суде же сказали так, и очная ставка была. Посадили несколько девушек, вот я её и узнала.

Воротынцев усмехнулся.

– Вы хотите сказать, что Татьяну арестовали за то, что она сидела в ресторане?

Лана пренебрежительно хмыкнула.

– Послушай, красавчик – сказала она – мы то откуда это знаем? Как у меня папа говорит, если человека арестовывают, знать есть за что. Нам сказали опознать человека, у которого мы видели деньги. Мы опознали.

– Ну а почему именно к вам обратились? – не отставал Воротынцев – что в ресторане других свидетелей не было?

– Понятия не имею – сказала Яна – чего ты от нас хочешь?

– Понять одно обстоятельство – сказал Воротынцев – Татьяну обвиняют в краже денег со студии, вы снимаетесь в фильме Школьников и очень многим ему обязаны, так?

Яна фыркнула.

– Что значит обязаны? – притворно оскорбленным голосом произнесла она – он наш кумир, вот и всё. Кроме всего прочего я несколько раз слышала, как Танька требовала

деньги и у Штайнмана и у Фимы, поэтому ничего удивительного, я просто сопоставила два и два, вот и всё.

– Так уж и всё? – переспросил Воротынцев.

Яна кивнула.

– Всё – повторила девушка.

Наташа задумчиво хмыкнула. Трудно было понять, насколько откровенна эта парочка, но было похоже, что они не врут. Говорят, свободно, уверенно, а к их визиту вряд ли были готовы. Что же получается, Козловская действительно украла деньги? и что, украла она их для Верховского, так? Это уже, что-то, воля ваша, невообразимое. По крайней мере если представить всё так, как говорят эти девицы. В такой наивности Верховского подозревать просто смешно. Да и зачем ему эти деньги? Вариант второй. Козловская сама за что-то платила Верховскому. Этот вариант ещё смешнее. Единственный её долг – это ипотека в банке и вряд ли он относится к Верховскому. А что, если никаких денег не было? Может быть, Татьяна Козловская передавала Верховскому нечто другое, а историю с деньгами придумали потом, чтобы скрыть эту вещь. Возможно, но что это? Та фотография, за которой теперь гоняется охотница? С этим снимком тоже много неясного. Как он попал в наше время? И что хочет сказать? Память – это писарь нашей души. Время, заложенное в знания старого, всегда помнит о своих правах и всегда возвращается потомкам, причем самым неожиданным манером. Наташа была убеждена: эта фотография не просто так

оказалась здесь. Каждое событие в настоящем рождается из прошлого и является отцом будущего. Фотография должна иметь какой-то смысл. Пока этот смысл, очевидно, был известен двоим: Александру Верховскому и охотнице, что преследует его. Теперь и она его должна понять. Девушка качнула головой, отгоняя подступающие волны страха и взъерошила волосы. Да, голову ломать сейчас бесполезно. В любом случае все прояснится, когда они встретятся с Верховским. Не любила она исторические загадки, да и, ей отчасти казалось, что у неё не было особого времени их разгадывать.

И тем не менее, если она хочет сделать правильный выбор, загадки разгадывать всё-таки придется.

Главное, чтобы было из чего выбирать.

Глава V. Единственная свидетельница

*Иногда отражение в зеркале более реально, чем
сам объект.*

Льюис Кэрролл

В прошлом Ксении уже приходилось бывать в порту Ольвии и видеть его великолепие, вот почему она решительно не понимала, как, то, что она видела тогда могло превратиться за несколько лет в то, что она видела теперь. Потрескавшаяся мозаика, ветхий пол и куча людей, которые только и жаждут уехать отсюда, причем уже не важно куда и зачем. Да уж по сравнению с этим местом «спуск» был просто центром цивилизации, но ничего Кирсанову будет полезно посмотреть, она оглянулась на напарника, тот затеял какую-то перепалку с дежурным, доказывая, что им позарез необходимо быть здесь.

Эта новость относилась к разряду секретных, но подробности уже проникли в мир. Секуритата занялась той стороной дела, которая касалась терроризма. Расследование же убийств пока оставлено в ведении полиции. В любой момент в Директории следовало ожидать известий о введении высочайшего уровня террористической опасности.

Над обезглавленным телом убитого начальника порта,

имя которого озвучил «Голубь», крутились криминалисты, проделывая вполне обычную для себя работу. Ксения же спокойно стояла на месте и поворачивала голову на триста шестьдесят градусов, осматривая весьма, по её мнению, неудобный кабинет. Много тут не найдешь, даже с помощью экспертов.

Кирсанов закончил беседу с криминалистом и подошел к ней.

– Итак – он достал блокнот – убитый Викинт Раудан – 42 года, холост, детей нет. По образованию экономист...

– Ты мне лучше про само убийство расскажи – перебила его Ксения – нечего всё от сотворения мира начинать.

Кирсанов перевернул страницу блокнота.

– Что же – сказал он – убили его, как ты заметила весьма необычным способом, иными словами, отрезали голову, причем я подчеркиваю именно отрезали, а не отрубили, потому что края раны идеально ровные.

– Оружие установили? – спросила Ксения.

Кирсанов кивнул.

– Да – сказал он – клинок, неизвестного типа из высокопрочной стали. И что я тебе отдельно хочу сказать, что Раудан, как мне сказали практически не испытал предсмертных мук, потому что голову ему отрезали одним ударом.

Ксения пожевала губу. Она как-то уже сталкивалась с подобным оружием. Не может быть, подумала девушка, ощущая висевший на шее изумруд. Неужели эти истории об

охотницах правдивы? Неужели все, что говорила Касаткина верно? Впрочем, тебе ли в это не верить? Ты же видела её лично.

Кирсанов пощелкал у неё перед носом пальцами.

– Эй ты меня слушаешь – спросил он.

Ксения дернула головой.

– Прости – пробормотала она – задумалась. Так о чём ты?

– Я говорил про то – сказал Кирсанов – что свидетели видели, как в кабинет к Раудану, зашли две девицы в сопровождении администратора. Фоторобот правда составить никто не смог. Тут облава была. Ловили несознательных. Но зато все запомнили оружие одной из девиц – меч, прорезающий всё на свете.

Опять таинственная «Арнис», подумала Ксения, чем бы она здесь не занималась, это как-то связано с их делом. Авалова была уверена в этом.

Этих мыслей она пока озвучивать не стала, тем более при всех. Только сухо кивнула.

– А администратор что говорит? – спросила она – он же вызвал полицию?

– А он ничего не говорит – с усмешкой сказал Кирсанов – он исчез.

Ксения посмотрела на него широкими глазами.

– Что значит исчез?

Кирсанов пожал плечами.

– Никто его не может найти – сказал он – и домой к нему

наведывались и у любовницы были, никаких следов и мобильник отключен.

Ксения задумчиво повела бровью.

– Значит он чего-то боится – заключила она – чего-то, а может быть и кого-то.

– Ты хочешь сказать, что он видел убийцу? – спросил Кирсанов.

Ксения пропустила легкую улыбку.

– Нет, не так – сказала она – он знает убийцу, а убийца знает его и знает где он живет и все его связи, поэтому этот Монтвид, решил скрыться от греха подальше.

Кирсанов вздохнул.

– Ну по крайней мере никто больше не будет поддерживать эту «Арнис» – сказал он – ведь теперь и ежу понятно, что она простой гангстер.

Ксения усмехнулась.

– Ты, как всегда, делаешь поспешные выводы – мягко сказала она – я не думаю, что эта девушка в этом замешана, особенно учитывая тот факт, что такого кровопролития она раньше не допускала.

Кирсанов хмыкнул.

– Ну раньше не допускала – сказал он – а теперь допустила. Она оставила нам кучу четких следов, по которым стоит только пойти и выйти к цели.

Кирсанов явно гордился своей теорией. Ксения только вздохнула. Именно это ей в нём и не нравилось.

– Верно – согласилась она – но, если ты встречаешь следы в лесу, вовсе не обязательно идти по ним, даже если они очень четкие. Потому что они могут привести к обрыву.

Кирсанов фыркнул.

– Мне известно всё что нужно – сказал молодой человек – я знаю, что говорят свидетели и я вижу труп. Ольвийский порт – это важный торговый узел. Провести здесь теракт, для сепаратистов, милое дело.

Ксения нахмурилась, пристально вглядываясь в то место, где стояло кресло с трупом. Здесь чувствовался привкус смерти, а еще немой ужас, только такой ужас, какой и можно было испытать рядом с охотницей.

– Недостаточно найти знания – веско заявила девушка – ему ещё нужно найти применение. Знание имеет цену тогда только, когда оно делает нас более способными к деятельности. Всезнание без практики – это поистине глупое занятие.

Кирсанов внимательно смотрел на неё. Он ждал продолжения лекции.

– Это не теракт – сказала Ксения – это казнь, наказание за провал. Причем дикое и импульсивное. Вызванное сильным раздражением. Неудачей.

Ксения вздохнула. Обыватели привыкли думать, что все преступления по своей природе являются сложными. Это было в корне неверно. Ведь преступления, в сущности, порождают обыкновенные человеческие страсти: зависть, ненависть, жадность. Тот, а точнее та, кто это сделал это яв-

но не испытывала таких эмоций. Ксения бы сказала, что она никаких эмоций не испытывала. Только в состоянии глубоко безэмоциональном можно совершить подобное. Ксения усиленно хотела убрать все внешние обстоятельства, которые закрывали простую истину. Но вот понравится ли ей такая истина? Как говорят мудрые: на войне правда первая потеря, но только она способна победить фантом страха. Ксения медленно закрыла глаза. Вне всякого сомнения, ей уже приходилось встречаться и с таким оружием, и с таким стилем убийства. Какую же страну теперь представляет таинственная Организация, название которой боятся произносить вслух? Её действия окутаны липким и вязким страхом. Продукт её действий здесь ранее – Директория. Что же у них за цель сейчас? Иногда она жалела, что так импульсивно поступила в разговоре с Соколовским. Она тогда поддалась своему гневу, своей боли. С его смертью она потеряла единственную ниточку к Организации. Возможно, судьба дает ей второй шанс распутать этот клубок лжи и обмана, куда они все погружены? Но готова ли она сама к этому? Ксения никогда не считала себя выше и сильнее кого-либо. Она просто выполняла свою работу. Ту, которая у неё получалась. Но кто и когда был к чему-то готов. Ксения усмехнулась своим мыслям. Она помнила старую истину: если вы оказываетесь посередине, необходимо выбирать сторону. В конце концов в Ад можно попасть не только за наши личные поступки, но еще и за трусость совершать их. За те дела, которые мы мог-

ли совершить, но довели до конца. Ты есть только то, во что ты веришь.

– И что же нам теперь делать? – сокрушенно спросил Кирсанов.

– Прежде всего нужно смотреть на вещи открытыми глазами – ответила Ксения – решение обязательно придёт. Не важно, как медленно ты идешь, главное, что идешь и в правильном направлении —

Кирсанов пожал плечами.

– Знать бы только, где оно – это правильное направление – пробормотал он.

Они шли вдоль мрачного коридора с облезлыми стенами, когда из какого-то углубления, словно бы из норы, появился человек в рабочем комбинезоне.

– Псс – шепнул он так тихо, чтобы никто посторонний не мог услышать – вы тут девицей интересовались?

Ксения развернулась к мужчине, окинув его внимательным оценивающим взглядом, каким она обычно смотрела.

– Допустим – ровно сказала она – а вам, что за дело?

Мужчина опасливо поглядел на неё. В этом ответном взгляде делились между собой страх и надежда. Разобщение и отсутствие доверия между людьми, вот корни, которые питали древо зла.

– Пойдемте со мной – сказал он – думаю вас заинтересует моя информация.

Авалова и Кирсанов переглянулись. Особого выбора не

было.

Ведомые грузчиком они проникли в то самое углубление, из которого он вылез. Это был ещё один коридор, вытянувшийся на многие метры вперед, освещенный тусклыми фонарями. По обеим его сторонам торчали открытые и закрытые двери. Пахло морской солью и прогорклым маслом. Где-то, очевидно, готовили еду.

– Что это за место? – не утерпел Кирсанов.

Мужчина обернулся к нему и осклабился.

– Помещения низшего персонала – сказал он – таких как я.

Они зашли в одну из дверей. За ней маленькая бетонная комнатка с кроватью, столом, стулом и телевизором. Грузчик сел на стул и указал своим гостям сесть на кровать.

– На нас – сказал он – низший персонал, не обращают внимания. Вот меня и не заметили, когда всё случилось.

– Значит вы видели, что произошло? – запальчиво воскликнул Кирсанов.

Мужчина махнул грязной рукой.

– Видел – сказал он – глаза бы мои лучше этого не видели. Понимаете, я грузчик и часто ношу туда-сюда по этажам разные коробки, вот и... значить вчера я проходил мимо кабинета начальника и краем уха услышал разговор, что он нашёл какой-то судовой журнал.

Кирсанов нахмурился.

– Судовой журнал? – спросил он.

Мужчина кивнул.

– Да – сказал он – а, как раз сегодня. Девицы две, что переполох-то весь устроили, как раз и стащили журнал этот у начальника. Одна из них была «Арнис», та самая, что за сепаратистов.

– Значит она убила вашего начальника? – почти торжественно спросил Кирсанов. Ксения только закатила глаза.

– Не всё сразу – оборвал его грузчик – Я сегодня коробки из кабинета главбуха переносил и увидел, как те две девицы выходят из кабинета и на лестницу идут. Одна из них диск в сумку свою кладет.

– Описать сможете? – спросил Кирсанов – вы их запомнили?

Выяснилось, что мужчина запомнил обеих. Описание одной Авалова себе представляла, хотя и не всегда верила слухам, а вот с кем её подруга из прошлой жизни теперь путешествует, было загадкой. Лично ей образ, который вызвал мужчина из своей памяти, никого не напомнил.

– Да это наверняка видела половина порта – воскликнул Кирсанов – что-то ничего особенного вы не рассказали. Эту историю наверняка уже передают в новостях.

Ксения сокрушенно вздохнула. Иногда у неё возникало очень сильное желание влечь молодому человеку подзатыльник за нетерпеливость. Лично она всегда считала именно терпение и выдержку лучшими добродетелями. Ну что же, усмехнулась она про себя, хороший ученик не всегда бывает совершенным.

– Вы дослушайте до конца, молодой человек – сказал грузчик – то, что я вам сейчас расскажу... этого, вы не услышите в выпуске новостей. Ушли эти две барышни по лестнице, а минуты через две лифт поднимается и из него еще одна девица выходит, только совсем другая. Она с администратором вместе была. Они вдвоем зашли в кабинет начальника. Мне тут любопытно стало, что это бабы к нему косяками ходят, он же у нас вроде не по этой части будет.

Ксения задумчиво закусила губу. Ей слушать уже в принципе было не надо. Она и так могла догадаться, что это была за девица и зачем она пришла. Зато вон, Кирсанов слушал каждое слово и от удивления округлял глаза. Что же ему полезно несколько подняться над прозой жизни. Охотница, она тоже искала этот журнал. Точнее не так. Ей должны были передать его, а «Арнис» с подругой его перехватили. Что же это за журнал такой? Ясно как день, что Раудана охотница казнила за то, что он перепутал и не ей отдал диск. Этот диск,

очевидно, предназначался тому доктору – доктору Аристову. О нём упоминал «Голубь». Теперь Раудан мертв и нить, которая их могла бы связать с Аристовым, была утеряна. Последний их шанс найти администратора порта. Он наверняка был в курсе дел шефа, раз так прячется. Он боится, что придут и за ним, когда станет известно, что он что-то знает. Мелкий недочет этой девицы может стать их надеждой размотать клубок. Главное найти Монтвида первыми.

Впрочем, появилась ещё одна задача. Настало время посвятить её молодого друга, против кого они идут. Раскрыв истину другим, начинаешь обретать свой собственный путь. Битву нельзя выиграть в одиночку. Девушка улыбнулась себе самой. Она раньше не замечала за собой чрезмерной любви к экзистенциализму.

* * *

С сомнением во взгляде Штильхарт осматривал кузов Ситроена, через несколько минут после того, как они въехали на участок дачи и за ними закрылись тяжелые ворота. Только тогда Кристина смогла наконец оторвать руки от руля. Они до сих пор тряслись. В целом всё прошло удачно. Удалось сохранить не только психику, но и целостность рук и ног. Иногда она самой себе поражалась, как ей удаётся выворачиваться из самых паршивых ситуаций.

– Вижу поездка в порт прошла на славу – ехидно заметил

Штильхарт, поправляя свернутое зеркало.

Кристина усмехнулась.

– Да уж – сказала она – было весело. Однако повторить такое, еще раз, я не решусь.

– Проблемы? – с улыбкой спросил Флориан.

Левонина фыркнула.

– Батальон Секуритаты, и половина дорожной полиции Ольвии на нашем хвосте – сказала она – а так никаких. Пожалуй, нужно будет сбить номера на машине, чтобы не смогли отследить через спутник.

Флориан подарил девушке яркую улыбку и подойдя к ветровому стеклу машины, просунул руку в салон и нажал какую-то кнопку на приборной панели. В этот момент номер машины уехал куда-то внутрь автомобиля и на глазах пораженных девушек оттуда же вылез номерной знак с совершенно другими цифрами иной страны. Но это было ещё не всё, в следующий момент из радиатора повалил цветной дым, заволокший всю машину целиком и через несколько секунд, когда он рассеялся передними, стояла машина не белого цвета, как ранее, а желтого и выглядела так, как будто только сошла с конвейера.

– Потрясающе – восхитилась Анна – это волшебство.

– Вовсе нет – сказал Флориан – обычная аэрография. Незаменимое средство, если хочешь нарушить правила парковки.

Кристина скроила гримасу.

– Производить впечатление на юную девушку можно и более утилитарно – заметила она.

– Букет цветов и бутылка шампанского? – нахмурился Штильхарт – Не отношу себя к ретроградам. К тому же после вашего вояжа новые номера и цвет кузова действительно понадобятся. Белый Ситроен сейчас разыскивают по всей Директории, в связи с причастностью двух молодых особ к убийству начальника порта.

Обе девушки округлили глаза.

– Я надеюсь он умер от угрызений совести? – добавил Флориан.

– Да мы его пальцем не трогали – ошарашенно сказала Кристина – какого убийства?

Штильхарт пожал плечами.

– Ему отрезали голову – весело сообщил Флориан – совсем, если интересно.

Анна от ужаса прикрыла рот рукой.

– Кошмар какой – сказала она – хорошо, что мы оттуда успели уйти, но кто его мог убить?

Кристина устало выдохнула. Она понимала кто. Вот только встречаться с ней, она точно не хотела. Нет она не боялась. Она знала, что ей не избежать встречи с Охотницами, но надеялась, что она произойдет, когда у неё появится несколько больше опыта и знаний о противнике. Прошлого раза вполне хватило. Тогда ей просто повезло, по крайней мере она так считала.

– Очевидно настоящий посланец – заметила девушка – должно быть мы его несколько опередили.

Анна нервно сглотнула.

– Слава богу, что мы тогда выбрали лестницу для спуска, а не лифт – заметила девушка – вот хороши бы были.

– Это всё замечательно, вы его достали? – спросил Флориан, чтобы несколько напомнить о своем существовании.

– Его? – вздрогнула Кристина.

– Диск! – воскликнул Флориан – или я ради чего вы лазили в этот порт?

Кристина охнула и хлопнула себя по лбу. В общей суматохе она как-то действительно забыла о причине вояжа.

– Так вы его достали? – нетерпеливо спросил Флориан – могли бы и слово сказать.

Кристина сделала лицо.

– Если ты не в курсе, то нас несколько раз едва не перемололо в металлическую пыль – раздраженно бросила девушка – поэтому было несколько некогда.

Анна достала из сумки диск в прозрачном футляре и протянула его молодому человеку. Флориан взял его и осмотрел его со всех сторон, так если бы только один его осмотр мог бы дать все ответы сразу. Его сильно удивил последующий рассказ Кристины о её предположении, что Адашев ведет свою игру, которая может отличаться от игры Аристова. Иного объяснения легкости получения диска она не пред-

ставляла, если, конечно, это вообще всё не пустышка и провокация, хотя это маловероятно, учитывая то светопреставление, которое им устроили.

– А девушка-то чьих будет? – спросил Штильхарт – Адашева или Аристова? Как думаешь, а?

Кристина флегматично сдвинула брови.

– Да дьявол их разберет – честно сказала девушка – не забывай, что если всё так, как о них говорят, то одна не одна такая. Может одна с Аристовым, а с Адашевым уже другая, а может они все сами по себе действуют. На свободной охоте.

Флориан нервно усмехнулся каламбуру. Он ни разу не встречался с этими девицами, но ему и рассказов хватило.

– Я не пойму – рассердилась Анна – вы что-то знаете о той, кто на самом деле убила Раудана? Кто она? Я так понимаю, что это женщина.

– Разве Верховский не рассказывал вам? – удивилась Кристина – что же вполне в его духе припрятывать важную информацию. Впрочем, наверное, он не хотел пугать вас страшилками. Полагаю, что он без умысла скрыл это. Мне пока тоже не след вам о них говорить. Тем более к ночи поминать.

– Да и так житья уж нет от ваших намеков – посетовала Анна – аж душа в пятки уходит.

– Вам достаточно знать, что они служат врагу – сказала Кристина – держитесь возле меня. Будем решать проблемы по мере их поступления. Давайте сейчас ужинать, а уж после посмотрим, что за трофей мы добыли и насколько он ценен.

Вскоре умытые посвежевшие и повеселевшие они сидели за столом. Ужин продолжался долго и весело. Все трое словно бы старались забыть все перипетии, которые их связали вместе и которые ещё не известно, к чему приведут. Еда и питье расслабляли и настраивали на положительный лад.

Может это было несколько наивно с её стороны, но Кристине казалось, что, когда они достанут журнал это придаст какой-то небывалый подъем. Однако этого не произошло по какой-то странной причине. Наоборот, она стала замечать, что с каждой новой вводной в её душе утверждается какая-то тягостная тревога за то, что будет дальше. Сделав столько всего, они, на самом деле, даже на йоту не приблизились к конечной цели, а лишь плутают в каких-то дебрях, мотаясь от одного факта к другому. Лишь тепло от камня в кольце согревало её.

Покончив с едой, троица компаньонов устроилась перед монитором компьютера. Анна аккуратно вставила диск в оптический привод.

Через секунду на экране возникло несколько аккуратно сфотографированных и оцифрованных листов, исписанных чернилами. Кристине вдруг нестерпимо захотелось потрогать этот журнал в живую. Она всегда имела слабость перед памятниками древности и могла их часами рассматривать.

Вот и сейчас у неё было желание одеть бархатные перчатки и перелистывать выцветшие страницы, погружаясь в стародавние времена. Есть вещи, которым требуется прикосновение.

Хотя ничего особенного записано не было. В общем и целом, это был стандартный судовой журнал, в котором фиксировались список команды, даты прибытия в порт, дата отплытия из порта, глубина воды, скорость, курс, фамилии вахтенных матросов и их подробный доклад обо всех событиях, произошедших за время того или иного рейса. Оставалось только понять, какой именно рейс и какое событие её интересует. Пока всё, что она читала касалось разных официальных и церемониальных визитов президентов, королей, императоров и разных других титулованных особ. Кристина читала и читала, погружаясь в исторические перипетии начала XX века. Вдруг её взгляд упал на сделанную наискось надпись на одной из страниц. Она была очень тонкой и оформлена не по правилам ведения судового журнала. Приглядевшись, Кристина заметила, что листок с надписью был ничем иным как почтовой карточкой, вложенной в журнал. Текст был написан по-английски:

Любезная Анна Станиславовна!

Если вы читаете это письмо, значит сбылось худшее и ваши опасения оказались правдивыми. Однако же пока ещё нечего не произошло мой разум уверен в успехе. За сердце говорить глупо, оно будет навеки принадлежать Вам. Вы бесконечно дороги мне, и я ни

в малейшей степени не хотел ранить ваши чувства, но раз дело обстоит таким образом, то я не могу поступить иначе, кроме как отправится в логового врага и доказать свою верность Государю, Отечеству и Вам. В случае моего успеха эта проклятая война будет закончена и более никто не сможет заставить вас плакать. Что же сейчас, я должен уже отбывать на «Барс». Медальон, что вы мне подарили я буду беречь, как величайшую ценность, ключ к которой имеем только мы двое.

Искренне ваш, Д. Д.

Все трое читали письмо в глубокой тишине, про себя. Так, если бы чтение вслух могло нарушить какое-то священное таинство.

– Значит медальон – нарушила молчание Кристина – вот ответ на часть загадки! Полагаю, что именно эту ценную вещь капитан Долматов передал прадеду Верховского.

Ей всегда нравился тот момент времени, когда информация из цепи необъяснимых фактов превращалась в цельную картину и в этот момент она сама теряла все хладнокровие и становилась, как будто на иголках.

– В нашем мире закрытых дверей если у тебя есть к ним ключ, то ты повелитель этого мира – многозначительно заметил Флориан – думаю ты на пути на верном пути к трону.

– Ну не я одна – кивнула Кристина – у меня есть соперники по поиску ключа. Не забывай они это тоже читали.

Штильхарт хмыкнул.

– Но они не знают, что именно искать – заметил молодой человек – зато это знает Верховский.

Кристина пожевала губу.

– Намекаешь, что они будут его искать? – спросила она.

Флориан пожал плечами.

– На их месте я бы поступил именно так – сообщил Флориан.

– Если он действительно порвал с прошлым – заметила Кристина – смертный приговор организация вынесла ему еще за его прежние дела. Все зависит от того знают ли они, что его прадед служил у Долматова, и Верховский имеет касательство до этой истории. Вполне могут и не знать. Вот кого они точно будут искать, так это юнгу с подводной лодки.

– А откуда они могли узнать? – не понял Флориан.

Кристина насупилась.

– Полагаю Раудан сам и рассказал – предположила девушка – его допрашивали, наверное, перед тем как убить. Он и сказал, что успел узнать.

– Кстати о юнге – сказала Анна – помните, я говорила, что Верховский должен был ехать в Петерштадт...

– Ну и...

– Я вспомнила, что он ещё говорил – продолжила девушка – он говорил, что должен обязательно поговорить с неким старцем Игнатием. Он живет при Михайловском государевом соборе.

Кристина пожевала губу.

– Ну это дела духовные – сказала девушка – хотя, возможно и нет. Может быть этот старец, что-то знает о Николае Извекове. Верховский наверняка тоже слышал о юнге и должен был отправиться на его поиски. Только почему он не сказал об этом?

Флориан многозначительно хмыкнул.

– Тебя не напрягает, что Верховский слишком о многом не сказал? – саркастически поинтересовался он – а мы просто играем по тем правилам, которые он предложил.

Кристина задумчиво накрутила на палец локон и уставилась в темную точку на стене. Наш мир состоит из множества тонких нитей. Мы можем только чуть-чуть прикасаться к ним в процессе познания. Если бы человек мог бы дергать за эти нити, то будущее было бы столь же четко и регламентировано как математика и поэтому перестало бы быть будущим, было бы лишь настоящим. Будущее всегда в движении.

– Может и так – пожалала плечами девушка – но Верховский, возможно, и сам многого не знает, только догадывается. На самом деле никто из нас не знает, что зачем здесь следует. Организация всегда была на шаг впереди нас, но теперь у нас появился шанс их обставить.

Штильхарт изумленно посмотрел на подругу, которая была переполнена азартом. Ответил он не сразу.

– Мне кажется одного ольвийского порта вполне достаточно – неуверенно заметил он – ты так же воодушевленно бросилась туда. И что из этого вышло?

– Вот именно – сказала Кристина – поэтому в Петерштадт полетишь ты один.

– Я!?! – опешил Флориан.

– Ты лицо официальное. К тебе вопросов не возникнет!

– Да хоть трижды официальное – насупился Флориан – каким же образом я сумею из Директории добраться до Веллкоруссии? Телепортируюсь что ли?

Кристина бросила в его сторону уничтожающий взгляд.

– Ну уж примени свое неотразимое очарование на общественное благо – огрызнулась девушка.

– Пожалуй надо запомнить, не обещать делать добрые дела в четверг – вздохнул Флориан.

– Завтра пятница.

Флориан развел руками.

– Тем более.

* * *

Разошлись поздно. Практически до двух часов ночи обсуждали и выстраивали план действий исходя из полученной информации. Ироничное, но меткое замечание Флориана о том, что они похожи на группу революционеров звучало достаточно зловеще, учитывая ту эпоху, которую им пришлось изучать. В результате порешили на том, что Кристина вместе с Анной отправятся в департамент Аристова, чтобы попробовать собрать дополнительную информацию. Кри-

стина весьма интересовалась не сколько проектом, про который вскользь сказал ей Аристов, сколько почему он ей это сказал. Приглашение на подобное мероприятие явно выходило за рамки обычного светского разговора, что же касается Штильхарта, то он первым же доступным транспортом должен был добираться до Петерштадта, последнее представлялось весьма сложным в условиях того, что Директория фактически порвала почти все транспортные артерии с Великой-руссией, а ехать через соседние страны, требовало дополнительного времени, которого, как раз и не было. Кроме того, это бы привлекло ненужное внимание чужих глаз. В результате условились, что Флориан полетит грузовым самолетом с нелегальными трудовыми мигрантами, это по крайней мере позволяло затеряться в толпе. На этом мини совещание закончили и отправились спать, вернее спать отправилась одна Анна, Кристина же деловито сообщив, что хочет ещё раз всё проверить уселась перед камином и стала изучать судовой журнал «Штандарта», Штильхарт терпеливо выждал минут пятнадцать-двадцать и присоединился к девушке. заняв место в кресле рядом с ней.

– Ты за весь вечер и слова не сказал о фотографии – заметила Леонова – что ещё у нас случилось?

– Случилось – тихо вздохнул Флориан, активно роясь в кармане. Внезапно он прекратил это занятие и медленно встав с кресла подошел к каминной полке и схватив фотографию Анны, мирно улыбающейся на фоне моря, вытащил

её из рамки и положил на столик перед Кристиной. Девушка смотрела за его телодвижениями с величайшим вниманием, каким обычно смотрели древние на жрецов.

– Я понимаю, ты пережил сильный шок – сказала Кристина – но не мог бы ты мне пояснить, в чем дело?

– Лучше бы тебе не знать – бросил Флориан достав из кармана небольшой пакет с надписью «Fotoatel'e» – Им пришлось долго объяснять зачем мне это понадобилось, но все же я преуспел, хотя честное слово, лучше бы я этого не делал – Флориан двумя пальцами вытащил из конверта широкий лист, очевидно увеличенный снимок и положил его рядом с фотографией Анны. Кристина пододвинулась ближе, ей было весьма любопытно, что же именно привело Штильхарта в такое неопишное удивление.

А потом она увидела...

Нижняя челюсть девушки упала на грудь и осталась в таком положении. И надо сказать было от чего: с фотографии, которую принес Флориан, на неё смотрела... Анна! По-другому одетая, в платье, начала прошлого века, в более статичной позе, но то, что это, по крайней мере если судить по внешности, была она, этот факт не вызывал никаких сомнений.

– Мать Божья!!! – вырвалось у девушки.

– Как там было у Конан Дойла? – весело поинтересовался Штильхарт – начнешь изучать портреты и уверуешь в переселение душ.

Кристина только могла несколько раз похлопать глазами.

– Штильхарт пожалуйста скажи мне, что я не спятила?

– Пожалуй оставлю тебя размышлять об этом – закурил трубку Флориан.

Девушка закусила губу и бросила испуганный взгляд на фотоснимок, словно бы он мог укусить её.

– А это чья фотография? – дрожащим голосом спросила она, сильно надеясь, что Штильхарт сейчас скажет, что это просто снимок в винтажном стиле.

Молодой человек набрал в легкие побольше воздуха, как обычно делают при сообщении важной информации.

– На этой фотографии изображена Великая княжна Анна Станиславовна – сказал Флориан спокойным ровным голосом, словно бы говорил о погоде – дочь последнего царя Восточной России. Это того, которого с семьей расстреляли.

Кристина не могла понять, что именно её ошарашило больше всего в этой ситуации, но скорее всего всё-таки похожесть девушки с фотографии, на реальную девушку. Господи, что я несу, подумала Леонова.

– Но ведь – начала она – но ведь, но ведь, это не может быть она, правильно?

Штильхарт снисходительно улыбнулся, его видно очень забавляло, что он сумел ввести обычно всегда рационально

мыслящую подругу в стояние легкого шока.

– Я согласен – сказал он – логическому объяснению это не поддается, однако прошу заметить, что не все события, происходящие с нами, поддаются подобному объяснению.

Кристина подарила ему взгляд, преисполненный догматического скептицизма.

– Послушай меня, Флориан – Легонова старалась сейчас говорить, как можно спокойнее одновременно всячески пытаясь выровнять сбитое дыхание – Даже если, каким-то чудом, Анне удалось избежать гибели от рук красных террористов, чему я бы безусловно очень обрадовалась, ей сейчас должно быть больше ста лет!

Штильхарт хмыкнул.

– Ну, я не знаю – сказал он – человеческий организм совершенно не изучен, я же не генетик, чтобы определить наверняка, но по крайней мере, если это так, то становится понятно откуда у неё эти сны, видения, разные особенности её развития и уж конечно понятен интерес Аристова к её персоне.

В словах Флориана была какая-то совершенная точность, которую нельзя было не признавать. Но разумом Кристина понимала, что такого быть не может. Не может, жестко отчеканила, она сама себе, словно бы её «не может», как-то откатит ситуацию.

– Хорошо – сказала она – давай опустим на время все странности и предположим, что всё так. Великий Боже,

неужели я это говорю! Почему тогда она ничего не помнит ни о себе? Ни о событиях с ней произошедших и где она была все эти годы?

Штильхарт пожал плечами.

– Мозг штука хитрая – сказал он – вполне возможно, что в её голове стоит некий блокиратор, может быть это какой-то посттравматический синдром, да масса вариантов.

Кристина не сводила с него скептического взгляда.

– Штильхарт, ты понимаешь, что мы сейчас обсуждаем? – сказала она – мы с тобой говорим о том, что Анна, каким-то образом избежав смерти от рук красных, где-то прожила сто лет, сохранила свою молодость, и никто за все это время не обратил на неё никакого внимания! Ты понимаешь, что это бред? Такого быть не может!

– Это я понимаю! – воскликнул Штильхарт – но что это меняет? Ты фотографию видела? Видела. Я могу зафиксировать лишь только то, что я вижу своими глазами, а я вижу, что это один и тот же человек, ну или очень похожий человек. Но согласишься, что это поразительное сходство.

Кристина смотрела на фотографию молодой девушки, стоящей в парке возле могучих деревьев и вспоминая её трагическую историю, ей хотелось верить в то, что говорит Флориан. В правом нижнем углу снимка имелась дарственная надпись, выполненная аккуратным почерком по-английски:

*Дмитрию Владимировичу Долматову, с
подтверждением моей искренней дружбы и сердечной*

привязанности.

Значит с ней у Долматова был роман с этой княжной, поняла Кристина, впрочем, об этом можно было догадаться уже по его письму. Вот уж действительно, некоторые вещи нужно предоставлять воображению. Реальность от их отсутствия не пострадает.

Медленно раскуривая трубку, Флориан стал рассказывать, что княжна и капитан (неплохое название романа, однако) познакомились за год до Великой войны, Долматов был тогда офицером на «Штандарте», и между ними вспыхнуло достаточно сильное чувство, они обменивались письмами и судя по воспоминаниям современников она даже просила отца дать добро на серьезные отношения с Долматовым, но естественно, поскольку в Великороссии случилась памятная всем неприятность, их отношения развития не получили. Ничего более об их романе известно не было. Зато была полуполюгендарная история о перспективной подводной лодке, под командованием Долматова. Корабле с выдающимися техническими характеристиками, как для того, так для нынешнего времени. Якобы эта лодка, побил рекорд литературного капитана Немо и его Наутилуса, пройдя 20.000 льё под водой не за семь месяцев, а за пять с половиной. Говорили и о некой диверсионной операции царской разведки на тайной базе врага в Гренландии. Тогда диверсионный отряд под покровом ночи проник на склады и похитил, какой-то ценный груз, который необходимо было доставить в Петер-

штадт. Более ничего о судьбе Долматова было неизвестно. Ходили слухи, что он воевал в гражданскую войну и там пропал без вести. Пропал вместе с ним, и золотой медальон, который княжна Анна подарила, как оберег, когда Долматов отправлялся на войну.

– Ты выпытывал информацию у уличного торговца или старателя на пенсии? – ехидно поинтересовалась Кристина – или у портового докера?

– Не поверишь – осклабился Флориан – у всех троих разом. Как видишь, я преуспел. Вот только это не всё, что я узнал.

– Если ты мне сообщишь, что Адольф Гитлер таки добрался до Южной Америки, я готова в это поверить – с притворной серьезностью сообщила Кристина – не обращай внимания если я громко удивлюсь.

Флориан усмехнулся.

– Ты удивишься и очень громко, когда узнаешь, что данная фотография фигурирует в уголовном деле об убийстве.

– Кого? – опешила Кристина.

– Анастасии Урусовой-Верховской – возвестил Флориан – её зарезали в Петерштадте несколько дней назад. А сегодня утром там произошло ещё одно убийство – одного авторитетного человека в мире черных дилеров рынка искусства, известного как «Собиратель». Некая девушка убила его и всю его охрану.

Удивиться Кристина так и не смогла. У неё просто не бы-

ло слов, даже для легкого удивления. Впрочем, такого исхода следовало ожидать. Против Организации опасно идти в одиночку, поэтому Верховский и обратился к ней. Почему же так поздно? Знает ли он об убийстве и жив ли сам? Кристина сокрушенно опустила голову. Она ещё очень многого не понимала в этой истории и слишком положилась на физическое забыв о ментальном. Лао-Цзы говорил, что вами управляет тот, кто вас злит. Противостояние охотницам локально здесь затуманило её разум в глобальном восприятии окружающего мира и притупило её чувства. Она должна дать волнам своего сознания успокоится, только тогда она получит ответы и какими они не были, она должна принять их.

* * *

Странно выглядел в эти времена Борисфен. Всегда веселый и живой, теперь он был мрачен даже днем. Вечерами же он озарялся огромными кострами, вокруг которых маршировали железные колонны солдат, закованных в углепластиковую броню. В каждой руке солдат держал факел, который колыхался в такт общему пламени сжигания пагубных растлевающих веяний во имя традиций.

Адашева это не интересовало. Его вообще не интересовала картинка, а только лишь содержание процессов автором которых он был. Шеф Секуритаты сидел в широком кресле перед экраном с которого на него с неприкрытым стра-

хом смотрели два, по его мнению, совершенно ничтожных человека. Весь фокус был в том, что сами себя они считали вполне существенными людьми, хотя не имели к этому никаких предпосылок, однако же Адашев всячески постарался внушить им иное.

– Процесс выдачи нам прокатного удостоверения завершен, господин генерал – угодливо сообщил Школьников – как вы и предполагали.

Адашев отвесил легкий кивок.

– Я надеюсь на вас, господин Школьников – сказал он – вы не должны меня подвести, а я в свою очередь позабочусь, чтобы в верхах вам не чинили никаких официальных помех, связанных с выходом фильма. Я отправлю к вам своего человека, она поможет вам в поисках медальона.

– Да, господин генерал – пролепетал Школьников, одновременно подумав, что ещё пара таких сеансов связи и всё это будет напоминать уже сектантскую молитву.

Не утруждая себя прощениями, Адашев, прервал передачу. На другом конце этого невидимого технологического мостика, в Петерштадте, экран выключился, однако прошло минуты две прежде Школьников и Штайнман смогли пошевелиться. Весь этот временной отрезок они стояли, как два изваяния, словно бы опасаясь, что их собеседник вылезет из телевизора и накажет за то, что они стали шевелиться.

Наконец два киношника минорно посмотрели друг на друга.

– Ты не сказал ему, что нам не удалось убить Покровскую – неприязненно бросил Штайнман.

– Ему незачем об этом знать пока наш план не будет закончен – махнул рукой Школьников, чисто по-режиссёрски повторив жест Адашева – ему следует знать, только то, что

ему следует.

Штайнман лишь пожал плечами. Он долго и упорно смотрел на Школьникова, потом пробормотал, что-то типа «конечно не зачем» и вышел из кабинета.

* * *

Адашев некоторое время смотрел на пустой экран. То, что Школьников лгал можно было распознать, не обладая какими-то фантастическими способностями. Единственный вопрос, насколько глубока была его ложь и ограничивалась ли она тем, что они упустили Наталью Покровскую? Что же охотница узнает, и если этим ограничивается, то Школьникову будет позволено сохранить свою жалкую жизнь, если нет, то он умрёт. Охотница примет верное решение.

Из-за двери его кабинета раздался шум. Затем дверь распахнулась и в комнату вошли два высоких бойца, которые тащили под руки шуплого человека, одетого в спортивный костюм. Адашев окинул его брезгливым взглядом.

– Итак – язвительно начал генерал – милейший «Голубь», я надеюсь ты меня хотел видеть для чего-то очень важного?

Адашев жестом приказал охране отпустить визитера. Вырвавшись из мощных рук бойцов «Голубь» отряхнул налипшую на одежду пыль.

– Я хочу предложить свои услуги – сказал он – я знаю, что это ваши ребята ищут один медальончик, но только боюсь,

что ты плохо понимаешь кто против тебя играет.

Адашев фыркнул.

– Надо же, как сентиментально – сказал он, театрально рассматривая помятое лицо торговца информацией через лупу – дай-ка я посмотрю на тебя. Могу ли доверять типу с таким лицом, как у тебя?

– Ко мне приходила Ксения Авалова – нетерпеливо сказал «Голубь» – Ты же знаешь, что она очень любит копать и если она докопается, то вся ваша операция может полететь. Заметь, что я не спрашиваю какая операция, достаточно того, что я о ней знаю. Поэтому мне кажется, что тебе нужен внутренний источник. И кто справится с этим лучше меня? Я прав?

«Голубь» нервно рассмеялся.

Адашев отвесил гостю издевательскую улыбку и шелкнул пальцами. Один из стоящих рядом охранников схватил гангстера за горло и поднял в воздух словно тряпичную куклу.

– Нет, друг мой, ты не прав – сказал Адашев – видишь ли, медальон скоро будет у меня, а значит, ты мне собственно говоря и не нужен.

– Подожди, подожди – хрипел «Голубь» – ты не понимаешь. Аристов не рассказывал тебе, что произошло в порту. Он скрыл от тебя, что упустил бортжурнал яхты, а значит, что медальон скоро окажется в руках этой «Арнис», ты же не хочешь этого?

Адашев с интересом смотрел на дергающегося в воздухе

«Голубя».

– Что!?! – воскликнул он – что лопочешь?

«Голубь» прохрипел что-то невнятное, видно дышать ему становилось всё сложнее. Адашев снова щелкнул пальцами, и охранник разжал руку. Гангстер рухнул на землю.

– Раудан мертв – сказал он – привет от «Арнис». Она была в порту и выкрала журнал, который Раудан должен был передать Аристову. Они уже на шаг впереди, а ты ничего не знаешь. «Арнис» обязательно встретиться с Аваловой, если ты сделаешь меня посредником, то я смогу тебе добывать всю информацию.

Адашев отошел к панорамному стеклу и стал смотреть на ночной город.

– Удивительно – сказал он – как много на планете еще мелких паразитов, вроде тебя «Голубь» и от всех надо вычищать землю. Ладно засранец. Я сегодня в хорошем настроении, поэтому считай, что ты отмазался. Ты мне очень помог, но если я ещё раз увижу твою рожу, то распотрошу тебя и продам твои потроха ближайшему мяснику из портового рынка.

Адашев сделал жест охране, и бойцы снова подхватили гангстера за руки и вытащили его из кабинета.

Дотацив «Голубя» до дверей входа в здание, бойцы скинули его вниз по ступеням.

Пролетев несколько метров, «Голубь» обнаружил себя лежащим на мостовой. Он переоценил свои возможности, эти

ребята были не робкого десятка. Пойдя к ним, он сам спалился и теперь нужно было что-то сделать, чтобы его не нашли плавающим в реке в один прекрасный день, и он знал, что он будет делать.

– Хорошо – пробормотал он – хорошо. Ты думаешь, что меня так легко можно выкинуть из дела. Ну я тебе устрою!

«Голубь» пересёк улицу, забежал в проулок и направился к телефонной будке. Мобильным он больше пользоваться не будет. Гангстер поднял телефонную трубку и набрал номер.

– Детка, привет! Как дела? Как погода в Ольвии? Ну, клево! При случае, зайди в дом № 4 в «Спуске» Ты там найдешь очень интересного человека, который много тебе расскажет.

«Голубь» бросил трубку болтаться на весу и сплюнул на асфальт. У меня для тебя есть сюрприз, генерал, подумал он, у меня для вас всех есть сюрприз!

* * *

Вновь наступило утро, точнее та его часть, когда небо походит на размазанные по бумаге чернила, возвещая о новой заре. Ночью зарядил дождь и теперь с веток обильно капало, а утренняя роса заволакивала траву. Где-то хлопнула дверь и заскрипела калитка. Две тени вышли на узкую тропинку, ведущую в лес к железнодорожной станции. Электричка уходила через двадцать минут. Проехав три станции Флориан, должен был сойти на четвертой и пересесть на полулегаль-

ный транспортник, который перевозил мигрантов в Великоруссию для строительства многочисленных инфраструктурных объектов.

О своем открытии Анне договорились не сообщать, во-первых, они сами ничего толком не понимали. Да и потом как бы это выглядело? Здравсьте, мы тут выяснили что вам сто с лишним лет? Нонсенс!

Кристина затянулась свежим воздухом. Обычное, как казалось, в начале задание, превращалось во что-то уж совсем несусветное. Девушка вздохнула. За столь небольшой период произошло столько событий, что в её голове всё смешалось и вместе с этим смешением исчезли остатки любого смысла. Нет, это просто не может быть правдой, осадил себя девушка, каким образом, ну вы мне объясните каким образом это может быть правдой? это противоречит физике, биологии, истории, да всему чему угодно! Но, с другой стороны, только это и имеет какую-то логику. Иначе всё остальное теряло смысл. Организация гоняется за медальоном. Верховский гоняется за медальоном. Его местонахождение известно и тем и другим. Тогда зачем им девушка? Возможно, она знает, что-то без чего медальон бесполезен. Поэтому если учитывать интерес Аристова к этой девушке, то как ни крути, как ни складывай события и слова, но выходило то, что выходило.

– Ну, какие будут мнения? – спросила девушка, пока они шли по дороге.

– Знаешь возможно мы не должны искать здесь мистику – заметил Флориан.

– Что это ты имеешь в виду?

– Аристов мастер всяких эффектов – сказал Флориан – ему может быть прекрасно известна вся история медальона. Он находит девушку, берет фотографию княжны, делает пластическую операцию, подучивает её, сообщает что нужно говорить, ну там, про сны, расстрел, и так далее... и подсовывает её нам.

Кристина недоверчиво посмотрела на него.

– По-моему слегка притянута за уши – заметила девушка.

– Подожди – хлопнул её по плечу Флориан – Анна рассказывает нам о медальоне, Долматове, вакцине, но кое-чего она может и не рассказать, того, что знает Аристов. Тебя не удивляет, что вы очень легко забрали бортовой журнал яхты?

Кристина сделала гримасу удивления.

– Это ты слегка хватил – сказала она – Вот уж про бортовой журнал, она точно могла не рассказывать. Да и зачем она рассказала про Верховского?

Флориан пожал плечами.

– А что они потеряли? – спросил он – Подлинник журнала всё равно у них. У нас только копия. А Верховский, мы даже не знаем жив ли он. Может они и его убили? Согласись, такое возможно.

– Согласна – кивнула Кристина – В принципе это возмож-

но, вот ты это и выясни. Кто она и зачем.

Флориан кивнул.

– Угу – сказал он – если доберусь до Петерштадта, постараюсь связаться с Фабианом, думаю он поможет. Удивительно, никогда не прибывал в столичные города, как мигрант, почему должен начинать теперь?

– Это полезно для здоровья – заметила в ответ девушка – обычное путешествие в этих краях может иметь неприятные последствия.

– Я хочу сказать, что даже её странные способности становятся понятны – продолжал рассуждать Штильхарт – возможно, что это вообще всё придумано.

Кристина вздохнула.

– В этом что-то есть – сказала она – но теперь возникло новое обстоятельство.

– Какое?

– Появились мы – заметила Кристина – и чтобы не оказалось на самом деле, совершенно ясно, что мы кое-кому сильно мешаем.

– Вот-вот – кивнул Флориан – подумай об этом, на досуге и постарайся не доломать мою машину окончательно.

– Верну без единой царапины – улыбнулась в ответ девушка.

Что-то грызло её душу. Что если Флориан прав? Может ли она доверять Анне? Во всяком случае о ней нужно собрать больше информации. Возможно съездить в больницу, где она вышла из комы. Может быть врачи что-то расскажут. Чем-то странным занимается здесь Аристов и возможно тай-

на девушки связанна с какими-то его опытами. Приближаясь ко злу, получаешь ответы. Так тоже в жизни бывает.

* * *

Кирсанов затормозил машину, вызвав небольшой фонтан грязи, вылетевший из глубоких выбоин в некогда целом, а теперь безнадежно разбитом асфальте, хотя если честно Ксения не помнила, чтобы в этом районе асфальт когда-нибудь был целым. Выйдя из машины и распугав пару мусорщиков, которые уже нацелились, на то чтобы разобрать Волгу на составные части, напарники обзревали трехэтажный каменный дом с пробивающимся сквозь трещины мхом.

– У меня плохое предчувствие – заметил Кирсанов – ты уверена, что мы можем доверять информации этого «Голубя»?

Авалова хмыкнула.

– Пока он нас не обманывал – отозвалась она – не думаю, что станет теперь, а потом даже если обманывает, то в любую ловушку надо уметь правильно попасться.

Кирсанов скептически усмехнулся.

– А как это правильно? – спросил он.

– А это так, и приманку забрать и выскочить из неё суметь – заметила девушка.

Молодой человек пожал плечами.

– Ясно – сказал он – но я не понимаю, какой смысл у него

помогать нам?

Ксения задумчиво почесала переносицу.

– Кто знает? – флегматично сказала девушка – у таких людей, всегда есть свои резоны и всегда есть информация, которую они держат на крайний случай. Я полагаю, что возможно на «Голубя» кто-то наехал, может быть узнали, что он рассказал нам про клинику, вот он и решил сдать нам информацию, в расчете на то, что мы избавимся от его преследователей.

Кирсанов сделал брезгливое лицо.

– Получается, что мы действуем в интересах мелкого гангстера – не без отвращения сказал он – ничего себе цель.

Ксения уставилась на него взглядом заботливого наставника.

– Цель наша неизменна – сказала она – распутать эту историю. А для этой цели, нужно иногда поступаться гордостью. Если тебе срочно куда-то нужно доехать ты сядешь в подъехавшую первой телегу или будешь ждать, когда подъедет «BMW»?

Кирсанов хмыкнул.

– Сяду в телегу – сказал он – ехать же надо.

Авалова улыбнулась.

– Вот и нам с тобой надо ехать – сказала она – и потом никто не говорил, что быть полицейским очаровательно.

Ксения подмигнула Снори, который понюхав запахи, тянувшиеся из подъезда, не возжелал идти внутрь, оставшись

сторожить машину, демонстрируя свои когти подозрительным личностям, и вслед за Кирсановым прошла внутрь.

Стены дома были ещё плачевнее фасада. Везде плесень, граффити, мусор, остатки еды и бумажные картинки с обнаженными девушками, которые не оставляли никакого сомнения в назначении этого дома. Впрочем, куда ещё мог их направить «Голубь»? Он самолично следил за всеми своими девочками, потому и знал, кто к ним приходит, сколько платит и что рассказывает.

– В первый раз в таком заведении? – спросила Ксения, уvertящего головой по сторонам молодого человека – впитывай бесценный опыт–

Кирсанов только что-то пробурчал неразборчивое. Он никак не мог привыкнуть ходить по тем местам, по которым водила его Ксения. Это ненадолго. Скоро он поймет, что в таких местах гораздо лучше, чем в чистых палатах высшего общества Директории. Даже не лучше... чище и проще.

Квартира за номером № 26, как сказал им «Голубь», находилась на втором этаже на узкой площадке рядом с ещё одной квартирой. Кирсанов нажал кнопку звонка.

Через некоторое время из-за двери раздался звук шаркающих.

– Кто там? – спросил хриплый голос.

– Шампанское заказывали? – спросил Кирсанов.

Раздалось какое-то бормотание и шуршание замка. Дверь открылась. Ксения влетела в квартиру первой, пригвождая

корпусом к косяку плотного мужчину в шелковом китайском халате.

– Проверь, там – шепнула девушка напарнику.

Кирсанов, вытащив пистолет двинулся вперед, сначала на кухню, а затем в спальню. Раздался женский крик и через секунду оперативник появился, таща за руку завернутую в полотенце девушку с растрепанными волосами.

– Никого – сказал он – за исключением этой мадмуазель – тебе восемнадцать, то есть, девочка? – грозным голосом осведомился Кирсанов.

– Шестнадцать – тихо пролепетала девушка.

Ксения махнула рукой.

– Отпусти её – сказала она и повернулась к удерживаемому мужчине – а с вами, господин Монтвид, мы продолжим. Вы так быстро покинули порт, а между тем у нас к вам очень много вопросов, по поводу смерти вашего боса.

Новоявленный директор затрепыхался.

– Я ничего не знаю – пролепетал он.

Авалова схватила мужчину за ворот халата и затащив в спальню, бросила на кровать.

– Ответ неверный – сказала она – у нас очень много свидетелей, которые говорят, что вы там были.

Монтвид съезжился на широкой кровати, как будто бы хотел раствориться в простынях.

– Вы не понимаете – запричитал он – они меня убьют, если я расскажу что-то вам.

Ксения флегматично кивнула и приставила к виску Монтвида пистолет.

– Совершенно точно убьют – сказала она – а если не расскажите, то убью я и гораздо быстрее. Прямо сейчас. Хотя, есть и другой вариант, вы нам рассказываете, всё что мы хотим знать, и мы оставим вас в покое.

– Может и проблемы решим – бойко добавил Кирсанов. Монтвид нервно рассмеялся.

– Ага как же, решите! – насмешливо передразнил он – вы не представляете с чем вы будете иметь дело. Это силы, которые гораздо могущественнее и сильнее вас!

Ксения лишь фыркнула.

– Давайте по существу – бросила девушка – без пафосного мистицизма.

Монтвид тяжело вздохнул.

– Я знаю не всё – сказал он – около месяца назад, один человек пригласил нас... меня и Викинта Раудана к себе. Ему нужен был один очень любопытный документ – бортовой журнал яхты «Штандарт». Во время гражданской войны он был вывезен сюда в Ольвию одним морским офицером, по фамилии Долматов, вероятно тот хотел забрать его с собой в эмиграцию, но офицера того убили и журнал утерялся.

– Как же он оказался у вас? – спросил Кирсанов.

Монтвид кисло ухмыльнулся.

– А как у нас находят подобные документы? – ехидно поинтересовался он – был закопан под тоннами коробок на складе. Во время войны его обнаружили немцы, уж не знаю право, как. Тоже хотели вывезти за границу, поэтому поместили в ящик, на склад, но помешало наступление Красной армии. И представляете, он так и пролежал там, в немецком ящике.

Ксения усмехнулась.

– То есть вы сразу знали, где искать? – спросила она.

Монтвид кивнул.

– Да-а – нервно протянул он – этот человек был учеником крупного нацистского ученого. Он ему и сообщил эту информацию.

– Это был доктор Аристов? – поинтересовалась Авалова, она, если честь по чести спросила почти наугад и даже сама не понимала радоваться ей теперь или печалиться, когда Монтвид кивнул.

– Да – сказал администратор – он Директор департамента биологического благоустройства. Это он официально так называется, но злые языки говорят, что там проводят эксперименты по изучению влияния вирусов на генетическую структуру человека и последствия этого. И опыты проводят не на крысах и хомяках, а на людях. Женщинах и детях, особенно. Их берут из семей неблагонадёжных граждан и отправляют

к нему, в клинику.

Кирсанов побелел, он явно был шокирован этой информацией.

– И вы просто так об этом говорите? – с совершенно искренним изумлением спросил молодой человек.

Монтвид окинул его взглядом мелкой злобы.

– А надо знать реальность, в которой мы живем, гражданин начальник – сказал он – мне уже все равно. Меня всё равно убьют, после того, что я вам рассказал, вас тоже, когда узнают, что вы знаете. Я вас предупредил.

Ксения задумчиво пожевала губу.

– Мы рискнем – сказала она – зачем же Аристову нужен был этот журнал?

Монтвид пожал плечами.

– Не знаю – сказал он – Раудан... вот он знал. Но он уже поплатился, за свой длинный язык. Правда, один раз, он обмолвился, что Аристову нужен медальон Великой княжны и журнал – это ключ к его нахождению.

– Что за медальон? – спросил Кирсанов.

– А вы об этом Аристова спросите – ослабился Монтвид – когда его человек прейдет за вами? Если, конечно, Она захочет вести вас к нему.

Ксения подозрительно прищурилась.

– Охотница? – спросила девушка – она приходила за журналом к Раудану?

– Нет – фыркнул Монтвид – вернее сначала нет. Какие-то

две девицы. Одну из них Раудан вроде бы знал. Я не видел, что меж ними было, но Раудан им журнал отдал, а потом пришла Она и поговорила с Рауданом по-своему. Раудан попытался Ей что-то объяснить, но вероятно эти объяснения не были восприняты, как достаточные и его убили за неудачу. Эти люди не прощают ошибок, поэтому они найдут этих девиц и убьют. Они и разговорчивых свидетелей наказывают, вроде меня.

Организация, поняла Ксения. В этом во всем как-то была замешана Орга... S.I.G.M.A., поправила себя девушка. Давно пора называть её настоящим названием. Как там было в известном произведении, ну про страх перед именем-то? Вот-вот! Что-то нужно было здесь Организации. В этом, очевидно, как-то были замешены и пропавшие ученые или убитые, если верить «Голубю». Кто их убил? «S.I.G.M.A.»? Получается, что этот Аристов связан с ней. Что же эта организация всегда притягивала к себе всё злое. Ксения улыбнулась про себя. Она начала рассуждать, как Кристина.

– Верховский? – спросила Ксения – какой у него интерес в этом деле?

Монтвид представлял собой сейчас жалкое зрелище, больше похожее на растекшуюся котлету. Он дрожал, как будто его трясли за руки и ноги.

– Не знаю-ю! – зашипел администратор – вроде бы его прадед был помощником капитана Долматова, так звали офицера, что привез сюда журнал. Он, прадед этот спрятал

тот медальон, и теперь, его ищет Аристов.

– Но зачем ему медальон? – напирала Ксения.

– Не знаю! – повторил в который раз Монтвид – правда! Раудан только говорил, что этот медальон принадлежал дочери последнего царя Великоруссии, она подарила его Долматову, перед Великой войной. Больше ничего не знаю, клянусь!

Ксения убрала пистолет от головы Монтвида.

– Аристов – сказала она – как мне встретиться с ним?

Монтвид продолжал трястись.

– Я напишу его адрес – пролепетал он – можно ручку, там на столике, рядом с лампой.

Ксения протянула администратору ручку. Внезапно Монтвид выхватил пишущий прибор и с силой воткнул его себе в шею. Секунды не прошло, как глаза Монтвида вылезли из орбит, он стал царапать себе горло и вскоре затих. Ксения молнией бросилась к нему. Пульса уже не было. Кирсанов поборол всю свою первую ошарашенность и выхватил смертоносную ручку из плотно сжатых пальцев покойника.

– Цианид – доложил он, понюхав прибор – он мог ведь и тебя...

Ксения покачала головой.

– Вряд ли – пробормотала девушка – он больше боялся своих хозяев. Понимал, что рано или поздно, они найдут его и исправят ошибку. Посчитал, что лучше отравится, чем чувствовать, как тебе отрезают голову.

Кирсанов потупился.

– Они это люди Аристова? – спросил он.

Ксения мрачно усмехнулась.

– Они это те, кому Аристов служит – сказала она – Пойдем отсюда. Здесь нам более нечего делать.

* * *

Уходили быстро. Девчонка, что ублажала Монтвида уже наверняка побежала жаловаться «крыше», что на её адресе происходит, а разбираться с местным большим папой Ксения не имела никакого желания, а по большей части времени.

Когда они вышли из подъезда, Снори встретил их весьма пессимистическим протяжным мяуканьем, которое он всегда затягивал, когда у него было плохое настроение. Ксения потрепала его по загривку.

– Ты, как всегда, прав – сказала она – нужно убираться отсюда и быстро.

– Бежим с места преступления, как... как убийцы – буркнул Кирсанов – не хочу так.

Ксения вздохнула. Вот уж новость.

– Не самый приятный поступок – кивнула девушка – но в этом районе обычно так и поступают, а официальных полномочий, чтобы ждать полицию у нас нет.

Кирсанов бросил в её сторону холодный взгляд.

– У меня между прочим есть – гордо сказал он – и вообще я не понимаю. Что мы узнали у этого Монтвида? По-моему, ничего, только запугали человека и довели до края. Я не думал, что вы так работаете.

Авалова пожала плечами. Идеалистические упреки, вот оно что. Какой же он в конечном счете ещё ребенок. Каждый человек вправе сомневаться в своем предназначении и время от времени отступать от него. Единственное, чего нельзя делать, – это забывать о нём.

– Запомни – сказала она – человек всегда выбирает сам. Всё выбирает сам и придел своего падения тоже. Этот Монтвид и его шеф Раудан... их обуяла алчность, невежество и корысть, а главное страх перед невероятной ответственностью за это. Вот этот страх – это самое опасное в человеке. Страх уничтожает в тебе любое благородство, те качества, которые позволяли тебе любить, спасать, мыслить. Ибо страх этот не за кого-то, кто тебе дорог, а только за себя. За нарушение твоего привычного комфортного состояния. Что же до того, что мы узнали... кое-что узнали. То, что ищет Аристов и ищет Организация.

Кирсанов громко фыркнул.

– Да что это за Организация о которой ты всё время говоришь? – воскликнул он.

Ксения повернула голову назад.

– Как думаешь, скажем ему? – поинтересовалась она у свернувшегося клубочком на заднем сидении Снори. Кот

ничего не ответил, только красноречиво прищурился.

– S. I. G. M. A. – объявила Ксения, набрав в легкие побольше воздуха. Снори вскочил на все четыре лапы и громко зашипел. Кирсанов ошалело посмотрел на девушку.

– Не может быть! – воскликнул он – её не существует!

Его удивление было настолько реальным, что более реально было нельзя изобразить. Наверное, если бы она сейчас сказала, что он поедет учиться в Хогвартс, он бы поверил ей скорее. Когда ты веришь и знаешь, то для тебя это значит безумно много, но когда знаешь и не веришь, вот это настоящая трагедия человека.

– Вот уж – усмехнулась девушка – разве? По-моему, уж тебе, после того, что ты видел право странно говорить, что чего-то не существует и вообще существует в этом мире всё, пока мы не доказали обратное.

Кирсанов явно был сбит с толку и молчал.

– Как только я увидела, как был убит Грошик – продолжала Ксения – я уже тогда стала догадываться с чем мы имеем дело. Этих людей нельзя не узнать, друг мой. Они слишком заметны, но только для тех, кто о них знает. Другие же слишком боятся изменения в своей системе жизненных представлений, чтобы признать их существование.

– Почему? – спросил Кирсанов.

– На этот вопрос каждый должен ответить сам – сказала Ксения – но в общем смысле представление о примитивном комфорте. Человек не будет размышлять о принципах

своей жизни, если система будет давать ему то, что он привык получать. Не то что он хочет получать, а то что привык. Ежедневно, мы встаем с постели, идем на работу, ходим на обеденный перерыв с часу до двух, вечером смотрим толкшоу, сериалы и футбол и все это изо дня в день. И очень немногие из нас осуществляя эту рутину могут задуматься над мотивами своих поступков. Большинство просто повторяет за другими, не замечая, что им, как и остальным показывают только картинку реальности. Нет, нас не завоевали машины, как в «Матрице». Всё гораздо проще и страшнее. Люди сами себя выкинули в пустоту – пространство с необозначенными законами развития, в котором они теперь являются исключительно объектами, но не субъектами. Они не могут принимать собственные решения, иметь собственные мнения, которые были бы отличны от генеральной линии системы. А система создает тысячи этих линий для разных людей. Для великоруссов одно, для американцев другое, для японцев третье. Я сама в это не верила, а потом увидела собственными глазами, когда республика – демократическое общество, которому я служила, превратилось в тираническую Директорию, потому что система нашла новую линию для наших сограждан и только наблюдая за этой чудовищной трансформацией понимаешь, что истинная цель системы – это социальный контроль.

Кирсанов криво улыбнулся.

– Я ведь тоже часть системы – сказал он – по твоей логике

я должен тебя уничтожить.

Ксения засмеялась.

– Нет – сказала она – ты не для того нашел меня. Ты мне сам это сказал. Ты что-то понял, начал понимать. Ты сам не можешь ещё объяснить это. Ты хочешь знать, что такое S.I.G.M.A.? Это центр системы, её ядро. Страх питаемый перед этой организацией, заставляет людей подчиняться системе. Она везде. Вездесущая, всезнающая и смертоносная, но если по ней нанести удар, то падет и пустота. А для этого мы должны узнать правду и делать так, чтобы она торжествовала как можно чаще.

Кирсанов потупился.

– Но ведь правда это закон – сказал он – как можно бороться за закон, если ты бросаешь вызов этому закону, то есть государству?

Молодой человек совсем сник. Ксения бросила снисходительную улыбку.

– Бороться за закон это одно – сказала она – каким образом совсем другое. Этому я и стараюсь тебя научить, мой юный друг.

Кирсанов вновь просиял.

– Тогда мне нужно, как можно скорее этому научиться! – сказал он.

Авалова иронично посмотрела на напарника. Он явно был доволен собой.

– Я скажу тебе так – сказала Ксения – мы сейчас в од-

ном шаге от того, чтобы вступить в противоборство с силой, возможности, которой далеко не ограничиваются убийствами портовых начальников. Если бы мне удалось остановить эту организацию, я бы считала дело всей своей жизни сделанным. Но я понимаю, что, вступив в противоборство с этими людьми я подвергаю себя смертельной опасности – она улыбнулась – поэтому у тебя ещё есть шанс высадить меня на ближайшем перекрестке.

Кирсанов подарил девушке взгляд полный благородного негодования, Авалова только усмехнулась.

– Я не хотела тебя обидеть – сказала девушка.

* * *

Флориан пришел к окончательному и бесповоротному решению: путешествовать таким образом он не привык, привыкать не собирался и вообще не понимал, как кто-то может считать здешние условия приемлемыми для путешествий. Это был даже не третий класс, собственно говоря, на стареньком АН2, на котором Флориан летел из Ольвии в Петерштадт существовал один единственный класс – худший. Та часть самолета, которая гордо именовалась пассажирским салоном, изначально считалась грузовым отсеком и более подходила для перевозки чего-то неодушевлённого, потому, как даже животных Штильхарт пожалел бы перевозить в подобных условиях, не говоря уже о людях. Освещения ника-

кого, запах ужасный, причем не понятно было, что именно так пахнет: сам самолет или его пассажиры: орда гастарбайтеров со всех регионов страны. Флориан привык видеть подобные картинки в разных районах Африки или Ближнего Востока, но он никак не мог понять, как европейская страна с прекрасными условиями проживания, шикарным климатом и в общем то неглупым населением дошла до того, что это самое население удачливые дельцы перевозят, как плохой скот на дешевый рынок.

Чтобы как-то отвлечься, Штильхарт стал думать о деле. Судя по всему, они с Кристиной опять вляпались в какую-то серьезную историю, в которой вакцина от вируса лишь только один из сюжетов. Впрочем, когда с Кристиной было по-другому?

Флориан достал спрятанную в кармане фотографию Анны Щербатовой и стал внимательно её рассматривать. Какое она всё же имеет отношение ко всему этому? Неужели правда, что она каким-то образом смогла не только уцелеть после расстрела, но и провести в коме сто с лишним лет или это всего лишь циничное мошенничество? Упрямая логика, которая определяла все действия его жизни, по крайней мере он старался, чтобы так было, твердила, что правильным является второй вариант, но, что было странным, так это то, что ему, как и Кристине, очень хотелось верить этой девушке. Он помнил её глаза, когда впервые увидел её – это были глаза напуганного ребенка, они смотрели взглядом совер-

шенно не похожим на взгляд прожжённой аферистки. Но если правдив первый вариант, то каков тогда интерес Аристова к ней? Неужели только медальон? Ерунда, отыскать его они и без неё могут. Нет, на кого угодно, но на идиотов эти ребята точно не подходят.

Ладно, сейчас нужно абстрагироваться от посторонних мыслей. Сейчас у него две конкретные цели: получить медальон и информацию о Анне, и он эти цели будет выполнять.

Флориан поймал на себе взгляд своего соседа: пожилого мужчины лет шестидесяти, одетого в старую телогрейку, которая хорошо защищала от пронизывающих ветров, проникающих сквозь наспех заделанные дыры в обшивке самолета.

– Вы не местный, молодой человек – четко и веско сказал мужчина.

Штильхарт всегда умилялся этой местной черте: знакомится запросто.

– С чего вы так решили? – поинтересовался он.

– Вы слишком свободно держитесь – ответил мужчина – не по-нашему – он достал бутылку коньяка – не желаете?

Штильхарт не привык пить с первым встречным, но поскольку делать всё равно больше делать ему было нечего согласно кивнул.

– Вы угадали – сказал он – я швейцарец, служу дипломатом в.

Гомелуме.

Мужчина пождал губы.

– А значит вы и есть один из тех, кто всё это начал? – протянул он.

Штильхарт посмотрел на него заинтересованным взглядом.

– Что вы имеете в виду под словом «это»?

– Ну как – фыркнул мужчина – Директория, будь она неладна, вы же нас в неё заманили, а из-за неё эта чертова война началась?

– Вы с севера? – поинтересовался Штильхарт.

– Из Подкарпатья – сказал Мужчина – судя по вашему вопросу вы считаете, что только сепаратисты могут так говорить?

– Во всяком случае именно об этом все время говорят по вашему телевидению – нашелся Штильхарт.

– Телевидение!?! – воскликнул мужчина – жалкая кучка дешевых оригиналов интеллигентского вида. Они будут говорить то за что им платят олигархи. Сейчас они говорят, как хорошо в стране, какая замечательная власть, а когда эта власть уйдет, они начнут смешивать её с грязью, как смешивают предыдущую.

– Ну хорошо, а правительство? – спросил Штильхарт.

Мужчина махнул рукой.

– Хотите сала? – вместо ответа спросил он – у меня есть с собой несколько кусочков. Я не думаю, что оно так же хорошо, как ваше швейцарское, но под коньяк сойдет.

Штильхарт улыбнувшись кивнул и взял предложенный шматок.

– Правительство – сборище неврастеников – сказал мужчина, жуя сало – неврастеников и дилетантов, которые считают, что только они знают, как управлять страной, как любить эту страну, а есть и похуже, это те, которые повыше. Они хотят за время своих каденций успеть набить карманы потолще, да чемоданы побольше и уехать из этой страны куда-нибудь к вам на бережок Женевского озера. И что самое главное и у тех, и у других выпадает один пункт – население. Им не нужен умный народ. Никому из них. Первым нужны рабы, которые будут кричать патриотические лозунги и их телами будут заполнять окопы очередной ненужной войны, а вторым население вообще не нужно, оно им просто мешает.

– Вы говорите страшные вещи – хитро заметил Флориан.

Мужчина снова фыркнул.

– Для кого? – спросил он – для власти? Ей на это плевать. ей плевать на то, что о ней думают.

– Для государственности – уточнил Штильхарт – для государствообразующего мифа. Если говорить в таком ключе, то любое государство распадётся.

– Обязательно распадется – сказал мужчина – они уже распадаются. Только это происходит очень медленно и тягостно. Государство не может строиться на идее абсолютно-го контроля над гражданами, прикрываясь вшивым патриотизмом, впрочем, и на вашей либеральной вседозволенности

тоже. Такие государства всегда падают. Одни раньше, другие позже. Посмотрите, что происходит с этим вирусом. Разве государства предлагают нам рецепт от него? Нет, они только панику разводят, желая сковать нас единой цепью, но и без него мы не выживем. Для этого наши предки его и создали. Смешно правда. Мы его создали, и оно же нами и манипулирует. Государство забыло свою божественную природу и ответственность за нас перед высшими силами. Государство, забывшее о Боге не жизнеспособно.

Флориан нахмурился.

– А как же те ребята, которые сейчас воюют у вас с сепаратистами. Они умирают за государство, спасая его от хаоса.

Мужчина раздраженно стукнул по обшивке самолета, от чего «кукурузник» даже слегка трянуло.

– Вот именно! – воскликнул он насмешливо – умирают. Умирают лучшие. Цвет нации, который всегда умирает в войнах. А кого они спасают? Таких же как они? Нет, они спасают авантюристов, которые счастливы, что их употребили в роли патриотов, употребила Организация. И нечего на меня так смотреть. Вы знаете, какая организация! Она везде и повсюду. А те, которые воюют, вы поймите, их туда специально отправили, чтобы они свой народ возненавидели, чтобы ими было потом легче управлять, а самых буйных сепары постреляют.

Штильхарт мрачно усмехнулся.

– И не я один так говорю, сейчас так говорит вся страна

– продолжал мужчина – ну или думает по крайней мере. Говорить у нас об этом нельзя, потому что к тебе сразу придут девицы, которые ко всем приходят, кто говорит много. Поймите, что не может быть страны, где девяносто девять и девять десятых процента населения мечтает из неё сдернуть, а сдернуть они мечтают потому что они хотят спокойно жить и иметь возможность сказать, что президент этой самой страны вместе со всей своей шайкой – одна большая куча дерьма – мужчина хлопнул рюмку коньяка – а всё это случается потому что у нас везде в бывшей нашей большой стране управляют кухарки! Да! Троечники и кухарки! Нет элиты, которая могла бы направлять политику государства в русло, которое нужно этому государству, которая бы давала идею для народа. Тогда и чиновники бы присмирели. Граждане вон кричат: сажайте чиновников, давно пора, так и надо, но те, кто это говорят, большинство из них, сами первые дадут взятку, так как они уже привыкли так жить, потому что они считают: так комфортнее! Никому, никому в этом мире не хочется иметь собственную ответственность. Все хотят спихнуть её на государство, на армию, на тайную полицию, на кого угодно, кроме себя. Им много рассказали об этом не того.

Мужчина снова хлопнул рюмку.

– В этом кстати вы тоже виноваты – заявил он – вообще с вас всё началось!

– Что именно? – иронично спросил Штильхарт.

– Власть троечников и кухарок – пояснил мужчина – вы

же нам социалистов этих на шею посадили – он погрозил пальцем – от вас они приехали, от вас!

– Многие ими зачитываются и сейчас – возразил Флориан.

– От того, что больше читать нечего – сказал мужчина – другие пишут слишком сложно, но поверьте мне молодой человек, если просто написано это ещё не значит, что это правильно. Нет, кухарка государством управлять не может, потому что для того, чтобы управлять государством нужны мозги, а если начинают управлять кухарки, то это приводит только к одному: к тотальной власти троечников, которые начинают разъедать страну как плесень, и если это происходит, то люди только и мечтают, что о диктаторе, чтобы появился кто-то, кто испепелит всю эту клоаку. Только тогда народ успокаивается и начинает работать и поверьте это одинаково что в Великоруссии, что здесь, что даже в вашей Швейцарии.

Флориан пожал плечами.

– Говорят, что хороший правитель угадывает желания народа – мягко сказал молодой человек.

Мужчина махнул рукой.

– Есть две разные вещи – произнес он – желания и желаемое. Исполнения желания вы ждете от кого-то и его не трудно угадать. В конце концов человеку очень мало надо, если его поместить в определенную реальность и внушить её, как идеал. Желания – это всегда что-то конкретное, а вот желаемое это о чем мы мечтаем, но оно никогда не сбудется. Не

научились ещё превращать желаемое в действительное. Вот поэтому мы ещё живем, ибо никто ещё не может проникнуть в наше «желаемое», оно ещё остается в наших мозгах. Только когда научатся скрещивать желания и желаемое, вот тогда наступит абсолютный контроль и всеобщий страх. Страх, что наши самые потаенные желания начнут сбываться, но не так как хотим мы, а так как хочет кто-то другой. Вот в чем ужас будущего века. Века контроля.

Флориан смотрел на мужчину и понимал, что для него сейчас это была та немногая возможность высказаться, которую он потерял и теперь ловит её, как глоток воздуха, но самое поразительное было то, что ранее он наверняка сетовал на то, что кругом вседозволенность и мыслительный разброд. Удивительно, как человеку, созданному изначально существом свободным, хочется запереть себя в цепи, действительно отказавшись от ответственности перед высшими силами, передав её кому-то сильному и единому, признавая свою слабость, но не перед Богом, а перед таким же человеком. Тирания – это не произвол, тирания – это защита, защита от себя самого. Свобода же – ответственность за принимаемые решения, выносимые суждения и за ошибки не только свои, но и окружающих, а главное способность к прощению и милосердию. Мир устроен совсем не так, каким его воображает человек.

Самолет ещё раз трянуло, и он резко пошёл на снижение. Через несколько минут опустился на посадочную по-

лосу, подпрыгивая и подрагивая. Пассажиры стали гуськом сходить вниз по трапу.

– Желания и желаемое – сказал мужчина, когда за секунду до выхода они успели обменяться недвусмысленным взглядом – запомните это, молодой человек.

Флориан кивнул. Он запомнит. Обязательно.

* * *

Отреставрированное здание 11-й городской больницы так выделялось чистотой и свежестью на фоне захолустной улицы, что это ощущалось почти физически. Кристина где-то вычитала, что в старые времена – это заведение считалось одним из лучших медицинских учреждений в городе. Это здесь, по словам Анны, она пришла в себя после комы. Если это и правда было так, то должны остаться документы, если же нет...

Левонина устало вздохнула и бросила осторожный короткий взгляд на сидевшую рядом девушку. Если бы кто-нибудь рассказал ей подобную историю ещё несколько дней назад, Кристина бы покутила у виска. Это было слишком даже для её недюжинного воображения и тем не менее она сама видела поразительное сходство Анны с девушкой на фотографии столетней давности. Как любила повторять Ксения, если мы не знаем, что это не так, значит допускай что угодно. На самом деле, ничего фантастического в мире никогда не бы-

вает. У всего есть объяснение и логика. Так этот мир устроен, на структурированной цепи математическо-эпистемологических подходов и практик. Просто есть вещи, которые мы знаем, а есть вещи, которые нам только предстоит узнать, когда придёт наше время. Объяснение есть всегда. Его надо всего лишь отыскать, в той паутине странностей, которую создал Аристов. Если понять зачем, можно понять любое как.

Больше Аристова её интересовал Верховский. Он не просто так познакомился с Анной. Фотография изначально была у него. Значит он уже тогда знал, кто эта девушка, ну то есть на кого похожа, поэтому и привлек к своему делу. Это вполне в его духе. Что-то очень важное должно быть в этой девушке, что-то что есть только в ней. И это нужно и Верховскому, и Аристову. Они словно бы соревновались друг с другом за какой-то приз, а Кристина с её неумемной энергией оказалась посередине их состязания. Говорят, что если отринуть все оставшиеся факты, то останется одна единственная правда.

Девушка посчитала для себя за должное перестать угадывать ответы на интересующие её вопросы. Все равно их было столь много, что они просто не умещались в её голове. Как говорил Чеширский кот, когда дорога представляет собой загадку попробуй шагать наобум. Оное она и посчитала самым разумным, поскольку тот, кто всё это затеял, хочет, чтобы она ломала себе голову, разгадывая его ходы и комбинации. Она не даст ему такого удовольствия. В конце концов

успеху содействуют не бесконечные размышления, а опыт и разумная осторожность. Ну и конечно некоторая доля безумия. Вот уж чего у неё навалом.

– Вы помните это здание? – спросила девушка, продолжая заниматься созерцанием постройки.

Анна вздрогнула, как будто была в забытьи. Было похоже, что всё это время, пока они стояли здесь, она тоже рассматривала здание. Глядя на неё, невольно напрашивалось изречение Фрейда, ну, что-то в том духе, что подавленные эмоции не умирают, а их просто заставили замолчать. В данном конкретном случае Кристина не рискнула бы спорить с психоаналитиком.

– Нет – сказала Анна – не помню. Хотя понимаю, что это должно быть ужасно глупо, ведь я сама сказала, что пришла в себя здесь и привезла вас сюда, но здания я не помню.

Кристина кивнула.

– В этом нет ничего странного – сказала она – возможно вы были просто в шоке, но поймите, чтобы понять, что с вами приключилось, нужно восстановить все события с того момента, как вы пришли в себя, понимаете?

Анна кисло улыбнулась, вероятно для неё это было слабым утешением. Для Кристины честно говоря тоже, она по-прежнему не могла сказать девушке о своих мыслях. Просто потому, что не знала какой будет реакция.

– Говорят, что если дойти до конца, то человек будет смеяться над всеми препятствиями, которые ему казались

непреодолимыми – заметила Анна.

Кристина криво усмехнулась.

– Я слышала об этом – сказала она – важно только все время идти вперед. Вот и давайте узнаем так ли это. Только узнавая о прошлом можно понимать настоящее! А это местечко – Кристина обвела здание больницы воображаемой окружностью – будет прекрасной отправной точкой. Мне так кажется.

Перед самым входом девушка подарила Анне ободряющую улыбку, хотя сильно чувствовала, что подобная улыбка нужна и ей самой, поскольку она понятия не имела, что они найдут в этой больнице и риск, что эта информация ей не понравится был очень велик, хотя Кристина уже и не знала, какая информация, после всей той, что на неё свалилась, ей может понравится. Как там было в известном фильме, иногда такую глупость услышишь, а оказывается – теория. Вот и с ней что-то примерно этого сорта. Девушка поправила зафиксированную под кремовым жакетом рукоять меча и дернула за ручку щитовой двери из старых времен.

Внутренняя обстановка больницы потрясла гораздо менее, чем фасад, поскольку больше соответствовала полуразрушенной улице. Судя по всему, как это обычно бывало, реставрировали только внешний облик, внутренний же оставили прежним, хотя Кристина, искренне удивлялась даже внешнему ремонту. Сейчас их окружали глухие бетонные стены, выкрашенные в тревожный желтый цвет, потрескав-

шийся от времени потолок, кое-где покрытый черной плесенью из-за плохой вентиляции и разбросанное по дороге разное медицинское оборудование, таким гостям предстал коридор больницы. Интересно, она когда-нибудь перестанет глазеть по сторонам?

Удивительно, что каждая возможно здесь получит свои ответы, причем самые неожиданные.

В коридоре не было ничего примечательного. Это радовало. Приключения сейчас были не к чему. Она намеривалась всё проделать быстро и аккуратно.

Ага! Когда это у тебя получалось, подруга, насмешливо зазвучал внутренний голос. В другой ситуации она бы естественно стала бы доказывать этому голосу, что это совсем не так, но сейчас она просто засунула его поглубже в чертоги своего сознания.

Пройдя весь коридор вдоль, стараясь не запачкаться, девушки уперлись узкую комнату, половину которой занимала уходящая наверх погнившая деревянная лестница, а другую половину регистратура, у стойки которой с откровенно скучающим видом сидела женщина лет пятидесяти в толстой розовой кофте с люрексом, поверх которой был надет засаленный белый халат. Женщина перелистывала какой-то глянцевоый журнал и томно вздыхала, глядя на фото какого-то поп-исполнителя.

Кристина флегматично постучала костяшками пальцев в стекло, медсестра вздрогнула и с глупым видом уставилась

на девушку.

– Вам чего? – спросила она с сильным латгальским акцентом.

– Я хочу узнать информацию о пациентке, которая лежала здесь два года назад.

– А вы собственно кто? – поинтересовалась женщина – почему вы, не представляясь, полагаете, что здесь будут раскрывать вам информацию?

Не представляться действительно не вежливо, подумала Кристина и продемонстрировала медсестре прикарманенный жетон секуритаты. Эта блестяшка в Директории имела такой вес, что, если её показывали, вопросов, как правило более не следовало.

Женщина бросила на Кристину испуганный взгляд.

– А ну если вы из этих – пролепетала она – только я ничего такого не знаю, я же не врач, а простая медсестра, а если бы я и была врачом, то вам бы ни за что ничего не сказала. Клятва Гиппократата.

Кристина придирчиво сморщилась.

– Мне кажется, что клятва Гиппократата здесь не причем – обволакивающе заметила девушка – вы, любезная, кажется, не поняли откуда я.

Обычно Кристина не любила надавливать на людей, но иногда жизнь заставляет менять свои привычки. Впрочем, она сильно и не надавливала. В этой стране доказательство принадлежности к Секуритате заставляло людей вжиматься

в стены и рассказывать даже самые давно позабытые вещи. В этом и была сущность Директории – всеобщий страх. Когда он становился сильнейшим из побуждений и облеплял тебя словно вторая кожа, то глушились все чувства, кроме животного выживания. Тебе не нужно было больше любить, заботиться, дружить, страдать. Твоей единственной задачей здесь было выживание, ради которого ты переламывал свой ценностный хребет. У простых людей это выражалась явственнее и даже можно сказать честнее. У аристократии облекалось в лицемерную конкуренцию между корпорациями, семьями и кланами.

Женщина испуганно съежилась.

– Хорошо – сказала она – задавайте свои вопросы.

Кристина торжественно улыбнулась.

– Вот это другое дело – сказала она – всегда бы так. Итак, меня интересует личное дело Анны Щербатовой. Она пролежала у вас в больнице в глубокой коме около семнадцати лет. Мне нужно всё, что у вас есть по этому вопросу.

Женщина удивленно уставилась на Кристину.

– А у нас ничего нет по этому вопросу – сказала она – у нас никогда не было подобного случая.

Стоящие перед ней девушки переглянулись. Кристина, словно бы услышала, как сердце Анны рухнуло куда-то вниз с гулким стуком. Дело принимало совсем уж интересный оборот.

– Вы уверены? – спросила Леонова.

Женщина энергично закивала.

– Абсолютно. Я больше тридцати лет здесь работаю – произнесла медсестра не без гордости – если бы у нас был подобный случай, я бы обязательно знала о нём.

– И вы даже газеты не читали? – спросила Анна.

– Читала – сказала она – про девушку читала. Но эта девушка не имеет к нам никакого отношения.

Чрезвычайно интересно, подумала Кристина. Выходит, Анна врет о том, что была в этой больнице? Получается, что так, однако зачем ей говорить то, что элементарно можно проверить... Стоп, сказала девушка себе, опять ты делаешь поспешные выводы. Успокойся, выясни ситуацию...

– А скажите, могу ли я посмотреть учетный журнал за – год? – спросила Кристина – если он у вас конечно такой имеется.

Женщина кивнула и неохотно встав с кресла и направилась в подсобное помещение. Когда она открывала дверь, то девушек обдало затхлым запахом.

– И, если можно ещё журнал двухлетней давности – крикнула вдогонку Кристина.

Минуты через три-четыре женщина вернулась с двумя толстыми регистрационными книгами подмышкой.

– Натe смотрите – бросила она – что найдете всё ваше.

Кристина, чтобы ускорить время передала Анны журнал двухлетний давности, а сама стала изучать журнал – года. Это был обычный регистрационный документ с именами и

фамилиями пациентов и их заболеваниями, но сколько бы Кристина ни перелистывала страницы, она не могла найти запись о поступлении в больницу Анны Щербатовой после аварии. Если не предположить подлога, то медсестра была права, и Анна действительно к ним не поступала.

Неожиданно спутница похлопала её по плечу. Левонова повернула голову и увидела, что её Анна показывает пальцем на строчку записи: «Анна Щербатова: тяжёлая черепно-мозговая травма, выписана 26. 05 —».

– Странно – сказала Кристина – информация о выписке есть, а о поступлении нет, как такое возможно?

Медсестра пожала плечами.

– Нет – сказала она – этого не может быть, девушка. У нас сначала записывают, потом осмотр, потом уже лечение. Всё строго.

Кристина хмыкнула.

– Я уж вижу – иронично заметила девушка – просто может быть здесь какая-то ошибка. Или что у вас была пациентка, которая выписалась, а вы про неё ничего не знаете?

Медсестра пожала плечами.

– Ну выходит, что так.

Кристина закусила губу.

– А скажите-ка мне еще одно, кто такой доктор Строкань? – спросила девушка, проведя пальцем по странице – вот видите, его подпись стоит возле записи о выписке.

Медсестра испуганно посмотрела на девушку.

– Наш главврач – испуганно прошептала она.

– Однако – заметила Кристина – а скажите ведь главврач делает обход больных и осматривает их, я права?

– Да – еще более испуганным голосом пролепетала женщина – только Игорь Игоревич он ничего плохого никому не сделал. Он авторитет, профессор, у него несколько диссертаций и...

Кристина жестом остановила её. Всем своим видом показывая, что офицеру Секуритаты нет дела до стенаний медсестры и регалий доктора, ведь для неё они были отребьем.

– Не беспокойтесь – веско сказала она – мы разберемся. Где нам его найти?

– Третий этаж – прошептала женщина – 309 кабинет.

Врать ей не было смысла. Любая ложь властным структурам каралась так называемым изгнанием – лишением гражданства, то есть всех прав.

Прощальными благодарственными словами медсестру Кристина не удостоила, только коротко кивнула и махнула Анне следовать за ней. Играть надо было до конца, а иерархия в Директории была всем.

* * *

Девушки поднялись на третий этаж по широкой металлической лестнице. Некогда, вероятно богато отделанная, сейчас она представляла собой жалкое зрелище с облупленным

металлом, полинялыми коврами на ступеньках и обветшалыми стенами. Кристина мимоходом порадовалась, что с ними нет Штильхарта, тот, с его вечными шуточками, увидев лестницу обязательно бы заметил, что она чуть старше Анны.

Левонина на секунду решила выйти из образа.

– Ненавижу их – тихо пробормотала она себе под нос, стискивая в руках жетон – так противно, право, изображать из себя прихвостней Директории.

Анна, шагавшая рядом, боязно оглянулась, но в коридоре никого не было. Эта больница вообще походила на дом с приведениями.

– Откуда у вас эта штуковина? – спросила девушка. Под словом «эта» скорее всего имелся жетон.

– Я их обворовываю, когда они мне надоедают – буркнула Кристина – не поверите, у меня уже целая коллекция. Иногда даже самые противные вещи на свете приносят пользу.

Скорее, мы заставляем себя так думать, сказала себе девушка, пытаемся найти оправдания плохим и отвратительным поступкам. Нашему выбору. Каждый в этой жизни подходит к той развилке, когда наше решение определит в дальнейшем не только наше будущее, но и будущее тех, кто нам дорог. Главное, в этом выборе, держать себя в руках и быть тонкой, холодной и точной, словно лезвие меча. Не сдаваться и быть собой. Кристина хорошо это понимала, теперь, но она так же и знала, что даже у самого правильного выбора

будет горький привкус. Впрочем, когда предстоит выбирать, должно руководствоваться разумом и возможной переменной мнения, которая, однако должна быть возможна только в сочетании со справедливостью и общим благом для окружающих, но только не для того, чтобы обрести быстрый путь к силе и славе.

Девушки подошли к двери нужного кабинета. Стучать Кристина не стала и моментально распахнула дверь. Это была ещё одна установка в Директории: тайна есть ложь, приватность есть измена. Однако я не плохо вживаюсь в роль, усмехнулась девушка, может на подработку к ним попроситься?

Кабинет был тоже достаточно стандартен и без изысков. Однотонные стены, шкаф с папками и книгами и стол за которым сидел крупный седой мужчина в форменном белом халате, поверх толстого свитера.

– Вам чего? – гневно начал интересоваться он, но вдруг его взгляд упал на лицо Анны и само его лицо сильно побледнело.

– Ну я думаю вам всё понятно? – сказала Кристина – поэтому, давайте без лишних церемоний, не могли бы вы прояснить некоторые вопросы, которые у нас возникли?

Врач придирчиво окинул вошедших и бросил за спину:

– Семён! – крикнул он – дрова доставили уже?

Боковая дверь кабинета открылась и в проем высунулась плешивая голова мужичонки в потертой кожаной куртке.

– Да нет – сказал он – я зараз последнюю связку кинул в печь – его взгляд упал на девушек – Доброго денечка, барышни – мужичонка неловко склонил голову.

Врач развел руками.

– Так чего же ты прохлаждаешься? – воскликнул он – немедленно звони на склад, пусть срочно привозят. Не будет тепла, у нас всё оборудование откажет. Не будет к вечеру дров тебя брошу в топку, понял?

Мужичонка замотал головой.

– Да я уже звонил – сказал он – вечер привезут.

Врач махнул рукой.

– Ладно иди – сказал он и мужичонка скрылся – вот посмотрите, понабрал бомжей с жалости, работники! Жить негде, работать не хотят, но всё лучше, чем на улице прозябать, страна победившего патриотизма – он снова махнул рукой – а ну его... что вы хотите знать?

Кристина бросила взгляд на Анну потом вновь посмотрела на врача.

– Мне нужно знать, лежала ли эта девушка в вашей больнице? – сказала Леонова – и пожалуйста только правду. Я думаю вы человек честный и не способны на подлость. Не надо покрывать тех, кто на неё способен.

Врач откинулся в кресле.

– Я, впрочем, знал, что этим кончится – вздохнул он – знал, что интересоваться будут. Только я сам-то мало чего знаю. Могу только сказать, эта девушка – врач указал на Ан-

ну – не лежала она никогда в этой больнице и ни в какую аварию не попадала.

Кристина недоуменно посмотрела на мужчину.

– Как это? – спросила она.

Врач хмыкнул.

– А вот так – сказал он – мне просто её показали, когда она спала и сказали, что нужно сделать запись в регистрационном журнале о выписке из больницы и назвали диагноз.

– И вы на это согласились!?! – негодуя спросила Анна.

Врач бросил на неё сердитый взгляд.

– Послушайте, милая девушка – сказал он – вы хоть представляете, что такое больница у нас в стране, тем более областная? Ни врачей, ни денег! А больных лечить надо!

Так что же прикажете мне делать?!

– Я всё понимаю – сказала Кристина – но...

– У меня несколько диссертаций – перебил её мужчина – так что вы думаете, я врач? Нет я завхоз, самый натуральный! Я сам краны чиню, вы это понимаете!?

Кристина кивнула.

– Мы вам безусловно сочувствием – сказала девушка – и всё же... не могли бы вы сказать откуда к вам приходили?

Врач вздохнул.

– Откуда, откуда. От вас – сказал он – пришли сказали, что вопрос государственной безопасности, пообещали вознаграждение и всё такое.

– И вы так вот сразу согласились? – спросила Кристина.

– Сразу нет – сказал врач – но мне показали девушку – он головой указал на Анну – с ней всё было в порядке, никаких травм или повреждений. Она просто спала. А сумма была обещана неплохая, я и сделал запись в журнале.

– И вам заплатили? – уточняющее спросила Кристина.

Врач кивнул.

– Да я для себя из этих денег ни золотого не взял – воскликнул он, хлопая ладонью по стопке папок – всё ушло на лекарства и реставрацию здания!

Кристина вздохнула.

– Мы вас понимаем – сказала девушка – вы случайно не запомнили людей, которые к вам приходили?

– Их было трое – сказал врач – двое мужчин и одна женщина. Я их знаю немного. Фамилия одного Аристов, а с ним генерал Адашев, собственной персоной.

Девушки переглянулись.

– Ясно – кивнула Кристина – а женщина?

Врач побледнел.

– Не знаю – сказал он – Она за дверью осталась. Только голос их слышал. Холодный такой и спокойный. Кстати, этой девушкой до вас уже интересовались. Неделю назад мужчина приходил. Высокий, статный. Тоже что и вы спрашивал.

– Что же вы ему сказали? – быстро спросила Кристина.

– Да то же, что и вам – пробормотал врач – я ведь действительно ничего знаю и девушку эту один раз только видел. Её ведь даже не привозили сюда.

Кристина сделала удивленное лицо.

– Меня привезли в некий дом – продолжил врач – на окраине. Глаза завязали, так что я даже не помню, где это. Помню только, что электричка шумела рядом.

Очевидно, дача Анны, поняла Кристина, любопытно.

– Завели в какую-то спальню – говорил врач – и показали девушку. Позже сказали обо всем молчать.

Выходит, они контролировали девушку с самого начала, заметила про себя Кристина. Вопрос, контролируют ли они её сейчас, и не является ли всё это игрой? Всё к чему прикасается Директория меняет форму и становится каким-то скользким и фальшивым. А кто тот мужчина, что интересовался Анной? По описанию Верховский. Да тут и говорить нечего, ясно, что он. Что же им надо от этой девушки?

Кристина не была уверена, что хочет знать ответ. Хотя почему же? Даже самое невероятное нужно принимать, как само собой разумеющееся, тогда ты сохранишь самообладание и покой. Проблема была в том, что это невероятное всегда падало на неё как обух – внезапно и железобетонно. Это была одна из особенностей её жизни.

Итак, ещё раз. Если верить главврачу, то получается, что Аристов знал о Анне ещё до встречи с ней, нет она конечно

это предполагала, но здесь ещё и выходит, что он нашел её, когда она была в коме, но где он её нашел и где она была всё это время?

Девушка ещё раз вызвала из памяти сон, который Анна ей описывала. Её заводят в комнату, рядом несколько человек, затем входят мужчины, дальше выстрели и... ах да... яркий белый свет в глазах.

Яркий белый свет, повторила про себя девушка, ну если отставить мистику, скорее всего это был свет от медицинских ламп, больше ничего в голову не приходит. Но где Анна могла видеть этот свет, если не была в этой больнице? Да и вообще зачем понадобилось регистрировать её здесь? Тем более с такой помпой. Государственная безопасность и всякое такое. Куда как проще продолжать держать девушку при себе. Зачем её вообще было выпускать в свет? Ей дали встретится с Грошиком, дали встретится с Верховским. Почему? Ответ напрашивался один. С этой девушкой связано нечто до чего не может добраться Аристов самостоятельно, но может добраться, если будет соблюден ряд условий. Может быть Верховский это понял, поэтому и пытался сообщить мне? Терпение, сказала она себе, будь терпелива, без поспешных решений, и жди пока муть осядет, и вода станет чистой. *Tout vient à point à celui qui sait attendre.* Кто умеет ждать, всегда добивается большего. Кристина, бросила взгляд на окно в стекло которого нещадно бил крупными каплями дождь. Она умела ждать.

И вновь они вернулись в Царское. Наташа была бы бесконечно рада этому обстоятельству, этот город нравился ей больше суетного Петерштадта, но всё утро её не покидало чувство затаенной опасности, которое всегда накатывало на неё, когда должно было случиться нечто плохое. С определенного этапа своей жизни она стала больше доверять своим ощущениям. Впрочем, без особого успеха иначе вряд ли бы навесила на свою голову загадки, от которых воистину, наверное, даже знаменитый сфинкс сам бы окаменел.

Их сегодняшние попутчики тоже были весьма оригинальны. В полдень или чуть позже, её и Воротынцева уже ждали возле гостиницы «Британия» – темно синий джип Форд. Гангстер, с которым они вчера мило общались, коротко приветствовал их и следующие полчаса они ехали по той самой дороге, где совсем недавно были гонки с дроном. Затем свернули на ничем не примечательную сельскую дорогу, а затем ещё на какое-то шоссе. Ехали молча. Из-за чего настроение Наташи окончательно стало мрачным и душным.

Она всё представляла себе, во время поездки, что она скажет, когда встретиться с Верховским и цельной схемы разговора у нее не получалось, может быть потому что в голову лезли разные тени прошлого.

Теперь же, когда она уже стояла перед его домом, пред-

ставлять что-либо было поздно.

Местом жительства Верховского оказался маленький двухэтажный дом типичной для этого города архитектуры, расположенный на Дворцовой улице – одной из двух главных магистралей города, в глубине массивных деревьев.

– Это здесь – сказал гангстер – пойдете за мной.

Охране он жестом приказал остаться в машине. Достаточно смелый шаг. Значит он был уверен в том куда они идут. Это было неплохо.

– Верховский встречался с Татьяной Козловской перед её арестом – сообщила девушка – вам что-нибудь известно об этом.

Гангстер пожал плечами.

– Понятия не имею – сказал он – Верховский не обсуждал со мной свои дела. Я здесь, чтобы исполнить последнюю волю шефа. Он просил продолжать помогать Верховскому.

Ага как же, усмехнулась про себя Наташа, то же мне нашлись благодетители. Скорее всего на той лодке, куда хочет залезть Верховский, что-то очень ценное. Этот тип рассчитывает пробраться туда и самолично забрать сей предмет. Если там действительно медальон Великой княжны, то для этого товарища его ценность вполне покрывает расходы. В честных бандитов Наташа не верила. Вопрос в другом. Зачем медальон Охотнице и Верховскому?

Втроем они поднялись по чугунной витой лестнице на второй этаж дома и остановились перед металлической две-

рю голубого цвета сделанной под дерево. Гангстер вышел вперед и четыре раза постучал особым образом.

Дверь отворилась и перед Наташей возник тот, о котором она слышала только из рассказов Ксении. Естественно сейчас он был старше и мужественнее, впрочем, возможно это было первое впечатление, его волосы были зачесаны назад, а лицо закрывала густая борода, в которой, как и в волосах блестели кое-где седые волосы. Александр Верховский очевидно ожидал их, судя по его виду, однако, как только он разглядел гостей его лицо стало излучать явное удивление.

– Я ждал не вас – заявил он – где Анастасия?

Он ещё не знает, поняла Наташа. Её мысли вновь перепутались. Опять придется всё выстраивать заново. Впрочем, ей вдруг показалось, что по глухой тишине, застывшей на лестничной площадке Верховский сам всё понял. Наташа вдруг остро ощутила привкус смерти, как будто она сама пронеслась здесь, а потом услышала крик. Такой крик, который не может быть вызван физической болью. Так может кричать только сердце. Видно было каким он чувствовал себя беспомощным. Ему хотелось убежать, скрыться, забыть обо всем.

Наташа, понимала это, наверное, потому, что в этот момент остро осознала свою беспомощность. Она ничего не могла сказать этому мужчине и не могла его утешить. Она проклинала себя за то, что вообще здесь находится. Что это, подумала она, зачем это здесь? Зачем я здесь? Глупо! Нестерпимо, нестерпимо глупо.

– Моя вина! – пробормотал он – во всем только моя вина! Возмездие всегда наступает, за грехи. Но почему она? Лучше бы я!

Мужчина тяжело прислонился к двери. Наташе мимолетно показалось, что он постарел ещё сразу лет на двадцать, как будто что-то сломалось в нём. Верховский закрыл на секунду глаза и тут же открыл их, суровым взглядом обводя пришедших к нему. Теперь в его глазах горел яркий огонь человека, который должен вытерпеть всё, но довести до конца великую цель.

– Проходите – глухо сказал он – не стоит обсуждать нам на пороге.

Квартира была обставлена в стиле типичного интеллектуала позапрошлого века, первое, что бросалось в глаза это большой книжный стеллаж с обилием различной литературы, преимущественно классической.

– И вы здесь Наталья Владимировна? – спросил он – позвольте узнать каким образом.

Наташа протянула Верховскому листок с текстом шифровки.

– Думаю, вы тоже ищите этот медальон? – спросила девушка – так уж получилось, что это каким-то образом связано с безопасностью очень хорошего человека.

– Тани Козловской – кивнул Верховский – не делайте удивленный вид. Я знаю, что вы меня, наверное, считаете чудовищем. Думаете, что одна девочка из-за него погибла. Те-

перь он погубит ещё одну. Возможно. Но у меня не было выбора. Я должен был добраться до медальона раньше Школьникова.

– Почему? – спросила Наташа – зачем он ему?

Верховский бросил в сторону девушки взгляд полный боли и страдания.

– В начале – он запнулся – в начале вы мне расскажите, что произошло с Анастасией.

Наташа тяжело вздохнула. Плохо, когда разрывается душа, но нет ничего хуже разрывать душу другому.

– Её зарезали – сказала девушка – кинжалом. Тем самым кинжалом.

Верховский сокрушенно покачал головой.

– Почему она не уехала? – пробормотал он – глупая, я же говорил, уезжай! Оставь меня! Это слишком тяжелая битва! Ты не послушалась!

Наташа поняла, что мысли Верховского сосредоточены где-то очень далеко отсюда.

– Вы можете рассказать, что происходит? – спросила девушка – что за медальон, вы ищете и почему его ищет Секуритага?

Верховский печально покачал головой.

– Вряд ли я мог знать об этом – печально сказал он и внезапно его глаза сверкнули – но могла знать, я!

Тут произошла невиданная вещь. Верховский сделал какое-то стремительное движение в сторону, и Наташа засты-

ла от ужаса. Кожа на лице и руках Верховского, вообще всего его тело стало провисать и сворачиваться в разные стороны. Через долю секунды, на месте взрослого мужчины, стояла женская фигура в бордовой кожаной куртке с металлическими вставками, а её голову покрывал глубокий капюшон. Виднелся только алый рот и рыжие локоны. Наташа не могла поверить, что это происходит на самом деле.

Охотница шагнула вперед.

– Внешность обманчива – сказала она – неправда ли?

Гангстер первым пришел в себя от шока.

– Ты кто такая? – закричал, выхватывая пистолет. Впрочем, выхватить полностью он его не успел, охотница сделала небрежное движение рукой и из перчатки закрывавший её вылетело лезвие и со скоростью молнии воткнулось гангстеру в грудь. Пистолет с грохотом упал на пол. Следом упал гангстер.

Время словно потекло вспять, а она опять стояла и не могла пошевелиться. Она видела, как Воротынцев храбро кинулся на девицу, пытаясь нейтрализовать оружие. Охотница не обратила на него внимания и отшвырнула, будто тряпичную куклу в сторону. Офицер, придя в себя, всё-таки сумел вытащить пистолет и открыл огонь. Наташа нырнула под стол от грохота разлетающихся пуль. Хотелось элементарно зажать уши. Краем глаза девушка заметила, что охотница вновь вскидывает руку. Ну уж нет, решила Покровская и стрелой бросилась к трупу гангстера подбирая с пола его

револьвер. По идее Наташа хотела выстрелить в охотницу, но только стрелок она оказалась ещё тот, поэтому вместо охотницы расстреляла сервант. Второго шанса ей не дали, охотница в один прыжок оказалась возле неё. Наташа хотела садануть девицу рукояткой револьвера, однако из правой руки охотницы выбросился двухлезвийный кинжал. Девушка взвизгнула и хотела отпрыгнуть. Правую руку словно кипятком обожгло, Наташа выронила револьвер изумленно глядела на расплывающееся на рукаве пиджака, бурое пятно. Девушка каким-то сверхчеловеческим усилием бросилась на обидчицу прижимая окровавленную руку. Охотница, скорее от неожиданности повалилась на пол. Наташа рванула к выходу, поднимая с пола Воротынцева и взяла его под руку.

– Бежим отсюда! – крикнула она.

Девушка, таща на себе офицера ринулась к входной двери... и столкнулась с чьей-то ладонью, которая уперлась ей в грудь, схватив за лацкан пиджака, а ещё она увидела перед собой ствол пистолета.

Глава VI. Дьявольский эксперимент

– Не очень-то вы вежливы: предлагаете то, чего нет на столе, – разозлилась Алиса.

*– Не очень-то вы вежливы: уселась, а никто вас не звал, – Ответил Заяц.
Льюис Кэрролл*

Ксения с явной опаской осматривала высокое стеклянное здание со множеством похожих на пчелиные соты окон, возвышающееся над массивным бетонным забором. Что-то злое было в этой мрачной серой новостройке, в сравнении с другими зданиями города, оставшегося далеко позади. Очевидно, по одежке можно встречать и здания.

– Я прочитал, что этот департамент считается одним из лучших научных учреждений в этом регионе – заявил Кирсанов – управляется она этим самым доктором Аристовым. Он, как и сказал нам покойный Монтвид, Директор департамента биологического благоустройства. Это такой институт при Министерстве здравоохранения. Создан лет шесть назад. Заявленная цель – улучшение биосферы страны и граждан —

Снори издал нечто напоминающее трескотню. Очевидно, это можно было расценивать, как смех. Что же Ксения была

с ним согласна.

– Хорошая цель – с холодной иронией констатировала де-вушка – а главное исполнимая. Ну что же, пойдём посмотрим, что это за департамент науки. Снори, за мной.

Кот, которому надоело вечно сидеть в машине, радостно заурчал. Ксения часто думала о том, как этот кот стал не просто её питомцем, но ещё и другом в этой её новой жизни. Она приютила Снори года три назад. Тогда его жизнь была весьма трудной. Он жил у известной фотомодели и блогерши и обращение с ним было соответственным: постоянные селфи, тисканья, напяливание всякой одежды и прочая ерунда, которую делают с котами. В один прекрасный момент бедный кот просто сбежал от хозяйки и так получилось, что чуть-не оказался под колесами автомобиля Аваловой. Когда она впервые увидела его, весь взгляд животного говорил «Пожалуйста, не делайте мне больно». Этот взгляд тогда вызвал в ней гнев, ведь ей тоже тогда было больно. Кот был голодный, ибо, в доме модели, как впоследствии выяснила Ксения, не было ничего кроме овощей и фруктов, и он протяжно выл: с-н-но-о-р, с-н-но-о-р! Так Ксения и стала называть кота – Снори, тем более имя походило под его породу, а ещё Ксения любила Снори Стурлусона.

Необычное трио подошло к шлагбауму, перед которым стояло два закованных в броню бойца Секуритаты. Они были столь недвижимы, что казались статуями. Внезапно один из них оживился и не убирая руки с автомата перекрыл го-

стям проход.

– У вас назначено? – спросил он.

Пришел наконец звездный час Кирсанова помахать удостоверением.

– Мы пришли к господину Аристову – сказал молодой человек – у нас к нему вопросы, по поводу убийства начальника порта.

Боже и кто его за язык тянет, подумала Ксения.

Охранник целью визита не впечатлился и доходчиво объяснил, что им здесь делать нечего, что здесь секретный объект, ну и всё в таком же духе. Ага! Не тому стал объяснять. Разве Кирсанову, что-то можно было объяснить? Ксения вновь осталась в стороне. В конце концов, она правда не имеет права на проход.

Всё разрешилось очень внезапно. У охранника что-то зажужжало в ухе. Он кивнул, очевидно своему собеседнику и отошел в сторону.

– Доктор примет вас – сказал он – ждите.

Ждали они недолго, хотя Кирсанов, торжествующий от собственного успеха, практически сразу начал приплясывать от нетерпения.

Молодо-зелено, подумала Ксения. Состояние сытости и самоупоения никогда не приносит удовлетворения, только ложное чувство спокойствия. Лишь только терпение дает истинную силу, и только оно одно способно помочь нам принимать правильные решения и укреплять дух.

Им позволили проехать дальше, по длинному темному тоннелю, на территорию департамента. Там у них вновь проверили документы и велели заглушить мотор. Двое бойцов Секуритаты провели гостей через белые стеклянные двери. Просторный и прохладный холл, мягкий ковер и обилие матового стекла вот, что открылось глазам Ксении, как только она переступила порог. Здесь им велели подождать, и девушка решила потратить время на то, чтобы изучить холл, одновременно бывший атриумом. Много света, мягкий ковролин и обилие матового стекла. На каждой галерее ходили туда-сюда автоматчики. Чем бы этот департамент не занимался, охраняют его серьезно. Было в нем что-то такое от чего становилось не по себе.

Минут через пять или шесть, гостей приветствовал высокий лысый мужчина в графитовых очках и белом медицинском халате с надписью DBB (Департамент биологического благоустройства), которая была вышита слева. В руке он держал планшет. Сзади стояли два охранника.

– Добрый день – улыбнувшись сказал он – доктор Лев Аристов, я могу вам чем-то помочь?

Ксения кивнула.

– Нам необходимо задать вам несколько вопросов – сказала девушка – желательно в приватном месте.

Лицо Аристова выразило обеспокоенность, смешанную с искренним желанием помощи незванным гостям. Если он врет, то мастерски играет лицом.

– Я смогу выделить вам несколько минут – сказал доктор – думаю, что обстоятельства действительно важные. Натурально, давайте пройдем внутрь. Я тоже не люблю вести дела на ногах. Есть у меня такая привычка.

Ксения дипломатично улыбнулась. Она никогда не любила показного гостеприимства, но иного способа проникнуть внутрь девушка не видела. Как говорится: если не можешь пройти сквозь барьер, пусть он пройдет сквозь тебя.

* * *

Внутренности департамента потрясли своей масштабностью не менее чем холл. Следуя за Аристовым, Авалова, Кирсанов и Снори прошли сквозь массивные пневматические двери, открывшиеся перед ними с привычным шипением. Центральный коридор за дверьми был почти точной копией холла только уже и с расположенными по обе стороны дверьми. В коридоре стояла мёртвая тишина и трудно было сообразить, что скрывается за дверьми. Кирсанов, не удержавшись спросил об этом.

– Это лаборатории – ответил Аристовым, добродушно, но несколько неопределенно – Всё это лаборатории. Кроме того, мои личные апартаменты. Я привык жить там, где работаю.

– Это разумно – согласилась Ксения, она никак не могла сообразить с чего их собеседник так откровенен и радушен с

незванными гостями. Её это сильно тревожило. Кирсанов же шел по коридору с чуть ли не открытым от удивления ртом.

– Если не секрет, чем занимается ваш департамент? – спросила Ксения, стремясь поддержать светский разговор.

– О никакого секрета – сказал Аристов – мы всего лишь пытаемся исправить биологические ошибки, которые были допущены природой и стремимся к совершенствованию абсолютно всех форм жизни от растений до людей.

– Каким же образом? – поинтересовалась Ксения.

– Мы используем специальную генетическую терапию – услышала она ответ – не буду вдаваться в термины, вы их вряд ли поймете, скажу только, что суть нашего метода заключается в замене неправильных и вредных генов на правильные, которые будут позволять живым организмам не только улучшать свой жизненный цикл, но также и продлевать его.

Они вошли в стеклянный лифт, который стал возносить их вверх, пока ехали Ксения обзревала высокие стеклянные колбы, которые тянулись вдоль всей лифтовой шахты.

– Впечатляет, не правда ли? – поинтересовался Аристов – в этих колбах мы храним сотни клеток для пересадки.

– Внушающе – согласилась Ксения – ваши работы могут иметь далеко идущие последствия.

– И обязательно будут – сказал Аристов – мы почти прибыли.

Лифт остановился, где-то на восемнадцатом этаже. Двери

открылись, и Ксения увидела минимум два патруля Секуритаты в полной выкладке. Их лица, наполовину закрытые масками, выражали крайнее безразличие. Один из бойцов поднял автомат, и казалось, что он сейчас выстрелит, но вместо этого боец просто поводил им в разные стороны.

– Вы должны оставить оружие – сказал он.

Гости подчинились и вытащили свои пистолеты, отдав их СЕКуру.

– Теперь всё в порядке – сказал он.

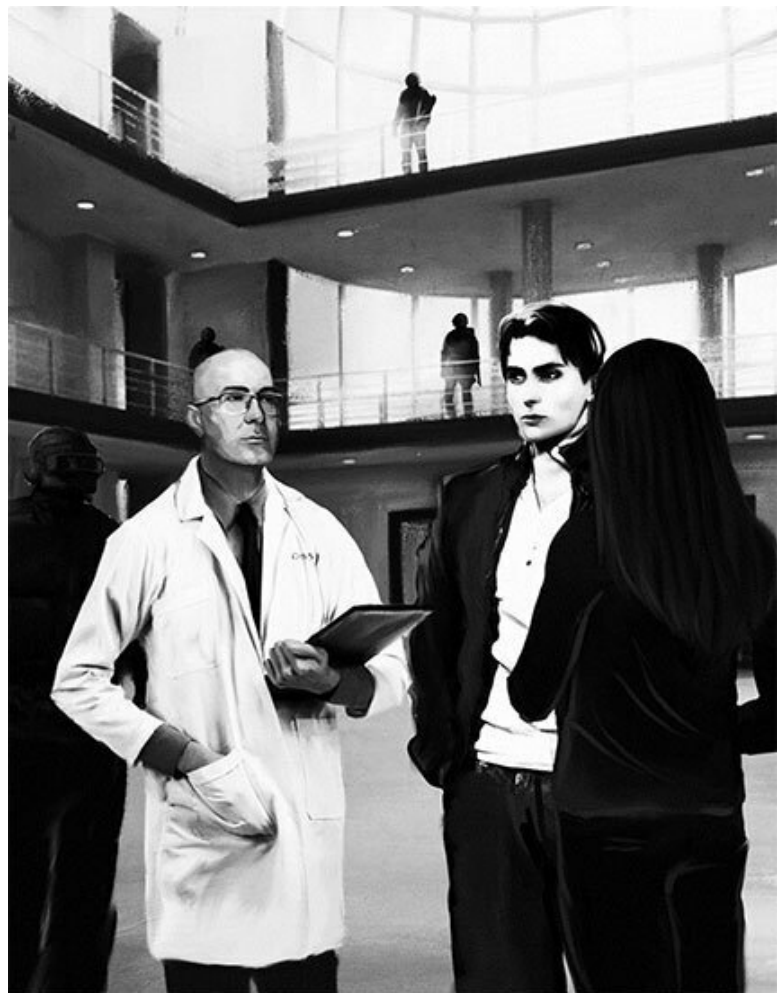
– Вы можете пройти – сказал другой СЕКур, открывая дорогу.

– Для обычного института вы слишком хорошо охраняетесь – отметила Ксения.

Аристов изобразил смущение.

– Мы бы и сами не хотели, но некоторые обстоятельства обязывают, мы ведь находимся достаточно близко к фронту. За последние недели в этом регионе активизировались вражеские диверсанты. Последние проникновение было несколько дней назад. Поэтому правительство, которое поддерживает наши исследования, помогает заботится о нашей безопасности.

Они прошли через ещё один коридор сквозь строй СЕКуров и зашли в широкий пентхаус, который был оборудован, как кабинет.

Аристов сел за свой рабочий стол перед монитором компьютера и сделал приглашающий жест, указывая на два офисных кресла, стоящие напротив стола.

– Присаживайтесь, господа – медленно произнес доктор.

Вся его фигура излучала добродушие, но было оно, каким-то натянутым. Ксения осторожно опустилась в кресло и быстро подмигнула Снори. Кот довольно оттопорщил усы и тихо прошмыгнул в закрывающуюся дверь. Ксения не хотела лезть на рожон не выяснив возможностей противника. А возможности здесь были видно... ну да ладно, там посмотрим.

– Позвольте узнать, что вас в мою скромную обитель? – спросил Аристов.

Врать без причины никогда не следовало. Тем более, что у неё это всегда получалось плохо.

– Мы расследуем пропажу двух иностранных ученых – сказала Ксения – профессор Мецгер, и доктор Кропс. Вы их знаете?

Аристов сохранял лицо полное достоинства.

– Я знаком с этими людьми – сказал доктор – и, опережая ваш вопрос, я знаю об их пропаже, что конечно весьма при-
скорбно для меня, не только потому что я работал с ними, но они также и мои давние друзья. К сожалению наш мир полон опасностей.

Он был не глуп, подумала Ксения, и мог уметь скрывать свои эмоции за сотней разнообразных гримас, в отличие от

большинства людей. Надо сказать, что в его кабинете была одна странность, которая сразу бросилась в глаза девушке. Здесь отсутствовали фотографии. Обычно она могла часами рассматривать фотографии во время допросов или осмотров, ведь они, под час, рассказывали целые истории и никогда не врал, в отличие от людей. Здесь фотографий не было. Ни одной.

– Вы работали над каким-то совместным проектом? – спросил Кирсанов.

Аристов кивнул. И здесь он был тоже предельно открыт. Как писал Горький, если ты открыт ко всем, тебя затопчут. Значит у его открытости тоже должна быть своя цель.

– Как я уже говорил – сказал доктор – мой департамент специализируется на генетической терапии. Кропс и Мецгер входили в мою команду по изучению влияния вирусов на генетическую структуру человека. Мы изучали возможность лечения смертельных болезней путем пересаживания генов.

– Речь о клонировании? – поддержала разговор Ксения – так?

Аристов снисходительно улыбнулся.

– О, мы не заглядывали так далеко – мечтательно произнес доктор – клонирование – это создание прежде всего иного тела с прежним разумом. Вполне возможно, что в будущем мы научимся переселять наши души в новые тела, но пока мы только в начале пути.

Доктор развел руками, что означало его искреннее разо-

чарование. Здесь оно было действительно искренним, без подвохов. Ксения это отметила.

– Когда создаешь открытие важно не терять над собой контроль – заметила девушка – иначе наши желания и наши умения нас сами и погубят.

Аристов откинулся на спинку кресла и авантюристично улыбнулся. Во время разговора всё время он все время подсматривал на экран вмонтированный в его рабочий стол. Интересно, что это, подумала Ксения, держу пари база данных, а в потолке наверняка камеры-идентификаторы. Ну что же, так даже интереснее.

– Только оказываясь перед пропастью можно узнать истинную природу вещей – заявил Аристов – избавившись от ханжества и обывательщины. Взять того же Франкенштейна. Он понял суть зарождения жизни и научился оживлять даже безжизненную материю.

– Позже он горько сожалел об этом – возразила Ксения – и погиб.

– Но осуществил свою мечту – отвечал Аристов – а позже испугался. Не смог противостоять ханжеству и обывательщине. Интересный жребий, не правда ли?

Ксения отметила ещё одну особенность этого доктора. Она уже общалась с ученым-гением, но от Верховского всё время шло тепло. Даже при том страхе, который донимал и поглощал его. С ним все время было тепло. С Аристовым было по-другому, от него всё время шел холод и царила ка-

кая-то... неодушевленность что ли. Ксения только раз видела такую неодушевленность.

– Каждому свое – бросила девушка – я бы сказала, что на любителя.

Аристов пожал плечами.

– Именно такие любители и меняли наш мир – улыбнулся доктор – когда-то самые обычные вещи, которыми мы пользуемся, уже не задумываясь об их происхождении, сочли бы выдумкой фантастов. Многие болезни, на которые мы не обращаем внимания, раньше, они выкашивали целые города. Контроль над материей – вот что движет человеком в его изысканиях.

– А разве не свобода выбора и широта взглядов? – поинтересовалась Ксения. Её начал занимать разговор. Она уже где-то слышала про контроль.

– Пустое – отмахнулся Аристов – всего лишь жалкое оправдание желания обладать секретами мироздания. Всегда честнее признаваться в своих желаниях и не противиться своей природе. Наш мир есть иллюзия и мы можем покориться ей, так и делают большинство людей, но есть другие, которые не боятся заглянуть за занавес запретного, ибо им ничто не есть истина, но всё дозволено.

Ксения легко улыбнулась.

– В обычной жизни вы тоже следуете данному принципу? – спросила она – или только в научном?

Аристов усмехнулся.

– А вы умеете вычленять главное – проговорил доктор – и весьма умно. Столько от меня узнали, а я в свою очередь даже не знаю вашего имени.

Ксенияпустилаещёоднуулыбку. Кого ты хочешь надуть, дядя? Ты уже давно знаешь, кто я. Но молчишь. Почему? Это молчание занимало больше всего. Девушка решила подыгрывать доктору, на время.

– Я та, кто за естественный ход событий – шутливо представилась девушка – не смеем более вам надоедать, однако позвольте еще один вопрос. Нам стало известно, что пропавшие ученые собирались продать некие документы. Вам об этом ничего неизвестно?

Козыри всегда надо оставлять под конец, когда уже сданы все карты. Пусть он гадает, что именно она знает. К чести Аристова, он не потерял своего внешнего достоинства лишь холодно улыбнулся.

– Не имею никакого понятия – сказал он – не могу даже представить, чтобы это было связано с нашим департамент. Хотя, впрочем, кое-что действительно было. Кропс весьма часто общался с Анной Щербатовой. Он был гостем на её местных вечерах, как и я, собственно. О содержании разговоров он меня, конечно, не информировал. Но вы можете узнать у Анны Станиславовны это лично. Она будет гостьей на моей презентации новой биологической концепции, которую, собственно, мы и разрабатывали вместе с Кропсом и Мецгером. Я думаю, вам будет небезынтересно послушать.

Авалова дипломатично улыбнулась.

– Мы будем вам очень благодарны – сказала она.

Аристов пропустил ответную улыбку.

– Презентация состоится сегодня – сказал он – во время бала-маскарад, который я устраиваю здесь вечером. Начало в полночь. Когда приедете вам будет нужно назвать пароль «Vita». Буду с нетерпением ждать, вас.

Авалова даже не сомневалась насчет времени. И почему всякие странные мероприятия нужно проводить именно в полночь? Как будто дня на это не хватает.

* * *

Проводив неожиданных гостей, Аристов откинулся в кресле и расправил плечи. За спиной раздались легкие шаги и к столу бесшумно подошла молодая светловолосая девушка. Доктор не удостоил её взгляда. Он уже достаточно давно составил свое суждение об этих девицах и не считал нужным его менять.

– Это они приходили тогда в гостиницу? – спросил Аристов, медленно складывая руки на груди – мужчина – Андрей Кирсанов – брат той убитой школьницы, а женщина – Ксения Авалова – бывший детектив оперативно-розыскного бюро.

Амандин Анри кивнула.

– Точно так – сказала она – это были они. Но не слишком

ли много вы им рассказали? У них может появится дополнительная зацепка. Что если они разгадают ваш замысел?

Аристов хищно улыбнулся.

– Они обязательно разгадают – произнес доктор – но только, когда я им это позволю. Появление этой Аваловой не входило в мои планы, но знаешь, оно придает некий шарм. Мне интересно, как она отреагирует, когда встретится с «Арнис» сегодня вечером. Уж я постараюсь это устроить.

Амандин многозначительно хмыкнула. Аристов и не думал, что она поймет величие его замыслов. Эти девушки могут только исполнять.

– Вы слишком увлекаетесь своими психологическими играми – заявила Амандин – Организации может это не понравится.

Даже так? Мы решили показать собственное мнение? Любопытный фокус, надо будет понаблюдать.

– Организация поручила реализацию плана мне – сказал доктор – вряд ли там бы поступили так, если бы мне не доверяли.

Амандин презрительно поджала губы.

– Вы много на себя берете – сварливо бросила девушка.

Наверное, надо было ей что-то ответить, но доктор предпочел смолчать. Он устал от этих унижительных пикировок.

Задерживаться в этом центре будущего Ксения не желала ни минуты, сама мысль о том, что здесь могут изучать, приводила её в состояние нервного психоза. Это могло бы показаться странным, но девушка не любила опасных мест, а здесь было опасно. Ксении хватило той специфической житейской мудрости, которой она разжилась в самых экзотических местах, преимущественно на улице, чтобы почесть за должное временное тактическое отступление. Тем более, что кроме ощущений, у неё ничего не было на этого доктора. Мозаика опять не складывалась. Опять слишком разными были кусочки.

– Не могу взять в толк, зачем мы сюда заявили – пробурчал Кирсанов – мы же ничего не узнали нового.

Ксения пожала плечами.

– Узнали – ответила девушка – узнали, что он опасен, я имею в виду Аристов.

Молодой человек продолжал бурчать себе под нос.

– Понимаю, что ты испытала сильное впечатление от его взглядов – сказал он – но всё же не вижу практической пользы от этого.

Авалова ухмыльнулась.

– Иногда кое-что важное, глазами не увидишь – заметила девушка – проверь свои ощущения.

Кирсанов издал разочарованный вздох. Ему хотелось простых объяснений.

– Он не спросил ничего о нас – заметил молодой человек – только в самом конце, а информацию рассказывал.

– Верно – кивнула Ксения – хотя он прекрасно знал, кто мы. Знал о тебе и обо мне.

– Как ты поняла это? – удивился Кирсанов.

– Полагаю у него есть видео-идентиграф – улыбнулась девушка – просто, но эффективно.

– Получается, что он со своим интересом с нами разговаривал? – недоверчиво спросил Кирсанов.

Ксения покачала головой.

– Не только со своим – заметила она – он хотел заинтересовать меня – девушка улыбнулась – ну и тебя естественно. Заметь, что он только в самом конце разговора сказал про документы. Помнишь, телефильм 17 мгновений весны? «Всегда запоминается последняя фраза». Он хотел, чтобы я запомнила. Запомнила имя человека, который знает информацию и запомнила то, что он будет сегодня вечером, на его мероприятии.

У Кирсанова округлились глаза.

– Анна Щербатова!?! – воскликнув, спросил он.

Ксения кивнула. Кое-что она об этой девушке слышала, хотя не рискнула сказать об этом в кабинете Аристова, и сего немного было для неё достаточно, чтобы сделать вывод: эта девушка как-то связана с Аристовым. Вполне возмож-

но, что она объект его научных опытов. Ксения собиралась познакомиться с этой Анной Щербатовой. Возможно тогда она поймет, чем занимается Аристов и почему рядом с ним ей так некомфортно.

– Совершенно верно, друг мой – сказала девушка – он специально сказал именно о ней. Хотел заострить на ней наше внимание.

Кирсанов потупился.

– Не понимаю – честно признался он – ну то есть как. Я понимаю, что Мецгер и Кропс возможно украли у него документы. Они пытались продать их. Аристов нашел предателей и убил. Так, да?

Ксения улыбнулась.

– Продолжай – сказала девушка.

– Это я понять могу – кивнул Кирсанов – но зачем Аристову – ученому-генетику нужен царский медальон? Не для красоты же? Что-то я не заметил у него предметов антиквариата. У меня не вяжется.

Ксения продолжала улыбаться.

– Элементарно, друг мой – произнесла она – документы, которые хотели продать Мецгер и Кропс как раз и связаны с этим медальоном.

Кирсанов обалдело посмотрел на девушку.

– Да откуда? – воскликнул молодой человек – ведь Амандин Анри же нам говорила, что Кропс вел какой-то проект и хотел рассказать о нем, на конференции.

– Верно – сказала Ксения – а теперь вспомни его специальность и посмотри на внешность Анны Щербатовой.

Обалдение на лице Кирсанова сменилось суеверным ужасом.

– Не-е-т! – прошептал он – да, быть такого не может! Да и зачем!?

Ксения задумчиво пожевала губу.

– Не знаю – сказала она – вот здесь не знаю. Но Аристов специально нам про неё сказал, зная, что мы интересуемся документами. Он хочет похвастаться перед нами. Знаешь, есть такой род людей, которым свойственна страсть к мелким эффектам.

Кирсанов фыркнул.

– Ничего себе мелкий эффект – пробормотал он. – такое ведь невозможно!

Ксения пожала плечами.

– Просто в это упорно верят – отмахнулась девушка – а то во что мы верим и становится нашим миром. Скорее всего Кропс стал что-то подозревать и решил передать информацию Грошику, а тот «Арнис», ну то есть сепаратистам. Меня интересует другое, что в этой истории делает Мецгер? Он ведь не генетик, а биотехнолог.

Кирсанов нахмурился.

– Но ведь Аристов сказал, что он изучает воздействие вирусов – заметил молодой человек – наверное присутствие Мецгера как-то связано с этим. Я так думаю.

Ксения мотнула головой.

– Допустим – сказала она – но зачем его было устранять? Вряд ли Кропс делился с ним информацией. Не думаю, что это так.

– Значит он тоже что-то знал – пожал плечами Кирсанов – что-то, что и Кропс, но немного другое, по своей тематике, вот от него и избавились.

Ответить на довольно дельное замечание Ксения не успела. Сзади послышался шорох. Девушка развернулась в поисках противника, однако источником шума оказался семенящий лапами Снори. Авалова укоризненно посмотрела на кота.

– Ты где шатался? – спросила она – позже было нельзя?

Снори оскорбленно встопорщил усы и презренно отвернул голову. В зубах кота можно было разглядеть небольшую пробирку.

– Хорошо, хорошо – сдалась Ксения – ты не виноват и старался как мог. Давай сюда, что принес.

Снори коротко мяукнул и «протянул» девушке флешку.

Кирсанов с большим изумлением наблюдал за мизансценой. Очевидно, это очень непростой кот, решил молодой человек.

– Неужели ты его понимаешь? – спросил он.

Кот, прищурившись посмотрел на молодого человека и зашипел.

– Не волнуйся он тоже тебя понимает – смеясь сказала

Ксения, глядя кота – просто не говорит, без необходимости.

Кирсанов усмехнулся.

– Ну теперь-то я понимаю, что он принес что-то важное – с легкой иронией сказал молодой человек – слушай, к черту эти тайны! У меня возник план! Мы сегодня придем на вечеринку Аристова, ты будешь отвлекать гостей, а я проникну внутрь и скачаю из компьютеров всю информацию о том, чем они там занимаются и припррем их тяжестью улик.

Ксения бросила недоверчивый взгляд сначала на молодого человека потом перевела на кота.

– Снори, с кем мы связались? – хмыкнула девушка – и нечего на меня смотреть, это была твоя идея с ним поехать. Так это и есть план?

Кирсанов понял, что обращаются к нему и энергично кивнул.

– Рискованно – заметила Авалова – мы не знаем, как тщательно охраняют клинику. Так, без подготовки, туда соваться глупо.

Кирсанов махнул рукой.

– Ерунда – сказал он – и потом другого шанса у нас может не быть, а лично мне очень хочется раскрыть эту историю. Это самый простой вариант, кажется.

Авалова многозначительно хмыкнула.

– Просто и верно не слова синонимы – философски заметила девушка – но в данном конкретном случае я с тобой согласна, попробовать можно.

Кирсанов просиял. Он был весьма доволен своим предложением.

* * *

Кристина Леонова перебирала пальцами по рулю «Ситроена» так усердно, как будто её мануальные движения способствовали решению той загадки, которая всё время крутилась у неё в голове, откуда её нервные окончания передавали тревогу и озабоченность каждой клеточке её тела. Она явно просматривала какую-то глобальную игру, которая выходила за привычные рамки и каким-то образом объединяла самые необъединяемые факторы в единую строгую схему и вот эту схему Кристина как раз разгадать и не могла.

Девушка на секунду закрыла глаза, восстанавливая дыхание. Её всегда успокаивала эта нехитрая процедура. Во время неё, окружающий мир становился терпимее и устойчивее, хотя она знала, что это не так. Трудно в эти времена было найти баланс. Его не было ни вокруг неё, ни в ней самой. Но баланс не может возникнуть просто так, из ниоткуда, потому что он уже есть в природе, а раз мы его утратили, то должны не искать его где-то, а сами становиться этим балансом. Той переменной, кою мы видим в окружающем нас мире. Мир на самом деле идеален и гармоничен, и лишь темная часть человеческой природы извращает его. Многие считали, что человек в принципе неспособен понять и принять

гармонию. Она считала не так. Она верила, что можно изменить этот мир к лучшему, ну или хотя бы не сделать его хуже. Она старалась нащупать ту удивительную музыку мира, которая обеспечивала гармоническую связь между человеком природой и далекими звездами. Но меняя мир, меняешься не только сам. Ты должен быть готов держать ответ за эти перемены перед теми будущими поколениями, которые будут после тебя. В конце концов, ведь ты в большей степени создаешь мир для них, нежели чем для себя. Борьба за этот мир есть борьба за явление более глубокое и мощное нежели, чем вся человеческая история, потому как никогда прежде человечество не было ещё так объединено, как объединено теперь и лишь сейчас мы подошли к той точки выбора дальнейшего пути, когда человечество станет новой планетарной силой, научится понимать то как оно связано с миром природным и миром космическим. Но как человек будет использовать эти знания? Будет ли он совершать добро или погрязнет в зле? Ох и вопросы, вы себе задаете, барышня, усмехнулась Кристина, мне ли решать их? Как, однако много всего нам хочется в жизни успеть, добиться, получить, а, в сущности, для счастья так мало надо... Власть? Слава? Нет! Маленький домик с уютным садом, свежий кофе с хрустящей булочкой. Такие вот мелочи и делают нашу жизнь по-настоящему счастливой. И за эти мелочи она будет бороться, потому что очевидно, что так должно. А дальше... будет не будет... Пусть оно будет так как будет. Есть сила

та, что разумом зовётся. И взвесить мы способны на весах. Добро и зло.

Девушка открыла глаза и заметила, что Анна пристально на неё смотрит. Надеюсь, я это всё не вслух говорила, засмеялась про себя Кристина.

– Вы что-то говорили? – спросила девушка – я просто задумалась.

Ворох реальности вновь выдернул из гармонии.

– Меня интересует один вопрос – заметила Анна – если вы правы и каждый наш шаг ведут, то почему он нас не останавливает, выходит, они заинтересованы в том, чтобы мы нашли медальон? – девушка осеклась.

Ей сложно признавать, мелькнуло в голове у Кристины, любому было бы сложно.

– Я думала об этом – флегматично сказала девушка – скорее всего так и есть. К тому же так ему гораздо проще нас контролировать.

Анна тяжело вздохнула.

– Если мы идем в колее, которую для нас создали, на что мы тогда рассчитываем?

Кристина усмехнулась.

– Исключительно на удачу – сказала она – если нам очень повезет, то мы сумеем разгадать замыслы раньше, чем он откроет его нам.

– Звучит обнадеживающе – улыбнулась Анна – послушайте, а куда мы приехали?

Кристина окинула легким взглядом через ветровое стекло маленький желтый домик постройки 30-х годов прошлого века с мощными чугунными решетками на окнах, которые препятствовали неожиданным визитёрам, если те захотели бы влезть в окно.

– Я хочу проверить последнюю вещь – сказала девушка, выключая двигатель – на кого оформлен твой дом.

– На меня – удивленно сказала Анна.

– Это мы знаем – заметила Кристина – мне нужно знать, на кого он был оформлен раньше.

Анна молча кивнула, хотя она, признаться, не очень поняла, что Кристина имела в виду.

Протиснуться куда им было нужно оказалось не слишком просто, местное отделение нацреестра было, подобно бочке с сельдью было набито разномастными посетителями, которые бегали из кабинета в кабинет пихая и толкаясь, одновременно изрыгая в лицо друг друга самые приятные слова. Иными словами, это здание ничем не отличалось от тысяч других присутственных мест страны. Народа было столько, что было даже бесполезно махать удостоверением, только потеряешь его в этой толпе, единственное что оставалось это тоже локтями расталкивать множественных просителей и пробиваться к искомому окну, благо в нём хоть очереди не наблюдалось.

Подойдя к окну вплотную, девушки сумели разглядеть того, кто сидит по другую сторону перегородки: это был щуп-

лый старикашка лет под сто, у него начисто отсутствовала шея, вернее она где-то была, естественно, но была закрыта обвисшими щеками, на потрепанном от времени пиджаке качалась медаль «За освобождение Ольвии» и ещё два каких-то памятных знака, времен Второй мировой войны. Лицо венчали очки в толстой оправе с заклеенными скотчем душками. Завидев визитёров, старик окинул их таким взглядом, который литературным языком можно назвать мрачным.

– Вам чаво? – спросил он квакающим беззубым голосом.

Кристина продемонстрировала жетон секуритаты.

– Нам нужна кое-какая информация о доме, расположенном вот по этому адресу – девушка пододвинула старику листок бумаги – точнее нам нужно знать полную историю этого дома, если она у вас есть, конечно.

Служащий кряхтя расправил плечи.

– Есть девушка – сказал он – у нас всё есть. Только вот никакой истории у этого дома нет.

Анна бросила на мужчину недоуменный взгляд.

– Как это? – спросила девушка.

Старик криво усмехнулся, закашлявшись.

– А вот так – сказал он – самым естественным манером.

На месте этого дома еще два года или три года назад санаторий стоял, а потом он сгорел. Ну естественно, сами понимаете какое время, было, бунты, понимаешь, поэтому расследование спустили на тормозах, а позже, когда завалы разо-

брали, началась новая стройка и собственно говоря ваш дом и построили.

Кристина пожевала губу.

– А кто его построил? – спросила она.

Старик махнул рукой.

– Хозяин этой земли и построил – сказал он – а земля эта, если вам интересно принадлежала, да, впрочем, и сейчас принадлежит Секуритате, её директор, генерал Адашев этот дом и построил в качестве здания нового санатория. Все документы оформлены. Всё чин-чинарем.

Кристина задумчиво дернула бровью.

– Вы точно это помните? – спросила она.

Служащий кивнул.

– Абсолютно точно, девушка – сказал он – абсолютно. Я лично вносил правки в кадастр, поскольку этот дом отличается от того задания, что было прежде и подпись директора Секуритаты, там есть, все чин-чинарем.

Кристина медленно выдохнула. Она и сама знала, что услышит, но с какой-то маниакальной упёртостью всё равно хотела проверить ещё раз. У неё была мысль, что если дом действительно принадлежал, тем самым «погибшим родителям», то тогда эта история могла бы иметь хоть какую-то почву под собой. Но теперь она знала чётко, что вся история жизни Анны Щербатовой была выдумана Адашевым. От и до. Не было никаких погибших родителей. Не было никакого наследства. Не было никакой семнадцатилетней комы. Ни-

чего этого не было. Всё это была лишь ширма. Ширма, которая прикрывала самый неожиданный, но самый логичный вариант. Вот только какой он, этот вариант? Неужели теория Штильхарта верна и девушка рядом с ней, очередная подручная Организации? Кристина не верила в это. Принуждала себя не верить. Есть такой маленький шанс, что Адашев специально хочет посеять сомнение в её разуме, ведь доверие – это самый ценный дар, лишаясь доверия – проигрываешь. Но что тогда? Самый простой, но самый сумасшедший вариант? Адашев где-то нашел её, узнал её историю и выяснил как она сумела выжить. прожить такой большой срок. Не может быть, сказала себе девушка, невозможно! Может ты просто боишься этого неведомого, спросил внутренний голос, и тебе сложно признать, потому что... а собственно почему?

– Не понимаю – пробормотала Анна – зачем им делать подобное? Выходит, что Адашев сам меня нашел и поместил в специально подготовленный дом?

Кристина на секунду замешкалась. Может сказать ей? По её реакции она бы догадалась о намерениях девушки.

Стоп, сказала себе Кристина, опять ты торопишься. Не делай поспешных решений. Наблюдай. Наблюдай и анализируй.

– Пока мы не узнаем, что у Адашева на уме, и для чего ему медальон, возможны любые варианты – попыталась уклониться от прямого ответа девушка – очевидно одно, что

медальон как-то связан с дочерью последнего царя Велико-
руссии и именно её память вам пытаются внедрить. Для это-
го он и отвел вас к Аристову. Даже не спрашивайте меня как
такое возможно. Однако явно, что формовка памяти прохо-
дила плохо. Возможно, они позволили вам узнать часть сво-
его плана, чтобы вы сами стали копаться в своем прошлом
и таким образом нашли бы медальон. Поэтому вы встретили-
сь с Верховским и поэтому вы встретились с Groшиком.
Мое же появление тоже было им, вероятно спрогнозировано.
Адашев знал, что Верховский обратится ко мне. Но вот
чего он не учел, так это то, что я приеду не одна, а это дает
нам некую свободу, в действиях.

– Какую? – спросила Анна.

Кристина усмехнулась.

– Аристов и Адашев все свои взоры сейчас устремляют
на двух барышень, которые путешествуют по городу с рас-
спросами, но вот то, что я отправила на поиски медальона
Флориана, они не знают и в этом наш шанс. Максимально
оттягивать на себя внимание. Непривычная роль для меня –
девушка улыбнулась – устраивать хаос и шум это по части
Штильхарта.

– Что же нам теперь делать? – тревожно спросила Анна.

Левонина пожала плечами.

– Набраться терпения – сказала девушка – и, наслаждаясь
прелестями буржуазной жизни, отправиться на торжествен-
ный вечер, который устраивает Аристов. Вокруг этого его

Департамента так много всего, вот и познакомимся с ним поближе.

* * *

Наташа проснулась в кровати. Её первая мысль была о долгом кошмарном сне, который терзал её сон, из разряда таких, от которых вскакиваешь в холодном поту, а после зарываешься глубже в одеяло и тебе уже простительно пропасть до середины дня. Где-то в дальнем углу сознания девушки бушевали голоса и стихии. Кто-то кричал. Раздался выстрел и холодный женский смех. Должно быть она была глубоко больна. Её состояние было как после тяжёлой лихорадки, если не брать в расчет более пошлых сравнений.

Наташа подняла глаза к потолку. Он был цвета чайной розы с вмонтированными светильниками и формы странного многоугольника. Источником освещения в этой комнате служило боковое окно, открывавшее чудесный вид на залив. Пахло сосновым бором. Взгляд вперед упирался в проем, который очевидно вел в другую комнату.

Наташа, немного придя в себя села на подушках.

– Куда это я попала? – проговорила она – наверное я умерла и так выглядит рай! Значит, точное время спрашивать бесполезно.

– Если вас это не расстроит, Наталья Владимировна – раздался мужской голос – то вы не умерли. Вы в загородном

пансионате и сейчас около пяти часов вечера. Если, конечно, сие вам важно знать.

В комнату вошел приятный молодой человек примерно её возраста с таким лицом, которое обычно бывает на немецких плакатах 30-х годов. Оно было умным, но с язвительной усмешкой. Одет неизвестный был в белые брюки и голубую рубашку с повязанным сверху шейным платком. На ремне была закреплена кобура.

– Мы удрали оттуда? – первым делом спросила девушка, когда к ней потихоньку стала возвращаться память.

Молодой человек опустил в кресло, стоявшее возле кровати.

– На ваше счастье – сказал он – хотя после всех глупостей, что вы натворили, удивительно, как вы остались живы.

Наташе почему-то не хотелось оправдываться. Дел она и правду натворила. Теперь восстанавливая память в спокойной обстановке, она понимала это. Но кто этот молодой человек, который видно что-то о ней знает?

– А где Воротынцев? – спросила она – и остальные? Что с Верховским?

Молодой человек грустно опустил голову. Наташа была готова услышать худшее.

– Трудно сказать – бросил молодой человек – помощник «Собирателя» и все его охранники убиты. Ваш друг пропал. Мы разделились. Он прикрывал нас. Я не могу сказать точно жив ли он или мертв. Ну а что касается Верховского думаю

вы и сами догадались.

Наташа кивнула.

– Его там и не было – сказала она – но что это?

Молодой человек пожал плечами.

– Очевидно новый вид адаптивного камуфляжа – сказал он – позволяющий создавать ментальную проекцию виртуального я. Вас специально заманили в ловушку. Как, собственно, и меня.

– У вас тоже было дело к Верховскому? – быстро спросила Наташа – какое?

Она уже спохватилась, что не следует так в лоб спрашивать первого встречного. Впрочем, молодой человек не обратил на это внимания.

– Да вероятно, тоже самое, что у вас – хитро заметил он – фотография княжны и её медальон.

Наташа непонимающе уставилась на молодого человека.

– Какой ещё медальон? – спросила она – и откуда вы знаете про фотографию?

Молодой человек улыбнулся.

– От вас – сказал он – вы мне и рассказали. И про Татьяну Козловскую, и про фильм Школьниковова. Вы много разговаривали в бреду. Откровенно говоря, я вас не виню, вам плохо было, совсем плохо.

Наташа ужаснулась от такой констатации факта. Что же такого она вытворяла, пока была без сознания? Кричала? Плакала? Пожалуй, лучше она не будет об этом знать.

– И для чего же вам понадобилась эта фотография? – поинтересовалась девушка. Она хотела побольше узнать с кем имеет дело и насколько он опасен. – выкладывайте.

Молодой человек сверкнул глазами.

– Ну положим не за ваши красивые глаза – сказал он – а имею я очень для вас интересные сведения.

Наташа вздохнула. Кажется, перед ней обычный инфоброкер, а он то уже почти ей понравился.

– И какова ваша цена? – нехотя спросила девушка.

– Не обременительная – сказал, немного погодя молодой человек – сотрудничество. Мы станем одной командой, и я буду с вами, пока считаю нужным.

Наташа прямо опешила от такой наглости.

– А с какого?! – воскликнула девушка, даже не сдерживая негодования – если даже мне и понадобится компаньон, я возьму того кому доверять буду, а не смазливую красавчика, которого даже не знаю как зовут и кто он.

– Замечательно – одобрил молодой человек – благодарю за комплимент. Вижу осмотрительности у вас уже прибавилось. Это радует. С ребятами из военной разведки вы были более податливы. Что же касается имен, то извините я забыл представится. Меня зовут Флориан Штильхарт. Я старший офицер безопасности швейцарского посольства в городе Гомелум.

Наташа не знала куда деваться от такой информированности этого молодого человека. Неужели она всё это наговори-

ла в бреду? Весьма сомнительно конечно. Лучше будет держать этого типа при себе, раз он так просится.

– Что-то мне ничего не говорит мне ваше имя – отрезала девушка.

– Возможно – улыбнулся Флориан – зато мне ваше говорит многое и поверьте не из газет. Не знаю, как вы попали в эту историю, но она для вас очень опасна. Мне говорили связываться с вами только в крайнем случае. Удивительно, что судьба свела нас вот так.

– Кто говорил? – спросила Наташа.

Флориан снова улыбнулся.

– У нас есть одна общая знакомая – сказал он – она просила передать вам письмо в случае необходимости.

Покровская недоверчиво взяла помятый конверт и торопливо его распечатала. Раскрыв письмо, она бегло прочла следующее:

Дорогая Наташа

Извини, что приходится к тебе обращаться вот так, но дело отлагательств не терпит. Нас постигли серьезные неприятности и, возможно, ты единственная, кто сможет помочь. Человек, который передаст тебе это письмо мой хороший друг, его зовут Флориан Штильхарт. Он пояснит тебе ситуацию.

Кристина

Девушка взглянула на подпись, потом на молодого человека. Тот смотрел на неё, спокойно и выжидательно.

– Что с ней случилось? – спросила девушка – она в опасности?

– Надеюсь, что нет – заметил Флориан – хотя она уже много лет живет среди опасностей.

Наташа кивнула. Она не видела Кристину больше пяти лет и даже не представляла, чем та занимается. Это заставило её заразиться доверием к молодому человеку. Если бы кто-то хотел подослать к ней шпиона, то выбрал бы связь более близкую.

– Почему же вы сразу не назвались другом Кристины? – спросила она – может вы вообще украли это письмо? Откуда мне знать?

Флориан кивнул.

– Очень правильный вопрос – сказал он – и я с удовольствием дам ответ. Я должен был сам убедиться, что вы действительно та самая Наталья Покровская. Я знаком с хитрыми приемами Организации, а теперь определенные видели и вы. Так что я не хотел сразу раскрывать перед вами все карты. К тому же не предполагалось, что мы с вами встретимся вот так. Возможно, нас столкнуло само провидение.

Наташа нахмурила брови.

– Быть может тогда всё-таки вы объясните мне, что происходит? – спросила девушка – и почему всё гонятся за какой-то фотографией, из-за которой меня дважды чуть не убили?

– Не за какой-то – заметил Флориан – а вот за этой.

Молодой человек протянул Наташе снимок.

Наташа взглянула на фотографию и вздрогнула. Она интересовалась историей семьи последнего царя и поняла кто изображен на снимке.

– Значит они всё-таки нашли её? – пробормотала девушка – у Верховского?

Флориан пожал плечами.

– Этого нам неизвестно – покачал головой молодой человек – нам удалось раздобыть её в департаменте биологического благоустройства, которым руководит доктор Лев Аристов. Весьма странная фигура, на мой взгляд.

Покровская сделала удивленное лицо.

– Я слышала о нём – кивнула девушка – довольно известная личность, хотя согласна, спорная. Но какой у него интерес к этому всему?

Флориан вздохнул.

– Не думаю, что вы достаточно окрепли для таких разговоров – мрачно сказал он – но поскольку нам вероятно предстоит держаться вместе, вы имеете права знать. Полагаю, что Кристина была бы не против.

Всё, что молодой человек рассказал далее, было как-то очень сложно для рационального восприятия. Нет, Наташа, конечно, не могла утверждать, что повидала в жизни всё, но такой фантастики... , впрочем, как говорил Достоевский: фантастическое всегда составляет сущность действительно-го. В конце концов истина и безумнее любой фантастики бы-

вает, иногда.

– И вы во все это верите? – снедаемая сомнениями, что она это спрашивает поинтересовалась девушка.

Штильхарт сделал на лице гримасу удивления.

– Не знаю – сказал он – трудно сказать. Кристина верит. Она всегда верит в то многое, что некоторые считают неестественным и несбыточным, и, самым удивительным образом, она всегда оказывается права.

Наташа опустила голову на подушку.

– Значит весь фильм – это прикрытие – поняла девушка – ширма для поиска медальона. Вот почему они ездили по разным местам жизни последнего царя.

– Вероятно – кивнул Флориан – ширма. Только вот не думаю, что для поиска медальона. Долматов написал в журнале очень точно, что забрал медальон с собой, в тот последний поход, а шанса вернуть его владелице у него уже не было. Аристов знал об этом. Ему нужна была лодка и Верховскому нужна была лодка. Не случайно он обратился за помощью к «Собирателю»

Наташа сделала широкие глаза.

– А откуда вы знаете? – спросила она.

Флориан улыбнулся.

– Вы уж извините, я прочитал ваш блокнот – сказал он – должен же я был знать с кем имею дело.

Наташа сочла долгом сделать оскорбленное выражение лица. Какая бесцеремонность!

– Так или иначе – продолжал Штильхарт – они знают где медальон. Поэтому по местам пребывания последнего царя они ездили для чего-то ещё. И вот если мы с вами пойдем для чего они ездили, вот тогда возможно что-то станет понятно об Анне.

Как это он всё сразу за неё решил, возмутилась Наташа, ничего себе.

– А с чего это вы решили, что я буду вам помогать? – поинтересовалась девушка – я может ещё откажусь.

Флориан посмотрел на неё, как на наивного ребенка.

– А у вас нет выбора – заметил он – вы слишком много видели и слишком много знаете. Неужели вы думаете, что та, которую вы встретили в квартире Верховского, оставит вас? Она будет искать вас. Вернется, и не одна. Я даже знаю с кем. Я много чего о ней знаю.

Наташа поджала губы. Интересно за кого меня принимает?

– Я тоже о них знаю – сказала девушка – но я думала, что та, которая была в Кранцберге пять лет назад...

– Она одна из многих – веско сказал Флориан – не знаю откуда вам про о них известно, но если известно, то вы понимаете, что они смертельно опасны и никогда не оставят

вас. Вы о них знаете и должны быть уничтожены. Они будут преследовать вас до конца жизни.

Наташа несколько секунд восхищалась потрясающей перспективой. Она остро почувствовала подступающую усталость. Впереди опасность, позади опасность. А ей нужно было принимать решение и доверится незнакомому человеку. Доверие – это признание правды. Если ты доверяешь человеку, то тогда человек доверится тебе. Верная и правильная аксиома. Хотя, что и говорить, будто бы у неё были варианты.

– Хорошо – кивнула девушка – будем считать, что я вам поверила. Какой у вас план? Я бы связалась с генералом Артамоновым.

Флориан покачал головой.

– Нет – отчеканил молодой человек – в государственные структуры мы будем обращаться, только в крайнем случае. У Организации везде свои люди. Мы не знаем кто друг, а кто враг. Вы доверяете мне, я доверяю вам. На том и порешим. Заночуем здесь, а завтра нужно нанести визит в одно место.

Наташа тяжело вздохнула. Она вновь устремлялась в неизвестность и ей было страшно.

* * *

Похожее на множество пчелиных сот здание «Департамента биологического благоустройства», казалось полностью вымершим в тиши южной ночи, но так было только сна-

ружи. Внутри же был Ад. В самом, что ни есть прямом смысле этого слова. В него был превращен весь первый этаж здания. На ещё недавно гладких металлических стенах теперь красовались черепа, пол был покрыт костями и по нему, держа в руках серебристые подносы, фланировали длинноногие девицы в черном полупрозрачном кружевном белье с бутфорскими рожками на головах. Они притягивали сотни вожделенных взглядов гостей, как мужчин, так и женщин, которые, кто стоял возле барной стойки, а кто расположился на мягких кожаных креслах. Некоторые гости, уже в изрядном подпитии обхватывали ту или иную официантку за талию и уводили куда-то в красноватую тьму. Искусственный дым с помощью игры света складывался в летящие в разные стороны пыльные фигуры душ грешников, которые окутывали собой гостя и манили куда-то в глубину. В воздухе чувствовалась наркомания и похоть. Единственное, что было незыблемо – это застывшие в каменных позах бойцы Секуритаты. Они заняли позиции возле каждого выхода и молча наблюдали за вечеринкой, медленно проводя ладонями рук по своим «Узи». Кажется, сюда всех впускали, но никого не выпускали.

Кристина, одетая в длинное ярко-красное платье-пиджак, многозначительно сверкнула глазами сквозь покрывавшую половину её лица венецианскую маску. Это было обязательное условие вечера.

– *Оставь надежду всяк сюда входящий*

– усмехнулась Леонова.

– *И, видя надпись эту в вышине,*

Я спросил учителя ответа:

"Сих тёмных слов значенье жутко мне."

Он прозорливо отвечал на это:

"Здесь хладнокровье нужно соблюдать.

Здесь страх не должен подавать совета.

– *Пришли туда мы, где не тишь и гладь*

– подхватила Анна.

А зыбкий ворох жутких сновидений,

Где так нетрудно разум потерять.

– Я надеюсь, нам не предложат все девять кругов – добавила девушка мне как-то всего этого хватило.

Кристина улыбнулась.

– В Аду Данте грешники страдали – заметила девушка – в Аду Аристова наслаждаются пороком. Интересное шоу. Эх, жаль нет Флориана. Он не преминул бы заметить, в каком чудном месте мы оказались.

В очередной, тридцать пятый раз, усмехнулась про себя девушка. Некоторые вещи неизменны. Вокруг все гудело и у Леоновой уже основательно заложило уши. Что же бальные законы везде одинаковы, как сказал бы Коровьев.

– А я упоминала, что мы здесь лишние? – иронично поинтересовалась Анна.

Кристина хмыкнула.

– О да – сказала она – вы говорили об этом один раз или два. Но, по-моему, у нас нет выбора. Необходимо узнать, что Аристов замышляет, а другого способа попасть сюда нет. Поэтому нужно расслабиться и получать удовольствие от наблюдения за окружающим миром.

– Мы все окажемся в Аду, если не преобразим этот мир – раздался голос за спиной.

Кристина не испугалась и спокойно повернула голову, сзади неё стоял директор сего прекрасного учреждения, собственной персоной.

– В этом задумка вечера – добавил Аристов – рад, что вы смогли выбраться, сеньорита де Леон – он перевел взгляд на Анну – госпожа Щербатова. Итак, дамы, как вам моя идея?

– Немного эксцентрично – заметила Анна, поддерживая светский тон разговора – священникам здесь не понравится.

– Лишь только в падшем мире можно узнать кто есть, кто – парировал Аристов – обнажится перед творцом и выявить все грехи. Человек всегда должен пройти через Ад, чтобы попасть в Рай. Это аксиома.

– Разве? – улыбнулась Кристина – может для того, чтобы попасть в Рай нужно просто в него верить?

Аристов хмыкнул. Уголок его рта скопился более обычного.

– Вера – это примитивная позиция – ответил доктор – опыт вот главное составляющее. Вспомните Данте, он прошел все круги Ада, набрался там опыта и лишь потом отправился в рай. Спросите себя, разве любой Рай не начинается с Ада? Ренессанс возник после Чумы, индустриализация СССР после гражданской войны. Израиль после холокоста... и после нынешней эпидемии мы тоже начнем строить свой Рай. В Аду мы получаем опыт, закаляемся его пламенем и страданиями горящих в нем.

Кристина сложила руки на груди и сквозь маску глядела на абсолютно лишенное эмоций лицо Аристовы. Прочитать что-либо на нем было невозможно. Впрочем, можно было догадаться, что доктор в полном экстазе от самого себя. Как говорил Сент-Экзюпери: тщеславные люди воображают, что все ими восхищаются.

– Опыт невозможен без душевной гармонии – флегматично заявила девушка – без свободного развития духа. Его подчинение и унижение страхом и ненавистью ведет к его разрушению. Подчинение призвано внушить, что мир вокруг нас испорчен и умирает, но как только человек поймет, что мир устойчив и гармоничен сам по себе, отпадет и необходимость в контроле. Впрочем, если мы говорим о материальных благах, то для получения опыта их накапливания Ад отличное место, соглашусь, ведь там всегда собирается компания самого высокого класса. Они поделятся своим опытом эксплуатации других.

– Всего лишь метафоры, чтобы заставить нас поверить в то, во что поверить невозможно – жестко отрезал Аристов – увести от реальности и замаскировать контроль и подчинение слабого сильным. Человека всегда беспокоит предел своего существования. Беспокоит и пугает. Каждому хочется заглянуть за этот предел.

– Вижу вы живете грезами – заметила Кристина.

Аристов лукаво улыбнулся.

– Удел любого ученого делать мечты человечества явью – сказал он – ваш ведь тоже, не так ли? А перспектива смерти великий мотиватор.

Доктор натянуто засмеялся и вежливо кивнув отошел к другим гостям, вероятно, чтобы они не чувствовали себя брошенными. Кристина видела, как он, подобно ветру парил от одного к другому, всем раздавая комплименты и всем улыбаясь, только каждому по-разному, чтобы гость ощущал себя уникальным на вечере. Старый прием, но действенный.

Взгляд Кристины скользил по широкому залу и стенам, на которых застыли с выражениями жутких страданий лица грешников. Всё пространство вокруг заволочло дымкой. Ощущался какой-то дурманящий аромат, который, однако приводил гостей в экстаз и только раскрепощал их. Стараясь делать самый что ни на есть равнодушный вид, девушка стала прогуливаться по залу.

Действительно это был какой-то дантовский Ад, только в исполнении Аристова поэтическое видение уступало ме-

сту извращенному греховному воспеванию. Даже сам Сатана не мог бы сделать красочнее свое пристанище, чем творение этого доктора.

На пути Кристины возник чудовищных размеров бассейн до краев, наполненный красной жидкостью, которая выплескивалась из пасти какого-то морского чудовища. Девушка почувствовала одуряющий и приторно-тяжелый запах крови. Гости, кто обнаженный, кто в одежде с криками и смехом ныряли в этот кровавый бассейн и начинали брызгать его содержимым друг в друга, стараясь как можно больше выкупаться. В бассейне звенел хохот, который смешивался с вскриками и похотливыми стонами. Седьмой круг Ада, вспомнила Кристина, река Флагетон. Вот только там грешники страдали. Здесь же развлекались. Её первое впечатление оказалось верным.

Отвернув в немом отвращении голову, Кристина увидела молоденькую девочку в школьной форме. Она была цепями прикована к дереву и двое мужчин в смокингах и масках облизывали языками её бедра. В этой интермедии были поменяны роли – невинность была грехом, а похоть добродетелью. Только актеров здесь не было. Все вокруг были уважаемыми людьми, так старательно скрывающими свои преступные желания за маской добропорядочности лоснящегося смокинга. Прав был Бальзак – ничто нас так не связывает, как наши пороки.

Всё вокруг было совершеннейшей, бесконечной кутерьмой, словно бы кто-то оживил картины Босха. Голова Кристины начала кружиться от всего этого и стала невероятно тяжёлой. Её пронзило чувство, что как будто всё, что она здесь видела сейчас превратилось в камень и этот камень придавил ей грудь. Девушка в усталости оперлась о колонну и закрыв глаза немного выдохнула.

Сколько всего ещё она видела? Темные кабинетики с диванами, где мужчины в смокингах передавали друг другу какие-то документы и пили из сверкающих бокалов вино, горы устриц и гигантские омары на серебряных подносах в ожерелье из винограда. Танцующая в монашеском одеянии женщина-факир, извлекающая огонь из своей трости в виде распятия... А может этого ничего и не было вовсе, а это только её фантазии?

Перед ней прошли двое мужчин почтенного возраста, бе-

седовавшие меж собой по-немецки. Они вежливо раскланялись, одновременно сверля девушек похотливыми глазами и продолжили свой путь.

– Аристов явно пользуется здесь авторитетом – констатировала Анна – на нас стали обращать внимание, после разговора с ним.

Кристина хмыкнула, пытаясь вернуться в реальность.

– Думаю происходящее здесь привлекает внимание отребья куда более высокого полета, чем наш доминус доктор.

Очевидно, что царящая аура дурмана должна была подчинить себе волю гостей, находящихся здесь и заставлять их уступать своим самым низменным желанием. Вероятно, Аристову доставляло удовольствие ощущение контроля над людьми, которые были статуснее его самого. Всё здесь было построено на том, чтобы сводить человека с ума.

– Возможно такая атмосфера из-за напитков в тех бокалах – заметила Кристина – алкоголь любого человека может превратить в животное. Интересно, что они пьют? Давайте посмотрим.

Они прошли вперед к барной стойке, за которой стояла абсолютно нагая девушка, на ей вид было не более шестнадцати лет. Очевидно, и фланирующим официанткам было примерно столько же. Интересно почему богачи так любят девственную красоту, мимоходом задалась вопросом Кристина, вероятно их чрезмерное богатство открывает им двери, за которыми теряется мораль и нравственность, которые,

однако уступают место вседозволенности. Похоть нападает на тех, кто ненасытен в обладании чем-то. А страсть к обладанию приводит к насилию и убийству.

– Что вам угодно? – прошептала девочка за барной стойкой – хотите выпить?

Удивительно, каким обманом или угрозами эти высшие, как они считают, люди заманили ребенка в такое? Что же, перефразируя старика Гёте: деньги, власть и развращение три вида сущности одной.

– Огонь и лёд – попросила Кристина, вертя головой по сторонам – Больше огня, если не жалко.

Через секунду перед ней стоял квадратный бокал с голубоватым напитком, над которым колыхалось легкое пламя. Коктейль готовили на её глазах и ничего не добавляли. Возможно напиток, который разносили, был другого рода. Надеюсь, они меня не заставят платить за этот коктейль, усмехнулась про себя девушка.

– Приятно знать, что ты не меняешь вкусы – раздался сзади голос.

Кристина, чуть не захлебнулась. Она не поверила, что слышит его наяву. Это было невозможно.

Девушка осторожно повернула голову и улыбнулась. Ну естественно это была она. Оставалось только понять, по какому велению высших сил её подруга оказалась здесь и сейчас.

– Ты тоже не меняешь своих привычек – заметила девуш-

ка – ты всегда обожала такие веселые местечки.

– Люблю, появляться там, где меня меньше всего ждут – усмехнулась Ксения Авалова.

Она подошла ближе. Её подруга почти не изменилась с их последней встречи. Только лицо стало суровее, впрочем, и у самой Кристины оно было не ахти. Ксения всем видом сохраняла свой фирменный вежливый интерес к окружающим её событиям. Явилась сюда она не одна, а в компании энергичного вида молодого человека.

– Ты нас не представишь? – поинтересовался он.

Ксения ослабилась. Она хотела, сказать нечто, но Кристина опередила её.

– Кристина де Леон – сама представилась девушка – специалист по глобальному развитию.

Молодой человек нахмурился.

– Видимо я должен вами восхищаться – сказал он – но это имя мне ни о чём не говорит. Я Андрей Кирсанов, полиция Директории.

Ах вот оно что, поняла Кристина, значит Кирсанов. Ну теперь понятно. Так это вероятно у нас юный мститель. Ксения Игоревна нашла себе неплохую компанию. Девушка широко улыбнулась подруге, показывая «оценила», та никак не отреагировала, и не выказала удивление фальшивым именем. И на том спасибо.

– Какими судьбами здесь? – поинтересовалась Леонова.

– Вероятно такими же, как и ты – хмыкнула Ксения – нас

пригласили на вечер. Доктор Лев Аристов.

– Есть пара моментов, которые мы должны уточнить у вашей подруги – встрял Кирсанов – нам не говорили, что рядом будете вы.

Анна испуганно вздрогнула. Кристина успокаивающе положила руку ей на плечо.

– Какое совпадение – улыбнулась девушка – мне тоже надо уточнить у неё пару моментов, возможно даже больше. Так что вы не будете против, если я поприсутствую во время вашего разговора.

В мире, в котором они сейчас жили, царили ложь и недоверие они были так же естественны, как вода и воздух и наоборот правда и доверие теперь воспринимались как нечто парадоксальное и мифическое. Нынче только способные к доверию могут обрести успех. Ей придется научиться этому доверию и научить других.

– Сеньорита де Леон – опять услышала Кристина голос Аристова – вижу вы нашли себе нового собеседника для ваших теорий.

Девушка мысленно чертыхнулась. Только тебя здесь не хватало.

Доктор неспешно подошел к ним. Сейчас в руках он держал бокал с той самой жидкостью, что разносили официантки. Рядом с ним шагал седой мужчина с бородой и во фраке.

– Наши доблестные полицейские расследуют ужасное похищение моих друзей – прошелестел Аристов – доктора

Кропса и профессора Мецгера, и должно быть собирают здесь информацию. Здесь так много ученых. Возможно, кто-то знает больше о произошедшем. Кстати, позвольте рекомендовать вам – сказал Аристов, указывая на мужчину во фраке – сэр Джеффри Трэверс. Я уверен, вы слышали о нём.

Кристина слышала. Трэверс слыл чудаком и филантропом. Крупный финансист. Друг первых фамилий США. Организовывал конкурсы красоты на своем частном острове. Правда говорили про него и разное нехорошее. Пару лет назад его обвиняли в сексуальном развращении школьниц, которых он якобы привозил на остров и там они занимались маломоральными делами вместе с многими влиятельными людьми. На него подала заявление в ФБР мать ученицы его частного пансиона, откуда, якобы, девочек и привозили на остров. Случился громкий скандал, который правда продолжения не имел, для Трэверса. Мать и дочь нашли отравленными в номере одной из гостиниц Денвера, за два дня до судебного заседания. Убийцу не нашли, но была пара свидетелей, которые видели, как в номер заходила неприметная девушка. Вот только описания её не сохранилось и было объявлено, что скорее всего имело место самоубийство. Трэверса, естественно, оправдали.

Кристина манерно протянула руку.

– Ваша слава обгоняет вас мисс – заметил Трэверс, целуя ей руку – я восхищен вашей последней статьей о глобальной устойчивости.

Кристина вежливо улыбнулась.

– Я просто считаю, что мир, в котором создано столько чистого и прекрасного не может быть так плох и заслуживает шанс на выживание.

Если эта фраза и задела Трэверса, то он никак это не продемонстрировал, продолжая открыто улыбаться. Интересно, подумала Кристина, к таким людям применимо понятие «задеть»? Должно быть то состояние припадочной похотливости, тонко описанное Набоковым, особенно льстит их самолюбию и убивает все остальные чувства.

– Конфликт между гармонией и разрушением есть давний, почти мифологический спор – заметил Трэверс – иногда мне кажется, что мы приносим на Землю столько страданий, что в один прекрасный момент она отторгнет нас от себя.

– Таков наш печальный удел – развел руками Аристов – быть образчиками того, как поступать не следует. Однако мы заговорились. Презентация начинается через пять минут, прошу вас.

Кристина проводила удаляющихся мужчин взглядом. Что же себялюбие – это глобальный порок. Девушка залпом допила коктейль и жестко поставила его на стойку. Добро пожаловать в новый мир, Кристина Сергеевна.

* * *

На свое шоу доктор собирал гостей в следующем зале, где под громкие звуки живого оркестра кружились в танце пары. Женщины были полностью обнажены. Мужчины с неистовой силой прижимали их тела к себе. Вокруг всё звенело, грохотало, прыгало и полыхало огнем. Гремел и полыхал оркестр, ударивший джаз, летали туда-сюда нагие официантки с блестящими подносами. Ад продолжался и только росло его торжество в сознании случайного гостя вечера.

И вдруг всё прекратилось. С оглушительным треском погас свет. Гости, обнажённые женщины, официантки, ор-

кестр: все замерли в ожидании чего-то нового.

Стало почти темно. Горели только тусклые свечи в бронзовых подсвечниках, которые держали в руках обнаженные девушки. Затем открылся люк в полу и кверху стала подниматься платформа, выполненная в виде гигантской чаши, внутри её стоял Аристов, он был одет в черный до пят фрак и лакированные туфли. Толпа гостей встретила его аплодисментами. Он в ответ триумфально вскинул руки.

– Известно – заговорил он – Что человечество, долго шло к моменту, когда оно перестанет стыдиться за самих себя – голос доктора достигал самых дальних уголков зала. – Для наилучших умов это была всего лишь мечта, теперь это реальность. Здесь на этой благословенной земле родится новый человек! Человек, который будет лишен страха, который будет неуязвим для оружия и болезней, человек, который может воспроизводить сам себя и получит бессмертие!

Гости снова встретили его слова аплодисментами. Стена за спиной доктора ожила, трансформировавшись в гигантский экран, на котором проецировалось трехмерное изображение человеческого мозга и строение нейрональной клетки. С помощью цветных графиков на стене возникали и пропадали связи в нервной системе организма.

– Мы, работая над генетической структурой человека – продолжал Аристов – смогли создать, то, что ещё не удавалось никому! Впервые мы заключили человеческое сознание в искусственный нейрон.

На экране было видно, как Аристов поднимает на всеобщее обозрение небольшой стеклянный куб, в котором извильность нечто напоминающее сороконожку.

– Перед вами проект «Acquisition»! – сказал Аристов – Он уникален. «Acquisition» встраивается в нервную систему человека и полностью перемещает те данные, что были заложены в него. Он полностью восстанавливает любые функции нервной памяти человека. Вы даже не представляете, как «Acquisition» преобразит наш мир. Это возможность избежать старения! Это возможность избежать болезней. Это возможность избежать смерти! Теперь нам не нужно ждать ничего Суда, теперь мы сами сможем устанавливать свой порядок! Мы люди и только люди! Однако мы должны понимать, что подобный инструмент должен быть использован только достойными и поэтому мы должны создать расу непобедимых воинов, которые будут обеспечивать наш мир и порядок!

Последовал новый всплеск восторженных вздохов.

– А тем временем пусть огонь новой жизни озарит наш вечер – воскликнул Аристов – Да будет свет! – доктор хлопнул в ладоши и словно одновременно зажглись тысячи ламп.

Кристина инстинктивно зажмурила глаза, от ударившего в глаза света, а когда открыла, то увидела, что Ад кончился. Она стояла на траве, посреди огромного луга. В нос ударил приторный запах южного сада. Мрачные интерьеры с костями и черепами исчезли. Официантки стали снова уже не

в черном белье, а полупрозрачных белых туниках. Такие же туники оказались на прежде обнаженных танцевавших женщинах.

– И пусть наше веселье наполнит этот рай радостью и чистотой! – воскликнул Аристов, после чего исчез, вместе с подиумом-чашей. Гости вечера вернулись к танцам, напиткам и светским разговорам.

Авалова задумчиво пожевала губу.

– Он любит красивые жесты – констатировала она.

Кристина мрачно кивнула. У неё неприятно засосало под ложечкой от выступления Аристова.

– Что тебе нужно от него? – спросила она.

Ксения усмехнулась.

– Этот молодой человек – указала девушка на Кирсанова – попросил меня вспомнить молодость и помочь ему расследовать пропажу двух ученых. Их убили, по крайней мере так мне сказал «Голубь». Он, кстати и сообщил, что пропавшие ученые работали на Аристова. Один был генетик, второй биотехнолог. Аристов утверждал, что вы знакомы с одним из них, Анна. Доктором Кропсом.

Анна пожала плечами.

Не сказала бы, что знакома – бросила она – просто несколько раз он приходил ко мне в дом. Он оставлял документы, для моего знакомого, я их передавала вот и все, но я не могу сказать, что в них.

– Александру Верховскому? – веско спросила Ксения –

мы в курсе того, что связан с этим делом.

Анна бегло взглянула на Кристину. Та коротко кивнула.

– Да – сказала Анна – Верховскому. Но повторяю, я не знаю, что в них.

Ксения сверкнула глазами.

– Значит вы действительно помогаете Верховскому в его поисках – произнесла она – где он? Я бы хотела с ним поговорить.

Кристина вздохнула.

– Мы бы тоже хотели – сказала она – он должен быть в Петерштадте. Я отправила Флориана встретился с ним, но пока от него ни слуху, ни духу. Что у вас на Аристова?

Ксения пожевала губу.

– Только официальная биография – сказала она – много странных фактов, но в цельную картину, которая могла бы объяснить его действия, они не складываются, однако мы встречались с Айтисом Монтвидом – администратором порта. Он утверждает, что здесь помимо всего прочего занимаются изучением влияния вирусов на генетическую структуру человека и используют женщин и детей в качестве подопытных.

– Ты сказала, что второй пропавший ученый по специальности биотехнолог, Кропс генетик – задумчиво проговорила Кристина – кажется, я начинаю кое-что понимать. Слухи об этом были, но я не думала, что правда. Где сейчас этот Монтвид?

Ксения потупила взгляд.

– Он покончил с собой – развела руками девушка – когда понял, что рассказал больше, чем хотел.

– Ну естественно – фыркнула Кристина – это было бы слишком просто. Хотя и не думаю, что он много знал. Тупик.

Кирсанов многозначительно кашлянул.

– А почему, собственно, вы интересуетесь этим делом? – осведомился молодой человек – мне кажется это несколько далеко, от ваших научных интересов, разве нет?

Так, начинается, вздохнула Кристина. Этому жетон секретности не покажешь. Но и раскрывать кто она, девушка не собиралась. Тем более в таком великосветском обществе.

– А у меня много научных интересов – улыбнулась Кристина – я вообще разъездной борец с неприятностями, в глобальном масштабе.

Она бы немного дала за то, что молодой человек поверил этому объяснению, судя по его настороженному взгляду, но Ксении, а та держалась с ней весьма дружелюбно, он, как видно, доверял, поэтому и не стал развивать тему.

– Думаю мы сможем поговорить об этом в другом месте – заявила Ксения – пока же я вижу, что мы пытаемся понять одну и ту же загадку. Я не вижу причин, чтобы нам не объединится. Ведь когда-то мы сотрудничали. Возможно время для этого настало вновь?

Кристина очень хотела бы согласится. Хотела вернуть всё как было когда-то в её совсем другой жизни. Проблема этого мира в том, что люди умные и благородные всегда полны сомнений и ненужной рефлексии, тогда как их антагонисты идут напрямиком к цели.

– Идёт – вздохнула девушка, легко кивнув – по крайней мере попробуем. Доверия – основа успеха. Полагаю, у вас

уже есть план.

Авалова кивнула в сторону Кирсанова. Тот всё ещё недоверчиво обозревал Лёвонову.

– Не знаю почему Ксения вам так доверяет – пробормотал он – но если уж без этого не обойтись... Сейчас основное внимание Аристова приковано к этому вечеру, значит другие помещения департамента охраняются не так сильно. Он не ожидает бреши там.

– Что вы предлагаете? – спросила Кристина.

– Держу пари, что вся информация о проектах Аристова есть на центральном сервере – сообщил Кирсанов – если бы мне удалось проникнуть туда, то я смог бы подключиться к системе и скачать данные.

Анна нахмурила брови.

– Думаю я смогла бы в этом помочь – сказала девушка, переводя взгляд с Ксении на Кристину – я ни черта не разбираюсь в компьютерах, но знаю план здания и могу постоять на стороже.

Ксения подавила улыбку, вероятно представив зрелище.

– План, что и говорить превосходный: – осклабилась Кристина – лучше не придумать. Только один недостаток: совершенно неизвестно, как привести его в исполнение.

– Если я расскажу все свои фишки, мой план потеряет свой превосходный смысл – заметил Кирсанов – не волнуйтесь если этот не сработает, у меня будет ещё тридцать две буквы на подбор нового.

Ксения ожгла его взглядом. Молодой человек насупился.

– Ну ладно – согласился он – знаю, оправдание так себе.

Прошу меня извинить, но я занимаюсь спасением мира всего два дня.

* * *

Недалеко от побережья Франции, в том месте, где три мушкетера штурмовали знаменитую Ла-Рошель, роскошная 60-метровая яхта рассекала волны, которые в ночной мгле казались больше чернилами нежели водой. И только их и мог заметить кто-либо оказавшийся поблизости, поскольку конструкция яхты была надежна защищена технологиями невидимости, которые, впрочем, не мешали роскоши внутри. На судне имелись кинотеатр, бассейн, теннисный корт, ресторан с живым оркестром, а ещё вещи менее гражданские, например, армейский командный центр, подключенный по специальным выделенным линиям к штабам НАТО, ЦАХАЛ, НОАК, а ещё из ООН, ВОЗ, МВФ, Государственному департаменту, форин-офису, МИДу Великолоруссии... ко всему, к чему имел интерес и касательство хозяин этой яхты. Незримо, все эти структуры подчинялись ему. Нет, естественно не ему – Организации. Она была выше, чем он. Её идея была выше, чем он. Он всего лишь руководил ей в данный исторический момент. На данный момент эта небольшая база с взводом обученных солдат, системами ПРО, ПВО, и противосто-

рабельными ракетами прекрасно подходила ему, для управления действиями Организации.

Этого человека, о котором на самом деле толком ничего не было известно, а были только слухи, как только не называли: и пособником дьявола и великим грешником, и тайным кукловодом. Но та атмосфера страха и лжи, созданная им препятствовала любым попыткам выяснить его природу и природу его Организации. В результате страха и всеобщей паники им удалось подняться на небывалую высоту. Он был распространителем страха – самого потрясающего из всех человеческих пороков. Вот это было, пожалуй, самое точное определение ему.

Не заботясь о заезженной этической критике, он построил репутацию Организации на двух постулатах.

Сей страх.

Сей страх в глобальном масштабе.

Только этот страх перед будущим заставит человечество отринуть все его греховные пороки и устремится в нечто новое для себя. Те из них, которые не захотят принять для себя очистительную истину, будут уничтожены.

Сейчас он сидел перед большим экраном, с которого на него смотрели трое. Связь с ними обеспечивалась, через голосовой шифратор и переадресацию из пяти несвязанных друг с другом стран. Отследить сигнал было невозможно.

– К вашим услугам, Координатор – раздалось поочередное бормотанье с другого конца передачи.

– Мне тоже так казалось – последовал ответ.

Его забавляло их показное раболепие. Они так смелы и грозны в своей обычной жизни эти сильные мира сего. Их окружает почёт, слава, их даже боятся, но стоит им вспомнить, что они всего лишь колеса в отлаженном механизме системы боятся уже не их, а они сами.

– Вы так срочно захотели связаться? – продолжилось бормотание – разве случилось что-то непредвиденное?

Координатор научился не бояться страха. Он научился принимать его и приветствовать его, ведь с ним была та невидимая обычному человеческому сознанию ноосфера, которую умели понимать очень немногие на этой планете. Эта таинственная «Арнис», та, что скрывалась за личностью Кристины де Леон, она безусловно тоже понимала и умела управлять этой сферой, поэтому она не боялась открыто бросать вызов Организации, показывая людям альтернативное решение нынешнему глобальному курсу. Это было опасно.

– Я лишь хочу, чтобы вы делали, то что в ваших силах компетентно – сказал Координатор – ваш доклад об учёных был весьма подробен. Я надеялся, что они смогут послужить нам и далее, однако генерал Адашев решил иначе. Вы правильно указали на поспешность его действий.

– Благодарю вас – кивнул Аристов. Его лицо излучало успех, тогда как Адашев, находившийся в ином от двух других месте побледнел.

– Однако Организация не нуждается в ваших интерпрета-

циях – заявил Директор – естественно в иное время, генерала бы незамедлительно ликвидировали, за подобную недалёковидность, но мы не должны разбрасываться кадрами и устраивать междоусобицы, вам понятно, доктор?

– Да, Координатор – отвечал с экрана Аристов.

– Теперь мы можем перейти к более насущным вопросам – продолжал Координатор – господин Трэверс, я полагаю вы всесторонне изучили методы доктора Аристова? Какого ваше мнение?

Трэверс склонил голову.

– Совершенно верно – сказал он – доктор, любезно показывает мне боксы, где проходят предварительные тесты. Инкубационный период болезни составляет две недели. Смертность в восьмидесяти процентах случаев.

Координатор наморщил свой высокий лоб.

– Слишком много – произнес он – позволю вам напомнить, что задача вируса не в уничтожении всего населения планеты, но лишь в коррекции вида, как вы сами утверждали. Организация приняла этот проект. Печально, что ваши предварительные расчеты оказались неверны. Возможно изменение воздушно-капельной структуры...

– Любая другая передача вируса опасна для иных биологических видов и в таких условиях штамм вируса уже нельзя будет варьировать в зависимости от расы – немедленно перебил Координатора Аристов – Мецгер предупреждал об этом. Если бы он был жив, то смог бы изменить геном.

Координатор бросил взгляд на Адашева, тот сохранял спокойствие на своем лице. Он проглотил издевку.

– Неприемлемо – сообщил Координатор – но думаю, что вы уже нашли выход из создавшегося положения.

Аристов кивнул.

– Возможно дело в особенностях метаболизма – сказал доктор – если бы у меня было больше подопытных...

Это была словно бы робкая просьба ребенка купить ему мороженное. Эти врачи всё же удивительные циники.

– Так возьмите то, что вам нужно – сказал Координатор – помнится генерал, вы утверждали, что в катакомбах образовалась некая группа подпольщиков. Организуйте туда облаву, только берите больше, чтобы не было неточностей в подсчетах ресурсов.

– Как пожелаете – ответил Адашев – я немедленно отдам распоряжение.

– Если позволите – встрял Аристов – у меня есть несколько соображений по проекту «accusition». Мои первичные тесты по вживлению чипа показывают, что он бесполезен без тех компонентов, что спрятаны на лодке «Барс». Чип подвергается старению и разрушается, что ведет к необратимым психологическим деформациям его носителя.

Координатор перевел взгляд на Адашева.

– Мне бы тоже хотелось знать ответ на этот вопрос, генерал – прошелестел его голос.

Адашев по-прежнему сохранял хладнокровие. Его нико-

гда не подводила профессиональная выучка. В КГБ хорошо готовили.

– Заверяю, что это не должно вызывать беспокойства – ответил генерал – мои агенты как никогда близки к раскрытию этой тайны. Скоро мы получим доступ к спрятанной лодке.

Трэверс выступил вперед.

– Мои люди в Канаде и США полностью готовы оказать необходимую поддержку – сказал он – мы лишь ждем сигнала.

Координатор пропустил улыбку.

– Тогда будем надеется, что каждый из вас успешно выполнит свою задачу – заключил он – в скором времени у нас должна быть достойная игрушка, которая достойно продемонстрирует наши намерения.

– Можете на это рассчитывать – сказал Аристов – ошибки не будет.

– Да будет так – ответил Координатор – если в ближайшее время мы не достигнем желаемого, я предприму некоторые шаги, дабы никто из участников проекта не попал в руки нашего врага. Я бы испугался до смерти, на вашем месте, господа.

* * *

Кирсанов осторожно приоткрыл тяжелую металлическую дверь. Молодой человек хотел бы идти быстрее, но ноги ед-

ва его слушались. Лоб был мокрым от неожиданной влажности, кровь билась в теле даже в самых кончиках пальцев. В голове стучала одна мысль – взять гранатомет и разнести эту клинику в щепки, желательно вместе со всем собравшимся здесь бомондом.

– Не надо злиться – спокойно сказала Анна, кладя ему на плечо руку – злость делу не поможет. После того, что сделали со мной, я тоже могу иметь право ненавидеть их всех, но победить мы сможем только, используя наш ум.

Кирсанов повернул голову в её сторону. Ему вдруг показалось, что эта девушка может читать его мысли.

– Я говорил вслух? – спросил он.

Анна снисходительно улыбнулась.

– Нет – сказала она – просто желание испепелить всё вокруг написано у вас на лице.

Кирсанов решил поверить девушке на слово. Выражение на лице у него, наверное, действительно было беспокойное.

Коридоры департамента были похожи один на другой, словно безжизненные металлические линии. Они были абсолютно пусты и единственным звуком был ровное гудение генераторов.

Тот коридор, по которому шли спутники, заканчивался стальными дверьми лифтов. Возле них тоже не обнаружилось людей. Кирсанов подошел ближе и нажал кнопку вызова.

– Эти лифты унесут нас на самый верх – сообщил он –

серверная находится там. Мы с Ксенией шли мимо неё, когда были тут сегодня утром.

Анна хитро улыбнулась.

– Возможно проще было бы украсть жесткий диск – предложила она – не скачивать всю информацию.

Кирсанов покачал головой.

– К сожалению, нет – сказал он – указом Директории на всех важных компьютерных системах установлена магнитная защита, если их тронешь без специального ключа, данные самоуничтожатся, вместе с носителями. Я не прочь досадить им, но не хочу превратиться в желе.

Анна тихо засмеялась, оценив его шутку.

– Да – сказала она – ум есть у того, кто нарушает правила и остается при этом живой.

Кирсанов кивнул.

– В старых поговорках есть зерно истины – согласился молодой человек – побыв рядом с Ксенией я понял, что никогда не стоит рисковать без причины.

– Вероятно она прекрасный человек – пожала плечами Анна – и наставник.

Кирсанов улыбнулся.

– Замечательный – сказал он – она показала мне совсем другой путь. Раньше я наивно полагал, что служба системе положит конец всем конфликтам на моей родине, даст надежду другим. Мне не хватало смирения, чтобы сказать себе, что я неправ и заглянуть чуть дальше того, что мне пред-

лагают. Ксения показала мне, что высшая слава в том, чтобы сражаться за истину.

– Ты всегда должен быть готов к тому, что можешь быть неправ – заметила Анна – это помогает нашему развитию.

Кирсанов заинтересованно посмотрел на спутницу.

– И часто вам приходилось сталкиваться с подобным? – поинтересовался молодой человек.

Анна засмеялась.

– Частенько – сказала она – помню однажды...

Девушка неожиданно запнулась. Лицо её исказилось гримасой боли. И видно было, что она делает невероятное усилие, чтобы не закричать. Она с силой зажмурила глаза, потом открыла. Всё было в порядке.

– Что с вами? – спросил Кирсанов – вы что-то вспомнили плохое.

Анна замотала головой.

– Нет, нет – сказала она – всё нормально. Просто немного голова закружилась, здесь ужасная влажность.

Что верно, то верно в этом здании явно было что-то не так с контролем климата, но молодой полицейский прекрасно понимал, что причина состояния его спутницы была явно не в этом, однако решил не лезть с вопросами, по крайней мере до поры.

Лифт с характерным звуком затормозил на выбранном этаже. Первого кого они увидели это крупного вида медтехника, который деловито наблюдал за какой-то жидкостью в

пробирке.

– Эй – сказал он – вы кто такие? Что вам нужно?

Хорошо, что этот медтехник сначала спросил, а не стал сразу вызывать охрану, мелькнуло у Кирсанова.

– Мы ищем доктора Аристова – как можно более убедительным тоном сказала Анна.

Она искренне надеялась, что медтехник поверит.

Медтехник почесал затылок.

– Вы новый пациент? – спросил он.

– Да – соврала Анна – а это мой охранник – она указала рукой на Кирсанова.

Медтехник кивнул.

– Обычно наших гостей проводит сюда охрана – сказал он – впрочем сейчас все заняты, попробуйте поискать доктора возле четырнадцатой лаборатории.

С этими словами медтехник отвернулся и больше не смотрел на них. Кирсанов некоторое время вглядывался в его спину, но техник больше не поворачивался.

Поняв, что они ему больше не интересны, спутники поспешили дальше. В четырнадцатой лаборатории никого не было, за то оказался компьютерный терминал, включенный. Кто-то судя по всему ещё не закончил здесь работу. На компьютерном столике лежали разбросанные диски и остатки еды. Неужели бывает такое везение?

– Вы разбираетесь в компьютерах? – спросила девушка.

Кирсанов деловито кивнул, с таким видом, словно бы уже

родился с дипломом программиста. Он уселся за стол и только приготовился открыть файл, как...

– Мне казалось, что вы ищете доктора Аристова? – обвинительно, спросил голос.

Кирсанов обернулся. Нет такого везения не бывает, сокрушённо подумал он, Медтехник следил за ними. Их поймали.

* * *

Медтехник пристально и подозрительно вперся в них взглядом, от которого было крайне неудобно.

– Вы же говорили, что разыскиваете доктора Аристова? – строго поинтересовался мужчина – разве не так?

Кирсанов уже раздумывал, чем бы долбануть надоедливую субъекта Анна это видела и быстро придумала ответ, стремясь избежать драки.

– Я думала, что это информационный терминал – ответила она – ну, знаете, где можно посмотреть планировку здания.

Ага, так он и поверит. Объяснение получилось крайне неубедительным, даже ежу будет понятно, что она врёт. Кирсанов наконец нашел подходящий предмет – тяжелый металлический баллон.

– Всё же это не дает вам право ходить по закрытому учреждению – сказал медтехник – я сам сейчас посмотрю смогу

ли я определить местонахождение доктора.

Неужели повелся. Удивительно. Кирсанов медленно выдохнул, убирая руку от баллона. Тем временем медтехник включил компьютер и что-то набрал на клавиатуре.

– Вам нужно на двадцатый этаж – наконец сказал он – у доктора Аристова там встреча, там вы его найдете.

– Спасибо, – сказала Анна, – большое спасибо.

Однако теперь медтехник их не оставил в одиночестве, а проводил к дверям лифта, подождал пока лифт не прибыл, а когда это произошло, он проследил, чтобы парочка зашла внутрь и лично нажал кнопку двадцатого этажа.

– Это не очень хорошо – констатировал Кирсанов, после того, как двери лифта закрылись, и он начал движение вверх.

– Скверно – согласилась Анна, наблюдая, как переключаются огоньки, по мере того, как лифт поднимался к верху – возможно мы там тоже сможем найти терминал?

Они вышли на двадцатом этаже и попали в длинный коридор, освещенный длинными белыми лампами дневного света. В коридоре было тихо и безлюдно. Сквозь широкое панорамное окно можно было разглядеть панораму ночной Ольвии и широкое чернильное море. Вдоль коридора двери были с обеих сторон и в своем конце он раздваивался. Скорее всего здесь были офисные помещения. Спутники хотели повернуть направо, но услышали приближавшиеся к ним голоса и нырнули в какую-то нишу.

– Если вы пройдете сюда, то увидите, что все подготовле-

но, друг мой – это был голос того, кого они якобы искали – Аристова.

– Думаю можно поздравить всех нас с прекрасной работой – раздался ещё один голос.

– Это Трэверс – пояснила Анна шепотом.

– Я в курсе – шепнул в ответ Кирсанов – вы думаете, что я вообще ни в чем не разбираюсь?

Девушка манерно пожала плечами.

– Мудрые говорят, что судить нужно по результатам – заявил Трэверс – однако признаю то, что вы рассказываете звучит крайне впечатляюще, надеюсь увидеть лично.

Кирсанов выжидательно уставился на спутницу.

– Что? – шепотом возмутилась девушка – я понятия не имею о чём речь.

Кирсанов хмыкнул.

– А мне ещё подсказывает! – сказал он.

Анна пихнула его локтем, она упустила несколько слов из разговора.

...убедиться в этом лично – услышала она Аристова.

Парочка выскочила из своего укрытия и побежали по коридору направо вслед за удаляющимися мужчинами, время от времени скрываясь за выступающими колоннами, чтобы оказываться вне поля зрения ненужных глаз. Мужчины тем временем подошли к дальней стороне коридора. Аристов приложил руку к холодному камню и сразу же загорелся огонек. Часть стены отъехала, открывая кабину ещё од-

ного лифта, и доктор жестом пригласил своего гостя пройти внутрь. Перед тем, как двери закрылись можно было услышать голос Аристова.

– Этаж обеззараживания.

Со всех ног Анна и Кирсанов помчались к проему стены, но поздно панель закрылась. Девушка приложила к стене руку, снова загорелся огонек.

Панель отъехала в сторону, и они оказались перед вернувшимся наверх лифтом.

– Этаж обеззараживания – повторил Кирсанов, то, что сказал Аристов. Лифт начал двигаться, но не вниз или в вверх, как это можно было бы подумать, а вперед.

* * *

Департамент Биологического Благоустройства приводил Джеффри Трэверса в состояние глубокой апатии и депрессии, особенно учитывая, что он знал обстоятельства визита и видел их последствия в реальности. Предварительные последствия, напомнил он себе. Все эти смерти, паника, пестрящая в СМИ, в том числе в его собственных, то была лишь первая волна. Вторая, если верить его спутнику будет гораздо разрушительнее.

Впрочем, его это не должно касаться. Организация хочет держать в черном страхе весь мир, ну и пусть. На него это не распространяется. Каждая из миллиардов новостей о кри-

зисе принесет ему миллионы. Организация устраивает его, он устраивает Организацию. Как говорится ничего личного только бизнес.

А вообще план Организации ему даже понравился. Показать этим жалким правителям государств, чего они стоят на самом деле. Им так хочется видеть, что они построили какой-то лучший мир. На самом деле они всего лишь пешки в неумолимой глобальной борьбе за выживание.

Трэверс невесело рассмеялся. А ведь ты тоже боишься Организацию, сказал он себе. Ну ладно, не боишься, опасаться. Опасаешься, что с тобой сделают тоже самое. Твои мелкие грешки, они им прекрасно известны. Известно кто побывал на твоём острове развлечений и известно, что они там делали и с кем делали. Они и пришли к тебе потребовав, чтобы компромат, который ты собирал на своих гостей, ты отдавал им, всячески потворствуя развращенным наклонностям твоих гостей.

Организация умела убеждать. Именно, чтобы «простимулировать» Трэверса следить за Аристовым, они раструбили об острове и его хозяине. И так раструбили, что об этом узнали все заинтересованные стороны. А потом сами же сделали так, чтобы история исчезла, как будто её не было. Иногда Трэверсу становилось не по себе от той мощи, которой обладает Организация, но в тоже время эта мощь привлекала его больше даже чем порок девственной юности.

Аристов открыл дверь в лабораторию и провел гостя впе-

ред. Доктор сохранял на лице свою змеиную улыбку. Ему бы Воландеморта без грима играть.

– Полагаю вы хотите показать мне, то что внутри – вежливо осведомился Трэверс – или я ошибаюсь?

Доктор ладонью разгладил складки на висках.

– Нет не ошибаетесь – сказал он – я хочу, чтобы вы лично посмотрели, что такое вторая волна, своими собственными глазами.

Вот уж без чего бы он точно обошелся бы, особенно после сытной закуски и выпивки внизу. Тошноту вызывало уже само нахождение здесь. Трэверс никогда не страдал чрезмерным любопытством. Но делать было нечего. Или в лабораторию или на электрический стул.

– Ведите – нехотя согласился он.

Лаборатория была типичной. Белой и стерильной. С ярким освещением, отражавшимся от металлических вставок. Единственной разноцветной вещью здесь были светодиодные таблички об опасности заражения. Подобно приведениям по помещению шуршали жутковатые зеленые фигуры в черных масках, полностью покрывавших лица.

С характерным шипением дверь закрылась. Трэверс пожегся, а его проводник пустился в нудные научные разъяснения. Трэверс терпеливо слушал о том, что каждый вирус уникален, о широких возможностях генной инженерии и мутагенных факторах.

– Мне казалось, что вакцина убьет вирус – произнес он,

когда закончилась лекция.

– О это не совсем так – сладко произнес Аристов. Трэверс заметил, что доктор обожал сообщать ранее неизвестные детали проекта – я бы сказал, что вирус будет жить с нами вечно, если мы его уже выпустили. Вакцина способна только корректировать его вспышки. Вы понимаете о чём я.

Трэверс понял, что от него ждут ответной реплики.

– Но ведь ситуацию можно стабилизировать? – уточнил он.

Аристов улыбнулся.

– Если бы всё было так просто – сказал он – дело в том, что к этому вирусу нет природного иммунитета, а на создание вакцины уйдут годы. Государства будут вынуждены вкладываться в новые и новые исследования. Конечно, нет ничего невозможного, но затраты превысят бюджеты в десять, двадцать раз, по скромным подсчетам. Государства, даже самые крупные, окажутся разорены, чего же говорить о мелких. Вот тогда дорогой Трэверс мы и выкинем вакцину на рынок. С вашей помощью.

Именно это и было самое выгодное для Трэверса, ведь, чем тяжелее случай, тем больше лекарства было нужно. А на последней стадии вирус затрагивал уже такие важные органы, что их приходилось ампутировать или пересаживать.

Трэверс шагал вдоль боксов и наблюдал, как заточённые в бесконечном ужасе люди изнывали от последствий болезни. Здесь были представлены всё стадии.

– Одно из последствий генетического вмешательства в структуру вируса стало что теперь иммунная система просто сходит с ума от контакта с ним. У некоторых объектов даже кости разжижаются. Они превращаются в живые сосуды с вирусом. Да, как вы уже докладывали, инкубационный период, ещё очень длинный, но вот сама болезнь развивается стремительно. Один маленький микроорганизм в объекте способен заразить сотню объектов. Это будет поистине массовый мор. Но вирусу нужно время, чтобы расползтись, почувствовать вкус.

– Как я полагаю болезнь передается и между расами? – поинтересовался Трэверс, стараясь не смотреть в бокс.

– Именно в этом и проблема – сказал Аристов – пока вирус универсален, но гораздо элегантнее было бы если бы одна версия убивала бы чернокожих, другая белых, третья желтых, ну и так далее. Представляете сколько бы противоречий удалось бы поджечь этим. Ведь слухи об этом уже ползут, а если они окажутся правдой... Однако мне нужно больше объектов из разных стран. Думаю, ваши способности с конкурсами красоты могли бы...

– Конкурсами красоты? – уточнил Трэверс.

– Безусловно – сказал Аристов – юный организм как никогда лучше подходит для изучения. К тому же если вживлять вирус через беременность...

Трэверс проглотил комок в горле. Он на секунду представил миллионы людей, которые медленно превращаются в желе. Работа Аристова была действительно неподражаема, до дрожи.

* * *

Транспортная капсула двигалась очень быстро, и поездка не была долгой. Вскоре лифт остановился, двери открылись и молодые люди смогли оглядеться. Они вновь оказались в длинном коридоре, однако с совершенно другим антуражем. Здесь стены были выложены крупным белым камнем, из-под

которого торчал мох. В сыром воздухе чувствовалась мокрая взвесь.

Кирсанов осторожно прошел вперед, увлекая за собой девушку, стараясь не наступать на лужи. Возле одного из проемов спутники увидели свет и поспешили туда.

Тяжёлая металлическая дверь вела в небольшую, но хорошо освещенную комнату, посреди которой стоял длинный цинковый стол, на котором лежали толстые папки и контейнеры с пробирками.

... им можно доверять... – раздался голос Аристов, он был холодный и бесстрастный, как из могилы.

– О не волнуйтесь – прозвучал ответ Трэверса – они будут молчать. У меня на них много чего есть, интересного.

Молодые люди пододвинулись ближе.

– Главное в нашем плане это точность сроков – продолжал Аристов – ничего нельзя менять. Вам во что бы ни стало надо организовать работы по изучению лодки.

– Я держу слово – сказал Трэверс – как только наш любимый генерал предоставит информацию. Мои люди готовы. Не буду занимать более ваше время, доктор. К тому же мне уже пора, мой самолет улетает через двадцать минут.

– Я провожу вас – заявил Аристов.

Клацающая каблуками по каменным плитам, двое мужчин вышли к посадочной платформе. Через несколько секунд транспортная капсула со скрежетом отъехала, унося пассажиров назад в основной корпус. Наступила полная тишина.

Только теперь Анна осознала, что они оказались плотно прижаты друг к другу. Так плотно, что сразу после этого осознания у девушки возникло ощущение некоторой неловкости. Нужно было хотя бы немного отодвинуться, но почему-то не хотелось. В этом сыром бункере, в котором они сейчас были одни, Кирсанов казался таким надежным и крепким, что к нему очень хотелось прижаться.

Эй чего ты себе навывдумывала, фильмов пересмотрела?

К счастью момент скоро прошел, и девушка всё-таки нашла в себе силы отлепить себя от стены и плеча молодого человека. Кирсанов, было видно, даже немного расстроился.

Осторожно спутники двинулись по направлению к проему, где всё ещё был включён свет. Кирсанова настораживало, что он не видит часовых или охрану, неужели они полагаются только на пароли.

Они зашли внутрь. Помещение представляло абсолютно квадратную комнату, ярко освещенную потолочными светильниками. Стараясь не шуметь молодые люди подошли к столу. Кирсанов сел за компьютер и ввел несколько команд. Но ничего особенного они не увидели лишь только историю создания департамента, биографию врачей, благодарности. Всю грязную ложь – заключил Кирсанов. Анна укоризненно посмотрела него. Кирсанов не обратил внимания и только в сердцах стукнул ладонью по клавиатуре, отвернувшись от экрана. Внезапно Анна похлопала его по плечу. Он воззрился на девушку.

– Экран – пояснила она.

Кирсанов резко развернулся. Он не понял, что сделал, но, вероятно, что-то нажал, поскольку возникла дорожка загрузки.

– Я надеюсь, что это не потому, что вы его вырубili – хмыкнула Анна.

Экран замерцал и появилась новая надпись:

«SPECIAL'NYJ	DEPARTAMENT
BAKTERIOLOGICHESKOGO	ORUZHNIYA I
ZARAZHENIYA».	

Молодые люди переглянулись, от одного названия кровь стыла в жилах. Кирсанов щелкнул на папке испытуемые и сразу же перед их глазами включилась инфографическая таблица со списками пациентов клиники в левой части и их жизненными показателями справа, которые постоянно менялись. Большинство из пациентов были взрослые, но судя по датам рождения были, и подростки и совсем дети и что самое ужасное здесь были даже целые семьи из трех человек.

Некоторое время ещё Кирсанов и нагнувшаяся над его плечом Анна синхронно водили глазами по экрану монитора, они были настолько в шоке, что не могли даже слово сказать друг другу. Оба понимали, что они нашли что-то такое, что явно хотели скрыть. Они попали в самое черное сердце департамента и в них обоих просыпался страх перед тем, что могли значить эти данные на мониторе: эксперименты над людьми, дети в качестве оружия и что-то более страшное.

Кирсанов резким движением вытащил флешку из компьютера.

– Пора уходить! – коротко сказал он девушке, искренне радуясь, что ещё не потерял дар речи.

Они хотели направиться к капсуле, как вдруг услышали тихое чваканье сзади. Молодые люди быстро оглянулись в комнате никого не было. Хлюпающий звук повторился и раздался тихий стон. Анна обратила внимание, на металлическую дверь, которую они сначала не заметили.

– Наверное звук идет откуда-то изнутри – предположила девушка.

Она осторожно открыла дверь, её сердце быстро стучало. Молодые люди зашли в чёрный проем, не заметив надпись

«OPASNO! ZONA ZARAZHENIYA!»

Они попали в такой же длинный и тёмный коридор, как от лифта. Вероятно, всё здание было испещрено подобными туннелями, как муравейник. Пройдя метров пятьдесят, они увидели площадку, облицованную металлическими панелями и две прозрачные двери, которые вели в комнату, разделенную на несколько одинаковых квадратов из бесцветного пластика. Комната была пуста, без мебели или окон. По строению она напоминала огромный пчелиный улей. В каждом квадратике бултыхалась зеленая пена, как в напитке тархун. Рядом никого не было и молодые люди остановились перед одним из квадратиков, чтобы рассмотреть поближе.

Внезапно раздался тот самый хлюпающий звук, и пена

прыгнула на них. Вреда она им не нанесла, потому что не смогла пробить стену и растеклась по ней. Это зрелище было ужасно. Спутники пошли вдоль рядов пластиковых стен и во всех квадратиках они видели эту растекающуюся зеленую пену. Пройдя чуть вперед, они обратили внимание, что в комнатке, к которой они подошли, пена растеклась по полу образовывая силуэт человека и на секунду могло даже показаться, что это и был человек.

– Какое-то химическое вещество? – спросила Анна.

Кирсанов качнул головой.

– Не уверен – сказал он – возможно увеличенная форма бактерии.

Идя вперед, они увидели другой ряд боксов, в котором находились люди, но пребывавшие в абсолютном ступоре. Они сидели, уставившись стеклянными глазами в одну точку или лежали, распластав по металлическому полу руки и ноги.

Следующий ряд боксов показал другую картину.

В этих камерах люди не сидели в ступоре. Они метались по боксам, кидаясь на стены, падая на пол, потом поднимались и снова бросались на прозрачный пластик. Они были абсолютно обнаженные, кожа на их телах была покрыта нарывами и потрескалась во многих местах, отчего стены бокса были запачканы безобразными кровавыми следами. Один из пленников с жалобным видом взглянул на молодых людей, а в следующую минуту попытался проломить стену, отделяющую его от невольных наблюдателей, но не смог и упав

навзничь стал дергаться в конвульсиях. Это был вирус. Вне всяких сомнений. Все эти люди были заражены вирусом.

Анна инстинктивно дернулась, чтобы попытаться как-то открыть камеру, но Кирсанов остановил её.

– Идем – веско сказал он – мы ничего здесь уже не сделаем.

Девушка судорожно кивнула. Её всю трясло.

– Наверное это разные стадии болезни – сказала она – неужели это тот вирус, о котором они говорили?

Кирсанов пожал плечами.

– Страшно об этом думать, но возможно тот ещё сильнее – предположил он – вероятно это только испытания.

Анна усилием воли попыталась унять сотрясавшую её дрожь. И её взгляд упал на ещё один бокс.

Там сидела женщина с ребенком лет десяти и вытирала ему рот от следов рвоты. Кожа женщины во многих местах облезла словно чешуя и были видны кости. А через секунду произошло нечто страшное. Та самая зеленая пена, которую они видели в других камерах, стала сочиться из костей женщины покрывая её с головы до ног. Женщина упала на пол и стала задыхаться. Рваными движениями она пыталась счистить с себя пену, но так продолжала вытекать из её костей и вскоре погребла женщину под собой.

Глаза Анны расширились от ужаса. Пена, которую они раньше видели, была человеком. Человеком, которого заразили вирусом.

Пена тем временем расширилась, разбухла и приготовилась к атаке на ребенка.

Кирсанов решил, что в данной ситуации на конспирацию было уже наплевать. Недолго думая, он схватил лежащую на столике кувалду и что есть сил саданул по электронному замку, закрывающему бокс. Пластиковая стена поднялась и вместе с тем взвыла серена тревоги.

Началось светопреставление. Раздался топот множества ног и в помещение вломились СЕКуры, без всякого предупреждения открыв огонь по ненужным визитерам.

– Они не очень рады нам – заметила Анна – кажется.

– Это у них просто манера приветствия такая – усмехнулся Кирсанов. Оружия у него не было и пришлось остаться в долгу. Зато бактерия восприняла всю эту шумиху за сигнал к атаке и бросилась на обессиленного мальчика. Тут подросла Анна, которая в последний момент выдернула его из бокса. Бросившаяся вперед бактерия, зеленой пеной растекалась по металлическому полу и вновь сгруппировавшись выползла из камеры в поисках новой жертвы. Солдаты подходили более чем. Теперь бактерия разделилась на мелкие зеленые сгустки и прыгала на СЕКуров, те стали лихорадочно отстреливаться, попутно разрушив ещё несколько боксов и выпустив на свободу остальные бактерии, которые стали атаковать и пожирать всё подряд.

– Кажется мы засмотрелись – заметил Кирсанов – бежим отсюда.

Транспортная капсула, естественно, оказалась заблокирована из-за тревоги. К общей радости, не их, естественно, снизу начали подгрести ещё солдаты.

Единственным местом для отступления стала комната с терминалом. Других путей пока не намечалось. Правда Кирсанов разжился парой «Узи», позаимствованных у СЕКуров.

Им несказанно повезло, потому что комната оказалась

снабжена выходом на внешнюю пожарную лестницу. Иного выбора не было. Кирсанов вытащил девушку и мальчишку на улицу и на прощание запустил кувалдой в компьютер, вызвав настоящий фейерверк.

– Чем бы это не закончилось, но светский раут мы кое-кому сорвали, – заключил молодой человек.

– Вижу, что это вы умеете – тяжело выдохнула Анна.

Кирсанов криво усмехнулся.

– Это только часть моих талантов – сообщил он – за мной, вниз.

Анна держа мальчика на руках взглянула на весьма небезопасные металлические ступеньки лестницы. Они уходили вниз на много метров в чернильную тьму.

Спускались медленно. Одна ошибка могла стоить феерического падения с известным концом. Они дошли до половины и тогда осознали, что вот теперь их везение кончилось. До СЕКуров вероятно дошло, куда именно пропали незваные гости. Раздался громкий хлопок, и лестница с металлическим скрежетом сложилась под ними превратившись в длинную горку. Хорошо, что не обрушилась совсем, успел подумать Кирсанов, прежде чем с оглушительным воплем стал скатываться вниз.

Внизу их естественно уже ждали. Двое закованные в темно-серую броню. Их лица дружелюбия не вызывали. Интересно, они отстанут если им показать полицейский значок?

– Игры закончились – зашипел старший с погонами бри-

гадира – сепаратистская шваль!

Кирсанов хотел было оскорбиться, что его обозвали сепаратистом, но не успел, воздух разрезало резкое шипение. Обнажив зубы и когти из ниоткуда на бригадира прыгнул Снори, принявшись колотить лапами по шлему СЕКура. Бригадир отчаянно заверещал, пытаясь содрать с себя зверюгу. Напарник принялся палить в разные стороны, забыв о нарушителях. Следом раздался визг шин и в проулок вылетел «Ситроен»

– В машину, живо! – крикнула сидевшая за рулем Кристина.

Долго упрашивать не пришлось, спутники запрыгнули внутрь. Снори моментально прекратил измываться над бригадиром и стрелой влетел следом. Раскидывая мусорные баки, машина ринулась прочь по уже знакомому тоннелю от злосчастного биологического департамент под грохот автоматных очередей.

Кристина медленно загнула пальцы на руке.

– Юбилейное отбытие с фейерверком – сообщила девушка.

Сидевшая рядом Авалова засмеялась.

– Это не в счет – сказала она – фейерверк не по твоей вине. Обычно же ищут тебя...

– Да это сильно меняет ход дела – нервно заметила Кристина – вижу твоему другу определенно есть, что рассказать.

Кирсанов тяжело отдышался.

– Была парочка интересных моментов – выдохнул он – а так скука смертная.

Анна сидела с каменным лицом, она была ещё в шоке от увиденного. При ближайшем рассмотрении оказалось, что она держится рукой за окровавленное предплечье. Девушка слабо усмехнулась и обессилив безжизненно опустила голову.

– Например, как вы устроили пожар в клинике и сорвали весь торжественный вечер? – риторически осведомилась Кристина.

Кирсанов фыркнул.

– О, это был самый интересный момент – сказал молодой человек.

Глава VII. На земле и под землей

– Взгляни-ка на дорогу! Кого ты там видишь?

– Никого, – сказала Алиса.

– Мне бы такое зрение! – заметил король с завистью. – Увидеть никого! Да еще и на таком расстоянии!

Льюис Кэрролл

Кристина гнала машину по узким улицам предрассветной Ольвии, время от времени проверяя в зеркало заднего вида не гонятся ли за ними караван из машин с милейшими ребятами внутри каждой. Всё было спокойно, по крайней мере внешне, но Кристина понимала, что Аристов очень скоро догадается, кто вломился в его лабораторию, да еще и стащил одного из подопытных. Вряд ли он обрадуется.

Левонина обернулась и посмотрела на худенького мальчика, тот, укутанный в одну из курток Штильхарта вжался в заднее сидение и дрожал, как осиновый лист, хотя Кристина сама была готова задрожать после рассказа Кирсанова. Тот поведал всю историю в красках, одновременно возясь с повязкой и перевязывая руку Анны. Особенно молодой человек заострил внимание на прыгающих и пожирающих людей гигантских бактериях, в которые мутировали подопытные. Выслушав эту часть Кристина, искренне порадовалась, что ограничилась одним лишь завтраком. План, конечно, был

безнадежно испорчен, но что ж теперь говорить, да и она сама не знала, как бы поступила на их месте. Скорее всего так же. Она всегда отдавала предпочтение нравственно-верному, а не стратегически правильному.

– Профессионал – заключила девушка – Да, учитель Авалова, если кто-то и сможет сделать из подобного экземпляра человека, то только ты. Здесь нужны не столько знания, сколько терпение.

Ксения коротко усмехнулась.

– О, ты не видела его в начале – сказала она – мы сделали большой прогресс.

Леванова хмыкнула.

– Не сомневаюсь – хихикнула девушка.

Ксения тем временем осматривала мальчика, насколько она могла это делать.

– Ну что – сказала она – руки, ноги целы. Как тебя зовут? Мальчик вздрогнул и испуганно посмотрел на девушку.

– КШ2903, – отчеканил Мальчик.

Ксения улыбнулась.

– Это не имя – сказала она – как твое имя?

Мальчик посмотрел на неё стеклянными глазами.

– Мама говорила, что мое имя Коля – сказал он – но они говорили, что я КШ2903

Кристина резко дернула машину, едва не вмазавшись в столб. Им дают номера, как в лагере. И действительно, она присмотрелась к ожогу на шее ребенка, на который внача-

ле не обратила внимание. Там было запечатано клеймо. Девушке захотелось немедленно развернуть автомобиль и вернувшись к клинике расстрелять всю эту веселую компашку, включая всех гостей.

– Она умерла? – спросил мальчик – мама умерла, да?

Он много знает о смерти – мелькнуло в голове Кристины, вероятно он видел её каждый день, а может быть и каждый час. Врать ему было бесполезно.

– В её положении, это лучший вариант – холодно сказала девушка – но она умерла, зная, что ты выживешь, поэтому ты должен бороться, понимаешь?

Мальчик закивал.

– Я буду бороться – сказал он – болезнь меня не коснулась, только маму.

Ксения внимательно посмотрела на мальчика.

– Что ты знаешь об этой болезни? – спросил он.

Мальчик покачал головой.

– Я ничего не знаю – сказал он – я помню только врачей.

– Расскажи нам об этих врачах – попросила Ксения.

Мальчик снова задрожал.

– Я не знаю – пролепетал он – всё было, как в тумане, словно дурной сон. Я помню, что мы с мамой были дома, я собирался в школу, как вдруг пришли солдаты. Они ничего не говорили, просто забрали меня и маму и привезли сюда, а дальше не помню, помню только врачей, которые в меня кололи чем-то.

Кирсанов мрачно дернул щекой, его лицо выражало крайнюю злобу.

– Монтвид говорил, что они похищают детей – с отвращением бросил молодой человек – теперь вижу, что это так.

Кристина тем временем подъехала к небольшой каменной церквушке, которая была отделена от остальной улицы высокой чугунной решёткой.

– Куда мы приехали? – спросил Кирсанов.

– Туда, где мы спрячем мальчика – ответила девушка – Аристову известно где мы можем укрыться, поэтому ребенку нечего с нами делать, а это – Кристина махнула рукой в сторону церкви – самое безопасное место, уж поверьте.

Девушка взяла мальчика на руки и вытащила из машины. Она прошла, держа его на руках сквозь ворота и подойдя к тяжелым дверям постучала. Только бы нас здесь не ждали, взмолилась про себя Кристина.

– Вы хотите отдать меня? – прошептал мальчик.

Кристина погладила его по голове.

– Успокойся – сказала она – это безопасное место, здесь тебя никто не найдет. Ты должен спрятаться, пока мы не пойдем в чём дело.

Входная дверь храма открылась, озаряя ночную улицу тёплым светом запахом ладана. На пороге стоял бородатый пожилой священник, облаченный в черную рясу.

– Добрый вечер, дочь моя – сказал он – вы опять пришли за помощью?

Кристина кивнула.

– Да – сказала она – этот мальчик очень важен. Его необходимо спрятать от лишних глаз и успокоить.

Священник посмотрел на мальчишку смиренным и добрым взглядом.

– Храм есть Дом Божий – сказал он – здесь каждый найдет приют и обогрев. Вы можете не беспокоиться, дочь моя. Никто не узнает, что он у нас, можете быть спокойны.

– За ним могут прийти солдаты – осторожно сказала Кристина – вы можете подвергнуться опасности.

Священник мягко улыбнулся.

– Должно страшиться одного Бога – ответил он – демонов должно презирать и нисколько не бояться. Чем настойчивее они действуют против нас, тем ревностнее мы должны принадлежать подвижничеству. Великое оружие против них – чистая жизнь и вера в Бога.

Кристина молча поклонилась в ответ. Ноосфера всегда подсказывала верно.

* * *

Утро пробиралось сквозь ключья вчерашней майской грозы. Между слоистыми облаками легли розовые, золотисто-оранжевые, малиновые полосы. Солнце засияло в тысячах маленьких зеркальных луж. Били церковные колокола, знаменуя окончание заутреней.

Раздавшийся перезвон звон успокаивал, утешал прекращая ту бурю разных эмоций, которая царила сейчас в душе Наташи. Его ровное звучание представляло собой нечто возвышенное. Укрепляло и наставляло. В нём было, что-то такое, что нельзя было рассчитать математически или анализировать логически, что-то, что воспринималось исключительно на уровне подсознания. Какое-то особое чувство, которое быть может пробуждала в нас генетическая память, в те минуты, когда звонят колокола... Нас не было – они звучали, мы уйдем, они все так же протяжно и величественно будут напоминать людям о вечном...

Девушка стояла перед воротами Михайловского государства собора и почему-то только здесь так особенно остро ощущала всю горечь и вместе с тем торжественность событий, происходивших здесь. И жизнь Государя полную успехов и несбывшихся надежд, предательство и его трагическую смерть от рук красных палачей. В этом месте она не хотела думать ни о чем другом кроме этого. Все другие мысли казались ей низкими и недостойными внимания перед тем, что испытывали эти люди в последний миг своей жизни.

– Итак, это, я полагаю, то самое место, о котором вы мне говорили? – поинтересовалась девушка.

Флориан Штильхарт кивнул.

– Очень надеюсь, что мы здесь получим кое-какие ответы – сказал молодой человек – кому как не группе бородатых стариков в рясах хранить древние тайны?

Их путь от ворот соборного комплекса пролегал по узкой тропинке, бегущей сквозь живописную аллею. Мимо брели прихожане, возвращающиеся со службы к своим мирским делам.

– Думаете Верховский знает этого человека? – спросила Наташа.

Флориан пожал плечами.

– Не могу сказать сложно – произнес он – Верховского всегда трудно предугадать. Возможно, и так, и он специально отправил нас найти этого юнгу. Могу сказать одно. Теперь этот старик наш единственный ключ к разгадке тайны лодки.

Недалеко от крыльца собора раздавался топор дровосека. Парень лет двадцати пяти, веснушчатый и кучерявый, очевидно, послушник крошил дерево хлесткими ударами.

– Мир вам, добрые люди – тяжело дыша сказал он – в труде спасение наше, не поспешение бесовском.

Наташа поклонилась.

– И духу вашему – ответила девушка – нам нужен отец Игнатий. Он здесь?

Парень воткнул топор в землю и вытер пот рукавом.

– Вы, наверное, старца Игнатия имеете в виду – улыбочиво сказал он – к нему многие приезжают, даже издалека. Он чудесный человек, старается помощь оказать каждому страждущему. Лечит людей не только молитвой, но и словом.

– Вероятно это он – без всякого благоговения согласился Флориан – передайте, что мы хотим видеть его и что вопрос

касается Александра Верховского.

Парень поклонился и побежал куда-то на другой конец территории храма. Удивительно, как при такой мерзости и подлости мира встречаются люди, которые могут воспарить над этим, подумала Наташа, перестать играть своими страстями. Мы же постоянно совершаем ошибки, выбирая ложное и извращенное просто потому, что оно проще, доступнее. Девушка разочарованно качнула головой. Столько ей ещё предстоит узнать. Её жизни не хватит, ничьей не хватит.

Парень вернулся не сразу, но вернулся не один. Под руку он держал действительно старца в черной схиме с остроконечным капюшоном. Впрочем, его возраст было угадать невозможно. Он был высок, худ, и держался ровно и выпрямлено, что сразу выдавало в нём военное прошлое. На сухом, морщинистом лице застыли порядок и последовательность. Зеленые глаза не потеряли ярости, а пепельно-белая борода была густой и длинной почти до пояса. Старец подошел к визитерам и, оторвав от парня свою руку, опираясь на палку, низко поклонился им, почти до земли.

– Будущим трудностям вашим поклонился я – сказал он – много испытаний и искушений ожидает того, кто врагу смертельному вызов бросить готов.

Наташа неуверенно приподняла бровь.

– Вы так говорите, как будто знаете зачем мы здесь? – спросила она – мы же ничего ещё не сказали.

– Знаю хм – усмехнулся старец – возможно. А возможно

и нет. Важно, что вы знаете и что Бог привел меня к вам, а вас ко мне.

Флориан набрал побольше воздуха в легкие. Разговор предстоял захватывающим.

– Мы ищем одного человека – сказал он – нам сказали, что вы его должны знать.

Старец пожал плечами.

– Я знаю много людей – медленно произнес он – и плохих, и хороших.

Флориан вздохнул.

– Он наверняка уже умер, и мы просто теряем ваше время – пробормотал молодой человек.

– И всё же скажите – вежливо попросил старец.

– Его зовут Николай Извеков – сдался Флориан – он был юнгой, во время Великой войны. Вы знаете, кто это?

Старец как-то по-особому усмехнулся, нахмурился и почесал бороду.

– Извеков – повторил он – знаете, я давно не слышал этой фамилии. Очень давно. Но сразу вам скажу, он не умер, ещё не настало его время.

Наташа и Флориан переглянулись. Новость казалось фантастической.

– Значит вы его знаете? – с надеждой спросила девушка.

– Естественно – сказал старец – он перед вами. Но это мирское имя, теперь я старец Игнатий. Я ушел из мира за-долго до нынешних времен.

– Значит вы должны нам помочь – воскликнула Наташа – нам нужно знать, где лодка – сказала Наташа – и мы должны забрать оттуда то, что капитан Долматов спрятал там. За этим предметом охотятся очень опасные люди и если он к ним попадет может произойти страшное.

Глядя на ровное и безмятежное лицо священника, Наташа сообразила, что ей не следовало так тараторить. Старик же с минуту помолчал, словно бы глубоко задумавшись.

– Я знал, что однажды проведение попросит меня рассказать, что я знаю – старец вздохнул. Долгая это история. Долгая и непростая. И не следует в стенах Дома Божьего о таких вещах говорить. За ограду пойдёте, лучше.

Некоторое время спустя они шли мимо Александровского парка с той его стороны, которая примыкала к музею Великой войны.

– Я рад, что вы наконец нашли меня – сказал старец – я долго ждал, того, кого отведу к лодке. Мы её хорошо спрятали, уж поверьте, да.

– Не понимаю – пробормотал Флориан – вы знали, что мы приедем, кто вам сказал?

Старец никак не отреагировал.

– Один, на небе, есть, кто говорит – сказал он – вы должны были прийти сюда, потому что вы были избраны. Им избраны, чтобы показал вам я, где лодка. Чтобы вы могли найти её раньше, той, которая идет за вами.

– Вы знаете об охотницах? – удивился Флориан – откуда?

– Охотницах? – старец на секунду задумался – о да, безусловно их так называли. Вернулись они значит, да? Восстали из легенд ужаса и вновь, как и прежде рыщут по свету, исполняя волю Организации.

Флориан кивнул в подтверждении слов старца.

– Всё как предсказано было – сказал старец – должны вы закончить, то, что мы начали. Судьба живых зависит от силы троих и эти трое за четвертым из прошлого должны следовать.

– Силы троих? – переспросила Наташа – что это значит?

– Вы должны сами понять – сказал старец – когда мы выполняли задание местные индейцы оказывали нам помощь. Капитан Долматов отправился на разговор с их сказителем. Он хотел узнать будущее. Но, видно, никому будущее знать не надо. Сказитель сообщил, что тьма придет на нашу Родину. Долгая тьма, кровавая. Но когда наступит солнце, через много лет трое посетят его землю. Двое из твоего племени и один из моего. Они и закончат то, что ты начал. А сопровождать их ты будешь.

Старец ткнул себя в грудь.

– Это он обо мне говорил – пояснил старец – я тогда не понял сразу, но потом в гармонии и спокойствии осознал я, что жду я тех, кого сопровождать должен.

Наташа покачала головой.

– Вероятно это ошибка – сказала она – дело в том, что с вами должен был встретиться Александр Верховский. Его

предок...

Старец улыбнулся.

– Это не важно – сказал он – пришли вы. Значит вы должны отправиться со мной в Ньюфаундленд и закончить наше дело.

Ньюфаундленд, индейцы, хмыкнул про себя Штильхарт, надо Алин сообщить. Она будет в восторге!

– Не считите за невежество – сказал он – но давайте уясним одну вещь, сразу. Я не верю в пророчества. Невозможно, чтобы кто-то задолго до тебя знал, что с тобой будет и заставил слепо следовать за этим.

Старец вновь улыбнулся.

– Тогда зачем вы здесь, Флориан Штильхарт? – последовал вопрос.

Молодой человек вздрогнул. Он ведь не называл своего имени. Вряд ли этот старикан обладает кибернетическим глазом с идентифрафом. Тогда откуда он... Кристина бы сказала, просто поверь.

– Что с человеком будет только Бог ведает – продолжил старец – и только он предначертывает. Пророк не тот, кому особенное видит, а тот, кто путь показывает. Но в движении всегда будущее наше и человек сам выбирает путь. Выбирает предназначение. Но тот, кто изменяет ему. Изменяет себе. Мне было предназначено услышать и ждать. Вам найти меня. А дальше вы выбираете.

– Отлично – скептически сказал Флориан – осталось толь-

ко найти человека из племени индейцев. Простенькая задачка.

Старец продолжал улыбаться в бороду.

– Разве не знаете, кто это? – спросил он – обратитесь к себе и отыщете её. Знаете, уже, кто это, хм.

Наташа с изумлением посмотрела на Флориана. На его лице играло не меньшее изумление.

Нет, этого не могло быть, подумал молодой человек, хотя, почему это не могло? Она же индианка.

Тут послышался отдалённый звук полицейских сирен и несколько секунд спустя их окружили сразу несколько машин. Выходить из них никто не торопился. Сразу после подъехал черный минивэн «Мерседес». Вышедшего оттуда мужчину Наташа помнила. Генерал Артамонов – человек, который, собственно, и отправил её сюда.

– Это ваши друзья, надеюсь? – поинтересовался Флориан.

Наташа не ответила и направилась к минивэну. Её почему-то мучали дурные предчувствия.

– Очень хорошо, что вы не оказываете сопротивления, Наталья Владимировна – сообщил ей Артамонов.

Наташа округлила глаза.

– Не поняла... – произнесла девушка.

Артамонов холодно улыбнулся.

– Понимать тут нечего – сказал он – вы арестованы!

* * *

Штильхарт наблюдал всю эту картину с открытым от изумления ртом. По знаку мужчины, который был в гене-

ральском мундире, на запястьях Натальи застегнули наручники.

– По какому праву, простите? – бушевала девушка.

– По обвинению в убийстве полковника военной разведки Воротынцева. Его труп был обнаружен в квартале отсюда.

Наташа бросила испуганный взгляд в сторону Флориана. Молодому человеку оставалось только непонимающе посмотреть на девушку. Он сказал ей правду.

– Послушайте, генерал – вступил он в разговор – Наталья и Воротынцев были в одном доме, на Дворцовой улице. Там на них напали...

Генерал небрежно посмотрел на молодого человека.

– Весьма захватывающая история – сказал он – нам известно об этом доме. Полковник Воротынцев сообщил нам в последнем донесении, куда они направляются. Вероятно, он уже что-то подозревал, особенно исходя из той компании, с которой они туда ехали. Ведь Наталья Владимировна не станет отрицать, что добровольно общалась с бандитами.

– Это было вызвано необходимостью – дрожащим голосом сказала Наташа.

– Неужели? – спросил генерал – в любом случае, мы отрядили туда специальную группу, однако пребыла она слишком поздно. Мы обнаружили трупы гангстеров, а недалеко от дома труп Воротынцева. Скорее всего, он вступил в перестрелку с бандитами и был тяжело ранен. К сожалению, он не успел добраться до больницы. Вы же на это и рассчиты-

вали, не правда ли.

– Что за чушь? – изумился Флориан.

Генерал ожег её взглядом.

– Не думаю – сказал он и с этими словами достал завернутый в полиэтилен пистолет – вот доказательства. На этом револьвере обнаружены отпечатки пальцев Натальи Владимировны. Именно из него стреляли в полковника Воротынцева.

Наташа нервно сглотнула.

– Да это какая-то бессмыслица – пробормотала девушка – зачем мне его убивать?

Генерал хмыкнул.

– Не беспокойтесь – сказал он – мы это обязательно установим. Мы всегда всё устанавливаем.

Наташа прибегла к последнему аргументу.

– Вы что думаете, что просто так можете арестовать депутата? Вы сошли с ума? У меня неприкосновенность!

Генерал зловеще рассмеялся.

– Не думайте, что ваша неприкосновенность вам поможет – сказал он – ваш депутатский статус отозван, по нашему запросу. Больше вы не депутат.

Наташа округлила глаза.

– Вы не можете... – начала девушка.

– Не судите о том, чего я могу или не могу, госпожа Покровская – оборвал её генерал – в стране десяти часов утра, сегодняшнего дня, объявлено чрезвычайное положение, в связи с эпидемией и риском массового заражения из-за вы-

ступлений противников принятия закона о Едином цифровом распределителе. Создана комиссия по чрезвычайному положению, которая будет наблюдать и выявлять лиц, представляющих угрозу безопасности и стабильности. С сегодняшнего дня Комиссии передается вся полнота власти в стране. Гражданское руководство страны будет изолировано, на время эпидемии.

Штильхарт про себя усмехнулся. Это называется, доброе утро, граждане! Пока вы спали в нашей стране произошел переворот.

Наташа сверкнула глазами.

– Это путч! – воскликнула девушка – никогда не поверю, чтобы руководство государства одобрило ваши действия. Как я понимаю, я в числе несогласных?

Генерал улыбнулся.

– От чего же – сказал он – все ваши поправки будут всесторонне рассмотрены. Конечно же, если вы пойдете с нами добровольно и докажете свою непричастность к бунтовщикам. Прошу вас не заставляйте меня применять парализацию.

Наташа вздохнула. Штильхарт видел, как девушка согласно кивает и два полицейских уводят её к черному «мерседесу». Это был какой-то сюрреализм. Он понял, что надо что-то срочно делать.

– Я советник по безопасности посольства Швейцарии в Гомелум – сказал он – эта девушка под моей защитой.

Генерал кисло посмотрел на молодого человека.

– Ваш статус не дает вам права вмешиваться – бросил генерал – это наше внутреннее дело. Что же касается вас, думаю, что 24 часа вам будет достаточно, чтобы покинуть нашу территорию. В ином случае вы будете высланы. Всего вам доброго, господин Штильхарт!

Они знают кто я, понял Флориан. Неужели за нами следили? Тогда всё что здесь происходит, за этим стоит Организация? Почему же они перешли к таким открытым действиям? Нет, ему определенно не хватало Кристины в такие минуты. Она всегда могла, найти ответ, и всегда знала, что делать.

Генерал, не прощаясь развернулся и пошел к машине. Флориан потянулся к кобуре, но почувствовал на плече сильную руку. Он совсем забыл о старце и то ли от волнения, то ли ещё от чего-то, Флориана вдруг удивила сила этой руки. Энергия, которая струилась сквозь неё успокаивала и просветляла одновременно.

– Не стоит решать вопросы оружием – произнес старец – особенно там, где не победить. Есть и другие пути, кроме сражения.

Конечно, возмутился про себя Флориан, непотивление злу насилием и прочая толстовщина!

– Но ведь её увозят! – воскликнул он.

– Терпение – сказал старец – вы сейчас ей не поможете. Погубите только и себя тоже. Терпение должны иметь мы, пока осядет муть, и вода чистой станет. Не поспешанием бе-

совским действуем мы, но рассудительностью здоровой. Найди ту, которая к лодке отвезет нас.

Флориан только в сердцах от несправедливости замахнулся кулаком на отъезжающие машины. Старец был прав. Терпение. Штильхарт достал мобильный телефон. Интересно, а сколько сейчас у Адмирала. Наверное, для звонка, самое то. Штильхарт нервно усмехнулся.

– Доброй ночи, сэ – сказал он в трубку – вы не поверите, но мне нужна ваша помощь.

* * *

Анна с трудом вернулась в реальность, обнаружив себя на заднем сидении «Ситроена». Её легкие как будто слиплись и первую секунду, она даже дышать не могла. Стараясь набрать больше воздуха, девушка обнаружила сразу несколько интересных вещей. Во-первых, было позднее утро, судя по углу солнца. Автомобиль стоял и двери были открыты. В какой части страны они сейчас были сказать было невозможно. Приподнявшись на сидении, Анна встретила лицом с Кирсановым, который сидел на траве возле двери автомобиля. Девушка приветливо ему улыбнулась. Молодой человек неуверенно улыбнулся в ответ. На его бледном лице было выражение яркой неопределенности.

– Что случилось? – спросила Анна – где мы?

Вместо Кирсанова ей ответила Кристина Левонова.

– На самом деле не так далеко, как хотелось бы – сказала девушка – километрах в ста пятидесяти от города на север. Будем двигаться по направлению к катакомбам.

Одно это название повергло Анну в уныние. Даже кот Снори, спасший их от СЕКуров, красноречиво зашипел. Было от чего. Рассказы про Ольвийские катакомбы были одной из самых страшных сказок местного фольклора, ещё до Директории.

– Спускаться под землю был крайне запасной план – сообщила Кристина – но сейчас, иного я не вижу.

К Анне наконец полностью вернулась реальность восприятия.

– Не понимаю – пробормотала девушка – а как же мой дом? Разве мы не туда вернемся?

Кристина сокрушенно покачала головой.

– Я бы тоже хотела так, но после того, что произошло на вечеринке – многозначительно хмыкнула девушка – думаю Аристову и его хозяевам надоело играть с нами. Мы теперь слишком много знаем.

Анна всхлипнула. Представив свой дом, который всегда давал ей подобие защиты.

– Думаете будут искать там? – спросила девушка.

Кристина пожала плечами.

– Скорее всего – кивнула девушка – не забывай природу этого дома. Мы не знаем, какие сюрпризы в нём оставил Адашев. Катакомбы скроют нас от любопытных глаз, по крайней

мере, на время.

Ксения втянула голову в плечи.

– Скроют-то они скроют – пробормотала она – но дадут ли укрытие?

Кристина поежилась.

– Трудно сказать – пожала плечами девушка – однако опасность для нас увеличивается с каждым метром, пройденным под открытым небом. Да, пока Флориан ищет лодку, нам необходимо отвлечь внимание Аристов на себя, но и идти прямо к нему в руки не стоит. Пусть он нас ищет. А как-то так для этого подойдут как нельзя кстати. К тому же из всех возможных для нас вариантов, об этом Аристов будет думать меньше всего.

– А вы уверены, что мы знаем о чём он думает? – фыркнул Кирсанов – почему вы так уверены, что он пойдёт за нами, а не предоставит нас судьбе.

– Пойдёт – веско сказала Кристина – благодаря вам и пойдёт – вы взяли у него ценный трофей, который он захочет вернуть.

– Поэтому вы и отдали мальчика? – догадался Кирсанов.

Кристина кивнула.

– Да, но мы сделаем так, чтобы он думал, что он у нас – пояснила девушка – вот ещё почему, нам необходимо исчезнуть и затеряться.

Кирсанов недоверчиво поджал губы.

– Это не значит, что единственный наш путь лежит под

землей – буркнул он – соваться в катакомбы без карт и подготовки чистое самоубийство. Лучше вернуться назад к Аристову, чем сгинуть от голода и жажды в катакомбах.

Ксения покачала головой.

– Ты это напрасно говоришь – девушка чуть возвысила голос – не следует сравнивать несравнимое. Если мы попадем назад к Аристову, то уже не вернемся, а в катакомбах я была, правда не глубоко и как видишь жива и здорова.

Кристина кивнула.

– И я там была – сказала она – путь этот я не от хорошей жизни предлагаю. К тому же припасы у нас кое-какие есть на всякий случай.

С этими словами девушка открыла багажник автомобиля и вытащила небольшой рюкзак. Это был неприкосновенный запас, который они с Флорианом уложили на какой-нибудь такой случай.

В рюкзаке нашлось место и свернутым спальным мешкам, и мылу, сухим шампуням, полотенцам. В отдельную корзину были сложены: колбаса, сыр, шоколад, вяленое мясо, масло, вода и бутылка вина. В глубине были обнаружены спички, зажигалка и жидкость для розжига. На дне багажника рядком лежали несколько крепких дубовых палок, вполне пригодных для долгих прогулок.

– Сойдет – сказала Ксения – по крайней мере, на первое время. Дальше видно будет. В местных лесах есть и грибы, и ягоды. Так что не пропадем.

Идти решили сразу, не дожидаясь любопытных глаз. Ксения мельком заметила, как Кристина, что-то прячет под полу своего жакета и усмехнулась своим мыслям. Автомобиль доверху завалили ветками и травой, вырубив всю электронику, чтобы его, по крайней мере сразу нельзя было найти. У Кристины возникла мысль его поджечь, но устраивать пожар посередине поля, последнее, что надо было делать в их ситуации.

Новоявленные путешественники быстро зашагали по узкой тропинке по пояс утопая в тумане и высокой траве. Снори бежал чуть впереди, будучи по природе гораздо быстрее людей.

Некоторое время они бодро шагали на северо-запад. Мимо проглядывали, деревенские домики, отделенные деревянными оградами, проплывали рощицы, на которых поблескивала свежая роса. Дышалось легко и приятно. Соглядатаев пока не было, так что всё предприятие можно было представить, как загородную прогулку.

К полудню путники достигли Глубокой – речушки, бегущей вдоль каштановых крон. За ней пропадали последние признаки человеческого жилья на сотни километров. Места здесь были глухие, темные и даже местные здесь селиться не любили. Давно ещё, до Директории, на одной из местных атомных станций произошла утечка реактора. Широких последствий происшествие не имело, но как это обычно бывало история обросла красочными подробностями о пропавших

людях, аномалиях и всяком в этом духе. Мало-помалу люди стали переселяться за реку, оставляя когда-то насиженные места, которые теперь заросли травой, мхом и бурьяном.

Первый привал устроили километров через пять, после брода. Возле небольшой фруктовой рощицы. Голубое небо спокойно плыло над головой опускаясь над тенями полей и ручейков. Тонкие ветки яблонь мирно покачивались над головами путников. Путники выбрали небольшую прогалину перед холмом и рассевшись возле неё разложили скромный ланч, который сиюминутно съели. От перекуса на душе стало, как-то светлее и легче на подъеме.

Разделавшись с едой, привал свернули и двинулись дальше. К этому времени солнце было высоко в зените, и погода стала уже сильно парить. Спустившись с холма, путники перебрались через небольшой родничок, наполнив водой металлические походные бутылки. Дальше дорога вновь уходила в холм. Так и пошли, вверх-вниз, вниз-вверх, пока не вышли на узкую грунтовую, петляющую дорогу, которая вела под своды старого леса.

– Дайте угадаю – сказал Кирсанов – нам туда?

Кристина кивнула.

– Прямая дорога забирает вправо к деревне – сказала она – идти придётся через нее. Народу там мало, поэтому внимания своим появлением привлекать не стоит. Кто ищет, пусть думают, что мы туда и пошли, а лес нас скроет с воздуха. К тому же так короче.

– Ксения говорит, что короткий путь не всегда лучший – усмехнулся Кирсанов.

Авалова только развела руками, улыбнувшись.

– Места здесь нехоженые – продолжал молодой человек и было видно, что идея забираться в лес ему также не нравится, как и катакомбы – кто знает, что мы в такой глуши встретим? Хорошего мало будет.

Кристина покачала головой.

– Лес штука сложная – согласилась девушка – там много чудного, но Директория природу не жалует. Они строят власть на механике и машинах, а туда соваться с ними бесполезно. А вот на дороге нас точно ждать будут.

Кирсанов пожал плечами.

– Ладно – сдался он – полезем сквозь листву и ветки. Только ещё не ясно ищут нас или нет.

Словно бы в ответ молодому человеку где-то вдалеке раздалось жужжание. Снори зашипел, призывая всеобщее внимание. Кристина, не раздумывая бросилась в траву, увлекая за собой спутников. Километрах в пятидесяти от них промелькнул и сразу скрылся стреловидный силуэт боевого дрона.

– Ещё возражения будут? – улыбнулась Ксения, поднимаясь с колен и отряхиваясь.

Кирсанов ослабился.

– Я передумал – сказал он – в лес, так в лес.

Даже небольшой опушки у леса не обнаружилось. С первых же шагов их обступили высокие деревья и чем дальше путники забирались, тем гуще деревья росли. Дорога перетекала из одной чащи в другую, лишь изредка уступая место солнечным прогалинам, которые путники старались пройти как можно быстрее опасливо вглядываясь в небеса. Один только Снори весело бежал по сухой земле, обнюхивая её носом в поисках пропитания.

Часов через шесть после полудня путники вышли на огромный зеленый холм. Здесь они задержались, чтобы осмотреться и им наконец предстали: оканчивающиеся зеленые шапки, небольшая заболоченная равнина и полоска камней в тумане, чуть западнее. Это и были катакомбы.

– При хорошем темпе, завтра в это же время будем на месте – утвердительно сказала Кристина.

– Вестимо – согласился Кирсанов – только вот, куда мы пойдем потом?

Этот вопрос молодого человека был может быть и поспешен, но по сути верен. Только вот ответа на него у Кристины не было. Они пройдут этот лес. Бог даст пройдут и катакомбы. Что будет после? Куда им тогда направить путь? Долго ли они смогут водить за нос Аристова?

– Я об этом ещё не думала – честно призналась девушка – слишком неопределенным, кажется, любой выбор. Знаешь, когда перед тобой загадка иногда надо просто нестись

по ветру.

Ветер донес двойное жужжание. Видно, что уже сразу два дрона обшаривали лес.

– Мы засмотрелись – сообщила Ксения – давайте спускаться.

Путники торопливо спустились с холма и вновь зарылись чащу. Может быть это было воображение, но Анне показалось, что сразу после их спуска холм накрыла крылатая тень.

Тем не менее, чуть пройдя дальше, они вновь остановились. Солнце уже почти скрылось за горизонтом, а идти по лесу ночью это последнее дело, ещё в болоте увязнешь. Фонари же, хоть они и имелись, включать было опасно, ведь их свет можно было заметить в воздухе. Волей-неволей пришлось сделать привал, благо для него нашлось прекрасное местечко – небольшой овражек, как раз пригодный для того, чтобы зарыться в него. И сухой и от ненужных глаз спрячет. Расстелив мешки, путешественники забрались в них и довольно скоро заснули. Все, кроме Кристины, которая спать не хотела и согласилась подежурить.

Девушка, расправив одежду, вытянула, согнув в коленях ноги, сидела, прислонившись к дереву и вертела в руках свое кольцо. Было видно, что в её голове несся вихрь противоречивых мыслей.

Кирсанов размял мышцы шеи и некоторое время наблюдал за девушкой. К нему рядом неслышно подвинулась Ксения.

– Она странная – шепотом констатировал молодой человек – непохожа на других. В ней какая-то особая аура. Присутствие чего-то... чего-то иррационального.

Авалова флегматично пожала плечами.

– Не знаю – тихо сказала девушка – Она всегда была особенной, не похожей на одного беззаботного молодого человека, сидящего сейчас рядом – Ксения похлопала коллегу по плечу – Время, мой дорогой друг, время меняет всё, в том числе и нас – она вздохнула – время и наши поступки. Но заверяю, что это далеко не всё, что тебе предстоит узнать о ней.

Кирсанов удивленно посмотрел на Авалову. Девушка лишь пространно улыбнулась.

* * *

Наташа сидела на холодном металлическом полу камеры центральной тюрьмы Петерштадта. Её руки были по-прежнему закованы, словно бы она, без наручников, могла устроить какую-то диверсию.

Девушка сделала глубокий вдох и попыталась внутренне успокоится. Это было трудно. В этом месте всё было спроектировано таким образом, чтобы пленник постоянно чувствовал отчаяние и свою беспомощность перед карающей машиной государства. Нервная система человека одновременно его враг и союзник. Нет более гармоничного, чем чело-

век с эмоциональным и чувственным равновесием и нет более разрушительного, чем человек с расшатанными нервами. Это видно даже по наружности человека. Тот, кто хочет подчинить человека первым делом, должен расшатать его нервную систему. Убрать рефлексии и рациональность и превратить в загнанного зверя. А там, где человек обращается в зверя утрачивается духовность.

Ощущение беспомощности. Первый шаг на пути к этому. Для каждого есть своя беспомощность. Её беспомощность была вызвана неизвестностью. Отсутствием знаний о происходящих вокруг событиях. Против неё задействовали самый простой способ борьбы, и она влетела в ловушку с головой. Она как всегда слишком смотрела за горизонт и не обращала внимание на события, происходившие вокруг неё. Увлёклась погоней за необычной историей. Те, кто отправил её сюда прекрасно просчитали её стремление помогать невинным. Всё было заранее спланировано так, чтобы устранить её из борьбы против закона о цифровом распределителе. Она должна была понять это раньше.

Нет, как-то слишком просто. Существуют более тривиальные способы устранить неугодного депутата. Да в эту историю её определенно заманили и очевидно, что и этот её арест тоже часть плана... но только ли те, кто схватили её являются главными игроками? Ей казалось, что есть кто-то ещё.

Странное происходило в мире. Не только здесь, но повсюду. Это «странное» пугало холодом неизвестности и по-

добно щупальцам распространялось во всех уголках Земного шара, куда только могли дотянуться эти щупальца. Неизменным спутником этого был страх от неизвестности грядущих событий, который заставлял людей переставать бороться за свое достойное и погружаться в стазисное самосохранение. Только оно давало фальшивое чувство защищенности от невидимой тебе и в то же время всевидящей системы. Она смотрела на тебя с экрана телевизора в новостях и кинофильмах, со страниц книг и глянцевого журналов. Эта система была везде и нигде. Её можно было ощутить в воздухе, но нельзя увидеть в реальности. Она высасывала из каждого всё до капли, оставляя только очень маленький процент сознания. У тебя не было ничего, кроме тех, кто стоит выше, и вот они и определяют правила, по которым действуют все лица, вовлеченные в происходящее. Высшая точка системы.

Организация.

Борьба против Организации лишь акселерирует её действия. Заставляет проявлять себя. То, что происходит сейчас, подразумевает именно это.

Здесь, в заточении, до неё долетели только обрывки информации. Переворот в стране произошел гладко, почти бескровно. Официальная версия полностью совпадала с той, которую озвучил ей генерал Артамонов – чрезвычайное положение до конца карантина. Кто-то, конечно, стал задавать вопросы, но в основном они оставались беспочвенными, ведь политика государства никак кардинально не поменялась, на

первый взгляд. Не декларировалось никаких радикальных изменений, кроме разве ускорения принятия закона о цифровом распределителе. С этим законом и радикальные изменения не нужны. Они будут проходить, но в невидимом обычному человеку цифровом пространстве. В итоге дальше кухонных разговоров дело не двинется, да и разговоры как обычно будут шёпотом. В мире цифрового распределителя уже невозможно будет понять, кому можно доверять, а кому нет. Организация ведет игру очень умную, здесь ей нужно отдать должное. Если бы все знали о ней в действительности, могло бы начаться восстание, но оставаясь в тени организация насаживает панику, неопределённость и страх.

Лязгнул замок и открылась тяжелая металлическая дверь. Проем заслонили двое конвойных.

– Покровская, на выход! – пророкотал старший.

Её грубо вытащили из камеры и повели по длинному коридору, освещенному покачивающимися лампами. Было темно, и Наташа даже не могла увидеть лица своих конвоиров. Только слышала звук шагов, в такт её шагам.

Послышался скрип металлической двери. Девушку завели в небольшое квадратное помещение с маленьким квадратным окном во фронтальной стене. Из него светила луна. Отсюда девушка поняла, что уже за полночь. Конвойные опустили её на железный стул и удалились. На секунду в комнате воцарилась тишина, до тех пор, пока чья-то внушительная фигура, затянутая в форму, не закрыла собой окно и луну.

– Что вы сделали со мной?! – воскликнула Наташа – вы не осознаете последствий!

Она сомневалась, что крик подействует, но никакого другого варианта выражения эмоций ей не оставили.

Генерал Артамонов щелкнул металлической зажигалкой. В нос девушки ударил запах сигары.

– Вижу вы до сих пор упорствуете, Наталья Владимировна – сказал ей Артамонов – не хотите признавать очевидное. Вас практически поймали с поличным. Имейте мужество признать свою вину.

Он сел за металлический стол, нагроможденный бумагами. Теперь они оказались разделены холодным прямоугольником.

Наташа гордо выпятила вперед подбородок.

– Не вижу за собой никакой вины – сказала девушка – всё, что вы делаете это незаконно, как и мое содержание под стражей. Я официально требую предоставить мне веские основания ваших действий.

Генерал рассмеялся.

– Позволю себе, ещё раз напомнить вам, – сказал Артамонов. – Что вы лишены вашего официального статуса, по крайней мере на время расследования. Безусловно он будет вам возвращен, если вы сумеете доказать свою невиновность, однако учитывая ваши неординарные поступки вы вряд ли добьётесь успеха.

– Мои поступки? – неуверенно переспросила Наташа.

– О да – отечески сказал генерал – вы, дорогая совершили множество непростительных ошибок, ещё до убийства полковника Воротынцева. Подумать только, снюхаться с иностранным дипломатом и вместе проворачивать какие-то тайные дела с бандитами. Согласитесь, это очень некрасивое поведение для члена правящей партии. Коллеги были о вас куда более высокого мнения. Но им пришлось раскрыть глаза, и кое-что разъяснить. Убийство офицера военной разведки только подкрепило вашу вину. Зря вы пошли на такой опрометчивый шаг. Ваши коллеги всецело приняли нашу позицию. Но меня все же интересует семантика ваших поступков. Почему вы совершили такое и встали на путь предательства? Признаюсь, что мне не до конца ясны ваши намерения.

Артамонов двинулся вперед и навис над девушкой, как гигантская летучая мышь. Всё-таки удивительно, как меняется внешность человека в зависимости от ситуации, подумала Покровская.

– Я сообщила вам правду – сказала девушка – вы не желаете принимать её.

Генерал сжал в кулаке зажигалку и принялся дурачиться с огнём. Знал бы он, как опрометчиво поступает. В этих его телодвижениях отражался смысл реальных действий.

– Правду ли? – риторически спросил Артамонов – я скажу вам, где правда. Правда в том, что я, генерал военной разведки Великоруссии, разговариваю с убийцей одного из моих офицеров и предателем, вот где правда, а не ваши басни.

– Меня пытаются оболгать – сказала Наташа – преподнести всё таким образом, чтобы вина пала на меня. Кто-то очень умело хочет вывести меня из игры. Я надеюсь, что вы к этому не причастны, но вы потворствуете им. Повторяю, ещё раз, я не знаю, что произошло с Воротынцевым после того, как на нас напали в доме Верховского.

– Да-да – проговорил Артамонов – ваша история о перевоплощающемся человеке весьма интересна, для любителей фантастики. Присяжные с удовольствием её выслушают и обязательно будут пересказывать зимними вечерами, пока вы будете медленно чахнуть в тюрьме.

Наташа дернула головой.

– Вы совершаете ошибку – сказала она – вы понятия не имеете, что выпускаете наружу своими действиями. Вы думаете, что поступаете верно, но вами управляют. Подчиняют вашу волю! Вы не видите всей картины!

– Я исполняю свой долг офицера – веско сказал генерал – долг по обороне страны в тяжелое время. Время эпидемии и неопределенности. Заверяю вас, что любые мои ошибки, если я и допустил их, не столь значительны, как ваши, Наталья Владимировна. Неужели, вы и вправду верили, будто я куплюсь на такие сказки, которые вы мне рассказали. Тайная организация, девицы-убийцы. Журналистская байка для маргиналов на телевидении.

– Вы должны мне поверить! – почти с гневом воскликнула Наташа – вы даже не представляете, что стоит на кону!

Генерал резко шлепнул ладонью по металлической поверхности стола, призывая девушку молчать. Бумаги разлетелись по комнате.

– Вера есть вещь иррациональная. Здесь ей нет места – жестом обвел комнату Артамонов – ваш друг, господин Флориан Штильхарт незаконно проник на территорию нашей с вами страны. Вошел к вам в доверие, и вы решили объединить усилия. Почему?.

Наташа вздохнула. Она не собиралась всё рассказывать этому человеку, по крайней мере сейчас. Она не знала на чьей он стороне, и кто стоит за ним. Возможно, он служит Организации и это какой-то трюк.

– У него тоже было несколько вопросов к владельцу дома, где на нас с Воротынцевым напали, Александру Верховскому – сказала девушка – я установила, что он тоже изучает деятельность режиссера Школьниково.

Генерал откинулся на спинку стула.

– Ах да – сказал он – этот таинственный Верховский. Человек, который стоял за созданием гнуснейшего психотропного препарата. Ставшего причиной волнений в Понтии. Я не мог забыть о нём.

– Человек, который раскаялся в своих преступлениях – попыталась поправить Наташа.

Генерал хмыкнул.

– Не будем заниматься семантикой – сказал он – так или иначе с этим человеком связано множество наитуман-

нейших страниц последних лет. Человеком, который пропал около пяти лет назад. И вот в эту историю включаетесь вы, которая ещё тогда, в додиректорианские времена занимался его делом. А параллельно появляется некий Флориан Штильхарт. Мы не получали никакого официального запроса от властей Швейцарии или города Гомелум. Из этого я делаю вывод, что он здесь по личной инициативе, а раз вы ему взялись помогать, то знаете, что он намерен был делать здесь. Зачем? И что в таком случае произошло с Воротынцевым? Его убил этот швейцарец?

– Не знаю – честно сказала Наташа – последнее, что я помню, это как мы с Воротынцевым пытались сбежать из того проклятого дома. Потом я отключилась. Флориан сказал, что они с Воротынцевым разделились и он прикрывал его, пока он вытаскивал меня.

Генерал резко встал и обойдя стол вновь навис над девушкой.

– Что же тогда произошло? – спросил он – что вы искали у Верховского?

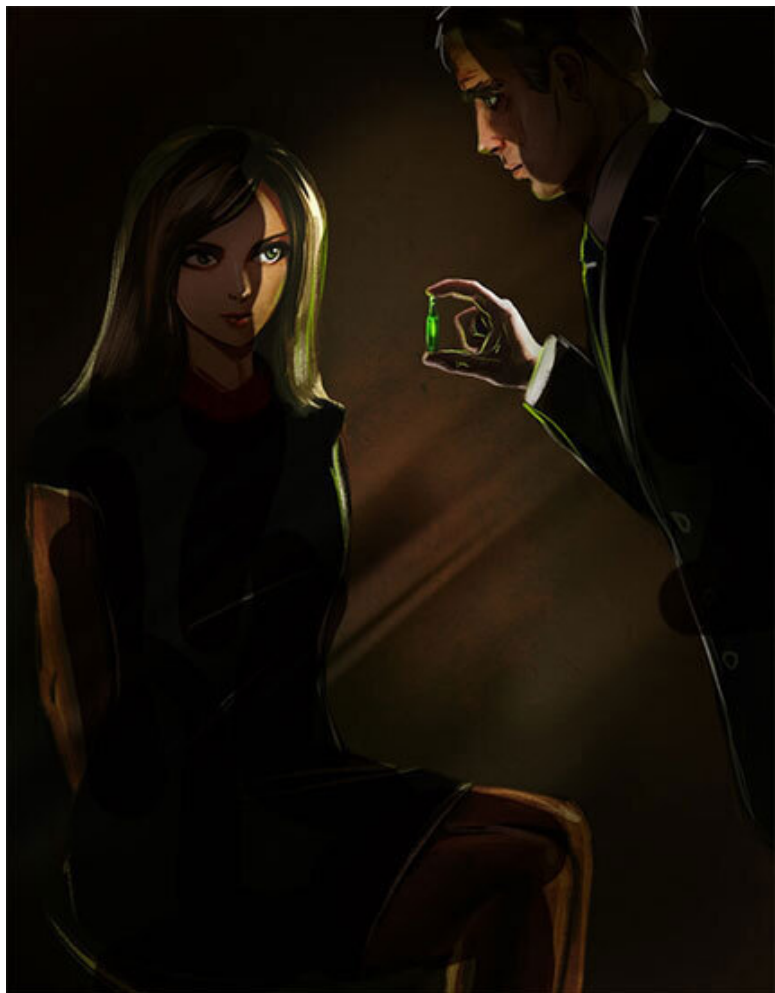
Наташа молчала. Генерал продемонстрировал девушке зажатую в руке ампулу с зеленой жидкостью.

– Знаете, что это? – спросил он – веритайзер. Последняя наша разработка. Не такой сильный нейрореплетик, как тот, что создал ваш знакомый Верховский, но весьма достаточный, чтобы вы запели, громче сирены. Поэтому советую вам отвечать добровольно, Наталья Владимировна.

Покровская тряхнула головой.

– Верховский искал – сдалась девушка – не я. Он искал медальон, принадлежавший великой княжне Анне Станиславовне – дочери последнего царя Великоруссии —

Генерал удивленно посмотрел на девушку. Жесткость и чѣрствость в его лице сменилась непониманием.

– А значит это он всему причиной? – проговорил Артамонов – наш «господин неизвестно где». Очевидно, это он начал поиски медальона и привлёк на свою сторону преступный элемент. Зачем ему медальон?

Наташа потупила взгляд.

– Я могу поделиться лишь тем, что рассказал мне Флориан – заметила девушка – Верховский верит, что в медальоне заключена информация в вакцине против вируса «Зеленый призрак»

– Как такое возможно!?! – воскликнул генерал.

Покровской оставалось только печально покачать головой.

– Не знаю точно – сказала она – но есть легенда о том, что во время Великой войны царские агенты сумели заполучить вакцину от страшной болезни, поразившей затем мир – испанки. Революция помешала доставить вакцину в Петерштадт и тогда информацию о ней заключили в медальон, который княжна Анна подарила капитану подводной лодки в знак своей любви, а лодку спрятали.

Генерал поднял палец, приостанавливая рассказ.

– Не так быстро – сказал он – вы сказали, что Верховский искал медальон. Почему именно он?

– Он потомок старшего помощника этой лодки – сказала Наташа – вероятно поэтому он и знал эту историю. Но, к сожалению, нам тоже не удалось с ним поговорить. Он исчез.

– И вы тогда пошли в михайловский собор – спросил ге-

генерал – думаю, что вы и там что-то хотели найти. Согласно записям, которые вы делали в своем блокноте, который мы нашли в вашей сумке, вы интересовались неким старцем Игнатием. Кто это?

Разговаривая с девушкой, генерал всё время демонстрировал ей веритайзер, словно бы как стимулирующее средство. Наташа не знала может быть в её кровь уже ввели его, и генерал только подстегивает рассказ.

– Этот человек – ключ – сказала девушка – единственная ниточка к обнаружению лодки. Он был юнгой на этом корабле.

– Я всё ещё не понимаю, как всё это связано с шифровкой, которую мы получили? – спросил Артамонов.

– Съёмки фильма это всего лишь часть плана – сказала Наташа – разве есть лучший способ беспрепятственно путешествовать по местам жизни последнего царя и не привлекать никакого внимания? Татьяна Козловская поэтому и видела неизвестную девушку в съёмочной группе и поняла, что она не та, за кого себя выдает. Я не знаю, как она вышла на Верховского, но она определенно сказала ему об этом. Он пытался бросить вызов Организации, но проиграл и теперь я единственная, кто могу разгадать смысл их плана здесь. Поймите же наконец, что всё что происходит вокруг связано. Убийство Воротынцева, введение чрезвычайного положения. Кто-то не хочет, чтобы я докопалась до правды. Вами всего лишь манипулируют, генерал.

Артамонов встал со стула, внимательно посмотрел на девушку и обошёл кругом комнату. Они успели обменяться взглядами, и Наташа увидела, если не веру её словам, то сомнение в её виновности.

– Вы обвиняетесь в тяжком преступлении – сказал генерал – убийстве офицера военной разведки. Вы много мне рассказали, Наталья Владимировна, но это всего лишь ваши догадки. Нам нужны факты, доказательства, а они как раз свидетельствуют против вас. Никто не поверит в столь запутанную и противоречивую историю.

Наташа пожала плечами.

– В мире существуют вещи и тайны, которые превосходят человеческое понимание – сказала девушка.

Генерал флегматично кивнул.

– И всё же – сказал он – я не могу отпустить вас просто так. Я должен подумать, что с вами делать.

Наташа мрачно склонила голову. Не так просто убедить человека живущего в определенном категориальном коридоре за пределы этого коридора выйти. Не зря говорят, что Самые жаркие уголки в аду оставлены для тех, кто во времена величайших нравственных переломов сохранял нейтралитет.

* * *

Её вновь отвели в мрачную камеру. Закрыли дверь. Кар-

тинка не поменялась. Правда с неё сняли наручники. Наташа посчитала это добрым знаком. Однако, как же мы быстро находим везде положительные стороны. Так или иначе, но более девушку никто не побеспокоил, и она сумела забыть-ся тревожным сном. В этом сне она отчаянно кого-то звала, плутая в длинных черных переходах. Были ли эти переходы чем-то конкретным или просто всполохом её сознания она не могла сказать.

Холодный ветер подул в лицо, и она очнулась. Она лежала на спине, на лбу выступила испарина. Не хотела бы она сейчас видеть свое лицо. Однако же почему в камеру подул ветер? Девушка осмотрелась по сторонам и вдруг увидела, что тяжелая металлическая дверь была отодвинута и ветер дул через проем из коридора.

Должно быть я снова сплю, решила Наташа. Неужели они меня просто решили выпустить? Это было невозможно. По самым разным причинам. Пока девушка перечисляла эти причины в голове, она тем не менее выглянула из камеры. Длинный бетонный коридор был пуст и лишён света, только мигал красным аварийный фонарь. Где-то вдали раздавались громкие щелчки, как удары метронома. Может у них свет вырубил? Или что-то закоротило?

Девушка, дрожа от холода и, преодолевая естественный страх, двинулась вперед по коридору. Стояла зловещая тишина. Без какого-то бы намека на живых существ вокруг. Это было странно, Наташа ясно понимала, что учреждения

подобные этому должны усиленно охраняться.

Девушка зашла за угол и увидела причину такого странного явления.

Возле самых её ног лежал конвойный сжимавший автомат. Его глаза были широко открыты от ужаса, а в груди зияла резанная рана. Наташа вскрикнула от ужаса. Весь коридор был завален трупами тюремной охраны. На стенах виднелись отметины от пуль, как будто кто-то специально решетил ими бетон. Что может вызвать такой эффект, она знала.

– Ох нехорошо – прошептала девушка.

Один из конвойных пошевелился. Наташа наклонилась к нему, как в этот момент одна из дверей распахнулась и в коридор, очевидно из какого-то административного помещения вышел генерал Артамонов в сопровождении четырех конвойных. Он быстро глянул на трупы, а затем его глаза сфокусировались на девушке.

– Это не я – сумела прошептать Наташа и вовремя сообразив, что ей всё равно не поверят ринулась назад по длинному коридору.

– Арестованная Покровская сбежала – услышала девушка сзади голос генерала – вооружена и опасна. Красный код. Всем бойцам стрелять на поражение.

Как мило! Неужели они не понимают, что она одна не могла повернуть такое? Ответом ей был сигнал тревоги. Видимо нет. Больше ей никто уже не поверит. Оставалось спасать свою жизнь.

Девушка неслась длинными темными коридорами. От постоянного нытья сирены уже болели уши. Миролюбием окружающих здесь не пахло. Наташа в этом убедилась, когда первый же встречный охранник выпустил в неё автоматную очередь. Девушка бросилась в сторону. Куда бежать было не ясно. Схемы здания она не знала. Не знала она, что будет делать если выберется. Ладно об этом после. Главное выбраться.

Её шаги по металлическому полу гулко отдавались в темноте с резким скрежетом. Одиночество, тела конвойных и давящие стены всё это сопровождало девушку в её побеге. Привкус смерти царил в спертom воздухе. Она была за каждой дверью, а в глубине души ощущение страха. Нет не собственного. Страх тех, кто ловит её. Всё это было не для Наташиных сил.

Выбраться из самого здания, оказалось делом не сложным. Куда как сложнее было пересечь внутренний двор с собаками, пулеметными вышками и прожекторами.

Царила глухая ночь. Луна ушла и только смертельный свет сторожевых фонарей обшаривал каждый угол. в поисках сбежавшей узницы. Наташа забила за гигантский мусорный контейнер и впервые сумела немного перевести дух. Мимо пробежали, громыхая автоматами несколько охранников. Где-то закрипел мегафон.

– ...ишии...видели в южном...ишии...коридоре...ишии...
направляется в блок 1286. Принять меры к задержанию.

Похоже они обо мне, усмехнулась Наташа. То есть в этот блок мне не надо. Или я возможно уже там нахожусь. Ладно, хватит рассуждать, идти надо.

Девушка прыгнула из-за контейнера и перебежками, от укрытия к укрытию, двинулась по направлению к очень далекому как ей казалось люку трубопровода, где можно было скрыться.

Перед ней сверкнул светящийся круг. Прожектор нашёл её.

– Это она! – послышался окрик – стреляйте!

В спину девушке полетел смертоносный свинец. Воздух стал резко опасным. В прямом смысле. Вместе с комариным писком в темное небо взмыли боевые дроны.

– Это уже не смешно! – прокричала сама себе девушка – надо в следующий раз изучить план здания, перед тем как бежать.

Наташа металась в разные стороны, но всё было бесполезно. С двух сторон её окружили конвойные. Караульные собаки готовы были сорваться с цепи и разорвать девушку. Свою судьбу она видела в их хищных глазах. Больше бежать было некуда.

Послышались издевательские аплодисменты.

– Bravo, Наталья Владимировна – сказал Артамонов – я вам почти поверил, но ваш неумный характер опять вас подвел.

Он сделал жест рукой. Наташа хотела закрыть глаза. Нет,

у неё определенно разыгралось воображение. Не станут же они её расстреливать?

Что именно они собирались делать, она так и не узнала, потому что в воздухе раздался свист и дрон, что весел над её головой превратился в пыль. Через мгновение черное небо разрезалось белым огнем и из темноты вылетел конвертоплан. Его огромные винты угрожающе крутились, создавая вокруг вихрь и сдувая конвойных солдат в разные стороны. Открылась дверь и в проеме фюзеляжа показалась мужская фигура.

– Подвезти? – осведомился Флориан Штильхарт.

Как будто у неё были варианты? Наташа бросилась к чуду авиастроения, и только она ухватила за ручку двери, машина резко вильнула вправо, заваливая девушку внутрь. Наташа кубарем покатила по салону.

Конвертоплан свечой ушел в небо на глазах многочисленных конвойных солдат, потихоньку пришедших в себя и нескольких зевак за территорией тюрьмы, которые почли за должное найти более спокойное место.

Один из офицеров виновато посмотрел на генерала на Артамонова.

– Отправьте по их следу дроны – приказал генерал – доставить беглянку мне, живо!

Некоторое время Флориан внимательно созерцал покрытый темно-синим паласом пол конвертоплана. Его тоже сбилось с ног, когда пилот врубил на полную мощность акселераторы, уводя машину из-под огня. Может быть ей не было равной, как боевому пилоту, но гражданский борт, он бы ей не доверил. Молодой человек надеялся, что старцу, что их сопровождал повезло куда больше и он по-прежнему сидит привязанный ремнями безопасности.

Наконец Штильхарт поднялся, несмотря на то что пол всё ещё ходил ходуном, и даже сумел добраться до лежащей на полу девушки.

– Вы моя должница, уже два раза – сообщил он Наташе, протягивая ей свою руку – спасти вас, становится доброй традицией. Что вы тут устроили? Я не поверил своим ушам, когда услышал, что вы сбежали, перебив охрану. Кристина мне говорила, что вы более мирная.

– Так и есть – выдохнула девушка, поднимаясь – всё это не я! Кто-то выпустил меня из камеры и представил дело таким манером, будто это я.

– О какая потрясающая история – раздался из кабины пилота насмешливый женский голос – а ты говорил, Штильхарт, что всё будет просто. Так что там случилось?

Наташа проворно, насколько это позволяла гравитация,

сумела прислониться к переборке, отделяющей кабину от фюзеляжа. У неё даже получилось заглянуть внутрь. В кабине имелось четыре кресла, на одном из пассажирских молчаливо и степенно сидел старец Игнатий. На нем была та же черная схизма. В руке он крепко держал посох. Лицо старца было по-прежнему спокойно и умиротворенно. Вот бы научиться вести себя также. А вот в кресле пилота, очевидно сидела обладательница голоса – полный контраст по сравнению со старцем – девица, примерно возраста Наташи, с черной как смоль копной распущенных волос, стянутой индейской кожаной повязкой с множеством жемчужин, бирюзовым камнем и перьями. Лицо девушки было раскрашено причудливым белым узором. Глаза были закрыты большими солнцезащитными очками. Одеждой ей служили короткие защитные шорты и такого же цвета майка без рукавов с изображением знака канадских ВВС. Очевидно, что девушка была боевым пилотом.

– Ох не начинай, дорогая – сказал Флориан – ночка выдалась тяжёлой. Кто-то явно невзлюбил нашу беглянку.

– Судя по всему ты прав – кивнула девица – за нами шесть гиперзвуковых дронов. Кого ты на сей раз притащил с собой? Жену Усамы бен Ладена?

– Алин, меньше болтай, быстрее летай! – воскликнул Флориан, плюхаясь в кресло по соседству.

Пилот резко потянула штурвал на себя и конвертоплан вновь изменил геометрию полета с горизонтальной на стро-

го вертикальную. Наташа искреннее порадовалась, что она пристегнута. Дроны Ю 71 – последняя разработка ВПК Великобритании, стайкой пролетели мимо, но моментально перегруппировались и понеслись следом.

– А они ничего – воскликнула Алин – ну что, мальчики летаем?

– У них автономные модули – заметил Флориан – с ними бесполезно разговаривать.

Пилот криво усмехнулась.

– Ну так даже лучше – сказала она – у меня не будет к ним никакой жалости.

Машину ощутимо потрянуло.

– Послушай, ас, а тебя не собьют? – поинтересовался Штильхарт, опасливо водя взглядом по фонарю кабины.

Этот вопрос был очевидно воспринят, как крайне тяжёлое оскорбление. Девушка-пилот резко повернула голову, отрываясь от созерцания небесного пространства и вонзила в молодого человека гневный взгляд, граничащий с убийством особой жестокости.

– Ты чего сказал? – взвилась Алин – меня собьют!? Меня!? Меня собьют!?

Штильхарт умиротворяюще вскинул руки.

– Я пошутил – сказал он.

– Ты чего себе думаешь – бушевала пилот, выделявая в воздухе петли – по-твоему я глупее этих железяк, с проводами вместо мозгов?

– Шутка – быстро добавил Флориан.

Алин сначала сверкнула взглядом в сторону молодого человека, потом перевела взгляд на Наташу.

– Убери отсюда своего бойфренда, пока я не выкинула его за борт! – гневно воскликнула пилот.

– Он мне вовсе не... – начала протестовать Наташа. Она хотела сказать, что Штильхарт не её бойфренд, но конвертоплан очередной раз тряхнуло и слова застряли в горле. К её нелюбви путешествовать на самолетах, добавилась то обстоятельство, что она взорвется вместе с нелюбимым видом транспорта. Одна радость перед смертью есть кому покаяться в грехах.

– Ну тогда просто пристигни ремни, Элли – криво усмехнулась Алин. – И скажи своему Канзасу прости и прощай.

Пилот выделявала на маленькой машине невероятные кренделя, казалось, против всех законов физики. Дроны упрямо весели на хвосте. Ладно бы просто весели, подумала пилот, так ещё имеют наглость стрелять.

Пилот заложила лихой вираж. Двигатели стонали на высокой ноте, отчаянно протестуя против маневров. Конвертоплан раскрутился по широкой спирали. Компьютер одного из дронов, вероятно, рассчитал, что он всё-таки достаточно крутой и попытался повторить маневр. Алин заложила ещё более крутой вираж уже вниз. Дрон потерял стабилизацию высоты и камнем рухнул к поверхности. Что-то грохотнуло.

– Продолжаем – весело сказала Алин – если вы, конечно,

настроены.

Остальные дроны настроя не теряли и продолжали держаться сзади.

– Упрямство и компьютер не доводит до добра – заметила пилот – заверяю вас – ну, что догонялки!?

Если пассажиры и считали, что их пилот прежде демонстрировала чудеса пилотажа, они глубоко заблуждались. То были цветочки. Так, легкая разминка. Вот то, что началось сейчас... Наташа с такой силой вжалась в кресло, что потом долго удивлялась, как смогла встать с него. Она даже не хотела знать, что у неё с вестибулярным аппаратом и просто закрыла глаза. Держать их открытыми, в силу того что происходило вокруг, было просто невозможно. Конвертоплан, дроны, выстрелы, огонь, дым: всё это смешалось в единый стремительный вихрь.

– Один сзади другой спереди – заявила пилот – идеально!

– Тебе не кажется, что напрашивается другое слово? – буркнул Флориан.

– Не-а – Алин резко щелкнула какими-то клавишами и двигатели конвертоплана отключились. Машина стала падать вниз.

Имей дроны мозги, а не электронную начинку вместо них, они бы наверняка решили, что пилот сошла с ума и хочет покончить с собой, а посему не надо ей мешать в этом стремлении. Но мозгов у них не было, поэтому они продолжая расчерчивать воздух свинцом, не поняли, что палят друг в дру-

га, а не по изумительно верткой цели. Итог был очевиден. Два дрона исчезли в двух ярких взрывах.

Пилот стремительно врубила двигатели и почти под прямым углом взлетела вверх, стабилизируя высоту.

Они летели над заливом в сторону города-крепости Кроншлот.

– Как вам понравилось это блюдо? – поинтересовалась Алин у ошеломленных пассажиров.

– Симпатично – заявил Флориан – но за нами ещё четверка.

– Какие настырные – кивнула Алин – но мы не такое переживали.

Беспилотники сократили расстояние между собой и целью вдвое. Их пришлось удивить, Алин заложила замысловатый вираж в горизонтальном пике меняя высоту полета с резко выше, на резко ниже и наоборот. Авонаймелус разве что не зевала от скуки, с легкостью демонстрируя чудеса пилотажа.

В этом месте дроны могли быть не такой проблемой, как стоящие на рейде боевые корабли. Не было никакой уверенности, что им не дан приказ открыть огонь по надоедливym гостям. Нужно было что-то придумать, чтобы избежать с ними встречи и стряхнуть дроны. Что-нибудь оригинальное...

– Ты куда-это собралась?! – воскликнул Флориан, когда пилот резко нырнула вниз – ты же не собираешься пролететь через...

Судя по приближающимся городским зданиям, Алин это и собиралась сделать. Пролететь даже не над городом, а сквозь город. Наташа просто стала смотреть в пол, потому что даже её закрытые глаза рисовали уже такие картины...

– Хех – ослабилась пилот – они же такие умные, эти машинки, они же не попрутся за нами, правда?

Машинки оказались неумными и поперлись. Алин перевела конвертоплан в вертолетный режим и влетела на городские улицы. Нет, решила Наташа, это уже не фигуры высшего пилотажа, это уже самоубийство!

Алин же просто положила руки на штурвал. Её в такие минуты охватывало странное чувство умиротворения. Как будто она и самолет сливались воедино. Ей даже не надо было на приборы смотреть. Она просто знала, что она сможет. Здесь и только здесь она чувствовала полную свободу.

Конвертоплан зигзагами лавировал между домами. Оставалось только гадать видят ли это всё обыватели. Дроны пытались преследовать. Вот он недостаток машины. В неё заложили программу, и она будет следовать программе. Алин сделала бочку. Один из дроном ринулся за ней, потерял остатки высоты и грохнулся на землю, пропахав длинную борозду на асфальте. Осталось трое. Обманный маневр, Алин удалось так близко пролететь от угла дома, что, когда компьютер дрона заметил опасность, машина уже летела без крыла и куда-то прочь от города. Очевидно, там она и погибла.

Оставались ещё двое. Этим повезло больше. Они нашли нужную геометрию и пристроились строго в хвост конвертоплану. Они даже уже превосходили в скорости. Хороши, подумала Алин, но не креативны.

– Пожалуй надо выбиратья – заявила пилот.

Штильхарт нервно засмеялся.

– Думаю выскажу общее мнение – сообщил он – что мы согласны!

Наташа смогла энергично закивать головой. Старец по-прежнему сохранял степенное положение. Он там часом не помер?

Дроны были от них уже на расстоянии выстрела. Если бы они подлетели ещё метров на десять. Они подлетели... только вместо конвертоплана перед ними оказалась крепостная стена, а конвертоплан был уже на стандартной высоте, в по-

следний момент свечой уйдя в светлеющее небесное пространство.

* * *

Не только ошарашенные обыватели наблюдали за сумасшедшим полетом. За ним так же наблюдал ещё один человек. Правда наблюдал он не в живую, а на экране компьютера, где беглецы обозначались вертлявой красной точкой.

Человек расправил плечи под зеленым армейским мундиром.

Он рассчитал всё верно. Он сумел убедить генерала Артамонова в предательстве Покровской. Это оказалось даже проще, чем он рассчитывал изначально. Он никогда не предполагал, что генерал так доверчив. Верно говорят, что слепая покорность государству убивает здоровую рефлексию.

И всё же Покровская почти перетянула Артамонова на свою сторону. Существовала опасность, что генерал поверит ей. Пришлось разыграть небольшую комедию с её побегом. Теперь у генерала отпадут даже последние сомнения в её виновности и это подорвет веру её самых рьяных сторонников.

Школьников с его фильмом, оказался весьма полезен, хотя он и до ужаса труслив и туп, но именно такие и нужны, иногда.

Устроить несколько разрушительных акций, чтобы сорвать показ его фильма и каждый раз акции будут совершать

противники закона о едином цифровом распределителе. А когда станет известно, что вдохновитель и главный противник закона депутат Покровская действует в интересах западных разведслужб. Это довершит картину. Поддержка Покровской станет символом аморальности и отсутствием патриотизма. Просто, но действенно. Распределитель будет введен в строй, и никто, в том числе генерал Артамонов никогда уже не узнают, что их использовали. Использовала Организация. Все подпадут под добровольный контроль, на который сами согласятся.

Сзади раздалось нетерпеливое шарканье ногами. Этой девочке, ещё предстоит кое-что выучить, в отличие от своих сестер-охотниц.

– Они ушли? – флегматично спросил человек.

Стоявшая за спиной девушка кивнула.

– Только что вышли за пределы действия радаров ПВО – сообщила она – рискну предположить, что в данный момент смеются над нашей неудачей и поздравляют друг друга.

Человек повернулся к девушке. На её лице играла хищная и одновременно ироничная усмешка.

– Возможно – согласился он – но ты должна уже знать, что иногда видимость победы является поражением.

Охотница кивнула.

– Я помню это – сказала девушка – какими будут наши дальнейшие шаги?

Человек сложил руки на груди.

– Позволим им насладиться видимостью победы сполна – сказал он – тем горше будет их разочарование после. Твоя работа здесь закончена. Отправляйся вслед за ними и контролируй, чтобы они нашли нужный нам предмет. Как только это произойдет, ты отберешь его. Наш человек за океаном окажет тебе помощь. Я тоже вскоре прибуду туда. Пора показать госпоже Покровской последний приготовленный нами сюрприз.

* * *

Когда глухая ночь царила над Ольвией и Петерштадтом, на другой половине земного шара только вечерело. Джефри Трэверс уверенно шагал по дороге одного из парков в центре Оттавы. Разумеется, он мог напроситься на официальную встречу, но тогда возникли бы не нужные вопросы. Сущность Организации – тень и скрытность. Никогда не знаешь, кто подслушает твои разговоры, особенно в офисе какой-то бюрократической структуры, но и приглашать руководителя контрразведки НАТО генерала Самуэля Тайберта на свой остров, он не стал, опять же по этой причине. Поэтому они встречались здесь, в парке.

– Приветствую вас – сказал генерал – вижу, что вы в отличной форме. Что привело любителя моря и золотого песка на встречу со мной, скромным военным бюрократом?

Трэверс проглотил смешок. Прибедняется генерал. Как

же офшорные счета в Панаме и Сингапуре? Да и не будем забывать скандал годовой давности о двух уволенных секретаршах, за отказ в близости. По нынешним временам – это серьезное преступление. Впрочем, Трэверс приехал не запугивать, а дружить.

– Мне бы крайне не хотелось беспокоить вас – учтиво сказал Трэверс – однако кое-кому из моих друзей, которые не хотят афишировать себя, нужна ваша помощь в одном деликатном деле. Я думаю, что наше с вами тесное знакомство могло бы помочь им.

Тайберт потер руки. Он не нервничал и был абсолютно спокоен.

– О какого рода помощи идет речь? – спросил он – надеюсь вы понимаете, что если мы коснемся военных...

Трэверс замотал головой.

– О нет-нет, заверю вас, что речь не об этом – сказал он – просто моих друзей интересует энный груз, который оказался на дне местных вод. Если бы вы помогли достать его...

Тайберт алчно улыбнулся.

– Подводная лодка капитана Долматова, не так ли? – хмыкнул он – вас ведь она интересует? У нас тоже есть свои, надежные, источники.

Трэверс развел руками.

– Не сомневаюсь – сказал он – и раз так, вы должны понимать, какая цена для будущего человечества заложена в нашу операцию.

– Что вы хотите? – спросил Тайберт, не вдаваясь в экзистенциальные дискуссии.

– Должно быть вы уже знаете, о небольшом происшествии, которое имело место в Петерштадте. Побег из тюрьмы одной высокопоставленной заключенной.

– Я слышал об этом – кивнул Тайберт – весьма дерзкая попытка, но что в ней интересного для меня?

Трэверс улыбнулся.

– О, я безусловно заинтересую вас – сказал он – полет на конвертоплане через городские кварталы, уничтожение эскадрильи гиперзвуковых беспилотников... только один пилот способен на такое безрассудство – капитан Алин Авонаймелус.

Тайберт сверкнул глазами.

– Бывший капитан – напомнил он – её разжаловали и осудили.

– О да – бросил Трэверс – однако вместе с лишением звания и наград, нельзя лишить талантов пилота. Только она может так летать. Помогите нам задержать Покровскую и получите Авонаймелус. Вы ведь были следователем по её делу, не так ли?

Трэверс почти с удовольствием обратил внимание, как генерал потирает шею – то место, в которое Алин Авонаймелус ранила его, когда Тайберт пытался её изнасиловать во время допроса.

– Думаю, вы хотите поквитаться с ней, за то, что она ко-

гда-то избежала законного правосудия – продолжил Трэверс – теперь у вас будет такой повод. Вы арестуете её и её друзей, за нарушение государственной границы. Вы отдадите мне Покровскую, а я оставлю вам Авонамйелус. Это будет честная сделка.

Тайберт кивнул.

– Думаю, дружба с вами принесет мне куда большую выгоду, чем я рассчитывал – учтиво сказал генерал.

Как легко повернуть человека на свою сторону, пообещав ему исполнение потаённых желаний, подумал Трэверс, но также легко и потерять его. Верность за выгоду, конечно, самая хрупкая, но самая эффективная, в краткосрочной необходимости.

* * *

Известный радиоведущий одной из радиостанций Великобритании Рудольф Галкин был сейчас далёк от своего лучшего настроения. Он сидел на черном мягком кресле в одном из номеров столичной гостиницы «Four Seasons», и искоса, с большой опаской поглядывал на стоящую возле него девушку, одетую в закрытое чёрное платье с длинными перчатками. Галкина даже беспокоила не столько девушка, сколько её правая рука, расположившаяся очень близко от его плотной шеи. Галкин знал, что вылетает из этой руки, если человеку, к которому он пришел, что-либо не нравится в ответах

подчиненных. А о том, что болтают ещё про этих девушек обыватели и думать было страшно.

– Мы изучили ваш доклад, по ситуации в Йемене, господин Галкин – с другой стороны гостиничного номера, ото-звался его собеседник – и пришли к выводу, что мы можем выделить ту сумму, которая нужна бунтовщикам, чтобы свергнуть правительство. Комитет по чрезвычайному положению примет соответствующее обращение.

Галкин почти раболепно склонил голову.

– Я благодарю за доверие – сказал он, надеясь, что его голос не дрожит – но я не понимаю, почему вы сюда приехали лично?

Неизвестный смерил ведущего оценивающим взглядом. Галкину на секунду показалось, что рука девушки скользнула чуть вниз. Интересно стали бы его ещё люди слушать на радио с таким же доверием, если бы увидели, что гроза-ведущий, сейчас сам трясется, как осиновый лист.

– Это вызвано необходимостью – ровно проговорил человек – о которой я и буду с вами сейчас говорить.

Галкин энергично закивал и его маленькие, как две бусинки глаза энергично забегали.

– Я весь внимание – сказал он.

Лица собеседника Галкина видно не было, виден был только зеленый мундир ГРУ, но было понятно, что он, наоборот, сохранял хладнокровное равнодушие ко всему происходящему, в отличие от ведущего.

– План близится к своему завершению – произнес неизвестный – ваш друг Школьников, оказался весьма полезен, хотя он и до ужаса труслив и туп, но именно такие и нужны в нашем деле, верно?

Галкин вновь энергично закивал.

– О да – сказал он – вы абсолютно правы.

– Это был риторический вопрос – заметил неизвестный.

Радиоведущий съежился и бросил взгляд на девушку рядом, на её лице выступила презрительная усмешка.

– Теперь к сути – продолжал неизвестный – Сегодня Школьников получил прокатное удостоверение на свой фильм и теперь ваш черёд. В ближайшее время мы устроим несколько акций, которые будут направлены на то, чтобы сорвать прокат фильма. Ваша задача обращать внимание на эти акции и всячески их осуждать. Вы должны в своих передачах сделать акцент, что появилась секта воинствующих монархистов, которая действует в интересах западных спецслужб. Их цель новое разделение страны и нарушение санитарных норм, которые введены для общенародной борьбы с вирусом. Особое внимание уделите персоналии Натальи Владимировны Покровской. Вы должны сообщать вашим слушателям, что Покровская агент иностранных разведок и все её действия по отношению к закону о едином цифровом распределителе преступны, кроме того, у неё совершенно помутился рассудок на почве болезненной любви к последнему царю Великодержавии. Вам понятно поручение?

Поручение было достаточно простым и понятным для любого политического журналиста. Тебе платят, и ты кого-то восхваляешь или тебе платят, и ты кого-то топишь. Политическая журналистика в Великоруссии работала только так.

– Покровская сейчас в фаворе – насуплено заявил Галкин – особенно у простых людей. Её позиция по закону о цифровом распределителе... вряд ли в такое поверят.

Он постарался сказать это так, чтобы не вызывало сомнений, что он готов всё устроить и лишь ужасные непреодолимые обстоятельства мешают этому.

Неизвестный хмыкнул.

– А вы сделайте так, чтобы поверили – сказал он – вы же не зря ведете трехчасовую передачу на радио, вот и постарайтесь лишить Покровскую этого фавора. В ваших эфирах вы должны всячески показывать, что поскольку Кранцберг был территорией Понтии, а Наталья Владимировна была тоже персонажем из Понтии, она пытается «понтиизировать» наше информационное пространство своими расследованиями, и внедрить чужие для этой страны мысли и идеи, вам всё понятно?

Галкин кивнул и нервно почесал растрепанную бороду.

– Но добьёмся ли мы нужного эффекта? – спросил он.

Неизвестный снова хмыкнул.

– Безусловно – сказал он – обязательно во время эфиров читайте СМС в поддержку Покровской и с оскорблениями в адрес режиссера фильма и авторов закона о цифровом рас-

пределителе. Сделайте так, чтобы их было больше, чем их противников. Сделайте акцент на то, что Покровская смущает слушателей, а сама находится в Канаде и ведет оттуда подрывную деятельность, что заметьте правда. Вы же слышали, что она бежала из тюрьмы?

Ещё бы, усмехнулся Галкин, это передавали несколько раз по всем каналам. Да и самолет, то есть конвертоплан подходящий. Из этого может получиться неплохая история. Тем более сам Галкин терпеть не мог Покровскую за её прямоту и безапелляционность. Она правда была местной выскочкой.

– Я готов сделать всё, что в моих силах – постарался заверить радиоведущий.

Неизвестный человек в мундире был само спокойствие.

– Я надеюсь вы меня не разочаруете – сказал он, сделав ударение на частицу не.

Галкин поморщился и снова бросил взгляд на девушку рядом. На её лице по-прежнему была презрительная усмешка.

* * *

Путь решили продолжать затемно, не дожидаясь утра. Предстояло попасть в катакомбы как можно скорее. Увидеть солнце были бы рады всё, но идти в свете дня по открытой местности было опасно, поэтому надо было пользоваться лесным укрытием, пока оно было.

Так они встретили рассвет.

Снова пришлось шагать, раздвигая ногами густую лопушистую траву. Пробираться целиком, сквозь заросли кустарников и поминутно отклонять руками ветки, изредка натываясь на паутину и топкие прогалины.

Никогда прежде им не встречалось такого количества грибов и ягод. Рыжики, боровики, земляника, жимолость. Это было неплохое пополнение запасов, а вода из ближайшего родника не только позволила умыться и освежиться, но и приготовить скорую, но добротную похлебку.

И вот лес кончился.

Теперь, до самого входа в катакомбы, идти предстояло по плоской равнине побережья, которая пересекалась многочисленными илистыми лиманами. С моря дул сильный ветер и несмотря на приятный холодок, он внушал опасение, что своим шумом отвлечет их от всевидящих электронных глаз.

И они шли дальше. В жарком и ярком голубом небе не встречалось ни облачка и горячие солнечные лучи припекали голову и просачиваясь сквозь одежду жгли плечи и спину. Теперь ветерок с моря уже внушал больше надежду, так как его внезапные порывы спасали от жары.

Простое ли это было везение или знания Кристины, а может и чутье Снори, который время от времени шипел и мяукал, заставляя постоянно петлять, останавливаться, пригибаться, двигаясь с крайней осторожностью, но пока их никто их не потревожил. Разве только попалась пара белок, да степной волк пробежал, с удивлением рассматривая чудную

компанию.

Местность теперь была в значительной низине и вскоре путникам открылась широкая пустошь, сильно заросшая кустарником и репейником.

Дорога, по которой теперь предстояло идти, представляла собой узкую тропинку, через множество мелких лужиц, сокрытых в высокой жёлтой траве. Земля была влажной и топкой, ноги то и дело попадали в чавкающую грязь, которая перемешивалась с соленой морской водой, единственным утешением были тропинки. Раз их кто-то проложил, то люди здесь были до них, а значит и пройти можно.

Самой настоящей напастью оказались москиты, которых обитало в этих местах великое множество. Они вились над головами, заползали под одежду и мало того, что больно кусались, так ещё и жужжали так громко, что путники резко оборачивали головы в поисках дронов.

– Эта мошкара хуже вампиров – не выдержав завопила Анна – они же заживо съедят. Если так пойдет, то даже охотницы уже будут нестрашны.

– Не следует вспоминать о них здесь – сурово оборвала девушку Кристина – оботритесь соленой водой или грязью.

Их это отпугнёт.

– Зато пахнуть будем соответственно – недовольно пробурчал Кирсанов, обтирая руки – если бы ещё этот камуфляж скрывал нас с воздуха.

Он осекся, потому что бежавший впереди Снори, кото-

рого если и беспокоили москиты, то он этого не показывал, вдруг резко остановился, вытянул вперед свою мохнатую голову и приняв хавшись громко зашипел.

– Что? – не понял Кирсанов – держу пари, что учуял что-нибудь съедобное.

Ксения жестом попросила его замолчать и прислушалась. Невдалеке раздавался гул, и он шел к берегу, но не с воздуха, а с моря.

– Определенно тяжелый катер – сообщила Авалова – в укрытие быстро!

Зарылись в ил насколько это было возможно. Если это обычный катер, то близко он подойти не сможет, а вот если на воздушной подушке... Кристина нащупала рукоять клинка. Это было крайнее средство, но другого оружия у неё не было.

Шум мотора приближался сквозь море. Корабль был мощный. Вскоре они смогли его разглядеть. Тип «Гидра». Полностью бронированные корпус и палуба 25-мм автоматическая дистанционно управляемая артиллерийская установка Mk 38, зенитные пулеметы. Противокорабельные ракеты на некоторых моделях.

– Если нас заметят – сказал Кирсанов – сделают фарш.

Кристина мотнула головой.

– Грязь скроет нас от радаров – сказала она – возможно они вообще пройдут мимо.

Катер приближался. Теперь можно было разглядеть бой-

цов секуритаты на палубе. Один из них длинный и мускулистый в форменной рубашке с закатанными рукавами и висевшим на плече мегафоном осматривал берег в бинокль. Увидеть с такого расстояния он ничего не мог кроме кустарников и вальдшнепов, поэтому решил попытать счастье в переговорах.

– Внимание! – раздался окрик – выходите по одному! Вылезайте живей! Руки за голову! Отдайте то, что вам не принадлежит и может сохраните ваши жизни!

Отдать они вероятно требовали мальчика из клиники, поняла Кристина. Может их огорошить тем, что у нас его нет?

– У нас приказ на ваше уничтожение – вещал офицер – сдавайтесь или мы откроем огонь!

Демонстративное молчание ему не понравилось.

– Как знаете! – бросил в мегафон офицер – мы знаем где вы прячетесь.

– Не высовываетесь – прошептала Кристина – он блефует.

Ответом ей был хлопок и взметнувшиеся комья земли прямо у носа.

– Нет он не блефует – стиснув зубы, сообщила девушка – давайте ближе ко мне. Им будет труднее попасть.

Пушка заработала сильнее. Пришлось лежать и не шевелиться, когда снаряды бились о берег вызывая фонтаны из воды и ила. Кристина считала выстрелы. Скоро это должно было кончиться. Вечно они стрелять не могли. Вопрос был в том попадут ли они до этого времени.

Снаряды подлетали всё ближе. Вот один из выстрелов снес кустарник и скрывавшее их растение теперь посыпалось на головы вместе с порывом ветра, который означал, что они практически на виду. Внезапно стук орудия прекратился.

– Мы дали вам шанс – сказал он – как хотите! Мы вернемся и прочешем катакомбы сверху до низу. Прочешем с собаками.

Мотор усилил обороты и катер набрав ход скрылся за отрогом. Минут пять путники ещё пролежали в иле. Потом Кристина всё же рискнула поднять голову отряхивая с волос грязь.

– Кажется они собрались нас убить – сообщила Ксения.

Кристина усмехнулась.

– Это вряд ли – сказала девушка – так поугадать. Они ищут то, что мы спрятали. А поэтому мы нужны живыми.

– Да? – изумился Кирсанов – а когда они поймут, что у нас мальчика нет?

Кристина почесала щеку.

– Поэтому нам надо двигаться – сказала она – я хотела ещё немного пропетлять, но теперь вижу, что идти нужно напрямик и без завтрака. Разве что перехватим по дороге. Лучше поспеть к катакомбам до заката.

– Но этот с катера сказал... – испуганно начала Анна.

Кристина махнула рукой.

– Пустая бравада – сказала девушка – в катакомбах наш след не учует ни одна собака, даже розыскная. Говорят, что

ориентироваться там может только пёс, выросший внутри.

Снори протяжно мяукнул.

– Не знаю, что говорят о котях – улыбнулась Кристина – заодно и проверим. К счастью для всех нас, я часто здесь бывала и неплохо знаю это местечко, поэтому надеюсь, что мы избежим неприятных встреч.

Хитро извиваясь, тропа вела дальше на юг. Кто бы её ни проложил, но сделал он это с явной целью, чтобы идущих не было видно с близлежащих холмов. Тропа эта то ныряла в кустарник, то утопала в густой траве, а когда было совсем открытое место, она бежала сквозь линию огромных и обтесанных, явно не морскими волнами.

– Какой-то кладбищенский вид – заметил Кирсанов – как будто какие-то курганы.

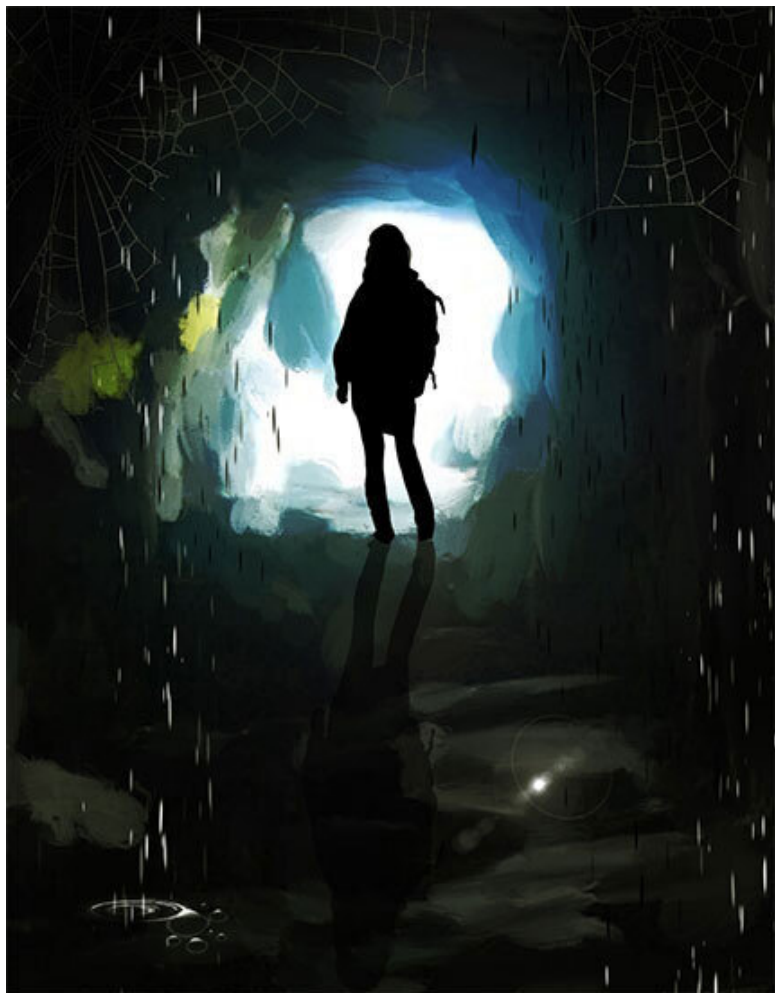
– Вполне возможно – ответила Кристина – в этих местах вообще много чудного и древнего. Люди покинули эти места много лет назад и теперь сама природа властвует тут.

Глубоко за полдень, наконец тропа привела их к крутому склону, который поднимался будто мост над пропастью. Сверху склона торчали словно острые клыки, вздымающиеся в высь каменные осколки. Более прятаться уже было бессмысленно. Оставалось надеяться, что у входа их не ожидают.

Когда-то, ещё в старые времена основания города, в конце XVIII века, эти катакомбы представляли собой масштабные каменоломни, которые были прорыты для добычи из-

вестняка, нужного при строительстве города. Именно благодаря этому камню Ольвию и прозвали «Масляный город», за теплый желтый цвет.

Время шло. Проходили года, столетия. Рабочие стали всё глубже проникать в толщу породы, что вызвало геологические аномалии, которые угрожали городу катаклизмами. И добычу камня запретили. Рабочие ушли, а каменоломни остались. Потом пришла гражданская война и каменоломни стали прибежищем для жителей, которые прятались от ужасов красного террора. Позже в великую отечественную эти катакомбы стали домом уже для красных партизан, которые боролись с нацисткой нечестью. С этим был связан самый славный период катакомб. Здесь сделали даже музей партизанской славы. А потом, уже перед самой независимостью произошла та памятная авария на Ольвийской АЭС. Люди бежали из этих мест. Дома рушились. Разрушился и музей. Брошенный и никому не нужный. Только сами катакомбы остались, пугая своим видом чутких южных жителей. Никто сюда уже больше не ходил, кроме сталкеров и диггеров, которые время от времени исследовали эти места в поисках брошенного оружия.

– Мне рассказывали, что эти каменоломни получили свое название оттого, что здесь хоронили похищенных и убитых девушек – деловито сообщил Кирсанов – кто-нибудь про это слышал?

– Эти места часто служили прибежищем для контрабандистов и прочих преступников – отозвалась Ксения – они складировали здесь товары, в том числе и похищенных девушек, чтобы потом продавать на невольничьи рынки и в бордели Стамбула, говорят, что некоторые из пленниц кончали жизнь самоубийством.

Кристина многозначительно пожала плечами.

– О катакомбах ходят десятки легенд – заметила девушка – у местных они всегда пользовались дурной славой. Не думаю, что всем из них можно верить, однако сегодня мне... как-то... беспокойно. Будьте начеку!

Потребовалось некоторое время, чтобы подняться вверх по склону и оказаться перед черным зияющим провалом в желтом камне. Откуда дул холодный свистящий ветер.

– У меня кровь стынет в жилах, от этого места – пробормотал Кирсанов.

Кристина вздохнула.

– Чтобы нас там не ждало, я вхожу! – провозгласила девушка.

Она сделала шаг вперед и сразу же на неё обрушилась непроглядная темнота.

Пока конвертоплан отдыхал на одной из финских шхер, Алин стояла в центре кабины и прислушивалась к своему летательному аппарату. Большинство приборов сейчас было выключено, чтобы не расходовать энергию. Такие монотонные полеты были ей не по душе. Взлет и посадка составляли исключения. С этим правда не согласился ни один из её пассажиров. Гораздо большее удовольствие она получала от таких догонялок, вроде тех, что случилась в небе Петерштадта. Она была рождена для этого.

Пока Алин копалась в пульте, настойчиво требуя от компьютера данные о повреждениях возникла госпожа депутат, как всегда, с деловитым видом и явной кучей вопросов. Компания Флориан подобрал себе что-надо в этот раз. Ничего не скажешь. Монах этот весь в черном. Все время или молчит или молится или скажет что-нибудь такое заумное, что голова аж закипала. Впрочем, в жизни встречается и более странное.

– Это было круто – возвестила Алин – иногда даже я сама себе удивляюсь.

– Нас всего лишь отпустили – хмуро бросил Флориан – им нужно, чтобы мы сами нашли медальон. Иначе за нами не отправили бы стайку дронов. Держу пари, что они за нами следят.

Алин улыбнулась.

– Не бойсь! Я в своей жизни справлялась с штуками покруче – бросила пилот – живыми, прошу заметить. Вам несказанно повезло заиметь такого пилота.

Депутат громко фыркнула.

– Если, конечно, требуется тот, кто ставит бесконтрольную храбрость выше разумной осторожности – заметила девушка.

Оу, их народная сиятельность наконец соизволила поднять голос. Что сказать, Флориан всегда любил языкастых девочек.

– Знаешь я выросла в такой среде, где действует одно правило. Стреляй первым, пока драка не началась – заявила Авонаймелус – мой главный принцип уверенность и здоровое безрассудство. Это помогает мне сохранить жизнь.

Сидевший с прикрытыми глазами монах мимолетно улыбнулся. Надо же метаморфоза какая!

– Безрассудство, не будучи в силах сделать человека умным, часто делает его тщеславным и заносчивым – изрек старик.

Авонаймелус окинула его придиричивым взглядом.

– Ну по крайней мере спасла я всех нас очень недурно – заявила она – можно сказать даже играючи. Местные долго будут помнить мои зигзаги.

– Это меня и тревожит – смело заявила депутат – с чего бы бывшему пилоту НАТО помогать мне – изгою в вашем

светлоликом обществе?

Алин широко и белозубо улыбнулась. Кажется, народная избранница окончательно пришла в себя после полета, раз её потянуло в политику.

– Это был порыв благотворительности – заявила Авона-мйелус – у меня они случаются, когда вижу, что человека предадут свои.

Она знала, что Покровской будет тяжело согласиться с этой сентенцией. Ей самой тоже было тяжело. Но не девочка же, не может не понимать, как жизнь устроена.

– Противно признавать – бросила Наташа – но вы правы. У нас с вами есть нечто общее.

Да неужели, усмехнулась про себя Алин, мы уже делаем успехи.

– Предательство – пробормотал монах – неотъемлемая часть взросления. Именно так мы учимся. Но также и страдания. Страдания и скорби есть лестница духовного восхождения.

Алин всплеснула руками.

– Естественно – сказала она – как же можно забыть про духовное восхождение? Послушайте, вот что я вам скажу, святой отец. Я излетала самые жаркие точки нашей планеты и видела кучу страданий, и я никогда не поверю в то, что они способствуют духовному восхождению. Они могут вызвать лишь интерес, подогретый телевидением в интересах продажных политиков и коммерсантов.

Монах покачал головой.

– Зависит от того, как именно мы принимаем их – возразил старик – апостол Павел говорил многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие. Через страдание Господь учит верующего и очищает душу и тело от грехов его для того, чтобы сделать всего человека праведным. Но упование страданиями ведет не к Христу, а к дьяволу. Ибо страдания следует переносить смиренно и богобоязненно.

– Я в курсе вашей философии – бросила Алин – ударили по одной щеке, подставь другую. А я предпочту, пожалуй, око за око, зуб за зуб.

– Весьма примитивная позиция – улыбнулся в бороду монах.

– Зато действенная – откликнулась Алин – иначе, по-вашему, нашей пассажирке нужно было гнить в камере, испытать все радости страданий и благополучно вознестись на небо?

Монах склонил голову.

– Как гора может нести столько снега, сколько она может выдержать – мягко сказал он – так и Бог посылает человеку лишь те страдания, что он может вытерпеть. Нам не дано знать всех дел, что творятся под солнцем.

Сидевший в кресле второго пилота Флориан наслаждался диалогом.

– Если вы закончили богословские диспуты – сказал он – то, по-моему, надо кое-что прояснить.

– Лады – согласилась Алин – выгребайте всё что у вас есть. Мне вот тоже крайне интересно во что на сей раз вы меня втравливаете.

– Что ты слышала о подводной лодке «Барс»? – спросил Флориан.

– Корабль прошедший 20.000 льё за полгода? – хмыкнула Авонаймелус – сказка для деток, которым не спится в кровати.

– Это не сказка – поправил Флориан – а рассказ. И вполне реальный, ведь один из членов команды этого корабля сегодня с нами.

Алин, округлив глаза взглянула на монаха. Теперь многое было понятно.

– Прошу заметить, что наш корабль прошел это расстояние за пять с половиной месяцев – улыбнулся монах – меньше даже.

Алин коротко ухмыльнулась. Вот и вам не чужды эмоции.

– Ну и что с этим кораблем? – спросила девушка – уверена, что услышу очередную неплохую cool story!

– В общем и целом – бросил Флориан – я встретил нашу милую пассажирку в квартире Александра Верховского в Царском. Дела у неё были хуже не куда. Ей повстречалась охотница...

Алин во время рассказа решила изобразить мимическое представление, меняя эмоции от флегматичного кивка с подтверждением, что она помнит кто такой Верховский, до за-

дирания бровей в немом удивлении.

– Вы не находите это интересным? – прямо спросила Наташа.

Алин вздохнула.

– Нахожу – сказала пилот, заметив опасный отблеск авантюризма в глазах народной избранницы – для любителей бабушкиных сказок. Послушайте этот корабль ищут уже много десятилетий и не только из-за какой-то вакцины. Даже если он действительно существовал, поверю вашему монаху, без мореходной книжки, то эту подлодку наверняка или уже нашли и раскопали всё что на ней было или она уже уничтожена глубинными течениями. Штильхарт, кажется, ты засиделся на дипломатической службе.

– Разве я когда-нибудь тебя подбивал на что-то бестолковое? – спросил Флориан.

Интересное замечание. Вообще то нет... на опасное, да, но не на бестолковое. Алин насупилась.

– Когда-то давно – сказала она, не веря собственному языку – бабушка рассказывала мне о блестящем корабле поднявшимся из глубин океана. В ту пору в племени моей бабушки царил великий мор. От него умирали все, и никто не знал причину болезни.

Царил великий мор.

Холмы накрыл ночью тьмой.

И смерть ходила по пятам

За тем, кто был и стар и млад.

*И не было спасенья от бед
И должен кроток быть народа век
Лишь только чужестранный друг
Сумевший победить недуг
Явился к нам из глубины морской.
Где ласковым шумом зовёт нас прибой
В прекрасный и призрачный мир под волной.*

Алин неожиданно замолчала.

– Что же вы остановились? Продолжайте! – попросила Наташа.

Авонамйелус нахмурилась.

– Я не помню дальше – смущенно сказала девушка – это когда я совсем девчонкой была, мне бабушка эту балладу часто рассказывала. Этот капитан спас народ. Привез лекарство. Воин из племени помог ему понять смысл противостояния. Но только сказки всё это.

– Не сказки – поправил её монах – ваша бабушка рассказывала правдивую историю. Когда же лодку спрятали, то место это было особое. Там, где волны по кругу движутся и в месте, что чудовище охраняет.

Алин застонала и возвела глаза к небу. Все байки собрали.

– Чудовище? – не понял Флориан.

Авонамйелус махнула рукой.

– Суеверие! – раздраженно бросила она – место про которое говорит наш монах, я знаю где это. Но живым туда лучше не соваться.

– Почему? – не поняла Наташа.

– Гравитационная аномалия – пояснила Алин – очень мощный водоворот, который утянет на дно любой корабль. Местные индейцы верят, что водоворот создает древнее морское чудовище. Страж глубин.

– Не суеверие это – веско сказал монах – и лишь тот, кто сможет управлять чудовищем, сможет найти потерянный корабль. Сказитель говорил так: летающий воин из нашего племени, приручит чудовище и проложит курс к кораблю.

Флориан хлопнул Алин по плечу.

– Кажется это про тебя – весело сказал он – летающий воин. Мне нравится.

Алин громко фыркнула.

– А мне нет – честно сказала пилот – сплошное суеверие! Вижу, что вам уже конкретно задурили головы. Как же вы интересно прошли мимо чудовища раньше?

Саркастический вопрос был к монаху.

– Бог всё устраивает – сказал он – он создает сферу, которая связывает всё живое на этой планете.

Алин поморщилась и осторожно наклонилась к Флориану.

– Он что сказки Кристины про сферу разума и глобальную устойчивость нам читает? – тихо спросила пилот.

Флориан только пожал плечами. Он понимал мало, но почему-то верил старику или начинал верить.

– Чудовище исполнило свою роль – продолжал монах –

оно само утащило корабль и теперь найти его может только тот, кто усмирит чудовище. Ты, если победишь в себе отрицание сущего и вспомнишь, кем являешься.

– Ну это какая-то бессмыслица – запротестовала Алин – я пилот, а не морской зоолог.

Монах стукнул палкой об пол. Хорошо, что не по лбу.

– Ты должна открыться своей природе – сказал старик – вспомни откуда ты.

– Там откуда я, не очень будут рады меня видеть – вздохнула Алин – точнее совсем не рады.

Наверное, без всевидящих старцев, жизнь мирянина была бы много легче, подумала Алин, ну или казалась бы такой.

– Умение прощать всегда было единственным путем к просветлению – мягко сказал старик – прощать и быть прощенными. Иначе ты бы не носила это на своем лице.

Алин прикоснулась к щекам. Это уже был запрещенный прием. Что он знал о её жизни? О том, что она пережила. Девушка покраснела.

– Я доставлю вас в Ньюфаундленд, как мне сказал адмирал – бросила она – а потом посмотрим.

Старик улыбнулся.

– Хорошо начнем с этого – сказал монах – а потом вы поступите так, как велит вам сердце.

Алин поежилась. Она вовсе не хотела исполнять то, что велело ей сердце, хотя сильно предполагала, что адмирал согласится с её сердцем.

– Поездка будет интересной – заметил Флориан.

Алин фыркнула и стала заводить двигатели. У неё был явно сбой в системе принятия взвешенных решений.

* * *

Темнота давила со всех сторон. Темнота и тишина, нарушаемая только порывами свистящего ветра, который даже самое естественное сознание могло бы принять за вой чего-то сверхъестественного, а уж человек с изошренным сознанием мог бы даже разобрать слова, походившие на древнее заклинание, произносимое на неизвестном никому языке. Путники шли по узким каменным коридорам, спускаясь всё ниже и ниже на уровни, а вокруг них густилось что-то неизведанное и гигантское.

Кристина с фонарем в руке шла впереди; последним шёл Кирсанов, тоже с фонарем. Он периодически оглядывался назад в поисках преследователей. Но все было спокойно. На них никто не нападал и не преграждал путь. И всё же страх по-прежнему висел в воздухе и не думал отступать, вместе со странным ощущением, что будто бы за ними кто-то наблюдает. Будто бы тысячи невидимых глаз. Будь это любое место, Кирсанов бы побежал первым вперед, но сейчас он шёл спокойно и осторожно. Что-то угнетало его в этой пещере и судя по лицам спутниц не только его. Даже Снори опустил уши и тихо брел, перебирая лапами.

– Вперед – ободрила спутников Кристина – это всего лишь темнота.

Как это она не боится, пробормотал про себя Кирсанов. Кристина временами начинала казаться ему эльфийской воительницей, сошедшей с древних легенд.

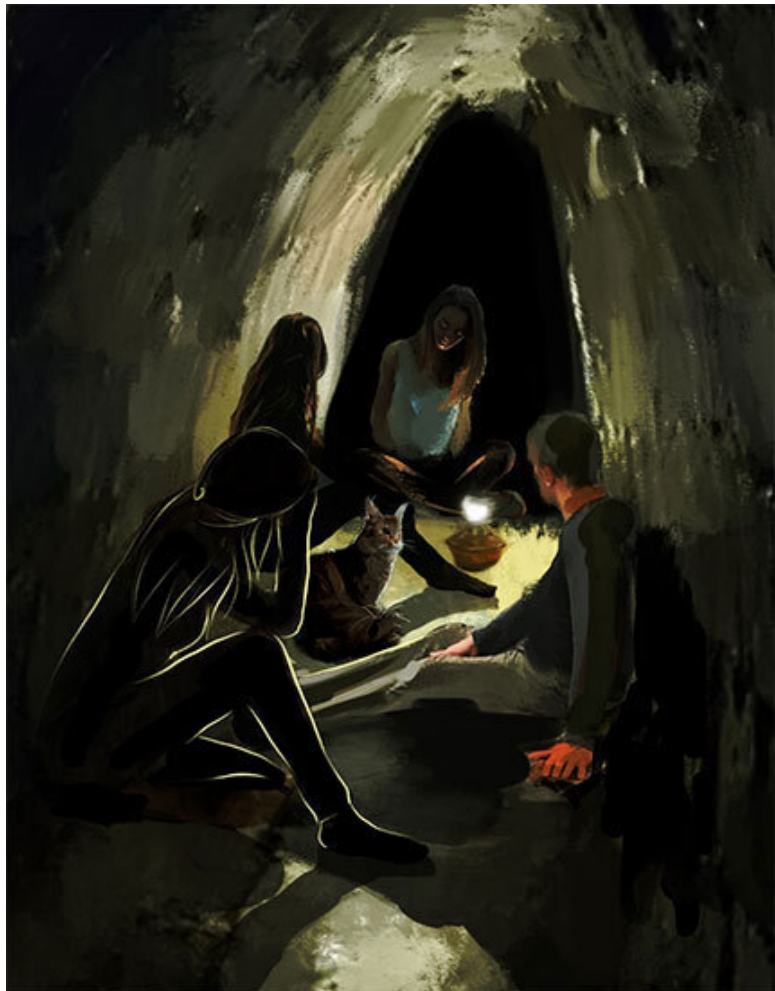
Наконец спуск кончился. Теперь они шли прямо, в черную бесконечность, зияющую перед глазами.

– Темноты я не боюсь – проговорила Ксения – меня страшит, что мы намерены делать потом. Мы же не можем бродить здесь вечно.

Это был, наверное, единственный вопрос, который они старались не обсуждать, потому что на него ни у кого не было ответа. Точнее был. Никто из них не знал, что делать дальше. Сейчас они всецело зависели от Флориана Штильхарта, который в далеком Петерштадте искал разгадку медальона. И конечно никто из них не знал, да и не мог знать, о тех испытаниях, которые выпали на его голову.

– Полагаю, что время планов кончилось – сказала Кристина – пришло время импровизации. Сейчас мы всего лишь группа беглецов, которые должны выжить. Выжить для большей цели. Это наша главная задача.

– Для начала неплохо бы выбраться из глубин и черноты – буркнул Кирсанов – кто бы нас ещё вывел отсюда.

– Я выведу – ровно ответила Кристина – Снори мне поможет, верно?

Девушка погладила кота по загривку тот заурчал и громко мяукнул. Звук эхом отозвался в темноте.

Они шли и шли дальше по узкому коридору, который несколько раз поворачивал то в право, то влево. В приглушенном свете фонарей были различимы выскобленные на стенах зловещие надписи.

– Страшилки контрабандистов – пояснила для спутников Кристина – чтобы отвадить визитеров.

Сколько часов они блуждали по подземному лабиринту сказать было сложно, иногда казалось, что несколько дней. Радовало только то, что Кристина чётко сверялась с картой и все её отметки находились именно там, где они должны были быть. Несколько раз коридор поднимался вверх, но не выше, чем сто метров, а затем снова спускался в крошечную тьму.

– Хорошо, что вы припасли фонари – заметила Анна – без них мы бы не прошли и десяти шагов.

Кристина кивнула, разминая уставшие конечности.

– Давайте остановимся и перекусим здесь – сказала она – кафешек тут открыть не успели, а силы нам ещё понадобятся.

Предложение понравилось всем. Еще во время перехода через лес, еда внушала оптимизм, а в этом каменном мешке и подавно, тем более что они набрали достаточно ягод и запах свежей земляники отгонял затхлость катакомб. Слож-

но было с водой. Грунтовые воды в катакомбах имелись, но очень глубоко и почти все они были подвержены радиации, поэтому пить из этих источников не следовало.

Отдыхали недолго. Хотелось быстрее пересечь это странное место и вновь оказаться на свежем воздухе. Теперь они почти не разговаривали и в глухой тишине идущая в середине отряда Анна слышала только звук шагов: легкий шелест сапог Кристины, ровная поступь Ксении и глухой стук ботинок Кирсанова сзади. Воздух вокруг как будто загустел и в этом вареве чувствовалась постоянная опасность. Впереди, позади. Но они упрямо шли всё вперед и вперед.

Они вошли в катакомбы в середине дня и блуждали по этим желтым коридорам уже явно несколько часов. И вот однообразие пути внезапно было нарушено, словно по злой воле судьбы. Прямой как палка коридор внезапно уперся в разветвление. Кристина озадаченно воззрилась в темноту.

– Налево или направо? – поинтересовался Кирсанов. Собственного мнения на этот счет он похоже не имел и только ожидал пока шедшие впереди девушки проложат путь.

Леванова флегматично пожала плечами.

– Если честно, то понятия не имею – весело сказала девушка – мы вероятно пропустили поворот и забрались далеко на юг. Чувствуете воздух пахнет солью. Море рядом, а я, как назло, совершенно не помню этого места. В этом и есть главная опасность катакомб. Здесь очень много коридоров и все однотипны, но ведут они все в разные места. Один к вы-

ходу, другой в тупик, а третий и к обрыву привести может.

– Ясно, что мы заплутали – печально констатировала Анна.

– Нет – усмехнулась Кристина – мы просто устали. Впрочем, так и должно было произойти, мы шли несколько часов без остановок. Давайте сделаем привал.

Её спутники очень обрадовались подобному развитию событий. Несмотря на подземную темноту, подземная тишина успокаивала и давала надежду на то, что их не будет никто беспокоить. Отряд разложил спальные мешки. На керосинке приготовили чай и нехитрую еду, после горячего перекуса мрачные мысли сразу спали и на душе снова стало веселее. Только Кристина по-прежнему думала о чём-то своём. Пока остальные укладывались на ночлег она скрестила под собой ноги и вновь стала вертеть фигурку, восстанавливая в голове свое прошлое путешествие по катакомбам, силясь определить, где же они сейчас находятся. Эти мысли неминуемо вели её к размышлениям о том, что им делать дальше. Во время похода она их старательно отгоняла от себя, но в часы привалов размышления брали свое и нахлынывали на неё, подобно волнам. Нахлынывали, и так же быстро отступали, поскольку начинали ходить по кругу, ведь новой информации ей взяться было неоткуда.

В эти минуты она думала, почему всё это случилось именно с ней. Почему ей открылась истина, которая заставляет бороться. Кристина тяжело вздохнула и повернула лицо в

тень. Мысли о прошлом, вновь навалившиеся на неё, заставляли всю её душу сжиматься подобно пружине. Она хотела бы, чтобы ничего не случилось из того, что уже случилось. Хотела стереть все свои знания. Как бы прекрасна была её жизнь без мыслей об охотницах, организации. Это была бы жизнь обычной мирной девушки. Она могла бы влюбляться, ходить с подружками по кафе...

Пустое, усмехнулась она себе, ты не рождена для этого. У каждого, кто приходит в этот мир есть свое предназначение высокое или низменное. Ты знаешь, что такое ноосфера, ты постигаешь её. Связь с этой сферой – вот твое предназначение.

Мы можем только решить, что с ним делать и должны быть готовы его принять. В мире события не происходят просто так, но по строго заданной логике. Поэтому какой бы твоя история ни была, она для чего-то должна была произойти и именно так, как и происходит, и это весьма воодушевляет – девушка хмыкнула, лицо её просветлело.

Проснулась она от легкого толчка. Странно она даже не заметила, как заснула. Наверное, дело в усталости. Девушка повертела головой и осознала, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой, будто её охватили тиски. Впрочем, так и было, руки были стянуты добротной, толстой веревкой.

Спутники лежали рядом, без сознания и связанные. Тишины подземелья больше не было. Вокруг раздавались голоса, отдававшие команды и сновали тени с обжигающими фа-

келами в руках. Похоже их всё-таки схватили, но вот только кто?

Глава VIII. Осколки мозаики

Или колодец был действительно уж очень глубоким, или летела Алиса уж очень не спеша.

Льюис Кэрролл

Их куда-то тащили. Кристина чувствовала, что её держат сразу несколько рук. Вокруг было темно и что-то давило сверху, девушка поняла, что она укутана в полиэтиленовый мешок. Оставалось надеется, что их не приняли за трупы и не несут закапывать, впрочем, и мысль, что их вообще куда-то несут не сулила ничего хорошего. Головы повернуть она не могла, но зато ей оставили возможность видеть: вот мелькнули две пары мускулистых рук, которые несли черный мешок, в котором, судя по комплекции, находился Кирсанов. В остальном, мимо неё проносились, как будто через стекло вагона метро, известковые стены катакомб. Значит они по-прежнему находились под землей. Её мысли путались: к кому в руки (даже в прямом смысле) они попали? Было ясно одно: их усыпили. Но кто эти люди? Вряд ли подручные Аристова или Директории, те или бы вытащили их на поверхность или бы прикончили на месте. Тогда кто? Ни о каких подземных жителях в Ольвии, Кристина никогда не слышала. Были правда рассказы про бегущих от Директории несогласных, но они были темны и недостоверны.

Тащили их долго. Сколько точно Кристина не знала. Она по-первости пыталась считать, но очень скоро сбилась. Запомнить дорогу тоже не представлялось возможным, оставалось только ждать какой-то неизбежный конец их путешествия.

Мешок расстегнули и девушку довольно грубо выбросили на пол. Больно стукнувшись о камень Кристина быстро села на колени и хотела заорать, обложив того, кто с неё это сделал самыми последними словами, но поняв, что может получить ещё парочку ударов решила не обострять положение.

Рядом кто-то застонал. Это была Анна. Вероятно, с ней проделали ту же процедуру. Но в остальном, на первый взгляд, руки ноги были целы, да и лицо не испорчено. Кристине оставалось надеется, что она выглядит так же.

– Где это мы? – спросила Анна, слабым треснувшим голосом.

– Хотела бы я знать – медленно проговорила Кристина, поднимаясь с колен. Оу, погорячились, вы, барышня, зазвенел в голове голос. Её мозг пережил взрыв супертремоядерной бомбы. Ноги подкосились, и она вновь опустилась на землю. Но упрямство всё-таки взяло верх и следующим движением она быстро и резко вскочила на ноги, отчаянно сжимая виски.

Что-то упало на пол. Кристина нагнулась...

– Какая радость – воскликнула она – спички. Осталось найти, что поджечь и наше существование здесь будет не та-

ким уж неприятным.

Некоторые поиски в темноте привели их к железному столу, на котором обнаружилось полено и средство для розжига. Спички, вероятно, оставили специально, чтобы они не сидели в темноте. Какое благородство. Девушки зажгли импровизированный факел и осмотрелись.

Помещение куда их принесли, впечатляло. Эта была настоящая выдолбленная под землей пещера, уходящая вверх, наверное, на несколько километров и шириной с футбольное поле, её стены были аккуратно отесаны человеческой рукой и на них были нанесены какие-то изображения. Кристина поднесла факел ближе. Это были фрески со сценами из Евангелия.

– Вы только посмотрите на это – восторженно воскликнула Анна – это же IV или V век!

Кристина кивнула.

– Да и размеры впечатляют – сказала девушка – наверное мы в одном из раннехристианских храмов. Никогда не слышала, чтобы в этих местах находили что-то подобное.

– Весьма познавательно – раздался голос сзади – и тем не менее, думаю выражу общее мнение если скажу, что нам нужно отсюда выбираться.

Кристина оглянулась на подошедшего к ней Кирсанова, даже в тусклом свете была видна его озабоченная физиономия. Молодой человек устало опирался на стену и тяжело дышал.

– Знаете какое лучшее время для побега – кисло улыбнулся он – чем раньше, тем лучше.

Авалова, которая стояла рядом со своим помощником, флегматично пожала плечами. В сборе были всё, кроме Снори, который исчез загадочным образом.

– Где этот комок шерсти, когда он нужен? – проворчал Кирсанов.

Ксения сверкнула глазами.

– Не волнуйся – сказала девушка – он отыщет нас, когда понадобится помощь. Я его знаю.

– Нам бы и сейчас она не помешала бы – сварливо заявил Кирсанов – я не хочу сгнить в этой старой паршивой горе.

Кристина села по середине комнаты и скрестив ноги, закрыла глаза.

– Ладья на d-4, белая ладья берет черного коня – произнесла она одними губами себе под нос.

Играть сама с собой в шахматы без доски и фигур были, пожалуй, способны только люди с самым буйным воображением, но её это занятие успокаивало. Опал в кольце согревал её руку и отдавал тепло всему телу.

– Мы не в состоянии идти – сказала она – даже если найдем выход. У нас нет провизии и припасов. К тому же мне интересно, кто нас взял в плен и какие у них намерения.

– Понять кто это так свободно может шляться по катакомбам, не боясь секуритаты – раздался голос.

Откуда-то из далека послышался скрип металлической

двери вместе с которым в помещение влетел свет, совсем немного, но достаточно, чтобы разглядеть говорившего – молодую женщину, которую можно было бы назвать красивой, если бы не отрешенное бледное лицо. Её сопровождал небольшого роста субтильный парень. Одеты они были в сильно поношенные и стертые тряпки, которые когда-то были одеждой, всё указывало на то, что эти люди очень долгое время находились под землей. В руках они сжимали «трехлинейки»

– Может быть вы представитесь для начала – нахмурилась Кристина – как-то негоже похищать мирных путников.

Женщина мрачно усмехнулась.

– В катакомбах уже давно не бывает мирных путников – сказала она – особенно в этой части. Здесь ходят только прихвостни Директории.

– А вы значит её противники? – бойко воскликнул Кирсанов.

Женщина повернула к нему свою голову и смерила высокомерным взглядом.

– Для вас это не должно иметь значение – сказала она – но это будет иметь значение для самой власти.

– То есть? – поинтересовалась Ксения.

Женщина вновь усмехнулась, на сей раз более плотоядно.

– Как я уже сказала здесь ходят только прихвостни Директории и их власть крадёт людей в городе и отправляет их на опыты и теперь мы хотим этим свиньям дать сигнал, что

больше мы терпеть этого не будем. Ваши трупы им многое расскажут.

* * *

Конвертоплан вынырнул из кучевого облака и из иллюминаторов стали видны зеленые, каменистые равнины Ньюфаундленда, обильно поливаемые дождем. Обычной погодой для этого времени года. Бушующая Атлантика осталась восточнее. Наташа в очередной раз посетовала, что плохо знает географию и ничего не может сказать об этом острове, кроме известной породы собак. Да и про них она ничего не знала, кроме названия.

– Да, куда меня только мужчины не возили – улыбнулась девушка – но, чтобы в Ньюфаундленд...

– Подарите новую собаку вашему Президенту – бросил Штильхарт, обсасывая трубку – если, конечно, вы его увидите.

– Люблю бывать в новых местах – развела руками Покровская, поворачивая голову в сторону Алин – вы же вроде отсюда родом, да? И сейчас, получаете летите домой?

Алин косо посмотрела на неё из-под лобья.

– Домой – сухо сказала пилот. Она не стала ничего объяснять, пусть эта народная избранница думает, что она просто не любит возвращаться в голодное бедное прошлое. Хотя ни с чем таким Алин никогда не сталкивалась. Вопрос этот за-

дел её. Она действительно возвращалась домой, туда, где её никто не ждал. А может просто она так решила? Может на самом деле её все ждут и любят. Просто она переборщила с независимостью? Нет, Авонамйелус, ты с рассказами этого старика-монаха переборщила, вот чего.

– Приготовьтесь к посадке – бросила Авонамйелус – надеюсь наш старик ещё не умер за время полета.

– Я начинаю жалеть, что не сделал этого – язвительно сообщил монах – если ваша посадка будет столь же прекрасна, как полёт!

Алин широко улыбнулась.

– Не волнуйтесь – сказала пилот – сяду как на носовой платок.

Авонамйелус щелкнула тумблером переключая крыльевые пулеметы и гадая можно ли избежать неизбежного. Ах дом, милый дом! Интересно кто её больше ненавидит. Сородичи или сослуживцы?

Раздался рев сирены. Приехали.

– На радаре две цели – сообщил Флориан – идут на перехват. Может скажешь им, кто ты.

– Попробую – сказала Алин.

Девушка утопила кнопку связи. Раздался скрип и треск.

– Неизвестный транспорт вы незаконно пересекли границу Канады, немедленно назовите себя или будете уничтожены.

Алин повторно утопила кнопку.

– Код 3934 – четко сказала девушка – говорит капитан Алин Авонамйелус. Прошу разрешение на посадку.

Ответом был разрыв снаряда возле правого крыла.

– О кажется тебе тут рады! – воскликнул Флориан.

– Я говорила, что меня просто жаждут тут видеть – сообщила Авонамйелус.

Наташа с глупым видом посмотрела на девушку-пилота.

– Разве вы не представились? – ошалело спросила она.

– Наверное именно поэтому нас и хотят уничтожить – с сухой улыбкой констатировала Алин – держитесь, придется чуть покружиться.

Алин развернула конвертоплан. Дела были хуже, чем предполагалось. Их преследовала пара F-18. Что ж оставалось только стрелять, потому устроить догонялки, как над Кроншлотом не получится, даже если сбросить всё оборудование и пассажиров. К тому же топлива мало. Истребители разлетелись веером уходя в мертвую зону. Пошлый маневр, усмехнулась Алин, щелкнув тумблером. Одна из ракет воздух-воздух вылетела из-под крыла конвертоплана и с белым шлейфом превратила какой-то из истребителей в огненный шар.

– С первого выстрела! – восхитилась Покровская – вот это да!

Их избранное высочество, кажется, начинает оттаивать. Может у Штильхарта не такой плохой вкус? Вот только узнать это можно будет в райских садах за стаканчиком нек-

тара. Два раза ей так не повезет. Так просто не бывает! Второй F-18 куда-то отвалил, но вряд ли далеко. Скорее всего сейчас подобьет нас сзади.

Оглушительный толчок сказал, что она оказалась права.

Штильхарт подарил ей сногшибательную улыбку. Да, да радуйся.

– Что ты там говорила, про сбивания? – поинтересовался он.

И почему парни могут быть такими едкими, подумала пилот. Это им не к лицу.

– Я говорила про беспилотники – нашлась пилот – хотя ты с вероятностью 1 к 5 назовешь мой ответ не убедительным.

– Просто приятно осознавать, что лучший пилот мира не Бог – сказал Штильхарт.

– Провалилась на экзаменах по божественности – сообщила Алин, делая бочку – мы потеряли основной двигатель. Приготовьтесь к большому бум.

Авонамйелус убрала со лба волосы и вжала руки в штурвал. Основная проблема была не в посадке, а в том, что F-18 постоянно висел сзади, ожидая удобного случая, чтобы добить всё ещё верткую цель. Ничего, прежде чем мы сгорим заживо, я добавлю ещё один пункт в список моих зверских преступлений. Алин щелкнула тумблером и крыльевые пулеметы развернулись назад. Для пилота F-18 это стало большой неожиданностью, он был слишком близко от противника, чтобы иметь возможность уйти. Пулеметы изрешетили

истребитель, и он с ревом рухнул вниз.

Алин с удовольствием понаблюдала бы за падением, но конвертоплан трясло в предсмертной агонии, и скалы Ньюфаундленда неслись им навстречу с бешеной скоростью. Управление почти полностью отказало. Алин ещё меньше была рада встрече с местами детства, чем предполагала. Теперь она понимала выражение слезы от встречи с родиной в полной мере.

Минуту спустя конвертоплан приземлился на зеленой равнине с мелкими скалами, в тучах дыма, огня, кусках дерева и пожарной пены, оставив длинную борозду.

– Мягкая посадочка – прокомментировал Флориан, отряхиваясь – в твоём стиле.

Алин только театрально взмахнула руками.

Интересно, какая тогда жесткая посадка, задалась вопросом Наташа. Впрочем высказываться вслух она не стала. Её костям даже думать об этом было страшно.

Приводной механизм двери по счастью работал. Авонамйелус первой выбралась из подбитой машины и огляделась. Вокруг ни души. Наверное, в их случае это было хорошо, хотя Алин бы не отказалась бы наткнуться на одинокого ковбоя, у которого можно было бы одолжить внедорожник, на этом зелёном клочке суши, они были как на ладони. Оставалось надеется, что их временно признают погибшими.

– Холодновато – поежилась Наташа – нам далеко идти?

Алин пожала плечами.

– Несколько часов – сказала она, натягивая бомбер – отойдем от воды станет теплее. Возьмите с собой термосы с горячим чаем. Он согреет по дороге.

Они уже приготовились идти, но монах не двинулся с места. Он стоял с закрытыми глазами и теребил четки. Господи, нашел время молиться, подумала Авонамйелус.

– К нам гости – сообщил старец.

Алин ошарашено посмотрела на монаха и развернула голову. Точно. Военный «Гелендваген». Кажется их не захотели временно признавать погибшими.

Свет фар ударил по глазам. Авонамйелус вскинула пистолет.

– Грязно сели – послышался голос – вы учили по-другому.

Алин вздрогнула. Не может быть, она знает этот голос.

– Лео? – неуверенно спросила пилот.

Из света фар вышел темнокожий парень лет двадцати, в лётных брюках и кожаной куртке. Военного образца кепка была лихо задрана на затылок.

– Вы учили всегда сохранять машины в целости – улыбнулся парень – добро пожаловать домой, командир.

Командир, усмехнулась Алин. К ней так не обращались уже очень давно. Она уже забыла какого это.

– Я больше не ваш командир – сухо сказала она – я подвела вас и не заслуживаю этого звания.

Парень усмехнулся.

– Не знаю, кого вы подвели – сказал он – но точно не меня.

Для меня вы всё ещё командир.

Алин фыркнула.

– Ещё я боролась с патетикой – заметила она – ладно, потом об этом. Что ты здесь делаешь?

Лео пожал плечами.

– Адмирал послал меня встретить вас – сказал парень – он предчувствовал, что вы не долетите, до аэродрома.

Алин недоверчиво прищурилась.

– Ты работаешь на адмирала? – спросила пилот – давно?

Лео покачал головой.

– Я служу там, где служил – сказал он – адмирал пришел ко мне вчера и велел ждать вас. Сказал, что вам будет нужна помощь, а я не бросаю своего командира.

– Доставите нас к нему? – спросил Флориан – сегодня?

– Именно сегодня – сказал Лео – он уже ждет вас и просил передать Флориану Штильхарту, что приехал Фабиан.

Штильхарт нервно дернул щекой.

Фабиан, здесь? Флориан, раздражаясь на себя, выдохнул. Он только сейчас вспомнил, что кроме поисков медальона он ещё кое-что должен был сделать. И так, раз Фабиан приехал, значит у него есть результаты о ДНК девушки и наверняка, как всегда самые обнадеживающие. Вот только откуда, чёрт возьми, он узнал, что они будут здесь? Ладно, сейчас это не так важно. В конце концов у Адмирала много источников, а их головокружительный побег наверняка обсуждают даже в Антарктиде. Важно другое, какую бы информацию Фабиан

бы не раскопал, её получение хоть на шаг, но приблизит их к распутыванию всей этой чертовщины.

Наверное, это было лучшее окончание их полета. Бог, не иначе, через этого старца, подарил им ещё немного везения. Лео довез их до города без проблем. Флориан был почти уверен, что по их будут искать, но это будет позже. По крайней мере не сегодня. Разговорившись с парнем, узнали, что он был лейтенантом из 16-го штурмового авиакрыла. Его казалось совершенно не смущало то обстоятельство, что полчаса назад Алин расстреляла в воздухе двух его сослуживцев. Сама Авонамйелус во время рассказов Лео хранила холодное молчание. Она по-прежнему воевала со своим прошлым.

Мимо стали проплывать признаки человеческого обитания. Столица Ньюфаундленда городок Сент-Джонс был одним из старейших европейских поселений на континенте. Назван он был в честь крещеного еврея Джованни Кабото, который был первым европейским поселенцем в Северной Америке. Во время семилетней войны Сент-Джонс стал полем битвы между Англией и Францией, а в начале XX века служил отправной точкой для трансатлантических перелетов. Этот город мало чем отличался от сотен других таких же поселений. Он состоял преимущественно из разноцветных квадратных домиков, плотно прижатых друг другу и смешение цветового спектра раскрашивало серо-зеленый фон придавая Сент-Джонсу свою самобытную привлекательность, которая есть только у северных городов.

Конечным местом их сегодняшнего путешествия стала небольшая площадь в центре города, где располагалось несколько ресторанов, в одном из которых очевидно и должна была произойти встреча. Адмирал всегда любил подобные заведения. Флориан обернулся на Наташу. Та удивленно мотала головой по сторонам, сохраняя при этом недоверчивое выражение на лице. Она вероятно всё ещё размышляла стоит ли доверять Штильхарту и всей этой разношерстной компании. Флориан сам подумывал об этом, но его успокаивала мысль, что в их истории слишком много странного, чтобы это была чья-то игра.

– Не волнуйтесь – сказал он девушке, когда они вышли из машины – Адмирал мой старинный друг.

– А кто волнуется? – риторически осведомилась Наташа – я само доверие.

Лео махнул рукой, призвав следовать за ним. Они так и поступили, направляясь к пабу с вывеской «Последняя гавань Элизабет». Внутрь заходить не стали, им на встречу из-за одного из столиков поднялся среднего роста мужчина во фланелевом сером костюме-тройке с зачёсанными назад седыми волосами и аккуратно постриженной седой же бородой. Адмирал был по-прежнему в великолепной форме.

Мужчина приветливо развел руки.

– Рад вас видеть друзья – сказал он – и вас святой отец. Лейтенант вы можете быть свободны. Спасибо, что доставили моих друзей.

Лео легко козырнул и обернулся к Алин.

– Рад был вас видеть, командир – сказал он – связывайтесь, если понадобится помощь.

Алин улыбнулась.

– Я тоже рада была видеть вас, лейтенант.

Лео кивнул, сначала Авонамйелус, затем остальным, и удалился назад к машине. Адмирал проводил его весьма многозначительным взглядом.

– Хороший мальчик – сказал Адмирал – знаете, я слежу за карьерой своих звездных учеников – сказал он – рад, что вы Флориан не меняете своих привычек – появляться, как снег на голову и обязательно в компании с красивой девушкой.

Мужчина бросил заинтересованный взгляд на Покровскую.

– Меня зовут Рид – представился он – Стивен Рид. Я рад познакомиться с вами, мисс Покровская – мужчина протянул Наташе руку, чтобы помочь девушке подняться на подиум, на котором стояли столики – о вас ходит множество историй.

Наташа коротко улыбнулась, кто бы сомневался.

– Не всем из них можно верить – сказала девушка вслух.

Рид улыбнулся в ответ.

– Я и не верю в истории – сказал он – верю только фактам и в Господа Бога – мужчина улыбнулся монаху и откинулся на спинку кресла.

– Жаль, что вы прилетели не в самое удачное время – за-

метил Рид – не только с точки зрения курортного сезона. Вы, конечно, лихо от них удрали, разумеется, благодаря нашей милой Алин, но будьте уверены, что они попытаются остановить вас. Вы хотите украсть у них весьма крупный кусок. Берусь это утверждать, поскольку я бы делал так же. Так что если попадете впросак с вашими поисками, 911 к вам на выручку не прибедет, это я вам обрисовываю ситуацию, чтобы между нами не было недомолвок.

– Бывало и хуже – бросил Штильхарт – кто играет на той стороне?

Рид задумчиво сдвинул седые брови.

– Человека зовут Джеффри Трэверс – произнес Адмирал, демонстрируя фотографию – миллиардер с гнильцой. ФБР подозревало его в организации детской проституции, но он выкрутился.

– Остров порока – кивнул Флориан, закуривая трубку – слышал об этом.

– Трэверс прибыл в Канаду вчера – продолжил Адмирал – из Понтийской Директории, и стал активизировать свои местные связи. Теперь они довольно дружны с руководителем штаба НАТО генералом Тайбертом.

Наташа, в этот момент, заметила, как при этой фамилии Алин передернуло и в её глазах сверкнул совсем не добрый огонёк. Она знала эту фамилию.

– Подонок – выпалила Авонамйелус – я его достану!

Адмирал усмехнулся и положил свою массивную руку поверх руки Авонамйелус, словно бы хотел успокоить надвигающуюся бурю.

– Скользкий тип – согласился Рид – мы друг друга не любим. Знакомство с ним может существенно укоротить жизнь. У него весьма не деликатные методы. Я подумывал его перекупить, но у меня нет столько денег, сколько есть у Трэверса.

Рид сатирически рассмеялся.

– Это усложняет ситуацию – сказал Флориан, искоса поглядев на Алин – как думаете они могут поднять лодку?

Рид пожал плечами.

– Трудно сказать – проговорил он – это долго и хлопотно. Даже Тайберту понадобится как-то объяснить цель такой операции. Сейчас везде командуют бухгалтеры – Адмирал широко улыбнулся – Одно дело говорить с экрана телеviso-

ра о хакерах-террористах и совсем другое отдать несколько сотен тысяч долларов на волю случая. Это может сыграть вам на руку.

– Значит они хотят, чтобы мы достали медальон – догадался Флориан – сделали за них грязную работу и всё отдали им.

– Красиво, правда – улыбнулся Рид – и ведь не откажешься, верно?

– Не знает границ самоуверенность человеческая – отозвался старец, впервые включившись в разговор – их самоуверенность есть их слабость.

– Как у вас говорится, Святой отец ваши слова, да Богу в уши – мрачно кивнул Флориан, вновь обращая взгляд на Адмирала – всегда удивлялся вашей способности находить ненаходимые связи. В этом с вами только Кристина может посоревноваться, но как случилось, что вы занялись этой историей. Я думал, что придется всё долго объяснять, а вы уже знаете больше нас.

– Все нити всегда ведут к одной точки, мой мальчик – сказал Рид – как параллельные прямые обязательно пересекутся в бесконечно удаленной точке. Всё просто. Полтора года назад, произошёл один международный скандал, который меня заинтересовал – смерть двойного агента МИ-6, он перебежал от великоруссков. Об этом много говорили по телевизору.

– Ну ещё бы – фыркнула Покровская – Великоруссию обвинили в акте биотерроризма, знаете ли.

– Я тоже помню это дело – сказал Штильхарт – хотите сказать, что он связан с нашей миссией?

Рид кивнул.

– Как я уже говорил, я заинтересовался – сказал он – русы давно не выкидывали подобных штук, а это убийство и вообще было бессмыслицей. Этого агента вычислили на родине, арестовали и обменяли на кого-то из своих. Классический обмен. Все были довольны. И вдруг такое. Я не видел логики и решил покопаться в этом деле.

– Что-нибудь нашли? – нетерпеливо спросила Наташа с понятной заинтересованностью политика, чью страну обвиняют не весть в чём.

Адмирал развел руками.

– Наверное, если бы мы были на заседании вашего парламента, то меня немедленно бы сделали героем Великоруссии – хитро заметил Рид – дело в том, что этот перебежчик не был отравлен ни одним из известных ядов. Он был заражён болезнью.

Наташа и Флориан переглянулись.

– «Зеленый призрак»? – с ужасом спросила Наташа.

– Совершенно верно – кивнул Адмирал – информации крайне мало. Британцы очень тщательно всё скрывали, но у меня везде есть друзья. Судя по всему, этот перебежчик и был нулевым пациентом, от которого зараза разнеслась по всему миру.

– Как это возможно? – спросил Флориан – как он мог быть

связан с вирусом?

Адмирал откинулся в кресле.

– О это весьма увлекательная история. Этот перебежчик, его фамилия Строгаль, давно отошёл от дел – сказал он – но жить на что-то надо, предательство никогда не в чести, а если ты раскрыт, то оказываешься на обочине, и поэтому он, с некоторых пор, подвязался торговать мелкой информацией, ну что-то вроде информационного брокера, оказывал разные посреднические услуги. Покупал и продавал разные сведения. Ну в общем жил не тужил, на хлеб с маслом хватало, книгу написал, и тут он получает предложение от своих бывших шефов. Их очень заинтересовал один научный департамент в Ольвии.

– Департамент Аристова – догадалась Наташа.

Рид усмехнулся.

– Вы крайне умны, Наталья Владимировна – с широкой улыбкой заметил Адмирал – опасайтесь, Флориан. Да, именно так, Департамент Биологического Благоустройства.

– Почему именно он? – спросил Штильхарт.

Адмирал заговорщицки усмехнулся.

– Больше всего на свете англичане боятся за свое высокомерие – сказал Рид – им претит мысль, что кто-то может их опередить, а они давно являются лидерами в изучении всяких биологических гадостей.

– Британцы никогда не умели отличать героев от злодеев – пожал плечами Штильхарт.

– Не так давно в Лондон пришла информация, что Аристов может круто опередить их – кивнул Рид – естественно им захотелось разузнать, что к чему. Земля как известно полнится слухами и все они складывались в историю, что Аристов создает нечто грандиозное. Какой-то суперпроект, связанный с влиянием вирусов на генетическую структуру человека. Широко известно только его название «Acquisition» и на этот проект выделяют деньги самые богатые люди мира, кстати в их числе наш друг Трэверс, вот британцы и послали Строгалья купить информацию, ну под видом брокера, естественно.

– Ему что-то удалось узнать? – спросил Флориан.

– Неизвестно – сказал Рид – мы знаем только то, что он вернулся в Лондон и передал информацию аналитической службе, где она благополучно застряла, на каком-то низовом уровне и пока тамошние аналитики всё проверяли и сопоставляли, с британской чопорностью, Строгаль скоропостижно скончался.

Наташа пожевала губу.

– Но почему вы решили, что он был болен? – спросила Наташа – разве есть доказательства?

Рид покачал головой.

– Прямых нет – сказал он, растирая руки – однако ко мне попало медицинское заключение о причине смерти, а я видел умиравших от «Зеленого призрака» и могу сравнивать. Кроме того, через несколько недель при аналогичных симп-

томах умерло четыре аналитика британской разведки, которые тесно работали со Строгалем и имели контакт с его документами.

Штильхарт потрясенно выдохнул.

– Значит центр распространения не Монголия – сказал он – а Директория. Хотите сказать, что его специально заразили? Зачем?

Рид пожал плечами.

– Трудно сказать – произнес он – но возможно, он стал триггером, для реализации проекта Аристов.

– Вакцина – догадалась Наташа – Аристов выпустил вирус, чтобы потом всему миру предоставить вакцину, которую он якобы разработал.

Она сама ужаснулась поразившей её мысли. Этот извращенец собирается превратить всю планету в кладбище и уже превращает, для того чтобы стать живым олицетворением миссии. Даже её воображение сходило с ума от перспективы.

Степенно сидевший старец пошевелился и лицо его ожило.

– Именно тоже самое и было в прошлом – кивнул монах – история повторяется.

– Да, ребята играют по-крупному – заметил Флориан – но какой смысл таким как Трэверс спонсировать Аристов? Это же план без каких-либо гарантий.

– Мы можем лишь предполагать – сказал Рид – потому что любые разговоры об Организации здесь и далее по североат-

лантическому союзу не приветствуются, их считают сплетнями маргиналов. Скорее всего эти люди чем-то обязаны Организации и расплачиваются с ней, кроме того, они останутся в двойном выигрыше, если проект Аристова заработает.

– Каким образом? – спросила Наташа.

– Я изучил фармацевтический рынок, после объявления пандемии – сказал Рид – и пришел к выводу, что имел место массовый сброс акций крупных фармкорпораций. Кто-то может здорово озолотиться, если Аристов выкинет на рынок свой продукт и корпорации останутся банкротами. К тому же участие в подобном предприятии это всегда прекрасный пиар. Чего не сделаешь во имя великой цели спасения человечества.

– О человеке судят по размеру его эго – усмехнулся Флориан – у вас же есть связи в ВМФ, сэр?

Рид улыбнулся.

– Мой мальчик, ты забываешь, что я тридцать лет прослужил в 4-й морской оперативной группе – заявил он – а что нужно?

Со стороны послышался манерный смешок Алин.

– Батискаф им нужен – хмыкнула Авонамйелус – они намерены спуститься на дно гравитационной воронки.

Рид бросил взгляд на Алин и прищурился.

– Ещё никому не удавалось опуститься туда – мрачно сказал он – значит пропавшая лодка там?

Старец Игнатий разгладил бороду и усмехнулся, словно

бы вспоминая прошлое и молодость.

– Наш капитан был в том месте – гордо проговорил монах – и остался жив. Значит и мы туда опустимся. Нам это суждено.

Адмирал кивнул. Он никогда не любил спорить с церковными умниками.

– Безусловно я могу вам достать батискаф, вполне пригодный для подобного путешествия – заметил Рид – однако, кто его поведет? Вы уже слишком стары для таких вещей.

Наступила некоторая тишина и размышлявшая о чём-то своем Алин вдруг поняла, что все смотрят на неё.

– Нет! – воскликнула девушка – и не думайте! Я не полезу туда! У меня в планах пожить еще лет эдак шестьдесят.

Рид подавил улыбку.

– А мне казалось, что тебе нравятся приключения? – заметил мужчина.

Алин мотнула головой.

– Но я никогда не лезу в драку, если не могу верно оценить противника – сказала пилот – приключения и безрассудство, понятия разные.

Рид размял руки.

– Может и так – кивнул мужчина – но, милая Алин, иногда безумие становится дорогой к истине. Каждому из нас однажды придется встретиться со своими скелетами из прошлого. Твое время пришло сейчас. Сколько я тебя знаю, ты никогда не отказывала в помощи ближнему.

Авонамйелус громко рассмеялась.

– И как вам всё время удается меня уговаривать? – улыбнулась девушка – мне почему-то кажется, что вы уже заранее всё знали и всё это ваша идея.

Рид хитро сверкнул глазами.

– Просто я знаю, что в войне нет такого понятия, как нейтралитет – рассудительно сказал мужчина – непременно приходится выбрать сторону.

Алин ухмыльнулась. Интересно, подумала девушка, кто более сумасшедший, они, которые хотят опустится в гравитационную воронку или я, которая соглашаюсь на это?

* * *

Наверное, даже в самых экзотических снах она не могла представить что-то подобное. Им накинули веревку на руки и повели по узкому каменному коридору. Конечно, возможно, лучшее было просто напасть вчетвером на двоих, отобрать оружие и... а дальше туман. У них не было ни карты, ни припасов, да и неизвестно сколько ещё подобных товарищей было в катакомбах, судя по всему, много.

Сильный тычок в спину напомнил, что нельзя останавливаться. Кристина развернула голову. Тот молодой парень, что сопровождал женщину продемонстрировал зажатую в руке трехлинейку, а в его черных глазах парня пылал огонь праведного мщения.

– Может завязать им глаза? – спросил он.

– Незачем – сухо ответила женщина со злорадно-торжествующим выражением на лице – они уже ничего не расскажут.

Вне всякого сомнения, им уготовили приятное будущее. Только явно короткое.

Остальных вели следом словно стадо на выпаску. Кирсанов шипел от злости, поэтому Ксения взяла на себя роль добровольного успокоителя, хотя со своими умениями могла бы в раз раскидать этих странных подземных жителей, но не спешила, поскольку ей вероятно тоже было интересно к кому они попали. Анна плелась сзади, испуганно оглядываясь по сторонам. А вот Снори по-прежнему не появлялся, хотя уж что-что, а вот его клыки и острые когти очень пригодились бы.

Женщина, что с ними разговаривала шла впереди и возглавляла их специфическую процессию. Она уверенно находила дорогу в длинных узких лабиринтах и вот кому – кому, но ей карта явно была не нужна.

Их вывели к узкой каменной лестнице, построенной явно несовершенными инструментами и, по этой лестнице, повели вниз, откуда тянуло прямо-таки могильным холодом. Пахло пылью и плесенью.

Их странный путь закончился возле массивных деревянных дверей. Женщина приложила руку и двери раскрылись, впуская процессию в просторный зал. От того что там на-

ходилось захватывало воображение, поскольку оно никак не хотело принимать, как столько всего возможно поместить в одну комнату, даже такую большую. Склады, столовая, магазинчики, и множество полотняных палаток, стоящих на тонких металлических жёрдочках, очевидно там люди, которые здесь жили, спали. Некоторые «дома» были выстроенны из больших металлических плит, вероятно, жителям этих обиталищ, повезло их найти. Во всем другом зал напоминал большой рынок. Здесь сновали толпы самых разных людей. Они были бледные и истощенные, но на лицах их застыло жесткое выражение безрассудной смелости. Увидеть больше не позволял тусклый свет от факелов, торчащих из известковых стен, только запах тушеного мяса подсказывал, что кто-то готовит еду. Тем не менее пленники с любопытством оглядывали помещение.

Когда их довели до центра помещения, ведущая их женщина вышла вперед и махнула рукой. Тут же возня прекратилась и местные начали жадными взглядами осматривать гостей. При ближайшем взгляде они все оказались неплохо вооружены, кто холодным оружием, а у кого за спиной весела и старенькая винтовка. Разношерстная толпа постепенно окружала путников.

Парень, что пихал Кристину пистолетом, теперь забрался на почерневшую от времени и ржавую стремянку достал молоток и принялся колотить по подвешенному металлическому диску, который очевидно использовался, как гонг. Глухой

звон огласил тишину, наступившую в помещении и со всех сторон, стали собираться новые и новые люди, которых очевидно призывали на собрание или на публичную казнь. В их случае одно и то же. Когда толпа заняла свои места парень ударил в третий раз и когда звон стих сверху послышался звук подъемного механизма. Анна подняла голову. С невидимого потолка стала спускаться большая деревянная платформа, на которой стоял бревенчатый домик с красной черепичной крышей и светящимися окнами. Когда платформа опустилась свет погас и открылась дверь, выпуская закутанного в бежевый плащ лысого мужчину с черными курчавой бородой и в больших круглых очках на всё лицо. Он приветственно сжал руку в кулак и стал спускаться с платформы. Толпа стала ему аплодировать. Очевидно, что это был лидер подземного сообщества.

Женщина подошла к платформе и тоже вскинула руку.

– Мы нашли их, когда они шастали по катакомбам – властно и гневно произнесла она – это скорее всего кто-то из прихвостней власти. Секуритата, вероятно, решила отправить разведчиков, чтобы найти нас. Но так даже лучше, мы отправим им послание, что мы не боимся их, как и хотели.

Собравшиеся «зрители» одобрительно загудели. Ситуация принимала совсем уж прекрасный оборот.

Мужчина осветил лица пленников прожектором, свет которого убийственно больно ударил по глазам.

– Ты правильно выбрала «Белка» – сказал он – их тела, доставят послание. Покажем, что мы не боимся их.

– Да!!! – загудела толпа – пора заявить о себе открыто!!!

Ах вот оно что! Так это местные борцы за свободу, догадалась Кристина, с ними можно будет подружиться, если, конечно они не прикончат нас раньше времени.

– Совершив ритуал – крикнул человек в плаще – мы скажем даже больше, чем они хотят услышать.

Ксения сложила руки на груди. Кажется, она решила взять на себя роль парламентаря.

– Что верно, то верно – сказала она – и они поймут, что во всём превосходят вас.

– Это в чём же? – зло осведомилась «Белка»

– В рассудительности – ответила Ксения – вы, не разобравшись приняли усталых путников за людей Директории. Секуритата более избирательна.

Мужчина в плаще прищурился.

– В этих местах не может быть путников – веско сказал он – только...

– Прихвостни власти – перебила Авалова – мы это слышали. Однако, мы просто путники, что бы вы ни говорили.

Мужчина оскалил зубы.

– От твоего друга за километр несет легавым – заявил он – кто ещё по доброй воле станет спускаться в катакомбы?

Ксения улыбнулась.

– И снова вы ошибаетесь – сказала девушка – поскольку Директория прислала бы СЕКуров, а у нас, как вы видите, даже нет устройств связи, чтобы вызвать подкрепление.

Мужчина замялся, мерно поглаживая бороду.

– Значит вы просто искатели неприятностей на свою задницу – сказал он – какие-нибудь богатенькие мажоры-извращенцы. В городе других нет! Что же поздравляю, вы нашли неприятности и испытаете их по полной. Правда расскажут об этом, только ваши головы. Доставить гильотину!

Толпа одобрительно загудела.

– Кажется переговоры не слишком помогли – заметил Кирсанов.

Ксения пожала плечами.

– Дипломатия никогда не была моим коньком – сказала девушка.

– Тогда зачем было трудиться самой? – осклабилась Кристина.

– Люблю эксперименты – засмеялась Авалова.

Анна недоверчиво посмотрела на спутников. Ей видно казалась странной их веселость. Особенно, когда она увидела, как четверо широкоплечих мужчин в рванине выкатывают на центр зала гигантское деревянное сооружение с не менее гигантской металлической пластиной, заточенной с одного края.

– У меня отвратительное предчувствие – констатировала

она – похоже добром это не кончится. Зачем им такой большой нож?

– Наверное, чтобы было больше крови – сказала Кристина – не волнуйтесь у меня есть план «б»

– Да – восхитился Кирсанов – и что же это за план?

Кристина широко улыбнулась, поглаживая гарду спрятанной под жакетом Аграсьяды.

– Вам лучше не знать – призналась девушка.

Старинное устройство для казни, хотя почему старинное, усмехнулась Кристина, гильотину во Франции отменили лет пятьдесят назад или около того, так что вполне современное. В общем сборка устройства была закончена и призывно зазвучал гонг. Подземные жители вновь загудели от восторга.

– Нам нужны их головы! – кричали они – нам нужны их головы!

Удивительно до какого иступленного помешательства может довести страх.

Двое парней, которые устанавливали гильотину, подошли к девушке и разрезали веревки, затем прикладами нелюбезно стали пихать её в сторону орудия казни. Кристина подчинилась, растирая руки и восстанавливая кровообращение. Кажется ей предстояло стать первой.

Возле гильотины красовался палач в белом колпаке, изнывающий от ожидания. Жаль будет портить ребятам веселье, но у Кристины были несколько другие планы.

Следующий тычок был сигналом к тому, что она должна

была лечь головой на плаху.

– Этой казнью Директория узнает, что такое страдание – вещал мужчина в плаще – этим людям будут отрублены поочередно руки, ноги и голова и их останки мы отошлем в Борисфен! Никто больше не посмеет тронуть нас.

– Прекрасно – услышала Кристина голос Ксении – не люблю ждать.

Развернув голову, Кристина заметила Снори, уютно устроившегося на крыше одной из палаток. Кот сидел и наслаждался зрелищем. Кристина подмигнула ему.

Кристина шагнула совсем близко к гильотине, и в этот момент произошло сразу несколько событий. Стены зала затряслись, а тяжёлые деревянные ворота снесло взрывом, вместе с охраной. В образовавшийся проем ворвалось пламя, а вместе с ним фигуры в защитных костюмах – Секуритата. Заняв позиции, они стали стрелять по верх голов собравшихся.

– Это незаконное собрание более трех людей – закрипел голос, искаженный встроенным в шлем микрофоном – бросайте оружие и выходите с поднятыми руками и у кого-то из вас появится шанс сохранить свою ничтожную жизнь. В случае неповиновения стреляем на поражение.

* * *

Хотя истребители F-18 считались достаточно крупными в

своём классе, они казались карликами перед тенью гигантской морской скалы – авианосца «Конститьюшн», который был способен нести до сотни таких истребителей.

Генерал Тайберт сохранял предельную уверенность и отточённость своих действий, хотя она не спасала от изнуряющего мысли страха за свою будущность.

Всегдашняя опасность и страх перед какой-то непонятной, но неизбежной ответственностью заставляла разум Тайберт придумывать самые изощреннейшие уловки по упрочиванию своего положения и самое ужасное в его жизни был факт того, что чем выше он поднимался, тем страшнее ему становилась.

Сегодня этот липкий страх был не без причины. Прибыла важная гостья. Одна из тех, кто исполняет волю возвеличивших его. Эта гостья может с той же лёгкостью обратить его в ничто, если ей только что-то не понравится в нём.

Генерал поправил форму и нервно сглотнул, опасливо смотря на идущую ему на встречу женскую фигуру, затянутую в кожаный костюм с бахромой и металлическими вставками. Лица вошедшей видно не было. Только алые губы изпод надвинутого капюшона.

– Рад приветствовать вас на этом корабле, миледи – сказал он – для нас большая...

– Мне не нужны ваши любезности, генерал – холодно отозвалась охотница – я здесь, чтобы преуспеть там, где вы потерпели неудачу.

– Заверяю вас – поперхнулся Тайберт, но быстро поправился – мы прочесали каждый сантиметр в зоне падения конвертоплана. Судя по нашим данным, те кого вы ищете уничтожены.

Охотница лишь отмахнулась. Как бы ни был хитер и изворотлив стоящий перед ней генерал, он всё мерил лишь общим аршином человеческого тщеславия и мелочности. Она всегда презирала таких людей. Они были лишь инструментом одноразового пользования.

– Вы заблуждаетесь, генерал – сказала охотница, растирая руки, она уже ознакомилась как с возможностями модели летной машины, так и с талантами сумасшедшей девицы-пилота – Они живы, и я хочу, чтобы вы устроили круглосуточную облаву, пока их не найдут.

Генерал снова поперхнулся. Вся деликатность ситуации была в том, какое дать разъяснение подобным мерам. Не скажешь же... эй ко мне приехала одна девица из тайной организации и просит ввести военное положение. Больше всего на свете генерал не хотел прослыть идиотом. Но и расстаться с жизнью тоже не хотел.

– Но будут задавать вопросы – сказал он – всегда есть местные, которые не любят, когда ограничивают их свободу. Дополнительное привлечение внимания может пагубно сказаться на успехе вашей операции.

Генерал нашел в себе силы усмехнуться, разумеется, про себя, всё же и он может иметь собственное мнение.

– Мне нет дела до ваших трудностей – обронила охотница – вы просто сделаете так, как я сказала. Если вы этого не сделаете, обязательно найдется человек, который сделает. Мне нужен этот конвертоплан и его пассажиры, а не ваши оправдания. Поиски этих беглецов начинают меня утомлять и если вы мне их не найдете в самом скором времени, то я прикажу вам сровнять весь этот контент с землей, и уверяю вас, вы подчинитесь.

Тайберт нервно кивнул. Он знал, что эта девица, как и любая из них имеет в своем арсенале очень-очень много разных способов убеждения, причем самых нетривиальных. Генерал боялся слышать даже половину того, что о них рассказывают, но его нестерпимо бесила такая наглая демонстрация силы, скрытая за капюшоном. Его задевало нарушение его маскулинного достоинства. Больше всего ему хотелось стащить с этой девицы капюшон и указать ей на её место. Отправить туда откуда её взяли. Охотница чувствовала это и наслаждалась бессильной злобой генерала.

Повисшее в воздухе молчаливое напряжение прервал один из младших офицеров за пультом сканирования.

– Кажется, что-то есть – бодро доложил он – одна из наших поисковых групп обнаружила подбитый конвертоплан. Судя по нашим данным к месту крушения подъехал крупный джип, скорее всего Гелендваген, на нем беглецы уехали, судя по всему, поскольку мы не можем отыскать пеших следов. Машина вероятнее всего уехала в направлении Сент-

Джонса.

Охотница повернула голову в сторону говорившего. Она всегда чувствовала приязнь к младшим сотрудникам, которые строго выполняли приказы, даже не понимая их смысл, в отличие от напыщенных командиров. Четкость исполнения приказа – залог успешности системы. Сомнение в приказе – бунт против неё.

– Очень хорошо, лейтенант – бросила охотница, вновь поворачивая голову к Тайберту – генерал, вышлете в город отряд. Он должен найти беглецов или веские следы их гибели. Общайте каждый дом и каждый подвал, если понадобится, в этом захолустном городишке. Надеюсь, мое указание ясно?

– Но миледи – заспорил Тайберт – здесь такой район... Много бомжей. Это могут быть просто охотники или...

– А я говорю, что это они – жестко сказала охотница – и вероятно здесь есть некто, кто им помогает. Готовьте своих людей.

Генералу оставалось только подчиниться, ибо ему на секунду показалось, что он слышит скольжение метала.

* * *

Взрыв уничтожил остатки импровизированных ворот и пролом в стене стал заполняться СЕКурами. Их было много и хорошо вооруженных, и оснащенных специально для штурма. Кристину охватило странное ощущение, что солдаты бы-

ли здесь не по их душу, а пришли за местными.

Наступила пора для смятения. Подземные жители бросили смотреть «представление» и побежали укрываться кто в бараках, кто за скалами. Некоторые правда всё же потрясли старым оружием. Вряд ли их надолго хватит. Придется спасать. Кристина надеялась, что, если дело выгорит они будут более гостеприимны.

– Будет весело – сказала девушка и заметив недоумение на лицах товарищей по несчастью добавила – зрители будут в восторге!

– О чем вы? – спросил Кирсанов.

– Местные жители так хотели увидеть шоу – заметила Кристина – не стоит их разочаровывать!

Ксения лишь хитро улыбнулась. Если она что-то поняла, то не проявляла себя. Впрочем, через несколько секунд это уже перестанет иметь значение. Кристина усмехнулась ситуации.

Подземных жителей тем временем вытаскивали из их укрытий и сгонять в центр зала. Старший офицер наконец заметил «гостей».

– Внимание «сепаратисты» – гаркнул он – Я полковник Вигар – 8-я спецрота. Как бы мне ни хотелось уничтожить вас, со всем этим сбродом, я дам вам шанс добровольно сдаться, поскольку очень влиятельному человеку вы нужны живыми!

В зале поднялся гомон и шептание. «Сепаратисты, он ска-

зал сепаратисты». Кристина даже приуныла, вечно Директория портит самое интересное.

– У вас одна минута – сказал Вигар – мне нужно зачистить это место от подземного сброда, и я сумею объяснить вашу гибель. Возможно, кого-то мне и удастся забрать с собой, если ему повезет. Итак...

В этот момент где-то сверху раздалась протяжная кошачья трель и на голову одного из солдат откуда ни возьмись обрушился Снори, шипя и колошматя лапами. Солдат заверещал и открыл беспорядочный огонь в своих и чужих.

– Мой ответ! – крикнула Кристина – держите!

Воспользовавшись неразберихой, она прыгнула на гильотину, а оттуда вниз на ошалевшего полковника, перекувырнувшись в воздухе и выхватывая меч, так что, приземлившись, она уже была готова к драке. Первым досталось полковнику, которому она впечатала каблук в грудь и Вигар покатился по земле.

– Много говорите, полковник – сообщила Кристина, обрушивая сверкающий металл на автомат ближайшего СЕКура, совершенно неожиданно для зрителей.

– «Арнис» – закричал кто-то – это же «Арнис»!

Спасибо, товарищи, заметили, усмехнулась Кристина. Кирсанов стоял некоторое время, как замороженный и бестолково лупал глазами, пока Ксения не ткнула его локтем, мол потом придумаешь, что сказать. Отмерев, молодой человек схватился в рукопашную с каким-то солдатом, пыта-

ясь вырвать у него автомат. Снори, закончив добивать одного СЕКура, повалив его на землю спрыгнул с него и принялся за второго, потом за третьего и так далее прыгая с места на место и заставляя палить в него из всех стволов. Жалко, что у него не было в лапах примуса.

Начался огненный шторм. Вигар поднявшись на ноги гавкающими командами приказывал солдатам сжечь подземелье дотла. Полковник пришел в самое настоящее неистовство. Кристина сбила с ног ещё одного СЕКура, располовинивая его автомат своим клинком, впрочем, ребята в броне на неё внимание не обращали, они с упоением исполняли приказ. В воздухе пахло порохом и паленым деревом – СЕКуры методично уничтожали ветхие бараки. Сквозь дым и пыль ничего не было видно. Подземные жители оказались не робкого десятка и открыли ответный огонь из своих стареньких ружей, а кто-то стал забрасывать солдат камнями и палками. Стреляли местные больше, но криво и не умело, поэтому солдаты секуритаты чувствовали себя, как в тире. Жители без оружия с воплями разбегались в разные стороны, кто-то спотыкался и падал, и тех, кто падал, солдаты подхватывали и тащили в черноту проема откуда они появлялись.

Где-то в общем хаосе Кристина увидела остальных. Кирсанов уже разжился пистолетом «Глок», должно быть позаминутно у кого-то нападавших и отстреливался, пытаюсь заслонить собой Анну от напиравших бойцов. Лучшее было бы конечно подхватить друзей и свинтить отсюда, пока директорские заняты уничтожением подземной деревни, но занудливый голос совести твердил девушке, что она должна помочь этим людям.

Кристина смерила расстояние между собой и товарищами и в два прыжка преодолела его, снеся клинком пару солдат.

Поравнявшись с Кирсановым, она при ближайшем рассмотрении выяснила, что стрелком он был ещё тем. Его выстрелы попадали во что угодно, но только не в бойцов секуритаты. Зато напора было вагон. Молодой человек вновь прицелился, выстрелил, промахнулся. Кристина схватила парочку за загривки и прижала к холодному полу.

– Не высовывайте головы, если хотите сохранить её на плечах – посоветовала девушка.

– Кто вы такая? – зашипел Кирсанов – вы, сепаратист!

Кристина широко улыбнулась.

– Думаю не время и не место сводить политические счёты – сухо заметила девушка – поговорим после, когда выберемся.

Но Кирсанов «после» не хотел. Его возмущенный разум сильно закипел, и молодой человек вероятно жаждал получить ответы на все свои накопившиеся вопросы посреди поля боя. Выдержке от неожиданностей его Ксения ещё не обучила.

Достоинство ответить Кристине не дали. Где-то со спины раздался крик пригнитесь и над их головами просвистела граната. Взрыв раскидал напиравших бойцов Секуритаты. Девушка развернула голову позади неё стояли «Хомяк» и «Белка».

– У вас странные манеры – заметила Кристина – то вы нас хотите казнить, то спасаете.

– Мы получили доказательства, что по крайней мере вы не

одна из директорских – флегматично махнула головой «Белка», протягивая руку – чего, конечно, не могу сказать о ваших друзьях. Это весьма странная компания для такой, как вы.

– Поверьте, что они мои друзья – устало сказала Кристина, поднимаясь с помощью протянутой руки – а теперь почему бы нам не уйти отсюда.

– Это наш дом – возразил «Хомяк» – мы не можем просто так его бросить!

Кристина пожевала губу.

– Вы дали СЕКурам достойный бой – сказала она – который покажет им гораздо больше, чем наша казнь, но сейчас время уходить. Ваши силы слишком не равны. Если у вас есть где укрыться ещё, то уходите туда.

После недолгого размышления «Белка» стала командовать всеобщий отход, который превратился в всеобщую давку. Кристину и её товарищей подхватил плотный поток движущихся тел, который сначала редел от выстрелов, потом вновь заполнялся. Редел и вновь заполнялся. Мужчины, женщины, дети. Немногие могли исчезнуть в скалистых проемах. Большинство хватали СЕКуры и утаскивали. Интересно зачем, мелькнуло в голове Кристины. Должно быть вот откуда берутся подопытные для департамента Аристова. Из таких вот рейдов. Всё это надо как следует обмозговать, но позже. Сейчас нужно выбираться.

Река из тел всё ещё несла их, пока кто-то не выдернул

Крестину из него. Кристина развернула клинок, но тут же опустила и с облегчением улыбнулась. Это была Ксения Авалова.

– И я рада тебя видеть – сообщила девушка.

Её лицо блестело от пота. Одежда была порвана в нескольких местах. Похоже бою дистанционному, Ксения Игоревна, как всегда, предпочла рукопашную. На её плече повис тот самый человек в плаще, что вещал с трибуны. Он был ещё бледнее и зажимал кровоточащую рану.

– Наверное я должен извиниться – сказал он – жесткость ослепила меня. Я должен был сразу понять, что вы это вы. Цена моей ошибки мои люди! Нас застали безоружными.

Мужчина повернул голову и посмотрел на «Белку» и «Хомяка» взглядом в котором читались раскаяние и разочарование. Словно бы они могли тут вечно противостоять Директории.

– Но мы не сломлены – возразила «Белка» – пусть ещё лезут. Мы им дадим ещё прикурить.

Мужчина покачал головой.

– Поздно – сказал он – этот бой проигран. Спасайтесь. Вы должны добраться до посадочной площадки. Отправляйтесь к «Аспиранту», отведите их к нему он знает, что делать.

Мужчина обмяк на плече Аваловой и больше не шевелился. Жизнь покинула его. «Белка» аккуратно положила его на пол и накрыла накидкой. Её лицо в этот момент было мрачным, но абсолютно спокойным. Тут только Кристина увиде-

ла, что у этих подземных людей не было никакой печали от утрат. Они настолько к ним привыкли, что уже не замечали их. Действительность оказывает на человека куда большее влияние, чем он может себе представить. Она подчиняет тебя и заставляет жить только по своим законам и те, кто рядом с тобой тоже подчиняются этой действительности. Умение быть в коллективе, но сохранять индивидуальность, вот истинная ценность, которую дает нам Ноосфера. Именно для этого она и связывает нас воедино.

– Он был всем для нас – ошарашенно проговорила «Белка» – он вел нас. Показал иной путь, которым нужно следовать.

Ксения положила ей руку на плечо.

– И он умер за вас – сказала она – не дайте погибнуть его последней воле. Из этих пещер есть иной выход? О какой площадке он говорил?

«Хомяк» задумчиво почесал затылок.

– Пару недель назад – сказал он – мы сумели угнать транспортный вертолет. Мы спрятали его на седьмом уровне. В глубине карстовой воронки. Мы доставляем на нем провизию.

– Сойдет – кивнула Кристина – тогда вперед. Иначе нам не успеть.

СЕКурам тем временем вероятно уже надоел однообразный тир, и они подогнали военный бурильщик, ошестинившийся не только крупнокалиберными пулеметами, но и ги-

гантским хромированным буром, с помощью которого методично обрушивались бараки; сквозь дым и пыль, погребая под собою все живое. Снори с громким визгом выскочил из-под деревянного настила и прыгнул к хозяйке. Видок у него был потрясающий. Шерсть в разные стороны, в проплешинах, один коготь сломан. Кот сел на задние лапы и громко мяукнул.

– Подкрепление – лаконично сказала Ксения, переводя кота – теперь действительно пора.

«Белка» и «Хомяк» подхватили винтовки и побежали, подгоняя своих и не забывая при этом стрелять в бурильщик, который продвигался всё дальше, буквально сминая подземный город, остальные последовали за ними в один из проходов, который закрывался тяжелой деревянной дверью. Кирсанов всем своим весом подвинул к ней тяжёлый камень. Более нечем закрыть её не получилось.

Кристина на секунду замешкалась. Волна холода внезапно накатила на неё. Такого как будто... Она хотела повернуть голову, но Ксения дернула её за плечо.

– Идём – сказала девушка – сейчас не время бороться с фантомами.

Кристина потрясла головой, скидывая наваждение и побежала следом.

Теперь они бежали в составе небольшой группки из десяти человек, попутно спотыкаясь о камни. Место, где обитали местные борцы за свободу, оказалось куда глубже и длиннее

катакомб и куда как шире. Небольшой отряд пробежал через целые подземные галереи, которые были выдолблены ещё в какие-то совсем древние времена.

Вокруг царила сплошная темнота. Они взбежали по какой-то полуразрушенной лестнице, которая готова была провалиться под ними. Гудящий уже вдалеке бур обрушивал на их головы целые каменные своды. Бежавшая впереди «Белка» вела их всё выше и выше по узким лестницам. Сколько всего ещё мы не знаем о нашем прошлом, горько усмехнулась Кристина. Она бы хотела вернуться сюда и понять. Кто жил в этих подземных сводах или для чего они были построены. Умные не столько ищут одиночества, сколько избегают создаваемой дураками суеты. Смолкнувший бур возобновил свою работу, вместе с дикими криками жертв подземелья. Кристина чувствовала эти крики как будто кожей. Ни топота, ни выстрелов сзади никто не слышал. Это значит, что погони за ними нет.

Так они прошли около километра вверх по неожиданно возникающим ступеням. Каждый раз ноги ощущали стремительную пустоту, но «Белка» и «Хомяк» уверенно карабкались вверх, только призывно махая руками.

– Должно быть они за нами не пошли – нервно засмеялся Кирсанов – вряд ли они решат повторить такой экстравагантный путь. Кажется, я вижу свет.

«Белка» обернула голову.

– Смотрите вперед – сказала она – последний переход

узок. Если поднимемся на плато, то у нас есть шанс.

Проводники повернули налево. Остальные бросились за ними. Сколько они пробежали было загадкой. В темноте всегда всё кажется большим, чем есть на самом деле. Наконец перед ними открылась большая круглая пещера, высотой уходящая далеко во тьму. На такой глубине чувствовалось лишь слабое дуновение ветерка. Пещеру пересекала большая трещина, откуда шел жар и клубы дыма колыхались в горячем воздухе.

Когда дым рассеялся. Беглецы увидели, почему их не преследовали.

* * *

Наташа сидела в просторном кожаном кресле перед потрескивающим камином в небольшом трактире при гостинице, в которой они остановились на ночлег и наслаждалась местным колоритом. Она знала, что в каждом маленьком городке, подобном этому, обязательно есть место, где усталый путник может приклонить голову или выпровоженный из дома муж может пойти чихвостить свою сварливую жену, ну и обязательно конечно, там должен быть невзрачного вида старичок, который будет рассказывать городские легенды всем интересующимся. Этот трактир, называвшийся «Последняя гавань Элизабет» и являл собой типичный пример такого места.

Трактир был разделен на три этажа и начинался с кладовой, куда очевидно складывали еду и напитки. Налево от лестницы в кладовую шел проход в главный зал, который вмещал в себя с десяток деревянных столиков с придвинутыми к ним длинными деревянными же скамейками. В дальнем углу зала располагался большой кирпичный камин с черной чугунной решеткой, от которого поступало тепло по всему залу. Над камином, на полке стояли часы, а над часами, где когда-то очевидно весела картина, теперь весела плазменная панель телевизора и завсегдатаи могли здесь смотреть матчи национальной хоккейной лиги, о чём свидетельствовала табличка при входе. Перед камином стояли два кресла на дубовых ножках с бордовой обивкой, а прямо слева стоял диван, накрытый меховой шкурой.

Напротив дивана располагалась барная стойка, которую усердно протирал лысоватый хозяин трактира, одетый по моде 50-х. Возле стойки толпилось с десяток мужчин, которые что-то оживленно обсуждали. Из-за спины мужчины можно было так же увидеть небольшую дверь кухни, из которой шёл легкий дымок.

Вытянув ноги ближе к огню, Наташа размышляла о прелестьях вот такой вот деревенской жизни, пока из пелены мыслей её не позвал скрипучий голос.

– На это кресло уже давно никто не садился, юная леди – услышала она.

Наташа подняла голову. На неё смотрел невзрачного вида

старичок лет восьмидесяти в поношенном сером костюме, больших круглых очках и плоской серой кепке, сдвинутой на самый лоб. В руке он держал две кружки с пивом.

– Почему же? – поинтересовалась девушка, жестом приглашая гостя присесть рядом.

Старик всплеснул руками, чуть не выплеснув пиво.

– О – протянул он – значит вы не местная, оно-то сразу видно. На этом самом кресле сидела девушка, вашего возраста, такая же юная и красивая и у неё был юноша, который очень её любил, но родители не позволяли им быть вместе, и они пришли сюда, чтобы скрыться. Однако отец девушки нашел их и убил юношу, а девушка не в силах вынести горя заколола себя ножом, на глазах у отца. И теперь её дух постоянно живет в этом трактире. Он поэтому и называется «Последняя гавань Элизабет». А сидела она в свой последний вечер, прямо на этом кресле, и на него бедняжка упала, когда пронзила себя ножом. Поэтому местные на это кресло не садятся.

Внезапно глаза старичка расширились от удивления.

– Стоп – сказал он – а я вас знаю – он хитро улыбнулся – вы та самая прокурор из Кранцберга – довольно сказал старичок – и вы устроили всю эту бузу с отделением.

Наташа усмехнулась. Популярность уже до берегов Ньюфаундленда дошла, скоро Марвел фильмы снимать начнет.

– Ну не то, чтобы я... – начала девушка.

Старичок махнул рукой.

– А я вас поддерживаю – сердечно воскликнул он – на самом деле, понятия не имею, что там к чему в вашем Кранцберге, но поддерживаю. Этим олигархам давно надо указать на их место.

Наташа хотела сказать, что дело было вовсе не в олигар-

хах, точнее не только в них. Пока девушка подбирала слова, старичок поставил перед ней две большие пинты.

– Хотите сидр? – как бы между прочим поинтересовался старикан, указывая девушке на пинту.

Значит это был сидр, поняла Наташа, не пиво. Ей было не мудрено перепутать, она никогда в жизни не пробовала сидр, но решила, что гостю лучше не отказывать. Всё равно больше заняться было нечем.

– Что же вас привело сюда юная леди? – поинтересовался старичок – к нам мало приезжают иностранцы.

Наташа взяла в руки пинту и отпила. Сидр оказался на сладковатый, на вкус, наверное, в него ещё добавили сироп, но был достаточно приятен и даже бодрил.

– Я здесь в отпуске – ответила девушка – я увлекаюсь историей, а возле ваших берегов затонула подводная лодка времён великой войны, вот я и договорилась с одним капитаном, арендовать батискаф и опуститься посмотреть лодку и морские глубины.

Старичок поджал губы.

– Понятно – сказал он – а где это место, если не секрет мисс?

Наташа взглянула на висевшую над диваном карту местности и указала пальцем на воображаемую точку.

– Вот там – заявила девушка – между Кейп-Баулд и границей с Гренландией.

Старичок, потягивая напиток, глянул на карту и него гла-

за вылезли из орбит, он даже поперхнулся пивом, затем повернулся к Наташе и боязливо посмотрел на неё.

– О-о-о – протянул он – это нехорошее место, мисс – сказал старичок – очень нехорошее.

Наташа хмыкнула.

– А что такое? – спросила она.

Старичок замахал руками.

– Там в глубинах живет морское чудовище – сказал он – монстр, что охотится на корабли. Наши моряки ночью там не ходят, да и днём не многие отваживаются – он фыркнул – хотя такой, как вы, понятно дело и монстр не страшен, но всё же не хорошее место Мисс, не хорошее.

Наташа пожала плечами и снисходительно улыбнулась.

– Я слышала, индейские легенды о Левиафане – сказала она – но мало ли легенд на свете? Такие места всегда пользуются дурной славой. Так рождаются приключенческие романы о пиратах.

Старичок замотал головой, и его очки сдвинулись набок.

– Это не легенды мисс – сказал он – уверяю вас! Я сам видел, мисс.

Наташа недоуменно взглянула на собеседника.

– Что вы видели? – спросила она.

Старичок подвинулся ближе.

– Странные звуки, – сказал он – которых, я никогда за свою жизнь не слышал, зловещая тень над гладью воды, а

ещё два ужасных желтых глаза, которые смотрят на тебя из глубины.

Наташа хмыкнула.

– Может быть, это просто был обман зрения? – спросила она.

Её собеседник снова замотал головой.

– О нет, мисс – сказал он – это был не блик, мисс. Это был он, монстр. Вот вы говорите легенда, мисс, а мы же ведь ничего не знаем об окружающей нас природе. Ничего не знаем!

Подошедшая к ним Алин Авонамйелус оперлась на спинку кресла Наташи и громко усмехнулась.

– Извините, но сколько вы сидра выпили? – спросила девушка – мне интересно знать?

– Ни капли – возмущенно воскликнул старичок – разве вы не понимаете, что на свете существуют тайны, превосходящие человеческое понимание! Говорят, что там, куда вы собираетесь, действительно на дне лежит спрятанный корабль. Корабль, который ждет своего капитана и хранит его секреты. Лишь избранному он откроет их.

Авонамйелус осклабилась.

– Кажется это про вас – сказала она – на избранного я не тяну.

– Зато тяните на капитана – ухмыльнулась в ответ Наташа. Старичок осушил свою пинту и встал.

– Вот, что я вам скажу, юные леди – заявил он – не стоит вам туда отправляться. То, что вы задумали может принести

только горе, ведь смерть всегда окружала то место. Пусть эта лодка лежит, там, где она лежит. Её не надо трогать.

С этими словами старичок почтительно приложил два пальца к своей плоской кепке, согнулся и отошел от девушек в направлении выхода, что-то напевая себе под нос.

У самого выхода он столкнулся нос к носу с Флорианом. Зачем-то кивнул ему и вышел из трактира.

– Вы его знаете? – спросила Наташа.

– Впервые вижу – заметил Штильхарт – кто это?

Алин демонстративно пожала плечами.

– Очередной старичок с байками – фыркнула пилот – приветствую Фабиан.

Только тут Наташа вдруг поняла, что Штильхарт был не один. С ним в компании стоял улыбчивый чернокожий мужчина в защитного цвета штормовке и с черным атташе-кейсом в руках.

– Вечер добрый, Алин – сказал мужчина – рад видеть! Я вижу Штильхарт, ты эволюционируешь. Раньше ты приходил в компании только одной девушки, а сейчас с разу двух. Да ещё таких темпераментных. Фабиан Эмболо – представился он Наташе.

– Наталья – сказала девушка, протягивая руку.

– Ваша слава бежит впереди вас – сказал Фабиан, целуя девушке руку.

Штильхарт усмехнулся и наклонился к уху Наташи.

– Вот рекомендую вам – сказал Флориан – Фабиан Эм-

боло. Великолепный эксперт и любитель старинных аукционов.

Алин прыснула в кулак, а Фабиан изобразил на своем лице выражение оскорблённой гордости.

– Дорогой Флориан – сказал он – мне уже надоели ваши шовинистические намеки женевского буржуа. Если вы хотите поругаться, то я к вашим услугам.

Наташа не очень поняла о чём идет речь, но решила, что нужно улыбнуться.

– С превеликой радостью – оскалился Штильхарт – но для начала мне хочется, чтобы вы закончили рассказывать, что вы здесь делаете.

Фабиан фыркнул.

– Этот нахал ещё и издевается! – воскликнул он – как будто не ты меня просил изучить ДНК одной особы.

Флориан моментально сделал серьезное лицо. Шутки кончились.

– И? – спросил он – неужели есть результаты?

Фабиан вздохнул.

– Разве у меня когда-нибудь не было результатов? – уязвленно спросил Эмболо.

Флориан пожал плечами.

– Попробуй меня порадовать – сказал он – ну или не сильно.

Расстроить.

Эмболо поставил на деревянный стол кейс и вытащил из

него увесистую папку.

– Я был бы бесконечно счастлив сообщить неприятную новость, но не знаю какая из них для тебя неприятная – улыбнулся Фабиан.

Флориан хотел отвесить очередную колкость, но Наташа перебила.

– Мы согласны услышать любую – сказала она – я ведь понимаю, что речь о той девушке, знакомой Верховского?

Фабиан кивнул.

– Тогда слушайте – Эмболо сложил руки за спиной, как будто собирался читать поэму – для начала скажите, вы с какой точки зрения хотите узнать происхождение этой девушки, с родственно-династической или с биологической? За первую я, сразу предупреждаю, не отвечаю. Так что, если ты, Флориан Штильхарт вдруг задумал жениться на этой девушке и стать новым царем Великоруссии, то...

– Фабиан... – взревел Штильхарт.

Наташа насупилась, судя по ехидному выражению лица Эмболо, результат у него был самый неожиданный. Интересно для кого. Учитывая на что, она насмотрелась в последнее время, она уже вообще была поверить во что угодно.

– Хорошо, хорошо – успокаивающие произнес Фабиан – итак, с общепринятой, обывательской точки зрения, эта девушка, наверное, не будет являться тем, кого вы имели в виду.

Штильхарт выдохнул. Не то чтобы он был рад или не рад,

просто любой ответ на вопрос... Флориан взглянул в лицо Фабиана и понял, что это была только часть ответа.

– Постойте – сказала Наташа – что значит с общепринятой точки зрения?

Фабиан торжествующе посмотрел на гостей.

– Это её... клон – убийственно холодно сказал эксперт, сначала театрально набрав воздуха в легкие, а затем его выпустив с окончательным диагнозом.

Мыслей в голове Штильхарта не осталось. Они все рухнули куда-то в самый дальний уголок сознания, оставив вместо себя черную пустоту.

– Издеваешься – констатировал Флориан, растягивая слово. Первые секунды он действительно так думал, но лицо Эмболо в этот раз было лишено тени иронии.

Фабиан только покачал головой.

– Вовсе нет – спокойно сказал он.

– Подожди – проронил Штильхарт – это чушь, розыгрыш.

– Ни в коем случае – сказал Фабиан.

– Фабиан! Она была убита, если была, конечно, больше ста лет назад – воскликнул Штильхарт – какое ко всем чертям клонирование?

Эмболо снисходительно улыбнулся, как улыбается учитель, который объясняет ученику его ошибку.

– Я же не сказал, что её клонировали при жизни – поправил молодого человека Фабиан – вполне вероятно, что кто-то взял ДНК из её останков, ну или может быть в каком ни

будь другом месте, где могла быть её кровь. К примеру, на месте её гибели.

Наташа насупилась.

– Значит Анну Станиславовну всё-таки расстреляли? – спросила она.

Фабиан кивнул.

– Именно так – сказал он – нет никаких сомнений, что та Анна из двадцатого века была расстреляна красными в подвале дома с семьей, ну и так далее... —

Штильхарт недоверчиво прищурил брови. Все его лицо в этот момент выражало крайнюю степень удивления, граничащего с легким помутнением.

– А мы с Кристиной, тогда с кем встретились? – спросил он – ты хочешь сказать, что...

Фабиан усмехнулся.

– Вы встретились с Анной – сказал он – вне всякого сомнения это она. Только она родом из двадцать первого века. Точная генетическая копия.

Наверное, самое поразительное, для Штильхарта, в словах Фабиана было то, что он произнес их таким будничным тоном, как будто говорил о последнем матче «Сервета».

– Но ведь клонирование... – прибегнул к последнему аргументу Штильхарт – то есть, я хочу сказать, что науке неизвестны...

Фабиан вздохнул.

– Вы меня задеваете, как ученого, милый Флориан – ска-

зал он, театральнo разводя руки – если клонирование людей запрещено и по улицам не бродят тысячи наших копий, еще не значит, что это невозможно в принципе. Причем прошу заметить, что это не просто клон, а именно точная копия, репродукция человека, если хотите.

Покровская сдвинула брови.

– Что это значит? – спросила она – здесь есть какая-то разница?

Фабиан широко улыбнулся девушке.

– И весьма существенная, барышня – сказал он – ведь обычное клонирование копирует только генотип человека, но не его фенотип. То есть обычный клон имел бы другой характер, другие привычки, другие навыки, а в данном случае мы имеем с вами полное совпадение личности.

Слушавшая внимательно этот разговор Алин, которая, надо сказать и половины не понимала из того, что говорят, решила, что нужно как-то поучаствовать, чтобы разбавить удивление.

– Такое возможно? – спросила пилот – каким образом?

– Сейчас объясню – сказал Фабиан – вам известно, что информацию из жесткого диска компьютера можно восстановить даже по маленькому фрагменту?

Наташа кивнула.

– И?

– Вероятно теперь, кто-то смог найти способ проделывать такую же операцию с генами человека – сказал Фабиан –

возродить человека из его же гена, реставрировав структуру ДНК.

– Значит Анна – успешный результат такого эксперимента? – склонил голову Флориан.

– Выходит, что так – сказал Фабиан – и как я уже вам говорил, что всё зависит от того, как вы будете её рассматривать. С точки зрения титулов и прочего, может быть, это разные люди, но во всем остальном это один и тот же человек.

– Но почему, тогда она ничего не помнит о своем прошлом? – удивилась Наташа – если я правильно поняла Флориана.

Фабиан пожал плечами.

– Вероятно её мозг блокирует некоторые воспоминания, чтобы, как это сказать, не было временного шока, поэтому сейчас она живет по сущности этого времени.

– Но она же временами, что-то вспоминает? – спросил Флориан.

Эмболо улыбнулся.

– О это весьма интересный момент – заметил он – дело в том, что в ней, как бы живут два человека, точнее два сознания и, как бы это сказать... её генетическое «я», борется с её фактическим «я», понимаете?

– И какое же побеждает? – без всякой иронии спросила Наташа.

Фабиан покачал головой.

– Это неважно – заметил он – в любом случае это будет

губительно для её психики.

Штильхарт сделал удивленное лицо.

– То есть?

– Если одно её «я» победит другое, она просто сойдет с ума – печально произнес Фабиан – это и есть главная опасность клонирования людей. Её единственный шанс, это объединить два «я» в одно.

Алин многозначительно подперла ладонью щеку.

– Я так понимаю, что до атаки летающих тарелок нам остался один шаг? – усмехнулась девушка. – в НАТО уже переполох.

– Не мечтай – ткнул её в плечо Флориан – в космос я с тобой не полечу.

Авонамйелус флегматично пожала плечами.

– Это ты сейчас так говоришь.

* * *

Отряд замер в оцепенении. Посреди зала стояла Охотница. Губы Анны задрожали, передав дрожь всему телу. Снори зашипел. Кирсанов смотрел на темную фигуру остановившимися, изумленными глазами. Он ещё никогда не видел никого подобного ей. Тонкая женская фигура, можно сказать идеальных форм, была затянута в плотный кожаный костюм, который соблазнительно подчеркивал каждую часть тела. Лицо было закрыто металлической полумаской. Алые

губы растянуты в презрительной усмешке.

Кристина тяжело вздохнула. Охотница, пробормотала она в полголоса, теперь понятно, а я так устала. Выходит, мне перестало везти.

Девушка понимала, что она не может оставаться вместе со всеми. Этот бой она должна принять одна.

– Занятно – захохотала охотница – занятно! Когда мне донесли о подземных врагах, я и не думала, что найду здесь тебя, «Викки». Ты взяла, то, что тебе не принадлежит.

Кристина ровно улыбнулась и вышла вперед, демонстрируя охотнице сжатый кулак с блестящим кольцом. В густой темноте опал загорелся переливающимся светом. И Кирсанов готов был поклясться, что видит этот же свет в глазах девушки.

– Тогда попытайся забрать его назад – сказала Кристина, демонстрируя зажатую в руке эспаду. Охотница, не раздумывая, раскинула руки и из её перчаток высвободились два острых клинка, однако она не двинулась с места.

– Знаешь – прошелестел голос – я потратила много времени, чтобы разузнать, кто скрывается за маской таинственной «Арнис», и кто смог бросить нам вызов. Внедрять агентов, порой, так сложно. Я долго ждала. Ты у меня в большом долгу, но иногда терпение вознаграждается самым неожиданным образом, не так ли?

– Поздравляю – ослабилась Кристина.

Ксения, которая стояла чужь позади неожиданно для самой себя, сунула руку в карман и прикоснулась к маленькому изумруду, зашитому в ткань куртки. В общей кутерьме она совсем забыла о нём, а теперь вдруг... она почему-то поняла откуда камень в кольце Кристины. Однако как причудливо крутится механизм нашей жизни. Чтобы не значили эти камни, они важны для охотниц. Ксения не поверила бы, что говорит это сама, но возможно они дают им некую силу. Что Кристина знает об этом? Почему-то Ксения думала, что многое. Да уж отправились искать пропавших учёных.

Кристина повернула к ней свое лицо, как будто прочтя её мысли.

– Берите людей и уходите отсюда! – высоким голосом воскликнула девушка – вы не сможете мне помочь, бегите.

Раздался металлический смех.

– Как это в вашем стиле – заявила охотница – пытаться задержать меня, чтобы выиграть время других, но предупреждаю, бежать отсюда бесполезно. Я этого не допущу. Слишком часто меня обкрадывали из-за вас.

– Сочувствую – фыркнула Кристина. – Но рискну повторить.

Девушка с ревом прыгнула вперед и клинки со звоном встретились. Охотница сделала резкий выпад вниз и в сторону, Кристина отвела лезвия в сторону, в лучших традициях испанской дестрезы, но охотница ударила по клинку вторым лезвием, заставив девушку отступить к стене. Охотница, занеся оба лезвия кинулась к стене. Кристина перевернулась вокруг своей оси и лезвия охотницы поцарапали только камень. Воспользовавшись заминкой Леонова, ударила охотницу ногой по запястьям, та покачнулась, но перед падением успела зацепить ногой голень Кристины. Противники покатались по земле крутя клинками. Упав, Кристина выронила из рук меч и теперь схватив охотницу за запястья пыталась избежать контакта с лезвиями её кинжалов. Девушка ударила коленом противника в живот и охотница, скорее от неожиданности с неё слетела. Леонова попыталась подняться, но уже следующим движением получила удар ногой, который опрокинул её снова на землю. При этом Кристина больно, ударилась головой об выступающий, словно гигантский клык булыжник. Леонова потеряла ушибленный затылок, как она не раскроила себе череп, так и осталось загад-

кой. Руки нащупали сломанный пластик. Нет, ну почему же загадкой, успела подумать Кристина, рассматривая сломанную любимую заколку в виде кота. Что же хорошие заколки могут защитить тебя, иногда не хуже, чем каска. Девушка устало поднялась и убрав растрепавшиеся волосы, разрешила воздух вновь обретённым мечом. Из чернильной тени подземелья, на неё вновь налетела охотница и вновь зазвенели клинки. Движения противников были настолько быстрыми и молниеносными, что свет не успевал за росчерками метала.

Быстрыми сериями соперницы наносили друг другу удары, где *arrebatar* сменял *medio tajo* Кристина успевала блокировать клинки Охотницы, но брешь найти не могла. К тому же краем глаза, она заметила, что Кирсанов по-прежнему стоит сзади и обалдело смотрит на неё. Остальные тоже медлили не в силах оставить Кристина один на один с врагом.

– Бежим отсюда – услышала Кристина окрик Ксении – скорее к вертолету.

– Разве мы не должны помочь ей? – воскликнул Кирсанов.

– Мы ничего не сделаем – возразила Анна – если сможем взлететь, то она сможет к нам присоединиться.

«Хомяк» кивнул.

– За мной – скомандовал он – мы покажем дорогу.

Оглядываясь и спотыкаясь, они взбежали по очередной крутой лестнице. В воздухе сгустился запах какой-то химии Ксения чихнула и на бегу вытерла нос рукой. Побежали быстрее. Мимо мелькали ряды пыльных магазинных полок,

заваленных всяким барахлом, скорее всего у жителей был здесь склад с оборудованием и принадлежностями для чистки помещений и обогрева. Не плохо было бы чем-нибудь из этого разжиться, если бы времени хватило.

Бежавший впереди «Хомяк», всё время подгонял их криками и делал указательные жесты руками. Остальные бежали позади и старательно не думали, о том, что происходит сейчас в круглой пещере.

Коридоры и туннели, по которым они бежали, по мнению Кирсанова были совершенно одинаковы, как и все сооружения этого подземелья, поэтому оставалось надеяться, что их проводник действительно знает дорогу.

Вожделенный проем отделяла лестница, уходящая в верх шагов на двенадцать-пятнадцать. Они ступили на лестницу... Вернее сказать попытались. Уже перед первой ступенькой путь им перекрыла ещё одна темная женская фигура. Вторая охотница без церемоний выбросила лезвия из перчаток.

– Ой-ей, – высоко воскликнул Кирсанов – мы не то нашли! Сколько ещё этих девиц на свете?

– Явно больше, чем одна! – воскликнула Ксения, наугад паля в охотницу.

Они метнулись в другую сторону и назад, но долго не пробежали. Охотница выставила вперед руку и из перчатки с шипением вырвались маленькие крюки-кошки, они обвили, как лианы лодыжки Анны и повалили её на землю. Кирса-

нов вскрикнул и попытался протянуть девушке руку, но было бесполезно, охотница дернула веревки назад и Анну утащило к ней под ноги. Затем она ботинком развернула девушку и вновь выстрелила крюками. Бесчувственное тело отбросило в чернильную пустоту.

– Нет!!! – заорал Кирсанов и бросился на темную фигуру. И это оказалось тщетно. Охотница лишь лениво выставила вперед ногу, и молодой человек отлетел назад, больно разодрав кожу на спине от падения на камни.

– Бежим отсюда – крикнула Ксения – ты ей уже ничем не поможешь.

– Я не дам ей погибнуть, как моя сестра! – воскликнул Кирсанов, порываясь снова прыгнуть на охотницу.

Ксения схватила его за шкурку и вовремя оттащила. В миллиметре от его головы просвистел металлический диск.

– Я сказала уходим – крикнула Авалова – она тебе не по силам.

Пришлось ещё раз как следует тряхнуть парня за плечо, чтобы утихомирить его эмоции.

Охотница не обращала на них никакого внимания, казалось, что она уже сделала то, зачем появилась, и только криво усмехнувшись в сторону беглецов, отступила в темноту.

* * *

Кристина почувствовала новую угрозу раньше, чем уви-

дела движение. Вторая охотница прыгнула с высоты подземной галереи вниз, занося свой клинок для убийства.

«Клинк» первая охотница блокировала удар гостыи.

– Неожиданно увидеть тебя тут – сказала первая охотница – но ты опоздала. Это моя добыча.

– Вы слишком самоуверенны – отозвалась вторая охотница.

– А вы недалёковидны – сказала первая – вы оставили беглецов и теперь по вашей милости мы не сможем узнать местонахождение их базы или вы нанялись курьером биоматериала для доктора?

Вторая охотница по-змеиному зашипела.

Значит вот для чего они организовали облаву, поняла Кристина, местных жителей увезли в клинику. Если бы она собрала достаточно улик, то Директорию можно было бы привлечь за преступления против человечности, жаль, что этим только заниматься никто не станет. Ладно о недостатках международного права подумаем позже, а сейчас надо выбираться, тем более что сейчас весьма походящий случай.

Решив не соблюдать временное перемирие, Кристина бросилась всем весом на вторую охотницу, придавливая её к земле. Для верности несколько раз приложила её головой о камни. Послышался хруст. Кристина кувырнулась на земле, уходя от удара первой охотницы и вломила ей ногой в челюсть. Охотница отлетела назад, сгруппировалась и снова заняла стойку.

– Ты кое-чему научилась, девчонка – с пренебрежением зашипела охотница – однако это больше из-за нашей самоуверенности. Больше такого не будет.

– Могу дать урок – бросила Кристина, наседая на противницу. Девушка резко ударила вниз, исполнив *mandoble*, затем вверх и вперед, и неожиданно для самой себя пробила блок из лезвий полоснув охотницу вдоль двух запястий по электромеханизму перчаток. Оружие заискрилось и руки охотницы обвили молнии. Кристина, используя секундное преимущество схватила охотницу за руки и перекувырнула через себя.

– Ты проиграла! – воскликнула девушка, приставляя клинок к горлу охотницы – сдавайся и с тобой честно обойдутся.

Раздался металлический смех и топот множества ног. Это как-то совпало вместе. Кристина обернулась назад. Из черного проема выскакивали СЕКуры. Кажется, они всё-таки поняли, что задержали какую-то шушеру, а главные лица подземного города ушли целыми и невредимыми в глубь подземелья, и решили прочесать это подземелье. Хорошо, что они так тугоумно соображают.

– Кажется, что это тебе придется сдаться – заскрежетала первая охотница.

Внезапно воздух разрезал рев мотора и в помещение влетел небольшой, похожий на насекомое, вертолет. Он завис метрах в пяти от земли, поднимая столбы каменной пыли.

– Не в этот раз – крикнула Кристина, прыгая вверх и цеп-

ляясь за нижнюю ступеньку лестницы. Правда её радость была не долгой, охотница вскочила следом на пилон и теперь нависала сверху. Она не собиралась сдаваться, когда цель была так близка.

Вот просто здорово, лучше не придумаешь. Позиция охотницы не позволяла ей дотянуться её лезвием, но оставляла прекрасную возможность для броска диска и ещё кучи их дистанционного оружия. Пришлось прыгнуть на пилон самой, чтобы сократить дистанцию и естественно тут же заработать в нос. Гадая, как она сейчас не полетела вниз, Кристина не позволила второго удара и схватив противника за запястья прижала к корпусу вертолета. Охотница оценила действия Кристины оскалом и провела подсечку, опрокинув девушку на спину. Ещё больше оскалилась и подняла свой кинжал. Но клинкам было не суждено встретиться. Кристина, опять рискуя упасть, ухватилась пальцами за край лестницы, соскользнула вниз, повиснув в воздухе и одновременно дав противнице от души хороший удар ногой в область подбородка. Охотница слетела с пилона и камнем рухнула вниз.

Кристина не дорого бы дала за то, что она получит какие-то травмы при падении, хотя мечтала об обратном. Решительным прыжком девушка влетела в салон вертолета и нос к носу столкнулась с Аваловой, которая, судя по фирменной стойке шито-рю собиралась выкинуть Легонову назад.

– А это ты! – воскликнула Ксения, расслабляя позу – быстро управилась.

Кристина только фыркнула и осталась лежать, не спеша подниматься на ноги. В конце концов, может же человек просто полежать на металлическом полу после таких чудес акробатики?

* * *

Пока солдаты волокли её по камням, Анна решила, что нужно, наверное, потерять сознание, но острая боль от покрывавших её лодыжки веревок не позволяла этого сделать, а ещё заставляла кричать, когда кто-то из СЕКуров слишком сильно дернул её за ноги запихивая в грузовик. Всё это с ней уже когда-то было. Боль вновь заставила вспомнить выстрелы, холод метала штыков, которыми её кололи, горячая струя боли, через всё тело. Откуда она может это помнить. Это было не с ней. А может быть и с ней. Ей опять начало казаться, что она теряет реальность.

Резкий и хлесткий удар привел её в чувство. Анна обнаружила, что они уже едут по какому-то шоссе. Рядом с ней накидали, именно накидали, человек пятьдесят, разного пола и возраста. Мужчин, женщин, детей, стариков. Хватали видно без разбора. Кто-то пытался зажимать раны, кто-то, кто ещё мог плакать, плакал, а кто-то безжизненно смотрел в одну точку. Рядом с Анной сидел приземистый старичок,

который был бледен, как покойник и покачивался из стороны в сторону. Лицо его сильно опухло от ударов, а правый рукав рубашки потемнел от крови.

– Не плачьте барышня – сказал он – не надо плакать. Слезами делу не поможешь. Вытрете слезинки, они вам ещё понадобятся.

Анна мотнула головой.

– Вы знаете куда нас везут? – спросила девушка – в Секуритату, полицию?

Старичок покачал головой.

– О нет – сказал он – таких, как мы туда не отвозят. Нас отвезут туда откуда не возвращаются. В клинику!

Прекрасно, подумала Анна, только что оттуда. Девушке стало дурно, когда она поняла для чего их везут.

Грузовик остановился. На землю стали выпрыгивать солдаты. Её опять схватили и потащили куда-то, нацепив при этом повязку на глаза. Сколько на этот раз её тащили, Анна не представляла. Путь закончился, когда два солдата бросили её на колени на холодный металлический пол и грубо сорвали повязку. В глаза больно ударил электрический свет. Тот самый свет, подумала Анна, это были именно те лампы из сна.

Свет заслонила фигура в черной коже, но сейчас без маски. Анна сумела разглядеть лицо.

– Ты! – зашипела она.

Марианна Хорошевская криво усмехнулась.

– Как видишь твои друзья не пришли тебе на выручку – холодно проговорила она.

– Тебе не поздоровится, когда они придут, – нашлась Анна.

Охотница подняла некогда ухоженные руки, которые теперь носили шрамы от электрических ударов и лениво зааплодировала.

– Я в восхищении – сказал она – человек в твоём положении ещё и шутит – Хорошевская усмехнулась – хотя ты должна радоваться. Это же твой дом – охотница обвела рукой воздух.

Анна недоуменно посмотрела на неё.

– Что за глупости? – поинтересовалась девушка – мой дом...

Охотница оборвала её ледяным смехом.

– Так ты так ещё ничего не поняла, дурочка!? – спросила она – или твои друзья не рассказали тебе кто ты такая есть – Хорошевская продолжала смеяться – ты ведь не человек, моя дорогая. Всего лишь копия, репродукция человека. Неужели тебе не рассказали такую потрясающую новость? Я поражена!

Анна бросила Хорошевской взгляд полный гордого презрения.

– Что за чушь? – воскликнула девушка – я это я.

Хорошевская захохотала.

– У нас бывает очень много я – заметила охотница – ты

столько узнала о своем прошлом, тебе так много стало известно? Неужели ты не знаешь, почему они все так интересуются тобой.

– Замолчи! – зашипела Анна.

– Верховский, Авалова, «Арнис» – стала загибать свои изящные пальцы Марианна – ты для них всего лишь лабораторная мышь с помощью, которой они хотят открыть секрет вакцины от «зеленого призрака»

– Я тебе не верю – недоверчиво сказала Анна.

Хорошевская ослабилась.

– А что, если я скажу, что ты...клон – сказала Марианна со вкусом, словно бы растягивая удовольствие – да, именно так. Ты клон Великой княжны Анны убитой красными. Воскрешенная в новом теле здесь Нами, чтобы отдать свой секрет, который ты унесла в могилу.

У Анны всё похолодело внутри. Её разум закрылся и отказывался принимать, то, что говорит Хорошевская. Неужели остальные знали? Знали и не сказали. Конечно знали. Она помнила, как Флориан неожиданно посмотрел на неё после её возвращения из порта, помнила, как после этого к ней внимательно стала приглядываться Кристина...

– Этого не может быть – прошептала она – я тебе не верю. Они бы сказали.

– Они лишь преследуют свои интересы – покачала головой Марианна – они использовали тебя и твою память, потому что знали, какой ценностью ты являешься. Но не будь

наивной. Ты для них всего лишь протоплазма и больше ничего. Человек человеку волк. Не забывайте это.

Анна обхватила голову руками и застонала. Этот обволакивающий голос охотницы проникал в самое её нутро и вытаскивал самые потаенные мысли.

– Не-ет – покачала головой девушка – это опять какой-то трюк, чтобы запутать меня – сказала она – опять какая-то психологическая чушь. Я – это я и не важно, что вы сейчас скажите! Вам меня не подчинить. Я знаю, кто вы, знаю, что вы и знаю, чем вы здесь занимаетесь.

Хорошевская криво ухмыльнулась.

– Ты знаешь только то, что вам рассказала «Арнис» – небрежно бросила охотница – их версию и она слишком односторонне и отягощена обывательской моралью. Им не победить.

Анна попыталась осклабиться в ответ, но у неё плохо получилось.

– Зато Кристина сумела оставить вас с носом – парировала девушка – думаю мне надо держаться неё.

Охотница фыркнула.

– Значит вызов – сказала она – я люблю вызов. Людей с сильной волей ломать одно удовольствие. Они так истово сопротивляются, так верят своим идеалам, но и они ломаются.

Анна нашла в себе силы пошевелиться.

– Я лучше умру – гордо сказала девушка.

Охотница отмахнулась.

– Разве ты не поняла? – сказала она – твоя жизнь принадлежит нам. Поэтому ты живешь пока мы скажем. Это мы организовали твою встречу с Верховским, мы дали тебе информацию. Мы даже оберегали ваш поход в лесу. Всё, что происходит вокруг это мы. Ты не умрёшь. Ты станешь нашим карающим мечом. Ты выпустишь в этот мир то оружие, секрет которого хранишь. Я узнаю этот секрет и когда это произойдет, ты официально воскреснешь для мира. Воскреснешь, чтобы стать ангелом смерти – Хорошевская нервно рассмеялась – представляешь, что тогда произойдет – охотница погладила Анну по щеке холодными пальцами – милая, я тебе сделаю потрясающую рекламную кампанию – она снова рассмеялась.

– Я расскажу всем – Анна проглотила колючий комок – расскажу правду.

– Мою правду – сказала Хорошевская – ту правду, которая нужна Организации, и ты расскажешь эту правду. Мы позаботимся о том, чтобы ты её рассказала, ведь когда мы с тобой закончим, в твоей голове будут только наши мысли и наши желания, и ничто и никто не сумеет тебя остановить.

Глава IX. Когда совпадения становятся возможностями

Нужно бежать со всех ног, чтобы остаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!

Льюис Кэрролл

Наташа открыла глаза и увидела склонившегося над ней Флориана. Девушка села на постели и захлопала ресницами тщетно скидывая остатки сна. За окном трактира, где они ночевали, было темно, а в окна хлестал дождь.

– Который час? – спросила девушка зевая.

– Начало пятого – ответил Флориан – я разговаривал с хозяином трактира. Новости невеселые. Сегодня с двенадцати дня в городе вводят режим тотальной изоляции, якобы для борьбы с вирусом. Будут созданы команды проверяющих соблюдение режима, с привлечением полиции.

Наташа потеряла лоб и растрёпанные волосы. Хоть бы постучался. Я бы причесалась что ли. Всё-таки негоже председателю комитета по международным делам представлять в таком виде.

– С чего это ему нам помогать? – недоверчиво поинтересовалась девушка – он даже нас не знает.

– Деревенские жители гораздо умнее, чем кажутся на пер-

вый взгляд – заметил Флориан – они не любят странностей и вмешательства в их тихую жизнь. Вот и смекнул наш хозяин, что изоляция только предлог для поиска одной взбалмошной иностранки.

Кто из нас интересно более взбалмошный? Фыркнула про себя Наташа.

– Почему-то мне кажется, что эта изоляция будет очень короткой – усмехнулась девушка вслух.

Штильхарт пожал плечами.

– Так и будет и даже хуже, если мы не поторопимся – сказал он – нужно уходить тихо, времени не теряя, пока не начались облавы. Погода вон как по заказу: дождь, туман. Алин уже на ногах во всю. Собирайтесь и вы, а я пойду проверю нашего старца.

Наташа свесила ноги с кровати и откинулась на деревянную стену. Вот надо же опять так влипнуть, а?

Оказалось, что единственно кто был в бодром настроении так это старец Игнатий. Флориан обнаружил его, стоявшим на коленях и перебирающим четки. Глаза монаха были закрыты. Лицо казалось тихим и умиротворенным.

– Чему быть того не миновать – медленно проговорил старец – мы должны найти то, что должны. В этом задача наша.

– Если вы готовы – кивнул Флориан – то и мы готовы.

Старец покачал головой.

– Неправильно приоритеты расставляете – сказал он – не готовы должны быть вы, а сделать это нужно.

Флориан вздохнул. Алин права. Вечно эти старцы умничают.

– Значит мы сделаем – сказал он – у нас нет другого выбора.

Задержаться пришлось на два часа. Любезный трактирщик собирал гостям припасы. После рассказа Флориана Наташа принуждала себя не подозревать хозяина в коварных замыслах задержать их подольше. Вероятно, он действительно хотел помочь.

– Уже приходили трое из КССНК – заявил трактирщик – интересовались новыми постояльцами. Отвадил я их конечно. Сказал мол ордер есть? Нету? До свидания. Будет, возвращаетесь. Один правда книгу постояльцев потребовал, но это уж дудки, я – то в книгу то вас не записывал, но, вот чего я думаю, они ведь и силой прорваться могут.

– Могут – сказал Флориан – тогда неприятностей не оберешься. Но вас они не коснутся, когда мы уйдем. Поэтому особенно не возитесь. Рассчитаемся и расстанемся с миром.

– Что же это такое в мире-то делается? – запричитал трактирщик – уже честных гостей среди ночи, как воров придется гнать. Откуда они явились солдаты то эти? Ведь не было никогда такого.

– Из Организации они пришли – тихо проговорил Флориан – из организации S. I. G. M. A. Слыхали про такую?

Трактирщик побледнел. Вероятно это название он слышал и не раз, вот только, как и большинство обывателей, не

думал, что столкнется с ним.

– Ох, ох – замахал руками трактирщик – что же делается? Это же что наши солдаты им что ли служат? Вот ужас-то. Да что же делать?

– Забыть о том, что мы здесь были – посоветовал Флориан – по крайней мере, пока мы не окажемся далеко отсюда. Тогда, возможно, вас и ваш трактир не тронут. Остальное вам лучше не знать. Крепче спать будете.

Трактирщик только замахал руками и продолжал причитать, жалуясь на тяжелую жизнь.

В конечном счете военный патруль всё-таки появился несколько позже, уже с ордером и плотно обшарил трактир, но странных гостей к этому времени и след простыл. Из постояльцев их никто не помнил и были они или не были в этом трактире так не поняли. Хозяина припугнули как следует, но на этом дело и кончилось. Вот только распространяться на эту тему сам трактирщик не любил. Поговаривали, что его серьезно допрашивали, и не полиция, а какая-то чудная девица из какой-то особой спецслужбы. В общем эта история поросла в итоге такими байками и небылицами, что и через много лет её рассказывали темными зимними вечерами у камина.

Пока же незваные гости уходили второпях, стараясь набить сумки для возможного длительного путешествия. Надо сказать никто особенно не думал, а что они будут делать после обнаружения лодки? Назад в город им путь был заказан.

Из трактира вышли несколько позже, чем рассчитывали. Машину решили не брать, чтобы не привлекать внимание, а облачившись в плотные парки с капюшонами, идти пешком, смешавшись с местной толпой, утренних рыбаков, а кое-где, петляя через закоулки, в результате чего расстояние в два километра до порта превратилось в пять. Однако, как уяснила Наташа такие меры предосторожности были полностью оправданны, ведь городок, который она видела вчера, сегодня уже был совсем другим. Повсюду дежурили и прохаживались военные, потрясая винтовками. Сквозь туман мигали красным верха полицейских джипов. Наташа знала, что, когда нужно, любое государство может продемонстрировать свою силу, только вот эта сила очень часто была направлена не на борьбу со злом, а на поддержание собственной, даже пусть очень мелкой, власти. Это был порок всех демократий, тираний и республик.

Мимо промаршировал отряд закованных в пластиковую броню полицейских, пришлось затаиться за углом ближайшего дома. До Наташи долетели обрывки фраз командира. Нечто вроде «пошлите больше людей в северную часть города» и ещё, «не обращайтесь на протесты».

– А они серьезно настроены – заметила Наташа, провожая взглядом отряд.

– Невежды всегда хотят добиться всего грубой силой – проговорил монах – исключая изобретательность и логику.

Наташа очень хотела бы, чтобы так и оставалось. Сlish-

ком поздно ей пришла в голову мысль, что надо было посоветовать разделить и встретиться у доков. Впрочем, какая уже теперь разница?

И никто из ускорившей шаг троицы не заметил парящий над ними маленький круглый шар, который внезапно мигнул красным и что-то забубнил.

У доков их встречала скупающая Алин Авонамйелус, которая приветственно помахала рукой и жестом показывая следовать за ней вдоль огромных танкеров и маленьких утлых суденышек в один из закрытых доков, очевидно ничем не отличавшихся от подавляющего большинства таких же. Квадратный куб из серого, кое-где поржавевшего металла и заполненное водой пространство по середине, где покачивалось округлых форм, очевидно их транспортное средство, к борту которого вел металлический настил.

Что же касается транспортного средства, которое индианка выбрала для путешествия, оно по-настоящему удивляло – небольшой подводный аппарат с большой круглой рубкой снизу от которой торчали, как жвала у жука, два манипулятора и оканчивающийся двумя большими гребными винтами. Наташа мысленно выдохнула. Уж где-где, а под водой, она точно не была, а уж, чтобы опускаться в океанские глубины на таком...

– Ваше весёлое местечко пронизано туннелями, как муравейник – деловито сообщила Авонамйелус – если выбрать нужный, то пройдем мимо водоворота, а если нет, то оста-

немся там навсегда.

Наташа вздохнула, недоверчиво оглядывая транспортное средство.

– И на этом мы опустимся вниз? – с явной иронией спросила девушка.

Алин громко фыркнула.

– Мощности этого агрегата вполне достаточно для наших скромных нужд – заметила пилот, хлопая по корпусу – оборудована всем чем надо. К тому же пока вы сладко спали, я уже успела внести кое-какие модификации. Так что залезайте внутрь и убираемся отсюда.

Алин опасливо оглянулась за спину, как будто что-то почувствовав. Подозрительность вещь хорошая. Правда если бы пилот знала, что происходит снаружи дока, она бы разволновалась куда больше. Громкий грохот потряс док, вместе с которым слетела тяжелая металлическая дверь и помещение стали заполнять мальчики в пластиковой броне из КССНК. Женская фигура в коже шла за ними, отвлеченно разглядывая док, аппарат и физиономию Авонаймелус.

Алин поняла, что в долгие задушевные беседы эти ребята вступать не намеренны. Как же тут не понять, если в тебя палят из всех калибров ручного стрелкового оружия. Любой бы понял. Пользуясь временной безопасностью открытого люка, Авонаймелус огрызнулась парой выстрелов. Несколько спецназовцев рухнули.

Сколько точно сосчитать было недосуг, поскольку она уже сползла по лестнице в утробу подводного аппарата.

– Мальчики и девочки пристигните ремни! – завопила Алин своим испуганным пассажирам – мы срочно валим отсюда, а то вас очень хочет видеть одна прелестная девушка.

Авонамйелус бухнулась в кресло пилота-акванавта и заинтересованно стала смотреть на мигающие кнопки приборной панели.

– А ты вообще им умеешь управлять? – поинтересовался Флориан с нервным интересом.

– Умею – последовал ответ – управлять – Алин задумалась – Батискафами нет.

Штильхарт закатил глаза, а его подружка-депутат была готова удариться в истерику. Только старец оставался спокоен и тих.

Алин вдавила несколько кнопок. Мотор звучно заурчал, приводя в движение грибные винты. Включилась обзорная камера и продемонстрировала, что на берегу разворачивалось целое представление. Мальчики в пластике устанавливали ПТУР. Догадались, молодцы. Мощности этой игрушки будет достаточно, чтобы разворотить батискаф, но при этом оставить пассажиров живыми. Что же за добрый человек им подсказал – то, а?

Девушка решила не дожидаться золотого момента завершения ритуальных танцев вокруг ракетной установки и рванула на себя рычаг управления. Субмарина грузно осела на

корму, вызвав фонтан брызг и устремилась вперед. Вслед ей с шипением понеслась ракета. ПТУР видимо всё-таки собрали. Алин накренила субмарину в бок, достаточно поздно вспомнив, что батискаф не истребитель и не может выполнять бочки. Что-то в корпусе хрустнуло. Зато ракета пролетела мимо. Какое никакое, а утешение. Авонаймелус вернула лодку в стандартное положение и выжала полную мощность, направляя подводный аппарат в опасно сужающийся проем между воротами дока, которые ребята наконец-то додумались закрыть. Батискаф вылетел из дока в тот самый момент, как им навстречу устремилась возвращающаяся ракета, влетая в почти закрывшиеся ворота. Сзади грянул глухой взрыв, выбросивший султан огня. Алин сама себе удивилась и даже скрестила пальцы на удачу.

Эх рановато. Встречным курсом на них двигались три патрульных катера. С автоматическими пулеметами, между прочим. Алин бросила лодку влево, избегая незваных гостей. Теперь они оказались сзади и, естественно, открыли огонь. Более удачная ситуация – это конечно слишком большое везение.

– По-тря-са-ю-ще – со вкусом протянула Алин – знай я раньше, что мы так популярны...

– Отказалась бы лететь? – хмыкнул Штильхарт.

– Нет – сказала Алин – написала бы завещание. Ну что же, глубины океана, вот и мы.

Авонаймелус выдавила рычаг управления, и субмарина

резко ушла под воду, которая с громким бульканьем покрыла весь фонарь кабины. Оставшиеся сверху катера пронесли мимо. Последний блик солнечного света пропал, и окружающее пространство поглотила тьма.

* * *

Охотница, подобно темному ветру шагала вдоль развороченного дока. Ей было всё равно, до суетящихся вокруг лицейских. Ничтожества, они даже неспособны понять, что происходит вокруг.

– Мы потеряли семнадцать человек, миледи – бормотал ей Тайберт – четверых застрелила лично Авонамйелус. Она просто дьяволица какая-то.

Охотница, усмехнувшись кивнула. Она уже почти стала уважать эту разношерстную компанию. Они борются за свои идеи, гораздо более рьяно, чем её собственные подручные. Если бы кто-то из слуг Организации так боролся...

Какие интересные мысли приходят иногда в голову. Озвучь она их вслух, о её вольнодумстве было бы немедленно доложено и она бы получила наказание, но она не собиралась высказываться вслух. Она сохранит эти мысли до той поры, чтобы насладиться ими, когда поймает беглецов. Не поворачивая головы, она произнесла только...

– Ну вам это лучше знать – сказала охотница – я так полагаю они скрылись.

Генерал предпочел бы не отвечать на этот вопрос, но больше не было никого, кто бы ответил.

– Наши глубоководные сканеры следят за ними – нашелся Тайберт – если они найдут лодку все наши силы...

Охотница жестом остановила его.

– Не стоит генерал – сказала она – я сама займусь этим делом.

Одна.

Тайберт облегченно выдохнул. Наконец эта девица уйдет, хотя бы на время.

– Как пожелаете – кивнул генерал, всячески пытаюсь скрыть свой душевный подъем. Он не был уверен, что это его новое настроение понравится охотнице. Совсем не был уверен.

* * *

Вертолет приземлился километрах в пятидесяти к северу от катакомб на опушке небольшого лесочка. Лететь дальше было опасно из-за близости радаров ПВО, Кристина про себя усмехнулась, что знает человека, который обязательно полетел бы дальше, непосредственно на радары. Она, конечно, не знала, насколько была права.

Путь продолжали уже пешком, забирая дальше на север. Километров через пятнадцать свернули восточнее, оказавшись под сводами соснового леса. Проводники вели их из-

вилистыми и чуть заметными тропами, которые очень близко, судя по запаху, приближались к болотам, на которые они в конце концов и вышли. Проводники двигались почти в полусогнутом положении изредка оборачиваясь назад, что по мнению Кристины свидетельствовало о том, что они не намерены дернуть отсюда при первом удобном случае. Всё равно теперь, в этих болотах, они завесили от «Белки» и «Хомяка», карт у них не было, а соваться на голые равнины, где ничто не скроет их от электронных глаз дронов, было неразумно.

А ещё приходилось отбиваться от Кирсанова. Молодой человек выполнил её просьбу оставить политические вопросы пока они не выберутся из катакомб, зато теперь, ну, когда они уже выбрались, он высказал ей всё, что накопилось за последние два дня. Ксения была как всегда на высоте, она естественно никак не вмешивалась в происходящее и сохраняла на физиономии свою вежливую усмешку. Впрочем, к удовольствию Кристины, ей тоже перепали порции юного возмущения.

– Ты знала! – бушевал Кирсанов – знала и ничего мне об этом не сказала!

Ксения только пожала плечами.

– Я догадывалась – сказала она, подарив обоим спорщикам ослепительную улыбку, призывающую к гармонии и миролюбию – я не могла знать точно, ведь мы не виделись больше пяти лет и расстались при весьма щекотливых обстоя-

тельстввах, когда я пыталась задержать одну из этих девиц, после того как она расстреляла людей на площади.

– Людей на площади расстреляли...

Ксения махнула рукой.

– Только не начинай опять – бросила девушка – именно поэтому я не говорила тебе, я хотела, чтобы ты сам увидел: на что способна Директория. Директория – орган контроля на человека, один из многих, что создала Организация. Девушки эти, что служат ей... именно одна из них расстреляла людей на площади. И именно она убила твою сестру, потому что Катя случайно узнала, что готовится во время конференции. Она хотела передать эту информацию Александру Верховскому, но не успела.

Кирсанов не нашёл что сказать и на некоторое время повисло молчание, которое нарушалось только свистом ветра и шорохом камыша. Пронизывающая мокреть и зелёная булькающая поверхность не придавали веселья.

А болото всё не кончалось. Оно представляло собой извилистый лабиринт тропинок, где пространство вокруг путников было заполнено черными и мутными водяными провалами, от которых сильно пахло тиной. Высокого, весеннего южного неба не было видно из-за опустившегося на топи сизого, с кроплением фиолетового, тумана. Время от времени вокруг что-то булькало и чавкало. В тусклом свете, который пыталось посылать сквозь туман солнце, невозможно было понять, в каком районе болот они находятся. Оставалось на-

деется на проводников, без которых они в этих топях совершенно не могли сделать ни шагу. Только Снори чувствовал себя здесь комфортно. Кот с легкостью перескакивал с кочки на кочку и постоянно вертел головой в поисках добычи, одним глазом следя за проводниками на тот случай если им всё-таки взбредет в голову бросить его товарищей.

– Кто они? – вдруг спросил Кирсанов.

Ксения промолчала. Кристина поняла, что право рассказа переходит ей.

– Они были прекрасными, милыми девушками – сказала Кристина – умными и амбициозными. Потом у каждой случилось нечто, что сломало их жизни. Жертвы дискриминации, домогательств, домашнего насилия. Они оказались всеми преданы и опозорены. Организация нашла их и пообещала возмездие для их гонителей, в обмен на их таланты. Слепленные мстью они согласились без вопросов, и Организация поглотила их одну за другой. Теперь они исполнители её воли. Инструменты приказов системы, призванные с одной целью находить и уничтожать её врагов.

– Врагов? – переспросил Кирсанов.

Кристина кивнула.

– В мире, контролируемом Организацией всё устроено очень просто – сказала девушка – или ты часть системы или цель охотниц. Я много о них знаю, вот теперь. Они подобно Церберу, охраняют построенную Организацией пустоту и хаос – пространство с необозначенными законами развития,

в котором исчезает любая субъектность и индивидуальность. Только тот, кто сохранит это в себе, может бросить им вызов.

Ксения вскинула голову.

– Камень, что вставлен в твое кольцо – сказала Авалова – ты ведь забрала его у одной из них, верно? Ты что-то узнала о нём? Ведь его требовала у тебя охотница?

Кристина пожала плечами. Она никогда не умела так быстро мыслить.

– Ты права насчет камня – заметила девушка – думаю, что и у тебя такой же?

Ксения кивнула.

– Зачем они его носят? – спросила она – когда я смотрю на этот камень, меня не покидает, какое-то странное ощущение, словно бы из него струится энергия.

– Я узнала не так много, как хотелось бы – сказала Кристина – кроме одной странной легенды...

Кристина стала рассказывать, что знала сама. О Жанне Д'Арк, о королеве Изабелле и о её словах о воительницах. Кирсанов слушал это всё с открытым ртом, подобно юному студенту на лекции первого курса.

– О камнях же говорится следующее – говорила.

Кристина. – Однажды в древний Борисфен приехали в свите иноземного князя необычные люди с земель палестинских и стали распространять еретическое учение, смущая народ княжества Понтийского, а оттуда последователи их в царство великорусское проникать стали и учение их про

власть не Бога над человеком, а человека над человеком якобы стало силу набирать среди людей власть имевших и одурманили они князя Ивана Великого и случилось так, что управлять еретики стали волей княжеской и что любое противоречие вере еретической каралось смертью. Но была та, кто боролся против еретиков и не найдя правды в своей земле, она бежала они и долго скиталась, спасаясь от гонителей своих, пока не прибыли в далекую Кастилию, ко двору королевы Изабеллы, которая известна была как добрая христианка. Она взяла бежавшую, из царства великорусского девушку, под свою защиту, своим острым умом распознав опасность еретического учения, которое стало распространяться уже по всей Европе. Вместе с верными людьми она стала бороться с еретиками провозгласив «El creencia» – борьбу за мировоззрение живого и нравственного Всеединства человека, Человечества и Вселенной, в их отношениях к Творцу и творению, основанное на добродетели и христианском благочестии.

Рассказывают, что девушка, прибывшая ко двору Изабеллы была дочерью одного из советников князя Ивана Великого. И когда ересь одурманила князя, то отца её казнили. От своего духовника, девушка часто слышала рассказы о благочестивой христианской королеве Изабелле, живущей далеко на Западе. Презрев все опасности, девушка пустилась в путь, чтобы у просить у королевы защиты и покровительства и якобы передала восемь красивых камней, которые она за-

брала у еретиков. Камни обладали уникальной силой, неизвестного свойства. Говорили, что эти камни способны одухотворять человека и заряжать его созидательной энергией. Злые же люди мечтали извратить эти камни и управлять разумом своих рабов с их помощью. Известно, что католическая королева вставила камни в золотой крест, под сенью которого отправилась завоевывать Гранаду. Позже этот крест был подарен ею своему адмиралу Христофору Колумбу перед его путешествием. В легенде также говорится, что люди, бежавшие из царства великорусского, находились всё время подле Изабеллы и охраняли её от еретиков, которые поклялись убить королеву, чтобы не позволить прогрессу и христианской вере одержать верх над их идеей контроля.

Кирсанов закусил губу.

– Никогда не слышал про такую легенду – признался молодой человек.

Ксения кивнула.

– В мире сотни тысяч легенд. Какая-то пара сотен вполне могла пройти мимо тебя – усмехнулась девушка – но, да я тоже о такой не слышала.

Кристина случайно наступила в зелёную лужу. Болото отдалось гулким жалобным воем. Об этих местах ходили легенды страшнее, чем о катакомбах. Деревенские жители считали, что в сердцевине болота живет то ли оборотень то ли вампир, который питается кровью неосторожных путников. История пошла с того, что после великой отечественной вой-

ны в этих местах орудовала пронацистская банда, и якобы их логово находилось, как раз в сердцевине болот. НКВД банду разгромил, но никакого логова естественно не нашли, вот местные и стали придумывать легенды о том, что якобы не всех бандеровцев изловили и они, после смерти превратились за свои грехи в ужасных призраков. Вот тебе и ещё одна легенда, усмехнулась Кристина. Впрочем, легенда ли?

– Историю эту я услышала из уст одного монаха латиноамериканца. Он даже показал мне свиток, датируемый началом XVI века. В этом же свитке было написано, что камни охраняли Испанскую империю больше ста лет, но потом часть камней была выкрадена одной молодой девушкой, которая служила при дворе английской королевы Елизаветы и более о них ничего не известно.

Кирсанов засмеялся.

– Короче во всем виноваты англичане – сказал он – всегда считал, что испанцы похожи на нас. Что мы, что великорусы никогда не можем избавиться от имперских комплексов. Вот и испанцы туда же.

Авалова отвлеченно кивнула.

– Каждое государство с великой историей похоже друг на друга – со снисходительной улыбкой заметила девушка – однако, что-то... какая-то часть из этого... вполне может быть правдой. По крайней мере, думаю наша Кристина в это верит.

Кристина бросила быстрый взгляд на Ксению, оценивая

степень иронии в её словах и обнаружила, что говорит Авалова совершенно серьезно, хотя она никогда прежде не одобряла подобные сентенции, предпочитая работать со строгим набором фактов. Что же окружающая действительность заставляет нас подстраиваться под неё и меняться самим.

– Вера – это то, что мы не можем доказать – вслух отозвалась Кристина – но если что-то не подтверждено, то не значит, что этого нет на свете. Наш мир состоит из множества историй, легенд, фактов, событий. Они все переплетены между собой в единую связь. Мы можем не видеть эту связь в силу определенных моментов, но это не умоляет её существование. Истина всё, пока не доказано обратное.

– Хотите сказать, что и охотницы были в XV веке? – спросил Кирсанов с явной иронией.

Кристина мотнула головой.

– Они всегда есть – сказала девушка – охотницы вечны, пока в этом мире существует месть. Всегда найдутся те, кто ими станет. Всегда найдутся те, кто захочет их для себя.

– Если они так смертоносны почему просто не перебить их по одиночке? – поинтересовался Кирсанов.

Кристина засмеялась. Если бы он знал, сколько раз она задавала себе этот вопрос.

– Не хочу говорить банальности из политических ток-шоу про несогласованность государств и прочее – улыбнулась девушка – каждый, кто пытался им сопротивляться, погибал. Страх, что они несут вместе с собой, эффективнее любого

оружия. Никто не знает сколько их и какой они национальности. Они могут быть любыми и принимать какой угодно облик. К тому же не забывайте, что они часть системы, а система не может воевать сама с собой. Но именно в этом их слабость и наше преимущество. Мы над системой, поэтому сильнее и превосходим их.

– Хотите, чтобы я вооружился старым клинком и рубил охотниц? – спросил Кирсанов.

Кристина пожала плечами.

– Вас сюда никто не тащил, ведь правда, Ксения Игоревна? (Авалова тонко усмехнулась) Вы сами спросили. Я ответила. Знание есть то, что опасно для Организации, оно разрушает страх перед ними. Против страха бессильно оружие, но эффективно знание.

Она замерла и остановилась. Остановились и шедшие впереди проводники. Послышался свист, как будто птичий. Болото пришло в движение и вот уже путники были окружены несколькими вооруженными людьми. «Белка» о чём-то поговорила со старшим и подошла к Кристине.

– Это наши люди, они проводят нас в лагерь – сказала женщина – там решим, что делать с вами дальше. Там последнее наше пристанище в этих местах. Его пока не нашли, а если и найдут, то мы сможем долго там продержаться. До него около двух километров. Только с этого отрезка вам придется завязать глаза.

– Не очень-то вежливо, как выводок вести нас, после того

как мы вас спасли, не находите? – поинтересовался Кирсанов.

– У вас есть вариант остаться здесь и погибнуть без припасов – жестко ответила «Белка». Ни один чужак не должен знать дорогу, ибо только по этой одной дороге можно пройти к воротам лагеря.

– Обычно предателями оказываются те, кто знает, а не те, кто не знает – отозвалась Кристина с дипломатичной улыбкой на лице – мы пришли не воевать и не спорить. У нас общий враг. Завязывайте.

– Разумно – кивнула «Белка»

Глаза завязали плотными бежевыми шарфами и сверху натянули еще и толстые шапки. Руки оставили свободными просто сцепив за спиной. Когда очередь дошла до Кирсанова, молодой человек ещё повозмутился некоторое время, но всё же согласился.

Теперь о дороге они могли только догадываться. По сгущающемуся вокруг запаху сероводорода можно было предположить, что из болота их выводить не собирались. Идти продолжали гуськом, правда теперь «местные» шли спереди и сзади. Внезапно тропинка начала круто спускаться, и путники почувствовали под ногами холодок от погруженных в воду камней. Где-то вдалеке послышался шум бегущей воды и стал приближаться, постепенно заполняя собой всё пространство. Стало резко холодно, и путники вошли гуда-то в темноту. Очевидно, что это был грот, поняла Кристина, по

уходящему вверх звуку воды, грот под водопадом.

Пройдя ещё с полсотни шагов их резко остановили. Теперь вода была совсем близко и плескалась возле ног, создавая приятную свежесть после болота. Путники стояли с завязанными глазами, ничего не видя.

Царило молчание. Откуда-то сзади послышались шаги и распорядился голос: – Снимите повязки!

Кристине не нужно уже было развязывать глаза, чтобы определить обладателя голоса. Ксении, вероятно, тоже. Только Кирсанов проморгавшись ахнул от изумления. Его изумление должно быть касалось больше антуража. Удивляться действительно было чему. Узкое горлышко пещеры уходило в недра подземного водопада, завеса которого стекала сверху. Сквозь отверстие сверху дробился свет от лунного света, вода блестела в нём, словно россыпь падающих алмазов.

Приказавший снять повязки вышел на лунный свет. Он сильно изменился с последней встречи. Раньше зачесанные назад светлые волосы теперь были длинными и спадали до плеч. Лицо закрывала густая борода. Александр Верховский теперь казался старше своих лет.

– Приветствую вас, любезные гости – сказал он – вы пришли сюда как раз вовремя, чтобы быть награжденными за терпение.

Ксения и Кристина переглянулись.

– Думаю у нас с вами есть о чём поговорить – согласилась

Кристина.

Нежданные встречи, случайные встречи, усмехнулась де-вушка, но случайные ли? Она в совпадения не верила, но её больше интересовал вопрос, если Верховский здесь, то где сейчас тогда Флориан?

* * *

– Не стоит благодарить меня за очередное чудесное спасение – промурлыкала Алин, отрываясь от созерцания мигающей панели управления батискафом и разворачиваясь в кресле к остальным товарищам.

Подводное судёнышко медленно скользило сквозь толщу воды распугивая местную фауну, но Наташа понимала, что вероятно это обман зрения, потому что точка на карте, которая обозначала их аппарат, уже находилась в открытом море.

Покровская повернула голову в сторону своего компаньона. Штильхарт расположился в кресле штурмана и делал какие-то пометки на карте.

– Ещё около 250 морских миль, до точки – пояснил он, обернувшись на монаха – если ваши данные точны, то с нашей нынешней скоростью, мы окажемся на месте минут через двадцать.

– Не точность данных нам поможет – многозначительно отозвался монах – готовы к неожиданностям должны быть мы.

– О-о-о – только и смогла скептически произнести Алин – если речь идет о морском звере из легенд, здесь установлен прекрасный отпугиватель акул.

Пилот ни на йоту не была готова сменить свое скептическое отношение к жизни. Наташа же предпочла лишь только молча кивнуть. В давящей обстановке глубин она предпочитала располагаться там, где меньше всего понадобится её помощь, предпочитая не вмешиваться в процесс управления лодкой, тем более в разговоры о чудовищах. С неё уже силуэта охотницы хватило.

Субмарина нырнула в один из коралловых туннелей, разбрызгивая подводную живность. Алин привычно фривольно управлялась с вертким транспортом. Время от времени из тьмы выступали коралловые стены, когда их освещал свет от прожекторов. Мимо плыли по своим делам, не обращая внимания на незваного гостя, разноцветные маленькие рыбки, а субмарина продолжала свой путь на секунду освещая окружающее пространство и оставляя за собой черноту. Никто не заметил, как чернота неожиданно изменила форму и поплыла за субмариной.

– Держу пари они следят за нами – заявила Наташа, рассматривая рыбок.

– За мной? – осведомилась Алин – да никогда.

– Я бы не была так легкомысленна на вашем месте – язвительно бросила Наташа.

– Да на вашем месте я бы тоже не была бы легкомысленна

– улыбнулась Алин – что скромные пилоты могут знать про легкомыслие. Конечно, куда как меньше народных избранников, которых мы обычно спасаем.

Авонамйелус криво усмехнулась, разглядывая вспыхнувшее лицо Наташи, она обожала такую голубоглазую наивность.

– Не заметила, чтобы вы особо перетрудились – закипела высокая особа – я вообще не понимаю, как мы ещё живы с таким легкомысленным подходом.

– Вы хотели сказать креативным – уточнила Алин – выбирающимся из общепринятых норм правил. Принимаю комплимент на свой счет. Штильхарт я одобряю твой вкус.

Наташа зло посмотрела на пилота, на лице которой застыла издевательская усмешка. Она хотела ответить и даже встала для этого, но её рот зажали рукой и принудительно опустили назад в кресло. Какая наглость!

– Ты закончила сканирование? – спросил Флориан, сквозь мычание Покровской, продолжая зажимать ей рот.

Авонамйелус покачала головой.

– Сканеры здесь бесполезны – сказала пилот – впереди нас сильное электромагнитное излучение, источник которого я не могу установить.

– Сама лодка? – спросил Флориан.

– Издеваешься? – поинтересовалась Алин – она сто лет тут пролежала, по вашим словам, да у неё бы аккумуляторы сдохли, а речь идёт о постоянном излучении.

Наташа всё же вырвалась из хватки.

– Которое будет препятствовать любому кораблю подойти к этому месту – вставила она.

Алин всплеснула руками.

– Бинго – воскликнула пилот – это было трудно догадаться. Чтобы не мучать вас дальше, я рискну предположить, что ваш капитан Долматов спрятал лодку на глубине ниже источника излучения. Так выходит логически.

– А это излучение для нас безопасно? – боязливо спросила Наташа.

Алин издевательски пожала плечами.

– Откуда я знаю – бросила пилот – мы на глубине 150 метров. Здесь ничего не может быть безопасным.

Авонамйелус хотела ещё добавить, что в такие места лучше вообще не соваться, но вдруг, будто бы в подтверждение последней фразы подводный аппарат сильно трянуло и он накренился на правый борт, словно бы налетев на скалу.

– Вот и пример – воскликнула Алин.

Субмарину еще раз трянуло и ещё сильнее, и какая-то неведомая сила начала тащить её вниз. Раздался негромкий хлопок под контрольной панелью и на всю рубку завизжала аварийная сирена.

– Мы теряем мощность! – закричала Авонамйелус – приборы отказывают!

На локаторе тем временем показалась точка чего-то приближающегося.

– Смотрите – сказала Наташа, указывая пальцем на лока-
тор – это что, корабль или рыба?

Флориан изумленно глянул на монитор.

– Слишком большой для рыбы – сказал он.

Алин резко врубил дальний свет и тогда они увидели...

Больше всего это напоминало гигантский подводный хребет, только затянутый в черную кожу, а ещё с зубами и большими желтыми глазами.

– Я надеюсь у вас здесь увеличительное стекло – пролепетала Наташа.

Алин ничего не ответила, она вцепилась руками в штурвал, и пыталась увести субмарину от столкновения с «хребтом». «Хребет», чем бы он ни был оказался на редкость проворным и по узкому коралловому туннелю, уходить от него было очень сложно. Субмарину снова тряхнуло, на сей раз вперед-назад, а затем судно стало раскачивать из стороны в сторону, точнее кто-то стал раскачивать. Экипаж благополучно рухнул со своих мест и покатился по металлическому полу. С потолка посыпались искры и где-то сбоку полыхнуло. В противоположную от субмарины сторону полетели болонь со сжатым воздухом.

– Замечательно! – воскликнула Алин – нужно срочно перекрыть CO₂ или взлетим на воздух!

– Я пытаюсь – крикнул Штильхарт откуда-то сзади, крутя какие-то вентили.

Субмарину сотряс новый удар. На сей раз пострадал левый борт. Что-то, что их атаковало просто вырвало с мясом кусок обшивки и стало протискиваться внутрь корабля. Гигантская пасть больше всего похожая на акулю, только гораздо больше стала разрывать приборную панель и перекусывать провода. Моргнул свет и пропал. Единственным источником энергии были электроразряды выпускаемые рыбиной.

– Вы хотели узнать откуда поле? – поинтересовалась Алин – это ваш шанс.

– Беру свои слова назад – заявила Наташа – если мы здесь задержимся, нас просто расплющит.

– Дельная мысль – заявила Авонамйелус – свежая. Отступаем в задний отсек, там гидрокостюмы.

Они стали пятиться с ужасом поглядывая на гигантскую пасть, только Монах по-прежнему сидел в кресле и не двигался. Алин зло зашипела на него.

– Сейчас не время для ваших молитв святой отец – взмахнула рукой пилот – надо отваливать, пока мы не стали обедом.

– Только от тебя зависит уйдем ли мы отсюда, Алин Авонамйелус – сказал старик – ты должна попросить зверя пропустить нас.

– Я что!!??? – опешила Алин – я что ихтиолог по-вашему? Старик сардонически засмеялся.

– Ихтиологи знают о рыбах все – сказал он – а ты не зна-

ешь ничего. Ты должна узнать. Ты не веришь в то, что зверь существует, поэтому ты против контакта с ним.

– Да это какая-то бессмыслица! – воскликнула Алин – хорошо я поверю в вашего зверя, только уходим отсюда.

Старик сидел на месте.

– Ты боишься его Алин Авонамйелус – сказал он – ты боишься разбудить своё я. Свое происхождение, то которое ты тщательно скрываешь. Не противься ему. Вспомни кем ты являешься, и ты спасешь нас. Откажешься, и мы никогда не покинем этот корабль.

Морской зверь зарычал и стал трясти подводный аппарат, вырывая куски обшивки.

– Я свернула с этого пути! – воскликнула Алин – я выбрала другую жизнь. Свободную!

– Не свобода это, а страсти – ответил монах – твоим страхом выкованные. Грубой материей заменить ты пытаешься душу свою. Как храм Духа святого создан человек, не как тело брренное. Ты должна ощущать истинную связь со всем, что тебя окружает, с небом, землей, водой и даже с этим зверем, но настоящая ты должна быть. Та, которая при рождении появилась Алин из клана черной росомахи.

Все застыли, зачарованно слушая монаха. Алин только стояла и хлопала ресницами. Казалось, что с неё вдруг спала вся колкость и острость её темперамента. Затем девушка закрыла глаза и пошла прямо навстречу гигантской пасти. Наташа видела, как Флориан округлив глаза хотел броситься

следом. Рукой она придержала его.

– Стойте – сказала она – это её дело.

Она не знала почему именно это сказала, но слова монаха зародили в ней удивительную уверенность, что внутри этой колкой и дерзкой Алин Авонамйелус живет совершенно другая Алин, которая зажата рамками обыденной действительности жизни и происходивших в ней метаморфоз.

Авонамйелус встала перед рычащей рыбьей пастью и протянула руку, быстро, но осторожно положив её между глаз зверя и устремив свой взгляд в эти желтые глаза. Высоко и четко она произнесла непонятный Наташе набор звуков. Эх говорили мне: учи языки, вздохнула про себя девушка.

Внезапно всё затихло. Пасть перестала разбивать корабль и два громадных жёлтых глаза уставились на Алин. Они были так близко, что пилот могла видеть в них свое отражение. Авонамйелус чуть-чуть отступила, но продолжала держать руку вытянутой. Внезапно существо моргнуло глазами, и гигантская пасть развернулась в противоположную сторону выронив субмарину из своей хватки. Лишенный хода корабль под углом градусов в шестьдесят рухнул куда-то вниз и уткнулся в илистый грунт. Наступила тишина.

Флориан пошатываясь поднялся на ноги.

– Что случилось? – воскликнул он – я думал нам конец.

Алин с удивленным лицом стояла и смотрела на свою ладонь, словно хотела что-то прочитать на её линиях.

– Не знаю – потрясенно сказала она – я просто прикосну-

лась рукой к нему и вдруг во мне как будто пробудилось что-то. Я даже не знала, что способна на такое.

Монах засмеялся.

– Древнее существо это – сказал он – древнее начала времен. Когда-то очень давно охотники твоего рода обнаружили его, но не стали убивать. Они понимали лучше свою связь с природой, чем мы сейчас. Они приручили существо и научили его исполнять заученные команды, например... уйти в сторону. Наш проводник сказал об этом капитану. Только говорить надо на языке племени вашего. Прекрасное время моей молодости.

Алин рассвирепела.

– Вы знали!? – воскликнула пилот – знали, и позволили этой зверюге раздолбать мой корабль, пока говорили свои высокопарные речи??? Выставили меня, боевого офицера, не пойми, кем!!!

Старик продолжал смеяться.

– Легко быть боевым офицером Алин Авонамйелус, уничтожая врагов во вне, которых ты сама себе нарисовала – веско сказал монах – и гораздо сложнее победить врага в собственной душе и поверить в саму себя.

Алин громко фыркнула. Она терпеть не могла, когда разные бородатые умники лезли в её голову.

– Испытать хотите? – спросила пилот – не выйдет. У меня иммунитет на такие штучки. Я побывала в самых разных местах и видела много всего и уж поверьте только сама от-

вечаю за свою судьбу. Мне не нужны для этого джейдайские наставления и тем более мистические заговаривания.

Она была истинно уверена, что это так и не имела ни малейшего желания продолжать дискуссию. Монах только коротко улыбнулся. Иногда, чтобы что-то понять нужно прожить. Она сделала первый шаг в новый большой мир, хоть, возможно, и сама не понимала. Поймет, со временем.

– Ладно, давайте двигать – сказала пилот другим тоном – эту посудину даже мне уже не запустить, а лично я не хочу больше встречаться ни с этим зверем, ни с его родственниками. Так что теперь только пешком и надеяться на то, что воздух в скафандрах не кончится раньше, чем мы достигнем лодки.

Наташа окинула компаньонов скептическим взглядом.

– Сомневаюсь, что на глубине, на которой мы находимся воздух нам, что-то даст – сказала она.

Алин ослабилась. Их избранная важность оказывается разбиралась в гидрологии. Удивительное рядом.

– Об этом не беспокойтесь – заявила пилот – я, на всякий случай, захватила баллоны со смесью кислорода и гелия.

– Тогда за дело, чего стоим? – командно бросила Наташа, резко направившись к переборке, отделявшей рубку от грузового отсека.

Авонамйелус лишь экспрессивно всплеснула руками.

– Нельзя было спрятать этот медальон в лесах Терра-новы – пробурчала девушка, покидая рубку.

Путников по распоряжению Верховского отвели в один из закутков пещеры, где было устроено подобие умывальника – большой чан с водой и несколько полотенец. Кристина с большим удовольствием сунула голову в холодную толщу, наконец ощутив долгожданную влагу и снимая с себя отнюдь не нужный сейчас сон.

Обитатели пещеры тем временем очевидно готовились к трапезе. Одни вскрывали и перетаскивали ящики с хлебом, вином и кое-какой другой снедью, другие носили большие ведра с водой из водопада.

Умывшихся и освежившихся путников пригласили к столу.

На ужин им подали какую-то похлёбку на свином бульоне, яблоки, хлеб и солонину. Не бог весть что, конечно, но после нескольких дней блужданий по лесам, болотам и пещерам горячий суп казался настоящим пиром. Кристина понимала, что местные люди, и так питаются редко, судя по их изможденному виду.

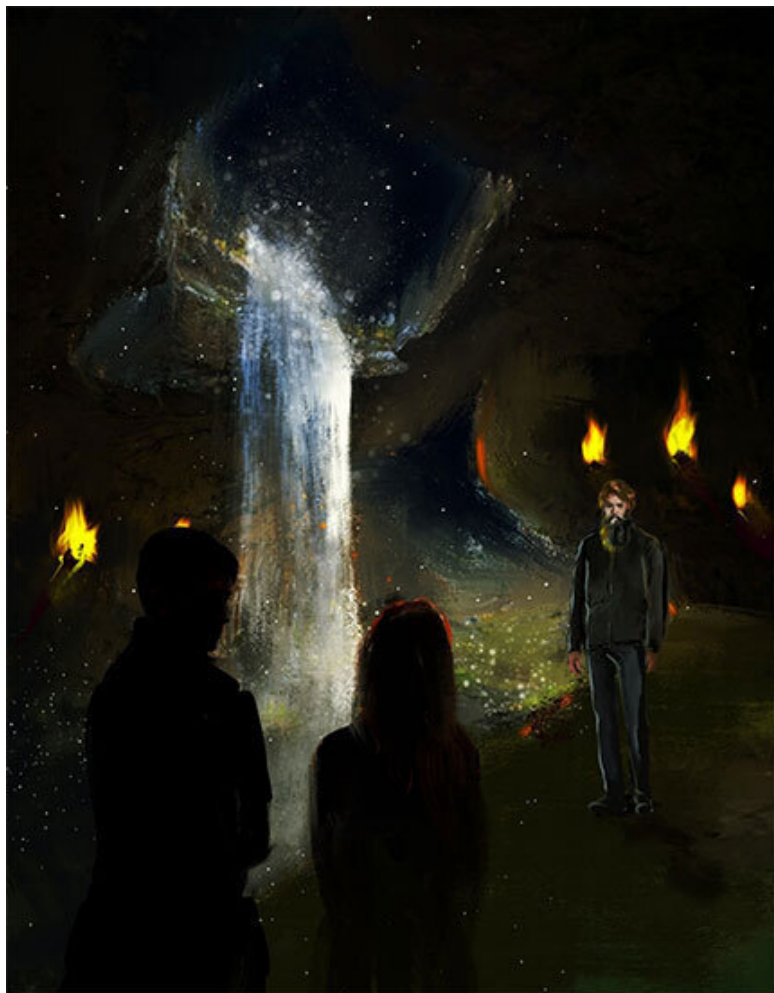
Прислуживал гостям мужчина в изношенных джинсах и засаленной майке без рукавов, перевязанной толстым ремнем, за которым торчал одноручный топор. Его чуть тронутые сединой волосы были кое-как сплетены в тугий хвост. Возраст же мужчины определить было нельзя. Он мог быть

и очень старый, а мог быть и средних лет. У этих людей не было ничего, поняла Кристина, даже возраста. Было только очевидное желание выжить. Однако, возможно, что именно это желание и толкало их вперед.

– Что это за место? – спросила Кристина.

– Местные прозвали его «Адашевка» – коротко пояснил Верховский – в честь генерала Адашева. Директория не рекламирует это местечко среди пропагандистского великолепия. Это по приказу Адашева фермеров согнали с их земель, когда Директория национализировала земельные наделы в Республике. Всех, кто сопротивлялся, арестовали за измену и казнили. Теперь это место обитания лишних людей. Присаживайтесь. Ужин готов. Вино, хлеб, фрукты. Как говорится, чем богаты.

Верховский усадил гостей рядом с собой, но за едой предпочел обойтись уже без разговоров бросая только длинные взгляды, на каждого из гостей, а вот жители пещеры засыпали вопросами. Кристина рассказывала много, но о поисках медальона и клинике она не упоминала, больше отвечая вопросом на вопрос и распространяясь о мужестве обитателей катакомб в их подземном приключении. Местных особенно взволновал рассказ об облаве. Люди, перебивая друг друга, стали делиться предположениями о мотивах Секуритаты, Кристина о своих подозрениях предпочла не распространяться.

Трапеза проходила в какой-то иной, непривычной атмосфере пьянящей свободы. Вино согревало кровь, а пряный аромат солонины с хрустящим хлебом очищал мысли. Снори после сиял, как масляный блин и даже принялся довольно мурлыкать. На душе впервые за много дней стало легко и весело.

Однако, какие поразительно красивые вещи можно заметить в таком девственном спокойствии и понять их истинную цену, которая теряется в суете обыденной беготни. Кристину продолжал удивлять этот мир.

Гости интересовались, чем живут эти обитатели пещер и на что надеются в своей борьбе? Те отвечали, что надежда – это то немногое, что у них ещё осталось, чтобы отстрочить последний день. Тень, расплзавшаяся из города всё, крепнет, а свободные люди слабеют.

Много говорили о делах в Великоруссии, о которых гости ничего не знали. Совершившийся там переворот теперь сильно занимал мысли Кристины. Организация нанесла новый серьезный удар и не столько окружение Балторуссии двумя скалящимися друг на друга странами беспокоило её, сколько вся та неопределенность, в которой теперь где-то там был Флориан. Что же он нашел, приехав туда? И нашел ли? Напряжение, скорбь и страх, притупленные вином и едой, вернулись и вновь стали терзать душу девушки. Невдомек ей конечно было, что сейчас Флориан, Наташа и Алин удирали от патрульных катеров, а все их мысли были сосре-

доточены на поисках медальона и помощи Кристине. И всё же, может быть, девушка чувствовала это, потому как в глубине души её ещё горел огонек слабой надежды, которая всегда подпитывала её. Та самая единственная безумная надежда.

Ужин был закончен и Александр Владимирович увел их в угол в глубине пещеры, где стоял тяжёлый дубовый стол и несколько старых кресел. На столе стоял бронзовый подсвечник с горящими плавящимися свечами. Возможно, что здесь они и получат ответы на свои вопросы. Предстояло многое услышать и многое решить.

Верховский обошел стол и заняв кресло напротив гостей, кинул на них свой отточенный взгляд, словно бы оценивая важность и нужность предстоящей беседы, а может быть и понимая её неизбежность. В его лице чувствовалась какая-то отрешенность к происходившим событиям, а возможно, что это была просто степенность. Кристина заметила, что Ксения тоже изучает его лицо, очевидно, что она сопоставляет то лицо с тем, которое запомнила пять лет назад. За себя Кристина могла сказать, что это было другое лицо. В нём не было прежнего риска и азарта. Верховский более не играл в свою жизнь, а жил ею и, наверное, только он сам мог сказать, как тяжело ему это давалось.

– Вот уж действительно неисповедимы пути Господни – сказал Александр – менее всего, я ожидал увидеть вас именно в том составе, как при нашем последнем свидании. Хотя

я и просил о помощи любезную Кристину Сергеевну, никак не думал, что мне доведётся вновь встретиться с вами, Ксения Игоревна, хотя я желал этой встречи.

Ксения вежливо кивнула. Её казалось уже перестала занимать новая личность Верховского. Кристина отметила, что Авалова не утратила своего дара моментально фотографировать людей, делать их анализ и продолжать созерцание окружающего мира.

– Я знал вашу сестру – продолжил Александр, поворачиваясь к Кирсанову – она была удивительной девушкой и замечательным другом. Старалась им быть.

Кирсанов смущенно улыбнулся.

Верховский повернул голову к Кристине.

– Прошу прощения, что повременил с разговором – сказал он – однако не всё, что мы здесь будем обсуждать будет интересно и понятно моим людям. Они присоединятся на финальном этапе.

Из темноты пещеры вальяжно перебирая лапами вышел Снори, и придирчивым взглядом окинув Верховского, улегся возле одного из кресел. Ему очевидно было интересно.

– Значит это вы «Аспирант»? – спросила Кристина. В её голове было столько вопросов... этот был не хуже других. Надо же было с чего-то начать.

– Да – кивнул Верховский – здесь меня так называют. Эти люди приняли меня в трудную минуту и помогают мне, а я принял их и помогаю им.

То первое впечатление, о Верховском, посетившее Кристину при разговоре с Анной оказалось точным. Александр действительно не утратил манеры изъясняться многозначительными витиеватыми фразами. Впрочем, смысл конкретно этой был достаточно понятен и вряд ли содержал какой-то иносказательный смысл.

– Меньше всего мы ожидали увидеть здесь вас – честно призналась Кристина – Анне вы говорили, что отправляетесь в Петерштадт. Предполагалось увидеть вас там.

Верховский пожевал губу. На его лице выступила тень улыбки.

– Значит я рассчитал правильно – усмехнулся мужчина – вы с ней виделись, однако, она почему-то не с вами, я бы хотел поговорить и с ней.

На красивое лицо Кристины легла тень печали.

– Секуритата захватила её – ответила за девушку Ксения – когда мы бежали из катакомб. История повторяется, Александр Владимирович. Вновь вы затеяли какую-то игру и вновь погружаете в неё невинных. Что вы играете за партию, Верховский? Ваша жена, Мецгер, Кропс, они уже погибли. Анна в плену. Зачем это всё?

Верховский помрачнел.

– Ваши упреки справедливы – заметил Александр – только, если бы все шло, так как я задумывал изначально... Мощь нашего врага растет и обманывать его уже крайне сложно. Я действительно отправился в Петерштадт, где дол-

жен был встретиться с последним оставшимся в живых членом экипажа подводной лодки «Барс». Той самой лодки, на которой служил мой прадед. Я был так близко к тому, чтобы получить последний кусочек пазла и раздобыть медальон. Однако я недооценил мощь и хитрость врага. Его шпионы повсюду. Они выследили меня и задержали. Я поддался на самую простую уловку врага и из-за того чуть не случилось большой беды.

Впрочем, об этом позже. Пока же, и я уверен в этом, что возможно всё получилось гораздо лучше. Ведь для врага ваше появление Ксения Игоревна стало большим сюрпризом. Он безусловно предполагал, что я пошлю, за Кристиной Сергеевной. Он желал этого! Он ненавидит её и жаждет поквитаться с ней за весь тот урон, который она доставляла пять лет Организации, но вас, Ксения Игоревна, в его расчетах не было и уж тем более он не предполагал, что вы объедините усилия. Это крупный просчет с его стороны, и он может быть фатальным.

– Вы об Аристове? – спросила Кристина.

– Аристов только исполнитель – сказал Верховский – он талантлив и амбициозен, в плоть до того, что способен на преступление ради своих идей. Именно этим и зацепила его Организация. Однако и им всего лишь умело манипулируют. Наш враг гораздо выше и хорошо маскируется, подставляя пешек вместо себя. Даже сталкивая их друг с другом, если нужно.

– Знаете кто этот человек? – встрял Кирсанов – сказали бы нам решились бы все проблемы.

Верховский пожал плечами.

– Вы плохо понимаете структуру Организации, господин Кирсанов – улыбнулся он – у Организации нет конкретного лидера. Организация – это не личность, а система, частью которой являются все: политики, бизнесмены, артисты, чиновники. Они полностью подчиняются системе и растворя-

ются в ней, теряя свою идентичность, а в месте с идентичностью и человечность. Из созданий божьих они превращаются в бездумные машины по поддержанию жизнеспособности системы и готовы уничтожать всякого, кто противостоит ей.

– Выбор – сказала Кристина – у человека всегда существует выбор. Подчиняться системе или строить свою собственную, которую он может контролировать собственным разумом, постигая законы окружающего мира и встраиваясь в него.

Верховский поджал губы и его жесткое лицо выразило крайний интерес.

– Вижу, что многое из того, что о вас говорят правда – кивнул мужчина – вот теперь. Именно поэтому я и обратился к вам. Потому что никто кроме вас, не сможет прочесть истинные мотивы Организации, которые даже мне не всегда понятны.

Кристина придирчиво окинула мужчину ответным оценивающим взглядом.

– Тогда мы должны знать больше о том, что знаете вы – развела руками девушка – пока вы с нами не очень откровенны. Что вам в этой истории с вирусом?

Верховский откинулся на спинку своего полинялого кресла.

– Видите ли – начал он – после той истории с каптагоном я дал себе клятву уйти от серьезных дел. Несмотря на мои грехи, судьба подарила мне шанс начать жизнь заново. Ту

жизнь, о которой я всегда мечтал. Анастасия была со мной, мы поженились и решили забыть ту историю как страшный сон. Поверьте, что те пять лет, которые мы прожили, были для нас земным раем. Однако меня постоянно мучал один вопрос.

– Организация – догадалась Кристина.

– Не так просто выкинуть из памяти правду – сказал Верховский – особенно когда ты видишь, как мир меняется и не в лучшую сторону. Когда знаешь кто стоит за этим и почему это происходит, очень хочется начать этому противостоять. Впрочем, тогда это были только рефлексивные мысли. Честно признаюсь меня не особо волновала сохранность политических режимов. Правда, не скрою, что за вашей научной стороной жизни я следил, Кристина Сергеевна. Мне импонировала ваша страстность в борьбе с Организацией. И вот, года два назад, как раз просматривая научные статьи, я убедился, что кто-то пытается объединить абсолютно разных ученых под эгидой одного научного проекта. Это было очень любопытно, поскольку изложение, стиль, научные методы были абсолютно разные, но цель и задачи статей были сходны. Ну думаю, что вы понимаете, что есть ключевые слова, по которым это можно определить.

– Конечно – кивнула Кристина.

– Так вот – продолжал Александр – статьи эти касались нейрофикации человеческого сознания.

– Здесь вы, естественно, не удержались – усмехнулась Ксе-

ния – это же ваша тематика.

– Отчасти моя – сказал Верховский – но в целом вы правы. Я понял, что кто-то пытается на оставшихся моих работах переформатировать «каптагон» в нечто совершенное новое. В разных статьях то тут то там мелькало наименование: «Accusition».

Кристина пожевала губу.

– Чип-ингибитор – сказала девушка – Аристов презентовал его несколько дней назад. Значит это и есть финал проекта?

– Совершенно верно – сказал Верховский – его создание и основано на практическом соединении разработок Кропса и Мецгера. Знаете, как, если соединить два абсолютно разных вещества, то получится нитроглицерин. Вот так же и здесь. В лице Кропса мы имеем очень хорошего теоретика по РНК-вирусам. Он подвел классную теоретическую базу. Дело в том, что РНК-вирусы мутируют и их геном нестабилен. Не буду заниматься с вами высокой биологией, скажу только, что высокий уровень мутаций не позволяет РНК-вирусам быть точными в репликациях.

Кристина приподняла бровь.

– Иными словами вы хотите сказать, что вирус в этой форме в природе невозможен в принципе – сказала девушка – потому как геном вируса подвергся серьезной реструктуризации, при которой в естественной среде он бы не выжил.

– Именно – кивнул Верховский – дело в том, что регу-

ляторная часть вирусного генома имеет низкую частоту мутаций. «Зеленый призрак» имеет нетипичную степень мутации, которая обычно осуществляется путем генетической модификации.

– Чем занимается Аристов – догадалась Кристина.

– Да – сказал Александр – с помощью клонирования различных генных вариаций можно изменить структурную часть вируса и заставить его вести себя, согласно желанию создателя и подгонять под изменяемые обстоятельства: группа крови, возраст, раса.

Кристина кивнула своим мыслям. Безусловно мутация может превратить что-то доброе во что-то злое, а что-то злое в ещё более злое. Чем сложнее будет мутация, тем сложнее будет разгадать структуру вируса и бороться с ним.

– Вероятно вы хотите понять, как они хотят справиться с вирусом? – улыбнулся Верховский, словно прочтя мысли девушки.

Кристина усмехнулась.

– Честно говоря да – сказала она.

Александр скрестил руки на груди.

– А вот здесь и сработает тот чип, автором которого является прекрасный биотехнолог Мецгер. Если взять за константу, что сложность борьбы с вирусом лежит в регулирующей области, то победить вирус можно, вырубив эту регулирующую область. Если вывести её из строя, вирус погибнет.

– Вставка чипа-ингибитора блокирует мутацию вируса –

поняла Кристина – как бы запирая его, но не останавливает полностью. Если отключить чип, то вирус в человеке начнет развиваться дальше. Если то, что Кирсанов горит правду про скоротечность распространения вируса, то за несколько секунд можно убить население небольшого города.

– Я рассказал, что видел! – воскликнул Кирсанов – но позвольте, чипирование это дорогостоящее удовольствие. Нельзя же просто взять и всем раздать чипы.

– Нельзя – согласился Верховский – однако я не случайно сказал про биотехнологии. Дело в том, что Мецгер разработал живой чип-ингибитор, который вырастает уже в организме человека из маленького эмбриона, которые по размеру не больше семени растения и легко могут быть заключены в капсулу. Только в этой цепи Аристову не хватает одного звена. Очень простого, но главного – «агента», который стимулировал бы чип распознавать мутации вируса и блокировать их. Иными словами, ему нужна вакцина.

– Которая спрятана в медальоне – кивнула Кристина – и тогда вы вспомнили семейную легенду.

– Да – улыбнулся Верховский – её я знал с детства. Любил рассказывать сам себе. Даже разыгрывал по ролям...

Девушка усмехнулась превратностям судьбы, пока слушала ещё раз рассказ о походе подводной лодки сто лет назад и о том другом страшном вирусе, который был в прошлом. Впрочем, возможно, это было позволение высших сил. Верховскому было очевидно уготовано завершить дело своего

предка и вот для именно для этого его и хранит судьба. Удивительно, но есть многое на свете, что не посильно даже самым мудрым. Верховский должен сыграть свою роль, прежде чем всё кончится. Судьба его прадеда, его судьба. И значит от него зависят судьбы всех свободных народов мира.

Александр рассказывал долго. Кое о чём Кристина уже догадывалась сама, но все равно внимательно слушала мужчину, который без всяких прикрас обстоятельно описывал все поступки, связи и события, что причудливо соединили их здесь.

– Вы всё время говорите о медальоне – прищурился Кирсанов – но пока я только всё время слышу пересказ старой легенды. Откуда вы узнали, что медальон действительно существует?

– И об этом вы сегодня услышите – кивнул Верховский – действительно, у меня не было ничего кроме, как вы выразились, старой легенды и много месяцев, я потратил на то, чтобы превратить легенду в реальную историю. Провал времени лежал между нами и походом капитана Долматова. Медленно-медленно я заполнял этот провал. Проводил долгие часы в библиотеках, виртуальных блогах, печатных архивах, собирая крохи информации. Люди, к которым я обращался с большой иронией, относились к моим поискам. «Много «знающих людей» уже корпели над этим, говорили мне, вряд ли ты способней их, хоть твой дед был бы и капитаном этой лодки. Давно она утеряна и медальон вместе с ней». На

поверку, однако, совсем другое вышло. Ведь много есть такой информации, которую всего лишь правильно прочитать нужно. Беда в том, что сейчас люди мало интересуются бывшим до них. Да-да и сейчас в военно-морском музее Петерштадта лежит вероятно пожелтевшая бумага, которую никто и не читал кроме меня и Аристова.

– Что же это? – спросила Ксения – и вы говорите Аристова, но я не понимаю, как он обо всем этом узнал?

– Наградной лист на экипаж лодки – пояснил Верховский – за одну из операций. Нет этот лист не имел прямого отношения к моему делу, хотя историкам он дал бы большую пищу для разговоров. Оказывается, капитан Долматов и его лодка участвовали в спасении лайнера «Титаник» и вывезли с места крушения множество людей. Итак. Теперь я уже знал, что мне искать. Я знал имена людей и имел ниточку, за которую мог потянуть.

– Именно в этот момент и возникают основные сложности – улыбнулась Кристина.

Верховский усмехнулся.

– Не могу не согласиться с вами – сказал он – разумеется, всё это было весьма трудным делом, если не безнадежным. С глубоким расстройством я установил, что все члены экипажа уже умерли и вновь погрузился в отчаяние. Я уже хотел бросить свою затею, но тут мне неожиданно повезло. Моя жена Анастасия... – Верховский помолчал некоторое время – она была большая умница, всецело помогала мне распу-

тывать эту историю. Это она отправилась в далекую Сибирь и там встретила дочь одного из младших офицеров, служивших на лодке. Он остался в Великороссии после революции. Служил в красном флоте и стал крупным советским адмиралом. Всю свою жизнь он вел записи, которые передал дочери. Вот из них-то я и узнал, что именно ему был поручен бортовой журнал лодки и хоронил его до прихода нацистов. К сожалению, он не успел эвакуироваться из города, где служил – Ольвии, только смог отправить жену и дочь, а сам до последнего сражался с немцами и погиб, но журнал он спрятал в кладке здания ольвийской комендатуры.

– Ольвию бомбили столько раз – удивился Кирсанов – неужели здание уцелело.

– Представьте себе – сказал Верховский – уцелело и журнал лежал всё это время там. Офицер знал, что не выживет и отдал все свои записи жене. Но не только об этом я узнал, но также поведали эти записи про мальчика-юнга, который когда-то прибил к экипажу и участвовал в походах, но по малолетству не был закреплён в записях. Вот почему мой прадед именно его назначил главным хранителем тайны.

Кристина, поджав губы украдкой вздохнула и вновь поразила сложностью и одновременно простотой того мира, который пыталась описывать и понимать. Та взаимосвязь всего сущего, что окружает нас, это тайна, которая никогда не перестанет удивлять её, сколь близко к её разгадке девушка бы не подступила.

– Теперь, вы спрашиваете меня, о том, как Аристов обо всем этом узнал – заметил Александр – что же, отчасти в этом моя вина. Слишком медленным я был и вот уже враг догадался о моих изысканиях, и он уже совсем близко от своей цели. Гораздо ближе, чем я предполагал, ведь Аристов всегда был на полшага впереди меня. Ведь его тоже гнала вперед собственная легенда.

– Ланге – догадалась Кристина, быстро обведя глазами окружающих – учитель Аристова, он рассказал ему, потому что он и был связан с прошлым вирусом.

Верховский учтиво склонил голову в сторону девушки.

– Иногда вы даже слишком проницательны – с улыбкой сказал он – действительно, именно Ланге и был тем, кто синтезировал «Синюю смерть». Аристов убил его, когда узнал, каким могуществом обладает его учитель. Он умен и даже гениален. Конечно, он смог разложить всё что разложил я и мне только оставалось гнаться по его следу, благо, что он не уходил от меня слишком далеко. Знаете, он умеет быть очень обходительным с людьми и заражать их переходом на свою сторону. Какого же было его удивление, когда он узнал, что журнал у него под носом.

– А вы попросили Анну взять его – сказала Кристина – это мы знаем, но как вы вышли на Анну, и кто она?

Верховский громко засмеялся с иронией взглянув на Ксению.

– Что же и вы не всесильны – заметил мужчина – однако

же ваша подруга догадалась много раньше, я думал вы тоже поймете, учитывая некоторые особенности научного прошлого Аристова и его учителя Ланге.

Кристина задумалась, быстро перебирая в голове всё, что она знала из рассказа Флориана и вдруг, на определенном моменте размышлений она отчетливо все поняла. Да, заключила девушка, мы слишком торопимся, наверное, если просто сесть и подумать, любая разгадка придет сама по себе.

Кристина звонко рассмеялась, собственным мыслям.

– Ах вот что! – воскликнула она – ах какая же я глупая. Это же действительно так просто. Клонирование.

– На самом деле я тоже не сразу понял – улыбнулся Верховский – но Кропс меня просветил.

– Он сам вышел на вас? – спросил Кирсанов.

Верховский кивнул.

– Да-да – сказал он – я пересекался с ним, ещё в моей прошлой жизни и он неплохо знал мою историю. Когда его пригласили в консорциум, он сразу понял, что они занимаются какими-то странными делами. Он не знал всей истории, но решил предупредить меня. Это стоило ему жизни, как и моей Анастасии.

– Она так и была в Великоруссии? – спросила Кристина.

– Да – вздохнул Верховский – она была там моими глазами и ушами и связывала меня с людьми, которые помогали мне в поисках. Я же отправился к Анне Щербатовой. Мне было любопытно. Признаюсь я не до конца поверил Кропсу, и я

был поражен, когда увидел эту девушку. Аристов и его люди потрудились на славу.

– Да уж – усмехнулась Кристина – с этим не поспоришь. Однако зачем ему Анна? Он ведь знает, где медальон.

Верховский сложил губы и развел руками.

– Возможно это самый главный вопрос – сказал он – и я на него теперь уже точно знаю ответ. Дело в том, что как я уже говорил мы шли к цели практически одновременно, я и Аристов, но представьте себе, что остановились перед одним и тем же препятствием – секретом медальона. Долматов не стал бы просто прятать вакцину туда, откуда её можно было бы достать, даже пусть и со дна морского. Закрывать медальон можно кому угодно, но вот открыть его, может лишь та, кому он принадлежал, потому что замок медальона точно проточен рисунком линий на руке Великой княжны Анны. Только она может открыть медальон. Это единственное наше преимущество перед Аристовым. Он не знает этого, потому что, кроме Анны Станиславовны это знал только капитан Долматов и мой прадед. Я был так ослеплен своей удачей, что забыл об осторожности и Враг схватил меня. Да, я попался, как муха в паутину. После последней встречи с Анной я отправился в Петерштадт. Всё уже было готово для экспедиции к месту упокоения лодки. Только одно оставалось незавершенным – юнга, который ныне стал монахом. Именно в этот момент и случилось страшное: охотница, посланная по нашему следу, выследила меня и Анастасию. Моя жена пы-

талась сопротивляться, но всё было тщетно. Охотница убила её у меня на глазах. Меня же скрутили и хотели доставить, как трофей Аристову. Однако мне удалось бежать. Сам не понимаю, как это произошло, вероятно месть за Анастасию обуюла меня. Я сбежал. Был один. Окольными путями я пытался добраться до Ольвии, но у меня не оказалось ни провизии, ни припасов, в какой-то момент я был уже почти труп и вот меня нашли местные скитальцы. Их лидер, который погиб в катакомбах, он узнал меня, а я рассказал ему свою историю. Теперь я один из членов этого общества лишних людей, за которыми охотится Директория, а после облавы в катакомбах их новый вождь. Вот и всё. Простите за долгий рассказ, но я должен был прояснить вам все подробности. Итак, теперь история медальона рассказана. Мы собрались здесь связанные одной целью и нужно понять, что делать дальше.

Наступило долгое молчание, которое некоторое время спустя нарушила Кристина.

– Какой бы мы путь не выбрали он будет решающим – молвила девушка – однако сердце подсказывает мне, что задача поиска медальона больше не в наших руках. Мы не можем повлиять на то, как сложится там, куда приведет путь тех, кто отправился на поиски. Однако же мы можем повлиять на то, что происходит здесь. Множество прислужников Организации стоят на пути искателей медальона. Отвлечь взгляд Организации от других перемещений и привлечь их внимание к себе в этом наша главная цель.

– Если есть те, кто ищет медальон – в пространство бросил Верховский.

– Они есть – кивнула Кристина – Ноосфера, что связывает нас, всегда сводит определенных людей не в том месте и не в том времени. Естественно, они становятся героями.

– Аристов заподозрит ловушку – возразила Ксения – он хитер и коварен. Так просто мы его не одурачим.

– Одурачим – хитро улыбнулась Кристина – если мы удадим туда, где Аристов спрятал, то что нужно и ему и нам.

* * *

Наташа осторожно ступала по подводным камням след в след шедшим впереди неё спутникам, очень стараясь не отстать, и пытаясь не думать о том, с какой дивной живностью она встретится, ежили, это всё-таки произойдет.

С погубленного неизвестным существом батискафа взяли только самое необходимое – дыхательные маски, немного еды и звуковые пистолеты, чтобы отпугивать незваных гостей.

Даже вооруженная, Наташа, то и дело оглядывалась по сторонам, пытаясь понять, не пора ли применять то, что она держит в руках. Чувство опасности ещё подогревалось причудливыми тенями, которые отбрасывал свет от прожекторов, прикрепленных к лямкам их непромокаемых рюкзаков. Впрочем, пугали не только тени. Несколькими минутами ра-

нее, Наташа видела, что с ними может случиться, если они будут недостаточно осторожны – большая белая акула рассекала толщу воды в поисках добычи, одним своим видом распугивая окружающих. Вдруг в синем сумраке мелькнула большая тень. Акула не заметила опасность и вот уже гигантские, похожие на скалы зубы с силой 18 т. Ньютона сомкнулись на её позвоночнике перекусывая пополам. Другая акула заявила права на территорию и праздновала победу.

Наташа шла позади других, поднимаясь по подводным скалам и ей теперь все время мерещились зубы второй акулы и её неподвижные хищные глаза. Внешне Покровская была не в лучшем своем виде. Обычно аккуратно уложенные волосы, теперь слиплись под шлемом, а лицо покрылось испариной и оставалось только наедятся, что их путешествие скоро окончится.

Шли молча. Берегли запасы кислородной смеси. Алин Авонамйелус сказала, что запасов в баллонах хватит на час, поэтому идти нужно было, как можно быстрее, хотя Наташа уже еле волочила ноги по зыбкому морскому дну. Тяжелые водолазные ботинки утопали в песке и иле и создавали такое облако пыли, что девушка даже не понимала, куда именно она наступает.

Вокруг них пролетали стайки самых разных и причудливых морских обитателей, которых Наташа видела только на картинках в учебнике по зоологии и на кадрах документальных фильмов. Если сосредоточенность на их миссии, она бы

обязательно остановилась и понаблюдать бы подробнее за жизнью обитателей морских глубин.

Сколько еще предстоит увидеть, подумала Наташа. За свою ещё не долгую жизнь она много, где побывала, но идя по этому песку, она вдруг отчетливо поняла, что всей жизни не хватит, чтобы посетить все уголки земного шара, а даже если бы и хватило, то она не узнает о нем даже десятой доли важного. Как здесь много нового и прекрасного, того, что скрыто от человеческих глаз и не тронута человеческой рукой.

Резкий вой водонепроницаемого пеленгатора, который держала в руках Алин, прервал мысли девушки. Несмотря на заверения шедшего теперь во главе их отряда, старика-монаха о том, что ему точно известно расположение лодки, капитан предпочла воспользоваться достижениями технического прогресса. Флориан рукой, затянутой в толстую перчатку, махнул девушке. Наташа подошла, стараясь сильно не тревожить попадающуюся под ногами донную живность. Теперь они втроем стояли на у подножья морской скалы, на вершине которой, как столб застыла фигура монаха. Он стоял молча, и голова его была опущена вниз. Путники подошли ближе и смогли увидеть то, что обозревал монах. Искомое было найдено.

Лодка... Нет, это была не лодка, а скорее затонувший инопланетный корабль, лежала на грунте, примостившись правым бортом к скале, отчего её совершенно было невозможно

разглядеть издали. В длину корабль был, наверное, метров восемьдесят и метров десять в ширину, изящной стреловидной конструкции серебристого цвета. На боевой рубке высотой метра четыре была изображена голова снежного барса. Даже Алин не смогла скрыть восхищения.

– Ну и громадина – выдохнула пилот – почти как «Сивульф».

Монах обернул к ней голову.

– Тогда это была самая мощная лодка в мире – с ностальгией сказал старик – вершина технологического прогресса великорусских инженеров. Заверяю вас, что из всех государственных тайн Империи, эта охранялась строже всего. Любое нападение с моря было исключено, если поблизости оказывался «Барс», поскольку эту лодку не представлялось обнаружить никакими средствами.

– Маскировочное устройство? – осведомилась Алин.

– Акустические помехи – пояснил монах – они сбивали все сенсоры вражеского корабля.

– Уверен, что флоты всех великих держав захотели бы иметь такой корабль – заметил Флориан – можно захватить небольшой островок и основать там собственную империю.

– Для начала давайте попадем внутрь – усмехнулась Авонаймелус – не думаю, что у нашего старца есть ключи.

– Уверю вас, что они не понадобятся, капитан – хитро заметил старик. Очевидно, нахлынувшие воспоминания сделали его более живым и разговорчивым.

Один за другим они спустились со скалы на корпус лодки. Это оказалось довольно простым делом. Высота скалы составляла около четырех метров. Теперь они шли по корпусу корабля, осторожно переступая с ноги на ногу, опасаясь возможных ловушек. Корпус корабля был сделан из какого-то сплава, который обеспечивал с водолазными ботинками прекрасное сцепление, благодаря чему идти по нему было гораздо легче, чем по подводному грунту, очевидно, это было сделано специально на случай возможных подводных работ или чего-то в этом роде.

Подойдя чуть дальше, они заметили на правом борту лодки заполненную водой, черную кубическую камеру, через которую, скорее всего можно было выбраться наружу и забраться внутрь, когда лодка была в подводном положении, оставалось, надеется, что система не испортилась за столько лет. Монах вдавил внутрь большую круглую кнопку, по счастью бывшую тут единственной, и им в глаза ударил яркий свет прожектора, от которого немедленно стало резать глаза, а затем вперед выдвинулась ребристая металлическая платформа и после того, как путники на неё вступили, она мгновенно поползла назад, утягивая их внутрь водяной камеры. Раскрылась металлическая дверь, и путники оказались зажаты между узкими металлическими стенами, заполненными водой, затем дверь закрылась, что-то лязгнуло, и из камеры стала медленно уходить вода. Как только она ушла совсем, двери вновь растворились, и путники сообразили, что они

теперь оказались внутри лодки.

– Полагаю, что шлемы можно снять – заметила Наташа.

Она так и поступила, двумя руками стягивая громоздкое водолазное оборудование. Раздался шипящий звук выпускаемого воздуха, и слипшиеся волосы девушки, наконец-то высвободившись, вороньим гнездом упали на мокрый гидрокостюм.

В нос ударил запах сухой пыли, и девушка оглушительно чихнула. Звук разнесся вокруг гулким эхом.

– Прошу прощения – сказала Наташа, вытирая нос перчаткой.

– Ну что же вот мы и внутри – констатировал Штильхарт, снимая шлем – пойдете, а то у меня уже кессонная болезнь скоро начнется от этой воды, лучше уж неизвестность в глубинах лодки.

Покровская многозначительно хмыкнула.

– Это вы сейчас так говорите – заметила девушка, поежившись – лично мне здесь как-то жутковато.

Алин флегматично махнула рукой.

– Да бросьте – сказал он – ничего жуткого тут нет, просто темно – пилот постучала по металлическому корпусу – ну и толщина, такую, только если «трайдендом» возьмешь.

Пилот прошла вперед до массивной переборки, закрывавшей вход в соседний отсек, и ткнула пальцем на четырехугольную красную кнопку, но ничего не произошло.

– Ага, этого я и опасалась – нервно констатировала она – нет питания, скорее всего его, отключили, когда покидали корабль, Штильхарт не хочешь проверить свои физические возможности?

Флориан обреченно вздохнул, но другого выхода не было. Не старика-монаха же заставлять. Ухватившись за торчавшую ручку, он, кряхтя, старался сдвинуть тяжёлую дверь, но та даже на миллиметр не поддавалась. Наблюдавшая за попытками Штильхарта, Алин задумчиво пожевала губу и подойдя к двери взялась за ручку чуть ниже, чем молодой человек. Гидравлический механизм заскрипел, и створка отодвинулась на несколько сантиметров, так, чтобы можно было протиснуться. Наташа проскочила первой, за ней остальные, прыгнувшей последней Авонамйелус чуть не придавило руку, которую она в последний момент успела отдернуть. Дверь с грохотом закрылась назад.

– Теперь у нас выбора в любом случае не осталось – констатировал монах – но будьте начеку. Трудно сказать, что мы здесь можем встретить. Лучше было бы, если бы наше присутствие осталось не замеченным, но мы попали сюда и значит должны научиться управляться с этим кораблем.

– Вы так говорите, словно бы он живое существо – фыркнула Алин – только не надо меня уговаривать им управлять. Я и так уже поняла, что техническая составляющая не ваш конёк.

Девушка широко улыбнулась.

– Подошли бы сюда на батискафе, можно было бы притащить гидравлические ножницы – пробурчала Наташа – а так нам теперь придется каждую дверь вручную открывать.

Алин поджала губы.

– Не придется – сказала пилот – доберемся до рубки и запустим оттуда источник питания.

По её мнению, всё было так легко и просто.

Включили фонари. Открылся длинный коридор, который уходил на сотню шагов вперед, Наташа понимала, что и дальше, но дальше, фонарь не доставал, там свет упирался в зияющую черноту.

Коридоры корабля были длинными с вытянувшимся вдоль стен узором из труб. Вокруг стояла зловещая тишина, хотя, наверное, сложно было ожидать чего-то другого. В нос постоянно бил запах, слежавшегося металла и пыли, от которого сильно першило в горле. Металлический пол под нога-

ми едва заметно вибрировал, а может это только так казалось в полном вакууме тишины.

– Рискну предположить, что в эти трубы убраны кабели – нарушила молчания Алин – сколько же должна быть электрическая мощность, что двигать такую громадину?

– Никогда не знал это точно – сказал монах – уж слишком мал я был. Меня в то время больше интересовала подводная живность. Помню много времени я проводил вместе с нашим зоологом вне лодки. Мы тогда изучали жизнь на дне моря. Рыб, головоногих. Сколько интересного могла бы принести эта лодка если бы не война. А вот капитан безусловно знал всё. Помню, как он всё время сверялся с приборами и даже обучал меня ими пользоваться. В трубах же не только кабели. Эта цепь. обеспечивает необходимый напор воды, поступающей на лопасти гидротурбины, которая приводит в действие генераторы, вырабатывающие электроэнергию. Фактически принцип работы гидроэлектростанции.

– И никаких проблем с топливом – усмехнулся Флориан.

– Электроэнергия дает этому кораблю всё – кивнул монах – свет, тепло, движение. Здесь всё подчинено ей.

Внезапно воздух разрезал какой-то шорох. Наташа резко повернула голову в поисках источника звука.

– Что? – не понял Штильхарт.

Наташа пожала плечами.

– Странно – сказала она – мне кажется, что я слышала что-то, как будто жужжание.

Алин сделала задумчивый вид.

– Да, показалось – уверено сказала пилот – кто здесь может быть? Темно просто, вот и померещилось.

Наташа хмыкнула.

– Возможно – согласилась девушка, но в её голове засела тревога, какое-то, наверное, шестое чувство подсказывало, что просто из ниоткуда звуки не появляются.

Уверенным движением Алин растворила следующую переборку, и они попали в отсек, который можно было именовать лестничной клеткой. На правой стене луч фонаря осветил карту и небольших размеров стол под ней с выключенной лампой, а к левой стене была приварена витая чугунная лестница. Без всякой опаски Авонамйелус первой взбежала по ней. Стук её военных ботинок гулко отозвался в темноте.

– Поднимайтесь сюда – позвала девушка – всё в порядке.

Они так и поступили.

– Вот и центр управления – сообщила Алин, опершись рукой о перископ. Сейчас попробую включить питание.

– Странно, что вы еще этого не сделали – язвительно заявила основательно замерзшая Наташа.

Авонамйелус флегматично пожалала плечами.

– Ну не знаю – бросила пилот – может быть я нажала бы на что-то не на то, и рубка бы ракетой взлетела бы вверх, а вы бы остались внизу барахтаться на глубине. Я не такая жестокая.

Наташа не нашла, чем возразить. Собственно потому, что

ирония Алин могла быть вполне правдоподобным развитием событий, учитывая специфику корабля.

Окинув поднявшихся приветливым взглядом, Авонамйелус подошла к стене и нащупав торчавший из стены рубильник, дернула его вниз. Раздался глухой звук и рубка, а также коридор внизу осветились ярким электрическим светом.

– Так, по-моему, гораздо веселее – констатировала Алин.

Наташа отстраненно кивнула. Она теперь имела возможность изучить убранство корабля при свете и находила, что его внутренности ничем не уступают по красоте и эффективности корпусу. Стены лодки были из светившегося, от ламп, металла с причудливыми изогнутыми линиями, которые сводились у потолка, на котором, как раз крепились большие, круглые, как в старых поездах, лампы.

Теперь они точно могли сказать, что находятся в комнате управления лодкой. Посреди помещения располагались два больших рулевых колеса, соединенные мощными гидравлическими приводами с большим блоком, который был подключен к гироскопу и гирокомпасу. Многие приборы Наташа знала из приключенческих романов Жюль Верна. Термометр для измерения температуры воздуха, барометр – прибор, определяющий атмосферное давление, вероятно по нему предсказывали погоду, а по гигрометру очевидно измеряли влажность в атмосфере. Естественно, секстан и хронометры, устанавливающие широту и долготу. Наташа поднесла глаза к перископу и увидела подводные глубины в усло-

виях ночного видения.

Алин многозначительно постучала по блоку пальцем.

– Похоже, что эта штука обеспечивает соединение между рулевыми колесами. Нечто вроде автопилота.

Монах не успел ответить, с оглушительным щелчком погас свет.

– Прекрасно – прокомментировала Наташа – опять во тьму.

Алин снова дернула за рубильник, и лампы вновь зажглись ярким светом.

– Скорее всего, перепады напряжения – констатировала пилот – хорошо бы, чтобы кто-то поддерживал питание, пока аккумуляторные батареи не зарядятся полностью.

– Резервный генератор включается в машинном отделении – сказал монах – я пойду туда и включу его. Вряд ли вы мне можете помочь, молодые люди.

– Как скажете – пожала плечами Алин – я, и так, делаю всё, что могу. Только чтобы запустить генератор нужна не только философия.

– Не волнуйтесь, капитан – сказал монах – я помню, как это делать. Ждите меня здесь, но помните, то, что я вам говорил. Все вы. Бог поможет вам, всегда.

С этими словами монах очень легко спустился по лестнице и растворился, как будто его и не было.

– Как вам это понравится? – поинтересовалась Авонамйелус – что-то произошло, пока я включала рубильник? У него

такой вид, как будто он идет умирать.

– Не знаю – пробормотала Наташа. Она вдруг совершенно явственно ощутила липкое чувство страха, перемешавшееся с мыслями о странном жужжащем предмете – но мне кажется, что нам не следует сидеть здесь просто так.

– Есть мысли получше? – поинтересовалась Алин – без генератора мы и пяти метров не пройдем. Мы же не знаем, что там впереди.

– Если бы ты осталась здесь – начал Флориан, озадаченно почесав в затылке – то мы могли бы пойти дальше. Когда вернется наш монах, мы бы уже забрали бы медальон и смогли бы покинуть эти мрачные глубины.

Авонамйелус фыркнула.

– Остыньте – сказала пилот – старик велел ждать здесь. У него наверняка полно своих причин так сказать. Я против того, чтобы прыгать в неизвестность.

Впрочем, Флориан и Наташа уже очевидно были убеждены в своей решимости идти дальше и никакие разумные доводы их не остановили. Алин тяжело вздохнула. Она никогда не любила особо упрямых.

– Ладно, как хотите, – сдалась девушка – я буду ждать вас здесь, и с места не сойду. Всё равно мне надо разобраться, как управляется это чудо стимпанка.

Флориан и Наташа ободрительно кивнули сначала девушке, затем себе и двинулись вперед по коридору.

Глава X. Обстоятельства и искушения

Не грусти – сказала Алиса – рано или поздно все станет понятно и выстроится в единую красивую схему, как кружсева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что всё будет правильно!
Льюис Кэрролл

Анна проснулась на металлическом полу камеры, стены, которой были из прозрачного пластика. Сам квадратный куб был вмонтирован в серую ребристую стену и мог подниматься или опускаться по специальным рельсовым направляющим. Несмотря на легкое платье, единственное, что ей оставили, холодно девушке не было, металлический пол под стенами камеры сильно вибрировал и отдавал легкое тепло. Единственным неприятным моментом было то, что она не могла пошевелить ступнями ног, то есть пошевелить она могла, но это вызывало дикую боль от порезов, оставшихся на лодыжках, от лески охотницы, которые виднелись на коже ровной багровой окружностью.

С того самого момента, как её притащили сюда ничего не произошло. Ей как будто не интересовались, но она знала, что это не так и от такого медленного течения времени на душе скребли кошки.

Девушка вытерла вспотевший лоб. Сейчас ей опять приснился дурной сон. Она уже привыкла к ним и по совету Кристины старалась извлечь оттуда хоть частичку своего прошлого. Но сегодняшний сон был не похож на предыдущие.

Сначала её сознание пронзил детский смех, она увидела парк, высокие зеленые деревья, потом картинка трансформировалась, подвал дома, лица палачей и вдруг она увидела молодую девушку. Эта девушка смеялась. Этот смех был для неё очень знаком и одновременно чужд. Девушка подошла ближе.

У неё были длинные русые волосы и большие глаза, на красивом лице застыло выражение злобы и мести. Её хирургически-изменённый цвет глаз горел огнем ярости, а губы сложились в презрительную усмешку.

Фигура подошла ближе, на ней был одет черный кожаный костюм, высокие сапоги, на руке была закреплена перчатка с длинным металлическим клинком.

Анна попыталась отшатнуться от фигуры и вдруг поняла, что смотрит её глазами, что это она улыбается. Рука с клинком поднялась в воздух.

– Нет!!!! – пронзительно закричала Анна, и у неё заложило уши от собственного эха.

Она снова сидела на коленях в стеклянной камере.

– Нет – тихо повторила она – я не такая, я не буду такой, просто не могу быть. Ведь я это я и больше никто.

Раздался мягкий смех.

– Почему же не можешь? – едко поинтересовался Аристов – ведь всё, что ты делаешь, это вложил в тебя я.

Анна посмотрела на ученого большим и тусклым взглядом.

– Неправда – сказала она – неправда. Это всего лишь ваш грязный трюк.

Аристов презрительно поджал губы.

– Ты уже говорила это – бросил он – но ситуация не поменялась и не поменяется что бы ты ни сказала.

Анна нашла в себе силы улыбнуться.

– Я не доставлю вам радости издеваться надо мной – прошептала девушка – меня найдут, они меня не бросят, и вы расплатитесь за свои преступления.

Аристов рассмеялся.

– Они? – спросил он – ты имеешь в виду своих новых друзей-бунтовщиков? Неужели ты думаешь, что ты им нужна – доктор покачал голов прицокивая языком – о нет, девочка. Им всего лишь нужна твоя память, та память, которую я в тебя вложил, вернув к жизни. Поверь интересы «Арнис» не слишком отличаются от наших. Методы, возможно.

– Это неправда – слабо крикнула Анна.

Аристов скроил усмешку.

– Что именно из того, что я сказал? – издевательски спросил он.

– Всё! – ответила Анна.

Аристов расхохотался.

– Ошибаешься, детка – сказал он – знаешь, тебе была уготована не лучшая роль. Быть вечным экспонатом в истории революционного террора красных. Все бы жалели тебя, ужасались бы твоей безвременной гибели, однако тебе бы было до этого все равно. Ты умерла и медленно разложилась. Никто даже не вспомнил бы о тебе, не поменяйся политическая конъюнктура. Согласись это унижительно. Я бы так не смог.

Анна презрительно засмеялась.

– Я отличаюсь от вас – гордо сказала девушка – есть то нематериальное, что соединяет всех нас и хранит все наши мысленные образы. Я видела это.

Аристов фыркнул.

– Вижу, что ты уже слишком наслушалась баек нашей общей знакомой о сфере разума, которая управляет всем сущим – заметил доктор и в его голосе проскользнула злость – не скрою её работы интересны, однако же то, что мы чувствуем и то во что мы верим... такие понятия, как правда, ложь, любовь или ненависть, добро или зло – это то, что зависит лишь от нашего отношения к событию или объекту. Скорее химическое понятие, выращенное нашими генами. Для меня существует только реальное материалистическое знание, в нем нет места метафизике. Вот, например ты... – он наклонился близко к девушке – ты ничего не знала о своем происхождении, пока тебе не открылось реальное знание, но вот какой вопрос, какие из твоих мыслей настоящие, а

какие ложные?

– Что вы имеете в виду? – беспомощно спросила девушка.

– Я имею в виду вот что – бесстрастно ответил Аристов – все мысли, которые я в тебя вложил, я могу так же легко у тебя забрать, и ты снова превратишься в пустую телесную оболочку и поверь мне, такое возможно с каждым.

– Значит вот она – усмехнулась Анна – ваша конечная цель. Повелевать сознанием. Сделать то, от чего отказался Верховский.

Аристов улыбнулся.

– Вижу тебе рассказали и об этом – бросил доктор – однако, поверь, я иду намного дальше. Препарат Верховского был способен только контролировать сознание. Мое же изобретение будет способно создавать его. Мне уже не нужна будет для этого сфера разума, которую надо будет делить с другими и ради других. Моя сфера разума будет строго индивидуальной. Ты могла бы воспользоваться ею и дальше. Я ведь дал тебе всё. Спас от унижительной смерти и создал тебе новую жизнь, а ты отказываешь мне в маленькой просьбе.

Анна бросила дерзкую ухмылку. Она действительно вдруг сообразила, что то, что она слышала от Кристины, вдруг магическим образом начало проникать в неё. Словно бы нить связала её с Леоновой и передала какую-то силу и тепло.

– Это только доказывает, что ваше материальное воздействие бессмысленно против нематериального – заявила Анна – иначе вы бы давно получили, что хотели.

– Ошибаешься – сказал доктор – всё, что ни происходит, происходит по моему плану и замыслу. Каждая фигура в моей партии ходит, как я хочу.

– Кристина уже обыгрывала вас в шахматы – пожалала плечами Анна – обыграет и сейчас.

Аристов засмеялся.

– Ах так вот кто скрывается за маской «Арнис» – сквозь хохот произнес доктор – Кристина Левонова. Что же я слышал о ней и знаю её историю. Спасибо за неоценимую информацию. Видишь, как легко её достать из тебя?

Аристов отвесил издевательский поклон.

– Возможно ты полагаешь, что они придут сюда помешать мне? – поинтересовался доктор – да, это возможно. Но уверяю тебя, что проникнуть сюда будет им теперь будет гораздо сложнее, чем вы это сделали с господином Кирсановым или ты считаешь, что вас не могли расстрелять у первого же поста охраны? Но я просто хотел, чтобы вы тоже увидели мой истинный размах. Сознаюсь, что я даже жду этой встречи. Мне не терпится показать нашей общей знакомой то, что вы уже видели, хотя и вы видели далеко не всё. Так сказать, не вкусили основную часть удовольствий. А после того, как ты назвала её имя я просто сгораю от нетерпения.

Анна вздрогнула. Её маска внимательного равнодушия дала трещину. Столь уверенно и спокойно говорил Аристов, что у неё не осталось в голове никаких сомнений, что он говорит правду и действительно всё окружавшее её было заду-

мано им с самого начала. Даже Кристина и все их приключения... всё это химеры, созданные, чтобы выудить, что то, что так нужно Аристову. Что это такое? Хорошо бы понять, чтобы отделить и обязательно ему не рассказать.

– Я вижу ты улыбаешься – промурлыкал доктор – сочту это за вызов.

Надо же, она и не заметила. Как же она могла так неосторожно сказать про Кристину. Ей доверились, а она... нужно как-то предупредить, чтобы даже не вздумали её спасти. Анна усмехнулась собственной наивности. Кто же тебе это даст сделать-то, а? Нет, они начнут ломать тебя. Не физически, нет. Ментально. И сделают так, что ты вспомнишь и расскажешь им всё. Ты должна бороться с ними. Должна не позволить им...

Аристов щелкнул пальцами.словно бы невидимая сила подхватила девушку в воздух и прилепила к стене. В голове помутилось, а язык прилип к гортани. Остатками сознания девушка сообразила, что в браслеты, которые ей прикрепили на руки, встроены магниты.

– Запомни – сладким голосом сказал Аристов – когда мы закончим, ты забудешь, что такое улыбка.

С громким шипением в металлическом полу появилось отверстие, и из него стал вытягиваться железный манипулятор с множеством мелких рук, в которых были закреплены какие-то приспособления и их вид был совершенно небезопасен. Манипулятор подобрался к самой шее девушки и

резким движением впился в её кожу, вводя в поры тонкие металлические иглы.

Дикая боль пронзила всё тело и заставила закричать, а мерзкий пыточный инструмент, не разжимая хватки, наполнился электрическими молниями и выпустил их разряд на девушку, заставляя её тело сотрясаться в воздухе.

– Нет!!! Не надо!!! Прошу вас!!! – кричала девушка.

– Ты уже кричала так, тогда в подвале того дома! – прошепел откуда-то издалека голос – тебе это не помогло и не поможет сейчас. Не надо искать милосердия. Уничтожь его в себе. Стань частью своей подлинной судьбы. Отдай то, что принадлежит нам.

Девушка корчилась от разрывавшей её боли. Она была бы рада потерять сознание, но не могла этого сделать. Это была знакомая ей боль, боль, которая всегда жила в ней, боль от холодного метала пронзающего её тело. Перед её глазами оказывалась, тускло освещенная комната, воздух в которой стал очень едким от ружейных выстрелов. Она стояла, прижавшись к стенке, боясь пошевелиться от страха. Рядом с ней падает мальчик, из его плеча течет кровь, он тихо стонет и смотрит в потолок спокойным отрешенным взглядом. Она, сделав над собой сверхусилие, наклоняется, чтобы помочь ему. Но подошедшая тень грубо отшвыривает её, и выхватив револьвер, стреляет мальчику в висок. Мелькнула ещё одна тень. Она ногой перевернула тело молодой девушки, по платью которой расплзлось бурое пятно. Затем тень удобнее

перехватила винтовку и вонзила штык в чуть вздымающуюся грудь девушки...

– Нееееет! – закричала Анна, сквозь сотрясавшие её разряды тока – это не правда! Не надо! прошу вас! Я не хочу! – Нееет!

Она видела это. Это был не сон. Это действительно было с ней. А что же было потом? Да её грудь тоже проткнул холодный металл. Была страшная невыносимая боль, а потом яркий свет и тепло. Ей было хорошо там. Перед ней проносились дни и недели и каждый день был длиннее земной жизни, а затем тот другой свет. И врачи, которые кололи её шприцами.

– Научись принимать боль – шелестел голос – сделай боль частью своей личности.

– Н-е-е-ет! – только и могла кричать Анна – я не хочу! Не надо!

Не-е-е-т!

Её тело пронзил очередной разряд тока.

* * *

Магниты отключились. Девушка упала на металлический пол. Её тело наполнилось судорогами, а комнату, в которой они находились, продолжали сотрясать сдавленные крики.

– Интересно – произнес Аристов, наблюдая за реакцией – видите ли вы милая Марианна?

Стоявшая рядом Хорошевская презрительно фыркнула. Она не любила слабых и не одобряла всех этих медицинских манипуляций Аристова, полагая, что его опыты по ЭЭМ... генетическому воскрешению людей не могут иметь ценности для их Организации и хотя в случае с этой девчонкой, она не могла не признать его успех, всё же считала всё это научными завихрениями, столь свойственными подобным личностям. Но, в конце концов, это было не её дело. Аристов был полезен её шефам, когда и как он закончит свои дни, её не интересовало.

– Она как будто оглушена – холодно заметила Марианна.

– О нет – сладко произнес Аристов – она может нас слышать и понимать и даже в таком состоянии воспринимает все команды, которые я ей посылаю.

Аристов с такой нежностью говорил о своих экспериментах, что даже Хорошевской иногда делалось не по себе от его разговоров. Она прекрасно понимала, что в один прекрасный момент один из пыточных дронов может добраться и до неё, в случае если доктор возомнит себя слишком важным человеком, впрочем, на любой такой случай у нее был соответствующий аргумент.

– Она выглядит так, словно бы вы вкололи ей сильный наркотик – отметила Марианна.

Аристов улыбнулся.

– Это, скажем так, некоторые особенности промывки памяти – сказал он – я составил карту её нервной системы и

идентифицировал все нейроны её генетической памяти. Теперь я в любой момент могу подключиться к её памяти и не только блокировать не нужные воспоминания, но также корректировать нужные.

Марианна хмыкнула.

– Её старые воспоминания вызывают боль – догадалась охотница – и теперь она станет избавляться от них. Таким образом вы получите информацию.

Аристов коротко кивнул.

– Неверно – сказал он – с точностью да наоборот. Я заставляю её любить эту боль и постепенно шаг за шагом, превращаю её в гнев, который она выплеснет в нужный момент. В гневе она расскажет мне всё, что я хочу знать.

Марианна презрительно фыркнула.

– Но чем это отличается от простого гипноза? – спросила она.

Аристов улыбнулся.

– Тем, что я не контролирую её мысли – сказал он – она может идти куда хочет и делать, что хочет, но только в заданном её сознанием коридоре. Если же она отступит от этого коридора и станет пытаться вспомнить долговременные воспоминания, тогда нервы, отвечающие за боль, будут причинять ей невыносимые страдания.

Хорошевская скорчила физиономию. Аристов так ненавидел Адашева, что был готов на всё, чтобы доказать, что план генерала был провален и только его, Аристова, фор-

мовка способна привести к результату. В действительности же, пока неудача постигла обоих и это очень забавляло Координатора, по мнению Марианны, ведь его мысли и планы шли куда дальше ничтожного эгоизма Аристова, похотливости Трэверса или пижонства Адашева. Они были всего лишь пешками, которыми всегда можно пожертвовать и знали это, и вот их животное чувство самосохранения, ломало в этих людях последние нравственные основы и становилось единственным мотиватором их поступков. Марианне нравилось наблюдать за этой трансформацией. Такой любопытный пример обратной эволюции человека в зверя. Нет, она не смеялась над ними. В конце концов это просто обычный человеческий инстинкт. Трудно было их осуждать за его проявление, просто она сама давно уже исключила такие инстинкты из своей жизненной составляющей. Жить по инстинктам нестерпимо скучно.

– Значит – прервала Марианна полет своих мыслей – вы сами выбираете, какие ответы правильные, какие ложные, так?

Аристов кивнул.

– Совершенно верно – сказал доктор – во время прошлых экспериментов с ней, я признаюсь, допустил одну ошибку. Я пытался вызвать ответы из её памяти, добровольно, без принуждения. Это не сработало. Теперь же, я ломаю её память с помощью боли. Это конечно грубее, но действеннее. Я блокировал ещё не все её нервные точки коридоров памяти, и

она пытается сопротивляться мне, однако, очень скоро все лишние коридоры будут закрыты и когда это произойдет, у неё останется только один коридор. Эксперимент непременно удастся и это откроет нам уникальные перспективы влияния на человеческое сознание.

Марианна только пожала плечами и отвернувшись вновь стала смотреть на куб. Её всегда интересовал только конечный результат.

* * *

Флориан и Наташа быстрым, но осторожным шагом шли через отсеки лодки, попутно проверяя каждую нишу и высматривая, кто или что может их ждать за очередной переборкой, однако ничего неожиданного не было. Коридоры лодки были по-прежнему пусты, и единственным звуком было ровное гудение подводного мира вокруг.

– Ох, и настораживает меня то, что мы так спокойно идем – заметила Покровская – без неприятностей.

Штильхарт усмехнулся.

– О, не одну вас – весело сказал он – но, знаете, иногда подобные опасения возникают от переизбытка воображения.

Покровская манерно дернула плечом.

– Не знаю – сказала она – может, я уже с ума схожу, но мне всё время кажется, что за нами здесь кто-то следит.

Флориан махнул рукой.

– Да перестаньте, нет тут никого – вяло сказал он – просто в таких местах всё время что-то, кажется. Лично меня волнует, как мы выберемся, когда найдем медальон. Я очень надеюсь, что Алин сможет запустить эту посудину.

Наташа окинула товарища пристальным взглядом.

– Вы её специально там оставили, чтобы не показывать дневник? – поинтересовалась девушка.

Штильхарт хмыкнул.

– Не знаю сошлись ли вы характерами – бросил он – но поверьте моему слову, Алин Авонаймелус я доверю свою жизнь и не только свою.

Наташа немного смутилась. Опять она торопится.

– О я не ставлю под сомнение её благородство и всё такое – поспешно добавила девушка – однако вы не будете отрицать, что она немного экзальтированная.

Флориан пожал плечами.

– Возможно – сказал он – но знаете в её экзальтации есть своя милость. Многие люди становились совсем другими после куда меньших потрясений.

Наташа хотела возразить, по своему обыкновению, но не успела. Их путь перекрыла металлическая дверь с кодовым замком. Штильхарт хотел дотронуться до него, но его руку прошила боль от электрошокера.

– Ай – воскликнул он – да здесь, ещё и электромагнитная защита, которую мы, очевидно, включили вместе с питанием.

Молодой человек достал переносную рацию.

– Алин ты меня слышишь? – спросил он.

– Как саму себя – раздался голос – я тут изучаю разные приборные панели и надписи. Вы, там можете найти блокированную дверь с кодовым замком.

Наташа усмехнулась в кулак.

– Замечательно – сказал Штильхарт – мы уже с ней столкнулись, а, как её отключить, ты случайно не изучила?

На другом конце рации раздался вздох.

– О, никак – сказала Алин – замок можно снять, только по отпечатку пальца капитана, другая информация мне не известна. Возможно вам следует подождать нашего старца.

– А других вариантов нет? – устало поинтересовался Штильхарт.

На другом конце послышалась возня и была произнесена пара ругательств.

– Короче так – заявила Алин – рядом с вами находится какой-то люк, думаю, что через него вы сможете попасть прямо в рубку.

– А он безопасный? – испуганно спросила Наташа.

– А я-то откуда знаю – буркнула Авонамйелус – я здесь только... пятьдесят минут как капитан. Так что пока только вхожу во вкус. Вот вы и расскажите, как там.

Штильхарт недоверчивым взглядом стал осматривать потолок. Действительно наверху оказалась решетчатое отверстие. Чуть приподнявшись, Флориан отодвинул его. Из от-

верстия на них обрушился сильный запах тухлятины.

Наташа зажала нос рукой.

– Ну и запах – сказала она – От чего это?

Флориан задвинул девушку за спину и принялся.

– А, конечно, это же труба отходов – он сделал приглашающий жест – ну пойдёмте. Никто не говорил, что спасать мир очаровательно.

Штильхарт забрался в трубу первым, затем взял Наташу за обе руки и втащил её за собой. Воняло действительно прилично. Зажав нос, путники двинулись вперед ползком, освещая проход фонарями. Коридор был узким и мокрым. Ноги и локти постоянно утопали в жидкой глине, по крайней мере, Наташа надеялась, что это глина.

– Да вы умеете найти приличное место для девушки – заметила она.

Штильхарт ухмыльнулся.

– По крайней мере, за вами здесь никто не следит – язвительно сказал он – и этот путь абсолютно безопасен.

В этот момент его лоб пришел в соприкосновение с металлическим выступом.

– Ау! – Флориан потер ушибленную голову.

Наташа наклонилась над ним.

– Так что вы там говорили? – ехидно спросила она, помогая молодому человеку подняться.

Штильхарт сел, опершись на стену трубы, и внимательно посмотрел на Наташу. Только тут оба сообразили, как плот-

но они оказались прижаты друг к другу в очень тесном пространстве. Наташа от неожиданности замолчала.

Флориан редко совершал алогичные поступки, да практически никогда, и ему бы никогда в голову не пришло поцеловать её, но он вдруг сообразил, что уже секунд сорок как, их губы соприкоснулись, а он обнимает её за плечи.

У Наташи оказались очень теплые, почти горячие губы и она ответила на поцелуй, почти детским движением и тут же отдернулась.

– Ой – только и сказала девушка.

Флориан посмотрел на неё непонимающим взглядом.

– Прости – смущенно сказал он.

Наташа перевела дыхание.

– Да ничего – сказала она и обвила своими руками его шею. Их губы вновь соединились. Этот поцелуй длился дольше и согревал лучше гидрокостюма, одарив обоих, какой-то именно сейчас необходимой энергией.

– Умеешь выбирать моменты – констатировала Наташа – нет бы, с прелюдией и коротким периодом ухаживания – она засмеялась.

Штильхарт сел рядом с девушкой.

– Возможно, у нас потом будет период обдумать это – сказал он.

Наташа дернула брови.

– Это я к тому, что я не принадлежу к тому типу девушек, которые начинают целоваться с неким взбалмошным ино-

странцем только потому, что они оказались вдвоем на древней подводной лодке и ползают по трубе для отходов.

Флориан ослабился.

– Ты сожалеешь? – спросил он.

Наташа поджала губы.

– О, ни капельки – рассмеялась она.

Штильхарт улыбнулся в ответ.

– Тогда, давай закончим то, что начали, чтобы у нас был шанс вспомнить этот момент – сказал он, делая приглашающий жест – прошу вас, Наталья Владимировна.

Они снова поползли вперед.

* * *

С залива дул прохладный ветер. Генерал Артамонов смотрел из неосвещенного салона внедорожника как четыре оперативника в штатском подошли к указанной двери. Двигались они с профессиональной грацией, какую обычно можно встретить в полицейских боевиках. Столь же грациозно один из парней вскрыл дверь монолитного коттеджа тяжелым металлическим приспособлением. Этот парень первым проскользнул внутрь за ним последовали его товарищи.

Найти этот дом, оказалось очень непросто. После эффектного, чего уж там, побега Покровской единственным связующим звеном с таинственным фильмом, который всё будоражил общественность, стал сам режиссер Школьников. И

вот когда Артамонов и его люди явились на киностудию, то оказалось, что Школьников пропал. Уехал и даже не оставил никакого контакта сотрудникам. Ещё интереснее стало, когда попытались найти его помощника – Штайнмана. Этого-то, собственно, нашли, только уже мертвым. Его обгоревший труп нашли в начисто сожжённой машине. Эксперты долго возились, но так и не смогли сказать, что за субстанция вызвала такой пожар. В довершении всего в авто Штайнман был не один. Ещё два обгоревших трупа идентифицировали, как Лану Шмидт и Яну Волохову – актрис из паскудного фильма. Здесь не надо было быть гением сыска, чтобы догадаться, что кто-то зачищал концы. Естественно, Артамонов первым делом подумал на Покровскую, однако данные из американского отдела о головокружительной погоне конвертоплана в небе над Сент-Джонсом и двух сбитых истребителях, привели генерала в состояние самого настоящего ступора. Он вообще уже отказывался понимать что-то в этой истории. Его единственная подозреваемая сбежала за границу, а в городе убивали и убивали умело.

Ну а чтобы совсем облегчить жизнь ему позвонили из уголовного розыска и сообщили, что не далее, как сегодня неизвестные похитили Татьяну Козловскую – ту самую девушку, которую режиссер Школьников и его, теперь погибший, финансовый директор обвинили в растрате. Похищение было идеально спланировано. Козловскую везли в суд и в тот момент, когда грузовик пересекал железнодорожный переезд,

машина заглохла на путях и была смята в лепешку проезжавшим локомотивом. В результате три трупа – конвойные и водитель, а девушка исчезла, и никто не знал жива она или нет.

Всё это естественно указывало на Покровскую, но было всё это как-то спонтанно и дерзко. Что-то не складывалось в голове генерала Артамонова. Вот почему он решил самостоятельно выяснить что тут творится за чертовщина.

И вот теперь этот дом.

Минуты через две, после того как скрылись оперативники, Артамонов открыл дверцу и вышел на улицу, плотнее закутавшись в плащ. Быть узанным, особенно в этой ситуации это последнее, что ему было нужно.

Никто его и не заметил, хотя мимо и прошмыгнул один пошатывающийся гражданин, но он справедливо решил, что не надо вмешиваться туда, где фигурирует большой внедорожник и мускулистые молодцы. Он просто решил прикинуться слепым и глухонемым.

Не заботясь о том какое впечатление, произвел на случайного прохожего, Артамонов аккуратно приоткрыл дверь и перешагнув порог коттеджа, а потом минуя двух оперативников, занявших место на веранде, направился в следующую комнату посередине которой лежало и тряслось грузное тело в пижаме.

– Господин Школьников – приветствовал Артамонов режиссера – как-то вы не по статусу своему живете. Какая-то убогая халупа. Светом не пользуетесь. Где ваш шарм? Где

обаяние творца? Как-то даже вас жалко. Впрочем... жалеют обычно мертвецов, верно?

Тело задергалось сильнее прежнего.

– Какие мертвецы? – заныл режиссер – вы кто? Я вас не знаю?

– Воистину – кивнул Артамонов – меня ты не знаешь, но думаю у нас есть с тобой пара общих знакомых. И вот эти знакомые должны были у тебя узнать про фильм, который ты делал, исторический такой. А ты их убить пытался. Нехорошо.

Генерал погрозил пальцем.

– Одного из моих людей всё же убили. Та, что в его убийстве замешена, сбежала, а в стране вообще после этого начало твориться черт знает чего. И, знаешь, всё как-то удивительно связано с твоим фильмом. Что же я должен думать, а?

Режиссер попытался подняться, но дежуривший в комнате оперативник придавил его прикладом автомата к земле.

– Не имею ни малейшего понятия – продолжал трястись режиссер – мой фильм снимается исключительно согласно всем правилам и предписаниям министерства. Не понимаю какие ко мне вопросы?

Возможно мне следует перестать говорить так сладкоречиво, подумал генера и, скажем, добавить чуть-чуть метала.

– Ты ещё и дурак оказывается – констатировал он – всё ты прекрасно понимаешь и свою туфту, которую ты приду-

мал для отмазок, ты будешь говорить на пресс-конференциях, мне же ты скажешь... кто тебе заказал этот фильм и что они сделать удумали и главное, как в этом замешаны Наталья Покровская и Александр Верховский.

Школьников бухнулся головой о деревянный пол и нервно засмеялся.

– Значит вы ничего не знаете? – заявил режиссер – петухом меня решили выставить, а у самого шиш в кармане. Ни черта я тебе не расскажу.

Судя по тому наглому выражению, которое появилось на физиономии режиссера, его действительно кто-то очень плотно опекал. В памяти генерала сразу всплыл допрос сбежавшей Покровской. Может быть, он неправильно оценил её роль? Может быть, Покровская изначально была кротом, внедренным, чтобы противодействовать основной политике государства? Её связь с двумя более чем подозрительными иностранцами, устроенный побег. Возможно, она и была тем связным, что связывал Секуритату и Школьникова. Это вполне могло быть так и если это было так, то он узнает это.

– Мой дорогой Ефим Алексеевич – произнес Артамонов, складывая руки на груди – поверьте, что у меня есть очень много весьма нетривиальных способов, развязать вам язык. Но я этого делать не буду... ответь-ка лучше, знакомая машина?

Артамонов вынул из кармана плаща фотографию сгоревшего внедорожника Штайнмана.

– Ой – взвизгнул Школьников – а что это с ней? Где вы это её сняли?

Артамонов хмыкнул.

– Я могу ещё и фотографию показать, того, кто сидел за рулём. От него правда мало чего осталось, но какие-то вещи, ты же наверняка узнаешь. А ещё, я пуцу слушок, о том, что ты находишься в этой халупе. Мне кажется, что твои друзья очень обрадуются этой новости. Они тебя потеряли наверное.

Школьников с горестным стенанием вновь скрутился в клубок.

– Я же не виноват! – прохныкал он – я же всегда был лоялен нынешнему курсу. Меня заставили!

– Я тебе верю – мягко сказал Артамонов, наклоняясь к режиссеру – ты мне на ушко скажи, кто тебя завербовал в Секуритату? Покровская? Она?

– Да причем тут Покровская!?! – заорал Школьников – Организация! Они приказали мне снять этот фильм.

Артамонов театрально развел руками.

– Да что же ты будешь делать? – спросил он – ты меня, конечно, очень убедил! Но я бы на твоём месте придумал бы что-то реальное. Слушай, это вы с Покровской заранее сочинили, чтобы мне так мозги полоскать? Она то знала, что я тебя найду, да? Хорошую отмазку придумала. Хитрую. Только я хитрей. Поэтому говори правду.

– Да я говорю правду! – воскликнул Школьников – ис-

тинный Бог, он всё видит. Покровскую вашу, я увидел только когда она в офис ко мне вломилась. Изображала из себя, будто девчонку эту защищает... Татьяну Козловскую. Только вот ничего не знает она, Покровская и вы не знаете. Организация она везде. У неё везде свои глаза и уши.

Артамонов презрительно сжал губы. Он уже начал терять терпение от вечно трясущегося режиссера. Вариантов было два: или Школьников врёт и пытается сбить Артамонова со следа, или он говорит правду и тогда мир сошёл с ума. Было только совершенно ясно, что Школьников напуган до смерти и напуган явно не визитом Артамонова. Нет, он скорее был даже рад. Возможно, на этом стоит сыграть и притвориться добрым полицейским. Интересно, что будет если режиссеру подыграть?

– Что же тебе прямо так на улице подошли и представились? – ехидно поинтересовался Артамонов – и приказали снять фильм, а ты сразу согласился. Так, да?

Школьников замотал головой.

– Со мной связались – сказал он – очень влиятельные люди, в правительстве. Я долго работаю с людьми, которые работают на людей из правительства, понимаете?

Кто на кого работает, Артамонов не особо понял, но вяло кивнул.

– Продолжай.

Школьников привстал и на его потном лице проступила тень легкого облегчения.

– Этим людям нужен был фильм, который своим содержанием мог бы повысить напряжение в обществе и отвлечь от других проблем – сказал режиссер.

– Например заставить людей пренебрегать противовирусными мерами? – спросил Артамонов.

Неужели Покровская права, а он так ошибался? Нет. Не может быть такого. Здесь явно идет какая-то большая игра.

– Мне не говорили подробности – покачал головой Школьников – только дали сценарий. Я уже потом это понял, по реакции.

– И всё равно продолжал работать над фильмом – уточнил Артамонов.

– Да таких исторических фильмов сотни – стал оправдываться Школьников, вытирая пот со лба – сейчас модно интересоваться отечественным прошлым, особенно дореволюционным. Тем более, что в контракте была оговорена очень хорошая сумма. Поверьте, она покрыла всем моральные издержки.

Артамонов покачал головой. Он не был удивлен. По своему богатому опыту генерал знал, что какие бы теории человек себе ни придумывал все равно всё упирается в деньги.

– Что же поздравляю – развел руками Артамонов – ваши друзья всё правильно рассчитали, только вот не учли одной детали. Татьяна Козловская. Работая над фильмом, она догадалась о чём-то и тебе было приказано её устранить. Почему же ты выбрал такой дешёвый способ?

Неожиданно для Артамонова, Школьников истерично засмеялся.

– Козловская? – взвизгнул он – какие же вы все нелепые! И вы и Покровская! Ответ у вас под носом, а вы... вы... вы...

Дальнейшее произошло очень быстро. Лицо Школьников исказила судорога. Режиссер рванулся в сторону оперативника и резким движением выхватил из его рук автомат.

– Ты что сдурел? – закричал Артамонов – брось автомат!

Глаза режиссера расширились не то от ужаса, не то от шока и он стал поворачивать голову из стороны в сторону.

– Они здесь. Они придут – затараторил Школьников – я нарушил правило. Они убьют меня.

– Кто они? – спросил Артамонов – что за чертовщина вообще происходит!?

– Узнаешь! – прошептал Школьников – вы ничего не понимаете. Вы все исчезните! Я лучше сам!

С этими словами режиссер приставил дуло автомата к груди и нажал на спуск. Грохнул выстрел и Школьников мешком осел на пол.

Артамонов был человек опытный и моментально ринулся вперед, переворачивая рухнувшее тело. Школьников был ещё жив. Он схватил генерала за полу плаща и прохрипел:

– Горчаков. Найди Горчакова!

Глаза режиссера закатились, и он затих.

– Товарищ генерал – окликнул Артамонова оперативник – я ничего не успел сделать. Он так быстро...

Артамонов обернулся. Парень стоял с белым от шока лицом, а его руки до сих пор, будто бы сжимали автомат. Генерал ободряюще улыбнулся и похлопал оперативника по плечу.

– Ничего Фёдор – сказал он – всё в порядке.

Ему сейчас было не до табельных патронов. Что произошло с режиссером? Он изменился после того, как его спросили про Козловскую. Стал нести какую-то чушь. Как будто он был под гипнозом. Ерунда, в комнате не было никого кроме них, а гипноза, который может работать на расстоянии... нет такой, конечно, существует, но всё равно необходим зрительный контакт. Никто же не мог знать, что режиссера обнаружат именно сегодня. Что же это было? После выстрела Школьников как будто пришел в норму и назвал фамилию: Горчаков. Она была отнюдь не редкая, однако в данном случае Артамонов знал только одного человека, который мог быть связан с этой историей – Директор первого европейского департамента МИДа, он был на конференции в Понтии во время попытки переворота и оттуда его эвакуировали на очень приметном конвертоплане.

Артамонов усмехнулся. Как же это выветрилось из его памяти? Пора нанести визит дипломату. Может там его ждет разгадка всей этой чертовщины?

В импровизированном болотном лагере царило мучительное ожидание, мало-помалу импровизированное убежище становилось похоже на военный объект. Жители укрепляли забор и ворота, минировали дороги, тащили туда-сюда разные ящики. Местным было понятно, что рано или поздно, но кто-то из пленных расколется на допросах и выдаст место лагеря. Это значило, что нужно было готовиться к обороне.

На большой каменной плите, на той самой, где, ещё недавно стояли тарелки с похлебкой, теперь была разложена крупномасштабная карта района, люди, что наклонились над ней, подобно заправским штабистам обсуждали план действий. Лучших следопытов, какие имелись, отправили в разведку – узнать, какого положение и что затевает враг. Некоторые обследовали земли в нижнем течении реки Глубокой до разрушенной атомной станции, другие отправились далеко в город – послушать местные новости. Ближе к восходу солнца они стали возвращаться, принося нерадостные вести.

– Обстановка в городе крайне тяжелая – сообщил «Хомяк» – облава следует за облавой. Директория лютует во всю. Много жителей арестовали. На портовом рынке говорят, будто бы ищут какого-то мальчика.

Ксения и Кристина переглянулись. Вероятно, после боя в катакомбах Аристову доложили о том, что мальчика не было

с беглецами. Вот почему он обыскивает город.

– Вы знаете о ком идет речь? – спросил Верховский, заметив их взгляды – в вашем рассказе я не услышал про мальчика. Кто это?

Кристина кивнула.

– Да – коротко сказала девушка – до сих пор, я умалчивала об этом. Вместе с нами из клиники сбежал один подопытный ребенок. Мы выкрали его из бокса. Надеюсь, вы понимаете, что я не могу вам сказать, где я его спрятала, но поверьте он в надежных руках.

– Это потрясающе – воскликнул «Хомяк» – живой свидетель. Этому ребенку цены нет. Если удастся отправить его на обследование... вот тогда Директории несладко придется.

Кристина задумчиво повела бровью.

– Одного ребенка мало, чтобы убедить международное сообщество в злодеяниях Директории – печально вздохнула девушка – любое обследование бесполезно без бумаг Аристова. Если мы действительно сумели бы проникнуть в департамент и захватить их, тогда у нас имелось бы больше доказательств.

Верховский согласно кивнул и бросил выжидающий взгляд на вернувшихся людей.

– Исключено – возразила «Белка» – передвигаться по городу теперь можно только по специальным пропускам, мол противовирусные меры. Для обеспечения порядка введены войска. Куда больше и мощней, чем мы рассчитывали. Жаль,

что вы раньше не сумели достать документы. Теперь, у нас нет даже шанса.

– Ноосфера, что окружает нас не настолько скупа, чтобы давать только один шанс – мягко улыбнулась Кристина – она обязательно даст альтернативу.

– Она нам понадобится – хмуро сказал «Хомяк» – только вот где она. Чтобы напасть на Ольвию нужна армия. Оглянитесь, у нас нет армии. Только обездоленные люди, которых выгнали из собственного дома за их убеждения и несколько старых винтовок. Да и потом, как мы проникнем в департамент, если у нас нет даже схемы здания?

Кристина была непреклонна.

– Армия нам не нужна – сказала девушка – рассчитывать нужно не на количество, а на ощущение реального мира. Вот именно поэтому у нас есть схема здания. Верно... Снори?

Кот громко и согласно мяукнул и подбежал к столу. Ксения взяла его на руки и сняла закреплённую на его шее, круглую флэш-карту.

– Иногда коты говорят, куда меньше, чем хотят окружающие – констатировала она – но это не значит, что они меньше знают.

– Так вот, что он стащил? – восхитился Кирсанов – значит ты уже тогда догадывалась?

– Мне нравится иметь преимущество – улыбнулась Авалова.

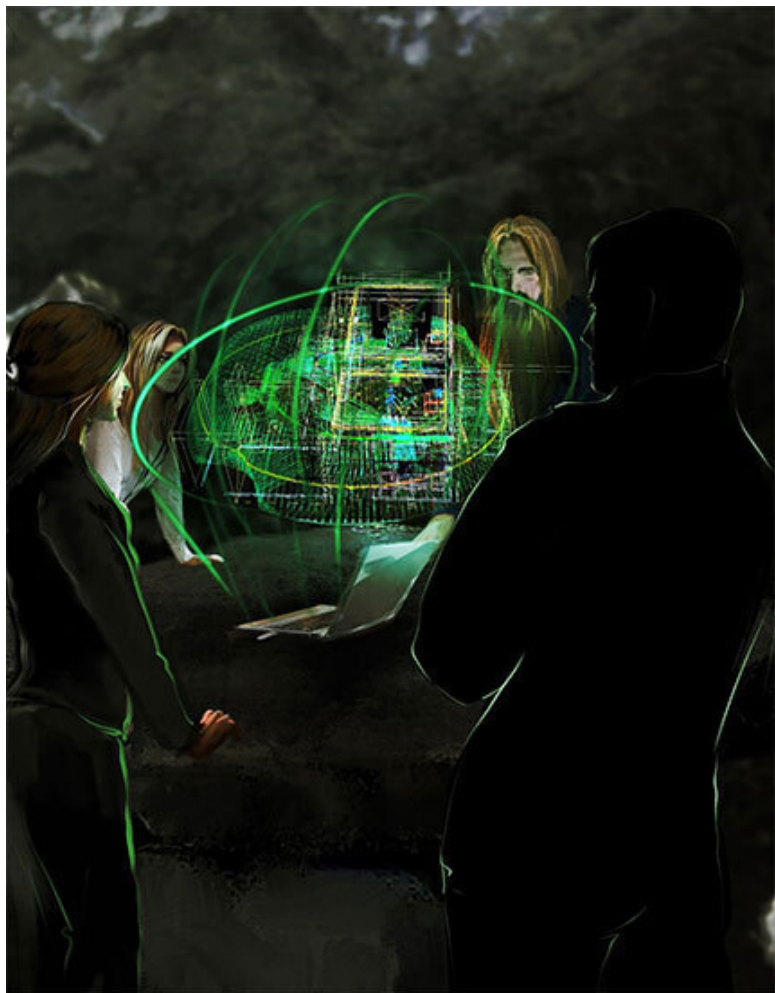
Флешку вставили в разъем старенького ноутбука и над

столом повисла объемная схема департамента. Схема медленно поворачивалась, чтобы всем было видно.

– Мы разделимся на три отряда – стала объяснять Кристина – как только мы проникнем в здание, первый отряд отвлечет на себя внимание охраны и свяжет их боем. Этим мы выиграем время. Второй отряд проникает в подземелье. Вот сюда – девушка указала на красную точку на схеме – и освобождает пленных. Этим мы отвлекаем от основной цели. Всё должно выглядеть, как спасательная миссия. Думаю, они растеряются от неожиданности. В это время третий отряд отправится на верхние этажи и возьмет в плен Аристова. Что скажете, Александр Владимирович?

Верховский не спешил с ответом, рассматривая поверхность стола.

– Не забывайте, что там, где Аристов, там наверняка и Охотница. Возможно, не одна.

– Охотницу я возьму на себя – ровно сказала Кристина – чтобы там ни было, главное забрать документы по проекту Аристова и быстро уйти, пока не подоспеют основные войска Директории.

– Много людей погибнет, отвлекая бойцов Секуритаты – сказала «Белка» – мы не профессионалы. Многие даже винтовку ни разу не держали.

– А разве мы этого не ждали? – горячо возразил «Хомяк» – это наш реальный шанс поквитаться с Директорией. Что лучшие вечно сидеть в страхе, чем умереть стоя? Я предпочту смерть!

Они напуганы, подумала Кристина, Директория высосала из людей даже крохи надежды. Здесь они даже не живут, а просто продолжают, продолжают до тех пор, пока директорат не переловит их одного за другим. Любой шанс на борьбу – это искра надежды для них. Что же посмотрим, возгорается ли из искры пламя?

Кристина кивнула молодому человеку, в знак благодарности и вновь принялась объяснять.

– Извините, что вмешиваюсь – сказал Кирсанов – но как мы попадем к зданию, если, как говорит «Белка», они усилили меры безопасности? Нас просто переловят на подступах к городу.

Кристина широко улыбнулась.

– Абсолютно верно – сказала девушка – этого я и добиваюсь. Только поймать нас должны намного раньше. Мы

воспользуемся тем же способом, которым Директория ловит несогласных – белым автобусом.

При слове «автобус» многие нервно заерзали на местах, вероятно, это слово очень пугало обитателей лагеря.

– Но каким образом? – поинтересовался «Хомяк» – мы, что сядем в автобус и попросим нас туда отвезти.

Левонova саркастически приподняла бровь.

– Вы совершенно правы – сказала она – именно так мы и поступим. Среди нас есть один действующий полицейский, который обнаружил похищенного мальчика и нескольких бунтовщиков. И он назовет им место.

Кирсанов покачал головой.

– Они не купятся – уверенно сказал молодой человек – в этом случае, я должен сообщить по инстанции.

– Купятся – кивнула Кристина – от Анны мы знаем, что Аристов и Адашев не любят друг друга. Очевидно, это был план Адашева: выпустить девушку из клиники и поселить её в том доме. Адашев ведет игру против Аристова. Давайте же подыграем генералу.

Верховский сделал задумчивую гримасу.

– На лагерь в катакомбах напал Аристов – сказал он – Анну очевидно он забрал к себе. Это доказывает, что идея Адашева провальная. Генерал захочет отомстить.

– Если мы вломимся и заберем Анну и документы – предположила Ксения – То Аристов решит, что это Адашев. Он никогда не подумает на неорганизованных бунтовщиков с

болот. Это блестящий план. Впрочем, в твоём стиле.

Кристина с торжествующим видом оглядела собравшихся. Возможно, из неё бы вышел блестящий политехнолог, если бы не её принципиальность. Её принципы были всегда сильнее любой природы.

«Белка» сделала задумчивое лицо. Она, вероятно, решила не слезать с конька скептицизма.

– Но мы ничего не знаем, о том, как устроен этот автобус – напомнила женщина – может пленников сразу усыпляют газом или ещё что похуже? Это большой риск.

Кристина отрицательно покачала головой.

– Если не рисковать ради будущего, то мы просто бессвязные химические молекулы – сказала девушка – и потом, я не думаю, что всё так сложно. Директория правит страхом и все эти рассказы про «Белый автобус» скорее обычный ужастик, чтобы пугать обывателя. На самом деле всё что нас ждет – это пара-тройка конвойных.

– Хорошо бы – мстительно проговорил «Хомяк» – у меня руки чешутся прикончить кого-то из них и не только пару-тройку.

Кристину кольнуло в сердце от его слов. Эти люди были готовы умирать и убивать из-за её идей. Для них это стало обыденностью. Сколько ещё умрет тех, которые могли бы быть счастливы в обычной жизни? Не превращается ли она в Аристова, играя в живые шахматы? И какова цель этой игры? Солдаты Директории, охотницы они несвободны, они в

цепях Организации, но и сами высшие люди в Организации тоже в цепях своих страстей, а вот ты... свободна ли ты? Не одолевает ли тебя неподвластное человеку чувство страсти и желания перекраивать мир по-своему ради общего блага? Должно быть пока мы задаем себе эти вопросы, мы можем остановиться и не потерять самих себя. Нельзя остановить насилие человека над человеком или над природой даже сотней указов и концепций, пока не остановится насилие в душе человека. Без одного не бывает и другого.

– Ну так в принципе все решено – сказал Верховский – но у меня будет одно встречное условие. Я тоже приму в этом участие. Я тоже там буду. У меня с этим человеком свои счёты.

Кристина бросила мрачный взгляд на мужчину. Ксения решила сохранить молчание. По её спокойному лицу было видно, что все вопросы она предоставила решать знаменитой «Арнис».

– Мне это не нравится – сухо сказала Ксения. – И вы знаете почему. Мечь и привязанность ведут не по правильному пути. Однако, поскольку мы здесь гости выбор за вами, и я не могу вам приказывать.

– Именно поэтому лису я должен затравить сам – жестко сказал Верховский – они отняли у меня всё, но допустили главную ошибку. Я ещё жив. Не волнуйтесь я не ищу мести. Я давно выжег это чувство, но мои люди не должны думать, что я отсиживаюсь подобно старому барсуку, когда они идут

умирать. Поэтому я иду с вами. По крайней мере это будет достойный конец.

– Значит решено – кивнула Кристина.

Кончив говорить, девушка устало опустилась на холодный камень. Сопровождение закончилось, но народная дискуссия ещё продолжалась, как это обычно бывает. Местный обсуждали трудности плана и пути их преодоления. Все отметили, что существенных изъянов в плане Кристины нет. Однако это не означает, что план идеален, заметила себе девушка. Впрочем, она не стала бы высказываться о слабых местах открыто. Она видела, что все эти люди искренне и горячо хотят, чтобы её замысел удался. Что же они его осуществят!

* * *

Темный узкий туннель заканчивался небольших размеров чугунной створкой. Очевидно, это была дверца мусоропровода. Кашляя и чихая от пыли, Наташа приоткрыла дверцу. Вот уж откуда ей точно не приходилось вылезать, зато, какой дивный запах, она открыла. Жаль, что нет зеркала, а то безумно интересно посмотреть на свой внешний вид. Судя по вымазанным в глине рукам, и, покрытому коричнево-черным с примесью чего-то зеленого камуфляжем, гидрокостюму, её лицо и волосы, скорее всего несильно отличались от рук и одежды.

Покровская повертела головой по сторонам. Они попа-

ли в, цилиндрической формы, комнату со стенами из белой замши. Круглая лампа на потолке создавала приглушенный свет.

– Больше не гаснет – заметил Флориан – кажется стари-
кану удалось что-то подключить. Похоже он действительно
знает толк.

Наташа кивнула. Она ещё была под легким шоком про-
изошедшего с ними в трубе. Нет она не была против, Фло-
риан казался ей довольно симпатичным, просто она никогда
не любила неожиданности, а с некоторых пор её жизнь стала
петлять самым неожиданным образом. Всё же надо будет по-
думать о своем состоянии и приоритетах, если конечно они
выберутся отсюда.

– Интересно, где мы? – спросила девушка, чтобы что-то
спросить – как думаешь?

Она его легко стала называть на ты. Нет, конечно, после
того, что между ними случилось, говорить вы было как-то
нелепо, но все же это опять доказательство нелинейности её
бытия, а вот Флориан как будто вообще не думал о том, что
произошло, словно это было само собой разумеющимся. Ин-
тересно, а сколько девушек кроме неё он таким образом до-
бивался? Надо было вначале проконсультироваться у Кри-
стины, а потом отвечать на поцелуи.

– Думаю, что это капитанская каюта – флегматично отве-
тил Штильхарт – возможно мы найдем здесь, что нам надо
или хотя бы здесь будет какая-то подсказка.

Попытались связаться с Алин и убедились, что в рации сели батарейки. Что же, еще один прекрасный сюрприз. Радовало только, что с этой подводной лодки никто не может никуда деться в самом прямом смысле этого выражения.

Капитанская каюта оказалась скромной, но с неким налетом изящества. Там имелись кровать, стол со стулом и, что, наверное, было нетипично, большой библиотечный шкаф, который был заставлен самой разнообразной литературой. Наташа взяла в руки одну из книг, это оказался Шопенгауэр и, судя по тому, что книгой часто пользовались, капитан этой лодки, весьма вероятно был поклонником немецкой классической философии. Рядом с Шопенгауэром была приткнуты листы озаглавленные «Записи лекций нашего друга В. И. Вернадского, прослушанные мной в московском университете».

– Возьму для Кристины на память – усмехнулся Флориан, укладывая листы в водонепроницаемый ранец – она увлечется.

– Только вот кроме исторических артефактов ничего – поджала губы Покровская – пожалуй надо было дожидаться старика. Может он знал, где искать.

Штильхарт засмеялся.

– Вот слышала бы тебя сейчас Алин, прыгала бы от восторга – заметил молодой человек – я её знаю.

– Нет, я серьезно – вздохнула Наташа – это все равно, что искать черную кошку в черной комнате.

– У нас преимущество перед Конфуцием – пожал плечами Флориан – наша кошка здесь точно есть. В конце концов не в машинном же отделении его прятать. Приступим.

Прошло около получаса. Они обыскали практически всю библиотеку, ящики стола, сняли портрет последнего царя Великороссии и ничего не нашли, даже намека на что-то им нужное.

– Да-а – протянула Наташа – ну с дрогой стороны глупо было ожидать, что здесь будет сейф с кодом. Хотела бы я понять, что это за ребус. Это должна быть какая-нибудь отодвигающая панель.

Девушка встала перед стеной за рабочим столом и стала ощупывать и простукивать замшу, однако, сколько бы она это ни делала, никакого значимого эффекта это не давало. Наташа опустила в кресло и запустила пальцы в волосы.

– Должен быть какой-то механизм или ключ – задумчиво проговорил Флориан, осматривая взглядом комнату – если хорошо подумать.

Его глаза вдруг прищурились, и он небрежным движением крутанул по часовой стрелке стоявшую на столе чугунную пепельницу. В столе что-то щелкнуло и часть от левой опоры отъехала в сторону, обнажая углубление, в котором лежала карта, револьвер системы Нагана и свиток.

– Ничего себе – восхитилась Наташа – а как это у тебя получилось?

Флориан пожал плечами.

– Ты знаешь, я увидел пепельницу и вспомнил, что давно не курил трубку – сказал он – а потом задумался зачем на подводной лодке нужна пепельница, интуиция короче.

– Звучит, как хорошая реклама курения – усмехнулась Наташа.

Наклонившись к тайнику, девушка протянула руку и взяла свиток, сильно надеясь, что её не шибанет током или что бумага не пропитана ядом... ну или что еще там бывает, в таких случаях?

– Надеюсь, это не рецепт пенне арабьята – пробормотала девушка, разворачивая бумагу, черные кириллические буквы были выведены на бумаге аккуратным, почти каллиграфическим почерком:

Дорогой друг!

Я не знаю кто вы, но если вы читаете этот документ, значит несмотря на то, что меня уже нет в живых, я правильно распорядился доверенной мне вещью. То, что вы узнаете, а раз вы здесь, значит вы уже знаете многое, это совершенно не тайна для Организации. Смею надеяться, что вы человек чести и сможете правильно распорядиться информацией, которую я оставил в этом документе. Этот скромный тайник лишь указатель на подлинное место хранения медальона. Для всех, прежде всего для врага, он должен покоиться здесь на дне моря. Однако это не правда. Медальон я отдал на хранение верному человеку оказавшему большую помощь моему

капитану. Я уверен, что он сохранит его для доброго человека, которым надеюсь, вы являетесь, мой друг. Время не ждет. Отправляйтесь на остров, западное побережье. Координаты 55°54 58.4"N 61°07 46.6"W. Лишь хозяйка сможет найти. Торопитесь!

Покровская ещё раз бегло прочитала текст, словно желая увидеть что-то новое и судорожно опустила руку.

– Подписи нет – задумчиво проговорила девушка – однако определенно писал Верховский. Ну, его предок точнее. Как похож почерк. Узнаю письмо.

– И загадки такие же с вывертом – фыркнул Флориан – почерк такая вещь... лицо спрятать можешь, а вот он-то тебя и выдаст. Слушай, а я уж понадеялся, что это конец пути. Надеюсь, он не бандеролью в Новую Зеландию отправил этот медальон.

Наташа отложила свиток на стол и осторожно протянула руку к лежащей возле Нагана карте.

– Удивительно – сказала она, изучая глазами документ – послушай это странно. Здесь же только есть геолокация острова, но не указано точное место? Как же его определить?

Флориан наклонился рядом и приобнял девушку за плечи. Наташа вдруг почувствовала неловкость. Она понадеялась, что свет здесь достаточно тусклый, и нельзя разглядеть её пылающие щёки.

– Возможно только обшарив весь остров – улыбнулся молодой человек – не сказал бы, что не против.

Как-то так опять получилось, что её рука оказалась зажатой в его ладони и опять ей не хотелось сопротивляться.

– Не надо – только сумела выговорить Наташа – сейчас не лучшее время.

– А, по-моему, совсем наоборот – криво усмехнулся Флориан.

Что-то невероятно притягательное было в этой улыбке, что-то отчего вся недоступность Покровской таяла. И ей откровенно, что-то теплое, заманчивое и...

Видение прервало легкое жужжание.

– Упоительно трогательно – раздался манерный женский голос.

Наташа и Флориан мигом отлепились друг от друга. Голос принадлежал не Алин, как они подумали в самое первое мгновение.

Женская фигура перекрыла входную дверь.

– Мой маленький помощник сообщил мне о вашем местонахождении здесь – сказала фигура, закрепляя на плече портативный дрон – я вас так долго искала.

– Вы кто? – спросила Наташа – черный копатель?

Фигура подошла ближе. Из кожаной перчатки на её правой руке выскочило лезвие.

– Не угадала – сообщила охотница.

– Охотница – опешила Наташа.

Фигура манерно развела руками.

– Отлично – сказала охотница – мне ничего объяснять.

Раз ты знаешь кто я, то знаешь, что будет с тобой.

Наташа в ужасе отшатнулась, а Штильхарт выступил вперед, заслоняя девушку.

– Ты не найдешь здесь того, что ищешь – воскликнул Флориан.

– Я и не надеюсь – прошелестела Охотница – однако я достаточно слышала и узнала всё, что мне нужно и я заберу это с ваших тел. Знаете, это даже будет очень романтично, вы останетесь здесь навсегда, подобно влюбленным застигнутым стихией.

– Мы подумали и решили отказаться – заявил Флориан.

В руке молодого человека сверкнул Наган и через секунду грохнул выстрел. Он не причинил Охотнице никакого вреда, однако дал Флориану несколько времени, чтобы схватить за шкирку оцепеневшую Наташу и потащить её из каюты.

– Бежим быстро! – крикнул он.

Дважды упрашивать не пришлось, девушка припустила следом.

– Как она нас нашла!?! – спросила Наташа на бегу.

Штильхарт только отмахнулся.

– Какая разница – бросил он на ходу – думаю, она тебе в подробностях расскажет, если, конечно, мы не выберемся.

Не разбирая дороги, они прыгнули назад в мусоропровод и теперь не ползли вверх, а летели вниз, собирая на себя всю трубопроводную грязь. Вылетев из трубы, они шмякнулись о тяжёлый металлический пол и, вскочив на ноги, побежали

по коридору назад к рубке.

– Надеюсь, что дверь с кодовым замком её немного сдержит – бросил Флориан.

Ответом ему был грохот взрывающейся двери.

– Не сдержит! – констатировала Наташа – понял, как двери открывать надо? А не заманивать девушку в трубу для отходов, чтобы поцеловать.

– В следующий раз найду лучшее место для этого – усмехнулся Штильхарт – а сейчас за мной. Давай, давай, давай!

– Нужно найти остальных и уносить отсюда ноги – крикнула Наташа.

Девушка хотела перескочить через очередную переборку, но почувствовала, что что-то острое обхватило её лодыжки. Она упала на металлический пол и в отчаянной попытке ухватиться за что-то, стала царапаться за стены, естественно без особых успехов, только руки до крови разодрала. Штильхарт бросился к девушке, но охотница, выпустив второй крюк, облепила и его ноги, повалив вниз.

– Слишком просто – сказала она – похоже я вас переоценила.

Неторопливые шаги и кряхтение послышалось из глубины лодки. Наташа повернула голову. К ним ковыляла фигура в черной монашеской рясе.

– Господин Извеков – приветствовала старика охотница – или старец Игнатий? Не знаю, право, как вы себя называете, но вот мы и встретились. Ваш путь завершен. Не надо было

вам возвращаться из прошлого. Теперь вы отдадите Организации то, что украли.

В её голосе не было ни тени возмущения, только нетерпение и гнев.

Монах по-своему обыкновению, которое Наташа уже выучила, был тих и спокоен, как легкий ветер.

– Организация порождение зла – сказал он – ты не такая. Ты ещё не до конца с ними.

Охотница металлически расхохоталась.

– Умоляю вас, не будем – протянула она – не будем опускаться до киношных штампов. Не стоит меня обращать. Вы просто отдадите мне то, зачем я пришла и тогда вы умрете без мучений.

Охотница шагнула вперед. Монах пошел ей навстречу.

– Ты можешь убить и меня и остальных – сказал он – но ты не скроешься от своей природы.

– Я заменила её новой – гордо сказала Охотница – я часть Организации, её карающая длань и горе тому, кто станет у меня на пути.

Смотревший эту сцену Флориан потряс головой, восстанавливая сознание. Поднявшись на ноги, он подбежал к Наташе и стал стягивать с девушки путы.

– Бегите отсюда – сказал Монах – бегите. Вы не сумеете мне помочь.

– Мы вас не бросим – воскликнула Наташа.

– Я всегда буду с вами – коротко сказал монах – бегите.

У вас пять минут.

Он принял, наверное, самое верное решение – перебил мигающий замок. Тяжелая гидравлическая дверь рухнула перед Флорианом и Наташей. Последнее, что те смогли увидеть это две фигуры стоящие друг против друга.

Это безумие, подумала девушка. У старика нет не единого шанса против этой девицы. Возможно, втроем они сумели бы совладать с ней, но один он ничего не сделает. Он просто собирается умереть.

– Открой эту злосчастную дверь – громко запротестовала Наташа – мы должны как-то помочь. Он же собирается умереть.

В это мгновение весь смысл последних слов монаха дошел до Штильхарта. Старик включил вовсе не генератор.

– Собирается – бесстрастно сказал он – бежим!

Мы упорно ищем ответы, раскрываем чувства и иногда обретаем единственный шанс, спасительный не для себя, но для других. Штильхарт горько усмехнулся. Иногда он слишком многое берет у Кристины.

* * *

Теперь они стояли друг против друга в одиночестве. Вернувшийся из тайны веков, монах теперь должен был понять, что чувствовал его капитан, когда встретился с Охотницей, он должен был понять, что чувствовал Александр Николае-

вич Верховский, Охотница вероятно пришла и к нему. Они преследовали его и наказали. Когда и где, этого никто уже не узнает. Старик помнил тот миг, когда передал Верховскому медальон. Верховский сказал, что это нужно хранить. Все должны были думать, что медальон здесь на лодке, но это было не так. Верховский нашел верного хранителя. Как же давно это всё было. Теперь круг завершен. Но ему было жаль своих компаньонов, они оказались втянуты в события, глобального смысла которых ещё не понимают. И попали в этот водоворот только потому, что ему, дураку старому на месте не сиделось. Старческие кости нужно было размять видите ли... а ещё ему было жаль стоявшую перед ним девушку. Организация сломала её тяжестью свалившихся на неё в прошлом испытаний. Сломала и сделала марионетку. Она служит тем, кто и сломал её жизнь. Дьявол всегда играет по одним и тем же правилам, чтобы превратить человека в своего раба. Возможно, если бы было больше времени он бы показал бы ей... Нет это не его миссия. Он нашел тех, кому нынешний хранитель сможет передать медальон. Круг завершен. Теперь ему можно спокойно уйти...

Охотница тоже думала о завершившимся круге. О старике, который ради своих идей отряхнул пыль веков. Она не боялась его, она не боялась его мыслей. Но самое удивительное было то, что он не боялся её. Её, чьё появление внушает ужас и заставляет замолчать всех. Ты ведь этого хотела, когда присоединилась к ним? Ты предала, но тебя предавали, и ты

решила, что ты тоже имеешь на это право. Ты перестала быть той, которую предавали, ты превратилась в новое существо, как тебе и объясняли. Твой страх давал тебе силу и подгонял тебя и отгонял от тебя врагов. Он не боится тебя. Он вообще ничего не боится. Страх, что ты распространяешь, как будто проносится мимо него. Зачем же он стоит здесь?

– Итак – сказала Охотница – думаю, нам есть о чём поговорить.

– Я уже всё сказал – небрежно бросил монах – здесь нет, того, что тебе так нужно. Вернись назад или уходи в бездну, подготовленную для вас и ваших хозяев.

Охотница зловеще рассмеялась.

– Ну почему же всегда так не вежливо – сказала она – я лишь прошу назвать мне имя человека, у которого медальон. Он ему не нужен, поверь, что для него это всего лишь безделушка, но я дам его тем, кто действительно оценит его значение.

Монах только покачал головой.

– Слышишь ли, что ты говоришь? – грустно спросил он – я передам, они оценят. Неужели у тебя уже нет собственной личности?

Послышался рык.

– Ты ничего обо мне не знаешь – зашипела Охотница – ты не знаешь, через что я прошла и что мне пришлось забыть. Организация дала мне цель и утешение. Но к делу. Я не намеренна обсуждать свою жизнь с монахом. Захотела бы, записалась на исповедь. Мне нужно имя хранителя. Ты скажешь его мне.

Монах пристально поглядел на Охотницу и устало покачал головой, как будто жалея своего врага.

– Сколько же в тебе зла, девочка! – поразился Старик – Что же он сделал с тобой? Он ведь сжирает всех и тебя тоже.

Беги от него, пока не поздно.

Острая боль пронзила всё тело старика, когда встроенный в перчатку Охотницы огнемёт, переведенный на обугливание, лизнул плечо старика.

– Не будем отвлекаться – сказала Охотница – Дальше будет больнее, если откажешься говорить.

– Господь за меня не утрашусь что сделает мне человек – тихо простонал монах – он, милосердный, примет меня уставшего от мук земных.

Это всё ужасно нудно, решила охотница, и бесполезно. Она прекратила допрос и выбрала роль палача. Лезвие сверкнуло мгновенно. Монах не издал ни звука. Её раздражило уже даже это.

Тело мешком упало на железный пол. Охотница не стала удостоверяться, что смерть пришла. Она и так потеряла достаточно времени. Ей было необходимо найти и вернуть свою добычу.

В этот момент взвыла серена тревоги и металлический голос в интеркоме запустил обратный отсчет, а сквозь этот голос словно пронесся хитрый старческий смех. Охотница выпучила глаза и резко развернулась. Тело лежало на месте. Монах был мертв. Это точно. Но какой же проклятый старик. Он одурачил её. Одурачил самым простым из всех возможных способов. И, да, она проиграла. В этот раз.

Соединительная муфта практически встала на место, и напряженный часовой труд по восстановлению работоспособности лодки подошел к концу, как неожиданно, где-то рядом раздался какой-то грохот и рёв сирены. Проклятая деталь выскочила из рук Алин и покатила по полу куда-то по направлению к другому борту лодки, а высвободившийся кабель больно ударил пилота по лицу.

Авонаймелус выскочила из-под приборной панели с яростным выражением и непереваемой игрой слов.

Некоторое время она с интересом изучала вломившуюся парочку. Грязные, запыхавшиеся и им явно было о чём рассказать. В том числе и о том, чем вообще то не на борту подводной лодки занимаются, хотя у каждого для этого свои любимые места.

– Кажется я что-то пропустила? – светски осведомилась Авонаймелус.

– Да – выдохнул Флориан – мы сматываемся, если не хотим разлететься на семнадцать миллионов кусочков. Ты со всем тут разобралась. Нужно активировать спасательные боты.

– Да, но с какого...?! – воскликнула Алин.

Штильхарт, судя по всему, боролся с тем, чтобы не потерять остатки самообладания. Его народно-избранная подру-

га воспользовалась этим мгновением, чтобы начать качать права.

– Какого черта ты собрался делать? – возопила Покровская.

– Пытаюсь сделать так, чтобы жертва старика не была напрасной – ответил Флориан.

– Этого не потребуется, если мы вернемся – продолжала бушевать Наташа – кто ты такой, чтобы здесь распоряжаться?

Штильхарт схватил девушку за плечи и резко опустил её в кресло привязывая ремнями. Алин сообразила, что дело серьезное и решив не вмешиваться устроилась перед приборной панелью энергично стала дергать расположенные перед ним рычаги и кнопки. Механизмы тонко и нудно застонали на одной ноте, пришлось стукнуть по приборной панели кулаком, чтобы добиться нормального звука.

– А теперь послушай меня внимательно – успокаивающе обратился к Покровской Флориан – старик знает, что погибнет. Он дает нам шанс спастись. Он активировал программу самодетонации корабля. Наш единственный выход уйти.

– Но он там... – всхлипнула Наташа – хотя бы, чтобы он умер не один. Это несправедливо.

Флориан обнял её за плечи. Девушку всю трясло.

– Я знаю – сказал он – я знаю.

Алин нервно сглотнула и широкими от шока глазами посмотрела на Штильхарта.

– Охотница – пояснил он – она шла за нами по пятам.

Авонамйелус только могла сочувственно кивнуть. Трудно было признаться, но она привязалась к старику. Он сумел разбудить в ней то, что давно дремало. То, что она очень боялась трогать. Теперь он ушёл и больше не было никого, кто бы смог это сделать.

– А медальон? – глухо спросила пилот.

– Его здесь и не было – бросил Флориан – Верховский спрятал его в другом месте. Он оставил координаты, и мы должны туда попасть если выберемся. Надеюсь, твоего мастерства хватит.

Алин криво усмехнулась.

– Мое мастерство здесь не поможет – фыркнула пилот, изучая рычаги – скорее удача. Капсула отстыковывается в автоматическом режиме. Полагаю, что вам нужно найти удобное местечко и покрепче пристегнуться. Будет сильно трясти.

Авонамйелус только успела привязать себя ремнем, как рубка подводного корабля пришла в движение и с шипением, распугивая окружающих обитателей, словно проснувшийся от спячки морской гигант отделилась от носителя и устремилась к поверхности моря, взбивая пену. Прошло около трех минут и глубины потряс взрыв. Красавец-корабль переломился пополам, словно бы кто-то ударил по нему гигантским топором, и взрывная волна вместе с толщей воды погналась за спасательной капсулой, желая поглотить и раз-

давить её.

В уши вновь ударила сирена и палуба потекла куда-то вниз, вместе с пассажирами. Наташа несмотря на ремни слетела с кресла и понеслась кубарем вдоль стены. Руки девушки отчаянно скребли, метал ногтями, пока не нащупали какой-то металлический выступ. Некоторое время, она так и оставалась висеть на вытянутой руке над двухсотметровой пропастью до тех пор, пока не изменился геометрический рисунок отсека управления, и вертикальная стена вновь не стала горизонтальным полом.

Вокруг всё шипело, дымилось, искрилось и парилось. Наташе вдруг показалось, что кто-то засунул её в кипятильник.

Алин, обозревая рубку только флегматично пожалала плечами. Она единственная, кто сохранял ровное положение.

– Я предупреждала – спокойно сказала пилот, продолжая нажимать на кнопки.

Капсулу раскачивало из стороны в сторону. Авонамйелус бросила взгляд на манометр, его подвижная стрелка медленно опускалась вниз, и вместе с этим чувствовалось, как изменяется внутренне давление, и неведомая сила тянет их наверх.

– Надеюсь она там и погибла – пробормотала Наташа.

Это было единственное, что девушка сумела произнести. Наташу обволок холодный пар и затуманилось зрение, а потом наступила темнота и забытие.

Наверное, первый раз её застигли врасплох. Охотница слишком поздно поняла план врага, отдавшись пустословию с этим стариком. Он нашел свою смерть не напрасно. Он дал возможность уйти своим союзникам и это только больше злило её. Пришлось трусливо спасаться бегством, торопливо натягивая на себя подводное снаряжение. Её злило, что она не почувствовала ни тени блефа в словах и действиях монаха, а ведь он просто тянул время и сумел провести её. Ничтожные создания. Если бы у неё была возможность, она бы убила бы его ещё несколько раз и гораздо мучительнее. По счастью мощная гидравлическая дверь сдержала первую взрывную волну и дала несколько секунд для того, чтобы спастись... нет... трусливо бежать, повторила она, бежать признав свое поражение.

Однако в поражении тоже бывают свои плюсы. Поражение учит терпению, тому, чего у неё никогда не было в избытке. Тем не менее у неё было всё то, чтобы успешно закончить свою миссию. Слишком уже всё это было долго, но она не сомневалась, что идет к триумфу. Интересно сумели ли Штильхарт, и Покровская воспользоваться своим шансом? Честно говоря, ей хотелось этого. Если их тела были испарены взрывом, то её задача будет очень скучной. Она любила игру, вызовы и достойных противников. Эта парочка ока-

залась куда более серьезным противником, чем она думала. Удивительная несуразица, иметь возможность уничтожить каждого из глав государств в алфавитном порядке и бесконечно гоняться за двумя глупцами. Недооценка всегда ведет к неудаче, но что самое противное они лишили её возможности собственноручно определять свои шаги, заставили её двигаться вслед за ними. Пришло время вернуть инициативу в свои руки. Она отправится на остров, где спрятан медальон и найдет его и, если надо сотрет и распахает там всё и убьет тех, кто помешает ей в этом. Только так она сможет уничтожить свое прежнее «я».

* * *

Наташа очнулась под грудой одеял. Её глаза уставились в светлеющее рассветное небо. Стояла обычная для этого времени суток тишина, которая нарушалась только близким шумом моря, каким-то треском, смешавшимся с запахом вишни. Покровская повернула голову. Треск исходил от аккуратного костерка, над которым колдовала Алин, от него исходило тепло и уют. Штильхарт сидел, рядом скрестив ноги и дымил трубкой. Завидев проснувшуюся девушку оба, встревоженно оглядели её с головы до пят.

– У вас такое лицо будто вы приведение увидели – хрипло заметила Наташа – значит мы всё-таки смотались.

– Благодарю Алин – отсалютовал пилоту трубкой Флориан

– без её мастерства ни за что бы не получилось.

Авонамйелус иронично поклонилась.

– Логика позволяет говорить, что вы бы вообще не стали бы погружаться, без моего мастерства – заметила Пилот.

Наташа нашла в себе силы улыбнуться. Это было справедливо. Без Алин они бы и шагу не сделали. Что и говорить без Алин, она сама до сих пор сидела бы в тюрьме Петерштадта.

– Давно мы здесь? – спросила девушка – и кстати, где это, здесь?

Алин только фыркнула и пожала плечами, отвернув свое лицо к огню. Этим она бурно показала нежелание отвечать на вопрос. Наташа с недоумением посмотрела на Флориана. Тот, сделав усталую гримасу встал с земли, подошёл к Наташе и уселся рядом с девушкой.

– Давно – сказал он – уже почти утро. Ты была без сознания. Совсем. Пришлось тебя нести на руках и достаточно долго. Мы сейчас на острове Илуйкояк, недалеко от того места, которое указано в письме. Помнишь?

Наташа кивнула.

– А что с Алин? – спросила девушка – она знает это место?

Штильхарт бесстрастно усмехнулся.

– Естественно – сказал он – это её земля. То есть земля её семьи. Её родители входят в совет старейшин местной резервации. Алин здесь родилась. Это её родина.

Наташа удивленно захлопала глазами.

– Что-то она не очень довольна – заметила девушка.

Авонамйелус резко развернулась и бросила в сторону компаньонов весьма свирепый взгляд.

– Вообще то, когда человек присутствует, о нём не говорят в третьем лице – зло пробурчала пилот – но, чтобы удовлетворить ваше любопытство... я не была здесь с тех пор, как поступила в военный колледж и расстались мы с родителями не в лучшей форме.

Собственно говоря, совсем не в лучшей форме, и я вообще не планировала сюда возвращаться в этой жизни. Я понятно излагаю?

Судя потому, что она вновь отвернулась к огню, ответа она не ждала.

Наташа погрузилась в свои мысли. Она вдруг вспомнила длинные беседы старика монаха с девушкой. Значит он знал, кто она и откуда. Почему-то Наташе теперь казалось, что старик заранее знал и то, что на лодке они ничего не найдут. Он знал где искать медальон, но зачем-то им всем надо было побывать на той лодке. Может быть, старик так отвлекал врага, а может им надо было что-то понять самим? А что если...

– Флориан – сказала она – я поняла.

Штильхарт встрепенулся и бросил на девушку недоуменный взгляд.

– Я поняла, где искать медальон – пояснила Наташа.

Флориан нахмурил брови.

– Неожиданные озарения могут сыграть злую шутку – ехидно заметил молодой человек.

Наташа махнула рукой. Она вскочила на ноги и стала мерить поляну шагами. Кто ищет тот всегда найдет просто надо правильно искать и ставить правильные вопросы, тогда и получишь правильные ответы.

– Я серьезно – сказала девушка – это же элементарно просто, до смешного!

– Ну не томи! – воскликнул Флориан. Он никогда не лю-

бил чрезмерной экспрессии.

– Помощником Долматова был индейский житель и на этом острове резервация, то конечно Верховский отдал медальон этому индейцу, и он жил в деревне на этом острове!

Судя по выражению на лице, Флориан был поражен до глубины души.

– Он же сам написал в письме – выдохнул Штильхарт – какие же мы, остолопы. Постой ты думаешь, что деревня, о которой идет речь...

– Это деревня Алин! – воскликнула Наташа – здесь нет других поселений. Я смотрела карту. Медальон надо искать в этой деревне. Ставлю два к одному.

– Обалдеть – честно сказал Флориан – действительно очень просто, особенно когда мы это поняли.

– Когда миром правит недоверие всё кажется сложным – заметила Наташа – а простота главной сказкой.

Молодые люди уставились друг на друга. Возможно, конец тайны медальона совсем рядом. Осталось только протянуть и взять.

– Не стоит так радоваться сразу – пробормотал Флориан – даже если всё так, как ты говоришь, мы всё равно не знаем имя этого помощника. К тому же он или его потомки могли избавиться от медальона. Но я согласен, версия интересная. Алин, а ты что думаешь?

Авонамйелус по-прежнему сидела и вглядывалась в костер.

– Неужели поговорить захотели? – ехидно спросила она – я не хотела мешать вашему празднику. Сейчас попросите меня отвести вас туда, в деревню. Можете не отвечать, я и так знаю и не ждите, что я буду прыгать от радости из-за ваших тупых открытий.

– В чём проблема-то? – спросила Наташа.

– Проблема? – взвилась Алин – а нет никакой проблемы, по твоей логике. Только вот ты, вероятно, не знаешь, что я в своей семье не очень популярна, в последнее время.

Наташа вздохнула. Она не должна была так расплытаться. Она совсем забыла про Алин и про то, что рассказал ей Флориан. Это было черство с её стороны.

– Всё может измениться – попыталась успокоить грядущий пожар Наташа – семья – это не список записей кто родился и умер это нечто большее, что дается нам свыше.

Алин гневно взглянула на Наташу. Покровская заметила, что на глазах девушки выступили слезы.

– Не может ничего измениться – громко фыркнула Аво-наймелус – ты понятия не имеешь, о чём говоришь.

Наташа пожала плечами.

– Возможно, но я знаю, что чтобы не произошло, Семья это самые прочные узы жизни – возразила девушка – нельзя просто так бросать и разрывать эти узы. Если у тебя нет семьи, у тебя ничего нет.

– Глупая патетика из речей семейного психолога – вспыхнула Алин – я сама по себе. Всегда выживала и выживу. Про-

чие мне не нужны.

– Интересно почему тогда вы ещё здесь? – осведомилась Наташа – вот никогда бы не сказала, что вы такая. Вам просто нравится быть несчастной. Хочется сочувствия, сострадания, да? Ну как же, я же такая крутая, справедливая, благородная, а весь мир против меня. Послушайте, что я вам скажу. Вам может быть и не нужны прочие, а нам нужны и многим людям, которые страдают от болезни тоже нужны. Им нужен шанс, и если не мы дадим им этот шанс, то им его не даст никто. Тогда всё бесполезно и безысходно. Тогда Организация победила. Семейные истории порой очень болезненны, но иногда надо идти наперекор собственному эгоизму, ради большей цели. Вот как!

Алин бросила Наташе отрешенный взгляд. По её лицу можно было писать целую драму в пяти актах, столь много эмоций и мыслей проносилось по нему сейчас. Сама того не замечая девушка впиалась ногтями в собственные ладони, словно так хотела заглушить внутреннюю бурю. Возможно, Наташа была и слишком прямолинейной, однако, как она себе объяснила, цель оправдывает средства, в данном случае. К тому же она ни на йоту не соврала, в своей пламенной речи. Покровская украдкой усмехнулась, иногда она слишком превращается в политика.

– Дело не в этом – возразила Авонамйелус – я хочу помогать людям, я не хочу лишь всего остального. Я опозорила свою семью, предала их и я теперь для них враг.

– Не думаю, что это верное суждение – заметила Наташа.

– Для них верное – в слезах воскликнула Алин – вы не знаете правды, и никто не знает.

– Возможно – усмехнулся Флориан, постукивая трубкой о камень – но на данный момент Наташа права. Мы должны тебя попросить. Это наш единственный шанс, но ты вправе отказаться и уйти.

Алин тяжело вздохнула.

– Ну вот очередное сомнительное предприятие – сказала она – я свяжусь с родней.

– Правда поговоришь? – удивился Флориан.

– У нас нет выбора – пожала плечами пилот – вы правы, нам нужен этот медальон. Не найдем его все потеряет смысл. Но, только не говорите потом, что я вас не предупреждала.

Штильхарт криво усмехнувшись пихнул Наташу в плечо.

– Я думал будет сложнее – заметил молодой человек – у тебя определенный талант убеждения. В прошлый раз, когда я сказал про её семью, она чуть не пристрелила меня.

– Я и сейчас не исключаю такую возможность – сердито отмахнулась Алин.

Наташа покачала головой. Она понимала девушку. Можно закрыть глаза на то, что ты видишь, но свое сердце от чувств ты не закроешь никогда. И Покровская обрадовалась, увидев на лице Алин легкую улыбку.

Так они переждали остатки ночи. Идти решили ещё затемно, прежде позавтракав кое-какими остатками припасов

и уничтожив следы своей стоянки. Путники понимали, что скорее всего их до сих пор ищут.

Кругом на много миль раскинулись голые скалистые равнины, покрытые мелкой травкой, где гулял ветер. Ни намека на человеческое жильё. Под ногами густился липкий туман, который, впрочем, был даже приятен, потому что в тумане они были менее заметны. Фонари не включали, шедшая впереди Алин двигалась странным для неё рваным взволнованным шагом, в котором удивительно сочетался рывок вперед и бегство назад. Шла она молча, только время от времени коротко говорила о направлении.

Холодный воздух пах весенней травой и солью. Просветлевшее небо теперь клубилось серыми облаками и с каждой секундой становилось всё светлее.

Алин вела их вверх по крутому, покрытому травой склону, следуя, очевидно, каким-то своим собственным маршрутом. Наташа еле поспевала за компаньонами. Ей явно нужно было заняться физической подготовкой. Дыхание девушки стало тяжелым, а ноги горели уже от каждого шага. Затем ей вообще не понадобилось дыхание.

С вершины скалы открывался вид на огромный бушующий стальной океан, затянутый туманом, словно бы гигантский корабль только что прошел сквозь эти волны разделив их белой водой и пеной, обнажая черные камни. Зрелище было, что и говорить потрясающим. Очевидно, что и самым мощным. Такую стальную водную силу она видела только

дома в Кранцберге, но она не входила ни в какое сравнение с мощью этих потока, высекающего скалы и пронзающего небо. Смысл фразы о важности воды в менталитете человека, теперь Покровская хотела бы пересмотреть. Она поняла, почему их пилот такая. Родившись в таком краю и, нельзя быть другой.

Что-то металлическое прислонилось к её голове, и оно явно было не безопасно. Кто-то нашел их.

– Удивительно – услышала Наташа голос – я думал тебе не хватит наглости соваться сюда.

Она поняла, что это сказано не ей. Повернув голову, Покровская увидела, что сбоку от Алин стоит высокий парень, примерно возраста Авонаймелус с похожими чертами лица. У него были длинные чёрные волосы, спадающие на толстую ковбойку. В мускулистых ладонях парень зажал винтовку.

– Понимаю ты удивлен, братец – сказала Алин – знаешь, я не меньше.

– Что происходит, кто это вообще? – светским тоном поинтересовался Флориан.

Авонаймелус пожала плечами.

– Э-э-э, познакомьтесь это мой брат Лен – сказала Алин – мой младший брат. Лен познакомься это Флориан и...

Лен приставил винтовку к спине сестры.

– Так и пристрелил бы на месте – сказал он – все эти годы мое нестерпимое желание увидеть есть ли у тебя душа. Ты предала нас. Ты пошла служить белым людям. А потом ты

предала и их. Тебя пытались использовать. Ты хоть понимаешь, какое оскорбление ты нам нанесла?

Парень буквально выплевывал каждое слово. Встреча будет теплой и дружеской, решила Наташа, очень.

Авонамйелус зло зашипела.

– Послушай Лен, мы можем об этом поговорить дома? Нам нужна помощь.

Парень зло осклабился.

– Неужели ты ещё зовешь это место своим домом? – ехидно осведомился Лен – после всего, что наворотила? Ты даже не представляешь, сколько я и родители здесь разгребали, когда ты ушла биться на свои войны и потом, когда тебя осудили.

– Меня осудили несправедливо Лен – возразила Алин – я была вынуждена защищаться. Семья не помогла мне.

Лен криво усмехнулся.

– Семья – это не бюро добрых услуг – сказал он – семья это взаимное уважение и взаимная ответственность. А ты эгоистка, сестра. За все годы ты ни разу не вспомнила о нас, и вдруг ты являешься и просишь о помощи, когда тебе надо. Ты ни разу не поинтересовалась, нужна ли нам помощь?

– Это была не моя идея – только проговорила Авонамйелус.

Ответ не лучший, решила про себя Наташа, чего-чего, а сенситивности и такта, Алин не хватает. Покровская сообщила, что парень смотрит на неё и взгляд был вообще-то не

самый дружелюбный. Тот, кто держал её сзади вдавил оружие в самую шею.

– Вы – сказал парень – это же вас все ищут и предложили за вашу смазливую мордашку приличный куш. Возможно, сдав вас властям, мы разберемся с проблемами. Хока хей.

Вооруженные люди шагнули ближе. Флориан пытался запротестовать и решить дело миром, но куда там... Алин уже почувствовала запах крови и двигаясь как дикая кошка, взмахнув кулаком, чтобы выбить винтовку из рук брата. Таким же резким движением, уже ноги она ударила в голову, того, который держал Флориана, затем подняла и снарядом швырнула в другого, что держал возле шеи покровской револьвер.

Никто и не среагировать не успел, как в руке Авонамйелус сверкнул нож, и она поднесла острие к горлу своего брата. Ещё один шаг и была бы кровь.

– Нанпи йузе шни йо! – закричала Алин – хейапи!

Это непереводаемая игра слов, с использованием местных идиоматических выражений, очевидно означала нечто вроде: я сказала уберите руки, решила Наташа, ну судя по тому, что схватившие их люди отступили на шаг.

– Прекратите, оба – воскликнула девушка, решив взять на себя инициативу дипломата – мы пришли с миром. Нам действительно нужна помощь. От этого зависят жизни сотни людей. Если можете помогите, пожалуйста.

Голос Покровской был до того сверхъестественно добр,

что Алин разжала хватку. Лен камнем упал в траву, тяжело дыша. Авонамйелус просверлила его гневным взглядом.

– Да, сестренка, ты явно улучшила свои навыки – прохрипел Лен, поворачивая голову к Наташе – а вы мне нравитесь. Никто здесь уже не взывает к миру и помощи.

– И так будет везде – сказала Наташа – если вы не сможете поверить нам.

Лиен с трудом поднялся на ноги и махнул своим людям, чтобы те опустили оружие.

– Думаю мы поняли друг друга – сказал он – я отведу вас в деревню, но обещаю, что вам будут рады – парень махнул рукой ункупело!

Их взяли в коробочку и повели вдоль холодного берега. Оружие не убирали, но и не наставляли, позволив и чужакам его оставить. Наташа самодовольно усмехнулась. Талант дипломата в ней не пропал, ну по крайней мере на данном этапе. Девушка обернулась на Алин, которая лишь молчала и хмурилась, погруженная в какие-то собственные мысли или просто была сосредоточенна, к чему-то готовясь. Возможно, к чему-то поворотному для неё.

* * *

Павел Сергеевич Горчаков оказался крупным мужчиной с пышными усами и лысеющей головой, лет 50–55, одетый в стандартный чёрный двубортный пиджак с золоченным по-

зументом. Общаться с ним было весьма приятно, сразу чувствовалась старая дипломатическая школа.

Артамонова он принял в рабочем кабинете, своей ведомственной дачи, что сразу насторожило генерала. Наведя некоторые справки, он выяснил, что день тому назад Горчакова вежливо попросили освободить занимаемую должность. Гласно это была просьба министра. Негласно, как удалось узнать Артамонову, от одного из членов комиссии по чрезвычайному положению. Эти люди теперь считались коллегиальным органом управления Великоруссией и похоже аккуратно начинали убирать тех, кто имел влияние при гражданской власти, ныне благополучно изолированной, под предлогом пандемии. Что же до Горчакова, то ходили слухи, что его скоро обвинят в государственной измене. В Великоруссии и до последних событий в этом обвиняли сплошь и рядом, а уж теперь, когда спецслужбы получили практически неограниченные возможности.

Артамонов усмехнулся своим мыслям. А ведь когда-то он мечтал о такой власти. Да, он мечтал ловить и карать предателей родины. Либералов, нечистоплотных бизнесменов, олигархов. Они по мнению Артамонова разрушали великую страну с тысячелетней историей. Теперь, получив эту власть, он испугался её. Он испугался, что смогут сделать с её помощью, что он сможет сделать и во что превратиться. Вот от чего ему стало страшно.

Горчаков подвинул перед ним вазочку с вареньем, баран-

ками и разлил по маленьким фарфоровым чашкам чай с душистым запахом бергамота.

– Угощайтесь – добродушно сказал дипломат – моя Ольга Михайловна готовила.

– Благодарю – кивнул генерал – давно не пробовал домашнего.

– Да-а – протянул Горчаков – жизнь имеет обыкновение меняться и не всегда в лучшую сторону. Впрочем, я всегда смогу себя утешить, что за мной прислали целого генерала, а не какую-то мелкую шелупонь. По крайней мере почки целыми останутся.

Артамонов коротко улыбнулся.

– Удивительная проницательность – заметил генерал – выходит вы знаете о готовящемся аресте?

– Догадываюсь – сказал Горчаков – новая метла по-новому метет и часто выметает всё, что ей мешает. Арест старых кадров – это так типично для нашей истории, и, заметьте, кто бы ни был у власти, никогда у них нет мысли о том, а сколько этот человек сделал и может сделать? Нет, я сейчас не о себе говорю, так подумалось вдруг. Так что меня сразу на Лубянку?

– Я к вам совсем не по этому делу – покачал головой генерал – я не собираюсь вас арестовывать. Пока на это приказа не было.

Горчаков откинулся в кожаном кресле.

– Вот как – удивленно двинул бровями дипломат – что

же тогда понадобилось от меня генералу военной разведки? Вы же просто так не приходите. Значит, я вам для чего-то нужен, так?

Артамонов отрывисто кивнул и кратко поведал Горчакову события последних дней и часов, стараясь особо не акцентировать тот факт, что Покровскую задержал и допросил именно он. Пусть Горчаков подумает, будто он ей помогает. Самое поразительное, что похоже это было действительно так. Дипломат вежливо слушал, прихлебывая чай с вареньем и метал в сторону Артамонова многозначительные взгляды.

– И вот вы пришли ко мне – заключил Горчаков, выслушав рассказ – и не ошиблись в источнике информации. Так уж вышло, что я некоторым образом связан с этой историей.

– Иными словами, вы хотите сказать, что всё, что говорит Наталья Владимировна – правда? – без экивоков спросил Артамонов.

Горчаков опустил веки.

– Смотря, что именно вы под ней понимаете – улыбнулся Горчаков – всегда говорят, если хочешь, чтобы тебя считали сумасшедшим, всегда говори правду. В вашем случае Наталья Владимировна сыграла роль Кассандры, которую не послушал Агамемнон. Впрочем, такие лирические аллегории для людей утонченных, вроде нас с вами, а для обычных людей всё это проходит достаточно незаметно. Что же касается правды, то Наталья Владимировна смогла сообщить только то, что сама узнала, а это далеко не вся правда.

– Вы клоните к тому, что имея полную картину я буду более широко мыслить – понял Артамонов – так в чём же дело?

Дипломат отхлебнул чая, очевидно всё ещё взвешивая стоит ли говорить. Они всегда начинали с длинных предисловий, эти дипломаты.

– Всё заключается в том, что изначально в этой истории было два конкурирующих человека. Александр Верховский и доктор.

Аристов.

– Да – кивнул Артамонов, теребя чашку – Покровская говорила мне. Но почему они конкурировали за этот медальон?

– Медальон – это ключ к нахождению противоядия – пояснил дипломат – противоядия, которое предок Верховского спрятал до поры, чтобы оно не попало в плохие руки. Аристов был учеником, того доктора, что разработал вирус. Он тоже ищет медальон. Ему он нужен, чтобы включить противоядие в чип, который разработали в его Департаменте.

– Да, я слышал – сказал Артамонов – его представляли по телеканалу Директории, как спасительную вакцину от «зеленого призрака». Проект называется «Acquisition», если не ошибаюсь?

– Верно – кивнул Горчаков – однако истинное назначение совсем в другом. Вакцина против вируса будет блокировать болезнь, пока человек исполняет определенный набор

правил, если человек становится не угоден, то специальная внедренная программа уничтожает вакцину. Человек заболел и умирает.

У Артамонова дернулся кадык. Звучало, как фантастическая сказка, если, конечно, не строить определённую причинно-следственную цепь, в которую могло уложиться весьма многое, если построить, как велит логика, а не рациональное исполнение приказов.

– Ну конечно – ахнул генерал – цифровой распределитель. Используя его, можно получить данные о любом человеке, о его связях, взглядах, предпочтениях. Безусловно, в этом свете, на этот закон следует смотреть совершенно по-другому.

Горчаков пожал плечами.

– Вероятно Наталья Владимировна так и пыталась делать – заметил дипломат – однако, как вы справедливо поняли, она не видела всей картины, поэтому и выглядела без умолку безумной Кассандрой.

– Вы встречались с Верховским – кивнул Артамонов – от него вы это знаете, так?

– Так – сказал Горчаков – много воды утекло с момента переворота в Понтии, однако те события я прекрасно помню, очевидно их помнил и Александр Владимирович, который действительно обратился ко мне за помощью. Услышав его историю, которую вам, отчасти и поведала Покровская, я, как и вы, сразу связал это с разрабатываемым тогда, ещё проектом закона о «едином цифровом распределителе». По дол-

гу службы, работники моего департамента, готовили в думу аналитические справки о подобным методах сбора информации в европейских странах. Мне стало любопытно. Только вот поделиться своими мыслями с Верховским я не сумел. Он сразу отправился в Петерштадт, а потом я узнал, что он исчез.

– Не подумайте, что тороплю вас – сказал Артамонов – однако... Школьников, он перед смертью назвал ваше имя. Откуда он вас знал?

– Подсластите чай вареньем – улыбнулся Горчаков – ответ на этот вопрос я дам чуть позже. Дело в том, что в этой истории был ещё один персонаж. Человек, который поначалу свел Школьникова с генералом Адашевым, а затем и с доктором Аристовым. Именно этот человек придумал великолепный надо сказать план со съёмками фильма и предложил его Адашеву. Но обо всем по порядку. Аристов, на самом деле знал о медальоне крайне мало. У него были только обрывочные сведения. Его учителя Ланге не было во время гибели капитана Долматова его и не было на корабле, когда старпом Верховский прятал медальон. Единственной ниточкой был предок Верховского, который естественно никогда бы не рассказал о медальоне Аристову, поэтому ему нужен был человек из ближнего окружения Александра Владимировича, но как перетянуть этого близкого человека на свою сторону. В этом ему тоже помог тот персонаж, который познакомил его со Школьниковым и который, на счастье, Ари-

стова знал о медальоне несколько больше, чем сам доктор.

Артамонов нахмурил брови.

– Я уже не молодой человек – сказал генерал, улыбнувшись – и перестаю понимать подобные рассказы, где-то на середине. Откуда этот, как вы говорите персонаж, знал о медальоне?

– Вы поймете – кивнул Горчаков – я помогал Александру Владимировичу в его поисках, хотя не скрою, относился к этому весьма скептически. Мы никогда не узнаем, как погиб капитан Долматов или его помощник, это навсегда останется тайной, должно быть. Но кое-что мне удалось отыскать. В архиве министерства обороны я обнаружил один документ – наградной лист экипажа лодки. Копия этого листа хранилась в военно-морском музее Петерштадта. Эту информацию я передал Анастасии Урусовой – жене Верховского. Никто кроме нас троих этой информацией не обладал. Но куда более важную информацию я раздобыл из другого документа – шифротелеграммы одного комиссара, который командовал зачисткой Крыма от «белых», а лодку «Барс» последний раз видели как раз в Крыму. Она принимала участие в эвакуации беженцев и в Крыму, как считается, погиб Долматов. Мне стало любопытно, и я решил узнать об этом комиссаре подробнее.

– Выяснили? – прищурился Артамонов.

– Его фамилия была Лаксис – пояснил Горчаков – один из вершителей «красного террора» в Тавриде и не только.

Его, как и многих его товарищей расстреляли в 30-е годы, но у него, к этому времени, уже был ребенок – мальчонка лет пяти и после расстрела отца его усыновили. Одна приличная интеллигентная семья.

На мгновение горло Артамонова сжалось от шока. Он столько раз слышал эту историю. Нет невозможно. Очень захотелось вдруг убежать, зарыться в каком-нибудь подвале и надолго заснуть. Как же глупо его обманули. Но он сам был тому виной. Теперь, услышав последнее он вдруг понял всю картину, зачем и для чего было всё это было. Для чего его так использовали. Для чего его сравнили с Натальей Покровской. Все встало четко как в пасьянсе. Персонаж, как назвал его Горчаков, задумал действительно гениальную комбинацию, а ему, Артамонову, отвели роль болвана.

– Думаю, что я знаю о ком вы – глухо сказал генерал.

Горчаков улыбнулся.

– Естественно – сказал он – я догадывался об этом. Видите ли. До вас я имел удовольствие беседовать с Флорианом Штильхартом. Он рассказал мне, что вы арестовали Наталью Покровскую за убийство, которое она не совершала. Ему я тоже рассказал эту историю. Он сложил два и два и понял куда раньше. Интересовался, замешены ли вы в этом, но я вас достаточно знаю генерал, вы человек честный, пусть и не всегда показываете сие. Я сказал ему об этом.

Артамонов громко засмеялся в ответ. И здесь его поймали, а он-то думал попытать Горчакова противоречиями. Вот

уж действительно не надо играть с дипломатами.

– Пожалуй я выпью что-то покрепче – весело сказал он – в честь моей честности.

В бокал хозяином был налит односолодовый виски. Артамонов сделал глубокий глоток и продолжил.

– Выходит вы заранее всё знали и водили меня кругами. Умно.

– А вы бы поверили, если я бы рассказал вам сразу? – спросил Горчаков – Покровская вам доверия не внушила. Я вам хотел показать всю картину, полагаясь на вашу честность. Теперь, вы поняли и увидели.

– Да, признаюсь ваша история убедительнее истории Натальи Владимировны – честно сказал генерал – но если этот Флориан Штильхарт был у вас, то зачем ему было устраивать.

Покровской побег? Можно же было связаться со мной.

– Хороший вопрос – согласился дипломат – однако, я не думаю, что побег устроил он, скорее всего это тоже было подстроено, другим персонажем, также, чтобы очернить Покровскую.

– Да – кивнул генерал – про неё уже пишут едкие статьи, что, мол главный патриот Великоруссии, а сбежала на самолете НАТО. Получается, что все, кто против распределителя, в общественном сознании становятся как она. Она же была лидером оппозиции закону.

– Вот именно – веско заявил Горчаков – их задача была

посеять рознь в руководстве и выместить тех, кто не подходит по их идею абсолютного контроля, а потом под шумок протолкнуть своего кандидата. Ровно тоже самое было в Понтии, пять лет назад.

– Противно признавать, что у них получилось – покачал головой Артамонов – мы столько лет вдалбливали обществу один конкретный нарратив, что иной они уже просто не воспримут. Кто же это, они? У вас есть соображения?

– Могу предположить только, что следы ведут на самый верх – мрачно сказал Горчаков – что-то новое появилась в высших эшелонах власти. Новое и невероятно опасное. Оно расплзлось по телу страны будто опухоль. Если уж и вы не смогли отследить их... мои способности, куда как скромнее. Но если мы хотим спасти страну, то надо признать одно. Парламент и правительство находится под контролем внешних сил и это продолжается годами. Нам надо в корне менять нашу политику. Наши враги больше не государства. Больше нет противостояния запад-восток. Ныне у всех есть один глобальный враг S.I.G.M.A.. Её нельзя увидеть, её нельзя почувствовать, но она есть и действует. Её не найдешь на карте мира. Против неё бессмысленно ядерное оружие и страх, который она сеет, уничтожит любого даже самого могущественного. Поверьте мне.

Сквозь открытое окно Артамонов услышал звуки подъезжающих машин. Не меньше трех.

– Ну вот и всё – вздохнул дипломат – теперь точно за

мною. Уходите отсюда генерал, через балкон. Уходите, пока можете, если вас увидят, то всё будет напрасно, но на прощание... прошу вас, найдите Наталью Владимировну. Уверен у вас есть ещё преданные люди. Прощайте.

Генерал Артамонов не привык к сентиментальностям, но как профессионал, он не мог не почувствовать уважения к этому человеку. Генерал сухо кивнул и скрылся за тяжелой дубовой дверью, которая вела на чугунный балкон с витой лестницей, уходящей вниз. На улице было тихо, но за спиной слышалась возня. А потом грянуло два выстрела. Всё было кончено. Артамонов прислонился к приоткрытой двери и стал слушать.

– Здесь явно кто-то был – сказал голос – общитесь всё тщательно. Найдите кто это мог быть.

Ответа генерал не смог услышать. Первый голос был ближе.

– И сообщите, чтобы приготовили мой самолет к вылету – вновь услышал голос Артамонов – пора навестить нашу канадскую беглянку.

Больше было слушать опасно, и генерал стал осторожно спускаться вниз. Теперь он знал, где искать Наталью Покровскую.

Только добравшись до машины, которую предусмотрительно взял на прокат, Артамонов достал мобильный телефон. Он надеялся, что его ещё не прослушивают.

– Федор – сказал он в трубку – «весна». Да, ты правильно понял. Надеюсь и я тоже. Подготовь от моего имени шифрограмму, не позднее, чем через пять минут. Пусть наберут пятнадцать-двадцать ребят, самых крепких и ловких. Они должны быть в полном обмундировании не позднее, чем через час. Да, мы летим в Канаду. Спасать Наталью Покровскую. Что? Я и сам не верю. Всё на этом. Да поможет нам Бог.

Иногда, чтобы добраться до истины нужно сдвинуть горы, а иногда достаточно заглянуть внутрь себя. Генерал мрачно усмехнулся и поразился мелькнувшей у него мысли. Он вдруг подумал, что смех и слезы отнюдь не так далеки друг от друга, как многим кажется. Наоборот, расстояние между ними крайне невелико.

Шломо Бенаюн занимал пост директора ВОЗ уже два года. Для него это был чрезвычайно желанный и важный пост. По своему образованию он был специалистом по инфекционным болезням. Сегодня он был приглашен на встречу с представителем нового экспериментального научного центра в Понтийской директории. Встречу устроил меценат Джеффри Трэверс, известная личность – друг пяти госсекретарей, четырех президентов, нескольких руководителей ЦРУ, сенаторов, судей и бог знает кого ещё. Естественно, будучи на таком важном посту, Бенаюн общался со многими влиятельными людьми. Знакомство с Трэверсом снискало для директора ВОЗ хорошую службу в общении с несколькими новостными агентствами, благодаря чему в прошлом году Бенаюн был выбран на обложку «TIME». Высшее достижение мира, которым Бенаюн, впрочем, не спешил кичиться.

Трэверс нашел директора во время его доклада в ООН о борьбе с вирусом VOC1 в тропической Африке. Доклад был принят на ура, хотя не был лишен некоторого излишнего оптимизма И вот на небольшом аперитиве после доклада, когда Бенаюн решил перекинуться парой слов с коллегами и выслушать их замечания... именно этот момент улучил Трэверс, чтобы прервать беседу и сообщить о странной встрече.

Бенаюн весьма озадачился, получив приглашение. Даже

не тем фактом, что его собираются отвести на встречу без какой-то предварительной договоренности с ним самим, но больше, тем, с кем будет встреча.

Как и многие его коллеги, Бенаюн слышал новом научном департаменте в Ольвии, но не сказал бы, что много. Вряд ли кто-то вообще мог об этом поведать. Этот центр всегда был местом, где не любили срывать покровы со своей деятельности. И вдруг он получает приглашение на некий вечер посвященный, ни много ни мало, презентации прорывной технологии в лечении VOC1. Директор ВОЗ тогда вежливо отказался, сославшись на подготовку к докладу в ООН, но пообещал быть в следующий раз. Теперь он мог сказать, что эти люди серьезно относятся к чужим обещаниям.

Встреча, как оказалось, должна была проходить в самом здании ООН, но на этаж ниже. Идя вслед за Трэверсом по коридору, Бенаюн всячески не хотел показывать свою излишнюю заинтересованность. Это была профессиональная черта, которая всегда должна сопровождать врача. Треверс не говорил более ни одного слова, только сделал приглашающий жест, когда они зашли в один из конференц-залов. Дверь за ними закрылась с лёгким щелчком замка. Было темно. Мерцал только экран проектора, на котором возникло лицо лишенного волос человека в очках и с ртом скошенным набок. Даже через экран Бенаюн ощущал власть этого человека. Власть над другими.

– Поскольку вы не смогли присутствовать на моей презен-

тации – послышался резкий голос человека – мы пошли на встречу ВОЗ, и я самолично представлю вам свой проект, который поможет победить эту ужасную болезнь.

Бенаюн подумал, что неплохо было бы что-то сказать в ответ, но язык почему-то не слушался.

– Ваш доклад был весьма впечатляющим – заявил неизвестный – я специально следил за ним через интернет-трансляцию. Только он крайне пессимистичен, на мой взгляд. Вы слишком слепо относитесь к проблеме здоровья человека.

– Мне говорили, что мой доклад даже слишком оптимистичен – хмуро заметил Бенаюн, проглотив явное оскорбление – вероятно у вас другое мнение.

– У меня другое решение проблемы – ответил неизвестный – попросту единственное решение, которого вы со всеми вашими ресурсами не в состоянии были дать человечеству.

У Шломо отпала челюсть от такого беспардонного эгоизма, который чувствовался в каждом слове говорившего.

– Слишком смелое заявление, по-моему – отметил Бенаюн – но, что же вы можете предложить, вместо нашего плана. Хотелось бы конкретики.

– Она есть уверяю вас – сказал неизвестный – позвольте я покажу вам то, что поможет вам понять, почему я решил предложить свою помощь.

Картинка на мерцающем экране сменилась. Кто-то запустил видео, демонстрирующее ужасное: толпы людей, ходи-

ли по улицам города и их вид был жуток. Кожа весела лохмотьями и сквозь неё просвечивали кости, из которых сочилась пена. Люди бросались на стены домов, друг на друга и падали в изнеможении.

– Это не кадры фильма ужасов – вновь заговорил неизвестный – это один из городов, в котором была обнаружена новая мутация вируса. Об этом ещё не сообщило ни одно новостное агентство, но через час это будет видеть весь мир. Очередную вашу беспомощность в борьбе с VOC1.

– Вы меня шантажируете или угрожаете? – уже с раздражением спросил Шломо.

Неизвестный покачал головой.

– Хочу помочь – елеинно сказал он – ведь я бесконечно уважаю ваш вклад в медицину и потому хочу вам кое-что объяснить. Согласно древнеиндийской легенде, создатель шахмат, легендарный Сисса, показал своё творение правителю. Тому так понравилась игра, что он предложил математику самому выбрать себе награду за изобретение. Тогда мудрец попросил за первую клетку шахматной доски дать ему одно зерно пшеницы, за вторую – два, третью – четыре, четвёртую – восемь и т. д. Король согласился, немного усмехнувшись: «Ты просишь каких-то пару мешков зерна», – как мы позже увидим, он не разбирался в арифметике. Правитель приказал выдать математику требуемое количество пшеницы. Но, спустя неделю, казначей всё ещё считал, сколько же зерна требуется для выплаты награды. Когда король решил узнать о при-

чинах задержки, казначей сказал ему, что количество зерна просто колоссально. То есть последовательность элементов, каждый следующий член которой равен предыдущему, умноженному на фиксированное для всей прогрессии число.

– Это называется геометрической прогрессией – сказал Бенаюн – я в курсе, но боюсь не улавливаю, что вы мне хотите сказать. Будете рвать листочки, как у Дена Брауна?

Рот неизвестного скривился в усмешке.

– Этот вирус уже свел планету с ума – сказал он – можете ли вы предположить, что будет через несколько месяцев? Если в каждом городе будет то, что показано на видео, а ведь это не Африка это в каких-то трехстах километрах отсюда. Если произойдет удвоение в три четыре раза планета исчезнет, если его не остановить. Ваш шанс спасти человечество – это сказать, что у вас есть лекарство. Если человек узнает, что у него есть способ выживания, он успокоится, будет более лояльным, он будет соблюдать необходимые правила и болезнь уйдет. И вот я встретился с вами, чтобы спросить почему ВОЗ отказывается взять то, что им предлагают совершенно безвозмездно, совершенно не думая о последствиях отказа.

– Ваш проект слишком революционен – пробормотал Бенаюн – хотя мне он по душе, но я не могу обязать правительства стран использовать его.

– Я этого и не прошу – ответил неизвестный – но вы можете стать пропагандистом проекта «Acquisition». Многие

прислушались бы к вашему авторитету. А когда проект стал бы показывать реальные результаты, то каждая человеческая жизнь была бы на совести неприсоединившихся. В мире хаоса король тот, у кого есть ключ к порядку. Вы можете стать королем.

– Не думаю, что вы хотите помогать так уж безвозмездно – парировал Бенаюн – что взамен?

– Всего лишь скромное признание наших заслуг – улыбнулся неизвестный – я предлагаю сотрудничество. Не сомневаюсь, что вы хотите бороться за человечество, но какая может быть альтернатива? Устойчивое развитие? Доклады Римского клуба? Прожекты о контроле за рождаемостью? Эти глупые мечтатели не понимают о чём говорят.

– Римский клуб не подразумевает сокращение численности населения – возразил Бенаюн – к чему подобное мракобесие?

– Но вы не убедите других в этом – сказал неизвестный – наш же проект позволит человеку жить так, как он и жил. В этом вся прелесть. А иначе все эти безумные идеи о равенстве, экологизме и устойчивости уничтожат все жизненные блага цивилизации и отбросят нас в каменный век. Мы стоим на пороге большой битвы.

– Я врач, а не философ – покачал головой Бенаюн – мое дело спасти как можно больше жизней.

– Вот только для вас это становится всё большей проблемой. С каждой новой смертью, а вскоре они буду расти куда

быстрее, чем сейчас. Я и показал вам это. Да вы не философ, так я и не прошу философских метаний. Я лишь хочу, чтобы вы рационально посмотрели на вещи, привычным взглядом и тогда вы увидите, что то, что я предлагаю вам, гораздо лучше вашей нынешней политики.

Кем бы он ни был, подумал Бенаюн, он отлично умеет играть с идеями и желаниями людей. Он ставит противника в цугцванг. То, что показано на видео было настолько ужасно, что Бенаюн просто не мог не согласиться на помощь или по крайней мере должен был её рассмотреть. Всё же наличие такого серьезного человека, как Трэверс, в этом проекте, обеспечивало ему привлекательность.

– Помните, я лишь предлагаю вам сделать свой выбор – мягко объявил человек, как будто адвокат перед присяжными – я не заставляю вас и не принуждаю. Я обрисовал вам перспективы грядущего страдания человечества, если и дальше оно будет под контролем сомнительных глобалистских структур. Естественно, крупные фармкомпании никогда не одобряют проект выскочки вроде меня, вот вам и приходится на вечные вопросы о бездействии перед вирусом отмахиваться рекомендациями вроде ношения масок и социальной дистанции. По-моему, настало время проявить независимость. Пришло время решительных мер.

Бенаюн посмотрел на собеседника с молчаливым недоверием.

– И вы сможете предложить альтернативное будущее? –

спросил он.

– Конечно – флегматично отозвался собеседник, как будто речь шла о приготовлении шакшуки – мне нужно только ваше согласие.

– Оно у вас есть – выдохнул Бенаюн – но предварительное. Я обязан поставить в известность коллег.

– Естественно – улыбнулся неизвестный собеседник – я и не мог рассчитывать на большее, но уверяю вас, что вы получите настоящее эстетическое удовольствие, когда господин Трэверс с большим удовольствием разъяснит все детали проекта. Думаю, наше сотрудничество принесет большие результаты. На благо человечества! Вы не будете разочарованы, уверяю вас.

Пустые глаза неизвестного засветились огоньком, от которого Бенаюну стало не по себе, но он уже сказал первое слово. К тому же его собеседник был чертовски прав. По крайней мере это была действительно рациональная оценка ситуации.

* * *

Возле берега путников ожидал небольшой катер, возле которого стояли, сжимая ружья двое индейцев. Шедший впереди Лен крикнул пару команд на местном наречии, и индейцы запрыгнули внутрь судна. Заревел мотор.

Алин, Флориана и Наташу отвели на корму, оставив с ни-

ми одного человека. Катер отчалил, и Покровская вновь почувствовала пробирающий морской холод. Туман покрывал с головы до ног и катер практически не было видно. Ровное гудение мотора убаюкивало. Охранявший их индеец что-то на своем проговорил Алин и передал ей фляжку. Та сухо и кивнула и взяв предмет протянула его Наташе.

– Выпейте – бросила пилот – это согреет. На воде нельзя спать.

Наташа недоверчиво посмотрела на флягу и влила содержимое в рот. Горло обожгло словно из огнемета, но зато прошла ломота и судороги прошли. Ушла и сонливость.

Индеец засмеялся и что-то проговорил на своем языке. Алин впервые за путешествие улыбнулась.

– Адэхи говорит, что вы теперь не будете спать до следующего полнолуния – сообщила Авонамйелус – и говорить станете поменьше. Насчёт последнего, я сомневаюсь.

– Передайте ему мою несказанную благодарность – севшим голосом прошептала Наташа.

Когда они добрались, с берега посвятили маяком. Двое взрослых парней подтянули катер к деревянному пирсу и привязали его веревкой.

От пирса шли песком по узкой земляной тропинке, которая метров через сто сменилась грунтовкой. Как только путники появились на дороге им встречу выбежало несколько собак с громким лаем, они принялись обнюхивать Наташу и Флориана, Лен резкими командами отогнал псов.

Почти сразу после выхода на дорогу, вокруг замелькали разноцветные деревянные лачуги, сначала обшарпанные, те, которые стояли на самом отшибе, но чем дальше путники шли, тем городок становился презентабельное и ухоженнее. Аккуратные фасады с названиями фирм или магазинов, банки, парикмахерские... это сразу напомнило Наташе уездный город N, из Ильфа и Петрова. Вот только похоронных контор не было, зато вдоволь имелось мелких баров и ресторанов, которые даже днем искрились, как рождественская елка. Этот городок Наташе понравился. За ним явно следили.

Мимо, по своим делам проходили жители, некоторые смотрели на чужаков, оглядывая их с любопытством, а те, кто были парой или в компании тихо шушукались, поглядывая на Алин.

– Дом, милый дом! – пробормотала Алин.

– Только не мандражируй – попросил Флориан – наверняка все уже изменилось и тебе будут рады.

Авонамйелус фыркнула.

– Ты не знаешь моих родителей – сказала пилот – им не нужен повод, чтобы пристрелить меня.

– Мило – заметила Наташа – а ещё говорят, что быть родителем труднее всего.

– Знаете, процесс раздражения родителей никогда не доводил до добра ни одного литературного героя – хмуро усмехнулась Алин – не думаю, что в реальности, я стану исключением.

От основной дороги они свернули налево и пройдя метров пятьсот взору путников предстал большой дом из красного дерева симметричной формы в шесть этажей высотой и высоким каменным фундаментом. Приусадебный участок был очень ухожен. Глазу выделялись бассейн и гипсовые статуи. Перед главным фасадом располагалась ухоженная лужайка с цветочной клумбой. Дом украшала просторная терраса с оградой из белой лепнины.

На этой террасе их уже ждали: несколько человек с винтовками в руках прямо-таки очень дружелюбного вида, в их кругу стояла женщина в длинном платье из темной замши с бахромой и пестрой накидке. Лицо её было до удивления похоже на лицо Алин, вплоть до орнамента на коже, хотя как заметила Наташа некоторые линии отличались. Впрочем, не надо было быть гениальным физиогномистом, чтобы понять, что женщина никто иная, как мать Алин Авонамйелус.

– Значит все слухи про тебя правда – властно сказала женщина, осмотрев гостей гневным взглядом – арестуйте их немедленно. – скомандовала женщина – эту предательницу ждет племенной суд. Её и тех, кого она посмела привести сюда. Удивляюсь, как ты их раньше не арестовал Лен?

Молодой человек выступил вперед.

– Мама, позволь ей сказать – произнес он – возможно сестра зря вернулась, но ей нужна помощь. Мы же не отказываем нуждающимся?

– Мы всем рисковали, добираясь сюда – вступила Наташа

– выслушайте хотя бы.

Алин воспользовалась паузой и вышла на шаг вперед.

– Мама позволь мне представить тебе моих спутников – Наталья Покровская – депутат государственной думы Великороссии и Флориан Штильхарт – советник дипломатической миссии Швейцарии – пилот повернулась к спутникам – это моя мать – Кими Авонамйелус.

Гости поклонились в знак приветствия.

– Надеюсь, ты не думаешь, что мы бросимся с распростертыми объятиями – сказала Кими – мало того, что ты бросила семью и сбежала поступать в военный колледж, предала нас, теперь ты в розыске военной разведки НАТО и всех резидентур ЦРУ, как, кстати, и твои друзья. За тобой уже приходили и они вернутся. Не такой судьбы я желала для своей дочери, как и отец. Ты даже не можешь представить, как мне было тяжело после его смерти. Когда ты сбежала, все кланы от нас отвернулись. Я почти всё потеряла. Влияние, положение и только железной волей смогла восстановить порядок. Ты хоть понимаешь, как это трудно держать все кланы, когда о твоей дочери рассказывают каждый день по телевизору такие подробности, что и вспоминать стыдно. Отец умер из-за этого. Наверное, ты про такое своим друзьям не рассказывала.

– Чтобы там ты не слышала – вспыхнула Алин – это ложь. Я не совершала ничего из того, что про меня говорили. Чтобы меж нами не было, я всегда была дочерью своего клана

и останусь ею. Я пришла не враждовать, а искать защиты и помощи у своей семьи. Своей настоящей семьи. Ты учила, что не следует винить человека, пока не походишь три луны в его мокалинах. Пожалуйста, поверь мне.

Сейчас в ней не было никакого напускнуго эгоизма, поняла Наташа, несмотря на все свои бравады, вот теперь Алин говорила искренне, вкладывая в слова всю ту боль, которую вероятно похоронила глубоко в себе, и которая вырвалась снова, как только она переступила порог родного дома. Как говорится, счастлив тот, кто счастлив дома.

Женщина не сводила с гостей жесткого взгляда.

– Родители не должны бросать своих детей – сказала она – какая бы пропасть между ними не лежала. Возможно, с течением времени ты поймешь Алин, что всё, что мы с отцом делали, мы делали для вашего с братом блага и тогда обида на нас уйдет, но пока же я смиряюсь перед тобой и добро пожаловать назад в семью, дочка.

Наташа увидела, как на глазах обеих выступили легкие слезы и обе бросились в объятия друг друга. Это была очень древняя и самая сильная магия на свете, много сильнее любого колдовства – родительская любовь. Самая бескорыстная любовь на свете.

Выпустив дочь из объятий Кими обернула свой взгляд на пришельцев. Несмотря на трогательное примирение с Алин, она всё ещё смотрела на них прежним гордым взглядом. Это была действительно сильная женщина.

– Я дозволю твоим друзьям переступить порог нашего родового имения – сказала она – и будь уверена, что я помогу вам. Это не в моих правилах, но я покажу тебе, что и ты ошибаешься, на мой счет.

Гостей провели внутрь дома. Антураж особняка поразил Наташу не меньше, чем фасад. Не то, чтобы она думала, что индейцы живут в вигвамах, но все же она не ожидала такой роскоши. Внутри дома преобладал дорогостоящий интерьер из разных стилей – от классического до модерна. Многие элементы были выполнены из дорогих пород дерева. Дом был очень светлым и просторным. Внутри хорошо дышалось.Guests проводили в комнаты, дали чистую одежду и всё необходимое для умывания. Наташа несказанно обрадовалась этому, так как последний раз принимала душ, только в ньюфаундлендской гостинице, а уж возможность иметь свежую одежду, она вообще уже считала чем-то сказочным, ведь все ещё вещи остались в Петерштадте. Едва она успела привести себя в порядок, как в дверь постучала горничная и сообщила, что гостью просят к столу. Услышав это, Наташа просто просияла, неужели их ещё и накормят? Ей здесь уже решительно нравилось. Торопливо нацепив на ноги меховые мокасины, расшитые тесьмой, которые очень приятно грели ноги, девушка поспешила в большую трапезную, где уже сидели её товарищи.

Еду подали достаточно скромную, хотя по мнению Наташи, это был настоящий пир, после целого дня странствий

по глубинам океана. Покровская с большим удовольствием уминала жаренный хлеб с фаршем, бобы, индейку и рисовые оладьи. Как, однако нам мало нужно для счастья, подумала Наташа, отвлеченно слушая как Алин и Флориан пересказывают их приключения. Хозяйка дома же наоборот выслушала их со всем вниманием и как-то по-особому кивала, словно бы подтверждая свои мысли.

– Это старая история – кивнула Кими – я много раз слышала её, будучи ещё сама девчонкой, но боюсь, что ничем конкретным помочь вам не могу... Вот мой муж, твой отец, Алин. Он любил интересоваться прошлым, но эта история была его хобби. Помню ещё в детстве он наряжался в наши традиционные одежды и изображал из себя того индейского воина, что помогал капитану Долматову. Много воды с тех пор утекло, мы были тогда чище и светлее, а сейчас мрак стучится над нами и почти никого не осталось, кто помнит те дни. Разве что сказитель... летописец нашего народа. Он собирает и хранит множество старых историй, возможно он сможет помочь вам.

– Так пойдемте, потолкуем с этим сказителем – нетерпеливо вставила Наташа, к которой после еды вернулось прежнее состояние легкой бойкости – может он нам скажет, где искать медальон. Но я убеждена, что он в вашей деревне.

Кими вежливо улыбнулась.

– Уверяю вас, я бы нашла его – сказала женщина – после смерти мужа я перебирала все его вещи, в том числе и запи-

си о медальоне и его поисках вакцины. Я даже не знала, а он в тайне собирал по крохам информацию. Возможно, он обсуждал это со сказителем.

– Значит мы с ним сможем поговорить? – настаивала Наташа.

– Конечно – кивнула Кими – но это завтра. К сказителю приходят рано утром. Он должен посмотреть достойны ли вы услышать, что он скажет.

Наташа насупилась. Ей уже поднадоело количество метафизических образов в этой истории. Профессиональная осторожность подсказывала, что их «приятели» очень скоро догадаются, куда они делись с подводной лодки и что никакого медальона там не было, а найти их дело не самое долго. Поэтому она бы предпочла забрать медальон, поблагодарить за приют и пищу и... а вот что и она не знала. Стыдно признать, но они же так и не обсуждали, а что будут делать, когда найдут медальон. Они даже не знали, а есть ли там то, для чего его нужно искать или это просто чья-то глобальная шутка. Опять она несется впереди паровоза. Нужно всё-таки себя смирять. Тогда видишь путь и можешь просчитать шаги.

– Сказитель? – услышала она Флориана – старец Игнатий говорил о каком-то вашем сказителе. Он предсказал Долматову будущее, что-то про революцию и гражданскую войну, а старцу он сказал, что он будет сопровождать троих пришедших на его землю и летающий воин из его племени приручит

морское чудовище. Не знаю, чему из этого можно верить, но Алин на самом деле смогла провести нас мимо здорового электрического угря.

Кими удивленно заморгала. Её лицо выглядело шокированным.

– Алин смогла приручить морского зверя? – спросила женщина.

Флориан кивнул.

– Ну можно сказать и так – заметил молодой человек – она скомандовала ему уйти в сторону, на вашем языке.

Алин густо покраснела и уставилась в тарелку с оладьями.

– Это что-то значит, я полагаю? – спросил Флориан.

– Безусловно – кивнула Кими – управлять зверем, значит управлять природой. Управлять природой значит управлять нашим народом. Если то, что вы сказали правда, Алин законная наследница нашего народа и его будущий вождь.

В зале воцарилась тишина. Даже слуги замерли с подносами в руках. Только Авонамйелус-младшая изобразила гримасу суеверного ужаса и замахала руками.

– О нет-нет-нет – запротестовала девушка – это давайте без меня. Я рада вернуться домой и всякое такое прочее, но я уже в детстве посмотрела фильм «Как стать принцессой» и знаешь, что, я точно не та девочка, которая мечтает ею стать.

Кими покачала головой.

– Алин ты всегда слишком по-левацки относилась к нашим традициям – с укоризной заметила женщина – речь не о том, чтобы становится принцессой. Вождем может объявить себя кто угодно, но смысл в ментальной связи, которую испытываешь с окружающим тебя миром, с землей, с водой, со всеми живыми существами. Только человек обладающий этими качествами может стать подлинным вождем нашего народа, и это ты.

Алин не нашла, что сразу ответить, слишком уж мать говорила убедительно. Наташа воспользовалась паузой и вежливо извинившись вышла из-за стола, делая знаки Флориану. Тот удивленно посмотрел на неё, но быстро всё сообразил и тоже извинившись, последовал за девушкой. Это было семейное дело, которое мать и дочь должны были решить вдвоем. Только вот Наташа опасалась, что Алин им это, их отступление, ещё припомнит и неоднократно.

– Ей нелегко пришлось – наставительно заметила девушка, когда они поднимались по лестнице – она корит себя за то, что боится ответственности. Когда ты пытаешься ей напомнить об этом, а твои слова выглядели именно так, это её

задевает.

Флориан задумчиво пожевал губу, окинув спутницу скептическим взглядом.

– Согласен мне не стоило рассказывать про зверя – кивнул молодой человек – возможно она бы поделилась с матерью сама. Я немного погорячился. Но всё же предварительные переговоры можно считать завершёнными. Делегации разъехались по своим резиденциям, обдумывать сложившийся пазл.

Их взгляды встретились.

– Впрочем следующее заседание только завтра – сказал он – и у нас полно времени, чтобы вернуться к начатому ранее разговору.

– Хорошая отмазка от лишних слов, да? – со смехом сказала Наташа – но даже после того, что между нами было, мне нетрудно заметить, что Флориан Штильхарт рассматривает женщину в качестве объекта мимолетного увлечения, а не как кого-то имеющего чувства. Так что стать очередной вашей пассией на одну ночь не входит в мои ближайшие планы. Спокойной ночи, господин Штильхарт – учтиво кивнула девушка, оставив Флориана в немом удивлении.

* * *

Пришибу, решила Алин, глядя вслед удалившейся парочке, когда-нибудь, я их обязательно пришибу. Желательно се-

годня, если они окажутся в одной постели. Это же надо какая наглость уйти заниматься сексом и оставить её разбираться с озабоченными родственниками.

– Алин, если о твоих способностях узнают люди, то ты можешь воссоединить один из самых крупных народов севера – Многие пошли бы за тобой, даже самые мудрые. Даже те, кто осуждает тебя. У них нет власти противиться року. Это стало бы прологом к нашему возрождению.

– Я вижу, что ты по-прежнему ценишь власть и политику выше собственной семьи – с жаром возразила Алин – именно от этого всего я и убежала.

– Я делаю всё, чтобы защитить свою семью и народ, который доверился мне. Если у меня есть малейший шанс двинуться вперед, я им воспользуюсь.

– О нет и нет – замотала головой Алин – всё это ради власти. Это наваждение мама, ты просто одержима. Я никогда это не понимала и не пойму. И отец не понимал.

Это был запрещенный прием, но Алин уже решила выплеснуть всё, что у неё накипело за эти годы.

– Вот уж нет – сказала мать – твой отец меня прекрасно понимал, но он был слишком романтичен для всего этого. Ему не хватало жесткости, а я... я была вынуждена делать всё это для своей семьи. Мы здесь на положении рабов. Об этом не говорят, но это правда. Ты сама это испытала. Ты думаешь мне нравится, то, чем я занимаюсь. Думаешь я о другом не думаю, но это единственный шанс иметь положение

на этом континенте, если ты не относишься к финансовой элите или не работаешь на цифровые гиганты. Каждый из нас сталкивается перед выбором или смерть или выживание любыми средствами. Твой побег спас тебе жизнь и теперь ты вернулась новая и свободная. Ты та, какой ни я ни твой брат никогда уже не сможем стать.

Алин снова уткнулась в тарелку. Глупо было лгать, что она никогда не представляла, как она вернется домой. Она знала, что вернется, но та печаль, которая нахлынула её после возвращения, вот её она не представляла. Почему не бывает так, что, когда возвращаешься, все предстает тебе, как было до твоего ухода. Почему нельзя вернуться к от конца к началу. Кристина ответила бы ей, что таково течение глобальной эволюции и лишь узнав сферу разума мы можем увидеть сохраненные в ней образы. Наверное, она бы так ответила.

Мать подошла к ней ближе и положила руки на плечи девушки. Они всегда казались ей самым надежным оберегом.

– Ты всегда была упрямой – сказала мать – но это в тебе от меня, и я рада, что небо позволило увидеть мне новую Алин.

– Какую же? – спросила девушка.

– Воина – сказала мать – вот именно, что не принцессу, а воина. Сильного и смелого. Достойного нашего народа.

Впервые за ужин Алин улыбнулась. Кротко и смущенно, но от чистого сердца. Мы часто не хотим возвращаться домой, но только там нас ждут по-настоящему. По-настоящему

любят и даже ругают. Дома всё по-настоящему, как бы нам не хотелось широкого внешнего мира.

– Я же твоя дочь – решительно сказала Авонамйелус-младшая – разве может быть по-другому? Послушай, я рада оказаться дома, но, если мы не раздобудем этот медальон, мы не сможем остановить болезнь. Сказитель действительно сможет нам помочь?

– Сказитель не укажет точное место и не скажет точный ответ, если ты об этом – покачала головой Кими – сказитель может дать только подсказку. Если вы воспользуетесь ею, то сами найдете его. Я не хранитель медальона. Имя же первого хранителя уже никто не знает. Оно было стерто из всех книг, чтобы не смогли отследить его потомков.

– Отец всю жизнь искал этот медальон – медленно проговорила Алин – он верил в эту историю, как в категорический абсолют, а ты мама, ты когда-нибудь верила отцу, по-настоящему?

Кими сотворила на своем лице задумчивое выражение.

– Я не знаю – сказала она – может быть мне только хотелось быть ему интересной. Поиски хранителя, поиски медальона – это поиск себя, ощущение своих корней Алин. Я, наверное, не смогла бы искренне погрузиться в это. Я слишком материалистичный человек. Но ты, Алин. Ты сможешь, но для того ты должна принять свое предназначение только в обмен на это сказитель покажет тебе путь. И только тебе. Таков порядок вещей.

Алин пожевала губу. Всю жизнь она бежала от метафизических заигрываний. Всю жизнь она искала возможности жить в черно-белой парадигме свой-чужой. Проблема оказалась только в том, что такой парадигмы не существовало. Не могло быть линейного мышления. Даже ей оказалась доступна здоровая рефлексия над событиями вокруг неё, ибо она была человеком. Нельзя построить свой собственный мир забыв о внешнем. Как бы ты ни старался убежать от него он тебя всё равно зацепит, как самонаводящаяся ракета, и только имея защитное поле можно выдержать её удар. Дом – вот название этого защитного поля. Не важно, сколько тебе лет, но если у тебя есть место, где ты можешь спрятаться и где тебя защитят, вот тогда ты неуязвим для агрессии внешнего мира. Просто нужно это понять, а для этого нужно осознать истинный смысл своего существования.

Одна мысль сидела в голове Алин. Она смотрела на портрет матери, висевший над камином, и думала о том действительно ли она такая сильная и мудрая, как мать или ей только предстоит ещё научиться силе и мудрости? Быть вождем народа? Нет мне в самом деле нужно к психиатру, усмехнулась девушка, впрочем, к нему, должно было записываться раньше, когда я соглашалась на всё это.

* * *

База 16 штурмового авиакрыла была поднята по трево-

ге среди ночи и внезапно. Лейтенант Лео Морган вскочил на кровати и нацепив на себя снаряжение выбежал из своей комнаты. Сразу за открытой дверью. Он нос к носу столкнулся со своей вдовой Эми Нильсен – улыбчивой круглолицей блондинкой, родом с побережья Калифорнии.

– По какому случаю банкет? – поинтересовался молодой человек.

– Инспекция высокого начальства – шутливо-деловым голосом отмахнулась Эми – Поспеси не то все сливки съедят без тебя.

Эскадрилья была построена согласно нормативу в полной боевой готовности на плацу перед зданием. Оставалось только гадать зачем их собирали. Впрочем, как, с большой уверенностью, предполагал Лео, дело касалось его бывшего командира. Фото мятежной Алин Авонамйелус, как и её спутников день и ночь крутили по телевизору в криминальных репортажах. Наверняка визит высоких гостей был по их душу.

А гости, надо сказать, были что надо. Сам руководитель штаба разведки НАТО Самуэль Тайберт. Этот фрукт точно по душу Алин. По чью же ещё. Должно быть проверяет не укрывают ли они бывшего командира. Хотя поздновато. Если бы так думали, проверили бы сразу. Нет тут что-то ещё. К тому же генерал явился с компанией. Его тощую фигуру сопровождал ещё один военный в темно-зелёном мундире, армии Великоруссии (Ничего себе!) Третьей в их компании

была, очевидно, девушка, затянутая в кожаную куртку с капюшоном, который покрывал её лицо. От неё веяло странным холодом. Лео почувствовал на себе её взгляд, который девушка бросила именно на него через капюшон.

– Хочу себе такую куртку вместо этой мешковины – украдкой пихнула его локтем в бок Эми, оглядывая свой бомбер – давай у нас будет такая форма, а?

Эми Нильсен никогда не теряла присутствие духа и всегда заражала своим оптимизмом других. Лео нашел в себе силы слабо улыбнуться, хотя от взгляда девушки в капюшоне, хотелось забраться в самый дальний угол и не шевелиться. А про него ещё сплетни ходят, что он за девушками бегает. Здесь хотелось от девушки убежать.

– Буду краток – обратился к ним Тайберт – вы лучшая эскадрилья наших ВВС. Ваши товарищи боролись с террористами во многих частях света, защищая свободу и демократию, но, к сожалению, и в нашу страну проникла эта ужасная крамола внутреннего терроризма. Остров Илуйкояк. Его жители устроили бунт против законной власти. Воспользовавшись дарованными коренным народам льготами, местные вожди отказались подчиняться приказам из центра.

– Насколько я знаю индейские резервации имеют собственную администрацию и не обязаны подчиняться – встряла Эми.

Тайберт повернул к ней свою высушенную голову.

– Безусловно – сказал он – однако это не дает им право

укрывать, как мы думаем, у себя террористов.

– Вы думаете? – опешил Лео – или точно знаете?

– Не всё ли равно лейтенант? – осведомился Тайберт – это уже не вашего ума дела. Главное, что у нас есть сведения о том, что террористы находятся среди проживающих в данной резервации. Вам приказывается нанести авиаудар по данному населенному пункту с целью уничтожения террористов.

– Авиаудар? – с ужасом воскликнула Эми – вы предлагаете нам разнести к чертям мирное поселение?

Тайберт сложил руки на груди и выслушал горячую речь девушки с очень постным выражением на лице. Ему бы в пасторы пойти, отметил Лео.

– Юная леди – сказал он – вы плохо меня расслышали. Это не семантическое обсуждение. Это приказ. И, боюсь, что у вас нет права обсуждать его. У вас...

– Лейтенант Нильсен всего лишь имела в виду, что мы не можем действовать против мирного гражданского населения – сообщил Лео – армия должна защищать народ.

– Выполняйте приказ, лейтенант – жестко сказал Тайберт – служба в наших ВВС – это весьма выгодное дело. Вас ждет почет, уважение, достойная жизнь после службы. Вместо того, чтобы думать о каких-то бунтарях-индейцах, я бы на вашем месте подумал бы о вашей семье. Ваш отец исповедует не слишком лояльные взгляды, как я слышал. Что если это вдруг выяснится? Рассказать, что будет с его работой или

может быть рассказать, как в школе будет выглядеть ваша шестнадцатилетняя сестренка? Подумайте, лейтенант.

Лео скривил лицо, сплюнул и резким движением содрал с бомбера шеврон бросил его на пол.

– Вот что я думаю о вас и о вашем приказе, генерал – прошипел Лео.

Эскадрилья молчала. Застыл в немом удивлении и Тайберт. Лео же вышел и встал перед эскадрильей. Ему даже показалось, что он словил взгляд уважения опасного хищника из-под непроницаемого капюшона девушки.

– Вы осознаете, что вы делаете? – всё же нашелся Тайберт – Вы потеряете все ваши накопления и...

– Заткни фонтан, Тайберт – Эми Нильсен криво ухмыльнулась и сорвав шеврон бросила его рядом с шевроном Лео. Ещё двое пилотов сделали тоже самое.

– Вы не имеете права – завопил Тайберт – вы все должны исполнять наши приказы. Вас ждет трибунал и полное поражение в правах!

Но его уже никто не слушал. Один за другим пилоты кидали к ногам Тайберта свои шевроны. Ровным строем эскадрилья промаршировала в сторону ангаров. Плац опустел.

Испуганный взгляд Тайберта упал на стоявших гостей. Те были, как будто из камня. Показательное выступление 16 штурмового авиакрыла их не тронуло.

– Я прикажу немедленно арестовать этих бунтовщиков – нахохлился Тайберт – ни один самолет не взлетит с этой ба-

зы.

Мужчина в зеленом мундире повернул к нему свою голову.

– Напротив – вкрадчиво сказал он – вы не предпримите ничего, чтобы помешать им.

– Но... – не понял Тайберт.

– Атаковать остров с воздуха эффективно, но непрактично. Противник всегда должен знать, что его ждет – сказал человек в мундире – этот лейтенант отправится к Алин Авонаймелус. Он обязательно предупредит своего командира о грозящей ей опасности. Так те, кого мы ищем, проявят себя и совершат ошибку, от своей излишней эмоциональности. Они готовы жертвовать своими жизнями сколько угодно, но имеют слабость к жизням невинных.

Тощее лицо Тайберта передернуло от скептицизма.

– Значит вы специально заставили меня его спровоцировать? – опешил Тайберт – по-вашему настоянию я пошел на огромный риск. Если об этом станет известно...

Мужчина в мундире как будто не слушал его. Его внимание было обращено к охотнице.

– Когда беглецы будут выбирать между жизнями других и своей миссией, они начнут метаться, особенно Покровская. Используй это моя дорогая. Дождись от них опрометчивого шага и в этот момент перебей их.

Охотница легко склонила голову.

Глава XI. Кошки и мышки

*Чем больше сразу учишься, тем меньше после
мучишься.*

Льюис Кэрролл

Весь следующий день «Ополченцы» приводили в порядок те скудные запасы оружия и боеприпасов, которые были у них в наличии. «Хомяк» организовал по всему периметру лагеря посты, а труднопроходимые участки местности, откуда было наиболее затруднено наблюдение, заминировали. Благо в запасе имелось несколько ящичков с противопехотными минами и взрывчаткой, которые были у них в арсенале, по словам самого «боевого командира», «с незапамятных времен». Верховский выбрал пять самых крепких людей, среди которых был «Хомяк» и провел инспекцию личного оружия. У всех людей оказались давно устаревшие револьверы «Наган» и пистолеты «Маузер», которые очевидно были переделаны в боевые экземпляры, из музейных экспонатов. За плечом каждого висели охотничьи ружья, помимо всего остального на пояс были закреплены топоры, которые, судя по всему, не раз пускали в дело. Время для сомнений иссякло, предстояло внести последние коррективы в план. Проведение операции назначили на завтра. Вернувшись ночью разведчики рассказали, что слышали, как, в одном

из питейных заведений, двое бойцов секюритаты угрожали хозяину «завтрашним рейдом».

– Так, по охране периметра, все понятно! – «Белка» внимательно окинула пристальным взглядом план научного департамента, – Ясно, что мы сможем дать бой, но нам долго не продержаться... многим суждено будет погибнуть!..

Голос женщины, которой многие из ее окружения приписывали «железный характер», предательски дрогнул. Всем было понятно, что их жизни находятся в опасности. Однако цель операции по захвату «Белого автобуса» и проникновению в департамент Аристова трудно было переоценить. Ведь многие сложат свои головы именно для того, чтобы создать у противника иллюзию полного поражения и сумасшедшей безнадежной операции.

Слово взял Верховский.

– Друзья! Помните, что наши жизни, которые очень скоро придется отдать за сопротивление с нашим смертельным врагом, будут гарантом спасения всего свободного мира!.. – голос Александра, который никогда не любил пафос и был тихим и спокойным. Он давно научился успокаивать свои эмоции и передавать это успокоение другим. Ксения Авалова видела это. Перед ней предстал совсем иной Александр Верховский нежели тот, которого она знала с постоянной сменой многочисленных образов. Должно быть именно сейчас, она видела его настоящего, удивительно по-простости стольких лет. Девушка кротко усмехнулась. Она даже

на секунду подумала, что ей импонирует этот «настоящий Верховский», однако тут же прогнала сию мысль.

Снори, как с усмешкой отметила девушка, тоже был при деле. Кот прохаживался вдоль выстроенного из пластилина макета департамента и непринуждённо пытался его своротить. Какие иногда забавные моменты можно заметить в часы драмы. Впрочем, Ксения знала, что её кот также переживает, как все. Просто по-своему.

– То, с чем мы имеем дело – продолжал говорить Верховский – это закономерный итог деятельности Директории. Никому не удастся более спрятаться от неё. Мы или бросим ей реальный вызов или погибнем. Я не прошу погибать за меня. Я прошу погибать за Республику.

Грот наполнился одобрительными криками и хлопками рук. Кристина Леонова тоже наблюдала за новым Верховским. Она думала о том, как иногда причудливо судьба может изменить человека. Его голос был теплым, мягким, но звучал тверже стали её клинка. Вероятно, он давно готовился к выступлению. Речь-то небось не за пять минут написал, а?

Закончив декламировать, Верховский одобрительно кивнул обеим девушкам.

– Проходите – сказал он – вы как раз вовремя. Мы с ребятами утрясаем последние детали. Ваша цифровая схема безусловно хороша, но мы решили изготовить полный макет из пластилина, так чтобы нам ничего не перепутать. Каждому

будет поставлена своя задача, как на фронте. Понимаете?

Кристина коротко кивнула. Об одном она сейчас жалела, что у неё нет никакой возможности связаться с северной республикой. Их армия пригодилась бы как нельзя кстати, ну или хотя бы Алин с её летными талантами и один истребитель. Этого было бы вполне достаточно. Сейчас же в её руках было разношерстное ополчение, за которое, она чувствовала ответственность.

– Чтобы вы там не думали – улыбнулся Верховский – мои люди знают толк в хорошей драке. Они остались довольны тем, что я сам поведу их. Когда я говорю, они мне верят на слово. Я их еще никогда не обманывал. Надеюсь и вы меня не обманываете?

Кристина мимолетно улыбнулась. Выражая этой улыбкой определенную вежливую снисходительность к словам Верховского.

– Вы должны сами ответить на это – заметила девушка – это же ваша игра. Вы её задумали. Уверенна, что ваша способность влиять на людей прекрасно определяет возможность стать их представителем. Вы заранее просчитали возможности и риски. Я лишь показываю путь, каким можно пойти. Выбирает каждый сам.

Верховский сделал глоток из своего запыленного стакана.

– От вас мало, что скрывается Кристина Сергеевна – сказал мужчина – определенно так, и уверяю вас, что здесь все действительно готовы умереть, но не отступить перед таким откровенным злом. С собой берем лучших, да нас четверо. По-другому говоря, ваш план безумен, но может сработать.

– Главное захватить автобус – заметила «Белка» – после этого всё пойдет гладко.

Кристина пожала плечами.

– Не стоит сразу рассуждать о последствиях не имея результат – заметила девушка – это опасно.

«Белка» только отмахнулась.

– Вы не понимаете, что это значит для нас – гордо сказала женщина – вы пришли из свободного мира. Вы не знаете какого это, когда каждую мысль определяют за тебя, но хуже этого другое. Хуже, когда понимаешь, что сам позволил сделать это с собой, отдав свою свободу ради эфемерной идеи

контроля и порядка. И вот когда ты это понимаешь в тебе вскипает ненависть и тебя ловят и отправляют на «белом автобусе» в никуда, и ты исчезаешь, как будто тебя и не было никогда, но ты все равно будешь знать, что всё это сделал с собой ты.

– И всё же следует быть осторожнее – кивнула Ксения – эмоции плохой советчик. Ведь запросто могут что-то заподозрить. Мы переоденемся, будет заложник, а то и несколько, но наверняка кто-то будет не так говорить, по-другому двигаться, не туда смотреть...

– Это уже лишнее, Ксения Игоревна, – остановил ее Верховский. – Вы слишком забегаете вперед. Я уверен, профессионализма моих людей будет достаточно, чтобы минимизировать все возможные накладки. Они настоящие головорезы, величайшие, уверяю вас.

– Что ж, будем надеяться, – пожала плечами Авалова. Она не хотела нервировать никого из присутствующих, хотя про себя и считала, что план далек до идеального. Впрочем, именно такой план и может сработать.

Постепенно все участвующие стали собираться у выхода убежища, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, переговариваясь на отвлеченные темы, и озвучивая не раз повторенные шутки – то есть делали все, чтобы отвлечься.

Это были странные люди, заметила про себя Кристина, своего рода отражение всего, что делала здесь Организация, через Директорию. У неё было две цели: подчинение созна-

ния и уничтожение свободной мысли. Большинство покорно принимали это и превращались в безмолвную массу необходимую для подпитки системы, но здесь были те, кто искренне ненавидел тиранию Директории. Ненавидел не так, как креативная интеллигенция – полушепотом, из-за угла из с явственной целью убежать куда-нибудь подальше и не важно, только бы убежать. А там, в свободном мире, они могли бы грозить кулаком, приговаривая: «попробуйте, достаньте нас». Нет, эти люди были другие. Они ненавидели Директорию самой горячей и прямой ненавистью, которая, по меткому выражению из еще одной великой книги, «могла двинуть в драку». Действительно, они слишком долго ждали своего шанса.

Сидевший на перевернутом ящике Кирсанов обреченно выдохнул.

– Расскажи мне кто, что я бы в таком стал принимать участие – кивнул молодой человек Снори, который устроился рядом с ним на ящике – ни за что бы, ни поверил. Отправляясь сюда, я был полицейским Директории, а теперь я в отряде борцов за свободу с благородными целями. Правда, конечно, это исключает мою возможность состарится с любимой женой и умереть с ней в один день. Великое счастье, что я не женат.

Ксения хлопнула его по плечу.

– Всё не так страшно – хмыкнула девушка – к тому же ты, как джентльмен должен помнить, что речь идет не только

о благородных целях, но ещё и о жизни невинной девушки, которая, как мне кажется тебе не безразлична.

Кирсанов нервно взъерошил себе волосы на голове.

– Студенты, торговцы, учителя, рабочие, фермеры – про-
бормотал он – против закаленной армии. Нет, надо действи-
тельно быть безумцем, чтобы на это согласиться.

– Или просто очень храбрым человеком – сказала Ксения
– достойным своей сестры, к чему ты всегда стремился, к
тому же с нами знаменитая «Арнис», а это чего-то стоит.

Кристина улыбнулась, вновь обретенной, силой обстоя-
тельств, подруге и похлопала свой клинок. Не все было так
обнадеживающе. Мощь Организации крепла с каждым днем.
С каждым днем всё больше людей подпадало по их влияние,
столь правильно описанное «Белкой». Оно было не только
здесь, но уже распространилось глобально. Силы тех, кто мог
бросить им вызов, таяли словно весенний снег. В глубине
души Кристина понимала, что скорее всего она тоже падет
от их рук. Она предвидела такой исход. Нет, она не за себя
боялась, она понимала, что никогда ещё прежде Организа-
ция не была так близка к исполнению своей цели. Сейчас,
именно сейчас им стоило только сделать один шаг, захватить
медальон великой княжны и весь свободный мир падет к их
ногам. И всё же именно та безысходность, которая была во-
круг, заставляла идти вперед. Даже оса, завязшая в меду, мо-
жет больно жалить, а в их случае ещё и смертельно. Им до
сих пор везло, она надеялась, что повезет и в этот раз.

События развивались стремительно, и нужно действовать соответственно. Теперь ясно, где правильная сторона. Лео Морган не собирался ждать патруля, который придет его арестовывать и ещё менее он собирался давать этому напыщенному индюку возможность самовластия. Внутренний терроризм. Неслыханно. Это кто такое придумать-то мог? В прочем для тощего Тайберта вряд ли подходит эпитет индюк. Скорее жердь. А вот интересно, как бы капитан поступила в этом случае? Скорее всего она бы просто пристрелила отдавшего такой приказ на месте, долго не раздумывая, ну поэтому она и оказалась в таком положении, собственно говоря.

– Я восхищена твоим патриотизмом – окликнула его Эми Нильсен – но, прости за пессимизм, ты уверен, что это верный план?

– Ну так другого нет – тяжело вздохнул Морган – я понимаю, что можно было притвориться, просто вылететь и уже на месте послать их на высоких частотах, а не устраивать авиашоу на земле, но, я даже не знаю, что это было. Даже если бы мы просто согласились участвовать в этой чудовищности, то стали бы ничем не лучше!

– Хорошо сказал – усмехнулась Эми – итак, поскольку мы теперь официально дезертиры, что мы делаем?

– Захватим оружейную – предложил один из пилотов –

высокий белобрысый парень Киган Рикеттс – буяннить так буяннить.

Лео смерил его начальственным взглядом.

– Отставить – сказал он – наша задача помочь капитану. Она нас никогда не подводила. Мы отказались совершать налёт, но готов съест свою фуражку, что Тайберт и те, кто с ним, найдут альтернативное решение. Мы сами сделаем первый ход. План таков – пробираемся к ангарам и захватываем свои машины. Соседние повреждаем по возможности. Также саботируем топливные заправщики. Хрен им достанется, а не наши самолеты.

– Ничё так – хмыкнула Эми – к дезертирству ещё и терроризм пришьют, а я-то надеялась отделаться гауптвахтой. Нас же сразу схватят.

– Именно – сказал Лео – поэтому надо разделиться. Идем двумя группами. Первая должна отвлечь охрану. Рикеттс, ты же у нас спец по хлопушкам?

– Не боись лейтенант – ухмыльнулся пилот, доставая из своей сумки большую упаковку петард, которые, как все знали и чем порою пользовались ради розыгрышей, звуком очень сильно напоминали ружейные выстрелы. – Отвлеку, так отвлеку!

– Мы это сделаем, – заверил его Лео, вставая рядом. – А тебе, Эми, поручаю самое важное – доберись до острова и предупреди капитана. Они должны знать.

– Тебя же убьют, – произнесла она. – Может, лучше пробовать всем вместе пробиваться?..

Лео отрицательно покачал головой:

– Не в этот раз. Я буду осторожен. Мы будем осторожны.

А затем он уже громче скомандовал:

– Ну что, все готовы? Тогда приступим!

Осторожно выскочив из подлеска полукругом окружавшем базу, с удивлением обнаружили, что там было тихо, словно на кладбище, как будто ничего и не происходило. Не мог же Тайберт просто забыть об их существовании? Может, и не стоило таиться? Может, та операция была секретная, а значит, и никто лишний не знал про ее участников? Потому-то их не арестовали – чтобы не поднимать шум. Должно быть, это планируется сделать потом.

Две группы разделились согласно плану. Одни пошли к вертолетной площадке, чтобы создать видимость настоящего дезертирства, а при случае, захватить как минимум одну машину, другие – к ангарам. Кругом была по-прежнему ночная тишина.

– Идем спокойно – бросила Эми двух своим напарникам – не будем привлекать к себе внимание перебежками. Возможно, о нашем выступлении ещё не все знают.

Они продолжили путь уже не таясь.

И никто их до самого ангара не остановил, что, конечно, наводило на определенные подозрения, по крайней мере Эми, впрочем, может Лео так и рассчитал?

– Думаешь, так и должно все идти? Слишком просто, – озвучил очевидное коллега Эми, Рихард, рыжеволосый и веснушчатый. – Где патрули? Мы должны были встретить как минимум два, делающих обход базы. Нас заманивают в западню, я уверен!

Группа подошла к воротам ангара, где размещались машины их крыла. Они осмотрелись по сторонам – никого. И действительно, не даже охраны перед воротами.

– Пожалуй, ты прав, – ответила Эми. – Но отступить поздно.

И как раз в это время вдалеке, со стороны оружейной, раздалась выстрелы. Не взрывы петард, а именно выстрелы из настоящего оружия.

Внутри у Эми сразу всё забурило, но взяв себя в руки она жестом показала двигаться вперед. Это всё равно был сигнал.

В помещение ангара проникли тоже без проблем. Ни тебе часового ни замка на двери. Ну, это точно ловушка!

Красные аварийные лампы очерчивали силуэты их самолетов, стоящих на привычном месте. Все остальное пространство было погружено во мрак.

Который внезапно рассеялся от мощных лучей прожекторов и топота многих ног, раздавшихся отовсюду.

– Я надеялся, что до этого не дойдет, – через громкоговоритель сообщил замершей на месте группе генерал Тайберт. Он вышел из-за стеллажа с запчастями на краю ангара. Рядом с ним бойцы спецназа КССНК, целившиеся в дезертиров.

Как глупо! На что они надеялись?

Эми выступила вперед, прикрывая собой товарищей.

– Арестуете нас? Или расстреляете на месте? Насколько я понимаю, теперь такие действия в вашем репертуаре.

– Давайте оставим патетику мисс Нильсен – процедил генерал – вы были рождены, чтобы исполнять приказы, и я тоже. Мы с вами из одного теста сделаны, но вы почему-то решили иначе. Ваш друг может делать всё что угодно. Мне это безразлично. Так же мне безразлично предупредит ли он кого-то на этом проклятом острове или нет, но не думайте, что я вам позволю повредить самолеты. Они понадобятся для другой цели.

– Хотите сказать для убийства!?! – бросила Эми – ну признайтесь же. Такие методы теперь в нашей армии? Воевать со своим народом?

Тайберт отечески улыбнулся.

– Боюсь мисс Нильсен, что вам не понять от чего я защищаю народ и во имя чего. Более того не в моих правилах разьяснять приказы, однако случай того требует. Я не буду вас арестовывать, и выдвигать каких-либо обвинений, но вам следует сейчас пройти со мной и выслушать. Не меня,

а других. Они готовы пожертвовать своим временем...

Он тянет время, причем неубедительно, подумала про себя Эми и стала осторожно осматриваться по сторонам – не подкрадываются ли к ним со спины? Ее товарищи делали тоже самое.

Но вместо этого ангар разорвало выстрелами из авиационной пушки. С характерным, стрекочущим звуком – наверняка с вертолета.

Люди, бывшие в ангаре бросились врассыпную.

Пулемет все стрекотал, то и дело меняя направление выстрелов. Повалились стеллажи, ремонтное оборудование разлетелось шрапнелью. Прилично досталось и самолетам.

Часть плана провалилась, но другая команда, видимо, справилась.

Это подтвердилось и голосом снаружи:

– Эми, скорее сюда, к вертолету!

Пригнувшись и увлекая за собой остальных Эми, бросилась на улицу, петляя меж опрокинутых стеллажей и горящих обломков. Их не преследовали. Генерал остался где-то позади и выкрикивал бессвязные команды.

Непосредственно у ворот ангара, в метре над бетонкой, висел многоцелевой вертолет. Установленный возле его бортовой двери пулемет Гатлинга продолжал решетить крышу ангара. Недолго думая Эми запрыгнула в винтокрылую машину.

– Получилось, а черт возьми! – крикнул Рикеттс, хлопая

Эми по плечу. Та не могла говорить от копоти и дыма, затянувшего всё вокруг. Только собравшись вместе, она поняла, что из шести осталось пятеро. Лео резко поднял вертолет в черное небо быстро набирая высоту и стремительно уносясь с территории базы, которая, наконец, проснулась, заволновалась и огласилась сигналами тревоги.

– Чувствую себя Роном Уизли на фордике – пробормотал Морган – жаль, что у этой колымаги нет устройства невидимости.

Обратной дороги больше не было. Теперь их путь лежал на остров.

Там, где ещё недавно стояли самолеты, теперь было пожарище и среди этого пожарища стояла Охотница. Ей не было дела до суетившегося рядом мелкого персонала, как не было дела до того, как генерал Тайберт, который был бесконечно зол из-за того, что его оставили с носом, кричал на подчиненных. Нет она не станет его убивать, пока, пусть не беспокоится. Пока ему ещё позволено сохранить свою ничтожную жизнь.

– Каков следующий ваш шаг? – спросила она с бесстрастным ехидством.

Тайберт вздрогнул и затих. Это Охотница отметила, просто для удовлетворения своей логики. Ей так нравилось чувствовать и питаться страхом этих мелких людишек. Как это удивительно она раньше не замечала, какое удивительное и полезное чувство чужой страх и как он подпитывает соб-

ственные силы. Раньше она боялась собственного страха, а теперь превратило его в свое оружие.

– Он будет, можете не беспокоиться – раздраженно отчеканил Тайберт – Мы подойдем к острову по воде и высадим десант. Поселение и все интересующие вас люди будут в наших руках очень скоро, уверяю вас, миледи.

Её забавляло, как он отчаянно пытается не показывать своих чувств при виде её. Стойкий ужас попеременно с отвращением от исполнения её приказов. Всего лишь никчёмный чиновник. Один из многих, кто носит генеральский мундир, только за то, что умело шел по ступенькам вверх. Очередное бесполезное существо.

– Главное, в этот раз не забудьте – нужно захватить их, а не отпустить, – прошелестела охотница – не думаю, что вам понравится дальнейшее развитие событий, если произойдет второе.

Она не удостоила чести подождать его ответ и развернувшись пошла прочь.

* * *

Шломо Бенаюн сошел с трапа военного вертолета Директории, который приземлился на крыше высотного стеклянного здания на окраине Ольвии, у трапа его встречали двое, закованных в черный пластик, солдат Секуритаты. Этот импровизированный эскорт провел Директора ВОЗ по широ-

ким стеклянным галереям вниз на несколько этажей и больше напоминал конвой, хотя Треверс всячески уверил Бенаюна, что визит в экспериментальный центр доктора Аристована носит лишь ознакомительно-дружественный характер и имеет под собой цель только показать результаты, которые были здесь достигнуты, ничего кроме. Бенаюн согласился. Отчасти, потому что незнание было всегда смертельно, и он должен был знать, чем таким революционным занимается таинственный доктор Аристов, слухи о котором, конечно достигали ВОЗ. Если это нечто разрушительное, то Бенаюн вежливо откланяется и вернувшись домой, всячески воспрепятствует деятельности Аристована. Но еще он согласился из-за рассказов о спасительном проекте «Accusition», которые были столь соблазнительны, что опустить этот вариант решения проблемы вируса представлялось Бенаюну совершенно недальновидным. В нынешней ситуации нужно было хвататься за любую соломинку. Так Шломо посчитал. Однако нахождение здесь бойцов Секуритаты сразу смешало его расчеты. По какой-то странной причине Директора ВОЗ почему-то не посетила мысль, что Департамент может быть аффилирован с этой спецслужбой, особенно в контексте того, что Секуритата здесь исполняла отнюдь только не функции охраны. Здесь это была армия. И более того сам Департамент был похож на военную базу нежели на исследовательское учреждение. В каждом проеме стояло по двое солдат с одинаковыми безразличными лицами. Этот вопрос они об-

суждали ещё с Трэверсом, однако сэр Джеффри успокаивающе заявил, что несмотря на определённый дискомфорт от присутствия военных, Бенаюну ни в коем разе не стоит беспокоиться, так как солдаты выставлены исключительно для безопасности гостей и сотрудников в связи с возможными провокациями террористов-северян.

Процессия вошла в лифт. Один из солдат прислонил руку к панели. Безжизненный механический голос сообщил, что они поднимаются на восемнадцатый этаж. Шломо по-прежнему никто не встречал, и Директор ВОЗ начал чувствовать себя здесь не гостем, а подследственным, которого ведут на допрос.

Достигнув широких серых дверей, за которыми раскинулся широкими окнами с видом на море пентхаус с белыми стенами, солдаты, не говоря ни слова удалились.

В белой комнате Бенаюн оказался один на один с лысым человеком в строгом деловом костюме.

– В нашем мире существует так много вирусов – сказал он – и каждый из них причиняет весьма серьезные проблемы. Один вирус на уровне одного человека, другой на локальном уровне, третий на глобальном. Человечество должно научиться бороться со всеми тремя уровнями сразу. Не угодно ли взглянуть?

Хозяин кабинета жестом пригласил Бенаюна к столу и указал ладонью на экран компьютера. Директор ВОЗ подошел ближе и увидел маленькую красную точку. Неожиданно

точка начала расти в размерах и разделяться на несколько точек разных форм.

– Опасность этого вируса в том, что, взаимодействуя с организмом человека он начинает взаимодействовать с другими вирусами и создает болезнь, которую вылечить нельзя – пояснил Аристов – ибо нужно лечить от всего сразу.

Бенаюн и так уже знал это. Последние опыты показали аналогичные результаты тем, что Директору ВОЗ сейчас показывали. Бенаюн всячески это показал своим вежливым равнодушием.

– А теперь смотрите – почти с благоговением сказал Аристов.

Экран оказался заполнен разноцветными точками. В центре было большое красное существо, которое крутилось, как будто подавая сигналы другим точкам. Внезапно появилось новое существо, оно двигалось и извивалось. Его тело длинное и тонкое позволяло как бы плавать. Существо было похоже на гигантскую улитку без панциря. Существо вдруг остановилось, покачнулось на месте, а затем стремительно ударило в большую красную точку, разрывая её. Как только существо преуспело в этом остальные точки стали исчезать одна за другой и очень скоро на экране осталась только одно извивающееся существо.

– Впечатляет – произнес Бенаюн – значит это и есть ваш проект?

– Безусловно – ответил Аристов – как вы заметили глав-

ный вирус создает тысячи своих фейковых копий, они на самом деле безопасны для человека, но внушают ему ложную информацию о том, что он болеет определенной болезнью. Человек начинает лечить себя, скажем от гриппа, а в это время, вирус делает свое черное дело. Чип-ингибитор же распознает настоящий вирус, атакует и уничтожает его.

– Чип, – утверждающе произнес Бенаюн – неужели так банально?

Аристов громко рассмеялся.

– Именно, – кивнул ученый. – ведь всегда простота заключается в банальности. Чип, содержащий вакцину, которую он дозированно в определенное время активирует, и тем самым вылечивая человека.

Бенаюн сложил ладони вместе, не потирая их, но выкаывая смирение. Со многими оппонентами этот жест срабатывал. Почему-то здесь директор ВОЗ в этом сомневался. Перед ним был человек, который упивался своим талантом воздействовать на людей.

– Тогда закономерен вопрос, – начал он. – А если чип в определенное время не активирует вакцину?

– В этом случае, человек умрет, – прямо ответил Аристов. – Но это исключительные случаи, могу вас заверить.

Бенаюн не успокаивался:

– А случаи эти возникают из-за погрешностей работы чипа, которые, я уверен, минимизированы, но, как в и любой новой технологии, имеют место быть, или, откровенно гово-

ря, из-за команд, посланных извне? Другими словами: Чип самостоятелен в своей работе или за ним закреплен контроль?

Аристов широко и неприятно улыбнулся:

– Теперь понятно, почему вы так быстро добрались до директорского кресла. Всегда докапываетесь до сути проблемы. Вы правы, за чипами постоянно ведется контроль, однако могу вас уверить, никто из посторонних, со злыми помыслами, этот контроль ни в коем случае получить не может. Я, конечно, легко расскажу обо всех этапах защиты, но, думаю, столько технической информации получить будет утомительно. Скажу лишь одно – при вашем согласии со мной, при продвижении моего проекта вы, как никто другой, сможете получить беспрецедентный доступ к контролю этого чипа. И, опять же, именно вы сможете таким образом спасти множество жизней!

Аристов разгоряченно всплеснул руками.

– Ведь вы именно для этого так упорно работали, чтобы стать директором Всемирной организации? Чтобы помогать людям. Чтобы вас запомнили, как человека, который помог многим людям.

В глазах Бенаюна мелькнуло нечто, так знакомое доктору – тщеславие. Как и у героя Аль Пачино в одном старом фильме это был его самый любимый порок. Аристов с удовлетворением заметил про себя, что его простой фокус сработал, даже несмотря на грубость и очевидность действия.

Чиновники хоть и разбираются в некоторых аспектах своей деятельности, но весьма однобоко и даже если они напишут трактат на тему своей работы их узколобого мышления никогда не хватит, чтобы понять глубину даже собственной мысли.

Бенаюн потер руки.

– Что ж, давайте предположим, что я согласился с вашими условиями. Какие действия требуются от меня в первую очередь?

С лица Аристова не сходила улыбка.

– Ничего сложного – отозвался он – Только то, что вы и так умеете – убедить представителей всех стран в необходимости и полезности чипа. Я предоставлю вам необходимые материалы и, после согласия, мы вновь с вами встретимся и обсудим процедуры массовой разработки, а затем и внедрения, распространения вакцины.

– А если будут несогласные? А они будут, могу это гарантировать – попытался возразить Бенаюн, но его сознание уже рисовало ему две перспективы: спасительная вакцина и спасенные жизни или то, что ему было продемонстрировано перед встречей – толпы отчаявшихся зараженных, умирающих в полном беспомоществе. Это было ужасно и стоило того, чтобы согласиться на что угодно. Бенаюн не хотел прослыть в истории автором геноцида, но его сущность твердила, что и пешкой тщеславия Аристова тоже быть не надо. Этому странному доктору он не особенно верил – тщеслав-

ный, эгоистичный фанатик, которого, по-хорошему, и близко нельзя подпускать к вирусологии. С другой стороны, нельзя было и не отметить того факта, что в плане разработки вакцины он продвинулся гораздо дальше, чем другие ученые всего мира. Если бы все переиграть в свою пользу, и как-то избавиться от самого Аристова...

Доктор, возвращаясь к столу с компьютером, остановился и повернулся. Он словно бы прочитал мысли Бенаюна. По крайней мере Директору ВОЗ так очень показалось.

– Я понимаю, что вы не склонны доверять мне с первого слова – таинственно сказал Аристов – позвольте же мне показать вам нечто, что совершенно убедит вас в моих самых искренних намерениях.

На лице доктора заиграла кроткая глумливая улыбка.

* * *

Ночная тишина накрыла индейскую деревню. Люди окончили заниматься своими делами, укладывались спать, гасили свет в домах. Эта картина создавала волшебную иллюзию полной гармонии и какого-то невообразимого блаженства. Удивительно как в этом спокойствии находилось место боли и несправедливости. Алин Авонамйелус отмахнулась от невовремя нахлынувших на неё экзистенциальных размышлений. Как бы там ни было, она уже давно освободилась от прельщения кажущейся красоте и тяги к пафосу. Жизнь

её не может быть идеальной, она никогда не была такой, поэтому сами рассуждения об этом казались Алин преступлением против собственных идеалов. И всё же этот монах что-то видел в ней больше, чем она сама хотела видеть. Почему он так смотрел на неё. Чего ждал?

Балконная дверь за её спиной открылась. Брат встал рядом с ней. Его вид был дружелюбным и бодрым, что непосредственно указывало не только на лояльность к сестре, но и на то, что он с радостью осознал вновь открывшиеся накануне сведения об Алин, чему сама Алин совсем не обрадовалась.

– Я рад, что прошло всё гладко – сказал он, хлопая сестру по плечу.

Алин криво ухмыльнулась.

– Ты же знаешь маму – сказала пилот – она всё та же. Не знаю смогу ли я когда-нибудь стать, такой же как она.

– Обязательно сможешь! – воскликнул Лен – это же ты. Мы на самом деле очень рады, что ты вернулась. Попытаемся построить всё сначала. Хочешь можем устроить небольшой спарринг.

– В три часа ночи – усмехнулась Алин – я узнаю своего брата. Ну что же с большим удовольствием. Я давно не ставила тебя на место.

Девушка повернулась, чтобы уйти с балкона, но какой-то шум отвлек её, причем шум конкретный – шум вертолетных винтов.

– Чужаки! – заявил Лен – никому не дано право пересекать наши земли. Что это значит? Ты привела врагов за собой.

– Я не знаю – пробормотала Алин – не думаю, что это возможно так скоро. Нужно узнать, прежде чем делать выводы.

Шум винтов заставил многих жителей выглянуть из своих домов на улицу. Для многих вид опускающейся винтокрылой машины был в диковинку. Нет это не могли быть военные. Никто из них...

Приступ шока поразил Алин, когда она увидела приближающуюся мать.

– Мама – крикнула она – как ты могла? Я тебе так доверилась, а ты...

На лице Кими Авонаймелус застыло изумление.

– Я не понимаю о чём ты – удивилась мать.

– Ты продала нас Тайберту! – воскликнула Алин – это вертолёт с его базы. Как ты могла, после того, что он со мной сделал?

Ситуация была крайне напряжённая, уже помимо вертолёта. Подбежавший Флориан решил вспомнить свои дипломатические обязанности.

– Успокойся Алин – сказал он – это единственный вертолёт. Если бы это был Тайберт здесь была бы эскадрилья.

– Тогда кто это? – не унималась Алин.

– Скоро узнаем – кивнул Флориан, на всякий случай перезаряжая оружие – не думаю, что военные настолько увере-

ны в себе. Может хотят прежде устроить переговоры?

Одни вопросы крутились в головах оставшихся, пока вертолет приземлялся на площади поселения, поднимая пыль и кружа листьями.

Алин, прикрываясь от ветра, приблизилась к вертолету, вместе с ней выступили вперед Наташа и Флориан. Из машины, не дожидаясь полной остановки выскочили две фигуры и побежали к собравшейся толпе. Алин всмотрелась.

– Черт возьми, Эми, Лео? – воскликнула она – какого... вы здесь делаете?

– Хороший вопрос – отозвалась Эми – только боюсь долго рассказывать. Не беспокойтесь, Тайберта с нами нет. Пока. Он будет позже, наверное.

– Что за чертовщину ты несешь? – изумилась Алин – и откуда у вас вертолет?

Мать подошла к ней сзади и обняла за плечи.

– Успокойся – сказала она – кто эти люди?

Алин от нетерпения готова была начать делать кросс по всему поселению.

– Это мои пилоты! – воскликнула она – из моей эскадрильи, но я не понимаю только, что они здесь делают.

Кими Авонамйелус снисходительно улыбнулась.

– Уверенна у них есть достойное объяснение – сказала она – только давайте пройдем в дом. Я дам вам еду и возможность умыться после дороги.

Лео покачал головой.

– Боюсь на гостеприимство нет времени – взволнованно заявил он – вам нужно отсюда убираться – Тайберт хотел разбомбить остров! – Алин округлила глаза.

– В каком смысле разбомбить? – опешила пилот.

– В прямом – сказал Лео – этот остров, ну то есть поселение объявлено логовом внутренних террористов.

Наташа присвистнула.

– Внутренних террористов? Какое потрясающее название – заявила девушка – лихо у вас тут всё делается.

– Мы сделали всё что могли – Эми Нильсен нервно заламывала руки – отказались выполнить приказ и уничтожили наши самолеты, но Тайберт найдет способ проникнуть на остров, ему нужны капитан и её друзья, то есть вы.

– Ну мы уже к этому привыкли – улыбнулся Флориан – ничего нового, не беспокойтесь.

– И что теперь делать? – спросила Наташа.

– Что и собирались – веско сказал Флориан – будем искать медальон. До рассвета недолго. На рассвете Алин найдет этого сказителя. Хорошо бы если бы не за зря... в любом случае раньше рассвета они атаковать не будут. К тому же не думаю, что они действительно хотели бомбить остров. Скорее всего это была уловка.

– Для чего? – не поняла Алин.

– Элементарно капитан Авонаймелус – сказал Штильхарт – для того, чтобы эти бравые и гордые ребята взбунтовались и побежали докладывать тебе, что тебя ждет опасность. Те-

перь Тайберт и те, кто с ним точно знают где мы.

– Ах чтоб тебя... – воскликнула Эми – я же говорила... как чувствовала, что здесь что-то не то.

– Прекрасно – выдохнула Алин – этот день, точнее ночь удачнее, конечно, никак не мог сложиться. Я только что помирилась со своими родичами, а теперь из-за нас, их объявили пособниками террористов. Просто блеск.

– Кого бы не прислал сюда этот Тайберт, мы примем бой – эти люди вернули мне мою дочь, а долг платежом красен, и я не собираюсь позволять чужакам хозяйничать в своих землях.

Флориан нахмурился.

– Тайберт лишь пешка – сказал он – им командует другой человек. Он хитер и опасен. Думаю, они сначала попытаются измотать вас. Скорее всего они нанесут удар с моря. Поэтому нужно проследить, чтобы женщины и дети, как можно скорее покинули дома и нашли укрытие. Всем, кто способен держать оружие придется взять его в руки.

Наташа удивленно посмотрела на молодого человека.

– Что ещё за человек? – удивленно спросила она – охотница?

– Тот, кто подставил тебя и обвинил в убийстве Воротынцева – отозвался Флориан – впрочем называть его пока не стоит. Скорее всего мы его скоро увидим.

– Мы тоже в деле – заявила Эми – наши ребята могут заминировать подступы к деревне. Думаю, что это не помеша-

ет.

– Абсолютно согласна – сказала Кими Авонамйелус – Алин и её друзья нужны им живыми, а значит против нас выставят наземные силы, для грязной работы.

С этими словами женщина взяла палку и нарисовала на грунте нехитрую схему деревни.

– Думаю атаковать они будут отсюда – сказала она – если заминировать подходы тут и тут, то сможем затормозить их.

– Идет – сказала Алин – Лео и Тозейнт берите Лена и минируйте. Эми на тебе воздушная разведка. Дай знать, когда появятся гости и будь осторожна. А я собираюсь найти этот злосчастный медальон. Пусть Тайберт приходит. Мы его встретим.

Похоже, возвращаться в дом следует только чтобы собраться, заключила про себя Наташа, Она знала, что ей не хватило бы времени на все в этой жизни, но теперь, она беспокоилась, хватит ли ей времени хоть на что-нибудь.

* * *

Закат над болотом был проникнут печальным настроением догорающего сумрачного вечера. Внимательному наблюдателю хорошо передавались очертания и движение низко проплывающих влажных облаков и клубящегося вдали тумана, многочисленные отблески заката на облаках и в воде, сочетание их с чистым желтовато-зеленым свечением про-

глядывающего кое-где вечернего неба. Все разнообразие тонов естественно и органично было объединено здесь в спокойной синеватой гамме, прекрасно передающей характер освещения поздних сумерек. Верховский вновь выслал ночных разведчиков, чтобы получить самые последние сведения. Откуда-то со стороны в лагерь просочились слухи о том, что в Департамент Аристова пожаловал тайный и именитый гость. Кто он не было известно, но въезд и выезд из Ольвии был перекрыт приказом шефа Секуритаты. Перекрыли и движение общественного транспорта, а жителей просили без нужды не выходить на улицу. Так же были запрещены любые собрания больше пяти человек. Естественно всё это объяснялось мерами борьбы с VOC1.

Стоя на уступе пещеры, Кристина долго смотрела на булькающую вдалеке воду и мирно плывущую выдру. Всё вокруг казалось холодным и спокойным. Близилась ночь. Далеко на западе заходило солнце неся новый день другой половине планеты. В долине мерцали белые туманы и слышалось кваканье вальдшнепов, а дальше виднелись городские огни нескольких острых вершин ольвийских небоскребов.

Кристина думала о друзьях, которые были рассеяны на всём пространстве, которое она представляла, друзья живых, а можно и мертвых. Её пробрала дрожь при этих мыслях. Возможно ли, что их миссия уже обречена на провал, что если Организация уже обнаружила медальон и сумела синтезировать препарат, тогда они введут его в чип и уже

никто не сумеет остановить порабощение человека этим маленьким, но эффективным оружием. Ни одно даже самое мощное государство не сможет устоять перед Организацией. Подчинены будут все.

Разбрасывая мелкие камни на уступ, вышла Ксения. Её лицо было по обыкновению спокойно, а Снори вертелся возле ног девушки.

– Связи с разведчиками нет – сказала она – все каналы глушат. Верховский определил, что отряду прикрытия лучше нападать с восточного входа. Это самое уязвимое место и нас там будут ждать. Есть возможность устроить большой шум. Признаюсь, в его словах есть логика.

Она, заметила, что Кристина недвижимым взглядом смотрит вдаль.

– О чём думаешь? – спросила Авалова – ты не заснула?

– Не столько здесь будет кульминация этой истории – отозвалась Кристина – финал, возможно, но не кульминация. Что-то творится там, на Западе. Враг действует, он рыщет в поисках медальона. Все их мысли сейчас заняты этим.

– Если бы они заполучили медальон, мы бы знали об этом – задумчиво проговорила Ксения – разве нет?

Кристина меланхолично пожала плечами. Её ум физически был не в состоянии прекратить деятельность. Она всё время должна была думать и размышлять. Её мозг жаждал умственных комбинаций и искал для них новые эмоции. Проблема была в том, что в данном конкретном случае ей

были нужны не размышления, а вера, совсем немного веры, того независимого от фактического или логического обоснования, что творит чудеса. Ей нужно было совсем немного веры.

Она осторожно притронулась к эфесу своего меча. У неё ведь было так же верно? У той, чей меч ты носишь. Жанне тоже требовалось совсем немного веры и сколько удивительных подвигов она совершила во имя неё. И вот теперь её меч явился тебе. Но меч Жанны Д'Арк не является никому просто так. Он сам выбирает своего хозяина. Он выбрал Жанну, он выбрал ту, которая была после неё, выбрал Екатерину Колдыреву, Софью Широградову и наконец он выбрал тебя. Он отметил тебя как воительницу. Значит ты должна вести их. Но чем ты готова пожертвовать леди Арнис? Готова ли ты пожертвовать всем, как Жанна?

– Это зависит от времени – сказала девушка в слух, больше себе – Организация готовится нанести серьезный удар, то, что мы видели ранее была лишь репетиция и возможно то, в чем мы сейчас принимаем участие тоже только репетиция. Настоящий спектакль ещё впереди. Они знают, что мы ищем медальон и они знают, что два камня королевы Изабеллы у нас, по крайней мере точно знают, что один, а я до конца не понимаю их природу.

– Я даже узнавать это не хочу – сказала Ксения – меня пугает этот камень. Пугает и настораживает. Я чувствую, что от него идет какая-то сильная энергия, но мне сложно её по-

нять.

Авалова сняла с шеи цепочку и взгляделась в изумруд. Сейчас он был теплый и гладкий. Изучение камней – это целая наука, а в их свойствах не было никогда ничего сверхъестественного, но только немногие обученные люди знали секрет камня. Ксения протянула цепочку Кристине.

– Я должна была давно это сделать – сказала она – вероятно это твоя история. Ты больше о них знаешь, тебе их и носить.

Кристина усмехнулась, беря в руки изумруд.

– Надеюсь мне не предстоит ещё и идти к подножью роковой горы – с улыбкой нашлась девушка – разве с меня не хватит всего произошедшего, я вот так иногда думаю.

– Иногда, чтобы понять себя нужно пообщаться с камнем – заметила Ксения – так говорят.

– Тебе помогло? – улыбнулась Кристина.

Ксения пожала плечами.

– Не знаю – сказала она – но мне кажется, что я вновь нашла свой путь, который потеряла из-за собственного малодушия и боязни ответственности. Нельзя убегать от своего прошлого и нельзя останавливаться перед будущим.

Кристина бросила на подругу хитрый взгляд.

– Я начинаю беспокоиться – сказала девушка – пожалуй скоро у меня появится соперница в вопросах изучения образов сферы разума.

Ксения засмеялась.

– Не стоит, лавры Кристины де Леон, я забирать не собираюсь – бросила Авалова – но ты права. Что-то собирается и возможно наши действия сейчас повлияют на это что-то в будущем.

Сзади подошла «Белка». Верховский срочно собирал всех в общем зале. Обе девушки кивнули и прошли в пещеру.

– Вернулась разведка? – спросила Кристина.

– Не совсем – сказал Верховский – нашим ребятам удалось подключиться к ретрансляторной вышке и передать фото сегодняшнего гостя Аристова. Посмотрите.

На экране возникла фигура мужчины короткостриженный с удлиненным овалом лица, черной бородкой и круглых чуть затемненных очках. Одет он был в черный дорожный плащ.

– Шломо Бенаюн – сообщил Верховский – для непосвященных директор ВОЗ. Вы что-то о нем знаете, Кристина Сергеевна?

Кристина взгляделась в лицо. Её подозрения начали подтверждаться со скоростью хорошего реактивного самолета. Девушка усмехнулась. Что же включим основную профессию, на время перестав изображать из себя микс Асоки Тано и Сейлор Мун.

– Ничего достоверного – сказала она – Бенаюн достаточно давно занимает этот пост. Характеризуют его как человека профессионального и не особо тщеславного, однако пандемия много меняет. Уверена, что Бенаюн не устоит от желания стать спасителем человечества. Аристов умеет убеждать.

– Вы думаете он будет рассказывать ему о проекте? – спросил Кирсанов.

– Весьма вероятно – сказала Кристина – Аристов тщеславен и не упустит возможность показать свое творение. Он уже привлек достаточно финансовых средств, хотя возможно и не столько сколько рассчитывал из-за энергии нашего юного друга Кирсанова.

Сложивший руки на груди и подпиравший каменную стену невдалеке молодой человек недовольно нахмурился.

– Я думаю, что вся эта финансовая элита и снобистская

сущность их структуры не знает о подлинной цели Аристова – Кирсанов активно терся о камень, из-за чего была прямая угроза, как целостности его одежды, так и его кожи, – Ведь в ситуации если бы они знали, на что именно должны пойти деньги, то их можно «закошмарить» потоком компромата!

– Твои интеллектуальные способности, просто поражают! – Авалова внимательно слушала напарника, – Мне кажется или ты стал даже выше ростом?!

Шутка была воспринята всеми очень позитивно, включая самого виновника её возникновения, и зал наполнился весёлым смехом.

– Может быть и так – сказала Кристина – но Аристов любит изображать из себя благодетеля и скажу больше, возможно он себя таковым считает, а значит ему нужны не только бизнесмены и финансисты, но те, кто так же считает себя радетелями за общее благо. Ему нужна поддержка такой весомой организации, как ВОЗ, хотя бы на бумаге.

– Это будет как раз в характере – согласно кивнула Ксения – но согласится ли Бенаюн на подобное? Не отпугнет ли его порывность нашего ученого?

Кристина пожала плечами.

– А какой у него выход? – спросила девушка – Бенаюн сам говорил на пресс-конференциях, что проще взорвать планету, чем найти вакцину, а здесь ему её предлагают, да ещё в такой красивой обертке. Мало кто устоит, а тем более международный чиновник. К тому же цена вопроса невелика, для

Бенаюна проблемы чипирования будут на втором месте. Ему важно здесь и сейчас.

Верховский мрачно кивнул.

– Значит у нас совсем мало времени – сказал мужчина – надо вырвать у хищника зубы, пока он не пропитал их ядом.

– Но действовать с разумной осторожностью – напомнила Кристина – не позволяя страстям увести от рациональности. Не здесь точка кульминации. Помните, что наше нападение – это отчасти уловка, ибо, как и у Аристова никакой наш план невозможен без медальона. И наша судьба в руках тех, кто ищет его, как их судьба в наших. Локальные решения всегда являются архитекторами решений глобальных.

– Наша судьба тяжела, а задача незавидна – кивнул Верховский – и всё же нам приходится идти теми путями, которыми придется, не для себя, для будущего. Иногда я спрашиваю себя «Если бы я мог спасти Анастасию, удвоив собственные страдания, пошел бы я на это? И я отвечаю «пошел бы». Увы, это только фантазии, мы не можем исправить прошлое, но можем исправить будущее.

Он всё ещё корит себя, подумала мельком Ксения, мысли Верховского были сродни подготовки себя к жертвоприношению. На будущее можно надеется только если тебя ничто не тянет назад, но у старых грехов длинные тени и прошлое может настигнуть тебя в любой момент. Верховский не хотел говорить более о своем прошлом, но тот дракон, о котором он говорил в их первую встречу, по-прежнему был внутри

него. Вот почему он затеял эту игру и как бы всё ни сложилось, она для него будет последней.

– Это неперменное свойство человека – пожалала плечами Кристина – желать всё начинать сначала, и всё же мы всегда идем по одному пути и в жизни всегда всё бывает правильно.

Верховский не ответил, как обычно не отвечают люди, которые рассчитывают на абсолютное понимание своих слов и не принимает критику.

– Уже поздно – сказал мужчина, после некоторого молчания – возможно у нас с вами будет возможность продолжить эту беседу при другом солнце. Пойдемте, нам подадут небольшой ужин. Вино, колбаса, сыр, фрукты. Этого немного, но достаточно, чтобы на время забыть тревожные разговоры и подкопить силы. Завтра они понадобятся нам все.

– Ничего лучше и не придумаешь – с легким сердцем согласилась Кристина.

Напоследок взглянув на болото и городские огни в сгущающейся темноте, она подумала, какой толк спасти мир, если он этого не видит? Истина заключалась в том обман и сила – это орудие злых, которое они используют для контроля других, а борьба за мир была не столько за других сколько за себя. От себя передавать другим и так из века в век и счастлив только тот, кто свободен от приказов себе и повелевания другими. Свобода – лучшая из выдумок человека.

Пока лифт опускался вниз Шломо Бенаюн тщетно пытался объяснить себе природу того, почему он согласился вообще куда-то следовать за Аристовым, а не убежать отсюда и сообщить в Интерпол. Ответ был один безысходность. Утопающий всегда хватается за соломинку, а ему предлагали железный прут. Проблема была в том, что за прут потребуют цену. Бенаюн не верил в бескорыстие. Возможно, сейчас эту цену ему и представят.

Спускались вниз долго. Бенаюн даже не представлял на сколько ещё этажей можно опуститься под землю, и он даже не хотел знать, что именно там делают. Впрочем, эти подвальные помещения были отнюдь не холодными и сырыми, а наоборот, хорошо освещенные, со светло-серыми бетонными стенами, стеклянным потолком и панорамными панелями, изображающими различные пейзажи фотографической точности. Ученый повел директора дальше по лабиринту коридоров, проходя мимо огромных помещений с людьми в белых халатах, компьютерным оборудованием и еще чем-то, что сложно было идентифицировать. И везде стояли эти бездушные солдаты Секуритаты. Они никак не реагировали ни на местный персонал, ни на гостей сверху.

– Куда мы идем? – спросил наконец Бенаюн.

– Терпение, ваше превосходительство, терпение! – улы-

бался Аристов, и продолжал вести дальше, мимо стеклянных кубов и комнат, осветительных мачт и провалов, похожих на арены.

А потом остановились перед одной из дверей, ничем не отличающихся от соседних и набрал код.

– Совершенно случайно, работая совсем в другом направлении – продолжал доктор – я обнаружил одну крайне занимательную особенность... – начал ученый – уверен это заинтересует такого прогрессивного человека, как вы. Я продемонстрирую вам это в качестве жеста безграничного доверия.

Когда они вошли, Бенаюн сразу увидел юную девушку, мирно спящую на кровати за стеклом, отгораживающим ее часть помещения. Директор ВОЗ взгляделся в её лицо и у него отвисла челюсть.

– Это же... – начал он.

Бенаюн особенно не интересовался историей, но волею судьбы в прошлом году присутствовал на мероприятии по передаче документов последней царской семьи Великоруссии, которая была казнена революционерами и, разумеется, там были выставлены фотографии. Шломо Бенаюн обладал хорошей фотографической памятью. Но, черт возьми что это ещё за фокусы? Неужели Аристов...

– Именно – подтвердил ему доктор – она великолепна, не правда ли?

Вновь оставалось только безвольно согласится. Девушка

действительно была великолепна.

– Перед вами создание, о котором мечтали величайшие умы в истории – сказал Аристов – на протяжении веков великие пытались создать человека. Это было для них признаком величайшего мастерства в тайных искусствах, но и одновременно табу. Они были слишком отягощены предрассудками, чтобы понять, что не что не запрещено и всё позволено. И вот теперь, когда мы силой прогресса очищены от условностей и религиозных суеверий, теперь перед вами это создание. Правда, как настоящая?

Бенаюн всё ещё пытался осознать происходящее. Аристов не любезности ради сюда его пригласил. Вероятно, доктор каким-то образом узнал, что Шломо был при передаче царских документов. Неожиданность усилила шок от увиденного.

– Однако позвольте – спросил он – как вам это удалось.

– Таким же образом, каким я создал вакцину – сказал Аристов – с помощью компьютерной модели. Планету окружает «Мыслящая оболочка», с которой можно, как с флешки, почерпнуть информацию. Ноосфера хранит любые наши образы и нужно только загрузить их в определенную программу, взяв нужный. В данном случае образ этой девушки, а далее создать модель со всеми генетическими составляющими. Из маленькой пробирки, уродливого гомункула, получилась красавица.

– Если это так – сказал Бенаюн – то звучит страшновато.

Никто не даст гарантии, что нельзя воссоздать Гитлера или Сталина.

– Поэтому я и делюсь этим с вами – вкрадчиво заявил доктор – мне важно, чтобы ВОЗ знал результаты моей работы.

А заодно, чтобы вы меня могли сдать, подумал Бенаюн, и чтобы если я откажусь сотрудничать, каждый шелкопер мог обвинить меня в нарушении резолюции 59/280 Генеральной Ассамблеи ООН. Это было ясно как день и всё же карьеристское самодовольство Бенаюна искренне желало дослушать до конца.

– Таким образом – продолжал Аристов – мы получаем идеальную репродукцию человеческого существа, созданного компьютерной программой, при помощи которой люди должны выйти за пределы слабостей человеческого тела. Иными словами, теперь мы можем биологически проектировать сами себя и достичь небывалого улучшения умственных и физических возможностей человека.

– Не думаю, что мне с моей национальностью пристало слушать о евгенике – нахмурился Бенаюн – слишком тяжелый вопрос.

– Опять-таки предрассудки – отмахнулся доктор – равно как и с любыми другими изменениями. Не всё ли равно, что именно мы делаем, но мы делаем всё чтобы улучшить себя. Разрабатываем вакцины, носим защитную одежду, пьем лекарства. Мы уже сопротивляемся окружающей нас природе, а теперь мы сможем на генном уровне влиять на болезни и

уничтожать их, вкладывая в себя качества, которые сделают нас иммунными. С помощью комбинирования разных образцов.

Бенаюн испуганно заморгал глазами.

– Вы хотите сказать, что это девушка обладает какими-то особыми свойствами? – спросил он.

– Если угодно, то да – покровительственно улыбнулся Аристов – в данном случае её кровь обладает ускоренной реакцией и передает больше кислорода, следовательно она не может застаиваться. Потенциально на основании её крови можно было бы создать модель ингибитора, блокирующего возникновение опухолей. Представляете какая это была бы победа? Веками люди пытались создать нечто подобное и теперь благодаря технологиям мы можем фактически обеспечить жизнь без болезней.

Только пока в теле находится чип-ингибитор, добавил про себя Бенаюн, который в любой момент можно отключить, создав необходимую программу воздействия, впрочем, он не стал высказываться в слух. С некоторой точки зрения ему даже нравилась эта идея, она давала человеку новые возможности. Бенаюн вообще считал, что трансгуманистов давно надо было перестать считать неким мистериальным злом, даже если они иногда перебарщивают в своих концепциях.

– Значит ли это, что человеческий индивид сам подвергнется мутации, которая сделает его неуязвимым перед тем же VOC1? – спросил Бенаюн.

– Безусловно – сказал Аристов – однако я бы не называл это мутацией. Поскольку мутация человека вызовет мутацию болезней, я бы назвал это самокоррекцией или самотерапевтией. Не важно, что понадобится человеку, он самостоятельно может выработать в себе это. Просто вставив чип, обладающий определенными свойствами. В перспективе, естественно.

Аристов сделал приглашающий жест следовать за ним и закрыл дверь в комнату, где лежала девушка.

– Теперь вы видите, что мы сделали большой шаг вперед – продолжил доктор, ведя Бенаюна коридорами назад мимо кубов, спящего персонала и бездушных солдат – мы сможем за несколько дней или даже часов вносить радикальные генетические изменения, которые в корне преобразят человека.

– Но ведь нельзя просто взять и внести изменения – возразил Бенаюн – даже при трансплантации, мы должны ждать приживется ли орган, скорость генетических процессов заложена не просто так. И все части организма взаимосвязаны. Что если, удалив какой-то элемент мы нарушим общую структуру?

– Для этого и существуют компьютерные модели – кивнул Аристов – она даст возможность создать определенную последовательность генов и выстроить их в чёткую структуру, что сделает нас более энергичными, ловкими и даже более умными. Мы просто будем вкладывать в наш мозг определен-

ный набор программ. Это то, что я называю пост-человеком.

– Но не станет ли индивид сам похож на компьютерную программу? – дипломатично улыбнулся Бенаюн – не лишится ли он своего индивидуализма?

Доктор громко рассмеялся.

– В этом и цель – сказал он – индивидуальный эгоизм всегда приводил к войнам, кризисам и разрушению, но, если люди будут одинаково равны генетически, они обеспечат себе подлинное социально-политическое равенство. Будут одинаково думать и одинаково решать проблемы. Я немного социалист.

Аристов вновь рассмеялся, отправляя лифт вверх.

Через несколько минут Шломо Бенаюн вновь сидел в салоне своего вертолета и был очень рад этому обстоятельству. Его воротило от одной мысли вновь увидеть этих бездушных солдат, которые вновь под конвоем проводили его к винтокрылой машине. А вот доктор был весьма любезен, а главное убедителен. Конечно, кто-то скажет, что прожекты Аристова это этническая чистка на генетическом уровне, однако у последней черты не всё ли равно. Всегда существовало много умных людей, которые полагали важным спроектировать новый человеческий род. В этом существовала своя опасность, но с последним тезисом доктора Бенаюн готов был согласиться. По крайней мере с социально-культурной точки зрения, трансгуманизм в представлении Аристова мог бы обеспечить столь искомое социальное равенство, по крайней ме-

ре его идеи стоило обсуждать. Оставалось теперь только уговорить на это твердолобых коллег.

И, пока Бенаюн летел и думал, в оставшемся позади исследовательском департаменте Аристов наблюдал по камерам, как вертолет удаляется. Выключив изображение с камеры, он повернулся к охотнице, которая пришла в кабинет ученого сразу после ухода директора ВОЗ. Хорошо, что он её не увидел, а то вид этой девицы отбил бы у Бенаюна всё желание сотрудничать.

– Вас вызывают – коротко сказала Амандин Анри.

Впрочем, подумал Аристов, демонстративно сделав вид, что ему это неинтересно, она вполне могла бы убедить доктора, причем крайне изобретательными средствами.

– Этот Бенаюн выжига и плут – сказал доктор, откидываясь на спинку кресла – есть вероятность, что он поступит не так как мы договорились. Проследи за ним и, если он забудет об обязательствах, ему о них следует напомнить.

Охотница небрежно кивнула.

* * *

Было около десяти утра, когда трое путников подошли к обособленной лачуге, стоящей на самом краю поселения. Дощатая, но с хорошим каменным основанием и печной трубой, из которой тянулась тонкая струйка дыма. Алин любила бывать здесь в детстве с отцом, слушать различные истории

и мечтать, хотя мать часто её журила за это, говорила, что истории сказителя отвлекают её от реальной жизни. Отец, наоборот, возражал, мол образное мышление поможет в развитии. Много чего уткло с тех пор и воды, и слёз, а главное не стало отца и всё же она сюда вернулась.

– Сказитель собирает истории нашего народа тысячу лет если не больше – сказала Алин – он немного странный, на любителя скажем, поэтому говорить буду я, а вы не обращайте внимания.

– На что? – не поняла Наташа.

– Просто не обращайтесь – развела руками Авонамйелус – и всё.

Пилот, увлекая остальных поднялась по небольшой деревянной лестнице и очутилась на широкой веранде. Владельца дома она сразу увидела, тот в свете лампы убирал с широких подоконников больших окон разнообразные горшки и закрывал внутренними ставнями сами окна.

– Мистер Оджик? – позвала Алин.

Сказитель повернулся к ней. Он совершенно не изменился, словно бы не прошло стольких лет. Это был старец с седыми волосами до плеч, в замшевой рубаше и жилетке, штанами с бахромой и мягкими мокасинами, о которых можно было легко сказать, что они сделаны вручную, и наверняка самим их владельцем. Некоторое время он изучал гостей.

– Ты принесла войну на наш тихий остров Алин Авонамйелус – сказал он – и я не буду участвовать в ней.

Приветствие на уровне, поняла Алин, она с детства запомнила, насколько Кем Оджик выделяется среди обычных людей – не только рассказыванием разных легенд племени, к месту это, но и постоянным предсказыванием будущего едва ли не каждому встречному, с глубоким философским анализом поступков человека, которые приведут к этому будущему. Наверное, за это он не нравился матери, поскольку часто обличал Кими Авонамйелус за её бизнес. В этом они с Алин находили полную гармонию.

– Пойдите – сказала Алин – послушайте меня.

– Нет – жестко возразил Оджик – Я не ввязываюсь в сиюминутные баталии ради удовлетворения эгоизма и как ты посмела прийти ко мне с чужаками. Разговор со мной надо заслужить.

И, кажется, он будет непростой, заключила Алин.

– Уходите – сказала она Флориану – поверьте его лучше не злить. Я тут одна справлюсь.

– Уверенна? – иронично поинтересовался Флориан.

– Эй – подмигнула Алин – я сама убедительность. Возвращайтесь и помогите остальным.

– Но... – пыталась запротестовать Наташа.

Флориан моментально схватил девушку за запястье и потащил прочь. В другой ситуации Алин непременно восхитилась бы его галантностью, но только не сейчас.

– Мне нужна ваша помощь мистер Оджик – заявила Алин – множество невинных людей, не желающих быть безволь-

ными рабами, могут погибнуть от смертельной болезни, с которой...

– Слушать не желаю Алин Авонаймелус – прервал девушку сказитель – прошли те времена, когда ты сидела у меня на коленках и слушала истории. Ты ничему не научилась из них, ты пошла по пути страстей и собственного тщеславия, ты отказалась от своей природы, а теперь, ты приходишь ко мне и просишь о помощи. Я выше твоих страстей и выше страстей твоего генерала Тайберта. Я был здесь до вас всех и останусь после вас всех. С какой целью ты ищешь, то, что ты ищешь? Для удовлетворения собственной страсти или славы? Меня не интересует всё это.

– Меня тоже – заявила Алин – и никогда не интересовало. Вы не правы.

– В чём из сказанного? – поинтересовался Кем – разве не за тобой пришел этот генерал? Разве не ты отказалась от своей природы, отдавшись юношескому максимализму. Ты безрассудна Алин Авонаймелус, в ином бы случае ты уже давно бы поняла, где искать, то, что ты ищешь.

Ну почему эти умники никогда не говорят прямо, взмолилась про себя Алин, можно же конкретно сказать, а тут опять экивоки. Она надеялась, что сказала это не вслух, а то вообще выставят и пиши пропало.

– Я готова понести наказание за свои ошибки – сказала Алин – но не так и не ценой жизни других.

– Послушай себя Алин Авонаймелус – отрезал Оджик –

«я готова», «меня не», «я-то». Ты говоришь только о себе. Именно поэтому ты не можешь понять, что говорю тебе я. Ты никого не можешь впустить в свой мир кроме себя самой.

– Какая разница? – спросила Алин – и это не так. Я отвечаю за эти ошибки.

– Пустой эгоизм – возразил сказитель – ты не можешь отвечать за ошибки других. Ты только можешь исполнять свое предназначение, но ты боишься его. Ты дисбалансирована, твое присутствие подобно буре, и ты не можешь её унять.

Авонамйелус вздохнула. Вероятно, ей собирались основательно мыть кости.

– Это трудно – согласилась девушка – слишком много событий произошло. Вы не знаете ни через что я прошла, ни что я видела.

– Да неужели? – поинтересовался Оджик – события не меняют человека, они не делают его хорошим или плохим. Испытания, возбуждения, переживания они способны увлечь и повлиять, но не изменить. Выбор человека – это только его собственное решение.

– Как же научиться выбирать правильно? – нетерпеливо спросила Алин – покажите мне.

– Уже лучше – кивнул Оджик – ты уже просишь совета, а это первый шаг. Чтобы правильно выбирать нужно правильно видеть. Ты не можешь научиться выбирать. Ты должна увидеть единственный выбор. Присядь.

Алин не стала возражать и уселась на разложенные ветхие

доски.

– Итак – менторно произнес Оджик – закрой глаза и скажи, что ты видишь. Скажи мне.

– Не уверена, что это хорошая идея – сказала Алин – на это нет времени.

– С чего ты взяла – усмехнулся сказитель.

– Потому что на нас готовятся напасть – раздраженно заявила девушка – вы же знаете.

Оджик улыбнулся и присел напротив.

– Значит вот что ты видишь Алин Авонамйелус – сказал он – опасность, тревогу, смерть. Ты это видишь, поэтому ты и выбираешь это. Поэтому ты не можешь найти медальон.

– А вы знаете, где медальон? – нетерпеливо спросила Алин.

Кем покачал головой.

– Откуда мне это знать? – сказал он – это было давно. Я не хранитель этого медальона. Тебе надо найти хранителя.

Алин возвела глаза к небу.

– И как же мне это сделать, позвольте узнать? – сорвалась девушка – из нас сейчас сделают фарш, а я должна искать хранителя.

Оджик не сводил с Алин пристального взгляда и девушку это уже начинало выводить из себя.

– Опять – разочарованно сказал Кем – ты опять говоришь о себе. Мне ясен твой конфликт, своим эгоизмом и яростью ты пытаешься ответить на опасность и страх, поэтому ты и не

видишь. А меж тем ты сама прекрасно знаешь где медальон.

– Что за ерунда? – опешила Алин – вы сказители просто вечно всё выдумываете. Откуда я могу знать где этот дурацкий медальон, я о нём узнала только два дня назад. Мы просто теряем время.

Авонамйелус резко поднялась на ноги.

– Теперь тобой овладел гнев – спокойно сказал Оджик – твоё нетерпение привело к гневу, и ты видишь гнев. Затем ты увидишь ненависть.

– Какое это имеет значение? – отрезала Алин.

– Огромное – сказал Оджик – гнев, нетерпение и страх затуманивают твой разум, ты не можешь рационально думать.

Алин осторожно снова села на доски. Откуда он знает? Что он испытал? Разве он испытывал несправедливость, унижение, чувство вины за гибель друзей? Как он может так говорить?

– Что мне делать? – спросила девушка вслух.

– А что тебе хочется? – последовал ответный вопрос.

Алин склонила голову.

– Сбежать – призналась она – уйти на необитаемый остров, улететь на Марс. Куда угодно, где меня не достанет прошлое.

– Хорошо – согласился Оджик – а как же медальон? Разве его ты не хочешь найти?

– Я... – начала Алин и запнулась. Она не знала, что сказать. Мысли путались.

– Позволь рассказать тебе одну историю – продолжил Од-
жик – когда-то давно люди не умели пользоваться огнем. Да
и не особенно нуждались в нем, поскольку жили в теплых
краях. Мясо ели свежим, вырезанным из только что убито-
го зверя, или сушили на солнце, впрок.

Но наступили холодные времена, и пришлось строить
жилища.

Однажды к стойбищу прилетела птица Горихвостка, по-
смотрела на людей, не отходящих от своих жилищ, и ска-
зала:

– Скоро придет настоящий холод и вам понадобится
огонь.

– А что такое огонь? – спросили люди.

– Посмотрите на мой хвост. Видите маленькое и теплое
свечение? Это и есть огонь. Он может дать вам горячую
пищу и обогреет жилища.

Завтра я прилечу к вам снова. Пусть в руках каждого бу-
дут пучки смолистых веток. Но знайте, огонь достанется
только самому терпеливому и выносливому. Я полечу, а вы,
не отставая, должны будете бежать за мной. Согласны?

– Согласны! Согласны! – закричали люди.

На следующее утро Горихвостка прилетела снова к жи-
лищам. Люди с нетерпением ждали ее.

– Вы заготовили смолистые ветки? – спросила она.

– Заготовили! Заготовили!

– Тогда выслушайте еще одно условие. Огонь получит

лишь тот, кто никогда никому не отказывал в помощи, кто во всей своей жизни совершал только добрые дела. Среди вас есть такие?

– Конечно есть! – поспешили люди ее заверить, оглядываясь друг на друга и кивая.

– Тогда следуйте за мной, – предложила Горихвостка.

И она полетела.

За птицей бежало почти все племя, и стар и млад, и женщины, и мужчины. В стойбище остались только самые немощные.

Люди карабкались по скалам, одолевали болота и реки, продирались сквозь лесную чащу.

Некоторым такое испытание показалось чрезмерным.

– Зачем нам огонь? – говорили одни. – Обойдемся без него, и так хорошо жили! И поворачивали назад.

– Никакой огонь не стоит таких усилий, – говорили другие и тоже останавливались.

– Слишком многого требует эта маленькая Горихвостка, – говорили третьи. – Не отставать. Быть выносливым, да еще и быть добрым!

И тоже возвращались в стойбище.

В конце концов вровень с Горихвосткой продолжал бежать только один.

– Это хорошо, что все повернули, – думал он. – Я единственный в стойбище буду хозяином огня.

Последний его соплеменник не выдержал.

– Послушай, Горихвостка, – обратился он тогда к птице. – Вот уже много времени я бегу за тобой. Не пора ли дать огонь? Я никогда не делал ничего дурного. Я оказался самым выносливым.

– Все это верно, – отозвалась Горихвостка. – Но огня ты не получишь. Потому что заботишься только о себе.

И Горихвостка вернулась в покинутое стойбище, оставив самого выносливого человека одного, далеко от собственно-го дома.

Птица подлетела к жилищу, в котором оставалась молодая женщина, не принимавшая участия в состязании, и спросила:

– Почему ты не последовала за своими соплеменниками?

– Я не могла оставить больного отца. Я должна была его кормить и ухаживать за ним.

– А где твои ветки? – спросила птица.

У меня только одна ветка. Я не могла собрать больше.

Горихвостка дотронулась до ветки своим жарким хвостом, и яркое пламя осветило жилище.

– Я думаю, – сказала Горихвостка, – тебе можно доверить огонь.

Скоро люди вернулись в стойбище и были сильно удивлены, увидев возле одного из жилищ костер. Молодая женщина щедро поделилась с ними огнем и рассказала, что огонь ей доверила Горихвостка. Вот так в далекие времена огонь пришел к людям, – почти не прерываясь, рассказал Оджик – а теперь расскажи, что ты видишь?

– Эгоизм – сказала Алин – жажду власти, страх от будущего.

– У птицы?

Алин долго сидела и смотрела на сказителя, ей казалось, что мир вокруг куда-то ушел, а она оказалась в вакууме, где

ничего не чувствовала и не видела. Одна сплошная темнота.

– У людей – вздохнула девушка – одни сдались, испугавшись трудностей, а другой пытался возвысится над остальными, и я такая же. Мой страх совершить ошибку ослепляет меня, он заставляет меня убежать. Такой меня видят и такой я вижу себя. Я боюсь брать ответственность за других и растворяюсь в собственном эгоизме.

– Ага – улыбнулся Оджик – ты начинаешь видеть.

– Я отдалилась – сказала Алин – я поставила стену вокруг себя. Обвиняя себя в ошибках, я не пыталась их исправить, я сделала из них культ. Друзья, семья, я не думала о них, даже переживая о них, я думала лишь о себе.

Её рука скользнула под куртку и нащупала цепочку, на которой весел кулон, который ей подарил когда-то отец. Она совсем забыла про него. Алин было немногим более четырнадцати, когда отец умер. Она помнила этот день очень долго, а потом решила стереть из памяти, как стерла всё остальное, всю свою прошлую жизнь. Теперь она вновь вспомнила. Отец лежал на кровати, она подошла к кровати. Ей было очень тяжело. Он только улыбнулся ей, как улыбался всегда, когда они шли гулять или играли. Улыбнулся и протянул кулон на цепочке. Одел ей на шею и сказал: храни это дочка. Это нужно только хранить.

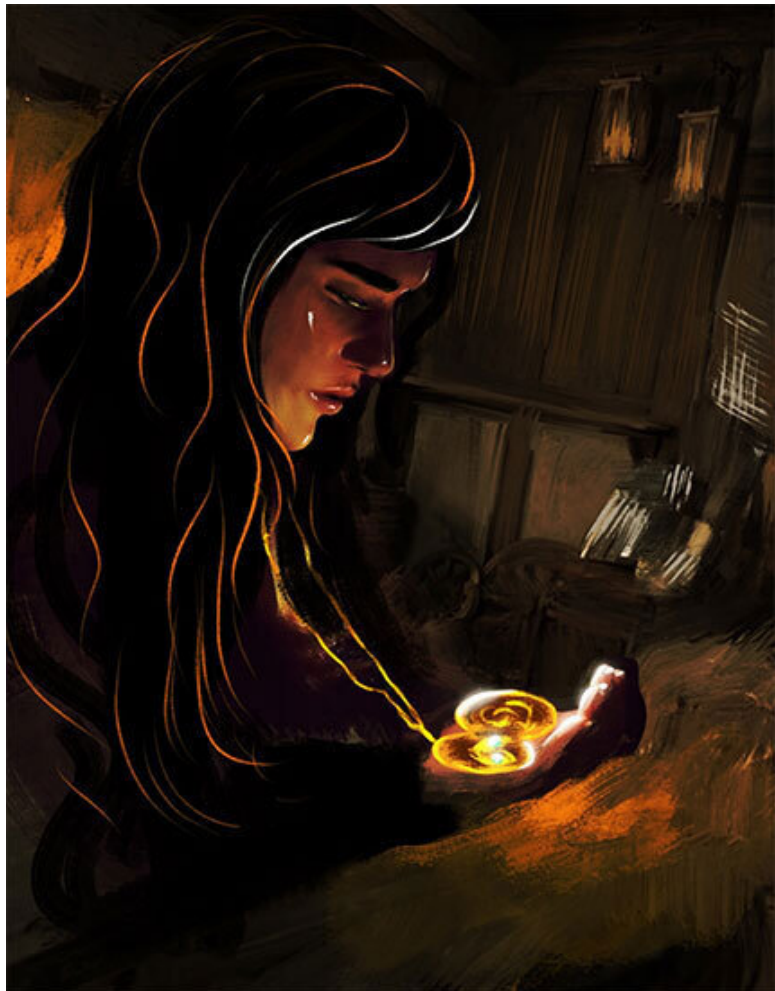
– Только хозяйка ведаёт – прошептала Алин.

Девушка погладила медальон. Раздался щелчок каких-то незаметных креплений, кулон раскрылся и в руку Алин упал

золотой медальон меньшего размера с бабочкой и двумя изумрудами. Алин расширила глаза, наверное, на пол-лица. Од- жик наблюдал за ней с неподдельным интересом.

– Но... – прошептала девушка – но как это возможно?

– Если ты видишь себя, то увидишь и вокруг себя, Алин Авонаймелус – произнес сказитель.

– Да – выдохнула Алин – теперь я поняла вашу историю. Девушка склонила голову и решительно встав на ноги, стала спускаться по ступеням.

– Куда же ты сейчас идешь? – спросил Оджик – разве ты не боишься встретиться с прошлым.

Алин улыбнулась.

– Я вижу будущее – сказала она, обернувшись на мгновение – так отчего же мне бояться прошлого?

Оджик только громко рассмеялся, провожая взглядом Алин Авонамйелус.

* * *

Эсминец типа «Zumwalt II», подобно наконечнику копья медленно рассекая волны подходил к скалистому острову, затянутому туманом. В командирской рубке эсминца высокий мужчина в зеленом мундире военной разведки Великобритании обозревал зеленые скалы, которые теперь были видны даже невооруженным взглядом, а также слушал гневное и нетерпеливое сопение в спину генерала Тайберта и капитана корабля Ши Фаббро. Изнывают от любопытства, решил мужчина, окинув взглядом застывшую рядом Охотницу. Ну что же, сейчас мы удовлетворим их любопытство.

– Генерал – обратился к нему Фаббро – не позднее, чем через полчаса корабль достигнет границ целевого острова. Команда десанта подготовлена и ожидает ваших распоряже-

ний в доковой камере. При необходимости десантирование будет произведено в течение пятнадцати минут.

Этот Ши Фаббро очевидно был из тех, кто не вдаётся в подробности и не осмысливает детали, а только старается тщательно, пунктуально выполнить поставленную задачу. Интересный экземпляр. Такой может быть полезен, в будущем.

– Отлично капитан – кивнул мужчина – испытаем нашего противника на выносливость. Открыть огонь по острову, но постарайтесь не уничтожить деревню целиком.

– Н-но – удивился Фаббро – там много невинных граждан. Мы убьём такое количество невинных?

Мужчина обернул голову.

– Я полагал, что вы обучены следовать приказам, а не обсуждать их – бесстрастно сказал он – впрочем, как я уже сказал, не надо уничтожать гражданских. Нужно проверить их на выносливость.

Фаббро кивнул.

– Конечно, сэр – сказал он – будет исполнено сэр.

Капитан эсминца взял телефон внутренней связи и отдал несколько приказов канонирам.

– Сэр – обратился к мужчине офицер связи – радары зафиксировали одиночную летящую цель.

Мужчина не подал особого вида, что ему это интересно.

– Вероятно они используют угнанный вертолет, чтобы провести разведку – заметил он – не трогайте эту мелочь. Сосредоточьтесь на атаке поселения.

– Да, Сэр – ответил Фаббро, протерев платком лысую голову и вновь надев форменную фуражку. Искоса поглядывая на женщину в кожаном обмундировании, капитану не хотелось противоречить.

* * *

Когда вертолет приземлился на площади поселения, крылатую машину облепили местные с взволнованными вопросами, а получив подтверждение, что приближается военный корабль, разволновались еще больше. Кто-то кричал, что нужно уходить в глубь острова, кто-то желал остаться и драться до последнего. Лен с группой добровольцев ушли минировать подходы к поселению, на случай наземного десанта. Остальные воздвигали импровизированные баррикады из досок, бочек и железных листов.

– Не бог весть что, но сойдет – заметил Флориан – бочки при необходимости можно скатить на них. Всегда любил в детстве играть в штурм замка, правда я любил именно штурм.

Ему никто не ответил. Со стороны берега раздался шум и неприятное скрипение. А потом взрывы.

– Они начали обстрел! – веско воскликнул Флориан – в укрытие, живо!

Эффективность была безукоризненной. Канониры работали по квадратам от души, но со знанием дела. Разрывы

электромагнитных снарядов приводили к тому, что у обороняющихся шла носом кровь, лопались барабанные перепонки, тех кто не сумел найти, укрытие буквально испепеляло. Те снаряды, что попадали в дома поджигали древесину и превращали здания в громадный костер. Воздух был пропитан жаром и гарью. Несколько смелых жителей принялись тушить дома из бранспойтов, но это не помогало. Хаос горящих зданий и мечущиеся фигуры. Вокруг было одно сплошное огненное кольцо.

А на борту эсминца человек в зеленом мундире терпеливо смотрел вдаль на эти всполохи. Ему здесь ничего не грозило. Он мог бы так стоять вечно, пока весь этот остров не будет стёрт с лица земли и, наверное, это был бы хороший урок, тем кто осмелился бы пойти против Организации в будущем, но нет, пока нет.

– Довольно – скомандовал мужчина – Прекратить огонь.

Капитан Фаббро кивнул и сняв трубку телефона отдал кодовый приказ.

Мужчина отвернулся от созерцания пожарища и повернул голову к генералу Тайберту.

– Теперь, когда наш враг понял серьезность наших намерений – сказал он – мы начинаем наземную операцию. Отдайте приказ десантным соединениям выдвигаться на позиции. Вы командуете авангардом, постарайтесь взять в плен как можно больше людей.

– Как вам будет угодно – кивнул Тайберт, не разжимая губ

– начнем же охоту, господа.

* * *

После ураганного обстрела на остров обрушилась невероятная тишина. Небольшая группа бойцов, вооруженных стареньким оружием, затаилась в скалах даже не думая пошевелиться. Лео Морган обозревал туманную даль, через бинокль. Лишний раз старались не переговариваться, все были заняты приготовлениями. Кто-то закапывал мины, стараясь запомнить место, чтобы самому потом не наступить, другие проверяли ружья, дробовики и пистолеты-пулеметы.

– Надеюсь твой план сработает – сказал Лен.

– Я тоже надеюсь – кивнул Лео – другого всё равно нет.

Он пытался шутить, но уже было не до шуток. Теперь он их увидел. Их было штуки четыре, решительнодвигающихся сквозь туман и снег квадратные железные ящики, оцетинившиеся 30 мм пушками и противопехотными пулеметами. Лео почувствовал, что его ударило в жар.

Танки-амфибии. КККV–XL – улучшенная версия прошлой десантно-штурмовой машины отличалась большими размерами, более мощным вооружением и бронированием сродни основному боевому танку. Четыре. В каждой тридцать человек.

Да. План можно сворачивать. Мины тут не помогут. Они-то ждали обычный десант.

Земля взлетела комьями вверх, когда амфибии добрались до заминированных позиций, но усиленная защита справилась. После прохода импровизированной линии обороны из бронемашин начали выпрыгивать фигурки спецназа КССНК.

– Вот бы иметь защитное поле – посетовал Лен – как в фантастике.

– Не вариант – мрачно усмехнулся Морган – даже там через него можно проходить. Отходим, живо!

Прощальным движением, атакующим он нажал на пульт и подорвал их собственное укрытие. Камни разлетелись в разные стороны и завалили одну из едущих бронемашин, не причинив ей вреда, но заблокировав движение.

– Может быть это их немного охладит? – нервно засмеялся пилот – уходим, уходим.

Он махнул рукой, и бойцы стали бежать в сторону поселения. Их силуэты сразу стали целью пулеметчиков в бронемашинах. Те работали прицельно и безжалостно. Несколько бойцов рухнули скошенные очередями, но большинству из группы всё же удалось добраться до возведенных укреплений в поселении. Ни у кого не было сомнений, что толку от них мало, но всё же они давали надежду.

Жители яростно палили по приближающимся танкам-амфибиям без какого-либо видимого результата. Машины, в свою очередь, заливали огнем баррикады – единственную преграду между ними и центральной площадью поселения

им вслед бежали солдаты, броня амфибий надежно защищала их от пуль и амфибии совершенно безнаказанно долбили всё вокруг, оставляя после себя руины и трупы.

Оборона рухнула после второй атаки, вместе с пробитой брешью куда тут же ринулись солдаты. Они были обучены этому в отличие от поселенцев. Алин бежала к позициям, едва разбирая дорогу в темноте, и почти не боясь споткнуться. Надеясь не опоздать. Отсюда надо было уносить ноги, причем чисто из практических соображений. В конце концов медальон у них. Оставалось только добраться до площади и улепетывать, во все винты их вертолета, молясь, что горючего хватит хотя бы до другого берега. Последние метры до позиций она уже проделала ползком.

– Кажется, Тайберт в этот раз серьезно настроен меня убить – заключила она, подползая к Флориану.

– Кажется не только тебя – заметил Штильхарт, отстреливаясь во все стороны – как урок древней истории?

Авонамйелус криво усмехнулась и продемонстрировала зажатый в ладони медальон. Флориан и Наташа округлили глаза от удивления.

Её избранное высочество обрело голос первой.

– Вы что его из воздуха наколдовали? – спросила Покровская.

– Почти – широко улыбнулась Алин – если расскажу, то вы всё равно, не поверите. Поэтому хватайте оружие и бегом отсюда.

Раздались серия выстрелов, хлопков и вспышек, после них – крики приказного характера. Всё заволочло дымом. Кажется светозвуковые гранаты.

Их окружили солдаты. Две оставшиеся бронемашины въехали на площадь и развернули в сторону оборонявшихся свои пушки. Поселение было захвачено.

Сквозь тусклый свет, излучаемый оставшимися фонарями на площади, Наташа кое-как сумела разглядеть фигуру генерала Тайберта.

– Итак – сказал генерал – я готов принять вашу капитуляцию.

На его лице застыла усмешка опереточного злодея.

* * *

Комплекс зданий Всемирной Организации Здравоохранения представлял собой полуподземный сад с украшениями из стекла и бетона, построенный архитектором Жаном Чуми, известном каждому кто проезжает штаб-квартиру корпорации Nestlé в Веве. Рядом кипела стройка нескольких новых корпусов в стиле университетского кампуса – современный парафраз имеющегося величественного здания в стиле модерн.

Было далеко за полночь. Шломо Бенаюн сидел в одном из кабинетов только что возведенного здания, куда, по иронии судьбы, после реконструкции переселили GAVI – Глобаль-

ный альянс по вакцинам. Хотя ирония судьбы здесь не причем, Бенаюн специально прибыл сюда, чтобы из этого корпуса убеждать коллег поддержать проект Аристова. Холодный расчет.

Бенаюн замер на мгновение перед тем, как нажать на клавишу включения видеоконференции с представителями региональных бюро. Через них сведения о вакцине Аристова должны попасть в правительства стран, а уже оттуда – тем, кто в ней нуждается. Далее если всё успешно он выступит с телеэкранов и заявит, что панацея найдена.

Только вот нуждается ли так сильно человек в этой вакцине, чтобы получить себе в тело чип, управляемый кем-то на стороне? Будет сложно доказать людям, и без того напуганным противоречивостью своих властей, что чип – их спасение.

Бенаюн вздохнул, унял дрожь и нажал на клавишу. Остается только вместе с этой вакциной предложить распространять вакцины от других ученых, чтобы у людей хотя бы на этом этапе было право выбора, которого нет сейчас у него.

– Приветствую, доктор Бенаюн, вы собрали экстренное совещание с целью сообщить о появлении новой вакцины? – в нарушение протокола встречи, первым подал голос Марк Демпси, представитель регионального бюро в Вашингтоне.

К нему присоединился взволнованный гомон остальных представителей. Их можно было понять – на них давят страны, а предложить им нечего.

– Именно так, господа и дамы, – ответил Бенаюн. – Оставим в стороне формальности, как это уже сделал господин Демпси, и приступим к обсуждению. Время дорого.

Он открыл у себя на столе папку с материалами, которые получил от Аристова. Эти же материалы он разослал по всем бюро, и теперь все эти представители знали, о чем речь. Оставалось только выслушать их возражения, и переубедить.

– Я категорически несогласен! – начал представитель стран Африки, доктор Тедрос. – Вы действительно считаете, что мы можем позволить себе просто так взять наработки некоего ученого, известного не только своими якобы блестящими результатами в области вирусологии, но также и множеством исследований, связанных с его именем, в том числе и уголовных! Ни одно из обвинений не было доказано, но сам факт! Ради нашей репутации мы не можем так поступить!

– Наша репутация и без того для многих сомнительна, – заметила представитель из Копенгагена, доктор Рие Фонсмарк.

С неё согласились многие из участников.

– Поэтому, мы можем поступить следующим образом: использовать вакцину доктора Аристова, но одновременно с этим, предоставить людям также несколько других – продолжила датчанка – А уж государства смогут рекламировать тот препарат, который посчитают нужным. Тот, который мы им порекомендуем, но не станем навязывать.

– Выбор без выбора, – сказал медленно доктор Демпси.

– Почти что так, – согласился Бенаюн. А про себя он подумал, что таким же образом поступает и с коллегами – направляет их мысли в нужном ему и Аристову русле.

– А почему бы прежде не дать шанс тем ученым, репутация которых более надежна? – спросила представитель из Испании – Амелия Суарес – самая молодая из присутствующих, ей было чуть за тридцать. – Хотя их вакцина только на этапе разработки, мы можем их поторопить, ведь дело неотлагательное, и они это понимают. И уже после того, как вакцина от этих ученых будет в распоряжении стран в случае, если мы увидим ее малую эффективность – вот тогда и обратимся за помощью к доктору Аристову.

– Так и скажите, что хотите выставить своих ученых на передний план, доктор Суарес, – ядовито произнес доктор Демпси.

– Нам хотя бы есть, кого выставлять, в отличие от вас, доктор, – тут же ответила ему Амелия Суарес, и с ней согласилась доктор Фонсмарк:

– Именно, доктор Демпси, от Вашингтона, кроме пустословия, нет ничего.

– Прошу вас, не время для ссор! – воззвал к ним Бенаюн. – Нам следует прийти к единому решению, а не выяснять, чьи ученые лучше. В любом случае, все они будут работать над вакциной, вместе.

– А кто-то потом присвоит себе все заслуги, – проговорил

доктор Демпси так, чтобы быть услышанным всеми.

Бенаюн вздохнул и вновь принялся искать примиряющие слова.

Некоторое время все они еще переговорили, немного поспорили и пообвиняли друг друга, но в итоге пришли к согласию – проект «Acquisition» получит официальный статус вакцины-кандидата с разрешением применения в экстренных случаях на добровольной основе. Это был оптимальный вариант, тем более что никто из участников конференции так и не смог предложить реальной альтернативы проекту Аристова. Её просто не было. На заседании должен был присутствовать представитель Великоруссии, однако там творилось черт знает что, и связаться с ним так и не удалось.

На самом деле нужно было признать один непреложный факт они плывут по течению и надеются, что впереди нет водопада. Признаться в этом они не могли. Никто из них. Возможно, идеи Аристова не так и страшны, какими кажутся. В конце концов множество величайших идей воспринимались вначале с ужасом. Сколько этих страшилок про чипы и контроль разума они слышат с экранов телевизора, а сколько писем возмущенных граждан получают... и всё это оказывается не более чем выдумкой. Бенаюн погасил экран. Первый шаг был сделан.

Пленников выставили строем на коленях. Сзади и вокруг – множество солдат, чуть дальше – бронемашины, водят по сторонам башнями. Положение не лучшее. Наташа попыталась оглядеться, но не смогла. Зрение еще толком не восстановилось, глаза щипало от копоти. Хорошо она видела только фигуру генерала Тайберта.

– Итак – произнес генерал – я жду ответа, господа.

– Вы его уже знаете – отрезала Алин.

Тайберт повернул голову в сторону девушки в его взгляде читалось нескрываемое злорадство.

– Алин Авонамйелус – причмокивая произнес генерал – прошло столько времени с тех пор, как мы с вами беседовали в прошлый раз. Вижу, что последние месяцы не пошли вам на пользу, я даже с трудом вас узнал.

Он нервно рассмеялся.

– За то я вас прекрасно узнаю, генерал – сказала Алин – я вижу ваше лицо каждый раз, когда вспоминаю, что мне следовало бы вас убить, когда у меня была такая возможность.

Тайберт покачал головой.

– Ты так ничему и не научилась Алин – покровительственно сказал генерал – слишком много рефлексии. Ты солдат и должна понимать, что на войне потери неизбежны. Без потерь не бывает побед. А теперь посмотри вокруг. Исполни

ты присягу и уничтожив преступников, ты носила бы такую же форму с честью. Имела бы почет и уважение, достойное твоему званию.

– Извини Тайберт – развела руками Алин – Расцветочка не моя. Не люблю носить форму, запачканную кровью детей. Генерал рассмеялся.

– Полагаешь ты лучше? – спросил он – посмотри вокруг. Эти пожарища, они на твоей совести. Ты сегодня предпочла бой, а не сдачу в плен. Мы предпочли тогда уничтожить террористов. В чём же ты обвиняешь нас?

Алин гневно прищурилась.

– Всё что тогда произошло трусливый акт предательства – сказала девушка – и вы знаете это генерал. Деревню бомбили по небрежности и вседозволенности. Кровь тех афганских детей на вашей совести и на совести того конгрессмена. Кстати, я слышала, что его сын пытался сопротивляться полиции и был убит. Вот офицеру, что его застрелил, я бы с удовольствием пожала бы руку. Каждый получает, что заслуживает, генерал. И не думайте, что вы не будете наказаны за зверства, которые совершили сегодня.

Тайберт фыркнул.

– Наши взгляды никогда не совпадут, но заверяю тебя, что у нас будет не один день, чтобы обсудить это и не одна ночь – генерал зловеще улыбнулся – впрочем ты незначительная часть плана. Меня больше интересуют твои спутники. Весьма интересная пара.

Если бы у генерала была трость, то он ходил бы вдоль пленников, посаженных в ряд, и постукивал бы ей по своему сапогу. Но ни того, ни другого не было, и потому он обходился словами.

– Меня поражает ваша настойчивость, господа – продолжал Тайберт – однако при всех ваших стараниях ваше хилое сопротивление подавленно и выигрыш мой.

– Наслаждайтесь моментом генерал – осклабился Штильхарт – не думаю, что у вас будет ещё один похожий.

– Мните, что вас защитит ваша дипломатическая неприкосновенность? – спросил Тайберт – я, как руководитель штаба НАТО имею право уничтожать террористов без суда и следствия. Так что советую вам подчиниться, господин Штильхарт.

Флориан пожал плечами.

– Назовем это недипломатический инцидент – сказал он – нужно мериться с реальностью. Поэтому предлагаю цивилизованный обмен. Мы отдаем вам медальон, а вы нас отпускаете.

– По-моему, вы не в том положении, чтобы торговаться – заявил Тайберт – у вас только один вариант – отдать медальон без всяких условия.

Флориан окинул взглядом округу. Генерал в общем-то был прав.

– По-моему, это наихудшее предложение, что я слышала

– заявила Эми Нильсен – предлагаю не соглашаться.

– Естественно – кивнул Флориан – он же не знает, что у нас нет медальона. Мы ведь только узнали, где его искать.

Лицо Тайберта выказало гримасу недоверия.

– Мне кажется, что вы врете – сказал генерал – медальон вы нашли и спрятали.

Штильхарт сделал удивленное лицо.

– Боже, как я могу врать такому важному человеку, как вы.

Тайберт махнул рукой. Один из солдат врезал Флориана прикладом автомата в область печени.

– Если собираетесь быть героем, то предупреждаю это весьма больно – сообщил Тайберт – где медальон? Мы будем продолжать пока вы не скажите. Не скажите вы, перейдем к вашим друзьям. Не скажут они проведем здесь обряд децимации.

– Не замечала за вами садистских наклонностей генерал – нервно засмеялась Авонамйелус – с годами вы тоже становитесь злее.

– Уверяю вас, что если вы не отдадите медальон мне, то увидите, что мои методы очень щадящие. Я понимаю, что вы можете перенести очень много физических неприятностей, однако у меня есть альтернативный способ убеждения.

Генерал махнул рукой. Двое солдат подвели женскую фигуру с натянутом на голову мешком.

– Узнаете? – спросил Тайберт.

Один из солдат сорвал мешок. Это была Таня Козловская. Лицо девушки было бледное, слегка помятое. Мокрыми глазами она смотрела на Наташу с отчаянной и немой мольбой о помощи. Штильхарт понял это.

Сердце Наташи зажалось, а затем оно куда-то провалилось. Откуда? Зачем? Тупо подумала она.

– Итак, как вы посмотрите, если мы развлечемся с вашей подопечной? – спросил Тайберт обращаясь к депутату – неужели вы позволите такое, госпожа Покровская. Где же ваш гуманизм?

– Потеряла где-то по дороге сюда – отрезала Наташа дрогнувшим голосом.

– Вы напрасно пытаетесь шутить, госпожа Покровская – сказал Тайберт – мне прекрасно известна история ваших взаимоотношений с этой девушкой. Ваша воля крепка, я уверен в этом, но даже самая крепкая воля ломается от страданий невинных.

– Если здесь есть невинные – улыбнулся Флориан – она же с вами связана, не так ли?

Наташа резко развернула голову в сторону молодого человека. Он что обалдел? Как такое возможно? Наташа остолбенело, посмотрела сначала на товарищей затем на удерживаемую солдатами Татьяну Козловскую. Девушка была не жива, не мертва. Штильхарт не мог быть прав. Ведь это она узнала про махинации с фильмом, её же мать к ней пришла. Если она с ними заодно, зачем ей было всё это устраивать? Навер-

ное, впервые в жизни она не знала, как ей поступить. Чувства взяли верх над рационализмом. На секунду.

– Он у Алин Авонамйелус – выпалила девушка, падая в ледяную бездну ужаса. Плевать. Любой бы поступил так же. Это была минутная слабость и всё же она сказала.

Тайберт на мгновение остолбенел, а затем раздался ледяной смех Татьяны Козловской. В этой мизансцене он был так же неожиданен, как еврей, командовавший батальоном СС.

– Надо же как просто – продолжала смеяться Козловская – так вот кто был хранителем, ну конечно же, а я-то всё ломала голову, куда Верховский спрятал его. Ну что же старые истины, как всегда, правы. Ваш отец был мастером капитан Авонамйелус. Но как видите правильно заданный вопрос получает правильный ответ, особенно у человека девственного.

Штильхарт закрыл лицо ладонью и выругался.

– Даже не думай мне теперь ещё раз сказать, что женщины рациональнее мужчин – ткнул он локтем Алин.

– Такие исключения и среди мужчин бывают – невозмутимо ответила Авонамйелус – зависит от момента, знаешь ли.

Наташе было сейчас не до гендерных дискуссий. Покровская временно потеряла способность дышать. Сыгранный этюд типа «заложник в руках убийцы» распался за ненадобностью. Татьяна Козловская вышла вперед, небрежно стряхнув с себя руки солдат.

– Мы полагали, что медальон спрятан где-то в поселении – пояснила Татьяна – никому и в голову не могло прийти,

что медальон у вас, капитан. Потрясающе. У вашего отца почти получилось скрыть от нас медальон, если бы не ваша подруга-депутат.

– Ей надо было изначально слушать мои советы – раздался голос с другой стороны одной из амфибий. Раздались твердые шаги по хрустящему гравию. Высокая фигура в зеленом мундире подошла к пленникам. Раскрыв рот от удивления, Наташа наблюдала, как перед ней стоит полный царского величия Воротынцев. Живой Воротынцев. Нет, она, конечно, знала, что не убивала его, но предполагалось что... А собственно, что именно? После преобразования несчастной девочки в пособницу Организации, удивляться было глупо, решила Наташа.

– Разве я не просил вас быть более рациональной, Наталья Владимировна? – мило улыбаясь спросил Воротынцев.

Наташа почла за должное промолчать. Ведь именно этот человек и втянул её в эту историю. Это он сообщил о шифровке Секуритаты, скорее всего он и сообщил об этом Артамонову, а потом всё обставил так, чтобы исчезнуть, а стрелки перевести на меня и всё это конечно связано с законом о Едином цифровом распределителе. Меня надо было вывести из игры, а подобная история прекрасный повод. А Татьяна... если она знала про медальон, значит она... Да, Наталья Владимировна, вы форменная идиотка. О чем уж тут говорить!

Штильхарт презрительно фыркнул.

– Вас повысили – сказал он, взглядом указывая на гене-

ральские погоны – поздравляю.

– Это обязательно произойдет – сказал Воротынцев – когда я преподнесу голову предательницы родины на блюде. Иногда надо радовать себя материальным стимулом.

Алин пихнула Флориана локтем.

– Ты и это знал? – шепнула пилот.

– Я знаю всё! – усмехнулся Штильхарт.

Здесь Наташа всё же сделала удивленные глаза.

– Что значит и это знал? – с ужасом спросила девушка – значит ты всё знал и ничего не сказал мне.

Так, начинается, подумал Штильхарт, новая порция благородного негодования.

– А ты бы мне поверила? – спросил он.

Наташа двинула носом. Спорить было нечестно.

– Но откуда черт возьми? – спросила она.

– Просто я сразу не поверил в эту историю с похищением – сказал он – а потом я побывал у одного почтенного дипломата. Он мне и рассказал о том, как помогал Александру Верховскому в его изысканиях, а ещё рассказал о том, что передал всю найденную информацию жене Верховского – Анастасии Урусовой и только она и, вероятно, Верховский знали о юнге, которого назначили хранителем тайны медальона. Верно, Анастасия Николаевна?

Наташа поняла, что сейчас рухнет в обморок, когда увидела, как с Татьяны Козловской начинает сползать кожа. Она уже видела такое, тогда в квартире Верховского. Снова пе-

ред ней стояла фигура, затянутая в кожу. Только теперь на фигуре не было капюшона, и Наташа смогла разглядеть лицо – лицо Анастасии Урусовой.

– Bravo – сказала охотница, шутливо аплодируя – вот этого я не предполагала. Когда вы поняли, что это я?

– Понял не сразу – кивнул Флориан – Однако, с самого начала меня удивило совпадение вашей «трагической кончины» и арест Татьяны Козловской. К тому же сам арест выглядел очень наигранно. В самом деле, как это Татьяна Козловская среди многих выделила единственную девушку неожиданно показавшуюся ей странной? Наташа, с её особенностью, всем помогать и протягивать руку, на это не обратила внимание, а вот мне стало любопытно. Вначале я полагал, что Верховский связан с ней и вы ему в этом помогаете, а потом, уже услышав «историю Татьяны Козловской», от Наташи, один момент мне показался странным. Помните, разговаривая с Наташей в тюрьме вы упомянули якобы свою убитую подругу Екатерину Кирсанову, которая, как вы сказали, была зарезана в пансионате и что её труп упал с крыши. Я долго думал, что меня насторожило в этой фразе. А потом я изучил газеты о том старом убийстве и, знаете, в них ни слова не было о том что труп упал с крыши. Татьяна Козловская не могла это знать, но это мог знать человек, который нашел труп, то есть вы – Анастасия Николаевна – директор пансионата L'EST.

Анастасия Урусова не сводила с Флориана холодный

взгляд, который тем не менее не был лишен любопытства.

– Потрясающе – заявила Анастасия, засмеявшись – неосторожность с фактами всегда мне вредила.

– Но Татьяна Козловская? – спросила Наташа – почему именно её образ?

– Ну как... – развел руками Флориан – тебе нужно было напомнить о том давнем убийстве. Вот они и подобрали подходящий образ. Однако он тоже не случаен. Дело в том, что Татьяна Козловская, настоящая Татьяна Козловская и ещё несколько учениц из Международного Лицея получили грант на обучение в США в одном частном колледже, который принадлежал сэру Джеффри Трэверсу и именно Татьяна Козловская и её мать подали заявление на Трэверса и были убиты в гостинице Денвера перед судом над ним. При желании очень просто добыть информацию, если знаешь вводные. Вот именно тогда, у вас Анастасия Николаевна и появилась идея воспользоваться приемом, которым пользовалась Ольга Касаткина, изображая вашу подругу Александру. Только вы не предполагали, что я приеду в Петерштадт и найду Наташу.

Охотница фыркнула.

– Понимаю – сказала она – должно быть ужасно обидно, всё понять, просчитать меня и всё же проиграть из-за простых эмоций вашей подруги.

– Возможно – согласился Штильхарт – Но я не понимаю, как вы, после пережитого тогда, могли встать на их сторону? Как вы решились на это? Зачем?

Урусова рассмеялась.

– Потому что я изучала Их – холодно сказала девушка – О

да, я много корпела, чтобы понять, кто такая была Ольга Касаткина и я поняла, что поднимается новая сила. Против неё бесполезно сражаться. Можно или примкнуть к ней или погибнуть. Она победит, эта Сила, победит скоро, и не забудет тех, кто помог ей победить. С каждой секундой, как я стала одной из них я чувствовала, как росла моя мощь. Я получила могущество, силу и самое главное власть. Я наконец перестала зависеть от глупого конформизма, который сдерживал мои способности. Мне наконец нашлось дело. Я сделала то, что должна была. Раньше я не осознавала какого это, но теперь, я знаю, что всё просто. Нужно только понять, чего ты хочешь действительно, от этой жизни!

Штильхарт фыркнул.

– О конечно – сказал он – Это стокгольмский синдром, верно? Он часто бывает. Юная впечатлительная жертва, безбедная. Сексуально неопытная и он вестник потрясающих идей о всеобщем равенстве. С искусными пытками, соблазнами. Вы ведь знали его историю? Знали кто был его прадед. Горчаков успел вам рассказать, так? И что-то щелкает в мозгу. Жертва отдается своему палачу.

– Он мужчина – жестко ответила Анастасия – а не тряпка. Он имеет стержень и точно знает, что хочет от жизни и показал это мне. Я должна была найти медальон и пошла бы на всё ради этого. Александр со мной не соглашался. Он отказывался от своей миссии спасения человечества. Он не ошибался, а был слишком слаб, для принятия истины. Я нашла

тех, кто меня понял и принял. Принял мое естество.

Воротынцев подошел к Анастасии сзади и обнял её за плечи.

– Именно так – сказал офицер – видите ли, господин Штильхарт, у меня есть дар. Я на подсознательном уровне чувствую в чем слабость человека. У Натальи Владимировны это эмоции и тяга к справедливости. У нас с Анастасией Николаевной успех любой ценой. Так что, дав этой прелестной девушке, то, что ей нужно, я получил то, что мне нужно и теперь использую её таланты, ум и женские чары.

Воротынцев с нежностью хищника провел ладонью по щеке девушки.

– Женщины всегда многое решали – сказал он – Не стоит недооценивать их эмоциональную природу. Возможно, если бы не Наталья Владимировна, мы бы так и не поняли, где медальон. Поверьте, мы вам очень признательны. Благодаря вам, нам не пришлось обшаривать всю лодку целиком. Впрочем, мы заговорились, а цель нашего совместного присутствия тут не изменилась. Отдайте медальон!

– Можно последний вопрос – спросил Штильхарт – Как вы планируете объяснить свою операцию?

Воротынцев притворно вздрогнул, как будто вспомнил про что-то важное.

– Ах да – сказал он – Бежавшая от законного возмездия военная преступница Алин Авонамйелус совершила, как она считает справедливое возмездие по отношению к

столь ненавидимому ей генералу Самуэлю Тайберту. Она застрелила его, а затем скрылась в своей родной деревне. Индейские власти отказались выдавать её и естественно пришлось провести антитеррористическую операцию. В которой все внутренние террористы были уничтожены. Как вам сюжет, а генерал Тайберт?

Тайберт плотоядно ухмыльнулся.

– Весьма впечатляет! – сказал он. – но, постойте мы же с вами договаривались... – внезапно улыбка слетела с его лица, и он в задумчивости повернулся к Воротынцеву:

– Постойте, но это же означает, что я должен...

– Умереть, – кивнул Воротынцев.

И выстрелил в Тайберта. Генерал охнул и свалился в пыль площади.

Воротынцев улыбнулся пленникам.

– Достаточно ловко – заметил офицер – не находите?

Штильхарт мрачно хмыкнул.

– Потрясающе, – сказал он. – Я в полном восторге. Это тоже часть плана?

Воротынцев покачал головой.

– Синтез импровизации с мгновенным анализом, – пояснил он. – Отныне труп господина Тайберта будет служить нам гораздо лучше, чем живой человек.

– Уверен, ваш предок, комиссар Лакцис, гордился бы вами, – заметил Штильхарт.

Воротынцев удивленно поднял брови.

– Вы и это знаете – сказал он – ах Горчаков старый лис, а! И это он рассказал. Да я его потомок и очень этим горжусь. Мой предок строил справедливое социалистическое общество равных возможностей. К сожалению, его талантов не оценили, и он пал жертвой партийной борьбы, но я продолжаю его дело, по старым заветам, с холодной головой и горячим сердцем.

– Судя по вашим буржуазным привычкам никогда бы не подумал – ухмыльнулся Штильхарт.

Воротынцев холодно улыбнулся.

– Вы напрасно стараетесь поразить меня своими дубовыми остротами, господин Штильхарт – сказал он – впрочем, для вас у меня особая казнь. Я не убью вас. Дипломатов убивать запрещено, но вот её – он указал на Наташу – вы будете жить зная, что она погибла страшно и мучительно, а вы ничего не смогли сделать.

Он было поднял руку, чтобы произнести какой-то приказ, но его перебил возглас Наташи.

– Смотрите – крикнула депутат.

Как будто по её сигналу, из-за края плато вынырнули два боевых вертолета КА-52-«Аллигатор». Можно было только восхищаться мастерством пилотов, ведь им пришлось лететь над самыми верхушками деревьев, а кое-где, возможно, даже лавировать между ними. Бойцы КССНК пытались стрелять по вертолетам, но их быстро выкосили предельно точные выстрелы автоматических пушек. Башню одной из ам-

фибий сорвало взрывом ракеты. Тут и местные жители повскакивали, и эффективно заработали ногами. Грянули выстрелы, кто-то упал, но все же местным, несмотря на связанность, удалось значительно проредить число военных, тем более что над центром площади завис транспортный конвертоплан ВКС Великолуссии, из которого по тросам стали спускаться бойцы ССО, судя по шевронам с триколором и автоматам Калашникова наперевес. Бойцы начинали стрелять еще до того, как их ноги касались земли. Из десантного люка отдал честь генерал Артамонов.

– Полковник Воротынцев! – крикнул он в мегафон – Вам не идет генеральский мундир.

На транспортник сразу обрушился огненный ливень, но носовая броня выдержала. Воротынцев резко схватил передатчик.

– Я насмотрелся – крикнул он в рацию – запустить боевые дроны. Избавьтесь от этой гадости.

Из передатчика донёлся дрожащий голос Фабро.

– Сэр – кричал капитан эсминца – оно поднялось из глубины... Я никогда не видел...

Связь прервалась. В рации трещали помехи.

– Сэр – доложил один из младших офицеров – наши корабли... они уничтожены.

– Кем? – поразился Воротынцев и вновь схватил рацию – Фаббро! Фаббро!

Алин только рассмеялась.

– Есть в этом мире силы, которые не поддаются рациональному объяснению – сказала она – но они помогают тем, кто достоин.

В это мгновение гигантская тень накрыла место сражения и сквозь тучи светили громадные глаза.

– Уничтожить... это – прокричал Воротынцев, сохраняя самообладание.

Но было поздно голова морского зверя обрушилась вниз. Щелкнули челюсти и одна из амфибий полетела в неизвестном направлении вместе с воплем экипажа. Выстрелы не причиняли зверю никакого вреда, и вероятно только злили его. Каждый раз его могучая голова с ревом и ветром опускалась и поднималась, расшвыривая солдат.

Воротынцев воспользовался моментом неразберихи и вскочил в единственную оставшуюся амфибию. Флориан кинулся за офицером и сумел ухватиться за поручень бронемашины. Двигатель взревел и, разбрасывая из-под гусениц куски дерна, амфибия рванула в лес. Что было дальше на площади в деревне уже не было видно, тем более что Штильхарту сразу врезали в область почек, от чего в глазах помутилось. Воротынцев принялся пинать Штильхарта ногами, чтобы скинуть его с борта. В какой-то момент Флориану надоело получать тумаки, и он ответил так же ногой. Попал или нет непонятно, но зато принял нормальную позу.

Мимо проносились деревья, их сучья скребли о борта машины.

Воротынцев вынул пистолет, недвусмысленно желая пристрелить Флориана. Штильхарт стукнул его по руке ногой, табельный «ПСМ» выпал из ладони и выстрелил. Пуля ри-

кошетом попала в водителя, который грохнулся на панель управления. Амфибия резко свернула вправо, едва не сбросив людей с крыши, к обрыву, за которым не было ничего, кроме света и запаха моря. Штильхарт дернулся к Воротынцеву схватив его за лацканы кителя и потянул на себя. Воротынцев выхватил нож и теперь извивался, пытаясь направить лезвие в сторону Флориана. Лес становился всё реже и реже, а соленый запах моря всё ближе. Очередной лихой вираж отбросил противников друг от друга и тогда Флориан подтянул правую ногу к груди и от души пнул Воротынцева в челюсть. Опасность в виде расщелины тот уже не увидел, провалившись в десантный люк. Штильхарт последним движением сумел схватиться за тонкую ветку и пропустить под собой амфибию, которая врезалась в скалу, встала на дыбы и через секунду с грохотом рухнула в бездонную океанскую пропасть. Одновременно с этим подломилась и ветка. Флориан, плюхнулся на мокрую землю. Самое радостное приземление, надо признать. Молодой человек встал и отряхнувшись повертел головой. Воротынцева или его тела нигде не было. Сзади только бушующий океан. Ощупав руки и ноги Флориан, поплелся назад. Шагов через двадцать его остановил звук приближающегося квадроцикла. За рулем сидела Алин. Увидев Флориана, она только развела руками.

– Он отправился перекусить – весело сообщил Штильхарт – как дела у Артамонова?

– Плохие ребята предпочли сложить оружие – пожалала пле-

чами – девушка – ну их об этом вежливо попросили.

– Ну конечно – усмехнулся Флориан – с таким-то другом!

Алин пихнула его локтем.

– Эй – сказала она – я к этому не имею никакого отношения, серьезно! Наверное, они его чем-то разозлили.

– Да уж я вижу – закатил глаза Штильхарт.

И всё-таки они победили. Несмотря ни на что. Флориан даже пожалел, что рядом нет Кристины. Его подруга, сто процентов, оценила бы такой фейерверк.

* * *

Адашев сошёл по ступеням военного вертолета, который приземлился на крышу старого замка, всегда столь нелюбезно открывающего гостям свои тайны, до которых, впрочем, генералу не было особого дела, ведь уровень его развития позволял ему полностью абстрагироваться от любых проявлений психологических уязвимостей. И всё же он не любил, когда над ним демонстрировали превосходство. А вызвали неожиданно и посреди ночи. Это ли не доказательство. Тем более он знал почему. В современном глобальном мире, чью глобальность они так хотели подчинить и надо сказать, очень умело это делали, информация распространялась с такой скоростью, что приснопамятный Натан Ротшильд на своих новостях из Ватерлоо мог разбогатеть, разориться, а затем снова разбогатеть. А уж как опасны эти новости бы-

ли. Иногда генералу казалось, что Координатору доставляет удовольствие тыкать пальцем в каждую мелочь, в каждый промах. Видимо, его забавляло держать подчиненных в постоянном напряжении.

Генерала вновь проводили в тот зал с дубовыми панелями, столом и аквариумом на нем. И одной ящерицей внутри. Уже одной. Почему-то Адашеву захотелось рассмеяться. Генерал всегда знал, что играет со смертью и не с какой-то абстрактной, а со своей собственной. Впрочем, как сопящий рядом, нервно переминающийся доктор Аристов. Его всегда поражал тот факт, почему такие скользкие люди добиваются таких высот. Должно быть от того, что к ним бояться притрагиваться. Однако же если Аристов имеет хотя бы какое-то отношение к вызову Адашева сюда, то генерал подготовил ему очень неприятный сюрприз.

– Итак, господа – проговорил Координатор. Голос раздавался с экрана, опустившегося над столом – с сожалением сообщая вам о неприятной новости – полковник Воротынцев погиб при зачистке индейского поселения на острове Илуй-кояк. Медальон захвачен противником. Как вы это объясните, генерал?

– Воротынцев действовал слишком поспешно и не внял моим рекомендациям, – сообщил директор Секуритаты – он позволил перехватить шифровку о съемках фильма и подставил этим Организацию. Только он виновен за провал.

Последовала театральная пауза.

– Хотя – продолжил Адашев – доктор Аристов не сообщил нам о присутствии Флориана Штильхарта в Ольвии и о его путешествии в Петерштадт. Знай я это, то принял бы меры.

Аристов напряг желваки на лысом черепе и с гадливостью посмотрел на Адашева.

– Это был ваш план, генерал – отчеканил доктор – с самого начала я высказывался против таких поисков медальона, однако ваша стратегия была принята и Воротынцев выполнял ваши указания от и до.

– Чушь – прошипел генерал – мой план безупречен. То, что Воротынцеву удалось захватить поселение это доказывает. Небольшая заминка не более того.

– Вы упускаете одну деталь – заявил доктор – вы слишком рано начали переворот в Великоруссии, вы не избавились от Покровской, когда у вас была возможность. Вы недооценили противника, а это равносильно вашему проигрышу.

– Уж поверьте я оценил Покровскую по достоинству – возразил Адашев – и даже больше. Я уже сталкивался с ней в прошлом. Уверяю, что Покровская была под полным нашим контролем, пока в Петерштадт не прилетел Флориан Штильхарт. Это ваша вина, доктор. Эти двое Штильхарт и Левонина неразлучная парочка, где одна, там сразу же и другой. Вы не предусмотрели их действия и слишком рано проявили себя. Наконец вы позволили этой девице разыскать журнал и добраться до Верховского. Вас предупреждали об этом, не так ли?

Адашев повернул голову к застывшей как ледяная скульптура Хорошевецкой. Охотница, как всегда, сохраняла безэмоциональное выражение лица. Аристов заметно побледнел, а голос с экрана по-прежнему безэмоционально продолжил:

– Что скажите, доктор? – спросил Координатор.

Иногда Адашеву казалось, что у Координатора вообще нет земной оболочки, что он какой-то коллективный разум, умеющий принимать разные облики.

– Ерунда – доктор вытер испарину на лысине – если уж на то пошло, то это генерал Адашев ликвидировал ученых, которые могли бы ещё послужить Организации. Ксения Авалова...

– Довольно – оборвал его Координатор – я вас пригласил не для того, чтобы слушать взаимные упреки. Это путь в никуда. «Арнис» жива. У неё камни и скоро будет медальон. Я уверен, что один из вас виновен в саботировании нашего плана, а наша Организация – это прежде всего братство и её сила лежит в абсолютной надежности и верности членов. Поэтому я принял соответствующее решение.

– Но... – начал Доктор.

В воздухе пролетел диск, и через секунду голова генерала Адашева свалилась с плеч и мячиком покатила по деревянному полу. Следом на пол рухнуло обезглавленное тело. Диск вернулся на руку хозяйки.

Аристов побледнел ещё пуще прежнего в ужасе стараясь не смотреть на обезглавленное тело. Он, конечно, слышал об

умениях охотниц, но вот так вот видел впервые. Даже когда ликвидировали Раудана, он убеждал себя, что подробности его смерти были выдуманы газетчиками. Охотницы подчинялись тому или тем, кто был на этом экране. И сейчас ничего не стоило лишить головы и его.

– Доктор Аристов – прозвучал голос Координатора – мне понравилось, что вы смогли наладить контакт с Шломо Бенаюном. Международные организации исправно служат нашему делу, если их как следует приручить. Думаю, вы лучше уловили смысл, чем покойный генерал Адашев. Смысл, который очень прост: если проигрываешь, то умираешь.

Аристов нашел в себе силы приосаниться.

– Да-да, директор – прохрипел он.

– И я уверен – продолжал голос – что вы употребите все силы для исполнения нашего плана.

Аристов осталось только судорожно кивнуть.

– Не волнуйтесь – отчеканил он – я подготовил достойную ловушку. «Арнис» обязательно постарается проникнуть в клинику, чтобы отбить объект. Мы будем готовы, уверяю вас.

– Будем надеяться – заявил Координатор – однако медальон всё ещё не в наших руках. Совершите обратное.

Неужели всё? Опешил Аристов. Теперь операция полностью под его контролем?

– То есть мой проект... – начал он – я всё ещё руковожу им?

И вы...

Какое-то странное чувство охватило доктора. Его голову словно стянули железным обручем. Аристов схватился за виски и рухнул на колени. В ушах словно загрохотали барабаны, а кровь прилила к голове и забулькала как кипящий котел. Ему даже на долю секунды показалось, что смерть возьмет своё.

– Советую вам не потерять голову от ваших амбиций доктор – сказали ему.

Экран погас. Безумное давление в голове ушло вместе с опущенной рукой Хорошевой. Ему дали ещё один шанс. Аристов всё же позволил себе хитрую усмешку, хотя у него неприятно сосало под ложечкой при мысли, что теперь следует несколько по-другому относиться к безэмоциональным охотницам.

* * *

Индийское поселение приводили в порядок после дневной атаки. Наташа стояла около одного из деревянных домов, не затронутых артиллерийским обстрелом, и слушала необычайную тишину. За последние несколько дней она даже забыла, что такое тишина. И в тоже время она поразилась насколько спокойно и безмятежно люди, жившие здесь были готовы драться за свою самобытность. Жизнь, которую она увидела здесь, предельно отличалась от гламурных хипстер-

ских тусовок столиц. И здесь Наташа поняла, что дело не в конкретной стране, а в разнице между столицей и народом в целом. Столица никогда не поймет свой народ. Она его себе придумывает, а потом ей становится страшно, когда она сталкивается с этим народом. Потому что для этого местного человека нет безопасности, кроме той, которой он сам себя обеспечит.

А ещё Наташу преследовала мысль, что множество людей, которые погибли сегодня, они защищали её, и её некую миссию, хотя большинство даже не знали ни кто она такая, ни зачем она здесь появилась. В этом тоже была какая-то удивительная сермяжная честность, которую сложно было увидеть из окон парламента. Трудности открывают нас настоящих. Это была абсолютная апология свободы, когда только ты являешься определяющей причиной всех действий и ты эту свободу можешь передавать и защищать эту свободу. Подлинная глобальная свобода заключалась в единении индивидуумов. Организация хочет уничтожить это, поставив всё под единый глобальный контроль. Задача Организации сузить горизонты мысли, допуская лишь те слова, которые будут отвечать общей идее. Вот почему Воротынцев стал агентом организации, поняла девушка. Организация не так далеко ушла от того, что пропагандировал его дед. А может это и была Организация, только того времени? Удивительно и непостижимо течение истории. Ох, ну и размышления у вас, Наталья Владимировна, вам бы о своей личной жизни

подумать, а вы всё о политике.

На подходе к четверти суток в доме Кими Авонамйелус держали совет. Плененную Анастасию Урусову, до особого распоряжения заточили в подвал, под усиленной охраной бойцов ССО. Охотница как будто и не сопротивлялась. Её обнаружили без сознания возле одного из укреплений ополченцев и психическое состояние девушки оставляло желать лучшего. Скорее всего она получила контузию во время атаки с воздуха. Воротынцева же посчитали погибшим. Вертолётчики несколько раз облетели место крушения бронемашины и ничего не нашли. Генерал Артамонов не обрадовался этому известию. Поимка Воротынцева позволила бы ответить на много вопросов, которые касались прежде всего Великоруссии и происходивших там событий, связанных с принятием закона о едином цифровом распределителе. Все с интересом выслушали рассказ Алин, который касался медальона, который она теперь сняла с шеи и положила перед собравшимися.

– Неужели – прошептал Артамонов – такая маленькая вещь и столько вокруг неё. Что же спрятано в ней такого?

– Боюсь это мы можем узнать, только добравшись до Директории – сказал Флориан, рассматривая медальон.

– Невозможно – прервал его Артамонов – всё равно, что сунуть голову в пасть крокодила.

– Другого пути нет – пожал плечами Флориан – если рассказ о медальоне правдив, то только Анна может его от-

крыть.

– Я боюсь, что мы не можем полагаться на один лишь рассказ – сказал Артамонов – не забывайте, что Директория – это другое государство и в отличие от этой операции, у нас не будет никаких легальных оснований там появиться. К тому же вы уверены, что по возвращении найдете то, что оставили?

Вопрос философским не был. Флориан по-прежнему не мог ни коим образом связаться с Кристиной, а это значит, что дом Анны они покинули и скорее всего в бегах. Кроме того, из Ольвии доходили тревожные вести об ужесточении противоэпидемиологического контроля. На практике это означало ужесточение режима в городе в целом. Штильхарт мог догадаться из-за кого. Оставалось надеется, что каким-то образом они сумели разыскать Александра Верховского, если и он, конечно, был жив. Безусловно они одержали победу, но её ценность для общей истории была в тумане.

– Всё получилось бы намного более быстрее, если бы вы не вставляли палки в колеса, генерал – посетовал вслух Флориан – Воротынцев обвел вас вокруг пальца. Вы ведь знали, что Воротынцев потомок комиссара Лакциса, который руководил штурмом Крыма и так же вы знали, что Воротынцев и Урусова некоторое время были любовниками, до известных событий в Понтийской Республике, ведь Воротынцев был советником начальника ГУР Соколовского около года. В нашем деле каждая мелочь имеет значение.

– Ты хочешь сказать, что Анастасия уже тогда... – на-

шла Наталья.

Флориан мотнул головой.

– Сомневаюсь – сказал он – но Воротынцев хорошо умеет очаровывать. Вероятно, чем-то он и Анастасию пленил. Заставил вспомнить старые чувства. А вы генерал, вместо того чтобы раскручивать историю аккуратно, решили сыграть на живца и спровоцировали Наталью заняться этим дурацким фильмом. Точнее вас Воротынцев в этом убедил, да?

– Да – нехотя ответил Артамонов – но я не успел влезть во все подробности. Я понимал, что нити могут идти на самый верх, но ухватиться за что-то конкретное, мне не хватало информации, вот почему я решил форсировать события.

– Так и у Натальи не было за что ухватиться – возразил Штильхарт – она критиковала закон о Цифровом распределителе ещё до истории с фильмом, но вы не уделили этому внимания. Это Наталья вышла и на «собирателя» и растревожила Школьникову. Это Наталья заставила людей Организации ввести чрезвычайное положение раньше, чем оно, очевидно, было задумано. А вы генерал, сами того не желая сыграли роль болвана в преферансе. Вы полностью угодили в ловушку так мастерски расставленную Воротынцевым.

Артамонов недовольно нахмурился.

– Я ещё раз говорю, что не успел влезть во все тонкости – сказал он.

– Да нет, генерал – покачал головой Флориан – вы осторожничали. Осторожничали с самого начала. Потому что

при любой вашей ошибке... ваше положение, ваша генеральская карьера могли бы затрещать, вот вы и захотели выиграть не рискуя. Получиться у Наташи раскрутить фильм и связи с Секуритатой – отлично. Не получится... Ну и ладно. Подумаешь какой-то там исторический пасквиль. Не смертельно же. Зато отвечала бы за всё одна Наталья, лично. Своим мандатом.

Артамонов мрачно усмехнулся.

– Вы слишком молоды и горячи, господин Штильхарт – сказал он – и думаете о персональной безопасности интересующей особы, а мне приходится думать о безопасности государства и каждый шаг я должен взвешивать и обдумывать. Любое мое действие в этом направлении было бы нарушением закона. Хотя в чём-то вы правы. Я не почувствовал подставу и неверно оценил угрозу. Могу только принести Наталье Владимировне свои извинения. Это была моя ошибка.

Наташа кивнула.

– Ошибки совершают все – сказала девушка – я тоже была во многом неосмотрительна. В конце концов нас всех по своему использовали, чтобы заполучить медальон. И победа ушла у них практически из-под носа. Счастливый случай избавил нас от горькой участи. Поэтому, давайте не будем корить друг друга за ошибки прошлого. Мы здесь, чтобы остановить вирус. И если мне надо будет для этого проникнуть в Директорию, я туда отправляюсь.

Артамонов задумчиво сцепил пальцы в узел.

– Возвращение в Директорию не увеселительная прогулка – упорствовал генерал – это милитаризованное и устрашающее государство. Там не найти сторонников или поддержки. Армия и Секуритата целиком на стороне режима, жители запуганы. Что если вас постигнет не удача и Организация получит медальон? Тогда все наши надежды рухнут. Уверен, что должен быть другой способ открыть медальон.

– Именно так и будет думать Враг – возразила Наталья – он будет считать, что мы непременно попытаемся открыть его. Ему и в голову не придет, что мы полетим в Директорию. Вы правы способов много и вот об этом Враг будет думать меньше всего.

– К тому же мы не знаем, как точно открывается медальон – кивнул Флориан – на подбор необходимого способа могут уйти месяцы, а у нас нет на это времени.

– Выходит у нас выбора нет – невесело улыбнулся Артамонов – но если мы сделаем этот шаг, то только от полного отчаяния.

– Скорее от безумной надежды – заметила Наташа – она рождается из отчаяния и только ей движим человек борющийся за счастье ближнего своего. Всегда всё не то, чем кажется и подчас самое фантастичное оказывается самым реальным.

Молчавшая до этого Алин замахала руками.

– Можете не продолжать, госпожа депутат – громко произнесла пилот – мне всё понятно. Медальон принадлежит

мне, мне его и нести, как Фродо Беггинс нес кольцо на Роковую гору, а я-то уж размечталась о тихой жизни дома, вдали от суеты.

– Ну раз ты сама вызвалась... – засмеялся Флориан – тогда уж скажи, будущий вождь индейских племен, как нам добраться до Директории? Твои предложения.

Алин пожала плечами.

– Мое предложение – почесала переносицу девушка – туда не добираться вообще. Это очередное самоубийство. Но если очень нужно... Я бы рекомендовала самолет-невидимку. Если создать волновые помехи, то мы сможем обмануть радары Директории. Нужно связаться с адмиралом. Я думаю, он достанет такую технику.

– Что же так тому и быть – заключил Флориан – не теряя времени, отправимся к адмиралу. Там наши пути разойдутся. Наталья и генерал Артамонов смогут вернуться домой...

– Но... – попыталась запротестовать Наташа.

– Это не обсуждается – сказал Флориан – генерал прав. Вояж в Директорию не детская прогулка. Чем нас меньше будет, тем выше шансы на успех. К тому же в самолетах-невидимках только два пилота.

– Хорошенькое дело – заключила Покровская – вы будете значит там рисковать каждую секунду быть схваченными Секуритатой, а я значит прохлаждаться должна. Дешево же ты меня ценишь.

– Тяга к риску – опасная черта – улыбнулся Флориан – не

волнуйся, если дело выгорит, ты встретишь нас шампанским и черной икрой.

– Пошло – насуплено пробубнила Покровская.

На этом совет закончился. Лететь решили уже в эту ночь. Все понимали, что как только медальон покинет пределы острова, то и пропадет угроза повторной атаки деревни, ведь новость о провале штурма уже должна была достигнуть заинтересованных лиц и вряд ли они этому обрадовались. Вот почему необходимо было как можно быстрее исчезнуть. Закованную в кандалы Охотницу решили везти с собой. Артамонов собирался лично допросить её, по прибытии в Петерштадт, ведь теперь с совершенной очевидностью было ясно, что именно эта девушка стоит за убийством «Собира-теля», его людей на квартире Верховского и бойцов внутренних войск в следственном изоляторе Петерштадта... да и бог знает кого ещё. Штильхарта поэтому поводу разделяли противоречия. С одной стороны, процесс над настоящей живой Охотницей окончательно выведет Организацию из тени конспирологии и тем самым нанесет по ней сокрушительный удар, с другой стороны Анастасия была слишком опасна, чтобы вот так везти её совершенно неподготовленными. Самое поскудное в этом было то, что и здесь её оставлять было нельзя. Местную охрану она скорее перебьет.

– Не понимаю, почему вы так волнуетесь, господин Штильхарт – менторно заявил Артамонов – куда она денется? В океан что ли прыгнет из стратосферы?

– У меня нехорошее предчувствие – пробормотал Флориан – я видел на что способны эти девицы.

– Невозможно – пожал плечами Артамонов – она постоянно будет в наручниках. Её боевой костюм нами изъят. В конце концов с ней будет несколько охранников. Вы же понимаете, что здесь мы её оставить не можем. Это опасно для местного населения. К тому же упустить такой шанс просто глупость.

– Вот именно – упорствовал Флориан – все как-то слишком прямолинейно. У нас просто другого выбора нет, кроме как тащить её с собой.

– Странный вы человек – посетовал Артамонов – знаете, что, бдительность – это вещь хорошая, но иногда она превращается в паникерство. Поверьте, я умею обращаться даже с самыми опасными преступниками.

Флориан покачал головой.

– Тут что-то не то – сказал он – что-то странное есть и в её сдаче, и в том, как она себя ведет.

– Вот и прекрасно – заключил Артамонов – чем быстрее мы отправимся в путь, тем лучше.

Через два часа всё было готово к отлету. Местные жители под завязку заправили топливом винтокрылые машины. Проводить гостей вышли многие из поселка. Очевидно, так и провожали капитана Долматова и его экипаж, подумалось Наташе.

– Пообещай, что вернешься – напутствовала дочь Кими

Авонамйелус – ты доказала, что обладаешь мужеством для трудных решений и многое узнала. Я надеюсь, что однажды ты примешь то, что тебе уготовано по рождению.

– Я вернусь – кивнула Алин – не знаю готова ли я к тому, на что ты меня толкаешь, но сейчас мне надо завершить ту миссию, которую мне доверил отец. Возможно, это поможет мне ещё лучше понять себя новую.

Мать и дочь обнялись крепко на прощание, впервые с того момента как встретились. Что-то новое возникло в их отношениях, поняла Наташа, что-то, что не было раньше. Дочь – это та, с кем ты смеешься, мечтаешь и любишь всем сердцем. Никто не заменит дочь в сердце матери. Никто не заменит мать в сердце дочери.

Трое ССОшников провели мимо Покровской закованную в наручники охотницу. Нет, теперь это была вновь Анастасия Урусова. Без этого страшного костюма она вновь была похожа на обычную девушку. Костюм же запечатали в чемодан и запрятали в специальный несгораемый ящик. Охотница только улыбалась, бесстрастно наблюдая за всеми манипуляциями, которые с ней проводят. Она вела себя спокойно и даже не помышляла о побеге или нападении на кого-то ни было.

Флориан последним поднялся по небольшой алюминиевой лестнице в кабину и пристегнулся ремнями. Лестницу убрали, дверь закрыли и заперли. Местные помощники, оставшиеся на земле, подняли вверх большие пальцы, и пи-

лот склонился к рычагам управления. Он нажал на стартер, и после первого нерешительного покашливания двигатель заработал, лопасти начали вращаться. Пилот оглянулся на вращающийся хвостовой винт. Он подождал, пока стрелка индикатора скорости винта достигла отметки 200, затем снял шасси с тормозов и медленно потянул на себя рычаг. Конвертоплан задрожал, как бы не желая отрываться от земли, затем слегка дернулся, и они, поднявшись над деревьями, стали быстро набирать высоту. Пилот убрал шасси, развернул машину над поднявшимися снежными смерчами, переключил скорость, и они тронулись в путь. Им вслед стартовали «Аллигаторы».

* * *

Летели они беззвучно и не высоко. Приближались к берегу. Лес постепенно заканчивался и открывался вид на темную воду. Флориан, заметив дрожь Натальи, приобнял девушку, но та отстранилась. Ей самой нужно было разобраться в этих отношениях. Она не знала есть ли какие-то отношения вообще или тот поцелуй – это просто безумный взрыв физиологии в экстремальных условиях. Что вообще есть отношения? Она почему-то редко об этом задумывалась. Отношения уводят тебя в некий экзотический мир полный страхов, загадок, сомнений. Отношения греют душу, влекут в неизведанные дали. Они ведут к какой-то высшей

точке, однако, сколь же легко не добравшись до этой точки упасть вниз и чем выше ты поднимаешься в отношениях, тем больше тебя обуревают злоба, ревность, жажда власти над другим, над тем, кого ты считаешь своим собственным. Наверное, именно это произошло с Анастасией. Как тонка всё-таки грань между любовью безумной, фанатичной и ненавистью. А впрочем, даже ненависти не надобно для такой любви. Такая любовь без ненависти обрушит человека в самые черные подвалы мироздания и заставит совершить непоправимое. Она не хотела такой любви. Девушка оглянулась на сидевшую в дальнем углу отсека Анастасию. Та сидела спокойно сидела. Её ноги были прикованы к полу специальными кандалами, а лицо ровно и безмятежно. Возле Урусовой пост держали шесть вооруженных ССОшников. Им было запрещено под самой страшной карой заговаривать с арестованной. Генерал Артамонов прошел мимо Наташи, послав ей ободряющую улыбку – удивительный поступок памятуя их прошлую встречу и подошел к пленнице.

– Как настроение, Анастасия Николаевна? – с притворной вежливостью спросил Артамонов – у нас с вами будет долгий полет. Не желаете облегчить душу?

Лицо Анастасии было по-прежнему спокойно.

– Примерно, как у красной шапочки в волчьем брюхе – ехидно отметила девушка – знаете, генерал, необходимость иногда избавляет от мук выбора. В нашем с вами случае каждый хочет добиться своего и один из нас будет очень разо-

чарован. Вы когда-нибудь слышали, что человек умирает не при падении, а при приземлении?

Артамонов недоуменно посмотрел на неё. Урусова лишь улыбнулась и, склонив набок голову, закрыла глаза. Только она это сделала, пилот схватился за виски и через секунду его голова рухнула вниз на рычаги и раскроила шлемофоном приборную панель, вызвав сноп искр. Пилот был мертв и было не понятно кто или что убило его. Пока потрясенные пассажиры с раскрытыми глазами смотрели на поникшую голову. Конвертоплан натужно загудел и стремительно понесся вниз. Пронзительно запищала тревога и отрубился свет.

– Не стрелять! – закричал почему-то Артамонов – не стрелять!

Но про охотницу, итак, все забыли, а дальнейшее было похоже на один сплошной калейдоскоп. Алин инстинктивно рванула в кабину, стаскивая мертвого пилота и цепляясь за штурвал. В этот момент ожила панель связи и из динамика сквозь трески послышались крики пилотов вертолетов сопровождения. Алин с ужасом узрела на радаре, что две зеленые точки, сопровождавшие их погасли. Где-то внизу громынуло, от чего винтокрылая машина подпрыгнула вновь изменила курс, точнее геометрию падения.

Флориан всё это время нащупать Наталью, чтобы притянуть к себе, но тщетно. Он просто ничего не видел. Зато ощутил, как прежде ровный пол начал вибрировать, а затем стал уходить из-под ног, вместе с ворвавшимся в отсек потоком

холодного ночного воздуха и воплями выпавших ССОшников. Очевидно, кто-то открыл задний люк для сброса грузов. Хотя почему кто-то? Ясно же кто именно. Наконец Штильхарт сумел справиться с геометрией и, встав на ноги, нащупал пальцами рубильник аварийного освещения. Свет вернулся в отсек. Правда после того, что он увидел, Флориан пожалел, что включил его. Анастасия Урусова стояла на краю грузового люка и прижимала к горлу Наташи боевую перчатку с клинком. Как именно Охотница освободилась и разжилась своим экзотическим оружием никто не понял. Те ССОшники, которые не выпали наружу, получив освещение, вспомнили свои обязанности и нацелили на Охотницу автоматы. Они были готовы стрелять на поражение.

– Отошли назад! – прошипела Анастасия – если не хотите, чтобы она превратилась в Анну Болейн!

Кажется, она всё-таки собралась прыгать в океан, мельком подумал Фабиан. В другой бы ситуации он бы непременно высказал пару крепких выражений на счет своих догадок. Впрочем, объяснение было весьма простым на спине охотницы висел парашют. Вот уж от чего точно надо было избавиться. Знать бы сразу.

– Опустите оружие – приказал Флориан – опустите, я сказал.

Урусова широко улыбнулась.

– Сколько вокруг широкоплечих парней, и они ничего не могут сделать против хрупкой девушки, даже лишенной ча-

сти – промурлыкала Анастасия – это так... возбуждает.

– Ждете, что я буду умолять отпустить её? – проговорил Штильхарт.

– Не отказала бы себе в подобном удовольствии – осклабилась Охотница – Обожаю это в мужчинах! Такое ложное благородство. Но, к сожалению, вы господин Штильхарт на это не способны, к тому же я не имею больше времени здесь оставаться. Сбитые конвертопланы не моя стихия. До встречи внизу.

Урусова ехидно отдала честь и Флориану лишь оставалось безвольно смотреть, как она, ухватив за талию свою заложницу, отпускает поручень и ныряет в ночное небо. Инстинктивно Штильхарт бросился следом, пытаясь перехватить Наташу, но конвертоплан снова качнуло и Флориан кубарем покатился в кабину пилота.

– Что случилось? – прокричала ему Алин, выжимая штурвал – где Урусова?

Штильхарт забрался в кресло второго пилота и схватил штурвал.

– Решила устроить тебе экзамен по аварийной посадке – бросил Флориан.

– Пересдача будет? – пробормотала Алин.

– Серьезно? – спросил Флорин.

– Серьезней некуда – кивнула Авонамйелус.

Приборная панель взбесилась окончательно. Датчики скакали как сумасшедшие. Двигатели натужно ревели в предсмертной агонии. Алин вырубила их, уменьшив скорость падения. Это была единственная возможность не превратиться в молекулы. Конвертоплан стал планировать к земле потряхиваясь от порывов ветра. Самое главное было дотянуть до какого-нибудь плато и не рухнуть на деревья.

Задев пару вечнозеленых макушек, конвертоплан вместе с хрустом падающих деревьев опустился на грунтовку, ведущую к индейскому поселению вместе со снопом высекаемых искр, и замер с гулким эхом от собственного приземления.

Алин вытерла пот со лба и проморгалась. Родина, я тебя очарую.

Глава XII. Жертва

– Серьёзное отношение к чему бы то ни было в этом мире является роковой ошибкой.

– А жизнь – это серьёзно?

– О да, жизнь – это серьёзно! Но не очень...

Льюис Кэрролл

– Необычное зрелище, – пробормотала Кристина, глядя в бинокль – другого выражения не подберу. Первый раз вижу этот Департамент с такого расстояния. Впечатляюще.

Девушка лежала рядом с Верховским на валуне и смотрела из-за кустов на виднеющуюся вдалеке, километрах в пятнадцати от их лёжки, бетонную стену, ограждавшую территорию Департамента Биологического разнообразия. На Кристине был чёрный жакет-френч и ботфорты. Клинок был уже не привычно спрятан, как ранее, а прикреплён к портупее, изящные руки, покрывали тонкие кожаные перчатки, которые закрывали поблескивающие часы. Верховский был одет в охотничий костюм защитного цвета и в руках держал старенький ППШ-41.

В памяти отложились только отдельные фрагменты совместного перехода. Верховский был настоящим лидером своих людей. Они были готовы идти за ним на смерть, и он вел их вперед ради их правды. Утром они в молчании перекусили и вновь сверились с планом, после чего вернулись

последние разведчики. Они доложили, на северной дороге, по обеим сторонам болот нет следов Директории или её соглядатаев. Все было готово к маршу. Наконец они вышли. Погода была туманная, как по заказу и скрывала отряд от ненужных глаз. Было очень тихо, но воздух был тяжелый и в нем таилась угроза. Миновав болото, Верховский обратился к своим людям действительно ли готовы они идти дальше и готовы ли они к встрече с Врагом. Верховский сказал, что не будет позора тому, кто утрашиться. Отряд промолчал. Они были готовы. Кристина ещё раз подивилась его таланту и переглянулась с Ксенией, которая шагала рядом. Возле её ног привычно вертелся Снори. Кот выбегал часто вперед в качестве разведчика.

Уже вечерело, когда они подошли к точке, помеченной на карте. Дорога к департаменту, была пустынна в обоих направлениях. Благо, по обоим сторонам её росли, хоть и редко, кусты и низкие деревья, поэтому ополченцам было где спрятаться в ожидании «белого автобуса»

Над темнеющей землей застыло лилово-красное небо. Оно кидало на бетонную стену болезненно-мутные тени, которые соединялись с холодным электрическим светом охранных ламп и источали липкий страх у всякого, кто приближался к стене. Удивительное ощущение для здания, которое было построено для развития человека. Бетонную поверхность опутывали сигнальные провода и проволока электрической защиты, а возле стены торчали стволы автомати-

ческих пулеметов и огнеметов, которые сжигали всякого, кто приблизится к стене.

– Эти штуковины могут серьезно осложнить жизнь – заметил Верховский, разглаживая рукой бороду – у нас не будет ни шанса.

– Если всё пройдет как задумано, то шанс нам и не понадобится – заметила Кристина – быстрота и внезапность заменяют число и мощь.

Они отползли за линию валунов, где их ждали Авалова, Кирсанов и остальные. Всего тридцать человек, однако более, по мысли Кристины, было и не нужно. Небольшой подвижный отряд то, что нужно для такого задания. Мобильность была их главным козырем.

– Никогда не была так близко – пробурчала Белка – я чувствую смерть даже с этого расстояния.

Началось томительное ожидание. Ополченцы затачивали свои ножи и без того острые, прочищали винтовки и пистолеты-пулеметы, тревожно поглядывая на ползущие облака. Современного оружия у них не было. В основном то, что сумели взять из музея партизанской славы, брошенного из-за взрыва на АЭС – трехлинейки, ППШ-41, несколько гранат и Наганы. Одна только Кристина не тяготилась ожиданием. Она сидела, скрестив под собой ноги, и закрыв глаза, каким-то внутренним слухом изучала что-то происходит вокруг, а может где-то совсем и далеко отсюда.

План в общем то был прост. Утром Кирсанов активировал

код 19–84, что означало поимку подозреваемого в измене. В этом случае, согласно кодексу внутренней безопасности Директории, каждый гражданин должен был сообщить о нарушителе в Секуритату. Вышедший на связь старший офицер детально расспросил молодого оперативника и получил сведения, что похищенный из клиники «объект КШ-2903» находится в руках некоей ячейки оппозиции. Кирсанов подробнейшим образом рассказал о том, как он, будучи офицером полиции, расследовавшим гибель иностранных ученых, вышел на готовящийся теракт на военно-морской базе и для его предотвращения он внедрился в их структуру и теперь у него есть возможность сдать всех организаторов. Это должно было привлечь внимание Секуритаты. Даже если они не поверили в легенду про самостоятельное внедрение, они все равно не упустят шанс отличиться. Кирсанову поручили продолжать следить за бандитами и передать код 13–89, когда они начнут выдвигаться в сторону базы. Тогда их найдут по геолокации. Код был передан около получаса назад и теперь им оставалось только ждать.

Звук они услышали раньше, чем увидели. Пульсирующий шум от тяжелых колес по пыльной дороге. А потом они увидели... действительно белый, без окон без дверей... вот только это был не автобус, а тяжелый бронетранспортер FNSS Korgan – последнее детище турецких оружейников – настоящая крепость на колесах, ошетинившаяся автоматической пушкой и двумя крупнокалиберными пулеметами.

– Автобус, говорите? – нервно засмеялся Кирсанов.

Кристина усмехнулась. Что тут скажешь, ну это тоже можно принять за автобус, с некоторой точки зрения. Девушка перехватила удобнее клинок. Сейчас начнется.

– Дождемся, когда он проедет уступ – напомнила девушка – и тогда...

Зря напомнила, ополченцы уже возжаждали возмездия над ненавистным символом тирании. Вот что бывает, когда живешь в плену мифов и мести.

– Нет, сейчас! – заорал «Хомяк» и выскочил из укрытия, собираясь бросить гранату.

Гранату он не бросил. Автоматическая пушка с теплонаведением заработала через долю секунды. Тело ополченца разлетелось на куски в разные стороны. Занявшая позицию рядом с Ксенией «Белка» расширила глаза от ужаса и собиралась было выскочить следом за братом, но Авалова прижала её к земле.

– Там уже ничем не поможешь – спокойно сказала девушка.

Раскрыв позицию ополченцев бронетранспортёр не замедляя ход начал поливать огнем пространство поверх их голов. Очевидно, хотели проверить выносливость.

– Пошли – махнула рукой Кристина – по моему сигналу приготовьтесь бросать дымовые шашки. Как только они потеряют видимость, то станут более уязвимы.

– Нас перебьют! – воскликнул Верховский.

– Нас перебьют, когда им надоест давать предупредительные выстрелы – возразила Кристина – я займусь экипажем. Как только окажусь на крыше, кидайте шашки. Это их немного охладит. Увидимся внутри!

Шутливо отдав салют Кристина, выпрыгнула из-за валуна и перекувырнувшись в воздухе приземлилась на ребристую крышу бронетранспортера, ещё в воздухе выхватывая меч. Всегда важна точность и быстрота. Пока ребята в броневике будут соображать в чём дело, это уже не будет играть никакой роли.

Вокруг послышались хлопки и разрывы дымовых шашек. Операция была многократно отрепетирована, и теперь все шло как по маслу. Автоматический пулемет развернулся, чтобы избавиться от незваной гостьи. Кристина оказалась быстрее, её клинок молнией обрушился на основание пулемета и раскроил его напополам. Следующими были антенны дальней связи и радиостанция.

С шипением открылись десантные люки. Теперь от гостьи захотели избавиться уже лично. Один из бойцов секунды высунул сначала голову, а затем руку и дал очередь из своего пистолета-пулемета. Кристина отпрыгнула назад и укрылась за крутящейся башней, а когда выглянула, то обнаружила, что бойцов уже двое.

– Ку-ку, пластиковые – дерзко улыбнулась девушка – наверное соскучились по мне?

Ответом ей была автоматная очередь. Кристина вновь

съехала за башню.

– Неужели это стрельба? – развела руками девушка – думаю вам, мальчики, на учения пора!

– Тревога! – произнес СЕКуР в рацию – обнаружили лазутчика в северном секторе. Здесь «Арнис»

О, неужели заметили?!

Кристина перекувырнулась на поверхности и врезала ногой в живот одному из СЕКуров, тот от неожиданности потерял равновесие и с воплем полетел вниз. Второй снова открыл огонь, но через долю секунды перед ним мелькнула искра клинка и пистолет-пулемет развалился на части, а сам он полетел по направлению к напарнику с аналогичным воплем.

Избавившись от гостей сверху, Кристина схватилась обеими руками за поручни и ногами вперед влетела в десантный отсек, выставив ноги в стороны и впечатывая их в бока ещё двум СЕКурам, раскидав их по углам. Вскочившим со своих мест водителю и штурману, Кристина хлестким движением меча перебила пистолеты-пулеметы, которые они было вскинули и опрокинув наземь указала на них своим клинком.

– Не советую, мальчики – заявила Кристина.

Бронетранспортер продолжал двигаться на автопилоте, девушка, приковав водителя и штурмана друг к другу их же наручниками, подбежала к пульту управления и рванула ручной тормоз. По крайней мере она надеялась, что это ручной тормоз. Ну, так или иначе, бронетранспортер затормозил.

Лишь только теперь, у Кристины появилась возможность рассмотреть внутренности «белого автобуса», который совсем не автобус. Хотя и десантный отсек тоже был весь белый с желтыми поручнями и большой глянцевой столешницей посередине, в которой отражался экран тактического компьютера-телевизора, демонстрирующий пропаган-

дистский канал Директории, вещание которого было обеспечено для четырех пленников, которые были скованы за ноги одной цепью и сидели в креслах для десанта. Кристина быстрым движением клинка перерубила цепь. Один из пленников – молодой человек, по виду студент, в ужасе отшатнулся.

– Не убивайте нас, прошу! – взмолился он.

Кристина успокаивающе положила ему на плечо свою руку на которой блестело кольцо.

– Не бойтесь – сказала она – я не из Секуритаты, я вас не трону. Откуда вы здесь?

– Мы праздновали день рождения Юли – сказала другая пленница, тоже по виду студентка, указывая на сидящую рядом с ней подругу – бойцы Секуритаты ворвались в наше общежитие. Сказали, что мы нарушаем карантинные меры и нас отвезут в специальный лагерь.

До Кристины доходили подобные разговоры о лагерях для нарушающих карантин, однако теперь было понятно, что скорее всего людей забирали не в лагерь, а в департамент Аристова. Для его опытов. Крестину пробил дрожь при этих мыслях.

– Когда же вас захватили? – спросила Кристина.

– Сегодня днём – сказала Юля – сначала доставили в полицейский участок, оформили какие-то документы, протокол заставили подписать и повезли куда-то, а потом их старшему по рации сказали, что маршрут надо изменить. А потом вот это всё... шум выстрелы.

Значит по документам они проходят как нарушители карантина. Скорее всего дальше их дела попадают в суд, где им выносят представление об административном аресте, а сами люди просто пропадают. Нарушение карантина идеальный предлог для массовых задержаний и та облава в порту, когда они заявили туда с Анной, скорее всего тоже была аналогичной. План нуждался в корректировке.

* * *

Наташа забылась тревожным сном. Во сне она отчаянно кого-то звала, но свет перед ней померк. Она помнила только холодную руку, которая удерживала её за шею и подхвативший её поток воздуха. А потом она почувствовала, как поднимают и скручивают за спиной руки. Девушка почувствовала себя совсем слабой. Последнее, что она запомнила, – увеличивающуюся внизу землю, на которой ей пришлось прожить последние несколько дней. Дальше что-то кольнуло её в плечо и пала темнота. Вероятно, она отключилась. Впрочем, её сон был не лучше яви. Перед ней проносились какие-то странные узорчатые картины. В них кто-то кричал, звал на помощь. Возможно, кричала она сама, но её голос терялся в длинных темных переходах. Ей снова причудилась княжна Анна Михайлова, почему-то она выглядела совсем жалостливо, просящие от слез глаза просили не убивать ее. И Наташа вздрогнула. На миг ей показалось, что она и есть княжна,

как будто она видела сон о себе со стороны. Странное ощущение силы и ясности охватило ее. Наташе показалось, что так долго мучавший ее вопрос приблизился к ответу, и стоит только немного подумать, как ответ будет получен. Но тут сон окончательно захватил ее, и сознание покинуло девушку.

Пробуждение было очень странным. Резкий тычок заставил очнуться. Она по-прежнему не понимала, где она и что с ней произошло. Не знала она и что случилось с остальными. Сумели ли они спастись? Она ничего не видела из-за плотной повязки, покрывавшей её лицо, лишь только звук работающих турбо-винтов подсказывал, что её куда-то отвезли на каком-то летательном аппарате.

Нелюбезными тычками девушку провели вперед. Вели так её долго. Ноги ощущали под собой металл и стекло, затем её отвезли на лифте куда-то вниз и вновь повели вперед, опять по металлическому полу. Эхо гулко отражало звук тяжелых армейских ботинок. С шипением открылась какая-то дверь и Наташа поняла, что её завели в эту дверь. После чего с неё сдернули повязку и оставили в одиночестве. Дверь закрылась.

Покровская поморгала глазами, как после долгого сна, обозревая местечко, в котором очутилась. Комната неправильной геометрической формы, кругом был один сплошной серый металл. Пол, стены и кубическая лежанка. Очевидно, это была камера. Наташа усмехнулась, ну странно было бы, если бы меня поселили в номер люкс, подумала девушка.

За спиной девушки вновь с шипением открылась дверь и послышались легкие шаги по металлу. Наташа повернула голову перед ней стояла Анастасия Урусова.

– Предательница – сообщила Наташа.

Анастасия сделала страдальческое лицо.

– Ужасное слово – манерно произнесла она – не надо воспринимать всё так близко к сердцу. Каждый из нас всего лишь служит своей идее, понимаешь?

Наташа поджала губы.

– Понимаю – глухо сказала она – я теперь многое понимаю.

Вся эта история с самого начала была игрой, догадалась девушка, а ты поверила. К тебе специально обратились, потому что знали, что возьмешься за такое дело. Дешево же тебя развели Наталья Владимировна.

Заметив пронзительный взгляд Наташи. Анастасия покачала головой.

– Не надо на меня так смотреть – сказала она – нам обоим был нужен этот медальон. В нем содержится информация, ради которой можно пойти на всё. Вы поступили бы также.

Наташа покачала головой.

– Очень жаль, что вы так думаете – процедила Покровская – куда меня привезли?

Анастасия усмехнулась.

– Туда, где вы так хотели побывать – сообщила охотница – правда забавно? Вы хотели оказаться тут победительницей, а

оказались пленницей. Судьба иногда иронично играет с нами.

Значит, я в департаменте Аристова, поняла Наташа, в общем то не лучший вариант, конечно. Подсознание сразу принялись рисовать самые впечатляющие картины того, что именно здесь с ней могут сделать. Чтобы у неё не спрашивали, одно её неосмотрительное слово может вывести их из себя. Нужно быть как можно осторожнее, по крайней мере пока она не поймет зачем её привезли сюда.

– Где остальные?

Нужно было что-то спросить. Этот вопрос ей показался не хуже других. Меньше всего она хотела, чтобы они решили, что они могут запугать её. Не дождутся.

Анастасия окинула её хитрым взглядом, как будто Наташа произнесла мысли вслух.

– Разве они так важны тебе? – в пространство спросила охотница – чрезмерная привязанность – это жажда страданий и зависимости от других. Зависеть нужно от себя. Наверное, мне следовало бы сказать, что они все мертвы. Я бы увидела сцену слез и обморока, но откажу себе в этом удовольствии. Ты будешь, наверное, рада услышать, что я ничего о них не знаю. Живы, скорее всего. Если, конечно, правдивы рассказы об этой Алин Авонамйелус. Впрочем, я могу и соврать, не так ли? Нам все врут. Вранье – это то, что нас учат видеть и во что нас учат верить. Вы поймете это, скоро.

Наташа пристально посмотрела на Анастасию. Охотница была удивительно спокойна. До сих пор, она не понимала до конца их природу. Теперь же увидев Анастасию и сравнив её

с той Анастасией, что когда-то видела в той прошлой жизни, Наташа действительно допускала, что у девушки, что стояла перед ней нет души, словно бы кто-то вырвал её. Она думала, что такое только в книжках возможно.

– Ну, а как же ваша Организация? – нашлась Покровская – она тоже врет?

Лицо Анастасии тронула холодная улыбка полная снисходительного ехидства. Она как будто не услышала вопрос или почла за должное оставить собеседницу без ответа.

– Какая жалость, что наши дороги не пересеклись раньше – задумчиво произнесла девушка – возможно мы бы смогли найти общий язык.

Наташа громко фыркнула.

– В какой вселенной интересно, я стала бы рассуждать вашим манером? – опешила девушка.

– Не будьте столь самоуверенной, Наталья Владимировна – сказала Анастасия – не забывайте, что когда-то и я рассуждала вашим манером. Вы не представляете, как мы с вами похожи.

– Не вижу ничего общего – нашлась Наташа – никогда не замышляла с любовником убийство мужа.

Урусова криво усмехнулась.

– Ах это – махнула рукой охотница – да, я оказалась бомбой с часовым механизмом для него. Александр так и не понял для чего он пришел в этот мир. Он страшился своей миссии. Я как истинная жена взяла её на себя. Вы не по-

верите, но после всех событий, там в Борисфене, я решила полностью обновить свою жизнь, и я нашла того, кто помог мне. Он мне многое объяснил. Дело в том, Наталья Владимировна, что идеальный мир, который мы формируем с любовью, привязанностью, состраданием к ближнему – эти чувства выхолащивают нашу жизнь. Они делают её очень эгоистичной. Ведь в конце концов, всё это мы хотим для себя. Настоящая же цель нашей жизни – это проявить во всей полноте нашу сущность. Для этого нужно полностью избавиться от лишних эмоций и это открывает такие возможности, которым многие дают отрицательную коннотацию.

– И вы полагаете, что ради этого, я пойду против своих друзей? – поинтересовалась девушка – превосходный анализ, я думала, что вы копнете глубже.

Наташа решила, что нужно всячески раздражать эту девицу. Из того, что рассказывала о ней Ксения, та Анастасия Урусова не отличалась терпением.

– Не скрою вы меня заинтересовали – прошептала Охотница – изучая рассказы о вашей принципиальности и независимости, я пришла к выводу, что вы неправильно используете ваши качества. Вы слишком покойны и бесстрастны. Вы равнодушно смотрите, как стони тысяч людей вынуждены страдать в ожидании справедливости, пока вы и такие как вы обсуждаете законы на бесконечных заседаниях, хотя вы бы могли им помочь. И к кому же обращаться этим обездоленным людям? Они идут к нам, за защитой. Мы те, кто спа-

сает человечество от самих себя.

Наташа закусила губу. Она старалась сохранить лицо, твердя про себя, что ее собеседница, конечно же, преувеличивает, переворачивает все с ног на голову, но от этого слова Охотницы не переставали быть... ну хотя бы полуправдой.

– Эка вы все вывернули, Анастасия Николаевна – сухо заметила девушка – значит, сначала вы разворачиваете депутатов и чиновников, освобождаете места под своих кандидатов, устраиваете дорогие банкеты и турпоездки, а после вы говорите о защите обездоленных. Странная у вас логика.

– Мы не порождаем коррупцию – возразила Анастасия – мы лишь заставляем людей проявлять себя и меняем мир самыми различными способами. Поверьте, что Организация это не кучка расчётливых автократов, опьянённых властью и помешанных на контроле. Мы всеми силами пытаемся остановить разрушение человека самим собой, ибо иллюзия абсолютной свободы приводит к коррупции и разрушению, разве не так?

– Вовсе нет – возразила Наташа – когда человек свободен, то он способен распоряжаться своей жизнью и не слушает чужие голоса. Только свой собственный, который идет выше.

– И всё-таки ему вкладывают этот голос, не так ли? – ехидно спросила Анастасия – так почему же не доверить вложение голоса людям способным направлять и указывать.

Наташа растерла руки. Она всячески пыталась продемон-

стрировать свое спокойствие и нейтральность, в конце концов, чем больше она будет разговаривать с этой девицей, тем возможно больше сумеет разузнать. Главное, чтобы было кому рассказать об этом, если она выберется.

– Мне на секунду показалось, что передо мной стоит ваш муж – хитро сказала девушка – тот Александр Верховский, который ещё не понял, что совершил.

– У-у-у – засмеялась Анастасия – да если бы Александр знал бы всю правду... он бы натворил бы таких дел...

В чём точно нельзя было отказать Анастасии так это в умении держать паузу. Наташа не выдержала первой.

– Правду? – спросила она – какую правду?

– Одну единственную – сказала охотница – как вы отреагируете, если я скажу, что Организация стоит по обе стороны доски, той борьбы, которой вы так гордитесь? Что если вы заранее были выбраны лишь как инструмент достижения целей Организации? Что если Организация манипулирует не только мной, как вы, верно, полагаете, но и вами и вашими друзьями? Как вы отреагируете тогда?

Наташа надеялась, что у неё не очень глупое лицо. Пора бы уже, наверное, перестать удивляться чему либо, кроме возможности вечно удивляться. Что же я уже залатала свою крышу поэтому можете срывать снова.

– Невозможно – сообщила девушка – это трюк, чтобы запутать меня, да?

Очень хотелось обрести уверенность от этих слов, но уве-

ренность, так сопровождавшая её весь разговор решила куда-то отбыть и помахать ручкой.

– Неужели вы этого ещё не поняли? – невозмутимо спросила Анастасия – иногда шевелить мозгами, а не поигрывать мускулами, несясь во весь опор и не замечая природу событий окружающих нас. Именно поэтому мы с вами в таких положениях в каких мы находимся сейчас. Гуманизм – ах. Социальность – ах. Вы так же, как я живете на руинах, того, что привыкли называть обществом. Просто вы ещё не осознали этого и Верховский не осознал, а я осознала и приняла верную сторону.

– Поздравляю – осклабилась Наташа – это действительно какой-то стокгольмский синдром.

Анастасия холодно рассмеялась.

– Вы рассуждаете очень примитивными категориями – сказала Охотница – я была забитой жертвой о которой судачили на каждом углу и всё благодаря тому, что я возобновила дружбу с Верховским. Здесь же я перестала быть жертвой. Я изменила свою природу и превратилась в палача. У меня была ничтожная работа, на которой я была вынуждена угождать сиятельным господам, которые на меня смотрели, как коты на сало, теперь же, одного моего щелчка пальцев достаточно, чтобы они приползли ко мне на коленях и умоляли сохранить им жизнь.

В словах Анастасии было много эмоций и обид по отношению к какой-то той старой жизни, в которой она очень хо-

тела быть хорошей девочкой, но у неё не получилось и она много-много плакала, что у неё не получается, а потом она стала злая и решила наказать мир, который отверг её. Наташа словно бы читала это на её лице. Нет, поняла она, у этой девушки душа ещё есть, просто она запрятана где-то очень глубоко. Вот про что тогда говорил старец Игнатий.

– У нас всегда есть выбор – сказала Наташа – никогда не бывает всё однобоко.

– Вот именно выбор и дает Организация – сказала Урусова – разорить корпорацию, сорвать выборы в какой-нибудь крупной стране, заразить вирусом всю планету. Любой каприз по собственному желанию! И то, что мне нужно, я теперь не прошу у сиятельных людей, а просто беру.

Наташа пожала плечами.

– У каждого свои увлечения – сказала девушка – не думаю, что мне такое приглянется.

Анастасия развернулась к двери камеры с неувядающей невозмутимостью.

– Это вы сейчас так говорите – сказала она – посмотрим, что будет, когда вы получите доказательство моих слов.

Наташа проводила взглядом охотницу и только после этого смогла расслабиться, если конечно всё её состояние было способно на расслабление. То, что сказала Анастасия ерунда. Это не могло быть правдой. Или могло? В конце концов, что она знает о той истории, в которую она попала? О тех людях, которым она доверилась? Она не понимала уже ни-

чего в этой истории.

Вечные иллюзии не дают покоя. Наташа расслаблено смотрела на холодный серый металл и вспоминала свое прошлое. Что-то неумолимо тяжелое и зыбкое всегда тревожило ее. Ей вдруг хотелось внезапно разрыдаться, и она более всего этого опасалась. Может быть, поэтому Покровская всегда выбирала борца за справедливость. Мягкий и в тоже время непреклонный человек с душой ангела и с внутренним стержнем. Никто не мог сбить ее с пути. От этого ей было очень одиноко, но это было ее тайной. Все было странным и обманчивым в этом мире. Герои казались вымышленными, а преступники слишком явными, чтобы не узнавать их с первого взгляда. Покровская вздохнула, покидая свои мыслеобразы.

Несколько времени она сидела в полутьме своей камеры. Затем дверь вновь открылась и вошли СЕКуров. Да не было сомнений, она на территории Директории. Может устроить им показательный номер «Вы незаконно удерживаете депутата иностранного государства»?

– Доктор просит вашего присутствия – сказал ей один из солдат.

Оставим показательные выступления на потом, решила Наташа, сейчас нужно было собрать как можно больше информации. Она вышла из камеры ведомая солдатами. Теперь ей уже не завязывали глаза и даже оставили свободными руки. Странная метаморфоза. Что-то странное происходило

вокруг, как будто какая-то страшная оперетта, и у Наташи не возникало сомнений, что она должна об этом подумать.

* * *

Бой был окончен. Он кончился так быстро, что ополченцы еще не успели это осознать. Кристина щупала рукой поблескивающую металлом приборную панель бронетранспортёра, словно бы хотела убедиться в том, что ей не чудится этот успех. Остальные бродили по отсеку, заглядывали в смотровые щели, увлеченно рассматривали диковинную аппаратуру, типа тактических компьютеров. Освобожденных пленников отпустили с миром, а захваченный экипаж связали и сейчас их развлекал Снори, демонстрируя свои зубы и когти. Все шло по плану и тем не менее Кристину беспокоила та легкость, с которой они выполнили первую часть задачи. Несмотря на восторженные взгляды, которыми её теперь награждали ополченцы, она не была склонна преувеличивать свои возможности. К тому же её терзали те подозрения, которые она узнала от захваченных студентов.

Борьба беспощадна, если против истины выступает важный коммерческий проект, масштабы циничности которого трудно сравнить с чем-либо доселе существовавшим. S.I.G.M.A.. готовила самый разрушительный в мире проект, который больше не оставлял шансов на выживание, был кошмарным олицетворением зла на земле. Люди из кро-

ви и плоти должны стать практически биороботами, умело управляемыми извне человекообразными божествами. Управление держалось исключительно на принципах всепоглощающего подчинения и безропотного исполнения. Могущественное превосходство Организации несравнимо по своим масштабам с ячейкой общества, которое понимало, не желало и сопротивлялось. Выжить в этом поединке было невозможно, а победить – безумием, обреченным на смертельную гибель. И все же герои существовали во все времена. Они возникали словно из прошлого, одухотворенные продолжатели борцов за справедливость и равенство, не жалеющих собственных жизней во имя истины.

Кристина никогда не чувствовала себя героем, а уж тем более каким-то избранным человеком на земле, способным нейтрализовать зло. И всё же именно она – хрупкая и добрая девушка вызывала главные опасения для врага, который жаждал сражений и крови. Кристина всегда руководствовалась разумом, не лишенным детской наивности и природной мягкости. И все чувство глубокой несправедливости заставляло ее действовать как будто вопреки ее воле. Иногда она понимала бесперспективность начатого, но остановиться было не в ее силах. Что-то более важное и сильное руководило ею и направляло туда, где скрыта тайна, где находится ключ спасения для тысячи жизней. Что-то, что было заперто в Ноосфере, которая соединяла её с каждым живым существом.

– Хотя я и предложила этот план – заметила девушка – мне кажется мало только освободить пленных и отвлечь внимание. Даже если мы скачаем информацию и передадим её во все международные организации мира, поток похищенных жителей не будет спадать, а Аристов придумает новый вирус.

Кирсанов покачал головой.

– Не нравится мне ход вашей мысли, Кристина Сергеевна – заметил молодой человек – наш план и без того безумен, к чему ещё дополнительные ажитации.

– Если мы хотим избавиться от вируса, нужно избавиться от базы его распространения – сказала Кристина – сделав это мы покончим с Аристовым раз и навсегда.

Верховский удивленно вскинул бровь.

– Погодите – сказал мужчина – вы предлагаете взорвать департамент?

Кирсанов тяжело вздохнул.

– Да – пробормотал он – она именно об этом!

Верховский разгладил бороду.

– Не знаю хватит ли у нас взрывчатки – сказал он – мы рассматривали этот вариант лишь как возможное продолжение, но не как основной шаг, да признаться у нас людей маловато.

– Знаю – кивнула Кристина – но разговор с этими студентами убедил меня в обратном. Сбор биоматериала поставлен Аристовым на поток и единственный способ остановить

этот механизм – уничтожить Департамент. Вполне возможно, что и сам вирус потеряет свою силу лишившись базы распространения. К тому же, где гарантия, что Аристов сейчас не ставит опыты, связанные с какой-то новой заразой? Мы решили действовать не для того, чтобы отсрочить проблему, а чтобы решить её окончательно во имя будущего.

– Пари держу, что ставит – кивнул Кирсанов – я сам этому свидетель. Чтобы это ни было, новый вирус или мутация нынешнего, но вы правы, пока не уничтожить центр распространения, болезнь так и будет гулять.

Верховский пожал плечами.

– Меня можете не упрашивать – весело сказал он – мои парни давно жаждут поквитаться с Директорией. Я с трудом удержал их, чтобы они наш трофей не разобрали по винтикам. Думаю, красивый фейерверк – это то, что их успокоит. Особенно сейчас... после гибели «Хомяка».

Говоря последнюю фразу, Верховский бросил осторожный взгляд на сидящую в состоянии полной апатии «Белку». Кто-то из ополченцев сел рядом и успокаивающе принялся что-то говорить женщине. Говорят, что нечего терять тому, кто ничего не имеет. Это неправда. Всегда есть, что терять. Просто мы думаем, что некоторое всегда будет с нами. И хотя, жернова истории и эволюции безжалостно разубеждают нас в этом, и мы знаем, что однажды так будет, мы все равно никогда не будем к этому готовы. Когда мы теряем кого-то для нас значимого, то наше сердце умирает вместе с ним,

и теряем мы его один раз и навсегда. Право же, та быстрая жизнь без оглядки, которую мы ведем, не заставляет нас задумываться о том, что будем делать, когда все потеряем и кем мы станем после этого.

– Взорвать всё к чертовой матери! – неожиданно воскликнула «Белка» – пусть эти сволочи знают, что мы не пушечное мясо!

– Возможно тебе следует вернуться – заметил Верховский – ты уверена, что справишься?

«Белка» покачала головой.

– Я же не выпотрошила вот этих – «Белка» указала на связанных танкистов, с которыми сейчас общался Кирсанов – так что я в норме.

– Да будет так – сказал Верховский – тогда выдвигаемся. Нечего сидеть и осмысливать все это. Продолжаем следовать плану! Кирсанов заменит водителя транспортере, а мы изобразим из себя захваченных гражданских. Думаю, проблем не возникнет.

– Возникнет – возразил подошедший Кирсанов – Департамент охраняют СЕКуры и скорее всего у них установлены биометрические сканеры. Как только меня отсканируют, то выяснят, что я служу в национальной полиции. Появятся ненужные вопросы. У меня язык, конечно, подвешен, но не настолько, чтобы объяснить, как я сменил место службы за два дня, без санкции вышестоящего руководства, что, между прочим, наказывается лишением гражданства.

Кристина возвела глаза к потолку. Начинается. Здравствуй неожиданность, называется.

– Раньше не мог сказать? – насупилась девушка.

– Я узнал это только сейчас – пожал плечами Кирсанов – эти танкисты могут быть чрезвычайно словоохотливы, оказывается, если найти правильный подход.

– Коли и так, у нас нет времени на смену плана – бросил Верховский – значит роль водителя исполнит Ксения Игоревна.

Ксения слегка улыbnулась, глядя, как Верховский вновь натянул на себя облик деятельного лидера.

– Не вариант – покачала головой Авалова – я тоже есть в базе, а лесничий в танковых войсках это ещё глупее.

Верховский покачал головой и бросил взгляд на Кристину.

– Ну мои то биометрические данные они точно узнают – усмехнулась девушка – короче ясно, что бронетранспортером должен управлять кто-то из вас. Вы уже лишены гражданства, а значит ваших данных скорее всего в их базах нет. К тому же директория не считается с мелкими отбросами, вот почему вам удастся так долго скрываться. Иногда слабость человека становится его силой.

Ополченцы зашумели. Никто не хотел даже прикасаться к управлению транспортным средством, которое терроризировало людей и ввергало их в суеверный ужас.

– Другого варианта нет – согласился Верховский – или

придется всё отменять.

Услышав слово «Отменять», кто-то радостно закричал в поддержку. Все те, кто ещё недавно шел вперед без оглядки, теперь мандражировали, почувствовав привкус смерти. Другие стали возражать, что не будет иного шанса и что надо заставить Директорию заплатить за всё, пусть даже ценой собственных жизней и лучше умереть просвещённым, чем жить в невежестве. Назревал конфликт.

– Я заменю водителя – сказала «Белка» среди общего галла – поверьте мне гораздо тяжелее, чем всем вам, но я иду на это! Иду потому, что не хочу слез других сестер о своих братьях, хотя я никогда не чувствовала такой боли, как чувствую сейчас, я не хочу, чтобы её чувствовали другие.

Шум неожиданно стих. Ополченцы смотрели на женщину с болью и уважением от её выбора. Кто-то от стыда за свое малодушие спрятал закрыл лицо руками. Верховский ободряюще улыбнулся женщине и положил руки ей на плечи.

– И мы поможем тебе – сказал он, бросив взгляд на остальных своих людей – оружие врага всегда оборачивается против него и самым неожиданным способом.

«Белка» сухо кивнула и стала облачаться в свежую форму танкиста.

– Я знаю – сказала женщина – я справлюсь, ради брата. Он поступил бы так же.

Вот уж действительно, какую мерой мерите, такой и вам будет отмерено, подумала Кристина. Есть много вещей на

свете, которых Организация не принимает в расчет, считая их пустым балансом. Любовь одна из таких вещей, а любовь к безвозвратно утерянному становится искрой, из которой возгорается пламя. В конце концов стратегическое мышление не является моей самой сильной чертой, значит будем рассчитывать на исключительность импровизации. Девушка усмехнулась, наблюдая, как Кирсанов увлеченно показывает «Белке» приборную панель.

– Так, что тут у нас? – бормотал Кирсанов – интеллектуальная система контроля привода, дизель-электрический гибридный блок питания. Ага, вот, что нам нужно. Ну понеслась!

Кирсанов дернул рычаг против себя и бронетранспортер тяжело начал движение по шоссе.

– Надеюсь у них нет специального оповещения, в каком-нибудь таком случае – заметил молодой человек, уступая место «Белке». – если пройдем сканеры, то можно записать ещё одно очко в нашу пользу.

– А это вообще возможно? – поинтересовалась Ксения.

– Понятия не имею – широко улыбнулся Кирсанов – вот пройдем, тогда и узнаем.

– Будем надеяться на твой оптимизм – кивнула с усмешкой Кристина, посматривая на циферблат часов – раз ты освободился, садись за управление турелью. Как бы мы ни были уверены, всегда нужно быть готовым вовремя ретироваться. Так что будьте начеку.

Теперь каждому нашлось дело. Люди вновь оживились. Изучали пульты, задраивали люки, проверяли видеодатчики кругового обзора. Кто-то раскрыл оружейный шкаф. Там лежало несколько вполне современных автоматов, много патронов пригодных для их пистолетов-пулеметов и гранаты. Ополченцы стали перевооружаться, на кого что хватило. Все что-то делали и только Кристина осталась стоять возле двустворчатой боковой двери, сцепив руки за спиной. Да, борьба ещё впереди и финал её скоро.

* * *

Ночь казалось бесконечно долгой. Все ждали хоть каких-то изменений и старались не думать о произошедшем. Погибшего пилота похоронили вместе с другими защитниками поселения. Жители обещали заботиться о могилах тех, кто спас их достояние. И вот ночь прошла и яркое солнце медленно выползло из-за дымки и поползло наверх.

С наступлением утра Кими Авонамйелус распорядилась отправить лучших следопытов на поиски Натальи. Однако робкая надежда на смену ночи на день оказалось ложной. Следопыты обошли весь остров несколько раз, но не смогли найти даже воспоминания ни о девушке, ни о её похитительнице. Невозможно было даже установить место приземления. Ни брошенного парашюта, ни помятой травы. Обе женщины просто испарились. Следы Охотница умела заме-

тать мастерски, это точно. Теперь оставалось понять причину похищения Наташи. Она им для чего-то нужна или Охотница просто прерывалась девушкой, как щитом? Однако же, наверное, все-таки первое, иначе нашли бы труп, да и не стала бы Охотница устраивать весь этот спектакль, если бы просто хотела сбежать. Нет, почему-то Охотница схватила именно Наталью и очевидно забрала девушку с собой. Вот только с какой целью? Штильхарт пытался размышлять трезво и разложить все имеющиеся факты по полочкам. Обычно у него это получалось, вот только не теперь. Эмоции захлестывали молодого человека и забивали любую рациональную мысль. Ему хотелось немедленно поднять армию... куда-то бежать... искать... перерыть этот остров, сравнять с землей все скалы, вырубить все деревья. Разумом он понимал, что все эти мысли полнейшая чушь, однако же сердце твердило обратное. Даже не из-за каких-то чувств к Наталье, которых он даже ещё не проанализировал-то как следует, а просто из-за вины, что он не сумел вытащить её из рук Охотницы. Как говорится, мы в ответственности, за тех, кого приручили. Наверное, лучше ни к кому не привязываться. Слишком это рискованно. Интересно, чтобы сказала бы Кристина по этому поводу?

– Сэр – окликнул его Лен – патрули еще раз прочесали местность отсюда и до моря. Ни следа мисс Покровской. Мы оповестили часовых на дальних рубежах и наших сородичей на материке. Как только её заметят, нам сообщат. Боюсь это

всё что мы сможем сейчас сделать.

Штильхарт посмотрел в даль на черневший лес на скалах, словно бы желал увидеть возвращающуюся оттуда девушку. Он не хотел называть её имя опасаясь... он не придумал чего именно.

– Как вы думаешь, у неё есть шанс выжить в лесу в этих условиях? – отрешенно спросила Алин.

Лен пожал плечами.

– Шанс есть – сказал он – но минимальный – в окрестностях много хищников, сама знаешь. Неподготовленный человек не проживет и суток.

– Жива она – проговорил Артамонов – но в плену. Всё опаснее начинают крутиться колеса. Как иногда неосмотрительны мы можем быть. Хорошо, что судьба оказывается мудрее нас, иногда.

Сейчас Штильхарт не стал вступать в дискуссии. Слишком много стояло на кону. Но про себя он ещё раз отметил, что для государственного человека нет большей ошибки, чем малодушие в принятии решений. Результаты этого малодушия мы видим обычно гораздо позже самого поступка. Впрочем, Флориан не собирался судить Артамонова, не всем повезло иметь гениальных подруг.

Импровизированный совет прервал Лео Морган. Пилот, завидев собравшихся подошел к ним торопливым шагом и начал сбивчиво говорить. Вероятно, он очень спешил.

– Там по телевизору... – проговорил он – в общем вам это

надо увидеть самим. Думаю, вас заинтересует.

Штильхарт прошел вслед за Лео в большую библиотеку дома Кими Авонамйелус с высокого каштанового дерева шкафами, полки которых были заставлены красивыми фолиантами и резным балконом. С экрана телевизора, установленного в нише библиотеки перед кожаным диваном, вещал новостной американский канал. Трансляция шла из Женевы. Штильхарт прислушался...

– «...И, таким образом, мы, а именно я и все мои коллеги, можем в настоящее время с радостью и всей ответственностью заявить, что вакцина, которая на протяжении последнего времени проходила всестороннее тестирование, прошла его успешно, и теперь все необходимые материалы направлены фармацевтическим компаниям для ее массового производства, а правительствам всех стран – всеобъемлющая информация о стратегии ее распространения в границах своих территорий. Поэтому уже сейчас можно сказать, что лечение от страшной болезни не за горами! Осталось лишь немного подождать, поскольку надежда на избавление как никогда материальна...»

Штильхарт узнал говорившего – Директор ВОЗ Шломо Бенаюн. Он появлялся на экранах чуть ли не каждую минуту с очередным заявлением о пандемии и ничего резонансного в этом не было. Но его выступление повергло зал полный журналистов и представителей разных здравоохранительных организаций в состояние легко шока.

– Это ещё не всё кино – сообщила сидевшая перед телевизором Эми – смотрите дальше.

«...Вместе с этим также хочу сообщить, что такого успеха в противодействии пандемии не было бы без доктора Льва Аристова, не побоюсь этого слова нашего друга и смелого ученого. Он, и его команда любезно и безвозмездно предоставили нам основные материалы, чтобы мы, собственно, и смогли закончить всю подготовку и начать производство вак-

цины...»

Аплодисменты сейчас были потише – многие из зала, видимо, знали о странной репутации Аристова. Впрочем, Бенаюна это не смутило.

«... Поверьте мы с вами находимся в одном шаге, от того, чтобы остановить безжалостного и невидимого убийцу и восстановить стабильность и демократические права граждан. Судьба подарила нам этот шанс. Так воспользуемся им, ради свободы и общего блага. Итак, если у вас есть какие-либо вопросы, я радостью на них отвечу. Время дорого сами понимаете – нужно спасать жизни...»

Бенаюн завершил свой доклад. Журналисты повспыхивали фотоаппаратами, поднялись руки желающих спросить. Более ничего интересного.

В библиотеке повисла тягостная тишина. Её можно было ощутить почти что физически. Её нарушил вошедший в комнату Артамонов. Он единственный кто не слушал феерическое выступление директора ВОЗ, но вероятно уже был в курсе дела.

– Конечно официальное решение ещё не принято – сказал он – но мои источники говорят, что в ВОЗ готовы пойти на сделку с Аристовым —

– Источники надежные? – на всякий случай спросил Флориан.

– Великоруссия одна из членов исполкома ВОЗ – пояснил Артамонов – мне доступны многие сведения оттуда. По

моим данным Аристов принимал Бенаюна в своем Департаменте и показал ему возможности своего чипа-ингибитора. Кажется, он неплохо подготовился.

Флориан покачал головой.

– Он блефует – уверенно сказал молодой человек – медальон у нас, а значит настоящего чипа у него нет. Скорее всего компьютерная модель. Имея определенные данные, мы легко можем выставить Аристову мошенником. Это ещё не конец!

Алин криво усмехнулась.

– Ты что-то придумал? – запальчиво спросила пилот.

Штильхарт ответил широкой улыбкой.

– Тебе понравится – сказал он – план сумасшедший и без шансов на успех. В твоём духе. Выведете меня на Аристову.

На блеф можно отвечать и блефом, решил Флориан.

* * *

Аристов комфортно расположился в своем рабочем кресле и разминал ноющие виски. Формирование памяти девчонки начинало его утомлять, но, тем не менее, он даже помыслить не мог о том, что она пойдет как-то не так. Он уже добился неплохих успехов и знал, что дальше будет только лучше. Однако даже такому гению как он следует отдыхать, иначе его мозг не выдержит нагрузок. Куда больше его волновал вопрос поисков медальона. Он помнил стягивающий голову обруч. Повторения не хотелось. Однако ему сегодня

прислали неожиданный подарок и теперь весь фокус состоял в том, как этим подарком лучше всего воспользоваться.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стояла Марианна в своей вечно недовольной позе. Интересно, подумал Аристов, у этих охотниц бывает другое выражение на лице?

– Вам входящий вызов – холодно сказала девушка – по старой чистоте, которая была до периода Директората.

Аристов посмотрел на неё крайне заинтересованным взглядом.

– Интересно, кто это может быть? – с иронией в голосе сказал он – включи передачу.

Замигал экран виртуальной видеосвязи и через несколько секунд Аристов смог лицезреть лицо Флориана Штильхарта. Он хорошо его запомнил.

– Ба – протянул Аристов – я, признаюсь, что вас здесь не ожидал увидеть. Смело, ну глупо.

Это было игрой, естественно, но Аристов был обязан выдержать некоторую торжественность момента. Кажется его план сработал раньше, чем он предполагал.

– Я делаю то, что должно – сообщил Штильхарт – а у вас есть то, что мне нужно, я прав?

Лицо Аристова скривилось ещё больше.

– Возможно – сказал он – и я так полагаю, что она значит для вас больше, чем можно было предположить. Удивительный поворот, однако. Что же вы предлагаете, господин Штильхарт?

Молодой человек пожал плечами.

– Иногда нужно мириться с реальностью – сказал он – тем более все козыри находятся у вас. Знаете, мне плевать на то, что будет дальше. Я хочу забрать Наталью и уехать с ней. Взамен я отдам вам медальон.

Дурачок, подумал Аристов, ты не знаешь, что у меня находится главный козырь. Иначе ты бы не отдавал медальон. Как иногда глупы бывают люди.

– А что же ваша подруга Кристина? – притворно спросил Доктор – мы ведь скоро поймаем её, а вы придаете в самый критический момент, как это эгоистично, неправда ли?

Флориан не мигал.

– У каждого своя дорога – философски заметил её – мне нужна Наташа, а с Кристиной можете делать всё что угодно. Если убьете её, то сообщите, я пришлю цветы. Так по рукам, доктор? Это хорошая сделка.

Аристов осклабился.

– Вы не в том положении, чтобы самим выдвигать условия – заявил доктор – хотя ваш выход на связь означает, что вы понимаете всю безнадежность сложившейся ситуации. Я тоже за разумные переговоры.

– Согласен – кивнул Штильхарт – но я все же хочу некоторые гарантии.

Аристов рассмеялся.

– Мои гарантии – сказал он – никаких гарантий. Вы не можете доверять мне, а я не могу доверять вам. Я буду дей-

ствовать на основе своих интересов, которые могут включать вашу личную выгоду. Если вы согласны, то привезете мне медальон до следующего восхода солнца и я подумаю стоите ли вы награды.

– Я буду – кивнул Штильхарт – можете не сомневаться.

Передача отключилась.

С лица же Аристов не сходила кривая усмешка торжества. Даже недовольное бормотание Хорошевой не могло его испортить.

– Он врёт – холодно заметила Охотница, не меняя ни положения, ни выражения лица.

Аристов обернулся.

– Возможно и нет – сказал доктор – Возможно он действительно влюблен в эту Покровскую, а влюбленные наивны и доверчивы. Мне приведут её сейчас, вот и посмотрим. Впрочем, даже если и врёт, он не знает, что Анна у нас, а значит у меня действительно все козыри.

* * *

Флориан тяжело выдохнул, откидываясь на спинку кожного кресла и закурил трубку.

– Умно – отозвалась возлежавшая на диване Алин – очень умно. Свежо, оригинально. И что теперь? Вежливо отдадим ему медальон, заберем Наталью и помашем ручкой. Это лучшая шутка во всей вселенной. Если раньше, у нас были хоть

какие-то шансы, то теперь нас просто раздавят как надоедливую осу, громко посмеиваясь.

Потягивающий трубку Флориан излучал задумчивость.

– Нет – сказал он – попробуют изловить и вырвать жало. Смеяться Аристов не станет, слишком ставки высоки для него. Весь его разговор пустая бравада. Он знает, что я мог бы отказаться от Наташи в любой момент, а вот наказание ему за неудачу будет смерть. Нет он не будет смеяться. К тому же ты не уловила одну деталь, из-за которой наш план должен быть подвергнут изменениям – в его руках Анна Щербатова, именно поэтому он так легко согласился на обмен, думаю рассчитывает, что я не узнаю об этом, и отдам ему медальон в надежде, что он не сможет его открыть. Грешен у меня были такие мысли. Но Аристов допустил ошибку и счастливый случай избавил от ошибки меня.

– Какую? – не поняла Алин – и как ты понял, что Анна у него?

– Элементарно капитан – улыбнулся Штильхарт – помнишь, Аристов упомянул в разговоре Кристину? Так вот то, что «Арнис» и Кристина это одно и тоже лицо кроме меня знала только Анна. Спрашивается, откуда это знает Аристов?

Алин задумчиво пожевала губу.

– Действительно элементарно – сказала она – думаешь она связана с Аристовым?

Флориан покачал головой.

– Нет – сказал он – особенно, если учесть версию Фабиана. К тому же если бы она была бы связана, то Аристов схватил бы Кристину, а он её не схватил. Он же сам сказал об этом. Так или иначе, но Анна у Аристова и кроме Наташи, нам и её придется вызволять, чтобы понять тайну медальона.

– Точнее, чтобы я смогла исполнить свою миссию хранителя – театрально всплеснула руками Алин – и наверное, у тебя уже созрел гениальный план, а?

– Я ещё думаю – честно признался Флориан.

Артамонов многозначительно кашлянул, напоминая о своем присутствии.

– Чтобы вы там не придумали – сказал он – всё не так просто. Я знаю, что такое Департамент Аристова – это не просто частная клиника. Это самая настоящая крепость с магнитами и лазерными ловушками, её охраняет минимум батальон СЕКуrow. Это бойцы, закаленные в боях на Севере. Я могу предложить только свои нынешние силы. Иное будет означать военное вторжение. Никто в Великоруссии не пойдет на это. Во избежание лишнего кровопролития. Даже ради Натальи Владимировны.

– Этим прекрасным понятием – заботой о кровопролитии оправдывалось много трусости – фыркнула Авонамйелус – когда вы присоединяли Цареградскую волость, вы были смелее.

Генерал покачал головой, но его лицо красноречиво говорило о том, что он согласен с Алин, с некоторой точки зре-

ния.

– Такая преданность друзьям похвальна – возразил Артамонов – но не делает вас воином. Мудрому военачальнику иногда приходится жертвовать даже самыми дорогими солдатами, ради общей цели.

Алин кивнула.

– Именно поэтому я послала вашу военную службу ко всем чертям – гордо заявила девушка.

Эми вскинула вверх руку.

– Поддерживаю – изрекла пилот.

– Так или иначе, но нас слишком мало для атаки Департамента – не уступал кипящий Артамонов – я смогу лишь защищать Наталью Владимировну, но не вести войну с Директорией. Для этого нужна армия.

Штильхарт затягиваясь трубкой смотрел в широкое окно библиотеки, сквозь которое струилось солнце. До истечения срока условий Аристова осталось менее суток. Взгляд молодого человека, не останавливаясь на Артамонове переместился на Алин.

– Возможно мы сможем обойтись без армии – задумчиво сказал Флориан – что, если возникнет третья сторона?

Авонамйелус приподняла бровь.

– Третья сторона? – переспросила пилот – кто ещё способен на такую безумную авантюру?

Штильхарт только широко улыбнулся, поглядывая на подпирающего дверной косяк Лена.

– Ну есть конечно одна идеяка – замялась Эми – там на базе мы не взорвали истребители, ну точнее не все взорвали.

– Что значит не все? – поинтересовалась Алин – почему же Тайберт не атаковал с воздуха?

– Э-э-э – смутилась Эми – в них есть одна... проблема. Это... Спитфайеры.

Алин округлила глаза.

– Да-а – проговорила пилот сквозь нервный смех – я понимаю. Просто... класс. Спасибо хоть, что не самолет братьев Райт.

– Уж что есть – смеясь пожал плечами Флориан.

– Штильхарт ты мне всегда казался дельным парнем – сообщила Авонамйелус – план безумен, как Мартовский заяц за чашкой чая.

– А что нам остается? – спросил Флориан – раз уж мы начали, то должны идти до конца. Может быть, у нас нет и шанса, но лучше, как минимум попытаться, чем уйти в сторону. Колебаться – значит сдать. Это будет тот ход, который так или иначе положит конец истории с вирусом. Я никому не хочу навязывать. Решайте сами, идете или нет?

– Иду – откликнулся Лен – я мало знаю о трудных и тайных делах, но я и помыслить не мог, что ко мне вернется сестра, а оно вон как вышло. Я с вами.

– Считай нас в деле! – заявила Эми – всегда мечтала погонять на старых машинках, как Том Харди в Дюнкерке.

Все перевели взгляды на Алин.

– Да пошли вы к черту – воскликнула девушка и тут же криво усмехнулась – Иду!

Два часа спустя они перешли с заливой солнцем площадки в пассажирский отсек потрепанного многоцелевого вертолёта, угнанного с авиабазы. Пилоты из эскадрильи Алин, как могли латали капризную машину. На борту была сборная солянка: ССОшники из отряда Артамонова, ещё больше покрытых шрамами и очень воодушевленных добровольцев-индейцев, которых сумел собрать Лен. Но эффективнее всего, конечно, смотрелись три истребителя Спитфайр, поблескивающие при свете дня хромированными винтами тоже угнанные с теперь уже полуразрушенной авиабазы. Вести их согласились Лео, Эми и Киган Рикеттс. Индейцы навешивали под их днища топливные баки, а на крыльях закрепляли ракеты. Алин только покачала головой, когда их увидела сквозь лобовое стекло кабины вертолета. Она уже не хотела подтрунивать. Скоро все эти люди пойдут на смерть и как бы там ни было, она опять вела в бой свою эскадрилью, а теперь ещё и свой народ, ради благородной цели. Да и ещё должна была отдать медальон хозяйке. Эх и во что я ввязалась, усмехнулась Авонамйелус запуская мотор.

* * *

Выкрашенной белой краской бронетранспортер был единственным кто нарушал пугающую пустынную шоссе и ка-

зался одиноким всадником с картины леди Батлер. Ехали, не сверяясь с картой – в навигатор прошлым экипажем, теперь оставленным далеко позади, единственно верный маршрут уже был введен. Кругом была сплошная тишина. Редко, когда в этих местах, опустевших после взрыва на АЭС, показывались люди, очевидно именно поэтому заброшенная трасса стала подъездной дорогой к Департаменту Аристова. Бронетранспортёр продирался по большей части вдоль густого зеленого леса, покинутых деревень и брошенных заводов. Правда кое-где в этих деревнях попадались обжитые домики и редкие, похожие на призраков, жители, преимущественно старики, кидали вслед бронетранспортеру презрительные и надменные взгляды – единственный жест протеста против своего существования в удручающих реалиях Директории.

– Противно, что тебя принимают за захватчика – пробурчал Кирсанов, глядя на группу возившихся в грязи детей через камеру тактического компьютера.

– Такова жизнь – меланхолично ответила Кристина – политики воют, спорят, меняют границы, мечтая сделать весь мир своей марионеткой, а для этих людей по факту никогда ничего не изменяется. Злокачественный гнет сменяется доброкачественным и наоборот, а простым людям не становится лучше или хуже. В таких местах они не существуют, а просто продолжают.

– И Северяне тоже? – запальчиво поинтересовался Кирсанов.

Левонина пожала плечами.

– В любой войне каждая из сторон преследует свои эгоистические цели – ответила девушка – так или иначе. Борьба за идеальный мир только декларируется. На самом же деле каждая из сторон прикрываясь собственной идеей, навязывая её своим людям, как единственно правильную стремится получить как можно больше лично для себя, путем расчеловечивания и уничтожения конкурента. Мы давно ушли от прекрасных времен, когда величавые рыцари служили своим, королям, королевам, прекрасным дамам и совершали замечательные подвиги во имя них. Те государства были государствами чести, а нынешние государства бесчестия и наживы именно поэтому ты видишь этих детей и стариков. Они не входят в идеальную систему общежития и социалистической уравниловки, а значит выбрасываются из неё и обрекаются на вечное доживание. Сейчас миром правят не идея, а деньги – это цель Организации, если хочешь.

Кирсанов развернулся в кресле.

– Тогда в чем же разница? – спросил он.

Кристина улыбнулась.

– Разница в том, что нет никакой разницы – сказала девушка – сейчас нет больше сторон. Белых, Красных, Синих. Мир представляет собой калейдоскоп, в котором меняются формы, очертания и цвета фигур. Подумай сам, еще недавно ты был полицейским на службе Директории, а теперь ты один из «хороших парней» – тех, кто посвятил свою жизнь защите всего человечества. Но фокус в том, что ты можешь быть одинаково хорошим в обоих ипостасях, если помогаешь людям. Не важно на какой ты стороне фактически, главное, как ты к этому относишься душевно. Если ты доброжелателен, сердобобен и искренен, то будешь таким и нося погоны полицейского Директории. Главное ты и твои мысли. Если же направишь свои мысли во зло, то тебя не спасет, даже самое доброе и светлое окружение, но если откроешь свое сердце для добрых дел, то и сам станешь лучше. Недостаточно остановить насилие человека над человеком, мир должен быть и внутри людей. Не бывает одного без другого.

Девушка ободряюще улыбнулась. Кирсанов же только сделал задумчиво-скептическую гримасу. Возможно, он не до конца понял, но по крайней мере пытается, подумала Кристина. Борьба за умы и сердца людей – есть истинная борьба против смысла действий Организации.

Тем временем транспортер двигался на самой малой ско-

рости. Лицо «Белки», которая сидела за рулем, будто срослось с приборной панелью. Она молча управляла машиной, с каждым километром все увереннее; наконец рокоча колёсами бронетранспортер подкатил к входному туннелю, только к немного другой геометрической формы, чем тот, что запомнила Кристина. Очевидно, к Департаменту вели сразу несколько подземных коридоров. Этот туннель был перекрыт не шлагбаумом, а тяжелыми металлическими воротами. Как только они приблизились на минимальное расстояние приборная панель замигала красным.

– Приближающийся транспорт – прозвучал механический голос из динамика – приготовьте идентификационные коды для проезда в бокс.

На лицах нового экипажа застыло одеревенелое выражение. Снори тревожно завыл. Интересно, а если ребята на другом конце поинтересуются откуда на борту кот, что в этой ситуации следует будет сказать. Наверное, они даже сообразить не успеют. Приборы на пульте тихо загудели и затихли, когда сигнал прекратился, а Кристина, глядя на то, как «Белка» щелкает тумблером, в это же время сообразила, что наматывает на палец локон своих светлых волос. Она понимала – если сейчас всё сорвется, и они погибнут это будет её вина. Слишком легко иногда она распорядилась чужими жизнями. Девушка решила перестать размышлять, а просто положиться на свое «стандартное везение».

– Вы должны были прибыть в прошлую ротацию – сооб-

щили из передатчика – возникли проблемы?

«Белка» нервно сглотнула. Если диспетчер отвлечется от стандартной процедуры и начнет спрашивать детали, то пиши пропало.

– Соппротивление при захвате – пришел женщине на вырчку Кирсанов – пришлось задержаться.

– Вас поняли – ответили из передатчика – коды доступа верные. Двигайтесь к боксу 67–93. Материал заберут на площадке. Не отклоняйтесь от курса, пока мы завершаем сканирование.

Передатчик замолчал, теперь их ожидало движение по длинному, темному туннелю, освещенному только маленькими желтоватыми квадратиками. Бронетранспортер тяжело катился по массивным бетонным плитам, время от времени проезжая сквозь толстые белые лучи сканеров, которые становились зелеными, как только восьмиколесная машина пересекала их. Сканировали только кабину. То, что было в грузовом отсеке было материалом и видимо интереса не представляло. Хоть какая-то польза от тиранического формализма Директории.

– Не бойтесь – нервно засмеялся Кирсанов – если не выгорит, то просто развернемся и помашем ручкой.

Все понимали, что он врёт. Тяжелый бронетранспортёр никогда бы не ушел от возможных средств обороны, которыми этот тоннель, наверняка нашпигован, как новогодняя утка.

– Транспортёр БТ42–36 – строго отозвались в передатчике.

Все еще раз облились холодным потом, однако Кирсанов, само спокойствие, вновь бодро и официально отозвался в динамик, как учили.

– Сканирование завершено – сообщил голос из передатчика – следуете установленным ранее маршрутом.

Экипаж издал дружный вздох. Особенно Снори причем так громко, что «Белка» еле успела зажать передатчик ладонью. Кирсанов театрально поднял глаза к металлическому потолку.

– Как я и обещал, проще простого – сообщил молодой человек.

Молчавшая до сего момента Авалова криво усмехнулась.

– А, по-моему, ты говорил, что ничего не сработает и пугал нас биосканерами – сквозь смех заметила девушка.

– Эй – изумился Кирсанов – это же я.

Улыбка молодого человека стала ещё шире. Впрочем, довольны были и улыбались все. Тихо поздравляя себя и друзей с маленьким успехом. Только Верховский пустым взором разглядывал тактический компьютер и шевелил губами, словно говорил сам с собой, как будто ощущая нечто недоступное другим.

Тем временем кончился и туннель, только теперь, в отличие от прошлых разов, в которые Кристина сюда навевалась, туннель кончился не площадкой перед клиникой, а

горкой, по которой транспортер скатился в цокольное помещение, освещенное длинными люминесцентными лампами.

Всё было тихо. Нигде не гудела сирена, никто их не пытался перехватить. Похоже, что обман не раскрылся. Наверное, лучшее было бы сейчас врубить пушки и покрошить тут всё в труху, но тогда прощай скрытность и внезапность, о которой она так много вещала, Кристина криво усмехнулась своим мыслям.

Транспортер спокойно въехал в назначенный отсек, сопровождаемый многозначительными перешептываниями и переглядываниями шагающих по своим делам бойцов Секуритаты. При всем том, Кристина поняла, что плоховато себе представляла куда они направились. То, что она видела наверху не шло ни в какое сравнение с тем, что было внизу. Департамент представлял собой хорошо укрепленную военную базу, искусно замаскированную под научно-исследовательский объект. Один Бог знал, чем ещё здесь занимаются.

– Что-то мне разонравился наш план – нервно усмехнулся Кирсанов, словно бы угадывая мысли девушки – надеюсь обойдемся без корректировок.

– Оу это её любимое занятие – заявила Авалова – утром составить план, а вечером придумать другой. Ты просто не в курсе.

Кристина злобно прищурила глаза.

– Эй я же тоже с вами, между прочим? – спросила она.

– Это весьма обнадеживает – усмехнулась в ответ Ксения.

Мотор затих, Кирсанов потянулся и нажав на кнопку раскрыл двустворчатую дверь. Кристина нацепила один из трофейных шлемов, надеясь, что издали её гражданский френч сойдет за офицерскую униформу Секуритаты, благо она не забыла захватить жетон. По легенде она являлась человеком из отдела командного состава, а мало ли какие причуды у столичных штучек. Должно было сработать. Ну, Кристина очень рассчитывала на это.

Притворно заложив руки за голову, люди Верховского стали выходить наружу, точнее их стали демонстративно выталкивать из бронетранспортера, один даже картинно упал. Уж в чем-чем, а в креативности этим ребятам не откажешь. Двое ополченцев вооружившиеся трофейным оружием сопровождали своих в качестве конвоиров. «Белка» вытащила пистолет и приставила его к спине Верховского, подгоняла его вперед. Только Кристина, Ксения и Кирсанов держались подчеркнуто в стороне. Они якобы не интересовались отбросами. Подобное поведение тоже было весьма типичным.

Навстречу процессии уже маршировал патруль – трое СЕ-Куров в полной выкладке. Старший жестом остановил «Белку»

– Дальше поведем мы – властно сообщил он – какой улов на этот раз, кажется неплохой?

Услышав слово «улов», «Белка» заметно побледнела, но быстро взяла себя в руки.

– Болотная мелочевка – как можно более небрежно бро-

сила она – один из полицейских напал на их след и сдал инфу. Теперь их больше нет. Отбегались.

«Белка» кивнула в сторону Кристины.

– Люди из командного состава тоже здесь – продолжала «Белка» – к нам пожаловала важная птица – Кристина Лёвонова или... «Арнис»

Такого не было в плане, Кристина в последнюю секунду успела понять, что именно означают слова «Белки», прежде чем на площадку высыпали солдаты и наставили на них оружие. Теперь они точно были в западне.

– Зачем? – тупо спросил Верховский.

«Белка» рассмеялась, не убирая от его головы пистолет.

– Не ждал, да – прошептала она Верховскому в ухо – думаете, я такая дура? Вы нас использовали. Кормили нас баснями. Посылали нас на смерть. А я устала! Устала от войны, от непролазной грязи. Я хочу свободы. Мне надоело убегать. Чертовы пещеры. Если бы ты знал, как они мне надоели. Постоянный холод, дешёвая похлёбка на обед и на ужин.

– Ты сдала лагерь – поражённо догадался Верховский – ты предала их всех. Вот каким образом Секуритата проникла в пещеры. Я должен был догадаться много раньше, чужие там не прошли бы.

– Конечно – сказала «Белка» – и не только этот лагерь. Но ты Верховский этого не увидишь. Не увидишь, как прямо сейчас испепеляют твою возделенную «Адашевку». Ох и видел бы ты сейчас свое лицо, Верховский. Но самое главное

потрясение тебя ждет впереди. Я бы с удовольствием и на это посмотрела, какой тебе приготовлен сюрприз. Ты, вечно изображающий из себя светлого вождя. Расскажи ты правду и не откажись от своей идеи, мы бы сейчас не стояли здесь, мы бы не пошли в болото, мы бы выбрали порядок, а не свободу!

– Всё не так – спокойно сказал Верховский – я лишь рассказал вам о возможном пути. Человек выбирает сам.

Кристина всё это время теребила рукоять меча, но пока решила не вмешиваться и дослушать исповедь, тем более силы были не равны, а в любой схватке важен тайминг. А вот то, что «Белка» вспомнила про пещеры это хорошо, возможно кое-что и предпримем. Девушка подмигнула застывшей возле бронетранспортера Ксении.

– Сами!?! – взвизгнула «Белка» – да когда мы выбирали сами? За нас всё решал. Все выполняли только твои приказы. Умереть при штурме Департамента – это что ли твой свободный выбор? Ты послал людей на верную смерть, потому что они для тебя мусор, но я... я оказалась умнее и теперь я стану свободной.

Верховский тяжело выдохнул.

– Будь ты проклята! – в сердцах проговорил мужчина – ты всех нас... и тех, которые головы сложили, но смерти не испугались, ради правового дела, ты всех продала и... даже собственного брата!

«Белка» манерно зацокала языком.

– Не надо киношных эмоций – сказала женщина – я освободительница. Подлинная и единственная. Избавившись от вас, я наконец смогу спокойно жить, не оглядываясь и не таюсь по углам.

– Предательница – истерично закричал один из ополченцев – твое место в аду!

«Белка» расхохоталась.

– Возможно – сказала она – но я войду туда с гордо поднятой головой, ибо я права.

Кристина заметила движение сбоку – это Кирсанов, перехватив свой «томми-ган», хотел было дернуться вперед и вероятно, языком ревущих 20-х, высказать «Белке» всё что он о ней думает. Кристина украдкой покачала ему головой. Она же сама по-прежнему всю эту интерлюдия наблюдала со стороны и с вежливым интересом к окружающему миру. Сейчас она была всем, что находится вокруг, и чтобы оценить ситуацию ей не нужно было заглядывать в ослепленные яростью глаза «Белки», она не нуждалась в том, чтобы поворачивать голову и пересчитывать солдат конвоя, оценивая силы. Её сила была в другом. Именно в том, что она могла чувствовать всё, что происходит вокруг, ибо она была этим самым и не было здесь ничего, чтобы не было её частью. Безумная «Белка», безмолвные солдаты, ещё товарищи по оружию – это всё она и они это она. Потому что всё это Ноосфера и образы, из которых состоит она, окружают нас и проникают в нас, связывая воедино. Вот поэтому она просто стоит. Она

знает, что битва начнется. Но ей нет нужды атаковать или защищаться, потому битва начнется тогда, когда начнется и закончится тогда, когда закончится. Именно так и выигрывают великие битвы.

– Так что, теперь, я просто помашу вам ручкой – хохотнула «Белка» – уже навсегда.

– Не уверена, что у вас это получится – хмыкнула Кристина, быстро кивнув Ксении – тут команду я.

«Белка» истерично развернула голову.

– А конечно – прошипела она – как же я про тебя могла забыть. Ты станешь главным трофеем сегодняшнего вечера. Займешь достойное место в коллекции противников режима.

– Оу, я так не думаю – легко улыбнулась Кристина.

Она только ещё формулировала ответ, но уже Ноосфера как будто телепатически передала сигнал Ксении, а та дала команду пока ещё неизвестному участнику.

– Снори-и!!! – воскликнула Авалова.

В следующую секунду ожила автоматическая пушка. Кот, про которого в пылу драмы все забыли, прыгнул на панель управления и лапой вдавил кнопку активации орудия. Начался огненный шквал. Кристина, воспользовавшись суматохой выхватила меч и сияющей молнией обрушила клинок на оружие бойцов Секуритаты, стоявших полукругом вокруг неё. В ход пошло автоматическое оружие, пули свистеть вокруг Кристины со звуком, напоминающим шелест крыльев.

Застрелотали винтовки и пистолеты-пулеметы ополченцев, которые с яростью принялись крошить СЕКуров. Затем раздался ответный треск автоматов. Завязалась перестрелка.

Верховский сцепился с «Белкой» пытаясь забрать у женщины револьвер. Схватив её за обеими ладонями за правое запястье, он принялся выворачивать «Белке» кисть. В воздух непроизвольно выплонулось два выстрела. Женщина вертелась и брыкалась, но надолго её не хватило – Верховский перебил державшую револьвер руку и развернул её «Белке» в лицо. Женщина зашипела и пыталась свободной рукой схватить Верховского за горло, но грянул ещё один выстрел, и она бесформенным мешком осела зажатой в кулаке Александра. Мужчина разжал кисть и к его ногам свалилось мертвое тело. Верховский покачал головой. Он не хотел видеть развороченное выстрелом лицо своей, как он ещё недавно считал, преданнейшей сторонницы, которая оказалась предательницей.

– Жаль – печально пробормотал Верховский и это была единственная его реакция.

Бой продолжался с новой силой. Помещение сотрясало от выстрелов. Атака ополченцев чуть было не захлебнулась в самом начале – ожили охранные системы и двух ополченцев моментально скосил выскочивший из потолка пулемет. Другой боец хотел бросить в полет гранату, дабы расчистить путь, но тоже рухнул сраженный уже автоматной очередью. Их противник был хорошо обучен и силен. Годы власти Ди-

ректории заточили Секуритату на подавление любого мятежа. Ксения успела выхватить гранату из руки погибшего ополченца и наугад бросила в глубину бокса. Грянул взрыв, разметавший деревянные ящики.

Ещё одна брошенная граната, уже со стороны бойцов секуритаты, закатилась под брюхо трофейного бронетранспортера. Взрыв разворотил бронированную машину, а Снори вылетел вместе со столпом огня и, приземлившись на свои четыре лапы, недовольно отряхнулся. Между прочим бронетранспортёр предполагался их билетом в обратный конец. Теперь похоже билет был в один конец.

– План опять меняется? – ехидно осведомился Кирсанов.

– Ты же учил в академии понятие непреодолимая сила – усмехнулась Кристина – взрыв гранаты как раз она.

Девушка поправила одежду и выскочила из-за угла. Быстро двигаясь зигзагами, не давая охране прицелиться, она рывками приблизилась к ним, и одного за другим точными ударами лишила оружия. Бойцы удивленно посмотрели на перерубленные пистолеты-пулеметы и побросав обрубки почли за должное ретироваться. Правда не все, один особо прыткий выхватил здоровенный тесак и стал вращать его в своей руке, изрыгая угрозы касательно некоторых частей тела Кристины. Не подействовало, девушка увернулась от толстого лезвия и выставив вперед ногу отправила бойца в нокаут. Переведя дыхание, Кристина оценила расстояние до автоматического пулемета и кинула меч ввысь. Повалил сног искр, разрубленный пулемет упал на бетонный пол, вместе с шарообразной камерой. Очевидно, за этим шоу кто-то наблюдал...

Кабина стеклянного, как и всё остальное лифта вознеслась куда-то ввысь и с шипением раскрыла двери. Двое бойцов секуритаты вывели Наташу из кабины и повели её по стеклянно-бетонным коридорам. Ни наручников, ни повязок ей более не одевали, и девушка в легком обалдении смотрела на антураж Департамента. Лучшее сейчас было бы конечно слинять отсюда, однако Наташа сильно подозревала, что несмотря на внешнюю свободу, при попытке к бегству её пристрелят, как минимум парализующими дротиками, а умениями Ксении Аваловой, Наташа точно не владела, а жаль.

Через несколько галерей девушку провели в кабинет, настолько огромный, что в нём могло бы поместиться четыре её думских кабинета. С матовым стеклом идеально гармонировала бело-черная глянцевая мебель, там было тихо и полутемно. И пусто, если не считать лысого человека в графитовых очках и со скошенной к низу губой, которая как бы застыла в вечной презрительной усмешке. Кто это Наташа догадывалась, опять-таки жалея, что не владеет парой тройкой боевых приемов. Сейчас бы один точный удар ногой или рукой и... дальнейший ход событий она не придумала. К чему? Она всё равно этого не умеет. Остается только изображать гордую непроницаемость. Хорошо сказала, а. И вот как ин-

интересно изображать эту самую непроницаемость, если знаешь, что твое лицо выглядит как полотно.

– Вы незаконно удерживаете депутата государственной думы, доктор – с порога начала девушка – надеюсь вы готовы к последствиям ваших действий?

Аристов окинул её ироничным взглядом и громко рассмеялся. Наташа слегка опешила. Она ожидала несколько иной реакции... Вообще-то, она сама не представляла, какую реакцию хотела увидеть, однако определенно – не откровенное веселье. Это уж точно.

– Простите, я не расслышал – заявил доктор – как вы сказали, официально? – он снова улыбнулся – а, позвольте спросить, какие у вас есть полномочия, Наталья Владимировна? Насколько я знаю, Великоруссия не обладает суверенитетом над территорией Директории, а что же касается вашего статуса, то, как я слышал... он был отозван, а значит понятия неприкосновенности представителей высшего эшелона власти на вас более не распространяются. Вы же совершили серьезное преступление против властей Директории, и они обвиняют вас в диверсионной деятельности против безопасности этого государства. По здешним законам за это полагается смертная казнь. И боюсь, вы будете казнены. Через несколько часов, как мне кажется.

Вся его речь и поза должны были демонстрировать покровительственное сочувствие. Как будто Наташа попала в темную историю, и только Аристов мог её спасти от ужасной до-

ли. Пожалуй, надо подыграть, решила Покровская.

– И у вас хватает смелости открыто говорить мне об этом? – высокомерно заявила Наташа.

Аристов развел руками.

– Я только описываю, что вас ждет – миролюбиво улыбнулся доктор – впрочем возможна и альтернативное решение, если вы открыто выступите за закон о едином цифровом распределителе и убедите проголосовать за него, а после этого вы будете вознаграждены свободой, а более того, осознанием того, что приобщились к великому делу. Да, не побоюсь говорить именно так – великому! Вы увидите, что все мои действия, моя работа, направлены исключительно на благо человечества. Его будущее! Это, как вы понимаете, значительные масштабы, требующие такого же количества, помимо прочего, и человеческих ресурсов.

Наташа демонстративно засмеялась.

– У вас очень живое воображение, если вы думаете, что я соглашусь – заметила девушка.

– У меня вообще нет воображения – ответил Аристов – я ученый и не страдаю поэтическими образами. Мои коллеги считают, что я трачу с вами время, однако же я более чем уверен, что в определенных условиях вы пойдете на сотрудничество и мы решим все демократическим путем.

– Это какие же такие условия? – с иронией поинтересовалась Наташа.

Улыбка скользнула по кривым губам Аристова. Он при-

коснулся рукой к одной из кнопок. Включился экран, на котором замелькали кадры какой-то схватки. Наташа пригляделась и с волнением увидела там Кристину и Ксению. Верховский боролся с какой-то женщиной... что они здесь делают?

– Великолепное кино, не правда ли – сказал он – посмотрите. Отсюда вы сможете в прямом эфире видеть гибель этих людей. Зачем они здесь не существенно, однако поверьте, что я обладаю всей мощью, чтобы уничтожить их. Но если вы согласитесь, то взяв в плен, их возможно не казнят. Если вы готовы рисковать своей жизнью, то не рискуйте жизнью других. Этот закон всё равно примут, но вы имеете шанс спасти чужие жизни.

Наташа заметно побледнела. Согласие готово было сорваться с её губ. В конце концов, что она теряет, кроме принципов? И вот кому нужны её принципы, если на кону стоит жизнь? Какая-то её часть уже хотела сказать да, но словно её кто-то одернул, посоветовав заглянуть, что кроется за словами Аристов. Наташа прикусила губу. Что бы ни сказал этот доктор в этом во всем чувствовалась одна большая каверза. Он явно, что-то задумал. Надо ещё потянуть время и выяснить.

– Вижу вы всё предусмотрели – заявила девушка.

Ещё одна покровительственная улыбка в ответ.

– Вне всякого сомнения – заявил Аристов – я всегда делаю предложения, от которых трудно отказаться.

Наташа приподняла бровь.

– Как например с вакциной, которой у вас нет? – спросила девушка.

– Она будет – сказал Аристов – уверяю вас, что все козыри у меня, как сказал ваш друг Флориан Штильхарт.

Девушка посмотрела на доктора недоуменным взглядом.

– Он сам вышел на меня – пояснил Аристов – и был куда любезнее вас. Предложил мне медальон, в обмен на вашу жизнь. Благородно? Ни в коем случае. Просто ваш друг ещё не знает, что клон княжны Анны Станиславовны в моих руках, а он думает, что может отдать мне простую железяку. Про вас... едва ли ему есть до вас дело. Поверьте, что вас все используют и вы должны думать о собственных интересах. Одно ваше слово и вы спокойно выйдете из этой истории. Вы ведь в ней чужая? Что вам в ней?

Голос Аристова был мягок и обволакивал как льняное полотно. Как могла девушка сопротивлялась ему, но брешей становилось всё больше. Неужели Штильхарт так легкомысленен? А действительно, почему она так доверяет Флориану? Она ничего о нём не знает, так и не узнала, кроме того, что явный ловелас с гусарскими замашками. Чтобы там ни было, он преследовал свои интересы, и Наташа для него была очередным увлечением. Скорее всего.

Но, как бы то ни было, это ещё не повод соглашаться с Аристовым, вступил голос разума, не хочу я с ним соглашаться.

Почему, вступил другой голос, ну в самом деле, что мне в этой истории. Я уже потеряла из-за неё карьеру, а теперь потеряю ещё и жизнь. Одно мое согласие вернет всё на свои места. Я спасу не только себя, но и других. Аристов дал слово.

Дал слово, как всегда это простое выражение заставляет нас совершать какие-то поступки, о которых мы потом раскаиваемся, подумала Наташа. Не может такой человек как Аристов давать слово и исполнять его. Это противоречит формальной логике жизни. Есть добро, а есть зло. Она никогда, в этом случае, не признавала полутонув, почему вдруг должна признать сейчас?

– Ваша игра закончилась – торжественно объявила девушка – я никого не предаю.

Аристов лениво поаплодировал.

– Неплохое представление, – согласился доктор. – Но вы ошибаетесь, если думаете, что эта ваша маленькая победа имеет значение. Вы же знаете, что такое техника допроса и как он бывает увлекателен. Заверяю, что вы вкусили только малую часть моих допросов.

Наташа хмыкнула.

– Будьте проще, скажите ментальных пыток – заявила девушка – мне известны ваши тактики.

Доктор вздохнул.

– Семантика не имеет значения – сказал он – я весьма занятый человек и в моей жизни мало удовольствий, однако

заверяю вас, что не откажу себе в радости продемонстрировать вам мощь своего проекта и умирать вы будете с мучительным осознанием того, что у вас был шанс ему помешать, но вы не воспользовались им.

– Тогда я проживу как можно дольше – заметила девушка – к тому же не будьте столь самоуверенным. Вам не дано знать, как отреагируют главы правительств на столь... революционное начинание.

– У них нет выхода – ответил доктор – ни одна лаборатория мира не сможет произвести вакцину против вируса, без компонента, который спрятан в медальоне. Этот вирус задумывался для истребления, поэтому совершенен. Они примут мои условия, ибо знают, что в противном случае человечество обречено на отвратительное вымирание. Отвратительное в плане вида смерти.

– Любая самоуверенность порождает брешь, в которую можно нанести удар – нравоучительно сказала Наташа.

– Когда что-то делаешь сам – кивнул Аристов – безусловно, однако, я ведь ничего не делаю. Всё происходит по стечению обстоятельств. Я лишь слегка направляю нити и всё устраивается так, как нужно мне. Ваши друзья там внизу уже угодили в мою ловушку, а следующим туда попадетсся Флориан Штильхарт. Посмотрите на экран. Отсюда вы увидите крах всех ваши надежд.

Наташа никогда бы не призналась открыто, но весь разговор, она боялась смотреть ровно туда, и вдруг именно сейчас,

как будто в насмешку над словами Аристовы, экран мигнул и на нем замелькали помехи. Надо отдать должное доктору, он никак особо не отреагировал на это каким-то разочарованием, наоборот ситуация его даже заинтересовала, кажется.

– Значит правда – многозначительно сказал он, нажимая на одну из кнопок на своем кубическом столе, не пояснив, что он имел в виду под словом «правда».

С шипением открылась дверь и вошел плотный офицер, затянутый в военную форму, наперевес он держал пистолет-пулемет.

– Вынужден доложить – сказал он – некоторым бунтовщикам удалось проникнуть за пределы бокса.

Аристов сохранял спокойствие.

– Это прискорбно слышать – сказал он.

– Но заверяю вас, что проникнуть на верхние этажи невозможно – добавил офицер.

– Будем надеется, что эта неудача останется единственной – холодно улыбнулся доктор – отведите нашу гостью назад и усильте караул на третьем уровне.

Легкий кивок Наташе означал недолгое прощание с обязательным продолжением разговора. Значит третий уровень. Что там? Лаборатория? Или на этом уровне держат Анну. Ей бы очень хотелось узнать. Но как? Её вновь вели коридорами назад в камеру. Правда конвойный был только один. Ну и что с того? У неё даже пилочки для ногтей не было.

И тут вдруг Наташа совершила одновременно очень сме-

лый и очень глупый поступок, да что там глупый... он выходил за все рамки безумия. Проходя вдоль одной из галерей, девушка схватилась руками за трос закрепляющий рекламный плакат Департамента и сиганула в пролет. Она даже не успела подумать или понять, что именно произошло, как летела вниз. Трос, на счастье, оказался недостаточно длинным на два уровня, правда резкая остановка в воздухе чуть было не вывихнула девушки плечи. Некоторое время Наташа висела и раскачивалась, думая о вечном и насущном. В частности, как вернуться отсюда на галерею не рухнув вниз. Самое удивительное, что это ей удалось, и как раз вовремя, ей вслед уже неслись автоматные очереди. Кажется, ребята сообразили, что именно с ней произошло. Наталья едва не закричала от цепи событий, свалившихся на нее. Потом выдохнула пару раз, призывая себя успокоиться. Что бы это ни было, надо воспользоваться шансом. Не идти же в камеру, право слово.

* * *

Гигантские взрывы расцветали на площадке, которая когда-то была практически стерильным боксом. Кристина вслед за Ксенией и Александром вбежала в раскрытые двери ведущие в уже привычный стеклянный вестибюль и зону лифтов. Сверху над ними нависали длинные стеклянные балконы, идущие вдоль всего помещения. Остальных бой-

цов теперь вел Кирсанов, после такого обескураживающего предательства «Белки». Об этом не говорили, слишком жарким был бой, но общее чувство опустошенности, не давало людям оставаться на месте. Кристина чувствовала это. Выжившие удрученно и с явной долей подозрительности переглядывались между собой, но не стали разбираться, кто все еще верен идеям, а кто предатель. Они единодушно решили просто пытаться сохранить себе жизни – ради поставленной цели. От того места, где они стояли, во все стороны уходили в даль коридоры и там их встретила новая рота бойцов Секуритаты с тяжелым оружием. Обозленные ополченцы с яростью стали давать отпор.

– Продвигаемся к лифту! – крикнула Ксения жестом указывая Кирсанову на стеклянные капсулы. Сама она вместе с Верховским прикрывала людей огнем из двух своих «Браунингов» Стреляла она с поразительной, почти автоматической меткостью, словно в её голове был встроен прибор самонаведения. Кристина держалась подле. Её сияющий клинок взлетал и падал, поражая оружие врагов словно бы белым пламенем. Враги в ужасе бежали перед этим клинком и казалось одно только бледное сияние его приводило их в трепет. Кирсанов не мог оторвать от Кристины взгляда, его поражало какой она может быть разной и сейчас он видел её вновь в обличие прекрасной, но смертоносной амазонки, рука которой не ведала промаха, но при этом как удивительно для себя отметил Кирсанов, девушка никого не убивала,

она только лишала противника оружия и после что-то такое возникало, что заставляло того бежать без оглядки, не помня себя от благоговейного ужаса и трепета, который витал вокруг Кристины.

– Надо тренироваться – заключил молодой человек.

Дорога к лифту теперь была свободной, ополченцы старались не отставать, они может быть бы и отставали, но сзади стрелою несся Снори и подбадривал своим грозным видом, один его клык был погнут, другой сломан, на шерсти подпалины, но он был полон энтузиазма. Ополченцы бежали вперед, стрекоча своими ППШ по сторонам, но бой в вестибюле уже пошел на убыль.

– Уходим дальше – сказала Кристина – Александр Владимирович, лифт. Помните о плане.

Все повернули к ней головы, словно бы девушке было ведомо то, что не было ведомо другим.

– Та-а-к – протянула Ксения, перекручивая в воздухе «браунинг». Ты это к чему?

Ответом ей было мерное цоканье каблуков, из глубины одного из коридоров к ним приближалась тень. Время словно на секунду замерло и потекло вспять.

– Уходите – сказала Кристина – и сделайте то, что должны. Это мое дело.

Из-за спины охотницы высыпали СЕКуры и открыли огонь по отступающим в лифт ополченцам. Трех человек не стало сразу. Впрочем, Марианна Хорошевская не интересо-

валась ополченцами. Видно было, что её интересует исключительно Кристина. Леонова в душе понимала, что всё идет действительно по плану. По чужому плану.

Дождавшись, когда опешившие от неожиданности соратники по оружию придут в себя и покинут вестибюль, Кристина в упор посмотрела на свою соперницу, во взгляде, которой чувствовалось бездонное желание осуществить возмездие. Хорошевская, как всегда, была абсолютно уверена в своем превосходстве над противницей, поэтому не торопилась бы даже если бы была в ситуации, когда через пару десятков минут должен был произойти мощнейший взрыв всего здания, не совместимый с жизнью любой органической формы, находящейся вблизи от него. Кристина очень надеялась, что и окажется в этой ситуации. Она постарается задержать охотницу как можно на дольше. Сумеет ли выбраться сама, Кристину это не беспокоило. Конец всегда должен быть наступить, рано или поздно. Она положится на проведение и сферу разума, которую неплохо так изучила.

– Итак мы снова встретились – пропела Хорошевская – вы так поспешно завершили нашу встречу, Кристина Сергеевна, что между нами осталась некая недосказанность. Я рассчитывала вас увидеть и закончить прежний разговор.

Кристина широко улыбнулась в ответ.

– Я надеюсь, что в этом не будут нужны – светским тоном сообщила девушка – я бы с удовольствием приняла вашу капитуляцию.

Охотница сделала шаг вперед. Кристина видела смерть в холодных серо-металлических глазах и не придавала ей значения. Что есть смерть, когда вокруг неё Ноосфера? Что есть

охотница, когда вокруг нее Ноосфера. Мы выходим из неё в мир и уходим туда же, когда наша задача выполнена. Её задача ещё не выполнена, поэтому она не боялась смерти, для неё ещё было слишком рано. Культ Организации желал обратить этот мир в прах и воздвигнуть новый, Кристина и ей подобные боролись за сохранение гармонии старого мира, за его развитие и устойчивость. Нет её задача ещё не исполнена, поэтому она смеялась холодной смерти, что была Охотницей.

– В каких интересно случаях из десяти это ваша фраза имеет успех? – поинтересовалась Хорошевская – вы ведете себя очень глупо и предсказуемо.

– Это лишь ваше предположение – улыбнулась Кристина – вы уже заранее записали меня в ваши жертвы, хотя мы ещё даже не начали.

– Сегодня я разберусь с тобой, «Арнис» – прошипела Хорошевская – и заберу, то, что мне принадлежит по праву.

Кристина только всплеснула руками.

– Вот видите – мягко сказала она – вы опять предполагаете, а ни на чём не основанное предположение обычно ведет к неудаче. У нас всегда есть возможность выбрать правильно и неправильно. Бездумно начинать бой – это как правило второе.

– Посмотрим – вежливо кивнула Охотница.

Она пошевелилась и с тихим щелчком из её перчатки вырвалось смертоносное лезвие.

Клинки встретились, вычерчивая причудливые геометрические узоры. Удар-блок. Удар-блок. Удар-блок. Некоторое время в затихшем зале раздавался только звук метала. Движения клинков были легкие и естественные. Они жили какой-то своей жизнью, вырвавшись на свободу. Бой превратился в медленный танец, безусловно изумительно красивый для любого зрителя. Таковых только вот не было. А жаль, мелькнула мысль у Кристины. Она любила публику. Хоть себя показать.

Кристина нанесла удар охотнице в бок. Хорошевская вовремя заблокировала клинок и сделав сальто отступила в один из коридоров. Кристина помчалась за ней. Она поднажала с целью перехватить Охотницу возле коридора, но та резко затормозила и Кристина напоролась на мощный удар ногой, скатившись по боковой лестнице в какое-то техническое помещение. Охотница была уже там и ошеломляющей быстротой прыгнула, подобно тигру на свою добычу. Кристине пришлось занять глухую оборону, отбиваясь от выпадов, каждый из которых мог стать для неё фатальным.

– Неужели ты не понимаешь, что нас не остановить? – спросила Охотница – разрушишь один план и мы породим сотни новых. Как бы ты ни трудилась. Ты знаешь это и всё же противостоишь нам. Почему?

– Я добрая самаритянка, а вы злая самаритянка – заявила Кристина – в этом весь фокус борьбы.

– Ох уж эта ваша самоуверенность, Кристина Сергеевна

– прошипела Хорошевская – я даже уже скучала по вашей спеси.

– Я дам вам ещё пару поводов меня невзлюбить – широко улыбнулась Кристина.

Девушка извернулась, подсекла ногу Хорошевской, опрокидывая Охотницу на пол, но Мариана поймала рванувшуюся к ней Кристину и помогла той влететь в стену, проделав сетку трещин во внешнем стекле.

– Какая вы предсказуемая – посетовала Охотница.

В ответ на эти слова в глазах Кристины вспыхнула искра изумления. Она прыгнула через голову охотницы, и так стремительно, что показалось, как будто она исчезла. Лишь отчаянно крутанувшись, Хорошевская избежала отсечения собственной головы. Клинок Кристины прошел в миллиметре от неё.

– И упрямая – сообщила Кристина.

Клинки вновь встретились и вновь закружился идеальный танец. Казалось, бесконечная энергия струилась вокруг. Словно бы столкнулись две стихии. Кристина теснила Охотницу к одному из стеклянных ограждений. Два клинка прижались друг к другу столь сильно, что не выдержали давления и воткнулись во внешнее стекло, окончательно разбивая его на миллион кусочков. Очевидно, со стороны это было очень эффектно, только вот полюбоваться зрелищем Кристина не успела. Обводка, вторая, охотница была вынуждена несколько раз рассечь клинком воздух, а затем оба про-

тивника вывалились наружу, сквозь разбитое окно, в живущую своей жизнью генераторную комнату, которая решила аранжировать битву своим собственной антуражной музыкой гудения электрических стабилизаторов, шипением и столбами пара от котлов.

Там их клинки вновь встретились.

* * *

Анастасия Урусова пыталась контролировать себя. Самоконтроль это было одно из того, что ей никогда не давалось. Внутреннее кипение переполняло её, пока охотница шагала по однообразному металлическому коридору Департамента биологического благоустройства. То неуместное бахвальство, с коим Аристов всегда относился к окружающему миру вывело его собственный план из-под его же контроля. Удивительное сочетание гениальности и помешательства на собственной гениальности.

А эта Покровская не промах. Она умеет принимать дерзкие решения, не заботясь о последствиях. Такое качество может оказаться полезным. Урусова начинала понимать в чём необычность Натальи Владимировны. У этой девушки тяга к ярости. Её сердце, словно как печь, жар которой прорывается сквозь все заслоны, просто она пока сдерживает себя. Строит вокруг себя стену, не пропуская туда никого. Она боялась. Боялась, что даст этой печи, заменяющей ей

сердце, достигнуть критической температуры. Вот вам ещё один потрясающий эффект. Да безусловно за ней надо будет понаблюдать. Это не седая классика – Кристина Левонова. Та слишком погрязла в своих идеях о сфере разума и не может принять истину, поэтому её судьбы вскоре будет закончена. Гибель друзей и осознание собственной беспомощности приведет Наталью к истине, как привело когда-то саму Анастасию.

Но этот скользкий Аристов, как же он раздражал её. Это ведь он позволил девушке сбежать и всё из-за его бахвальства. Однако, впрочем, нужно отбросить призраки досады и недовольства доктором. Этот простак играет свою роль и внимание к его жалкой персоне было только пустой тратой энергии. Аристов не стоил внимания. Наталья Покровская стоила. Плохо было не то, что Покровская сбежала и свободно разгуливает по департаменту, а то, что ей теперь доступны некоторые знания. Знания, которые она может истолковать неправильно и это отвратит её от истины.

Рядом с ней засеменил офицер Секуритаты.

– Мы пока не обнаружили девушку, миледи – отрапортовал он – на верхних этажах и на уровнях пять и шесть её нет.

Анастасия равнодушно вздохнула. Что-то вроде эмоции из прошлой жизни, в которой она занимала никчемное место.

– Она здесь – спокойно сказала Охотница – ей некуда деться или убежать. Найдите её, прежде чем она сумеет добраться до атаковавших нас бунтовщиков.

Помещение сотряслось от взрыва. В нос ударил запах горелого и где-то посыпались осколки.

– Да и могу ли я предложить вам принять чуть больше мер по обороне комплекса. – процедила Урусова – ведь согласитесь, если его уничтожат, это несколько повлияет на ход операции.

Офицер что-то говорил в ответ, но Охотница уже не слы-

шала его. Её внимание было направленно, куда-то совсем в другое место. Она смотрела вдаль, словно бы видела нечто недоступное офицеру. Она продолжала слушать, но молчала.

– Миледи? – осторожно спросил офицер, ожидая самым разнообразных реакций. Оно и ясно, об этих девицах ходило столько слухов и все они были невегетарианские.

Губы Анастасии согнулись в странную и даже страшную усмешку на красивом безэмоциональном лице. Эту усмешку можно было почесть даже за удовлетворительную, если бы не, то состояние холодного мстительного бешенства, которое застыло в её глазах.

– Продолжайте искать беглянку – небрежно обронила охотница – и доставьте её мне.

– Как прикажете, миледи – услужливо заторопился офицер и даже изобразил нечто вроде поклона, больше для того, чтобы скрыть удивление. Его интриговало почему столько сил должно быть брошено на какую-то пленницу. Впрочем, он был слишком осторожен, чтобы задавать вопросы. Лишние знания не поощрялись в Директории. Офицер почтительно козырнул и убежал исполнять приказания.

Анастасия осталась одна и некоторое время собирала вокруг себя темную тишину коридора. Причина столь резкого изменения в её настроении была связана с фигурой мужчины, бежавшего на дальней галерее, которую заметила она и не заметил офицер, хотя может он просто не придал этому внимания. Мужчина бежал в составе небольшой группы,

поливая врага огнем из своего старенького ППШ. Значит он действительно здесь? Удивительно переплетаются линии настоящей и прошлой жизни. Что-ж, сегодня одна из них оборвется. В конце концов это так прекрасно освобождать себя от привязанностей. Любая привязанность держит тебя как камень, опускающий тебя на дно моря. Привязанность заставляет тебя жить обыденной жизнью мелочей, которые кажутся приятными просто потому, что кто-то сказал, что это приятно, но ты не получаешь от них удовольствие. Истинное наслаждение наступает тогда, когда ты определяешь правила и позволяешь самому себе поднимать градус этого наслаждения до предела. Только ты должен быть в центре собственного сознания. Этому учила Организация и это оказалось очень простым делом, только нужно избавиться от привязанностей. Они оказывают давление только через обиходную жизнь, откажись и от неё и тебе откроются глубинные двери твоего подсознания, уже заложенные в тебе, но скрытые обиходной жизнью. Если ты сможешь открыть их, ты сможешь всё что угодно. Ты станешь новым индивидуумом, совершенно не связанным с обиходным большинством, которое тебя окружает. Для этого просто нужно кое-что отпустить, а ещё кое-что забыть. Как будто этого не было. Не было никогда!

Анастасия позволила себе короткую усмешку. Она столь долго говорила, что прошлое не держит её, говорила это даже тому старому монаху, который так глупо пытался обра-

тить её назад. Пришло время доказать свои слова, и она закончит с прошлым. Раз и навсегда.

* * *

Наташа бежала по длинному коридору где-то в недрах центра, крепко сжимая пистолет-пулемет, позаимствованный у одного из СЕКуров. Чтобы отдышаться она прислонилась к какой-то нише, которая обеспечивала некоторое укрытие от бежавших в ту или другую сторону бойцов. Освободилась она, конечно, эффектно, ничего не скажешь, только вот куда ей идти она не имела ни малейшего представления. Это Департамент был похож на гигантский стеклянный улей, со множеством путей. Краткий обход окрестностей утвердил её мысли об этом, когда она несколько раз прошла мимо коридора с красной каймой и уже сама перестала понимать один и тот же этот коридор или они все разные. Наверное, если бы это была бы тюрьма, то она бы была идеальной, в том смысле, что из неё невозможно было бы сбежать. В прочем из любой можно, ей ли не знать?

Ей нужно было на третий уровень. Она почему-то убедила себя в этом. Но на каком сейчас находится она не представляла и указателей, разумеется, никаких. Тот коридор, в котором она находилась, заканчивался глухой стеной из стали и очевидно был внешним барьером, а другая сторона уходила вперед в зал, где селили люди в белых халатах. Хотя

она и не могла разглядеть что именно это за комната, линия компьютеров, стоящая там вдалеке предполагала хотя бы получение информации. Всё что её отделяло, так это группа застывших СЕКуров весьма неприветливого вида.

Может у неё и разыгралось воображение, но ей начало казаться, что это и есть искомый третий уровень, по крайней мере он был действительно защищен лучше остальных. Открытым оставался вопрос, а что, собственно, она хочет найти на этом третьем уровне. Вполне возможно, что там спрятана не Анна, а какая-то химическая гадость, которую лучше не трогать.

Девушка двинулась вперед по коридору, все время прижимаясь к стене, что на самом деле было малоэффективно, если бы кому-то вдруг взбрело в голову пойти ей встречу, коридор был слишком узок для того, чтобы в нем можно было бы спрятаться и только высшее проведение очевидно хранило её. Как, впрочем, и всегда. В конце концов в прошлый-то раз получилось.

Вскоре она обнаружила, что дошла до конца дорожки и после темного коридора ей в глаза ударил яркий свет. Она вновь прислонилась к стене и зажмурилась буквально на секунду, а когда зрение вернулась, девушка увидела, что она прислонилась к стеклянной стене куба. Наташа пригляделась что в нём и ужаснулась, заметив молодую женщину, жавшуюся в угол. Она истекала пеной из многочисленных язв и медленно теряла человеческий облик превращаясь в желе.

Покровскую чуть не стошнило. Впервые она видела вирус вот так близко. Это была абсолютно отточенная машина для массовых убийств. Каждый в этом учреждении занимался своим делом и даже не помышлял его бросить. Даже несмотря на то, что кругом шёл бой, ученые, работавшие здесь продолжали методично и хладнокровно следить за процессом уничтожения подопытных. Возможно, им и был отдан такой приказ.

Наташа оглядела помещение. Оно было сплошь заставлено такими стеклянными кубами и практически во всех были подопытные. Покровская вдруг вспомнила, что Штильхарт говорил о рассказе Анны, о том, что она помнит людей в белых халатах и яркий свет. Ну естественно! Скорее всего, она и появилась здесь на свет, точнее её возродили здесь. Почему так сочетаются гениальность и злодейство. Неужели все эти умения Аристов не мог употребить на созидание, а не во зло? Как же странно устроен наш мир. И страшно. Впрочем, об этом сейчас не следует думать. Это только отвлечет от главного. Если Анна появилась здесь на свет, то скорее всего её тут и держат. Это вытекало из простой формальной логики. Проблема была в одном. Проход через данную комнату неминуемо включал в себя самоубийственное столкновение с охраной, которая имеет весьма неприятную привычку стрелять по тебе и когда она столкнется с ними её неприятности закончатся. Навсегда.

Долго раздумывать над решением ей не пришлось. Ко-

ридор сзади неё отозвался гулким эхом военных ботинок. Группа солдат направлялась в её сторону. Наташа проглотила комок страха в горле и дернулась в сторону следующего куба, нос к носу столкнувшись с одним из людей в белых халатах, крутившегося возле кодового замка Мысль наставить на него оружие пришла как-то сама по себе.

– Я здесь провожу осмотр достопримечательностей – улыбнувшись сказала девушка – и просто сгораю от нетерпения увидеть ту пленницу, которую вы здесь держите.

Лаборант держался с достоинством.

– Ничего я не собираюсь показывать такому повстанческому отродью как ты – с презрением проговорил мужчина, даже не поднимая руки – с чего бы?

Девушка вздохнула. Жаль, что я не Гермiona Грейнджер и не владею виртуозно заклятием конфундус или что там позволяло управлять человеком?

– Потому что в противном случае я разнесу это бокс в крошево – пригрозила Наташа, слегка пошевелив оружием – и вся ваша гадость вырвется на свободу.

То ли её пистолет пулемет оказался прекрасным заменителем заклятия конфундус, то ли её лицо было настолько решительно в этот момент, но в любом случае лаборант не захотел рисковать и пренебрежительно кивнул.

– И ты ответишь на мои вопросы, ладно? – с улыбкой попросила Наташа.

– Что вы хотите знать? – бесстрастно спросил лаборант.

– Вы здесь держите эту девушку, Анну? – спросила она – зачем?

Лаборант качнул головой.

– Она опытный образец – сказал он – её кровь обладает особыми свойствами, она перекачивает больше воздуха, чем обычно, следовательно кровь не застаивается и не будут образовываться опухоли, если создать специальный ингибитор с этой кровью.

Наташа побледнела.

– Вы хотите сказать, что из девушки выкачают всю кровь? – с ужасом спросила она.

Лаборант кивнул.

– Как только мы получим указания от Доктора Аристово – сказал он – девчонка нужна ему для каких-то ещё целей. После чего, безусловно, материал будет использован для создания банка крови, клетки которой мы при необходимости сможем клонировать. Хотя даже запаса крови этого образца хватит на девяносто девять лет.

Наташа ошарашено поняла, что этот лаборант, даже под дулом автомата, говорит о проекте, как о любимом детище. Нет, они тут все положительно сумасшедшие, решила девушка. Для этих людей не существовало понятия сакральности жизни или сакральности смерти. Жизнь стала очень дешевой, где по заказу ты сможешь получить буквально всё что захочешь. Эти ученые здесь являлись теми самыми высшими представителями культуры отмены, когда все отменяешь,

что существовало до тебя и подвергаешь это циничному препарированию. Все уже придумано, зафиксировано, разложено по своим местам, только протяни руку и заплати. Для таких людей все окружающее это конструктор. Вот почему так царствует секуляризация, ибо такое отношение к окружающему миру допустимо только в одном случае, когда у тебя нет страха, кары и надежды на воздаяние по заслугам после смерти.

– Но она же ещё девочка совсем – удивленно прошептала Наташа – чего вы добиваетесь? Как можно вообще допускать такое?

– Ну, прям уж – пожал плечами лаборант – она всего лишь результат генетического эксперимента. Мы её создали, и мы ею владеем. Всё остальное ненужная патетика. Знаете, у всех людей есть общая особенность: они готовы на всё, чтобы выжить и здесь мы даем им эту возможность. Так или иначе. Мы все здесь инженеры человеческих душ. Один клон будет репродуцировать одну часть тела, а другой другую. Заверяю вас, что большинство примет такой исход.

В этой случайной и мимолетной встрече с убийственной точностью и как-то особо резко проявилось все то, что окружало нас. Вся бездуховная культура всеобщей безответственности перед чем-то непостижимым и непознаваемым, но перед самим вопросом веры.

Наташа нередко задумывалась над смыслом бытия, погружаясь в особую нирвану. Ей хотелось все исправить, она

тщетно напрягала мозг, и сдавливала виски в поисках решения простой истины – как уравновесить этот мир. Так поиски привели ее к религии, настоящему светлому чувству, основанному на принципах – дай, а не заberi. Оставь после себя не сожженную землю, а благоухающий сад. Работая в прокуратуре, она часто сталкивалась с сотнями преступников, желавших обладать имуществом или территориями. Мелкие сущности, заиклинные на своем либидо, беспринципные, и часто довольно умные, и хладнокровные. Она подолгу всматривалась в них, ожидая встретить в их лицах хотя бы намек ответа на свой вопрос, так долго мучавший девушку. Впоследствии происки ее сознания успокоились. Девушка обрела некоторое спокойствие. Ее духовный наставник отец Владислав был простым человеком, он верил в чудеса, и Наташа почему-то искренне верила ему: этому высокому сутулому старцу с добрыми глазами. Ей казалось, что из его почти бесцветных глаз струится само добро, само совершенство. От него девушка узнала о мучительной казни царской семьи, о гибели Анны и ее родных. Именно в тот момент Наташа почувствовала какую-то ответственность за происходящее давным-давно. Кто, если ни она, повернет время вспять, но не преследуя корыстную цель, а напротив, в целях спасения. Отец Владислав не раз повторял, что нужно огромное терпение, чтобы пройти через горнило людского бесчестия и бесславия, и при этом сохранить природные, данные богом качества: душевность, созерцательность.

Наташа решила унять эмоции.

– Если я не убила тебя прямо сейчас, то единственно поэтому, что мне нужен гид-экскурсовод, по вашему чудесному заведению – заявила она – в каком состоянии девушка сейчас?

– Она в искусственной коме – спокойно ответил лаборант – пока ей это ничем не грозит. Я могу её вывести из этого состояния, если желаете. Только ни к чему хорошему это не приведет, уверяю вас, барышня.

В голосе лаборанта чувствовалось неуместное для момента веселье.

– Вот это уж мне решать – сообщила Наташа – ведите меня к ней, или я уже не отвечаю за свои поступки!

Лаборант кивнул, безмолвно и равнодушно, словно бы он уже предупредил о каких-то последствиях, которые непременно случатся, если Наташа исполнит что задумала.

– Вы не можете быть настолько глупы, чтобы считать, что у вас все так легко получится, – сказал Лаборант. – Даже если вы освободите объект, вы не сможете покинуть вместе комплекс. Чтобы вы не запланировали, это не сработает.

– Тем более – сказала Наташа – раз всё против меня, так быстрее ведите.

Хорошо всё-таки, что не все люди имеют сильные интеллектуальные способности и крепкую волю, подумала девушка с облегчением, возобновляя движение. Что же до его угроз... Будем решать проблемы по одной, сказала она себе.

Неизвестно, что рассчитывал увидеть СЕКур, что замер перед стеклянной дверью лифта, но когда она с шипением открылась, то увидел он внушительных размеров приклад от ППШ. Его коллеге повезло куда меньше, он успел вскинуть свой автомат, но был сражен наповал очередью Кирсанова.

– Чисто – сообщил он.

Ксения кивнула.

– Разбейте видеокамеры! – скомандовала девушка.

Ополченцы, не вдаваясь в дискуссии открыли огонь по потолку сшибая на бегу полукруглые стеклянные сферы, вызывая снопы искр.

– Отлично – похвалил Верховский – но помните действуем строго по плану. Если не будем медлить, то у нас есть шанс.

Выражение его лица было по-прежнему мрачным, а тон готовым к любому повороту событий.

– Судя по плану, добытому нашим пушистым другом – продолжил мужчина – мы находимся на третьем уровне. Камеры карантина находятся здесь. Кропс рассказывал, что раньше Анну держали именно в них. Не вижу повода, почему Аристов стал бы менять это. Поэтому разделимся Ксения Игоревна, возьмите несколько ребят и отправляйтесь за Анной и подопытными, а я с остальными займусь закладкой за-

рядов. Не зря мы тащили с собой столько пластида. Жалко его везти назад.

Ксения легко кивнула и махнула Кирсанову, чтобы шел с ней.

– Кстати я давно хотел сказать... – начал Александр.

– Скажите, когда мы вернемся – улыбнулась Ксения – и будем отмечать победу. Я приготовлю пирог.

Авалова шутливо отдала мужчине честь и легкой походкой побежала дальше по коридору, увлекая за собой свой маленький отряд.

Светло-серые бетонные стены и стеклянный потолок вытянутого помещения при слабом свете казались истинным казематом, холодным и едва ли не сырым. Панорамные панели на стенах с изображением пейзажей только усугубляли ситуацию, делая окружение нереалистичным. Людей здесь не было, и тишину нарушали только шаги и дыхание ополченцев, осторожно продвигающимися вперед, к едва различимым дверям на другом конце зала. Ксения с подозрением поглядывала на вытянувшиеся с другой стороны атриума ниши. В бытность своей работы в оперативно-розыскном бюро, она изучала теорию тактических описаний, и в данном случае такие балконы как нельзя лучше подходили...

Звук выстрела оглушительно прокатился по залу, и голова одного из ополченцев с позывным «Швед» откинулась назад. Тело ополченца кулем свалилось на плитки пола.

– Снайпер! – закричала Ксения, зажимаясь к стене – не

высовывайтесь!

– К двери!?! – полувопросительно заявил Кирсанов.

– Если ты хочешь, чтобы тебе снесли голову – заметила Ксения – то прошу.

Раздалось еще несколько выстрелов, выбивающих крошку из пола. Авалова, прильнув к холодному полу ползком добралась до мертвого ополченца, что ещё сжимал в руках винтовку с оптическим прицелом. С трудом разжимая руки мертвеца, девушка схватила винтовку, сделав секундный взмах рукой тут же отдернув её. Блеснул красный кружок и грянул выстрел. Ксения на мгновение приподнялась и тут же упала навзничь. Прошло ещё несколько тихих секунд и вновь блеснул красный кружок, Ксения быстро вскочила на одно колено и прислонив окуляр к правому глазу, выстрелила. Раздался вскрик и всё смолкло. Девушка опустила винтовку.

– Эй, я тоже так хочу – поразился Кирсанов.

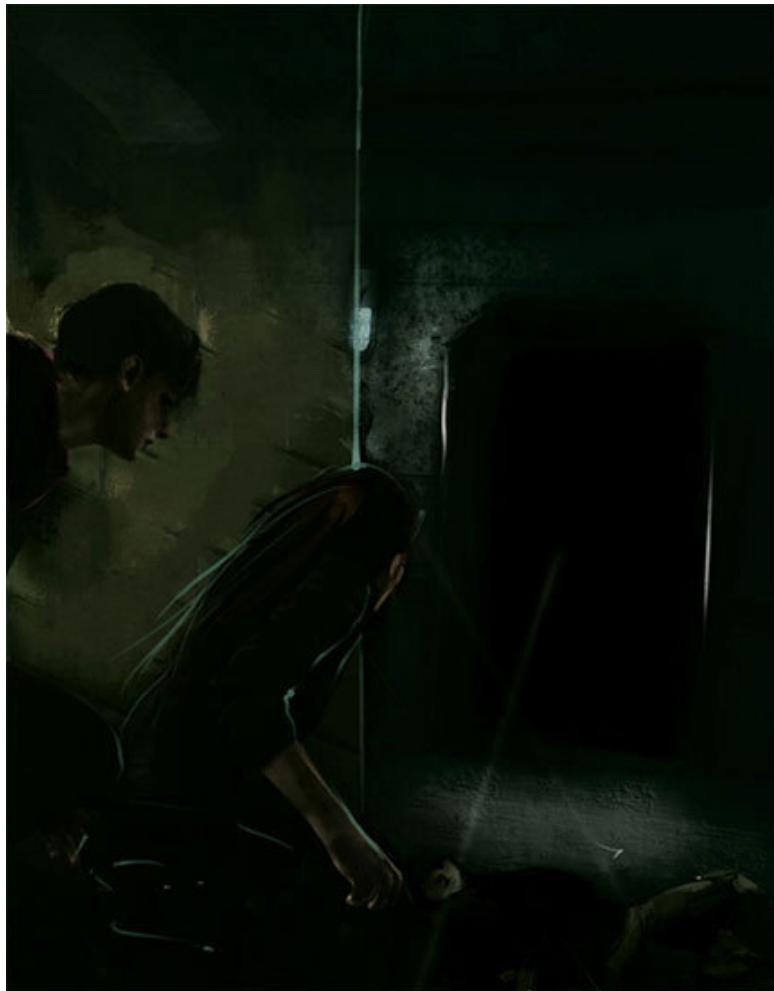
– Спешить нужно медленно, мой юный друг – нравоучительно произнесла Ксения – не пуская сотни пуль, надеясь попасть в цель, а думая.

Ответную реплику Кирсанова прервало неравномерное гудение и тревожное шипение Снори. Все повернули голову на звук кота. Со свистом и пискom из стен стали вылетать лучи высокой энергии.

– Лазерная сетка! – воскликнула Авалова – вот теперь надо торопиться. Бегом-бегом-бегом!!!

Отряд побежал по металлическим плитам, пытаясь опередить всё быстрее вылетающие красные лучи. Трое не успели. Их пересек луч и обугленные тела ополченцев пали вниз. Забрать их уже не было никакой возможности. Кирсанов последним сумел запрыгнуть за порог двери, знаменовавшей окончание злополучного коридора, прежде чем за диверсантами вылетел последний лазерный луч, образовавший причудливый смертельный геометрический узор и теперь коридор был словно опутан лазерной паутиной. Снори пренебрежительно отряхнулся.

Назад дороги не было. Впрочем, и вперед особо никто идти не торопился. От того места, где они стояли, во все стороны уходили в даль коридоры, и решительно непонятно было, какой из них выбрать.

– Куда теперь? – спросил единственный выживший ополченец с прозвищем «Боксёр». Кроме него рядовых бойцов в отряде не было. – Это тоже было в плане? Нас здесь перебьют.

Ксения покачала головой.

– Других вариантов, кроме как вперед все равно нет – жестко сказала она – нам нужно идти.

Девушка похлопала ополченца по плечу и тот заметно успокоился.

– Нам налево – махнул рукой Кирсанов – я узнаю это место. Мы были именно здесь с Анной, когда шли к терминалу. Только дай Бог, чтобы её здесь держали.

Откуда-то сверху раздался смех.

– Вот поэтому вы мне нравитесь, господа и дамы! – раздалось через громкоговоритель – с вами так удобно составлять любые планы. Вы четко им следуете, благодаря прямо-таки паталогической предсказуемости!

– Аристов! – прошипел Кирсанов.

– Да, это я – сообщил доктор – рад нашей встрече господа, хотя я немного не так её планировал, но, видите ли, здесь становится невозможно скучно и поэтому я решил организовать что-то вроде спорта. Я дам вам возможность выбраться отсюда. На крыше стоит транспортный вертолет и если сумеете добраться до него, то будете жить. Но... если я вас поймаю, то боюсь, мне придется вас казнить. В конце концов вы всего лишь потерявшие гражданские права паразиты. Мне

интересно сколько вы продержитесь. В конце концов я ещё никогда не играл в живые шахматы.

Авалова и Кирсанов переглянулись. Что это пустая бравада или какой-то очередной трюк. Если бравада, то по крайней мере хоть одна часть плана сработала и Аристов поверил, что они идут освобождать заключенных.

– Думаешь он говорит правду, на счет вертолета? – спросил Кирсанов.

– Абсолютную – сказал Аристов, раньше ответа Аваловой. – Уверяю вас, что в этом вопросе мне совершенно не нужно врать. Что же до ваших шансов, то, разумеется, это я гарантировать не смогу. – из динамика послышался смех. – Пусть начнется игра!

Ксения недовольно покачала головой. Всегда бывают два расклада: или играешь ты или играют тебя. Аристов поистине великолепно изображал давнюю стратегию: загнать жертву в ситуацию, которой он сможет управлять, дав то, что ей хочется. Он безусловно упивался своей властью здесь. Охота на людей всегда была несомненным атрибутом властолюбцев и элитариев. Но у этого была один просчет. Его жертва была ещё жива и свободна, а значит у неё была надежда.

Так Ксения и сказала вслух, словно эти слова могли придать дополнительных сил. В конце концов, все знали, что риск не вернуться велик. И вот как раз это знание оправдывалось. Значит, все шло примерно по плану.

Остатки группы продолжили движение вдоль ребристых

бетонных стен, шагая все быстрее и быстрее, уже отринув осторожность. Всё равно им более никто не встречался, ни СЕКуры, ни сотрудники, да и прятаться в этих коридорах было бессмысленно.

– Этот Департамент настоящая западня – задумчиво произнесла девушка – она построена таким образом, что подопытный практически не сможет сбежать, хоть и выбрался бы из бокса. Здесь начисто исчезает чувство времени и пространства.

– К счастью, мы не простые подопытные – усмехнулся Кирсанов – один раз мы их побили. Побьем снова. Аристов ещё пожалеет, что рассказал нам про вертолет.

Ксения мрачно пожевала губу.

– Надеюсь, ты прав – сказала она, придирчиво окидывая темный коридор впереди. Кругом стояла мертвая тишина и только где-то на высоких уровнях выла сирена. – Всегда нужно помнить, что и охотник иногда может стать добычей. Аристов забыл эту идиому. Так напомним же ему её, господи.

Если плохому суждено случится, оно обязательно случится, усмехнулась девушка, вспоминая старую поговорку.

* * *

Верховский бежал вниз по высокой стеклянной лестнице, не считая шагов. Сначала он пытался, но на сто втором сбился. Что-то невероятно сильное гнало его вперед. Какое-то

чувство внутренней уверенности. Когда-то в прошлой жизни, именно это чувство увлекало его ночными незаконными мотогонками. Он понимал, что играет свой последний акт. Как бы он ни закончился, для него лично он будет последним. Это не обязательно означало смерть. Просто Верховский знал, что сегодня наступит финал. Все его действия, ходы и замыслы были направлены ради него и больше, кроме этого финала его ничего не интересовало. Он не боялся наступающих на его группу солдат, он практически смеялся им в лицо. Они не могли остановить его финал. Потому что у всего должен быть финал, даже у самого маленького и ничтожного действия. Нестерпимо ужасно и несправедливо, когда доходишь до края, как ты считаешь, а там образовывается еще несколько поворотов. За финалом всегда начинается новое, это не обязательно конец. Финал – это финал. В его борьбе с Аристовым должна быть поставлена точка. Сегодня. Здесь.

И только одно беспокоило Александра. Кто-то резко вторгся в его стройную матрицу мира, который он себе определил. Не тот, кто бежал рядом, а тот, с кем ему ещё предстоит встретиться. Этот вторгшийся собирался оборвать линию. Удивительнее всего было то, что совсем немногих Верховский мог ощущать так. Только тех, кто были ему очень близки...

Это мысль ужаснула Александра, но он тут же прогнал её. Он никогда не любил врывающиеся химеры. Сейчас нуж-

но было сосредоточится на закладке зарядов, и чтобы не задумал Аристов, его ожидает сюрприз. Верховский искренне молился, чтобы паскудный доктор не догадался о некоторых особенностях плана диверсантов.

Отряд бежал без остановки мимо возвышающихся стен из стекла и бетона. Петляющий коридор вывел их в пустынное подвальное помещение, поистине впечатляющих размеров и наполовину затопленное. Пахло тоже соответственно – сыростью и застоялой водой.

– Кажется мы пришли своими путями – констатировал Александр, стягивая с плеч рюкзак – давайте прятать подарочки.

Быстро обследовав помещение и не обнаружив засад, ополченцы стали торопливо разделять взрывоопасное содержимое своих вещмешков.

– Взрывчатки у нас не так много, как хотелось бы – сказал Верховский – сможем ли мы охватить все точки, что скажешь, Лавр?

Один из ополченцев вышел вперед.

– Железно – сказал он, почесав переносицу и вытаскивая наспех нарисованную схему – здесь проходит газовый коллектор. Если сделать закладки тут и тут. – Лавр ткнул в лист бумаги. – Рванет так, что даже из космоса видно будет.

– Добро – бросил Верховский – минируем в трех местах, чтобы наверняка. Возьми двоих и отправляйся наверх, а я займусь низом. Таймер ставим на десять минут и это место

исчезнет навсегда.

Лавр нахмурился.

– А остальные? – спросил он – они успеют?

– Они знают план – отрезал Верховский – важно, чтобы мы не подкачали. Держи детонатор. Встречаемся здесь.

Мужчины кивнули друг другу и более ничего уже не говорили. Все знали, что надо делать и что поставлено на карту. Здание этого Департамента являлось символом с некоторой точки зрения и его уничтожение будет символом. Неизвестно сможет ли взрыв здания извинить мир, но он точно остановит его разрушение. Верховский устало вздохнул. Матрица ещё раз пробежала рябью в его сознании, но Александр не обратил внимания. При установке взрывчатки лучше заниматься только ею. Всё остальное подождет.

* * *

Другой человек не желала ждать. Она шла широким мерным шагом по бетонным плитам и её мысли были сосредоточены на определении местонахождения диверсантов. Точнее одного диверсанта. Сейчас ей нужен был только один диверсант. Всё остальное, вот теперь, её не интересовало и не важно было, что Организация говорит другое. Сейчас ей нужно это. Она хотела испытать эмоции, в последний раз. Расквитаться за всю свою исковерканную жизнь. Раз и навсегда. Она хотела заглянуть в глаза своему прошлому и отринуть

его. Стереть старый образ Анастасии Урусовой из базы данных окружающего мира.

Следует признать, что их план отнюдь не плох. Дерзок и смел. Здесь не только вечно прыгающий на иголках Верховский. Чувствовалась здесь легкая в своем интеллигентном изяществе рука Кристины Леоновой. Нет, такой себялюб, как Аристов никогда не поймет прелести её стратегий и этим он испортит свой же эксперимент. Впрочем, сейчас её это не должно касаться. Ей был нужен Верховский, чтобы последний раз заглянуть ему в глаза.

Охотница бесстрастно прошла мимо роты бойцов Секуритаты, которая застыла в ожидании команд. Думая о чем-то своем Анастасия кивнула солдатам, и они последовали за девушкой. Путь их очень скоро оказался перекрыт широкой дверью из матового стекла. Один из СЕКуров с офицерским шевроном на плече набрал код на цифровом замке и двери растворились во внутрь тускло освещенного мостика с уходящей вниз металлической лестницей.

Охотница остановилась на краю верхней ступеньки и несколько времени поворачивала голову из стороны, сканируя обстановку. В воздухе чувствовалось напряжение и страх. Анастасия упивалась ими, обволакивала ими себя. Верховский всю жизнь, сколько они были знакомы, учился преодолевать его. Когда именно этим он и заинтересовал её, но именно из-за борьбы со своим страхом он и предал её. Он так и не понял смысл страха, ужаса, отчаяния. Накапливай

их, пропускай через себя, а потом выпускай, заражая ими других и тогда они станут рабами не своих страхов, а твоих, тех, которые ты навязал им. Только тогда ты избавишься от страха.

Анастасия криво усмехнулась и после некоторого размышления повернулась к нетерпеливо переминающемуся бригадиру.

– Они там – сказала она – внизу. Скорее всего они попытаются заложить взрывчатку. Найдите их и обезвредьте бомбы.

Бригадир козырнул, и его рота быстро устремилась на поиски в указанные стороны. Очень скоро раздались крики стрекотание автоматов. Анастасия некоторое время потратила на созерцание шарящих в темноте фонарей, которые ползли по стенам в такт выстрелам, после чего медленно развернулась и направилась вниз по металлической лестнице.

Лавр тоже видел фонари и видел бегущих по лестнице СЕ-Куров. Он успел укрыться в тени одной из ниш до того, как группа вооруженных мужчин с невероятной четкостью и слаженностью прошествовала мимо него. Только это обстоятельство позволило ему остаться незамеченным и продолжить закладывать взрывчатку. Обстановка резко перестала быть мирной, а значит ему надо торопиться.

Внизу Александр и его группа почти закончили закладку, когда им по глазам больно ударил свет фонарей. Их нашли раньше, чем он предполагал.

Грянули выстрелы.

– Держите оборону! – прокричал Верховский – я займусь зарядами.

Его приказ был исполнен. Ополченцы стали стрелять в ответ. Несколько СЕКуров покатались по ступеням лестницы, но все равно преимущество по высоте давало именно директорским превосходство. Ополченцы были как на ладони и только проявляли себя своими выстрелами.

Неравный бой, тем не менее дал Александру шанс закончить начатое, если бы не спустившаяся по лестнице фигура, которая заставила мужчину переменится в лице.

Анастасия же в лице не менялась. Она спокойно шла мимо падающих от выстрелов людей и только одна мысль засела в её голове. Он здесь. Он определенно здесь. Он не может не быть здесь. Вся квинтэссенция его показного напыщенного благородства должна ему велеть быть здесь. Тем не менее, она внешне никак не проявляла заинтересованности. Она терпеливо ждала, когда он поймет.

Если бы Александр поступил сейчас по-другому. Если бы он отпустил прошлое и не обратил бы внимания... если бы он только так сделал, то безусловно всё пошло бы иначе. Не так. Он бы безусловно выполнил задание и выбрался бы, и, наверное, нашел бы некий другой, новый смысл для своего существования. Но вот Александр так не сделал. Перед глазами встали её черты. Изящное лицо, бархатная кожа, яркие глаза и её вечно звонкий смех. Её голос всегда тихий и лас-

КОВЫЙ...

И Александр не отпустил. Наверное, потому что он тоже нестерпимо хотел этой встречи. Должно быть и согласился он на всю эту операцию только ради этой встречи. Теперь это уже никто не сможет сказать точно, но возможно это было именно так.

Александр не отпустил. Он вышел из ниши, оставив рюкзак с взрывными зарядами на бетонном полу и окрикнул:

– Настя!

Это был даже не возглас. Это был крик души, шедший глубоко изнутри и содержащий сильнейшую и потому непонятную гамму чувств. Эхо от этого крика разнеслось по всему помещению и заставило замереть всех, кто был там в тот момент.

Замерла и фигура, словно бы соображая, а в верно ли она оценила, что именно к ней обращаются. Затем, фигура обернулась и подошла на несколько шагов вперед, и в свете тусклых ламп Александр увидел бледное и холодное лицо своей жены и пропасть разделяла их.

* * *

Наташа пихнула лаборанта стволом пистолета-пулемета. Даже не владея экстрасенсорными навыками, девушка ощущала его негодование по поводу того, что его так легко удалось схватить, да еще и заставить вести к тайной узнице. Без-

условно за ним стоило следить. Радовало то, что других источников волнений не было. По крайней мере здесь.

Укрываясь за стеклянными кубами им удалось избежать встречи с несколькими пробежавшими СЕКурами, которые, впрочем, были очевидно слишком озабочены своими приказами, чтобы обращать внимания на что-то ещё.

– Чего вы добиваетесь? – поинтересовался лаборант – Вы заодно с этими бандитами из Балторуссии?

– Я сама по себе – отрезала Наташа – просто мне очень не нравится, когда взрослые дяди обижают юных девочек.

Воспитание, знаете ли.

– Ну если тысячи жизней, которые можно спасти, с помощью крови одного клона вас заботит меньше – пожал плечами лаборант.

– Не стану вам возражать – заметила Наташа – скажу только, что это аморально. Вы готовы растить людей, чтобы делать из них батарейки и питать ими других людей и не надо мне говорить о торжестве науки и разума. Вся ваша здешняя наука и разум просто большой бизнес и ничего кроме.

Заветная дверь изолятора была совсем близко и почему-то совершенно не охранялась. Наташу это насторожило, но сдавать назад было поздно. Лаборант набрал цифровой код на двери и первым прошел внутрь, подгоняемый Наташей. Ещё не хватало, чтобы он меня сзади по голове огрел.

За дверью оказалось идеально стерильное белое помещение и абсолютно пустое. Посередине только стояла наклон-

ная платформа медного цвета, к которой была прикована за изогнутые ограничители юная девушка в длинном белом одеянии сходным с платьем. Её лицо поразило Наташу до глубины души. Одно дело слышать об этом или даже видеть фотографию, но чтобы вот так. Покровская совершенно точно могла сказать, что эта девушка – княжна. Ей было противно признавать это, но Аристов был действительно великолепен. Она никогда не видела ничего подобного. Вот уж действительно очарование зла.

Было так же очевидно, что с девушкой все в порядке, только она пребывает в управляемой «отключке».

Наташа нелюбезно ткнула лаборанта оружием.

– Быстро разбудите её! – Наташа буквально подпрыгивала на месте от нетерпения, её состояние сейчас очень напоминало спортсмена, который выиграл Олимпийские игры и должен взойти на высшую ступень пьедестала, – И не вздумайте навредить ей!

Лаборант нехотя кивнул и полез во внутренний карман, откуда достал небольшой несессер, из которого взял шприц и ампулу. Отломив наконечник и выпустив излишки воздуха, он набрал в шприц содержимое ампулы и вставил его в находящуюся в локтевом изгибе девушки канюлю. После этого содержимое шприца было медленно введено в вену Анны. Буквально через несколько секунд веки девушки дрогнули, а на щеках появился розовый румянец. Было очевидно, что в организме запущены метаболические про-

цессы, способствующие нормальному функционированию, в том числе мозга.

– Ограничители – приказала Наташа.

Лаборант равнодушно кивнул и методично открыл замки на оковах. Прошло несколько долгих секунд и Анна слегка прищуриваясь от достаточно тусклого освещения помещения, приоткрыла глаза. Она остановила взор на лаборанте, выразив нечто среднее между испугом и глубокой неприязнью и поняв, что её руки свободны решила накинуться на него с острым желанием придушить.

Наташа бросилась к девушке и сумела перехватить её руки, а главное, зажать рот, чтобы своим криком девушка не подняла всех на уши.

– Тихо-тихо – прошептала Наташа, прижимая девушку к себе – всё в порядке я друг.

– Друг – всхлипнула Анна, оценивая данное слово – откуда здесь друг? Кто вы?

– Я от Кристины и Флориана – сказала Наташа – я могу помочь. Вы в порядке? Сможете идти без посторонней помощи?

– Пожалуй, да! – в голосе Анны была некоторая неуверенность, которая, впрочем, очень скоро исчезла, потому что она почувствовала прилив сил в организме – да, всё в порядке.

Так, решила Наташа, девушку я освободила, а вот интересно, что дальше? Вряд ли это можно считать полной сво-

бодой, они ведь даже не выбрались из изолятора, а от Аристово можно было ждать всего чего угодно.

В этом «чём угодно» Наташа убедилась очень быстро, а заодно и в собственной удачливости. Пока она тут приводила в чувство княжну, то есть не княжну, а... в общем какая там разница. В общем пока она приводила её в чувство, она совсем забыла о паскудном лаборанте. Чего же было удивляться, что теперь он смотрел на неё с порога изолятора. С другой стороны порога.

– Дам совет, который тебе не пригодится, Покровская – сказал он – не поворачивайся спиной к дичи.

Тяжелая дверь закрылась прежде, чем Наташа успела что-то сделать, ну например пристрелить подлеца. Кажется, они здесь не слышали о правилах честной игры, а ещё кажется, что этот лаборант с самого начала знал кто она такая.

– Твое пленение весьма порадует руководство – сообщил ей через дверь лаборант – теперь у тебя будет вечность, чтобы поговорить с той, которую ты так искала, пока из неё не выкачают всю кровь. Впрочем, возможно и твоя кровь на что-то сгодится.

Лаборант захохотал, отходя от двери, а стоявшая за спиной девушки Анна в испуге осела на пол с белым как полотно лицом.

– Значит вот для чего... – проговорила она, чуть шевеля губами.

Наташа бросилась к девушке и обняла её.

– И думать забудь – порывисто сказала Покровская – я не позволю.

Интересно как, а? Впрочем, оружие они мне оставили, конечно. Только толку от него? Даже штурмовать изолятор не будут. Кинут гранату с усыпляющим газом и привет. Нужно что-то придумать и быстро...

Тем временем Лаборант с кривой усмешкой на лице направился к терминалу связи. Удачная встреча. Похоже ему светит повышение. Он давно был готов к более глубокому участию в проектах Доктора и теперь, после захвата Покровской он сможет требовать платы за свои труды. И к черту все возможные домыслы злопыхателей.

– Код 9–82 – сказал лаборант в динамик – я поймал подзреваемую в...

Ему не суждено было договорить фразу и повышения он не дождался. Сверху на лаборанта с визгом обрушилось что-то с шерстью и когтями. Лаборант отшвырнул не весть откуда взявшегося кота и попытался запустить в него склянкой с реагентами, но не успел, очередь из Томми-гана прошла его раньше. Склянка же влетела в стеклянную стену и взорвалась, оставив дымящуюся пробоину в стекле.

Ксения, сморщив нос от резкого запаха химии первой вбежала в карантинную зону. Ей вслед, держа наготове оружие, двигались Кирсанов и ополченец «Боксер».

– Ни одного пленника – с ужасом в голосе пробормотал Кирсанов – неужели они все мертвы?

Ксения пожала плечами.

– Возможно – кивнула девушка – Директория не оставляет свидетелей. Надеюсь, теперь ты это понимаешь. Впрочем, их могли и перевести в другое помещение. Кто знает, сколько здесь таких карантинных зон?

Авалова рысью подбежала к терминалу, бесцеремонно сбрасывая с консоли труп лаборанта, и стала проверять регистрационные списки, не обращая внимание на угрозы и требования, доносящиеся из динамика.

– Кажется я права – сообщила Ксения. – Записи о смертях, тут достаточно подробные, но у большинства пациентов этот статус ещё не указан, так что у нас ещё есть шанс отыскать пленников живыми и надеюсь не зараженными. Судя по всему, последняя поступившая партия, еще не была подвергнута обработке. Ну так здесь написано, по крайней мере.

– А Анна? – нетерпеливо спросил Кирсанов – нашла, где её держат.

– О ней информации нет – сказала Ксения – но этот лаборант выходил из третьего изоляторного блока. Возможно следует поискать там.

Кирсанов всплеснул руками, его лицо выражало ту крайнюю степень торопливости, что всегда свойственна молодым людям, помогающим юным девушкам. Даже если девушка – клон.

– Так чего же мы ждем!?! – воскликнул молодой человек – идем же быстрее.

Ксения строго посмотрела на напарника.

– Терпение, мой юный друг – сказала она – не забывай, что мы здесь не только ради личных чувств.

– Но ведь Анна... – начал Кирсанов.

– Именно поэтому крайне важно собрать как можно больше информации – сказала Ксения – здесь данные о различных мутациях вируса при изменении различных физиологических условий организма, где он развивается. Используя эти данные, можно без труда установить, что мы находимся не только в месте изучения вируса VOC-1, но и в месте его создания. Доказав рукотворность вируса, мы получим возможность борьбы с ним. Анна бы согласилась со мной.

Кирсанов притих, пока девушка изучала и скачивала инвентарные файлы. Проще конечно было бы забрать жесткий диск, но на нем вполне могла быть защита от несанкционированного подключения к другому компьютеру.

– Кажется всё – сообщила девушка – теперь у нас будет что показать прогрессивной общественности, так мечтающей о вакцине Аристова.

Сказав это, специально для всех, чтобы слышали, Ксения небрежно пальнула в терминал, вызвав ещё один сноп искр.

– Вот теперь за Анной – сказал она. – Пока не появились гости.

Кирсанова дважды упрашивать не пришлось. Он уже летел к изолятору. Открыл сначала одну дверь потом другую. Лабиринт комнат не путал его. Ему было некогда. Он ис-

кал одну нужную. Ксения специально ему не сказала всей информации, которую прочла в терминале. Заключенную в изоляторе должны были подвергнуть процедуре перекачивания крови, для чего образец 1, как было написано уже ввели в транс. Ксения увидела синхронизацию других похожих данных: девушка, рост, вес, происхождение, почти все сходилось на Анне. Только вот зачем такая процедура? И как они будут приводить девушку в чувство? Вот почему Кирсанову лучше об этом не знать. Возможно девушки уже и в живых то нет, если её ввели в состояние каталепсии, из которого уже не возвращаются.

Наташа слышала шорох за дверью и голоса, только не понятно чьи, а ещё выстрелы. Девушка передернула затвор и решила дорого продать свою жизнь. Чтобы там ни было, Анну она не отдаст. Пусть её сначала пристрелят.

Дверь открылась и в изолятор проскочили две пыльные и закопчённые фигуры с оружием на перевес. Наташа успела вскинуть пистолет-пулемет, прежде чем узнала в одной из фигур Ксению Авалову и тяжело охнула, опуская оружие.

Ксения была видно в неменьшем шоке.

– Ты-то что тут делаешь!?! – поразилась девушка, в свою очередь опуская «Браунинг».

– Сюжет для большого рассказа – усмехнулась Покровская – и увлекательного. Если кратко о том куда заводит правдоискательство и борьба за справедливость. Но об этом лучше позже. Помогите мне с этой девушкой.

Кое кого упрашивать не пришлось. Кирсанов уже бросился к Анне, которая заметно повеселела, заметив знакомые лица. Молодой человек подхватил девушку и вытащил её из Изолятора.

– Ты в порядке? – спросил Кирсанов с облегчением. – Что с тобой здесь делали? Они тебя пытали?

Анна помрачнела.

– Они пускали через меня электричество. – всхлипнула девушка – Заставляли. Чтобы я вспомнила! Я боролась, но все это... Они меня убили! Тогда... И напомнили об этом!

Кирсанов со злостью направил свой томми-ган на полукруглый глаз видеокамеры и выстрелом разнес его вдребезги.

– Доберусь до паскуды! – сказал он.

Анна положила руку ему на плечо.

– Давай не будем обо мне – сказала девушка – что вы здесь делаете?

– Не о тебе нельзя – улыбнулся Кирсанов – мы как раз пришли за тобой... ну почти.

Анна задумалась. Она попыталась найти слова, достойные того риска, на который пошли эти люди, чтобы спасти её. Анна упрямо пыталась выкинуть все подколы Аристовы о том, что она нужна только как носитель знаний о медальоне. Пусть даже так, но они рисковали всем и прорывались ради меня или даже моих знаний, о которых я, конечно, ничего не помню. Это же хорошо, да? В конце концов, совсем не пло-

хо, что она обладает знаниями для спасения других жизней. Мы все приходим в этот мир для чего-то? Её послали назад, чтобы она спасла других. Анна теперь вот это чётко понимала и начисто отрицала все инсинуации Аристова. Сказать что-либо подходящее она так и не смогла, а только стояла и удивленно смотрела на своих спасателей.

Покровская шмыгнула носом. Это конечно всё было очень прелестно, но вообще-то они в довольно неприятном местечке наводненным кучей вооруженных парней, каждый из которых мечтает сделать свой лучший выстрел именно в их головы.

– Я рада воссоединению – сказала она – но давайте отложим празднования до того момента, как мы окажемся километрах в пятидесяти отсюда, окей?

– Не могу не согласиться – кивнула Ксения – мы уже злоупотребляем гостеприимством нашего милого хозяина. Надеюсь, что Александр и его отряд уже заминировали здание.

– Верховский здесь? – опешила Анна – что же вы сразу не сказали? Быстрее к нему!

Девушка с завидной прытью прошмыгнула вперед остальной группы. Кирсанов же на секунду затормозил.

– А как же Кристина Сергеевна? – с тревогой в голосе спросил он.

Ксения отвлеченно кивнула.

– Не беспокойся – сказала Авалова – у неё есть запасной план.

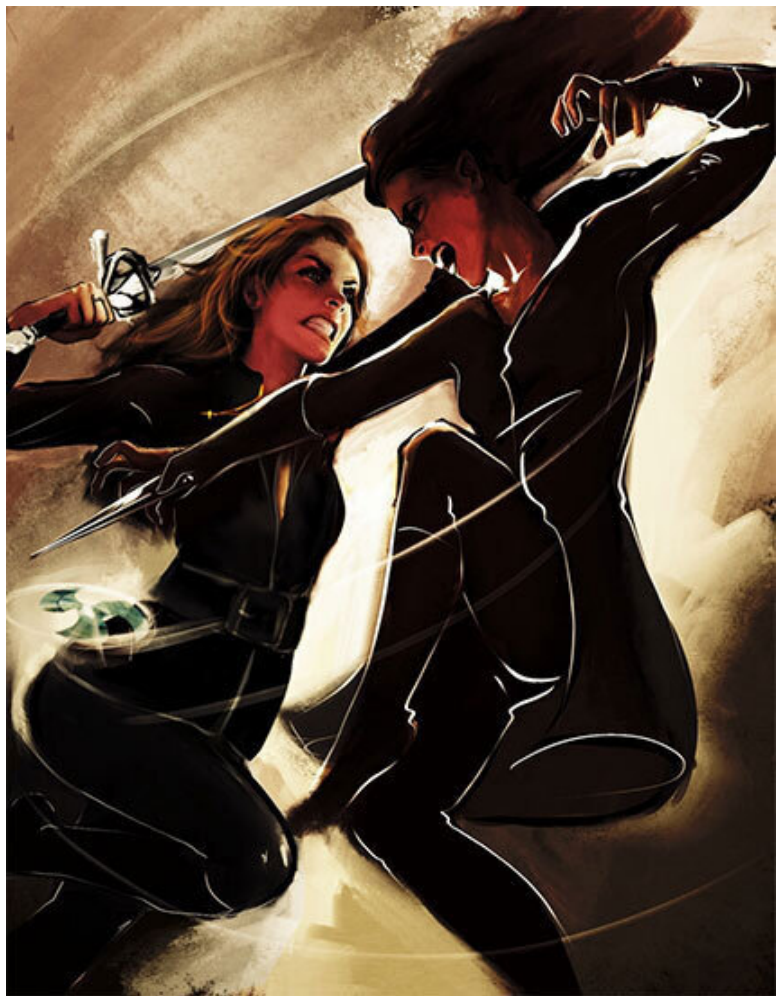
По крайней мере Ксения очень хотела в это верить.

* * *

Кристина преследовала Охотницу по узким мосткам генераторной комнаты. Клинки высекали снопы искр, когда соприкасались и наносили удары со всех сторон, как будто встретились два химических вещества. Посмотри на это Александр Дюма или Джордж Лукас непременно бы оценили.

Возможно, её техника владения мечом и не дотягивала до мастеров прошлого, но в ней прослеживалась элегантность, которую часто недооценивали её противники. В ней нет ничего от старых мастеров с их яркой и сумеречной яростью. Кристина Левонова – сочетание стильной грациозности и незамутненной страстности. Не двигательные навыки были основой её стиля, а холодная и спокойная голова. Дестреза, которой обучалась Кристина, предполагала прежде всего научный склад ума, способный осознать философию и христианский гуманизм, воспитывая в себе нравственные и этические нормы, умение быть сильным, способность наводить порядок как в своей жизни, так и в окружающем мире. Дестреза стала ответом на злую всепоглощающую мощь Организации. Кристина стала изучать её в ответ на собственную слабость – ограничение в себе этой мощи. Дестреза позволяла ей оставаться собой. Ей не нужно было становиться ка-

кой-то другой, принимать какие-то иные формы. Она включала голову и анализировала противника. Дестреза это наука, которая показывала, что от ошибок всегда есть предохранитель. Только научный подход мог гарантировать эффективность получится или нет. Здесь не надо было пробывать. Здесь надо было понимать.

И вот теперь, столкнувшись с разрушительной мощью Хорошевой, её вихрем смертоносной энергии, которыми были её атаки, Кристина просто была самой собой.

Клинки противников звенели, опаленные жаром битвы, в такт антуражу гудения генераторов. На мостках рядом с противницами высились стройные ряды колонн аппаратуры, оплетенной толстыми кабелями. Кое-где в рядах зияли провалы, а кабели заканчивались грубыми мотками изоленды. Теперь Хорошевая взялась за неё всерьез. Каждый удар был настолько силен, что Кристина тратила огромные усилия просто чтобы устоять на ногах несильно помышляя идти в атаку.

– Совсем неплохо, для министра просвещения, – оценила Кристина.

– Да, девочка, – оскалилась Марианна. – Игры закончились.

Кристина отбила очередной яростный удар Хорошевой двуручным блоком и от души пихнула ногой, заставляя Охотницу немного отступить. На лице Марианны мелькнуло холодное изумление.

– Вы действительно недурно обучены – заявила Охотница. – Мастерство человека видно по его поступкам, а не по знакам различия.

– Я умнее вас – вежливо улыбнулась Кристина.

Охотница застыла посреди мостика и с презрением посмотрела на соперницу.

– Я убивала многих, кто говорил так же – отрезала Марианна. – Не вижу повода оставить в живых вас, Кристина Сергеевна. Вы идеалистка и жертва опасной, но привлекательной лжи. Вы не знаете правды Ноосфере, вы её себе придумываете и ведете на ненужную гибель сотни людей, во имя ваших сказочных идей. Вы опасны!

– Хаос и разрушения, которые вы чините – сказала Кристина – не решат проблемы, но только поднимут против вас больше людей, которые устали от насилия и жестокости и хотят гармонии и спокойствия.

Хорошевская громко засмеялась и одарила соперницу ледяной улыбкой в которой даже мелькнуло уважение.

– Вы учились по книжкам, Кристина Сергеевна. – сказала Охотница. – Верю даже, что по лучшим, но у вас совершенно нет практического понимания окружающего. Знаете почему? Вам недостает сил действовать, на основе того, что вы почерпнули из взаимодействия теорий, которые изучили. Мы действуем, и поэтому люди пойдут за нами. Они всегда идут за нами.

Кристина вежливо кивнула, не сводя взгляда с клинков соперницы, понимая, что, если она отвлечется, Охотница тут же их пустит в дело. С другой стороны, разговор это всегда неплохой способ отдохнуть.

– Практика поначалу приносит легкие и ошеломительные результаты, которые опьяняют сознание – сказала девушка. – Однако, не видя ошибок в собственном понимании процес-

сов и не признавая их, отягощаешься невежеством и примитивными мыслями, например о контроле сильного над слабым. Не вы первые, не вы последние.

Особое внимание в испанском фехтовании уделялось психологическому состоянию бойца. Дестреза вырабатывала хладнокровное и спокойное поведение. Также, один из принципов дестрезы объяснял, что необходимо попытаться вывести соперника из психологического равновесия. Уж что-что, а это она умеет.

По крайней мере, сейчас сработало.

Взревев, Охотница бросилась на Кристину, но та исполнила на полу одинарный сальхов, и Хорошевская влетела в аппаратурную колонну. Полетели искры и замигал свет.

– Видите – ослепительно улыбнулась Кристина. – Я снова умнее вас!

Хорошевская сгруппировалась и вскочила на ноги, сканируя взглядом мостик. Кристины нигде не было видно. Она исчезла в полутьме.

– Где же ты маленькая свинка? – прошипела Марианна. – Прятаться это так неспортивно.

– Как учтиво с вашей стороны – раздался голос Кристины, откуда-то из пространства генераторной – порок сильного заносчивость.

Хорошевская стала выразительно прохаживаться вдоль искрящихся проводов.

– Вы не сможете прятаться вечно – заявила Охотница –

рано или поздно вас найдут. Предложу честный обмен: Отдайте мне камни и можете уходить отсюда на все четыре стороны.

– Вы сама доброта – пропела где-то в комнате Кристина – что вам в этих камнях? Коллекционируете?

Хорошевская злобно прищурилась.

– Вы напрасно разыгрываете из себя спесивую невежду, Кристина Сергеевна – сказала Охотница. – Я знаю, что вы очень о многом догадываетесь, что касается вопроса этих камней. В том числе и о том, о чём, вы не считаете нужным рассказывать своим прислужникам.

– У меня нет прислужников – изрекла Кристина. – В этом, между нами, разница, главная наверное.

Хорошевская всё вертела головой, пытаясь определить, где её соперница. Неожиданная смена формата поединка сбила её с толку.

– Не будем вдаваться в семантические споры, – усмехнулась Марианна. – Смысл того, о чём мы говорим, не меняется от образов, которые мы используем. Мы здесь с вами потому, что обе выполняем одинаковую функцию, просто вы пока этого ещё не поняли. Знаете, я поделюсь с вами одной мыслью, которая пришла мне в голову. Я изучала вопросы социальных отношений и пришла к выводу, что люди в принципе неспособны к самостоятельной форме гармоничного существования, ибо любое существо на Земле и даже уверена в галактике, получив так называемую свободу пытается жить

самодостаточной и полной жизнью, однако человек обретая свободу, считает свою свободу выше свободы любого другого существа и весь смысл человеческого существования состоит в том, чтобы забрать свободу у окружающих его и обеспечить собственную абсолютную свободу, исключительно для себя. Следовательно любая мысль о каком-либо самодостаточном устойчивом мире не только утопична, но ведет к гибели человеческой цивилизации, поскольку человек в принципе не приемлет мир, в котором не будет войн, крови и хаоса. Единственная возможность построения гармоничного мира – это передача свободы и выбора людям, которые установят над этой свободой человека тотальный контроль и будут позволять человеку делать лишь то, что не повлияет на установленную гармонию, препятствуя уничтожению мира. Организация таким образом всегда выступала за порядок и человеческое процветание, а примитивная концепция веры в благочестие всего и вся, которой вы следуете как вирус разъедает человека и смущает его разум, показывая иллюзию несуществующего мира. Мы – это лекарство против пагубных стремлений и мыслей человека, которые вы поощряете. Его естественный блокиратор.

– Я в восхищении от вашего анализа – раздался голос Кристины – но ожидала чего-то менее примитивного, чем ваши зашоренные рассуждения о контроле.

– Только одна вещь остается для меня непонятной – продолжала рассуждать Охотница. – Как вы, человек которому

открылась правда, решили пойти против нас. Неужели вы думали, будто эти... доведенные до отчаяния и скотского существования бунтари смогут нанести нам хоть какой-то реальный ущерб? Вы, с вашими знаниями, не могли не понимать ошибочность ваших действий, лишенных всякого шанса, и пригодится в строительстве нового и справедливого мира. Вы могли бы стать индивидуальной частью целого. Частью великой системы. Но вы предпочли удел маргинального меньшинства в обществе Верховского и его шайки, закончив свою жизнь весьма бессмысленно. В чем же причина?

Где-то сверху раздался смешок.

– Забыли? – поинтересовалась Кристина. – Я умнее вас!

Охотница зарычала вполголоса медленно и осторожно ступая по мостику, пытаясь понять куда же делась спесивая девица. Этот нудный разговор пора было заканчивать. Фарс, разыгрываемый ей, неожиданно и необъяснимо из забавного превратился в смертельно опасный. Слишком долго эта девица тянет время и удерживает её здесь. Кристина Левонова нашла в этом поединке самого неожиданного союзника, которого можно было представить – время.

Марианна бесшумно перемещалась от одной колонны к другой, но не слышала даже шороха соперницы, словно бы та растворилась в пространстве, оставив, от себя материальной, только голос, как Чеширский кот оставлял улыбку.

Что-то за звякнуло вверху и гулкое эхо влилось в музыку генераторов. Охотница резко развернула голову и нако-

нец увидела Кристину. Она стояла на дальнем конце мостка и вежливо поглядывала на противницу, расслабив плечи и опустив свой меч.

Марианна посмотрела на Кристину.

Кристина посмотрела на Марианну.

Слова здесь были абсолютно лишними. Подобно старому вестерну каждая стояла и ждала, когда её противница что-нибудь предпримет.

Резко выбросив руку вперед, Охотница отправила в полет свой боевой диск. С дикой скоростью оружие, раскрывшись в воздухе, полетело в сторону Кристины с явной целью снести девушке голову. Секунды спустя послышался глухой удар и треск. Лицо и фигура Кристины моментально исказились и разлетелись на множество осколков. Это было зеркало. Девушка отразилась в зеркале. Поняв, что её провели самым простым трюком в мире, Охотница подбежала к осколкам, чтобы убедиться окончательно и подобрать диск.

Тут произошло сразу несколько событий. Марианна схватилась рукой за поверхность диска, и в этот момент Кристина, не мешкая и не задумавшись, стрелой вылетела откуда-то из-за угла и перекувырнувшись, нырнула в другой угол, метнув к диску оголенный искрящийся провод.

Пальнула мощнейшая вспышка. Диск разлетелся на куски. Искрящийся поток энергии вырвался наружу, бело-голубыми молниями охватывая охотницу и даже её рефлексы не были способны тягаться со скоростью света с коей электри-

чество сжигало её холодные, прекрасные черты.

Затем то, что от неё осталось – пустая, обугленная оболочка, рухнуло на металлический пол, и всё стихло.

Кристина очень долго отлепляла себя от холодного металла. Взмокшая от жары одежда неприятно липла к телу. Некоторое время Девушка ещё лежала на спине, слушая ровное гудение генераторов, пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха в стянутые легкие, и наслаждалась тем, что все еще жива.

Медленно она кое-как встала на ноги и отряхнулась. Вложила меч в ножны, оглянулась на останки Охотницы.

– Я же говорила, что умнее – посетовала Кристина. – А ты мне не верила.

Что-то блеснуло возле обугленной руки. Кристина нагнулась и подняла предмет – красивый и крупный топаз, отливающий ярким голубым сиянием. Он был горячий и немного дымился. Девушка быстро сунула камень в карман и ещё раз посмотрев на охотницу, сокрушенно покачала головой.

– Как... – она искала достаточно унижительное словечко из своего словарного запаса. – Как неэстетично!

Кристина тяжело вздохнула и побежала в направлении лифтов. Пора было пойти и выиграть это сражение.

* * *

Двигаясь бодрой рысцей по коридорам, ведущая группу Ксения считала шаги до площадки с лифтами – их отходному пути из здания. Авалова уже серьезно считала, что пора уйти с этой вечеринки, если повезет, то лифт отвезет их на крышу, где, судя по обещаниям Аристова, стоит транспорт-

ный вертолет. Не то чтобы она очень верила доктор, но разведчики, которых посылал, перед их визитом сюда, Верховский, сообщали как минимум об одном вертолете, и он стоял на крыше, а значит есть шанс, что заманивает их в игру Аристов реальным призом, вероятно полагая, что не будет никого, кто бы этот приз пришел получить. Ксения очень хотела убедить его в обратном. Просто сгорала от желания.

– Поверить не могу, что мы так слепо идем на сделку с этим докторишкой – проворчал Кирсанов, заметно приободрившийся в присутствии Анны. Сейчас он пребывал в таком окрыляющем состоянии, которое древние поэты воспевали с большой готовностью. Это весьма редкое, по нынешним временам, для молодых людей состояние порывистой влюбленности, готовности отдать всё за объект милый объект обожания, даже немного забавляло Ксению, ведь в конце концов именно такое состояние дает самый сильный заряд положительной энергии, столь необходимый в их ситуации – абсолютного фатализма.

Авалова окинула напарника скептическим взглядом.

– Не думаю, что сейчас у нас есть альтернатива – пожалала плечами девушка. – Если, конечно, ты не обрел способности трансгрессии, как герои Гарри Поттера, ну или возможно у тебя в кармане завалялся телепорт или мантия-невидимка?

Насупившись по поводу ситуации, Кирсанову пришлось признать, что ничего из перечисленного у него нет и способностей к трансгрессии тоже.

– Ну раз так, то давайте все же следовать моему плану – посоветовала Ксения.

– Лишь бы ты его опять не изменила – посетовал Кирсанов, кивая спасенным девушкам – Похоже, что они с Кристиной Сергеевной стоят друг друга, я имею в виду в точности исполнения планов.

– Не сомневаюсь – весело засмеялась Покровская – но всё-таки неплохо было бы этот план узнать, чтобы понимать от чего мы потом откажемся. Надеюсь, он у вас есть.

Ксения вздохнула и торопливо пересказала, что им предложил «голос Аристов».

– И вообще наш мозговой центр сейчас выясняет отношения с Охотницей – заключила девушка.

Наташа насупилась.

– Знаю – нервно сказала она. – С Анастасией Урусовой.

– Отнюдь – бросила Ксения и тут же расширила от шока глаза. – Ну-ка повтори, что ты сказала! Причем тут Урусова?

Она же погибла?

Наташа вздохнула. Вот понимаешь, самое время, конечно, чтобы поражать товарищей по побегу сюжетными поворотами в стиле «Люк! Я твой отец».

– Вовсе нет – хмуро сказала Наташа. – Не погибла. Я её видела, как вижу вас. Верховский только думал, что она на его стороне, на самом же деле она была любовницей полковника военной разведки Великоруссии Воротынцева. Он один из членов так называемого «комитета чрезвычайного положе-

ния», который стоит за событиями в Московске. Воротынцев связан с Организацией, и именно Организация замешена в том, что происходит сейчас в Великоруссии. Не знаю, когда у них всё завертелось с Урусовой, но совершенно очевидно, что она предала Верховского. Это Воротынцев заставил её.

– Боже, сколько событий-то сразу, а? – пробормотала Ксения.

Вот действительно, Наташа нашла, чем удивить. А знает ли это Верховский? Если знает, то почему не сказал? Глупый вопрос, Ксения Игоревна, ты сама понимаешь, Верховский всё знал с самого начала и потому так легко согласился на такое безнадежное дело, как штурм Департамента. Он нас в очередной раз использовал. Ему надо было не только добыть вакцину, но и разобраться с Анастасией. Действительно, её же тогда так резануло, когда Верховский сказал, что должен самолично разобраться с Аристовым. Нет, не про Аристова он думал в ту минуту. Он знал или догадывался, что Анастасия находится в Департаменте. Возможно знал, что сюда привезли Наташу. Знал и даже не сказал ни слова. Ах как это на него похоже. Ксения чувствовала себя невероятно паршиво, теперь. Если бы она знала раньше, что ей поведала Наташа, она бы близко Верховского не подпустила бы к Департаменту. Нельзя давать волю чувствам и эмоциям в таких делах. Чтобы не происходило в странной и запутанной жизни Анастасии Урусовой, Верховский непременно винил, в этом, только себя, а значит в решающий момент его рука дрогнет и

если Наташа права, и Анастасия действительно стала Охотницей, то участь Верховского незавидна.

– Где сейчас этот Воротынцев? – задумчиво нахмурив лоб спросила Авалова.

Наташа пожала плечами.

– Надеюсь, что там откуда не возвращаются, – сказала де-вушка. – Но я не уверена.

Ксения хотела что-то сказать, но осеклась. Внешнее движение в полутьме она почувствовала раньше. Уж в чём-чём, а в плохой реакции её точно не обвинишь. Лишь только Авалова слышала легкое шуршание сапог впереди, она сделала жест остальным и замерла сама. Шедший или шедшие впереди тоже остановились, где-то впереди, что – то блеснуло.

– Ну – осведомился неизвестный голосом Кристины – так и будем друг на друга смотреть? Может всё-таки уберемса отсюда? И я вас прошу друзья, будьте осторожнее с оружием. Не надо направлять его на меня. Я совершенно не заслуживаю такого обращения.

Снори услышав голос, кинулся вперед, а через несколько секунд беглецы смогли лицезреть обладательницу голоса, вышедшую на свет. Кристина была изрядна взмылена и потрепана, но здорова и даже цела, в плане рук и ног.

– Что произошло с Хорошевой? – недоверчиво осведомилась Ксения.

Кристина махнула рукой.

– У неё искры из глаз посыпались от собственного тще-

славия – с ехидной усмешкой сообщила девушка. – Как дела у Верховского?

Ксения покачала головой. Она бы тоже хотела это знать.

– Не знаю – честно призналась она – мы разделились и больше от него никаких вестей. Зато мы нашли важного информатора. Не заметила?

Авалова сделала легкий реверанс руками в сторону Покровской.

– Я слышала – кивнула Кристина, приветственно улыбаясь Наташе. – Выходит, что Флориан всё-таки тебя нашел.

Покровская пожала плечами.

– Было непросто ему поверить – сказала девушка. – Но я справилась. Помогло твое письмо. Хотя я не понимаю, почему ты не попросила меня лично. Обратись ты ко мне напрямую и разъясни всё, возможно многого бы удалось избежать.

Кристина пожала плечами.

– Твой упрёк справедлив – согласилась девушка, вздыхая. – Но я сама была не уверена в правильности своих действий. Слишком много лжи и недоверия сеет Организация. Я уже не могла знать что-то наверняка. Впрочем, возможно, так оно и лучше получилось. Не уверена, что иной путь был бы лучше. Теперь мы знаем больше, чем вначале и больше, чем хотел Аристов. Правда от этого только тревожнее.

– И обо мне – подала голос всеми забытая Анна. – Вы ведь знали обо мне, да? Даже не пытайтесь отрицать.

Так начинается, простионала про себя Кристина, ну почему

всё необходимо объяснять в самых экзотических местах.

– Не до конца – сказала девушка, кстати вот чистую правду. – Я понимала кем вы можете быть, но не знала точно. Верховский – он знал и подтвердил мне.

Анна помрачнела. Ей, вероятно, хотелось услышать нечто другое – какую-нибудь отговорку или даже откровенную ложь. Оно и понятно, любому бы хотелось. Найти бы того доброго человека, который ей правду рассказал.

– Значит это правда – прошептала Анна. – И я всё-таки клон.

Кристина улыбнулась с терпеливым негромким спокойствием, которое любой истерзанный пациентом психотерапевт распознал бы с первого взгляда.

– Мне кажется, что это не важно – сказала она – ты та, кто ты есть.

Анна шмыгнула носом.

– Лучше бы меня вообще не было – сказала она – и ничего тогда бы не было другого. Уже само мое создание – это преступление Аристово.

– Вы не первая, кто говорит такое – мягко сказала Кристина. – Так сказал бы любой, кто отмечен бременем, но это не нам решать. В нашей власти только понять, что с ним делать. События не происходят просто так, но по строго заданной логике и определяются более благородными и мудрыми силами, чем тщеславная воля Аристово. Вы должны были вернуться в этот мир и завершить свое предназначение, а как

именно решать исключительно вам. Это ободряет, не так ли?

Коридор, по которому они двигались, стал расширяться. Возле площадки с лифтами было тихо. «Боксер» махнул вперед рукой, жестикулируя, что можно продолжать путь. А вот когда беглецы стали вызывать лифт, их ожидал сюрприз – ни одна из кабин не работала, но все были отключены, как бывает, если кто-то вырубил питание.

– О нет, мои добрые господа, – прошелестел сверху голос Аристов. – Это будет слишком просто. Вам нужно придумать, как выбраться.

Кирсанов подавил в себе гневное желание заорать на все здание, что он думает об этом «напыщенном индюке», как он его мысленно называл, и раздраженно ткнул рацию. Она не поддавалась. Кирсанов потыкал ещё. Проклятый прибор не желал работать и раздавал трескотню.

– Они глушат наши сигналы – обреченно заявил молодой человек – скорее всего, знают, что мы разделились. Похоже Аристов просчитал ваш план, Кристина Сергеевна.

Легкий юношеский упрек был произнесен почти с торжеством молодого задора и нахальства, подумала Кристина. Что же опрометчивые упреки, надо исправлять самостоятельно.

– Держу пари, что если мы и попадем в лифт, то наверху нас будет ждать веселая компания – заметила Ксения. – Что будем делать?

Кристина пожала плечами.

– Ждать чуда – хмыкнула девушка.

Наташа многозначительно кашлянула.

– Коридоры, по которым я сюда проникла, выглядели гораздо гостеприимнее, но по ним дольше – сказала она.

Кристина скептически оглядела Покровскую.

– Разве тебя не держали на этом же уровне? – поразилась девушка.

Наташа всплеснула руками.

– А что я пытаюсь вам сказать, уже последние несколько минут? – язвительно поинтересовалась депутат. – нет, может быть, меня и держали тут, но меня доставили на милую беседу к Аристову и когда вели назад от него, я сбежала.

– Или вас отпустили, чтобы мы вам доверились, и вы нас завели в ловушку – подал голос Кирсанов.

Все громко рассмеялись предположению молодого человека, что явно смутило Кирсанова. Он презрительно надул щеки и что-то пробурчал под нос.

– Мы и так в ловушке и тут уже не приходится выбирать – констатировала Кристина и кивнула Наташе. – веди нас своим путем.

Кристина усмехнулась своему прошлому, вспомнив как они со Штильхартом в похожей ситуации выбирались из клиники Тополевича. Вот бы и в этот раз так получилось.

Теперь они шли в перпендикулярную от лифтов сторону. Это единственно, что отличало их нынешний путь от того, что они проделали раньше. Коридоры же были абсолютно од-

нотипны. Департамент всё больше напоминал тюрьму. Хотя почему напоминал, он и был настоящей тюрьмой для разума, где у человека исчезала любая креативная, независимая мысль, подобно цитаделям Моргота – Ангбанду или Утумно, воспетых Толкиеном в великом Сильмариллионе.

И вот коридоры кончились, по крайней мере закрытые. Следующий коридор был с одной стороны полностью стеклянным и через его внешнюю стену, открывался поистине шикарный вид на дымящиеся отопительные системы, а ещё на кучу спящих внизу солдат – самый утверждающий момент.

Двигаться старались тихо, чтобы не привлечь внимание к своему укрытию, хотя Кристина боролась с желанием узнать, чем именно так интересуются солдаты внизу. Впрочем, иногда любопытство вредно для здоровья. Если Верховскому удалось выполнить свою часть задачи, то очень скоро все вопросы отпадут сами собой.

Они дошли до середины стеклянного коридора, как дорогу им перекрыла чья-то широкая фигура. «Боксер» уже хотел открыть огонь, но фигура вскинула руки и шепотом проговорила.

– Свои – свои!

«Боксер» опустил свой ППШ и к ним навстречу вышел «Лавр». Он был в копоти, грязи и с крайне встревоженным лицом.

– Верховский – глухо сказал он. – Они схватили его. Вон

там.

Ополченец стал тыкать пальцем вниз и приглядевшись, Кристина увидела там две фигуры, которые стояли, отдельно от остальных суетящихся, друг супротив друга, словно бы изучая одна другую. Вон там, на той стороне, куда выходил коридор, стоял несомненно Александр Верховский. Впереди него стояла тень.

* * *

Несколько крылатых силуэтов на бреющем полете, чуть не срывая гребни волн неслись над водами Эвксинского моря. Похожий на гигантского жука вертолет окружали три истребителя «Спитфайр», обеспечивая охранение. Летели больше пяти часов без дозаправок и остановок. По прикидкам, горючего должно было хватить как раз до цели, а уж что там будет дальше, об том никто и не думал. Если они выполнят задание, то главное вырваться и воздушного пространства Директории.

– Черт дернул опять лететь в эту проклятую страну – недовольно пробурчала Алин, вспомнив название – В прошлый раз только еле ноги унесли.

Флориан хлопнул пилота по плечу, пожевывая трубку.

– Не волнуйся – хитро сказал он. – Я лечу туда как наглый циничный предатель, поэтому мы их одурачим, по крайней мере в начале я произведу надлежащее впечатление.

Генерал Артамонов, сидевший позади них во главе отряда добровольцев-индейцев и остатков десантников, чистящих свои автоматы перед боем, многозначительно нахмурился.

– Госпожа Авонаймелус права – мрачно сказал он – полет в Директорию не детская забава. Мы не знаем, что нас ждет по прибытии. Не стоит бахвалиться. В любом случае, для эвакуации у нас будет лишь крохотное окно, пока они не подняли по тревоге свои воздушные силы. Боюсь, что если мы не найдем Наталью быстро, то нам придется уничтожить Департамент с воздуха.

Флориан кивнул. Это была абсолютно сумасшедшая затея и поэтому каждый из её участников досконально знал свою часть задачи.

– Мы найдем её – отрезал Штильхарт. – Так или иначе. Давайте исходить из положительного, генерал. Наши истребители займутся их средствами связи. Я изучил план Департамента. На северной стороне есть уязвимая точка входа – небольшая вентиляционная шахта. Охраны там нет. Пробираемся туда, прокладываем путь к камерам, освобождаем пленниц и уходим. Часть истребителей прикроет нас с воздуха. Думаю сработает.

– Это какая-то Омаха-бич, честное слово – раздался сквозь помехи нервный смешок Эми – только полоумный герой боевика способен на такое.

– Вот бы Аристов думал так же – заметил Флориан. – Так что включаем Вагнера и вперед над волнами.

Ожила панель связи. В динамике кто-то стал навязчиво интересоваться что группа из шести самолетов и одного вертолета канадских ВВС забыли в воздушном пространстве Директории. Значит границу они пересекли. До этого они поклонников с земли не имели – транспондеры НАТО, установленные на самолетах, давали зеленый коридор над всей Европой.

– Полагаю не все знают, что мы снимаем римейк «Спасти рядового Райана» – многозначительно хмыкнула Алин.

Штильхарт развел руками.

– Так просвети их, дорогая Алин – сказал он.

Требование назвать свои данные повторили более настойчиво. Хорошо ещё, что сразу не сбили. Кажется, они там внизу не шибко сообразительны.

Алин настроила динамик на передачу.

– Я вас не понимаю – невинно произнесла пилот.

Ей ответили на ломанном английском, что не могут опознать воздушные средства и если они не подтвердят идентификацию, то будут уничтожены. Как страшно.

– Вы должно пользуетесь устаревшей документацией, в вашей Директории – просветила диспетчеров Авонамйелус. – Международная федерация авиационных видов спорта уверила меня, что связалась с вами.

Радио замолчало. Алин представляла какие споры и сомнения были сейчас внизу.

– Вы говорите авиационные виды спорта? – вновь загово-

рил динамик.

Нет, прошипела про себя Алин, летим, чтобы расфигачить одно из ваших зданий и спасти людей, которые у вас считаются террористами. А вот интересно, что бы было если бы она так ответила? Её бы сразу уничтожили или просто приняли бы за сумасшедшую? Лично она бы приняла второй вариант.

– А, по-вашему, зачем мы тащим три чертовых «Спитфайера»? – недовольно поинтересовалась пилот. – Нас пригласили на частное авиашоу «Морской пейзаж с воздушными фигурами»

Нет, так врать ей ещё не приходилось. Несколько раз она, конечно, дурила диспетчеров в Афганистане, но никогда под маской участника развлекательного авиашоу. Впрочем, совершенствоваться во вранье врагу это даже искусством можно посчитать.

– Кто именно вас пригласил? – властно спросил диспетчер.

Алин посчитала за должное благородно вознегодовать.

– Я-то откуда это знаю – воскликнула она. – Я всего лишь пилот, а не какая-нибудь канцелярская крыса, бумажная душа. Если вы потеряли какие-то документы, то я-то здесь при чем? Свяжитесь там с кем-то наверху, а пока дайте мне сесть на ближайшей ВПП, иначе мы здесь рухнем без топлива, а вы будете объяснять местному большому босу, почему он лишился воздушного шоу.

На другом конце послышалось какое-то шушуканье.

– Подтверждаю – раздался голос в динамике. – следуете курсом 4–6 на площадку 327

– Спасибо – откликнулась Алин, вырубая динамик. Вскоре они окажутся вне досягаемости радаров, а диспетчеры Директории еще долго будут чесать голову, гадая, куда же именно делись назойливые воздушные артисты.

Динамик замолчал и более не подавал признаков интереса. Наступила тишина, если, конечно, не считать за её отсутствие гудение двигателей вертолета. Флориан посмотрел на часы. Оставалось ещё полчаса лёта. Штильхарт обернулся и бросил взгляд в грузовой отсек. Генерал Артамонов и его бойцы сидели с напряженными лицами, не говоря ни слова. Люди Лена, которых он отобрал, наоборот, ерзали на креслах, в предвкушении большой драки. Индейцы знали, что именно тот, кого они сейчас летят навестить, стоит за гибелью их родичей в поселении. Их сердца были сильно отягощены жадой возмездия. Флориан надеялся, что игра стоила свеч.

* * *

Анастасия Урусова смотрела на Верховского и пыталась понять, что чувствует и чем дальше она смотрела на него, тем дальше понимала, что ничего, кроме холодной выжженной пустоты. И вместе с тем она наслаждалась его реакцией.

Она видела в его глазах страх, отчаяние и безысходность от того, что сам Верховский видел сейчас перед собой – крах своей жизни. Крах всего что он любил и ценил. Всего ради чего он боролся, страдал, даже совершал ужасные, как он считал, преступления. Совершал не ради неё, как она наивно полагала раньше, а только ради своего собственного плотского желания и необъяснимого влечения к ней. Она давала ему какое-то феерическое вдохновение, используя которое он шел вперед и достигал самых потрясающих целей. Она была его питательной средой. Подобно вампиру Верховский выкачивал из неё всю её жизненную энергию и наполнял ею себя, оставляя её пустой, словно использованная чернильница. И он делал это постоянно, а она не могла этому никак противостоять. Когда он оказывался рядом её гормоны начинали сходить с ума и заставляли её подчиняться. Все женщины, с которыми он когда-либо был, отмечали это. Рядом с ним они не могли контролировать ни действия, ни желания, ни ход своих мыслей, просто оказываясь в его власти и он делал с ними всё что хотел.

А вот она оказалась другой. Встретив её, он сам стал испытывать невероятное желание находиться только с ней, быть её рабом. Стоило ей только оказаться рядом с ним и он уже не мог ни о чём думать кроме неё. Тогда раньше, в юности, она не понимала этого. Она верила в любовь, нежность и прочие глупости. Но с взрослением, она научилась направлять эти свои способности и получать от них ни с чем не

сравнимое удовольствие. Вызывать одержимость и питаться ею – ничто так не одухотворяло. Что-то необычайно дикое было в этом, возвращающее к хищной природе человека, а не к глупым сказкам о гармонии и любви. Ни того ни другого не было. Только страсть и наслаждение от контроля.

Она сама стала такой. Стала подобно наркотику, которого жаждешь с болезненным бешенством и когда она отнимала то, что давала человек сходит с ума. Он обескровленный и уничтоженный, готовый продать душу, только за то, чтобы ещё раз словить кайф, даже ценой полного уничтожения себя. Убийство было лишь финальной точкой.

– Александр Верховский – зычно произнесла Охотница, пристально посмотрев в глаза мужчины напротив, теперь она могла это сделать. – Каким же жалким ты стал. С каким же отребьем ты связался.

Верховский смотрел на неё ровным прямым взглядом.

– Я наконец перестал предавать себя – сказал он. – Очень жаль, что я не заметил, что Организация решила отомстить мне, одурманив тебя.

Он не извинялся и не умолял. Просто констатировал факт.

– Ну что ты – лениво ответила Анастасия – я благодарна тебе. Ты показал мне истинный путь, которым следует идти. Впрочем, ты сам недостаточно силен, чтобы полностью познать его, впрочем, как и все мужчины.

Верховский покачал головой.

– Это не твои мысли – сказал он. – Не мысли той Анастасии, которую я знал и любил.

Охотница устало вздохнула. Ей опять стало нестерпимо скучно. Она могла сейчас позволить вернуться той прежней Анастасии Урусовой, наполнить свое лицо нежностью и наивностью и в этом состоянии выведать у Верховского всё самое потаенное, что нужно Координатору, но Верховский в этой своей ипостаси благородного жертвоприношения вызвал у неё такое чувство аверсивной гадливости, что сама мысль о таком воспринималась ею с брезгливым отвращением.

– Твоя сентиментальность меня веселит, право слово – ухмыльнулась Анастасия. – Это так непохоже на тебя. Не стоит тратить слова на то, что не в состоянии изменить!

Оба – и мужчина и женщина были так поглощены друг другом, что ни один не заметил появления новых зрителей в стеклянном коридоре сверху. Тем временем маленький отряд, проникнувший туда застыл в немом ожидании от происходящего. Никак помочь или повлиять на происходящие они не могли. Им оставалось только смотреть.

– Всё что ты говоришь, вложила в тебя Организация – сказал Верховский. – Они хотят, чтобы ты в это верила.

Глаза Охотницы сверкнули.

– Ты недооцениваешь Организацию – возразила Анастасия. – Столкнувшись с её мощью ты не смог её выдержать, а ведь тебе были открыты все пути познания и обладания этой мощи и отказался от неё. Я нет.

– Если и есть что-то сложнее, чем использовать мощь, так это от неё отказаться – сказал Верховский. – Отказаться ради сохранения своей души. Власть и сила разлагают душу.

Анастасия расхохоталась.

– Тогда позволь сообщить, что у меня её уже нет – сказала Охотница. – И без неё мне гораздо лучше. Действия Организации направлены на создание нового человека. Мы подкорректируем то, что Бог оставил эволюции, оставим нужное и уберем лишнее. Действуя из тени, Организация спасает человека от губительных иллюзий.

Верховский подошёл ближе к своей бывшей возлюбленной. Его голос и шаг были тверды.

– Организация манипулирует вами – бросил он. – Вы становитесь всего лишь бездумными машинами. Без чувств, без любви, без нежных привязанностей. Создав вас, Организация извращает само понятие женщины.

– Неверный ответ – заявила Анастасия. – Организация превращает нас в то, чем мы являемся на самом деле. Она пробуждает нас от долгого сна фарфоровых кукол. Ты даже

не представляешь, какое это наслаждение.

На лице Верховского возникла кривая усмешка.

– Никогда не одобрял феминистских теорий – сказал он. – Ущербны и примитивны все, до одной.

Анастасия всплеснула руками.

– Естественно – сказала она. – Ты же всегда был выше любых теорий, если, конечно, не считать твоих собственных, которые ты придумывал в насмешку над великими умами. Этим ты увлекал и поражал. Но время изменилось. Я теорий не создаю. Я просто беру то, что мне хочется и, знаешь, что самое главное – мне нравится это делать! Только в такой ипостаси я чувствую себя настоящей. Я научилась получать удовольствие от боли. Если бы ты попробовал, то выяснил, что это чертовски сексуально.

Верховский поморщился.

– Мне жаль, что я стал причиной происходящих с тобой метаморфоз – сказал он. – Но ты ведь не с ними. Ещё нет.

– Мне уже недавно такое говорили – заметила Анастасия. – Только не ты. Но ущербное жалостливое милосердие было таким же отвратительно приторным. Меня и раньше от него выворачивало, а теперь и подавно. Не стоит забывать, что человек есть лишь то, что он собой представляет. А это относится не к его внешнему облику, а исключительно к внутреннему содержанию. Ты же должен чувствовать, что прежней меня во мне не осталось и толики!

– В том-то и дело, что я вижу тебя на всю глубину... до

дна!.. – Верховский говорил спокойным и рассудительным тоном, – Конечно же, сейчас мне невозможно за несколько минут склонить чашу твоих сомнений в свою пользу...

– У меня теперь очень мало сомнений – последовал ответ. – Их практически нет.

Верховский боялся смотреть в эти сверкающие яростью глаза. Сейчас, она была почти с него ростом и сверлила его своим взглядом, как будто желая обратить мужчину в камень. Он никогда не думал, что она выберет противоположную сторону, но должен был предугадать это. Ничто в жизни, в последнее время, так не волновало Анастасию, как их миссия по поиску подводной лодки. Даже его одержимость этим медальоном не могла тягаться в этом с одержимостью Анастасии. Она буквально помешалась на медальоне. Ей нужно было, чтобы все удалось. Ей нужно было контролировать все, чтобы ничего мешающего не могло произойти. Она так увлеклась борьбой с Организацией, что Организация сама поглотила её. Верховский понял это слишком поздно. В очередной раз, слишком поздно.

Александр качнул головой.

– Нетерпение – медленно произнес он. – Настоящий бич, для всех больных манией величия, Анастасия.

– Это не обо мне – отозвалась Охотница. – Я изучала глобальную историю, как ты и мы оба знаем, как в ней делаются дела.

Окружившие их солдаты явно не понимали причину та-

кого длительного диалога, но держались наготове.

– Только вероятно сделали разные выводы из происходящего – печально произнес Верховский. – Но я вижу, что сомнения всё ещё одолевают тебя, сколько бы ты не говорила обратное. Ты не злая.

Анастасия улыбнулась, практически той улыбкой, что он помнил всегда.

– Кто же говорит о зле? – спросила она. – Разве предложить людям мир без несправедливостей – это зло? Для этого остался лишь один шаг – уничтожить то, что мешает гармонии и создает диссонанс.

Верховский пожал плечами.

– Иными словами, ты ничего не поняла из того, что изучала в истории – сказал он. – Организация всегда проигрывает, запомни.

Она позволила протянуть ему руку и поправить выбившуюся прядь её рыжих волос. Уже забытое ощущение ласки. Охотница почти вздрогнула. Почти.

– Неужели? – с издевкой произнесла Анастасия. – Что я главное поняла в истории, так это, что она происходит только так, как мы того хотим и сами устраиваем и она нас учит тому, что прошлое должно умереть. Навсегда.

Охотница протянула руку в ответ и погладила Александра по щеке, это был миг, который показался вечностью, а затем быстрым движением обхватила его голову и резко свернула её набок. Хруст, с которым сломалась шея Верховского эхом

отразился от бетонных стен и смешался с пораженным одновременным восклицанием где-то наверху.

Тело Верховского бесформенной кучей осело на пол. Больше он не был ничем, кроме плоти, костей и воспоминания, которые Она обязательно сотрёт.

Брезгливым взглядом Охотница окинула захваченных бунтовщиков.

– Казнить их – проговорила она, стоя над телом Верховского.

* * *

В том коридоре, что скрывал их сверху, беглецы застыли в немом оцепенении, словно не веря своим глазам. По счастью тот возглас, который кто-то из них обронил секунду назад, остался незамеченным в общем хаосе. Теперь им оставалось, только стоять и смотрели, как солдаты внизу расстреливают их товарищей. Это было невыносимо.

Охотницу же, казалось, вообще ничего не интересовало. Она опустила возле тела Верховского, что-то беззвучно шевеля губами, как будто читала погребальную молитву.

– Нет, дамочка ты так просто не отделаешься – прошипел, стоявший рядом с Кристиной «Лавр» и, прежде чем, девушка смогла что-либо сделать, ополченец нажал на кнопку детонатора, приводя в действие смертоносные машины. Кристина слишком поздно сообразила, что он задумал.

Несколько синхронных взрывов потрясли помещение раскидав беглецов ударной волной в разные стороны, но и только. Зарядов «Лавра» оказалось недостаточно, чтобы перебить трубу коллектора, и они лишь вызвали крупный пожар, взметнувший языки пламени до потолка. Помещение содрогнулось, а затем металлические конструкции стали складываться под высокой температурой. Куда-то вниз поплыл и стеклянный коридор, рассыпавшийся вместе с внешней стеной. Жалобно заняла противопожарная сигнализация, выпуская потоки воды.

Охотницу и нескольких СЕКуров повалило навзничь, пытаясь подняться на ноги, Анастасия бросила холодный взгляд вверх и встретила взглядом с взглядами смотрящих на неё диверсантов. Она, естественно, узнала их и в этот момент узнавания ещё раз мысленно прокляла Верховского. Проклятый манипулятор, он тянул время, заговаривая ей зубы, пока его люди закладывали заряды.

Завидев диверсантов, бойцы Секуритаты, без приказа, открыли огонь по верхним уровням. Одна из пуль рикошетом ударила в «Боксера». Ополченец схватился за живот и качнувшись рухнул вниз. Остальные отступили в тень коридора.

Охотница крикнула прекратить огонь. Воздух продолжал плавиться от горящего металла, добраться до беглецов сейчас, было бы чистым самоубийством. Эти дураки все равно погибнут от удушья или переломают себе шеи. Очень конечно хотелось понаблюдать за их концом, но у неё не было

времени. Поднявшись в полный рост, Анастасия решительно направилась к выходу, по ещё целому переходу. Солдаты, сделав, для порядка, ещё пару выстрелов побежали за ней. Охотница была уверена, что огонь здесь довершит всё, что нужно довершить.

Оставаться наверху было опасно. Мостики того и гляди готовы были обрушиться. Осторожно выглянув из-за угла, Кристина махнула своим.

Поздновато махнула. Кучи мусора и обломков тем временем пришли в движение, медленно наступая на девушку. Затем поползли обломки непосредственно рядом с остальными. Снори заверещал и выпустил когти, пытаясь удержаться на скользком металле. Невидимая ударная волна прошла по коридору, а позади Кристины вектор уже был развернут под девяносто градусов. «Лавр» попытался за что-то ухватиться, но взмокшая от пота ладонь, сорвалась с поручня, и ополченец и криком ужаса полетел вниз, прежде чем Ксения успела протянуть ему руку.

Авалова закричала зубами. Жизнь становилась все веселее и веселее.

Девушка размотала трос и перекинула его через поручень, вручая другой конец Наташе.

– Спускаемся вниз – прокричала она сиплым от дыма голосом. – Здесь сейчас всё рухнет вместе с нами.

– Хочешь сказать падаем? – весело осведомилась Кристина.

Ксения пожала плечами. Можно сказать и так. Девушка схватилась за кабель и первой сиганула вниз. Наташа только покачала головой. Она совсем не хотела ещё одного оглушительного полёта, но вероятно его было не избежать. По крайней мере, я уже знаю ощущения, утешила себя Покровская.

– Держись за меня крепче – попросил Анну Кирсанов, хватаясь за трос. – Сейчас прокатимся. Не бойся.

Анна отстраненно кивнула.

– А толку? – спросила она. Ты же тоже упадешь?

Кирсанов двинул носом.

– Так говорят в романтических фильмах – заметил молодой человек, обхватывая Анну.

– Ну тогда... – Анна сделала движение головой и её губы немного и нежно коснулись губ Кирсанова, электрической дугой пронзив его нервы и тело. Он ошарашенно опустил взгляд на девушку, губы его еще горели от поцелуя.

– Так тоже в романтических фильмах делают – сказала она, решительным голосом. – Вниз!

Крепко обхватив Анну за талию, Кирсанов сделал глубокий вдох и стал сползать вниз. Он сильно удивился, когда ноги почувствовали под собой бетонную плиту. Вообще то он думал, что они упадут.

Кристина спускалась последней и дольше остальных – она немного засмотрелась на веселую парочку и в самый момент её спуска мостик всё-таки подломился, и девушка осталась висеть в воздухе, вниз головой, зацепившись сапогом за тон-

кий поручень и размахивая руками. Потрясающее положение, отметила девушка. Схватится за трос уже не было никакой возможности и оставалось только прыгать... что Кристина и сделала, положившись на удачу она подтянула руки к ногам и перекувырнувшись сиганула вниз, плюхнувшись в огромный чан, по счастью с холодной водой. Вот, теперь ещё и насморк подхватчу, посетовала девушка, отряхивая волосы.

Кристина повертела головой в поисках остальных. Они застыли полукругом возле безжизненного тела Верховского. Анна тихо всхлипывала. Языки пламени тихо угасали. В воздухе пахло горячим металлом и паленой трухой.

– Мы должны идти – услышала Кристина голос Ксении Аваловой – Ради тех, кто умер, но не испугался смерти, мы должны выполнить нашу задачу.

С ней уже даже никто не спорил. Из всех чувств осталась лишь тупая печаль. Ксения оглянулась и нашла в себе силы нагнуться к телу Верховского и закрыть ему глаза.

– Прощайте Александр Владимирович – тихо сказала девушка. – Я предупредила, что месть и привязанность ведут к гибели. Я говорила: берегитесь! Вы не вняли моему совету, и вот я оказалась права. Но что с того? Легче от сего не становится. Наша надежда тает на глазах.

Кристина подошла ближе к остальным.

– Это правда. Наша надежда тает – сказала она. – Но наша надежда всегда была безумной, а она никогда не умирает полностью. Мы должны идти вперед. Не стоит думать о

мести или поражении. Укрепитесь духом и спрячьте слезы. Впереди ещё долгий путь и тяжёлые испытания. Кто знает какие ещё фокусы в этом здании? Чтобы там ни было мы должны это пройти до конца. Здесь мы более не можем задерживаться.

С этими словами с отряда словно спало оцепенение, и все вернулись к действительности. Только Ксения ответила не сразу. Она стояла и молча глядела мимо тела Верховского, думая что-то свое. Какие-то только одной ей ведомые мысли вертелись в голове девушки.

– Идём – наконец сухо кивнула Авалова.

Выбор был сделан. Верховского и погибших ополченцев аккуратно уложили, как должно, скрестив им на груди руки, справа положили их оружие, а в ноги оружие бойцов секуритаты, тела закрыли брезентом. Лицо Верховского казалось в этот момент таким умиротворенным, словно бы, он наконец избавился от всех страстей, обуревавших его всю жизнь и теперь свободной душой вознесся в вечную небесную обитель. Наверное теперь, он стал по настоящему свободным, к чему всегда так стремился. Как бы Кристина хотела, чтобы это было так.

Окончив укладывать тела, отдали погибшим почести. Кирсанов разрядил свой «томми-ган» и несколько раз выстрелил холостыми в воздух. Делать что-то более значительное, как-то прятать тела или брать их с собой – на это не было ни времени, ни возможностей. Если им всё же удастся,

каким-то образом уничтожить Департамент, то огонь защит погибших от осквернения.

Когда нехитрый обряд был закончен, им больше ничего не оставалось, кроме как идти дальше. Ещё раз обернувшись на погибших, словно бы извиняясь, что оставляют их здесь, они побрели, спотыкаясь в гудящей тишине. Лишь Анна на несколько секунд застыла, отстав от остальных, давясь рыданиями и, наверное, так и осталась бы там, если бы Кирсанов силой не утащил её за собой.

Сократившийся до минимума отряд – теперь их осталось только пятеро не считая Снори, шел без остановки, в молчании, по длинному темному тоннелю, с постоянно мигающим светом, уходящим от единственного сохранившегося мостика, в сторону противоположную той, куда ушла Охотница и её солдаты. Это немного утешало. Миновали они туннель быстро. Когда он оказался позади, то дорога сменилась длинной лестницей с широкими плоскими ступенями, блестящими хромированным металлом.

Только несколько шагов они и сделали вверх и тут же с оглушительным щелчком вырубился свет, не только на лестнице, но возможно и на всём этаже, а может и во всем здании.

Снори громко зашипел.

– Тьфу ты, дьявол – выругалась Кристина. – Сколько ещё здесь фокусов?

Ответом ей стало сипение динамика откуда-то сверху.

– ...шшшш... Внимание, проводится консервация комплекса, всему персоналу необходимо оставаться на местах, сохранять... шшшш... спокойствие и ожидать... шшшш...

Кирсанов скрипнул зубами.

– Серьезно?! – спросил он. – Меня уже раздражают эти мегафоны. Почему у меня нет «болтушки для молчунов», как в Гарри Поттере?

– Мегафоны не главная наша забота, судя по этому объявлению – заметила Наташа. – Слишком мы задержались там внизу. Надо было раньше...

Она не успела договорить, а коридор, из которого они вышли на перекресток к лестнице, перекрыла стремительно опустившаяся, как нож гильотины, тяжелая металлическая плита, а еще одна запечатала аналогичным образом лестничный марш перед ними, едва не прищемив Снори хвост.

Было очевидно, что их заперли.

Кристина постояла несколько секунд, помаргивая на опустившуюся плиту.

– Вот тебе раз – поразилась девушка. – И как это вышло. Мы же не настолько глупы?

– Видимо настолько – пожал плечами Кирсанов. – Это ж надо, вляпаться в самую простую ловушку на свете. Есть идеи, как будем выбираться?

Кристина, с весьма скептическим выражением на лице, обзревала ловушку. Так всегда бывает, когда торопишься – вечно не успеваешь всё предусмотреть. Например консерва-

цию. Очевидно, она так и выглядела.

Бонусом к консервации прилагались два взвода СЕКуров, промаршировавших из незапечатанных боковых проходов. Солдаты наглухо перекрыли их, выставив вперед тяжелых пулеметчиков. Ловко ничего не скажешь. Порой ловушка так очевидна, что ты никогда в неё не поверишь.

– Я так понимаю, что это тоже было в плане? – ухмыльнулась Ксения.

Кристина только устало вздохнула. Кажется в этой ситуации «агрессивные переговоры» имени Анакина Скайукера и Асоки Тано с помощью её меча будут несколько затруднительны.

– Бросьте оружие – отрывисто произнесла она. – Оставим этот раунд за ними.

Кирсанов вскипел.

– Таково решение?! – воскликнул он – просто сдаться?! Мы не можем!

Кажется, он, напротив, готов был проводить «агрессивные переговоры», даже в этом нелепо образовавшимся полузакрытом бетонном кубе.

– Ещё как можем – сказала Кристина. – И именно это мы и сделаем. Пусть наслаждаются моментом, пока я придумываю новый план.

– Очередной!? – поинтересовались все хором.

Кристина пожала плечами.

– У каждого свои недостатки – сказала девушка. – У меня

планирование. Любовь к составлению планов – одна из главнейших моей жизни.

– Мы заметили – хмуро кивнула Наташа, кидая на бетонный пол оружие.

Солдаты двинулись ближе. Кристина спокойно ждала. Потом она пошла во главе своего маленького отряда. Девушка улыбалась.

Глава XIII. Расклад идиота

– У меня положение безвыходное, – сказала Алиса. – Но я хоть брыкаться могу!
Льюис Кэрролл

Крестину вместе с остальными втокнули в просторное белое помещение с глянцевой черно-белой мебелью и широким панорамным окном, сквозь которое струился яркий свет огромной южной луны, слепящий глаза с непривычки. Что же, подумала девушка история всегда должна заканчиваться там, где начиналась. Это очередной её мистический смысл.

Всё тоже самое, что Кристина уже видела – от окна мерцающего бликами увеличенного ночного города тенью поднимался силуэт черного кресла. Перед креслом Массивный куб стола. Новым здесь, для Крестины, был только сидевший в кресле лысый мужчина, который сплел ладони и криво поиздевательски улыбался, приветствуя вошедших.

– А вот и вы мои добрые гости – проговорил он, делая ироничный кивок. – Добрые в самом широком смысле... сегодня вы мои пленники. Знаете, вы неплохо держались, но к великому сожалению, я не могу позволить вам рассказать о моей маленькой операции.

Ответом ему был рык Кирсанова.

– Тебе придется заплатить за всех убитых сегодня добрых

людей – заявил молодой человек.

Кристина скептически вздохнула. Патетично, отметила она, зато чистосердечно, но начисто лишено смысла.

Аристов же не сводил со своего лица глумливую улыбку.

– Необычное определение бандитов, которые проникли в чужой дом и замыслили попытку разрушения и убийства – сказал доктор.

– О попытке тут не идет речь – быстро ответил Кирсанов.

– Как и об убийстве – вежливо кивнул Аристов. – По крайней мере, моем. Терпеть не могу насилие, знаете это так неопрятно и неблагородно – жестокость, кровь, страдания. Всего этого можно было бы вполне избежать.

– Почему мне так сложно в это поверить? – эхом отозвалась Кристина. – Что-то вас прежде не беспокоило кровопролитие.

Аристов встал с кресла и подошел на два шага ближе к гостям.

– Не более, чем необходимая плата, за бесконечно совершенное будущее – сказал он. – Да, платить нужно иногда кровью. Мы это с вами уже обсуждали, сеньорита де Леон, Леди Арнис, Кристина Сергеевна Легонова – доктор натянуто рассмеялся. – Право, у вас столько имён, юная барышня, что я даже запутался.

Кристина мягко улыбнулась.

– И каждое отражает мою замечательную и чудесную суть – хитро заметила девушка. – Одно несет мир и покой, другое

гибель врагам. Третье – самый сладостный и самый важный для меня звук. И каждое из моих имён лишает вас покоя.

Аристов оскалился.

– Ваша самоуверенность столь же раздражает, как зубная боль – бросил доктор. – Или нелюбимое время года.

Кристина фыркнула.

– Я рада. Большого комплимента из ваших уст и желать нельзя – сказала девушка. – Мне приятно думать, что и у вас бывают плохие дни.

– Лично для вас теперь вообще не будет хороших – процедил Аристов. – Как и для ваших товарищей. Уж я постараюсь. Поверьте. Это будет тяжелейший удар для вас, Кристина Сергеевна – достигнуть конца, когда стоит только протянуть руку... и именно в этот момент всё обрушится. Боюсь вы этого не переживете.

Кристина лениво вздохнула.

– Дама, которая говорила мне похожее час назад, недавно заискрилась от собственного тщеславия.

Аристов пододвинулся ещё ближе. Кристина уже могла различать смерть в его холодных прищуренных глазах. Девушка сделала издевательски-невинное лицо.

– Не стоит равнять меня с этой девицей – прошипел доктор. – Хотя я вам премного благодарен за то, что вы избавили меня от неё.

– Жаль – улыбнулась Кристина. – Ни за что бы этого не сделала, если бы знала, что вы не в ладах с ней. С Хорошевой было общаться намного приятнее. По крайней мере у неё были интеллигентные манеры.

Аристов громко зашипел и желваки на его шее пришли в движение.

– Спесивая девица – выругался доктор. – Я уверяю, что вы прочувствуете истинную разницу, между нами, на собственной шкуре и очень скоро.

Кристина смотрела мимо гневающегося ученого, направив взгляд своих лучистых глаз на панорамное стекло.

– Описание страсти самовозвышения из девяти букв – сказала девушка. – И вы весь в этом. Вы воображаете, что вам принадлежит весь мир и заменяете этим ущербность собственного разума. Взять хотя бы это ваше стекло – приближенные здания выглядят так, будто вы находитесь в центре города и контролируете всё до мельчайших окраин, но это лишь иллюзия, доктор и в этом очень легко можно убедиться – достаточно зайти по другую сторону стекла.

– Главное иметь возможность зайти – поправил Аристов

– Я эту возможность имею и буду иметь ещё очень много возможностей.

Ксения пожала плечами.

– Как знать? – задумчиво сказала она – Даже если ваш план удастся, вас уже изучили. ЦРУ, МИ-6, ГРУ, китайцы – они выстроится за вами в очередь. Государства не позволят вам иметь такую монополию. Ваш департамент будет открыт всем ветрам.

– Как вы заметили, мы достаточно неплохо вооружены – ответил доктор. – к тому же я абсолютно мобилен. Здесь всё готово к тому моменту, когда я решу взорвать этот департамент и найти новую штаб-квартиру. Я уже делал так.

Кристина хмыкнула.

– Идете по стопам учителя? – поинтересовалась девушка. – Всегда ведь двое их, верно?

Аристов издал глухой смешок.

– В моем случае имя нам – Организация – сказал он – Мой учитель был в Организации, и я, когда старик отслужил свое, занял его место. Именно так и было. За мной Организация, её мощь, страх и власть, а что есть у вас, кроме вашего «El creencia»?

Доктор махнул рукой и один из СЕКуров протянул ему меч Кристины.

– Надо же – протянул Аристов. – Какой редкий трофей – меч леди Арнис. Совсем, как у ваших предшественниц, которые были гораздо удачливее вас? А вы... вы погибните

здесь, от вашего собственного клинка. Что же у вас есть?

Доктор схватил меч за рукоять и тут же выпустил, взыв от жуткой боли. Ег правая рука моментально обуглилась и почернела. Кристина была уже готова. Она оттолкнула Аристову в сторону и перекувырнувшись подхватила свое оружие.

– Последнее чудо – сказала она – Не стоит брать чужого, дорогой доктор.

Белой молнией «Аграсьяда» взметнулась вверх и обрушилась на оружие конвойных, превращая его в искореженный металл. Аристов в первый раз за сегодняшний день перестал улыбаться. Та непринуждённая легкость, с которой эта девушка взяла ситуацию под свой контроль, сильно обескуражила его, и заставила на секунду подумать о собственном спасении.

– Уничтожить их – проорал он бойцам. – Но с мучениями.

Доктор сместился в сторону и наблюдал, как сверкающий клинок вихрем крутится посреди автоматных очередей в такт гипнотической грации своей владелицы. Неплохой спектакль. Люди за такое деньги платят.

Он наблюдал, как Кристина оттолкнулась от пола и совершив вокруг собственной оси два оборота взмахнула клинком, снесла дуло ожившей автоматической турели и приземлилась рядом с ним, наставив меч в грудь. Неплохой трюк, оценил доктор.

– Пожалуй я приму вашу сдачу, сейчас – сказала девушка.

– Вы надеетесь, что я сдамся, такой наглой девице, как вы? – прорычал доктор.

– Наглая девица рассчитывает арестовать вас и сохранить вам жизнь – невозмутимо ответила Кристина. – Я понимаю, что у вас есть много солдат, но пока никто не погиб, я всё же надеюсь на ваше благоразумие.

Аристов рассмеялся.

– О нет, юная барышня – сказал он. – Теперь, когда вы выпустили пар, мы поговорим о вашем благоразумии.

Доктор вытащил из кармана крохотный пульт и активировал висевшие под потолком экраны. С них демонстрировался длинный балкон, вдоль его края на коленях стояли люди в больничной одежде, а над ними нависали СЕКуры с автоматами, приставленными к затылкам пациентов.

– Заключенные – ахнул Кирсанов.

Аристов кивнул, вновь глумливо улыбаясь.

– Именно – сказал он. – Одно моё слово и они все полетят вниз на электрические провода. Это жуткая смерть. Готовы ли вы взять на себя ответственность за гибель каждого из этих индивидуумов, Кристина Сергеевна? Вы, возносящая себя к Орлеанской деве-воительнице! Верите ли вы в то, что считаете для себя ориентиром собственных поступков?

Кристина вздохнула и опустила оружие. Аристов глухо засмеялся.

– Ситуация бывает так переменчива – сказал Доктор – не правда ли. Теперь мы все успокоимся и дождемся прибытия

медальона.

Словно по его команде где-то сверху раздался приближающийся шум винтов.

– Слышите? – издевательски поинтересовался доктор – это ваш друг. Как я говорил, вы ничего не сможете сделать, как бы не пытались. Вы использовали свое последнее чудо.

Кристина не отвечала, она лишь спокойно смотрела в экран, который теперь демонстрировал, как на взлетную площадку садится, похожий на гигантское насекомое многоцелевой вертолет. Двигатели пилот не заглушал, люк был распахнут. Конвой из нескольких СЕКуров приблизился к винтокрылой машине, ожидая гостей, для почетной сдачи.

И вдруг радостный вопль вырвался из груди Кристины. Из чернеющего люка вертолета на металлическую поверхность стали выпрыгивать длинноволосые мужчины в кожаной одежде, а вместе с ними бойцы ССО Великоруссии. На крыше моментально начался огненный шквал. Вот кто-то, а Флориан точно решил заявится с агрессивными переговорами.

Кристина бросила почти торжествующий взгляд на Аристов.

– Доктор – сказала она – мое предложение всё ещё в силе.
– Вы забыли? – удивился Аристов – Пациенты полностью в моей власти. Немедленно скажите вашему приятелю сдать-ся и отдать мне медальон или все объекты будут убиты.

Экран вновь стал показывать балкон с заложниками. Ари-

стов нажал ещё кнопку на своем пульте, один из застывших СЕКуров ожил и будто бы получив телепатический сигнал, выстрелил стоявшему на коленях человеку в затылок. Тело полетело вниз.

– Одним индивидуумом меньше – засмеялся доктор – Я буду приказывать убивать каждые пять секунд, если не получу медальон, понятно, детка?

В другой бы ситуации Кристина бы непременно отпустила пару острот насчет его психического состояния, но сейчас это было не к месту. Она не могла позволить, чтобы невинные люди погибали из-за её эгоизма. Не в этот раз. Уже слишком много смертей.

Девушка устало посмотрела в экран на Флориана, который прокладывал себе дорогу сквозь ряды СЕКуров и автоматические турели.

– Штильхарт – прокричала Кристина в микрофон – Мы тебя безумно рады видеть, но боюсь, что руководитель сего заведения не в восторге от того, что ты его кинул.

Флориан бросил в камеру скептический взгляд.

– Ну... – замялся Флориан, издав едкий смешок – знаешь... тогда передай ему, что он круглый дурак, если поверил мне.

Кристина в принципе была с ним согласна. Только круглый дурак может поверить Флориану Штильхарту, если, конечно, это не она сама.

– Безусловно – осторожно намекнула Кристина – Но есть

проблема. Он грозит убить всех заложников, если ты не вернешься, к... э-э-э первоначальным условиям сделки.

Штильхарт пожал плечами.

– Ты у нас всегда за мудрый диалог – сказал он – Но я, хоть и дипломат, сегодня не настроен на мирные переговоры. С меня довольно сделок с разной нечистью!

– Штильхарт, иногда разумнее выиграть время – попыталась тянуть время Кристина. – Поверь, бросаться на амбразуру без поддержки не лучший вариант.

Флориан довольно ухмыльнулся.

– А кто сказал, что я без поддержки? – довольно поинтересовался Флориан – эскадрилья со мной.

Кристина наморщила лоб и посмотрела на экран.

– Эскадрилья? – неуверенно спросила девушка – у нас есть эскадрилья?

– Теперь есть – раздался из динамика связи голос Алин Авонаймелус.

Пока Кристина обдумывала значение слов подруги-пилота и что она здесь делает в принципе, взревела сирена. Один из СЕКуров бросился к столу с приборной панелью.

– Господин Директор – нервно сказал он. – Радары зафиксировали несколько быстролетающих целей курсом 1–8–0 – у солдата расширились глаза. – Это истребители.

Быстролетающие цели не замедлили появиться – трое пролетели мимо панорамного окна. Ещё трое открыли по пентхаусу шквальный пулеметный огонь, превращая стекло, ко-

торым так гордился Аристов, в дождь из бритвенных осколков. Пилоты были блестящие, что и говорить. Через экран Кристина видела, как один истребитель пролетел мимо балкона и ювелирными выстрелами, словно молодую траву, выкосил стоявших на площадке СЕКуров, без какого-нибудь серьезного вреда для заложников. Бойцы Секуритаты даже не поняли, что именно их атаковало. Истребитель сделал бочку и ушел на другую высоту.

Самое потрясающее, что это все истребители были Спит-файеры времен Второй мировой войны и кто бы там ни сидел за штурвалом, но эти прекрасные пилоты были за них. Девушка выдохнула. Кажется, ещё одно чудо Ноосфера ей подарила.

– Ну что ж! – воскликнула Кристина, прыгая в воздух и хватая меч, обрушивая её на пистолет-пулемет ближайшего СЕКура – Доктор, я в третий раз делаю предложение, прошу его всесторонне обдумать. Четвертого уже не будет.

Девушка подарила Аристову обычную вежливую улыбку, как если бы только что встретила на улице кого-то, кого она сильно обожала.

Доктор бросил в её сторону злобный взгляд и уперся ладонью в вмонтированный в куб стола пульт, прогнувшийся под его весом.

– Вот мой ответ! – зарычал он.

Аристов с мясом выдрал приборную консоль, поднял над головой и швырнул в Кристину. Девушка, скрипнув зубами,

ми пригнулась, пропуская импровизированный снаряд, с дымом и искрами ударившийся о бетонный пол в стороне.

– Огонь! – Аристов тряхнул кулаками, будто стискивал в них шеи врагов – Убить их! Убить их всех! Немедленно!

Уже в следующую секунду в помещении бушевал огненный шторм, смешавшийся с ворвавшимся сквозь разбитое стекло ветром.

Здание тяжело содрогнулось и затряслось. Было похоже, что в один из сводов попала ракета. Комнату заволокло дымом.

– Надеюсь у Алин хватит ума не взрывать всё здание, пока мы не выберемся отсюда – смеясь пробормотала Наташа.

Кристина ловко подбросила меч и усмехнулась.

– Точно не могу сказать – бросила девушка. – Но я бы на это не поставила. У неё иногда есть привычка упускать самое важное.

Ксения вытерла рукой вспотевший лоб.

– У нас мало времени – сказала она. – нужно, чтобы кто-то доставил заложников к посадочной площадке.

Кирсанов, поливая огнем комнату прокричал:

– Предлагаю на с тобой этим заняться. Думаю, Снори учует дорогу на балкон. А, Снори?

Кот издал радостный рык и быстрыми прыжками понесся к выходу.

– Кажется вы уже понимаете друг друга телепатически – улыbnулась Ксения. – Что стоишь, бежим!

Пригибаясь к полу и отстреливаясь от нападающих СЕ-Куров, они прыгнули к дверному проему. Ксения на секунду оглянулась.

– Я здесь справлюсь – крикнула ей Кристина – Встречаемся на посадочной площадке.

Авалова кивнула головой в знак своего согласия и победоносно вслед за Кирсановым. Времени терять было нельзя.

– Ты точно уверена, что мы справимся? – нервно спросила Наташа, скрываясь от грохота выстрелов за диваном.

– Ага – сказала Кристина. – У меня закончились мои гениальные планы, значит точно справимся.

Девушка довольно ухмыльнулась. Ноосфера сегодня за неё, сегодня всё за неё, а значит она подчинится её желанию. Ноосфера никогда не закрывала все двери не открывая окно. Она никогда не апеллировала понятиями отчаяние и безысходность. Ситуация никогда не бывает бесконечно хорошей или бесконечно плохой. Зачастую мы сами склонны видеть проблемы и трудности там, где их нет. На самом деле мы просто обожаем это делать, внутренне пожирая себя. Нет трудностей, боли, страдания и страха. Они не существуют сами по себе, только в сердцах и душах людей и преодоление трудностей есть нечто иное как преодоление собственного безверия. Борьба с кем-то есть борьба с собой. Забудь о страхе, сомнениях и панике. Тебе нет нужды нападать или защищаться. Бой начнется тогда, когда начнется и завершится тогда, когда завершится. Просто позволь бурному пото-

ку нести тебя и будь собой.

Собственно, так истинные леди и ведут войну.

* * *

– Не припоминаю такого со времен Гильменда – раздался в шлемофоне звонкий голос Эми.

Лео Морган послал свой Спитфайр в крутое пике. Самое безумное в этой атаке было то, что никакой другой вариант кроме победы не мог быть рассмотрен. Сейчас от них, в какой-то степени, зависели судьбы всех свободных народов. Вот теперь действительно зависели, не тогда, когда об этом говорило командование, а вот здесь и сейчас, когда за их спинами не толстые генералы и нечистые на руку политики, а невинные мирные обыватели, которых обрекли на рабское ожидание смерти. Всю карьеру его посылали бороться за свободу и демократию. Этот раз был единственным, когда он полетел по доброй воле, а значит вот именно сейчас они сражаются за истинную свободу в её ментальном понимании. Тем или иным способом этот вирус должен быть остановлен, ради общего будущего и блага людей.

– Верно, второй – сказал Лео в наушник – Только здесь природа красивше – солнце, море, так что наслаждайтесь. Дополним пейзаж, парой росчерков.

Еще только планируя операцию, Лео и Алин спорили до срыва голосов, выдумывая лучший способ атаки столь малы-

ми силами на такую громадину. Решения тогда предлагались одно безумнее другого, пока Эми не буркнула, что надо просто задавить «эту хреновину» ракетами. Лео, воспользовавшись старой школьной доской и мелом, стал наглядно объяснять, что им тогда нужно не три Спитфайера, а тридцать три и лучше F-35-е, которых у них, конечно, не было. Они еще немного поспорили и даже слегка поругались, и разошлись ужасно недовольные друг другом. Перед самым же отлетом Алин ворвалась к Лео и выволокла его из кабины. Её глаза возбужденно горели, и она заявила, что у неё есть план. Этот план она тут же представила и после чего Морган обозвал её сумасшедшей самоубийцей. Теперь же он понимал, что может быть Алин и сошла с ума, но ровно настолько, чтобы план сработал.

– Небось приятно, когда в тебя не палят в ответ, да? – хохотнула Эми.

Она это ещё произносила, а Лео уже краем глаза из фонаря кабины увидел, как несколько створок здания раскрываются и из глубины выдвигаются рыла зенитных пулеметов. Кажется, ребята внизу поняли наконец, что их атакует не только десант.

– Так что ты там сказала? – поинтересовался Морган быстрой бочкой уходя влево, выгадывая безопасный коридор для следующего маневра. Такого теперь не было. Кабину Спитфайера стало мотать от плотного заградительного огня.

– Э-э-э, я чего-то не понял, мы летаем над медицинским центром или местным Форт Ноксом? – поинтересовался сквозь помехи Киган Рикеттс.

– Видимо они тут совмещают – сообщила Эми, роняя машину в пике, которое пилоты между собой называли вязанка. Теперь вот пулеметчики должны помучаться, чтобы зафиксировать прицел на юрком истребителе, а уж, чтобы сбить его с первого выстрела и речи не шло, а вот у Эми синхронизация работала, что надо, правда вот зенитчиков в этом форте-больнице её девичьи метания не испугали. Воздух наполнился трассами выстрелов, пытающихся повторить хитрый маневр пилота. Наверное, со стороны это было очень эффектно. Впрочем, было не до красот, Эми старалась запечатлеть расположение зениток – без шуток, они представляли реальную опасность. Одно попадание в корпус и все остальные дружно пожелают ей чистого неба.

– Эскадрилья, держитесь ближе друг к другу – скомандовала Алин – Эми, Лео вместо того, чтобы засорять эфир, лучше займитесь этими зенитками, иначе у нас будет очень короткая миссия.

– Как скажешь босс – бросил Лео – Ребята, отстреливаемся прямо по целям, чем можем, и, если надо делаем несколько заходов. Они только с виду страшные.

– Лечу за тобой – звонко отозвалась Эми – Врежем им по задницам!

Лео согласился с последним выражением, хотя оно ка-

залось слишком уж смелым, в их ситуации. Быстрая бочка вправо, ведомый повторила его фигуру. Заградительный огонь стал непроницаемым.

– Ракет всего восемь – сообщил Лео – Целься аккуратнее.

– И не подумаю – усмехнулась Эми – Я люблю искать вдохновение в массовых взрывах.

Лео поморщился. Нет, вообще Эми хорошо стреляла, но всегда через тактический компьютер, а на этом красавце ракеты нужно запускать по наитию, да ещё с риском спалить собственное крыло. При таких раскладах Морган не был уверен, что его ведомая поступает правильно.

– Эми-и...

– Отстань – зашипела ведомая – Я знаю, что я делаю.

Спитфайр Нильсен крутанул бочку, одновременно сделав четыре выстрела ракетами по мишени. Первые две прошли над одной из антенн связи, то есть очень далеко от ниши с зениткой, очевидно решив, что их целью будет ближайший лес, но зато вторая пара легла идеально, прожарив два углубления из которых, вместе со столпом огня, повалил густой черный дым.

– Э-э-э я тоже так хочу – нагло заявил Рикеттс. Внезапно его в его голос добавилась искра тревоги – Дроны! – завопил он.

На 11 часов.

Лео стал вертеть головой, за неимением других сенсоров. Жужжание он услышал раньше, чем увидел похожую на ко-

мара-переростка беспилотную машину, точнее шесть беспилотных машины, одна из которых уже вознамерилась поджарить Рикеттса.

– Кажется они нас решили в серьез убить – сообщил он – теперь уж точно.

– Не трусим парни – взвизгнула Эми. – У нас просто добавилось больше целей.

Небесное пространство вокруг сразу стало резко узким и превратилось в поле хаотичного догфайта с элементами временной эклектики.

– У меня тут тесновато стало – посетовал Рикеттс.

– Неужели? – усмехнулась Эми. – Я думала кабина стандартная.

– Я имею в виду вокруг! – пояснил Киган – Они меня уже чуть ли не в хвост целуют.

Лео обернулся. Теперь за третьим пилотом гонялось сразу два дрона и охотно поливали пространство вокруг Спитфайера огнем из своих пулеметов.

– Третий не паникуй – заявил Морган. – Я ими займусь с превеликой радостью.

Лео дернул за рычаги, спиралью уводя свой истребитель вправо.

– Будь добр открой мне обзор – попросил Морган.

Рикеттс что-то пробурчал и кинул истребитель вниз, уходя с траектории огня Лео, который немедленно превратил дрон в пылающие обломки.

– Черт возьми, а! – воскликнул он. – Что ни говори, а умели раньше самолеты делать!

– Лучше скажи, что нам делать с остальными – напрягся Рикеттс – Их много.

Разобравшись с одним, они теперь летели на целую тройку.

– Мне кажется отваливать – констатировал Лео.

Киган этим уже вплотную этим занимался, уводил истребитель в сторону противоположной той, куда метнулся Лео. Вовремя, пулемёты дронов как раз располосовали пространство между ними, казалось, отслеживая цель быстрее, чем та убегала. Ещё бы, у них-то были тактические компьютеры.

– Может им рога наставить, а? – спросил Рикеттс.

– Идёт – согласился Лео, отпуская машину в свободную бочку и из неё в спираль. Рикеттс зеркально повторил маневр, дроны припустили следом.

Этот маневр получил название в честь жука оленя, чьи верхние челюсти напоминали рога. Дроны нагоняли добычу со сноровкой идеальных хищных птиц, прожигая воздух с обеих сторон. Лео стиснул зубы и прочертил в воздухе рисунок зрительный Рикеттсу, в итоге оба пилота зашли друг другу в лоб. Для реактивных самолетов чистое самоубийство, при таком манёвре замечаешь, напарника, когда реагировать уже поздно, но на поршневых проскочить можно. Два Спитфайера выполнив бочку, развернувшись, друг к другу крыльями, промчались, едва содрав краску, а вот дронам по-

везло меньше, две машины столкнулись и рухнули в низ. Ударная волна догнала Лео. Он едва уговорил истребитель не размазываться о стену здания, но стоило ему выровнять машину, как сзади вновь загудел дрон.

– Просто великолепно – пробормотал он себе под нос – ну почему всегда я? Эми-и ты там уснула?

В наушниках раздался звонкий смех.

– Мальчики, к чему паника? – поинтересовалась пилот – Я с вами. Лео уходи влево. По левому борту зенитка, а я отработаю здесь.

– Они повсюду! – заорал Лео – Почему приманка всегда я?

– В этом есть свой исторический смысл – сообщила Эми – Полный вперед и сдвинься влево, чтобы я могла стрелять. Пошел.

Машина рыскнула в указанном направлении. Один из преследователей решил, что с него хватит и скользнул в сторону. Прямо под выстрел Нильсен.

– Ничего так – одобрил Лео – Умеешь, когда захочешь.

– Эй детишки – раздался голос Алин – Если вы ещё не наигрались. Меня тут донимают два здоровяка с непристойными предложениями, не хотите вступиться?

– У меня уже истощается воображение! – воскликнула Эми.

Два дрона действительно гонялись за вертолетом Алин. Некоторые их выстрелы могли бы поглотить винтокрылую

машину целиком и тогда лавочку можно было бы закрывать, и так бы несомненно случилось если бы только пилот вертолета не выделявала чудеса воздушной акробатики. Она же обещала пейзаж с воздушными фигурами.

– Как скажешь босс – отозвался Лео. – Погнали Нильсен, нас ждет великая цель.

Морган отвернул в сторону и увеличил скорость. Эми пристроилась ему в хвост. Рикеттсу наконец-то дали возможность развлечься с зенитными пулеметами в нишах, он в этом догфайте не участвовал.

Бочка с переворотом и вновь можно видеть посадочную площадку, а ещё различать через разбитые стекла маленькие фигурки людей, перемещающихся по стеклянным галереям – своих и чужих. Лео не удержался и долбанул по «чужим» ракетой, тряхнув здание, давая «своим» шанс пройти немного дальше. Лео провел машину по широкой дуге, в верхней точке, как раз вовремя, чтобы пристроится в хвост одному из дронов, который догонял Алин. Хотя рефлексy беспилотника работали на уровне скорости света уйти от Спитфайера он уже не смог и рухнул объятый пламенем.

Эми выбрала второй беспилотник, но вот тот оказался умнее, если, конечно, это слово применимо к беспилотникам. Его электронные мозги видимо сообразили, что, атакуя вертолет, он будет иметь дело с двумя истребителями. Поэтому он предпочел их разделить. Целью, естественно, он выбрал Лео.

– Опять!!! – возопил Морган.

Эми расхохоталась в динамик.

– Может у тебя феромоны настроены на роботов? – зада-
лась вопросом Нильсен – Я чего-то не знаю?

– Я начинаю бояться фильма Матрица – сообщил Лео –
Машины становятся изобретательнее.

– Может поговорим об их изобретательности позже? – на-
пряглась Алин – Мне надоело быть мишенью.

Морган только фыркнул, уводя машину от пулеметного
росчерка.

– Он же выбрал меня – напомнил пилот.

– Машины известны своей ветреностью – отозвалась
Алин.

Этот беспилотник так очевидно не считал, и собрался за-
ниматься своей жертвой, пока полностью не дочитает ей эпи-
тафию. Не очень веселая перспектива прямо скажем.

Лео оглянулся назад. Эми развлекалась с ещё одним дро-
ном, пытаясь обрезать металлическому жуку хвостовое опе-
рение. Сесть на хвост-то ему было не сложно, а вот по-
пасть... беспилотник вертелся, как угорь, аж пританцовывая
и дрыгаясь. Эх придется видимо справляться самостоятель-
но.

Беспилотник не отставал и видимо пристрелялся. За Лео
летела настоящая пулевая завеса. У них что боеприпасы во-
обще не заканчиваются? Видимо нет.

Машину сильно тряхнуло и с глубоким неудовлетворе-

нием Лео заметил отстреленный и подпаленный закрылок. Ощущение – как будто лишился руки. Так это уже серьезно. Самолет взял резкий крен влево.

– Держи крен – раздался в наушниках голос Рикеттса – Я собираюсь вернуть должок за одного.

Лео завертел головой, высматривая коллегу. Ничего и никого кроме палящего во все стороны металлического жука. И вдруг на встречном курсе возник силуэт другого Спит-файера. Неожиданный маневр поразил не только Моргана, но стал сюрпризом для беспилотника. Очередь и металлический жук превратился в грудку обломков. Рикеттс промчался мимо и приветственно помахал крыльями.

– Папочка можешь не благодарить – засмеялся Киган.

Лео промямлил в ответ что-то типа «спасибо» и кое-как доковылял до мертвой зоны. Он повисел там несколько секунд, умиряя дыхание и пульс, а еще выравнивая истребитель из крена. Краем глаза Морган заметил, что Эми всё-таки догнала последний беспилотник, превратив его в пыль вместе с победным: «Й-хоу» и пируэтом.

– Что-то у них сникла оборона – выдохнул Лео. – По-моему, мы от неё избавились?

– Я только хотел начать счет – негромко хихикнул Рикеттс. – Но тут примчалась Эми и вынесла всё вокруг, представляешь?

Алин громко рассмеялась.

– Совсем озверела – согласилась Авонамйелус. – Зенитки не стреляют, дроны не летают и, если Флориан, Лен и спецназ Артамонова сделали свою часть работы, вирус больше угрожать нам не будет. По-моему, недурно для одного дня, а?

Внешняя дверь открылась и на открытую галерею выбежали три фигуры – две человеческих и одна кошачья. Они сразу повернули головы в небо с удивлением обозревая мечущиеся в воздухе самолеты и беспилотники, играющие друг с другом в догонялки. Прямо перед ними с ревом пролетел дымящийся дрон и нашел свой конец в правом крыле здания Департамента. Пространство вокруг сотряслось от взрыва.

Ослепляя и вызывая удушье от расплавленного, метала шли волны жара, черным столбом клубился дым, где-то пахло горелой проводкой. Что-либо разглядеть в этом мареве было очень сложно. Ксения усмехнулась, Аристов явно не ожидал такого сюрприза. Огибая островки огня и покореженного, метала, они шли практически ощупью, кашляя и от всей души надеясь, что не отравятся ядовитым дымом.

– Защитные системы сильно перегружены – заметила Ксения – Я заметила, в генераторной котлы с жидким азотом, для выработки электричества. У нас есть минут пять, пока температура от пожара не накрыла их, тогда всё чертово здание взлетит на воздух.

Снори добавил к этому короткое согласно-ворчливое рычание. Ему в этом месте не понравилось с первого посещения, а слова «жидкий азот» и «взлетит на воздух» точно не

добавили коту оптимизма.

– Оказаться на месте взрыва нескольких чанов с жидким азотом? – задумчиво произнес Кирсанов – А более позитивные варианты есть?

– Ты можешь об этом не думать – сказала Ксения – Думай о чём ни будь светлом.

Кирсанов нахмурился.

– Как раз о светлом не могу – заметил он – Взрыв сопровождается светом.

– Тогда о тёмном.

– Темнота наступает после взрыва – сообщил молодой человек.

Ксения вздохнула.

– Тогда не думай вообще – сказала девушка.

Быстро, но с осторожностью они миновали жилые боксы и уровень, где проходили испытания. Снори всё бежал вперед, тщательно приносясь к окружающей обстановке. Ни с чем кроме дымящегося метала они не сталкивались. Пол под ногами продолжал ходить ходуном. Оказавшись у очередной стеклянной двери, Ксения просто толкнула её рукой.

За дверью был длинный широкий проход между блоками здания и там был сущий Вавилон – в проходе стояли в ряд шестеро СЕКуров и с трудом сдерживали напирających на них людей в больничных робах. Они рычали, выкрикивали угрозы, яростно трясая кулаками. СЕКуры, размахивая своими «Узи», старались оттеснить заключенных, отпугивая

их глухими выстрелами.

Внезапно какой-то косматый здоровенный детина вырвался из толпы и бросился на СЕКуров, разразившись истеричным смехом. Выстрел откинул человека назад, и он рухнул на пол, истекая кровью. Остальные уже не колебались. Они скопом кинулись на солдат. Казалось их уже не останавливал страх смерти. Да и что он значил для тех, чью жизнь государство превратило в жизнь лабораторных мышей?

Ксения перекатилась вперед и с колена под прикрытием двери выстрелила в проход. Двое СЕКуров рухнули, не поняв, что в них стреляли с тыла. Один и оставшихся развернулся и наугад выстрелил, другой присоединился по его примеру. Еще двое открыли огонь по пленникам.

Воздух наполнился пронзительным свистом пуль и острым запахом пороха. Солдаты лихорадочно палили в проход и стены, но в новых противников так и не попали. Ксения почти приросла к полу, стреляя и стреляя в ответ.

Наконец она все же достала одного из стрелявших в неё СЕКуров. Второй попытался сменить позицию для стрельбы, но был сражён прицельной очередью Кирсанова.

Соппротивление двух оставшихся охранников вскоре тоже было сломлено. Один был практически сразу затоплен волной человеческих тел, даже не успев толком выстрелить. Здоровый блондин с очень широкими руками схватил его за грудки, с невероятной силой поднял его в воздух и раскачав, бросил на другого охранника, выбив из обоих дух. Треск би-

того стекла заглушился ликующим рёвом.

Толпа моментально обступила Кирсанова и Авалову, как-то сразу определив, что они «свои ребята». Публика стала галдеть, что-то жестикулируя и объясняя. Как это обычно бывает, покончив с охраной пленники немного растерялись и не знали, что делать. Они спорили, предлагали, и даже уже переругивались, заглушая друг друга.

Ксения поняла, что надо брать ситуацию в свои руки. Взмахами и криками она постаралась привлечь к себе внимание.

– Товарищи – громко произнесла она. – Спорами делу не поможешь. Нужно спокойствие и концентрация. Кто умеет стрелять, берите их оружие и стройтесь в колонну подвоя. Прикрывайте остальных. Так у нас будет шанс выбраться отсюда.

Пленники подхватили призыв и стали хватать оружие в возбуждении щелкая затворами. Ксения удовлетворённо отметила, что её командных способностей хватает даже на такое вавилонское столпотворение.

– Ничего себе – поразился Кирсанов. – Жаль, что у меня так не действует.

– Жаль, что на тебя так не действует – вздохнула Ксения – Идём отсюда.

Обозревая разношерстную толпу, девушка мысленно стала прикидывать могут ли они все влезть в тот вертолет, который барражировал вокруг Департамента, как вдруг среди

многих других она заметила внушительного седого старика. Он сидел на корточках прислонившись спиной к стеклянной стене. Больничная роба его была обильно залита кровью. Меньше всего она ожидала этого человека здесь.

– Альберт Шамильевич – поразила Ксения – Неужели вы? И здесь?

Тяжело дыша, старик посмотрел на неё угасающими глазами. В прошлый они выделились на автодроме и это было до войны. Альберт Сабуров был в дорогом костюме, означавшем власть и влияние. Тогда пять лет назад именно с их разговора и закрутилась вся история, приведшая в конце концов ко всему тому, что происходит вокруг.

– Уверен вы не ожидали меня здесь увидеть Ксения Игоревна – тяжело дыша сказал Сабуров – Но вы не хуже меня знаете, что жизнь непредсказуема. Её повороты причудливы и загадочны. Впрочем, мы должны были встретиться. Я должен был вам сказать спасибо, за дочь.

Ксения покачала головой, жестом показывая Кирсанову перевязать рану, благо у него все ещё была с собой портативная аптечка.

– Не мне – бросила девушка – Больше Наталье Покровской. Это её заслуга в спасении Эльмиры.

Твоей заслуги там вообще нет. Напортачила только, где могла, обругала себя девушка, однако же моментально остановилась: самоедство – это последнее, что ей сейчас было нужно. Гнусное и бессмысленное занятие этим заниматься.

Ты уже ничего не изменишь, но можешь исправить.

– Пусть так – проговорил Сабуров – Но вы не бросили то дело. Вы довели его до конца. Вы вскрыли нарыв, с которым теперь необходимо бороться.

– Значит вы тоже выступали против Директории? – спросил Кирсанов.

– Мы здесь все выступали против Директории – почти с гордостью ответил Сабуров – Так или иначе. Каждый из нас хотел сделать больше для простых граждан, несмотря на риск и таких как мы много, поверьте.

Ксения внимательно сдвинула брови.

– Что вы имеете в виду? – спросила она – Чем таким вы занимались, что насолили Директории?

Сабуров испустил тяжкий вздох.

– Я сюда попал за информацию – сказал он. – Когда к власти пришла Директория, мой бизнес подвергся национализации, ведь меня объявили спонсором революции. У меня отняли всё, но оставили мозги и связи, а значит небольшое влияние. Возможно, я не стал бы делать это самолично, но ко мне обращалось очень много людей, у кого при необъяснимых обстоятельствах пропали друзья или родственники. Возможно, вы не поверите, но я никогда не был глух к чужим мольбам, особенно к мольбам отчаявшихся. Всегда помогал чем мог, а с некоторых пор подобные вещи начали происходить в Директории с постоянством, достойным лучшего применения. Этих людей не арестовывали, их не было ни в одной тюрьме, и они не были убиты или казнены, просто ис-

чезали, без следа.

– Они все оказывались здесь – поняла Ксения. – Эти люди, да?

Сабуров раскурил папиросу, изъятую у одного из конвойных.

– В самую точку – сказал мужчина – Но понял я это, когда сам оказался здесь. Это место, оно как бы отстойник, для лишних индивидуумов, которых Директория более не хочет считать своими гражданами, но которые слишком опасны, чтобы их просто отпустить в добровольное изгнание. Таких Директория в обычную дурку отправляет, ну там если человека просто подправить нужно, а вот если персонаж совсем лишний, тогда сюда отправляют. Это считай лепрозорий. Отсюда только вперед ногами выносят. И две группы: люди, которых уже заразили вирусом, и такие как мы, которым это предстоит. Многим везет, я, почитай, уже года два здесь. В боксы ещё не забрали.

Ксения поджала губы. Безусловно это была практически идеальная система подавления человека, в которой Аристов медленно доводил человека до состояния желе, чтобы он настолько возненавидел свою жизнь, что был готов умолять, чтобы его убили, даже заразив чудовищной болезнью, и вне всякого сомнения поток «пациентов» в этот Департамент вероятно не иссякал, ведь всегда найдутся парии, готовые, чтобы их растаптывали и унижали, только бы закончилось их бессмысленное существование. Так было испокон времен,

человек всегда утверждал свою власть над другими путем лишения их всяческой формы бытия. Никогда недостаточно просто подчинить человека своей воли, но также необходимо лишить его цели, поместив в центр ужаса, разорвав сознание, оставив голым и одиноким в окружившем его страхе. Аристов это довел до абсолюта, получая жизненную энергию от страдающих здесь. Не случайно он так увлекался картинами Ада Данте.

– Неужели родственники обращались только к вам? – недоверчиво поинтересовался Кирсанов – А как же правозащитники и прочее? Обычно они так и вьются вокруг подобных историй.

Ксения заметила, как Сабурова передернуло.

– Оно-то может и так – неприязненно бросил бывший министр. – Однако, вы не до конца понимаете всё коварство Директории. Пусть и служили ей. Не удивляйтесь у меня наметанный взгляд. Эти люди добровольно подписывали бумаги о согласии быть испытуемыми. А ежели кто из сторонних придет, так бумажки все имеются. Вот он ваш человек. Возможно, не очень здоровый, ну так он сам согласился, всё же на благо родины и светлого будущего. Им мировая общественность еще и спасибо скажет. А байки про «белый автобус»... кто же в такую чушь поверит? Я и сам не верил, а потом увидел списки сочувствовавших Балторусии в ближних регионах и увидел, что с ними стало, хотя у этих людей были влиятельные друзья и здесь и за границей, но против

Директории ничего не помогло. Так или иначе, все оказались здесь один за другим, а дальше... кому повезло, как мне и он сейчас с нами, а кому заливают мозги формалином.

– Ну этим уже не удивишь – фыркнул Кирсанов – Заверяю вас, что с этим Департаментом мы сегодня покончим раз и навсегда, и все кошмары будут позади!

Судя по его виду, молодой человек очень гордился сказанным. Ксения сокрушенно вздохнула. И как можно жить с таким тайфуном в голове?

– Не всё так просто – сказал Сабуров – Департамент Аристова не единственное за чем здесь стоит Организация. Есть ещё одна причина их присутствия здесь, известная лишь узкому кругу. Промышленные предприятия Директории недавно получили крупный заказ, мне неизвестны подробности, но в накладных которые я видел, был указано «мох – пятьдесят контейнеров»

– Мох? – со смехом удивился Кирсанов – Зачем промышленным предприятиям мох?

Ксения улыбнулась.

– Может быть они хотят озеленить свою территорию? – хмыкнула девушка – Это если брать кириллический вариант. А в английском это означает Mixed-Oxide fuel – один из перспективных видов ядерного топлива. Что они задумали? Ядерное оружие?

Старик сдвинул седые брови. Его лицо выразило крайнее недоумение. Видно было, что этот вопрос сильно беспокоит

его и он никак не может на него ответить, как будто бы доказывал теорему.

– У меня нет ничего конкретного – сказал Сабуров. – Но я пришел к таким же выводам, особенно если учесть, что одно из предприятий – Научно-космический промышленный центр.

Ксения задумчиво пожевала губу.

– Любопытно – согласилась девушка – Сможете повторить эти данные, если сумеем вас вытащить?

Сабуров слабо улыбнулся.

– Давайте для начала выберемся – сказал он – В моей голове ещё много чего есть.

Внимательно слушавший разговор Снори резко зашипел, привлекая внимание. Ксения обернула к нему голову и медленно кивнула.

– Надо торопиться – сказала она. – СЕКуры повернули обратно.

* * *

Здание Департамента биологического благоустройства сотрясало от взрывов. Алые всполохи огня танцевали на серых стенах и ослепительно отражались от сверкающего меча Кристины, чертившей в накаленном воздухе плавные геометрические фигуры. Движения девушки были легки, элегантны и чарующие. Быстрыми отточенными действиями

Кристина уклонялась от напиравших на неё солдат и наносила удары по их оружию, раньше, чем конвойные успевали помешать её атаке. Девушка была буквально везде, словно бы кружась в мазурке с присущей этому танцу удалью, стремительностью и необычайной воздушностью. Предугадать какое-либо её следующее движение было невозможно. Она была подобно стремительному горному потоку, дробящему скалы.

Аристов хищно улыбнулся происходящему. Эта упертая девица ничего не понимает. Упивается своими навыками и думает, что никто не может быть хитрей её. Словно ребенок, право слово. Пусть с ней сражаются солдаты. Это их работа в конце концов. Пусть снаружи его Департамент штурмует рота спецназа, всё закончится раньше, чем они доберутся сюда. На светском вечере хозяин всегда имеет преимущество перед гостями, ведь именно он и задумал вечер.

Не имело значения кто победит в этом импровизированном бое, они все равно умрут все вместе с его детищем. Вот только нужно открыть запечатанные контейнеры с доработанным вирусом раньше, чем здание взлетит на воздух и отправить последний подарок. А тайна вакцины исчезнет вместе с возрожденной Анной Станиславовной.

Кстати, а где она? Ах вон там... прячется под висевшим на стене декоративным панно с арбалетами – произведение модного американского художника. Скорее всего её туда задвинула эта депуташа Покровская. Нет даже смысла прика-

зывать их отлавливать. Пусть до последнего наслаждаются иллюзией своего превосходства.

Впрочем Покровская могла погибнуть раньше. Один из СЕКуров прижал её к стене и с недвусмысленной целью стал крошить девушке горло. Его мощные руки наверное обязательно переломили бы Наташе позвонки, если бы другой СЕКур не решил выстрелить по удушаемой цели. Наташа из последних сил извернулась и подставила душителя под выстрел. Тот обмяк, всё ещё держась за её шею. Кряхтя и кашляя, Покровская стянула с себя тело и хлопая глазами взглянула на копающегося в столе Аристову.

– Крис! – прокричала она – Доктор!

Юная воительница обернула голову на происходящие и впечатав каблук сапога в челюсть одному из солдат стремительной молнией прыгнула к черному кубу.

– Неужто вы нас собрались покинуть, доминус доктор? – обратилась девушка к Аристову – Спешу вас разочаровать, у вас назначена встреча в международном суде.

Аристов оскалился в усмешке, качая головой.

– Вы когда-нибудь устаете от пафосных речей, Кристина Сергеевна? – язвительно поинтересовался доктор.

Воительница ослепительно улыбнулась.

– Я вообще редко устаю – сообщила девушка – И мне больше нечем занять время, пока вы решаете, какой именно вариант сдачи предпочесть – добровольный или принудительный. От этого зависит ваша дальнейшая судьба.

Аристов глухо засмеялся.

– Выбрать нужно незамедлительно? – спросил доктор. – Раз так предпочитаю свой собственный вариант – вы сдаётесь, и отдаете мне чёртов медальон.

– Этот выбор сделан уже давно – отозвалась Кристина – До нашей встречи.

– Значит, до смерти? – ожог её яростным взглядом Аристов.

Кристина вздохнула.

– Если вы так настаиваете – бросила воительница, вежливо склонив голову. – На вашем месте я бы озаботилась природными явлениями. Сейчас сюда обрушится лавина из десантников. – девушка указала мечом на стеклянную арку.

Глаза Аристов презрительно сузились.

– Возможно вы и с армией – прошипел он – Но вы должны понимать, что вы обречены!

Доктор стрелой метнулся вперед и нажал на угол стола. Сработали словно невидимые магниты и всё что в комнате было металлического, кроме того, что было привинчено, в том числе стрелковое оружие, казалось, внезапно, необъяснимо подскочило в воздух и вылетело сквозь обрушенное панорамное стекло, вместе со своими вопящими обладателями. Наташа, осознав ловушку, в последний момент, успела испуганно отбросить пистолет-пулемет, который едва не выдернул ей руку, улетая прочь. Только Кристина с трудом удержала свой легкий меч.

Аристов холодно рассмеялся. Он встал посреди комнаты и сложил на груди руки.

– Поверьте, у меня есть много, чем я могу вас удивить – нарочито произнес доктор.

Говоря так, он вновь нажал на кнопку на своем браслете. Одна из стеновых панелей отъехала в сторону, обнаруживая стеклянную перегородку, за которой находился тот самый мальчик, которого они спасли. Он был подвешен за обе руки на цепи и раскачивался на ней, будто два живых маятника. Глаза его были полны слез и страха.

– Полагаю этот мальчик знаком вам, не так ли? – приторно вежливо спросил Аристов – Неужели вы думали, что я не догадаюсь, что вы спрятали его в той церкви. Мне прекрасно известно, каких настроений придерживаются местные попы. Очень глупо было прятать мальчика там. Этим вы обрекли святую обитель на уничтожение. Ну хоть на одно они сгодились, избавили меня от долгих и нудных поисков. Признайтесь, вы поражены Кристина Сергеевна?

Кристина сохраняла спокойное лицо, на котором не дергался ни один мускул.

– Конечно – ровным голосом отвечала девушка – Я-то знаю историю этого мальчика, и знаю, как этот мальчик попал к вам, и что вы сделали с ним и с его матерью. Все это вы обязательно повторите, на суде по вашим преступлениям. А поразить вы меня можете, разве только своей бесконечной порочностью.

Аристов пожал плечами, мимоходом обозревая пленного за стеклом мальчика, словно он был персонажем полотна картины.

– Ханжа вы всё-таки, Кристина Сергеевна – сказал он, обращаясь к девушке – Ваши предшественницы, по слухам, были, по крайней мере, воспитаннее – доктор хищно улыбнулся – Полагаю, что до суда не дойдет. Видите ли, любезная барышня... за этой перегородкой, очень мало воздуха и если не опустить её, то это мальчик умрет. Небольшая проблема, скажите вы, но вот курьез... перегородка управляется только с помощью моего браслета и для того, чтобы достать его, вам придется убить меня, но вы же не сможете этого сделать, верно?

– Точно небольшая проблема! – воскликнула Наташа – Кристина прикончи его уже наконец, и мы избавимся от этой ходячей проблемы!

Аристов захохотал.

– О нет! – почти с вожделием воскликнул доктор – Это так не работает. Если она убьет меня или кого либо, то прослывет лицемеркой поправшей благочестие. Видите ли, Наталья Владимировна, при всех своих умениях, эта девчонка может только защищаться с помощью своего клинка, но не убивать им, ведь так, леди Арнис? Видите я знаю не меньше вашего, а может и даже чуть больше. А главное я всегда делаю правильные выводы. У истории всегда есть власть над намерениями человека. Приняв «El creencia» вы не можете

не повторить всех ошибок воительниц прошлого.

Кристина замерла, не двигаясь. Её лицо было спокойно и безмятежно, только длинные светлые волосы развивались от порывов ветра.

– Мне интересна ваша реакция – продолжал говорить доктор – Вы всегда поступаете как дева-воительница, выбирая нравственно верное, а не стратегически правильное, и вот теперь вы оказались перед дилеммой: отречься от идеалов, которыми вы защищаете людей или подвергнуть смерти невинного, ради идеалов. И мы оба знаем, что вы выберете, ведь при вашей потрясающей силе, знаниях и возможностях, вам недостает фантазии в их применении. Если ваша философия не позволяет защитить людей, когда им реально угрожает опасность, то что в ней проку для остального мира?

– Грязный подонок! – выкрикнула Наташа.

Глумливая улыбка Аристова стала ещё более кривой, так если бы он наслаждался этим словом.

– Оскорбления других это самая частая реакция на собственные неудачу и слабость – произнес доктор, прищипывая языком – Пора бы вам уже понять, Кристина Сергеевна, что важно не то, есть ли у вас способности, а можете ли вы с, их помощью, обладать властью. У меня эта власть есть, именно поэтому я даю вам выбор – Убить меня и спасти мальчика или стать ответственной за его гибель, подчинившись идеалам. Вы проиграете в любом случае.

Кристина не двигалась с места и по-прежнему молчала.

Она опустила меч, прижав клинок к ноге. Небо на востоке стало медленно светлеть и раннее солнце затанцевало в развивавшихся волосах девушки. Аристов громко фыркнул и закатил глаза.

– Обалдеть! – устало выдохнул он – Что же вы молчите? Неужели раздумываете? О чём же здесь думать? Разве жизнь невинного ребенка не заслуживает отказа от «El creencia»? Но вы приняли и уже не сможете отказаться.

Кривой рот Аристова расплылся в какой-то дикой сумасшедшей ухмылке. Прошла минута. Кристина не поднимала оружие, но вдруг тело доктора передернулось, и он отшатнулся как будто от удара. Глаза Аристова округлились от удивления, он сделал шаг, пошатнулся и, вначале остолбенело уставившись на Кристину, развернул свою лысую голову – сзади, сжимая двумя руками арбалет, застыла Анна. Её глаза горели благородной яростью.

– Я не принимала! – холодно произнесла она.

Аристов хотел зарычать, но вместо этого у него вырвалось только ужасное бульканье. Доктор стал протягивать к девушке руки, безуспешно пытаясь схватить её за шею.

– Так не уходят – прохрипел доктор. – Это... не... рационально...

Ещё несколько секунд он простоял неподвижно, словно бы размышляя падать ему или нет, потом его рот приоткрылся и оттуда пробежала алая струйка, а затем доктор Лев Аристов рухнул на холодный пол своего кабинета с кровавой колотой раной в спине и остался лежать безжизненным мешком плоти.

Кристина и Наташа уже спешили к Анне. Кристина быстро перевернула мертвую тушу доктора и стащив с его запястья браслет, нажала на кнопку дезактивации стеклянной перегородки. Юная воительница подбежала к висевшему мальчику и одним ударом перерубила оковы удерживавшие его. Мальчик упал ей на руки и застонал. Почувствовав свободу рук, он стал размазывать слезы по и без того мокрому глазам.

– Я знал, что вы меня спасете – прошептал он.

Кристина прижала мальчика к себе и устало выдохнула. Она видела, как стоявшая рядом Анна в изнеможении опустилась на колени, выронив арбалет. Её руки тряслись.

– Ужасный человек – прошептала девушка – Я рада, что убила его!

Наташа положила руку на плечо Анны.

– Да... – пробормотала она, бросив взгляд на застывшее лицо Аристова – Он заслужил своё! Ты всё правильно сделала!

Кристина прикрыла глаза, юная воительница вновь боролась с охватившим её чувством усталого одиночества. Что же, во всем случившемся сейчас был свой мистериальный смысл – создание убило своего создателя. Так происходит повсеместно. Но здесь создатель не осознал свой грех ни перед творением ни перед человечеством. Нельзя революционно вмешиваться в созданный порядок вещей. Отрицая этот порядок, ты бунтуешь против сил непонятных твоему разуму и искажаешь высший замысел, наполняя свою душу злом и в конце концов в тебе не остается ничего, кроме этого зла и безудержной жажды власти. Аристов был именно таков.

– Ни взрыва, ничего впечатляющего – оценила девушка – Определенно он был крайне разочарован таким исходом – она шмыгнула носом. – Давайте выбираться отсюда. Сооружение вот-вот рухнет.

Обе девушки кивнули ей, но прежде сооружения рухнула, не выдержав напора, тяжелая металлическая дверь и в стеклянную комнату, сквозь пролом, стали проникать бойцы ССО Великолоссии грозно потрясая своими автоматами. Впереди них бежал Флориан Штильхарт. Разглядев, сквозь дым и искры, три изящные фигуры молодой человек крикнул десанникам опустить оружие.

– Эй!?! – в голос спросил Штильхарт. – По закону жанра,

я же должен был героически сюда ворваться и спасти вас?

Кристина пожала плечами, устало поднимаясь. Она передала мальчика двум подбежавшим бойцам.

– О сожалею – сообщила девушка – Ты знаешь, мне вдруг стало нестерпимо скучно выслушивать нудные лекции доктора о его исключительности, и я решила спасти себя сама, а заодно и остальных.

Флориан одарил её притворно злобной гримасой.

– Это кошмар – заявил он – Даже назвать по-другому нельзя.

Кристина скептически приподняла бровь.

– Мое собственное спасение? – спросила она.

– Нет – фыркнул Флориан – Ты испортила мой очередной героический поступок – он бросил взгляд на тело Аристова – Какой же должна быть нудной лекция, чтобы стрелять в человека из арбалета?

– Это моя цель – сказала Кристина – Повсеместное истребление ученых-зануд. Сим благородным делом должна заниматься каждая истинная воительница.

Штильхарт изобразил гримасу удивления.

– Ты была слишком к нему привередлива – сказал он – В конце концов, пока мы тут пробивались к вам, через коридоры, я заметил в его винных шкафах несколько бутылок новозеландского рислинга, 2016-го. По-моему, человек ценящий новозеландский рислинг не может быть законченным занудой.

Кристина широко улыбнулась.

– Я ценю комплимент – сказала она – Обязательно его вспомню, когда буду писать свое будущее завещание, но я предпочитаю рислинг 2014-го. Бледно-соломенный цвет, вкус кафир-лайма и крем соды.

Наташа громко кашлянула, призывая внимание.

– Господа – вежливо сказала она – Если вы уже закончили обсуждать экзотические вопросы, то быть может любезный Флориан выведет нас отсюда?

Пол под ногами задрожал всё сильнее, так что призыв был небезосновательным.

– Кажется это даже будет легче, чем ты можешь вообразить – заявил Штильхарт – Смотрите! – он махнул рукой в сторону разбитого окна.

Все, как по команде, посмотрели куда показывает Флориан. В комнате поднялся жуткий ветер и шум, а через секунду, у самого парапета опустился и завис черный, похожий на жука вертолет. Он был до отказа заполнен людьми в больничных робах. Из десантного люка показалась фигура Ксении. Очевидно это она указала, где именно искать своих товарищей. Что ж и на том спасибо.

– А я думала, вы нас бросили! – крикнула Кристина, хитро улыбаясь.

– Ксения Игоревна предложила немного подождать вас – ухмыльнулся в ответ Кирсанов.

– Ну я просто немного в курсе, что она любит спастись в

последний момент – отозвалась Авалова – Короче если мы не намерены оставаться в этом месте на выходные, то совету паковать чемоданы и сваливать. Карета подана.

Оставшиеся в живых без особых разговоров побежали к зависшему вертолету. Забраться внутрь им помогли длинноволосые индейцы перепачканные кровью и копотью. А ещё там был Альберт Сабуров. За всем этим конечно, определено кроется очередная потрясающая история, которую Кристина очень хотела бы услышать. Ну это как-нибудь потом. Пока было не до историй – сквозь выбитую дверь пентхауса спешили оставшиеся бойцы Секуритаты, немедленно открывшие огонь по беглецам. Кристина не стала терять время, на долгие прощания и, схватившись за поручень, последней из беглецов запрыгнула в десантный люк.

– Капитан, все выжившие на борту! – сообщила Ксения пилоту, кивнув подруге – Отзывайте истребители. Уходим отсюда!

– Принято – раздался из кабины голос Алин Авонамйелус – Эскадрилья, домой!

Тройка Спитфайеров выстроилась в линию и выпустила ракеты по основанию здания. С глухим шипением снаряды вонзились в монументальный бетон, обращая его в кашу. Где-то в глубине здания раздалась взрывы и стала течь зеленая пена, мгновенно снесенная столбом огня. Повалил дым и сооружение стало раскалываться пополам, проваливаясь в землю. Алин усилила обороты винтов, быстро уводя верто-

лет подальше от огня и бетонной пыли.

– Надеюсь, что мощности этой колымаги хватит ещё на немного – пробормотала пилот – Иначе поездка будет очень короткой! Погнали!

Авонамйелус рванула штурвал на себя, до упора, направляя винтокрылую машину в единственную вокруг узкую прослойку солнечного света. Остальные были заняты тем, что помогали разместиться, облегчая страдания раненых, и только у одного из беглецов нашлось время, чтобы полюбоваться, вне всякого сомнения, эффектным разрушением Департамента Биологического Благоустройства. Коля повис на руках спецназовца и смотрел вниз своими умными, тихими глазами. Его одного не волновали заботы взрослых. Сейчас он мог просто смотреть. Пока ещё мог и в этом «пока» заключалось всегдашнее преимущество детей перед взрослыми. Он и смотрел, не мигая, без единого слова, как бетонные обломки с шумом и треском раскатывались в стороны, к границе могучего леса. Последовала и угасла яркая вспышка – департамент погиб вместе с вирусом.

Глава XIV. Последствия

Алиса всегда давала себе хорошие советы, хоть следовала им нечасто.

Льюис Кэрролл

Некоторое время спустя

Перед её взором проносились картины, знакомо спокойные и безмятежные. Это была жизнь, о которой она всегда мечтала: большой парк с широкими прудами и изящными извилистыми дорожками. Там были её родители, сестры и младший брат. Она знала, что все они были там. Было бы так всегда...

Тепло, любовь, смех и покой. Она смотрела на добрые улыбки, смешные беседы. Мама по-прежнему ей улыбалась. Уверенность, что её ждет радостная и спокойная жизнь, была сильна, как никогда. Только это всё было прошлым. Её прошлым.

Она смотрела в безоблачное майское небо и жалела, что солнце не слишком яркое, чтобы она могла крепко зажмуриться и пожелать, что открыв глаза, она вновь окажется в своем загородном доме, и всё будет по-прежнему, а медальон, вирус, страшный Департамент будут сказкой, всего

лишь ночным сном.

Медальон... она смотрела на него, как смотрят на бомбу с часовым механизмом. Бабочка с цепочкой блестела на шее Алин Авонамйелус создавая особую атмосферу единодушия и спокойствия, веры и надежды, уверенности в том, что борьба за истины не бывает проигрышной, если верить, стремиться и твердо идти вперед.

Вокруг неё были люди. Они тоже боялись и загипнотизировано смотрели, как Алин снимает медальон с шеи и отдает его хозяйке. Торжественность момента подводила к последнему испытанию. Не финалу, кульминации. Финал наступил раньше со смертью Аристова. Сейчас была кульминация. Причудливым образом кульминация и финал поменялись местами.

Странная она эта история. В ней уже ничего не изменишь и не исправишь, она уже произошла и закончилась, но в то же время продолжается сейчас. Анна всегда думала, что у всего есть конец, но история показала ей, что конец невозможен. Она не может закончить историю, она может только начать новую.

Дрожащими пальцами, девушка прикоснулась к медальону. Сделав мягкое нажатие на миниатюрный выпуклый рычажок, девушка наблюдала, как крышка медальона стала медленно открываться...

Что-то невообразимое теплое нахлынуло на неё и мир обрушился на девушку весь, разом.

Она как будто проснулась, после долгого сна и следом за первым воспоминанием нахлынули другие, как будто была пробита брешь в темной стене хаоса, где она пребывала. Её душа словно бы вырвалась наружу, открываясь тому, что нечто раньше сдерживалось в ней. Теперь она вспомнила. Маму, пылающий дворец, парк и его – единственного, кому она готова была отдать свое сердце. Она помнила бал, где впервые встретила его и балкон, под которым он попрощался с ней. С этого балкона она провожала глазами его усталую фигуру, которая уходила навсегда. Он уносил с собой медальон и их вечную любовь...

Вот значит, как всё обернулось. Действительно, то что предназначено, то и сбудется. Соня была права. Не бывает случайностей. Всё построено на закономерностях. Кристина вероятно считала аналогично.

Когда же сломалась матрица мира? Вот уж чего точно она не хотела бы вспоминать.

Они спускаются по лестнице. Младшая сестра держит собачку. Неожиданно её и отца двое конвойных отводят в сторону. Их заводят в круглую комнату. За столом сидел молодой мужчина. Он откинулся в старинном кресле хозяина дома. Подле него молодая женщина. Её лицо очень холодно и мрачно. Мужчина начинает говорить по-немецки. Он говорит, что революционеры приняли решение о нашей казни, но есть маленький шанс этого избежать. Если она или отец сообщат о местонахождении подводной лодки «Барс». Это со-

вершеннейший пустяк по сравнению с нашими жизнями... ей только нужно было связаться с Дмитрием и их бы отпустили...нет, она не хотела вспоминать дальше. Наверное, мир сломался ещё раньше, а она даже не знала об этом. Что ж, теперь, по крайней мере для неё, все стало совершенно понятно. Теперь она раз и навсегда знала кто она и для чего она. Она знала, чья душа живет в её теле и надеялась, что сейчас эта израненная душа наконец обретет тихую жизнь обычной девушки, о которой она всегда мечтала и избежит той ужасной судьбы, которая постигла её в прошлом.

Кристина положила свои изящные руки на её плечи. Эта девушка была той, кто вытщила её. Здесь и сейчас. Хорошая девушка. Теперь ей предстоит продолжать историю.

– Вот она наконец вся правда, верно? – грустно улыбнулась ей Анна – Вы ведь знали, что оно так все будет, да?

Кристина мягко засмеялась.

– Скорее удачное стечение обстоятельств и немного помощи свыше – сказала девушка – такое объяснение подойдет куда, как лучше, на мой взгляд.

Как, впрочем, и всегда, улыбнулась сама себе Кристина.

– Мы нашли медальон – сказала девушка – А значит исполнили то, что было предназначено и всё что было создано, злой волей Организации, уйдет безвозвратно. Те кто были связаны с судьбой медальона теперь свободны. Я думаю, что случится именно это – Кристина загадочно улыбнулась и сторонний человек наверное бы заподозрил, что она не го-

ворит всего до конца.

– Как я понимаю, мы получили весьма ценные исторические сведения – скептическим тоном произнес генерал Артамонов – Однако же хочется понять, что именно спрятал в этом медальоне капитан Долматов.

Кристина хмыкнула. Она никогда не одобряла излишнюю торопливость и горделивость начальствующих особ. Именно поэтому ценила свою независимость и свободу. В этом наверное, она даже могла сравнить себя с Охотницами. Какое, однако поразительное наблюдение. Впрочем генерала можно понять. Не так часто обычным людям приходится сталкиваться с тем, что он увидел и последствия такого столкновения печальны для некрепких духом. Она искренне желала, чтобы те, кто «прикоснулся» к этой истории, освободились от её влияния.

– Вероятно вот это... – задумчиво сказала девушка вслух.

Осторожно она достала маленькую фотографию, обрамленную медальоном, а за ней лежал высушенный цветок буро-пурпурного цвета, плотно упакованный в тесное нутро бабочки. Было видно, что лепестки очень хрупки.

– Цветок – выдохнул Кирсанов – Но что это?

Кристина молча смотрела на цветок, словно бы о чём-то размышляла или пыталась определить вид засушенного растения. Как однако мир всегда крутится вокруг малых и схожих вещей, подумала девушка.

– Я уже видела такой цветок – объяснила девушка, осто-

рожно вынимая растение и расправляя высушенные лепестки. – Имя ей «Принцесса Луны» это тривиальное название. Цветок родом не отсюда, а из глубины карибских островов.

Кристина растерла пальцами один из листков и разнеслось сладкое, тонкое, стойкое благоухание.

– О его целебных свойствах уже никто и не знает – сказала девушка – Но у древних народов, ещё жива память о нём. «Принцесса Луны» распускается только один раз в году и в самое тёмное время ночи. Кто бы мог подумать, что разгадка окажется настолько простой.

– Говорят, что разгадка имеет смысл, только когда её сам находишь – кивнула Ксения – Но что капитан Долматов знал об этом цветке и откуда?

Кристина пожала плечами.

– К сожалению мы этого уже никогда не узнаем – сказала девушка – О «Принцессе Луны» ходят десятки легенд, как и о многих других растениях. Некоторые говорят, что в древности существовало на карибских островах общество без оружия. Идеи насилия там были вытеснены культом искусства и красоты. Эти люди почитали священный цветок, который, как говорили был ниспослан богиней Луны. Энергия цветка, при дыхании давала людям потрясающее долголетие, избавление от болезней и заживление ран. Жители выстроили красивые города и величественные дворцы. Ими управляла верховная жрица богини Луны – Селения. Люди жили в мире и гармонии. Но долголетие не означа-

ло бессмертия и однажды из всех жителей острова выделилась группа еретиков, они говорили, что вера в богиню Луны – прикрытие для тиранических жриц, эксплуатирующих народ. Люди под их руководством восстали против последней жрицы и убили её, взяв руководство в свои руки, тем самым постепенно приблизив гибель великого острова. Убийство жрицы не принесло жителям счастье. Меж ними начались распри и они стали драться за энергию цветка. В их душах поселилась злоба и низменные желания. Друг против друга они применяли грозное оружие, и в итоге сам великий остров поколебало мощными землетрясениями, и он разрушился, превратившись в множество островков, и частично погрузился в воды. Обездоленные и голодные оставшиеся люди стали скитаться среди величественных руин прошлого и становилось их всё меньше и меньше. Они утратили свою самобытность и культуру, но сохранили древний лунный цветок и скитались они, пока их не нашла экспедиция Колумба. Говорят, что дон Христофор забрал таинственный цветок и отвез его католическим королю и королеве. Больше ничего об этом неизвестно. В Европе он не прижился, и память о нём хранится только в старых легендах.

Девушка замолчала.

– Звучит, как платоновская легенда об Атлантиде – заметил Артамонов – Сколько ещё таких, действительно есть?

Кристина коротко улыбнулась, иронично приподняв бровь.

– По крайней мере у нас нет ничего другого – сказала девушка – К тому же я всегда верю в легенды, а не историческим фактам. Легенда может преувеличивать, но не врать, а факты создаются конкретной государственной властью, существуют, как догматы и легко уничтожаются со сменой политического строя. Легенда всегда берет верх над историей, как говорила Сара Бернар.

Она задумчиво пожевала губу.

– Если Долматов нашел и спрятал этот цветок, то точно не шутки ради – произнесла девушка. – Чем бы он ни был, именно он спасет человечество от мора.

Артамонов кивнул.

– Не понимаю каким образом? – спросил он.

– Вытяжка из лепестков – пояснила Кристина – Её пары образуют соединения, которые проникают в легкие и разрушают структуру вируса.

– Значит спасение от вируса ингаляция? – уточнил генерал.

– Да – кивнула Кристина – вероятно именно эти лепестки и искал Аристов. Именно цветка не хватало ему для завершения. Он знал принцип действия, но не знал название цветка. Это Долматову и Верховскому удалось скрыть. И теперь у нас есть шанс создать экстракт, который уничтожит вирус.

Артамонов кивнул.

– Если это так, то мы сделаем всё, чтобы это состоялась

– сказал генерал.

– Нет – твердо сказал Флориан – Ни одно государство не должно иметь монополию на производство лекарства, иначе мы увидим глобальное противостояние за вакцину. Каждый захочет иметь свою и будет уничтожать один другого.

Артамонов фыркнул.

– Как я мог забыть про ваш хваленый нейтралитет – с недоверием сказал генерал – Что же вы предлагаете?

– Я отправлюсь в Женеву – сказал Флориан – Передадим вакцину в главную лабораторию из отдела по созданию вакцины ВОЗ. Они разберутся что делать.

Последние слова он произнес как-то неуверенно. Кристина это отметила.

– Не думаю, что им следует доверять, учитывая, что мы слышали от Бенаюна – напомнил Артамонов – На ВОЗ оказывают давление, особенно сейчас!

Кристина кивнула.

– Вы оба правы – молвила девушка – Монополии на вакцину быть не должно, но и Бенаюну мы доверять не можем. Мы знаем, что он встречался с Аристовым, а значит Организация его уже не отпустит.

Кирсанов испуганно заморгал глазами.

– Что же нам тогда делать? – спросил молодой человек и его лицо окрасилось гримасой подавленности – Неужели вся наша борьба была напрасной?

Кристина засмеялась.

– Ну не будь так пессимистичен – улыбнулась девушка – Игра ещё не окончена, а потому нет более верного средства чем...

– Чем? – переспросил Артамонов.

– Отдать вакцину Бенаюну – торжественно объявила Кристина – Организация так рьяно за ней гонялась, так пусть насладится триумфом – девушка громко рассмеялась.

Присутствующие посмотрели на Кристину как на сумасшедшую. Никто совершенно не понимал, что она задумала.

– Не совсем понимаю – ошарашено сказал Артамонов.

– А мы сделаем так, что у Бенаюна не будет иной вакцины, кроме настоящей – пояснила девушка – Наталья Владимировна выступит в парламенте, где четко покажет истинную цель закона о цифровом распределителе. Это заседание будет смотреть весь мир, уверяю вас. Тем более у нее и свидетель имеется. После её речи никто не позволит себе использовать чип, слишком сильным будет противодействие общественности и как бы они возможно ни хотели, но ВОЗ придется раскрыть секрет производства вакцины, чтобы не развалить прививочную кампанию.

– Красиво – согласилась Наташа – Значит теперь всё зависит от моего красноречия. Но послушают ли меня?

– Если прав Хаксли, что мягкий голос и магия слов могут убедить в правоте дела, которое вовсе не является правым, то уж убедить в правоте дела, которое является правым, они убедят совершенно точно – заметила Кристина.

Она это знала по собственному опыту.

Некоторое время спустя

По взлетному полю возле небольшого городка под Московском гулял ветер, не какой-то там легкий ветерок, а сильный, сносящий с ног, а главное свежий. И для многих этот ветер был ветром свободы – бывшие пленники страшной биологической лаборатории теперь вдыхали его без единой жалобы, пока брели к предоставленным им временным убежищам. После они должны были начать новую жизнь в новой стране. Старая от них отказалась. Её пропагандистские СМИ уже захлеб рассказывали о ужасном теракте шпионов Великобритании против мирного медицинского центра. Гибель Аристова превратили чуть ли не в оперу, финалом которой должна была стать смерть всех жителей Земли от ужасного вируса, от которого теперь не будет спасения, со смертью доктора-гуманиста. О пропавших подопытных никто не сказал ни единого слова.

Адмирал Рид, наблюдал эту картину из окна салящегося на взлетное поле легкомоторного самолёта. Слишком много всего произошло, слишком многое теперь предстояло сделать.

Несколькими минутами позже он энергично спустился по трапу и, заранее построив улыбку на лице, немного вальяжно направился в сторону группы людей, сгрудившихся возле

входа здание диспетчерской.

Встретили его настороженными взглядами. Адмирал мысленно обвел их лица. Трое пилотов эскадрильи, взорвавшие зловещий биологический департамент, вместе со своим капитаном. Взлохмаченный дипломат Флориан Штильхарт. Кристина Легонова – скрывающаяся под таинственным именем «Арнис», убившая Охотницу. Депутат Велико-русии Наталья Покровская. Девушка-клон созданная Аристовым, убившая своего создателя, Ксения Авалова, бывший детектив погибшей Понтийской Республики с незнакомым молодым человеком... Все они по-настоящему походили на героев приключенческой саги. Особенно, конечно, Кристина – длинные волосы развеваются на ветру, щеки пылают лихорадочным румянцем, глаза блестят, каждое движение отмечено грацией истинной воительницы. Новая уверенность, новая легкость. Аура новой внутренней силы. Эта Кристина отличалась от той легкомысленной и утонченной барышни, которую он помнил многие годы до того. С ней будет непросто. Весьма непросто.

– Сэр – девушка сделала легкий ироничный кивок.

Адмирал почтительно ей поклонился в ответ.

– Сколько вас знаю, но каждый раз вы не перестаете меня удивлять, моя дорогая – сказал он – Поздравляю, это была превосходная игра.

Кристина нервно усмехнулась.

– Ну, это были весьма экстраординарные действия –

сквозь улыбку пояснила девушка – Как всегда, я бы сказала. Хорошо, что всё закончилось, однако, знаете, я не теряю желания, когда-нибудь понять правила игры, до её финала.

Адмирал отечески потрепал её по плечу.

– Могу только сказать, что вам представится ещё не один такой случай – заметил мужчина – Уверен, Организация ещё обязательно проявит себя. Они всегда так делали. Сегодня же судьба вам позволила просто насладиться победой. Вы спасли множество людей от ужасной участи и заслуживаете всякого восхищения.

Адмирал лукаво улыбнулся.

– Что же касается вас... – мужчина бросил взгляд на скучковавшихся пилотов – Я думаю, вы понимаете, что за последние несколько дней вы совершили массу тяжелейших правонарушений: взрыв ангара, неподчинение вышестоящему начальству, угон самолета, незаконное пересечение нескольких воздушных границ. Наверное, в традиционном понимании этого слова, вы должны быть не только разжалованы, но и подвергнуты самому суровому наказанию. И тем не менее... за все ваши действия, я буду лично ходатайствовать, о награждении вашей эскадрильи Крестом Виктории.

– Мы делали это не за награды – бросила Алин – Мой долг заключается в том, чтобы мои пилоты выполняли свои обязанности и оставались при этом в живых. И я взялась за эту работу не ради себя, не ради почестей или власти, а ради

своих людей, вот этих людей, и всех тех, кого мы защищаем от Организации.

Адмирал засмеялся.

– Уверен, что это так – сказал он – Я очень хорошо это знаю. Но я так же знаю и то, что очень долго я работаю с людьми, перед которыми имеется неоплаченный долг. Вот, хочу немножко вернуть.

Кристина приподняла бровь.

– Неужели вас вернули на службу? – поинтересовалась девушка.

Адмирал пожал плечами.

– Боюсь, что у меня не было выбора – сказал он – Я разъяснил руководству Альянса в какую аферу пытался втянуть Тайберт их почтенную организацию. И какой мог быть ущерб. Даже в НАТО сто раз подумают, прежде чем фигурировать в списке участников преступлений против человечности.

– Воображаю, что там было – покачала головой Покровская, практически мстительно сверкнув глазами. Вероятно, она получила ментальное удовлетворение от новостей. Ведь обвинение Великоруссии в ликвидации своего беглого агента наделало много шума. Теперь же после вскрытия подлинной правды бывшие обвиняемые могли не только выдохнуть, но и станцевать калинку на пепелище рассыпавшихся обвинений.

Адмирал вежливо улыбнулся девушке.

– Да, мисс – согласился он – Это вызвало большое оживление. Меня они пригасили немедленно и настояли, чтобы

я остался консультантом при штабе военной разведки. Они никак не ожидали подобного предательства, да и сами разговоры об Организации считали маргинальным бредом. Теперь же им более было нечего сказать. На мой вопрос, санкционировали ли они действия Тайберта, мне было сказано, что никоим образом.

– Ну естественно – фыркнула Кристина – Государственным структурам страшно признать, что они лишь марионетки в руках Организации. Они воют, управляют, богатеют, но не осознают, что их дергают за нити и что повелеваются не собственной волей, а злым разумом. Аристов это показал очень чётко, а ведь он тоже только исполнитель.

Девушка повернула голову на звук неспешных шагов – генерал Артамонов, одетый в полный мундир, шел к трапу самолета. Предстояла долгая часть переговоров и консультаций официальных лиц. Может им свои услуги предложить по консультированию, а?

– Вы очень храбрая девушка Кристина Сергеевна – кивнул ей генерал – Ваша отвага, действительно делает вам честь. Вы стараетесь смотреть за горизонт, никогда не забывая, про здесь и сейчас. Немногие из нас могут похвастаться такими качествами. Забывая про это, мы делаем ошибки, несущие чудовищную угрозу. Надеюсь, что совместно мы поборем сие и добьёмся устойчивости и стабильности в нашем общем мире.

Кристина задумчиво поджала губы.

– Гнев Организации за нашу маленькую победу будет ужасным, а её мщение очень скорым – отозвалась девушка – Эта битва закончилась. Битва следующая впереди. В единстве для достижения устойчивости наша главная надежда и великая сила борьбы с хаосом разрушения.

Артамонов поморщился.

– Пожалуй – согласился генерал – Сейчас это ещё непонятно, но мир вокруг мир нас изменился, это чувствуется даже в воздухе. Он сужается как сдавленный шар. Не уверен, что это хорошо, но в любом случае нам нужно реагировать на эти изменения. Вместе.

Адмирал только коротко кивнул, не тратя лишних слов. Он подошел к Артамонову и протянул ему свою руку. Генерал секунду помешкал и пожал её.

– В трудные времена сильным является тот союз, который мыслит стратегически, разделяет общее видение и действует сообща – улыбнулся адмирал.

Наблюдая их рукопожатие, Кристина с природной элегантностью размяла затекшую спину. Что же, для большой игры нужны большие союзы. Объединится против общего врага всегда легко, а вот союзы ради общего блага хрупкие в лучшем случае.

Воистину все меняется.

Сердце Кирсанова готово было выпрыгнуть из груди, когда они только приземлились и во время нудного разговора высоких гостей и тем не менее молодой человек прилежно улыбался, кивал, пожимал руки. Теперь же, когда процессия ушла чуть вперед, он и не думал сдерживаться. Он глядел на Анну и понимал, что именно сейчас он должен ей сказать, что было на его сердце последние дни. Рассказать о том неожиданном чувстве, которое возникло сразу, как он увидел её. Должно быть это нестерпимо глупо – вот так все вываливать, особенно сейчас, но сердце упрямо не слушало голову. Нет это была не любовь, это было что-то другое, гораздо сильнее. За последнее время через него прошло столько боли, столько страдания и теперь, когда всё закончилось, он просто не мог потерять её, которая, может и неосознанно подарила ему это чувство.

Молодой человек и не заметил, как маленькая рука легла ему на плечо, одарив его потрясающей теплотой. Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы эти нежные руки обнимали его. Кирсанов попытался улыбнуться. Анна обхватила его за талию, притянула к себе и прошептала:

– Всё ведь закончилось, правда? Я это чувствую. Словно огромный груз свалился с моей души. Я исполнила то для чего я была рождена. Теперь я понимаю.

Забыв обо всех приличиях, Кирсанов порывисто обнял девушку и тогда, уткнувшись в его плечо, Анна заплакала. Должно быть это и есть та устойчивость, о которой говорила Кристина – космическое равновесие данное нам свыше. На одной чаше весов – тягостные воспоминания, на другой – борьба за добро и справедливость.

– Я тоже это чувствую – выдохнул молодой человек – теперь постарайся же выбросить всё плохое из головы. Иначе будет плохо, я это знаю. Пройдет совсем немного времени и вы станете обычной девушкой. Будете радоваться житейским мелочам. Наверное просто нужно немного потерпеть.

Он обнимал её и всё еще подыскивал слова, которые хотел сказать, понимая, что говорит совсем не то и не про то, но ничего другого не выходило.

– Наверное – всхлипывая, согласилась девушка – Спасибо вам. Всё это время вы потрясающе себя вели. Я никогда не забуду, что вы сделали для меня, правда.

– Что мне ещё оставалось? – покачал головой Кирсанов – Я делал всё, что мог. По сравнению с тем, что пришлось испытать вам – это такая мелочь.

Она оторвалась от его плеча и пристально посмотрела на него. Кирсанов прочитал в этом взгляде не только благодарность, но и даже некую восторженность, однако были они уходящими, как будто на прощание. И в словах девушки тоже чувствовалось прощание. Ветер трепал её волосы, пахнувшие медом, но этот запах, который Кирсанов мог ещё даже

трогать, уже уходил. Уходил навсегда.

– Этот мир прекрасен – сказала Анна – Мне только предстоит понять его. Вот теперь, когда я наконец свободна. Я могу начать новую жизнь, там, где меня никто не знает. Мне нужно уехать, чтобы окончательно понять саму себя.

Она словно бы извинялась за свой уход, возможно понимая, что чувствует молодой человек, а возможно испытывая нечто похожее. Определенно сказать это было нельзя. Её лицо выглядело слабым, изможденным, но с какой-то новой внутренней силой.

– По... Понимаю.

В душе было пусто. Анна была еще здесь, но уже далеко-далеко от него. Далеко навсегда. Ещё одна минута, две или три и он больше никогда её не увидит.

– Прости – мягко сказала она – Мне очень жаль! Возможно если бы всё сложилось по-другому, если бы у нас было бы время... но я знаю кто я и я дала другому клятву верности, навеки и я унесу её вместе с собой.

В этом и была её новая сила. Она приняла свою природу и не противилась ей. Природа заставляет за что-то платить. Она хотела узнать правду, она её узнала и теперь должна нести эту правду в своей душе. Кирсанов это понял. В этот момент он думал о том, что какая же великая, должно быть, та была любовь, что даже через столько лет и в совершенно другом временном измерении, она не предает её. Хотел бы он испытать такую любовь.

– Навеки – прошептал он – Но один раз, только сейчас.

Анна улыбнулась и осторожно коснулась его губ своими – теплыми и нежными, словно лепестки цветов. Сладкий аромат её присутствия проник в его душу и моментально взорвался, как сверхновая, когда она разорвала связь. Крошечная искра, словно бы сама жизнь. В этот момент он отпустил её.

Больше Анна ничего не говорила. Она только улыбнулась и на прощание помахала рукой. Прощай же, пусть с тобой придёт удача. Навеки. Кирсанов провожал девушку взглядом, пока её непослушное шуршащее платье, навсегда, не скрылось для его глаз.

Молодой человек почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Повернулся. Ксения Авалова, прислонившись к брюху стратегического бомбардировщика смотрела на него насмешливым взором. Опять начнет читать нотации, фыркнул Кирсанов, конечно, ей легко. Интересно Авалова-то вообще кого-нибудь любила или влюблялась или с самого рождения была задумана как набор дедуктивных уравнений?

– Она ушла – прошептал он – А я так ей ничего и не сказал.

Ксения многозначительно сдвинула брови.

– Наверняка это очередная юношеская проблема, которая скоро пройдет – саркастическим тоном заметила девушка – У каждого из вас своя жизнь и значит так должно было случиться. Если бы было задумано иначе, то произошло бы по-другому. Сейчас у тебя нет времени на поэтические метания

беспокойной молодости! Нас ждут. Идем!

Девушка быстро зашагала к зданию. Кирсанов уныло поплелся сзади, как-то сразу почувствовав себя неприкаянным. Возле самого входа он оглянулся, но Анны уже не было.

* * *

Металлическая платформа доставила их на подземный этаж выстроенного по последнему слову здания военного аэродрома. Стекло и холодный металл упрямо навевали мысли о погибшем здании Департамента биологического благоустройства. Впрочем это были только самые первые мысли. В этом здании не было даже тени уныния и выкачивания жизненных сил, как в Департаменте, здесь всё было живое: техники – мужчины и женщины трудились над машинами всех мастей, ремонтируя, собирая, модифицируя... подземный этаж представлял собой длинный коридор, где, перед компьютерами сразу с несколькими мониторами ровными одинаковыми рядами сидели девушки. На вид им было лет по двадцать. Все одетые в одинаковые тёмно-синие курточки и юбочки. У всех спокойное сосредоточенное выражение. На аккуратных прическах авиационные гарнитуры, глаза устремлены в мерцающие точки на экранах – все подчинены единой задаче, безусловно значимой и великой.

Кирсанов мельком подумал, как далеко сразу ушли все треволения лишь только они покинули Директорию и рас-

крыли наконец загадку медальона. Опасность, грозные слухи; казалось всё это привиделось в дурном сне, но когда он вошел вслед за Ксенией, в широкую бетонную ротонду с полированными полукруглыми столешницами и внушительными высокими креслами, лица собравшихся там, были серьезные, и можно даже было сказать мрачны.

Кирсанов обежал взглядом зал, заметил Кристину, генерала Артамонова, военного из Канады, что прибыл сегодня – адмирала Рида, увидел того самого высокого седого мужчину, которого они вытащили с Ксенией – Альберта Сабурова, который что-то рассказывал собравшимся. Выступающие скулы, костюм сидит мешком на острых плечах – похоже, ему так и не удалось полностью восстановиться после заключения в Секуритате. Хотя и выглядел он, конечно, живее, увереннее. Ещё его взгляд сделался более цепким.

Артамонов пригласил вошедших сесть и продолжил уже начатый разговор.

– Не с легким сердцем приходится мне слушать всё, что вы говорите, Альберт Шамильевич – мрачно произнес генерал – Могли бы вы сообщить нечто более конкретное, за что можно было бы ухватиться?

Мужчина лукаво улыбнулся в ответ.

– Я ультиматист и оппозиционер, а не шпион – сказал он – Могу только повторить, то что сказал Ксении Игоревне. Есть крупный иностранный заказ, для промышленных заводов Директории. Разместила его американская частная фир-

ма – IBF.

Кристина прищурила глаза.

– Джеффри Треверс?

Сабуров учтиво кивнул.

– Ваши знания, как всегда, на высоте – сказал Мужчина

– В последнее время ряд его мелких предприятий стал заниматься коммерческим космосом. Вначале это были услуги по космическому туризму, но вот, где-то с месяц назад Треверс стал покупать промышленные объекты – в том числе и научно-космический промышленный центр.

Ксения улыбнулась.

– Значит, старые связи даже у вас остались – заметила девушка.

– Скорее слишком многие имеют передо мной неоплаченные счета – пояснил Сабуров – Про некоторых я знаю много такого, что не понравится Директории. Информация не такая большая плата за личную безопасность. Только вот опять-таки никакой конкретики. Только обрывочные сведения.

– И всё же, хотелось бы их услышать – уточнил Артамонов – Не на пустом же месте эти сведения возникли и не из воздуха.

– Не из воздуха – кивнул Сабуров – Я всё ещё знаком с парой-тройкой капитанов, которые раньше работали на меня. От них я узнал о транспортной линии между Штатами и Директорией, по которой якобы возят твелы для их ядер-

ных станций, ведь из-за обострения отношений Директория отказалась их покупать у Великоруссии. Так по документам.

– А на самом деле? – поднял голос Рид.

Сабуров повернул к нему свое сухое лицо.

– А на самом деле, адмирал – сказал он – Твелы так и поступают, через Великоруссию, через фирмы-прокладки, а в контейнерах перевозят мокс-топливо. Пункт назначения – научно-космический промышленный центр в Парайе на Кабо-Верде.

– Но ракеты не летают на мокс-топливе! – удивился Флориан – Это топливо для реакторов... – его глаза расширились – Не космическую же станцию Треверс создает, с ядерным реактором?

Кристина пожала плечами.

– В этом нет ничего необычного – сказала девушка – Ядерные реакторы на космических аппаратах применяются в случае, если необходимое количество энергии невозможно получить другими способами, например, с помощью солнечных батарей. Но зачем Трэверсу энергия большего масштаба, чем от стандартных изотопных источников?

– Ну это дела коммерческие – недоверчиво пробормотал Артамонов – Сейчас все просто помешались на космосе, вот и Треверс тоже. Уверен для него это не более чем ещё один способ заработать лишний миллиард. Соберет деньги под креативный проект, а если не сработает, скажет мол, никто же не застрахован от провалов, чем не пожертвуешь ради великого освоения космоса. Но тем не менее это кое-что реальное. И всё же тут нужна осторожность. Вопрос во многом политический. С нас и одного рейда в Ньюфаундленд хватит.

Адмирал улыбнулся.

– Об этом не беспокойтесь – сказал он – Данный вопрос уже решен. Мы представим вашу небольшую, как совместную антитеррористическую операцию и объявим это через СМИ. Видите, всё в вашей власти, если вы снова имеете должность.

Артамонов засмеялся.

– Я всё больше начинаю радоваться нашему сотрудничеству – сказал он – Только правительство всё равно сдерет с меня три шкуры. Это наша местная традиция. Хотя после сдирания последней шкуры обязательно наградят, представив всё произошедшее как собственную идею. И всё же мы решили проблему с вирусом, что не может не радовать.

Наташа кисло улыбнулась.

– Да, но получили другую – заметила она – Не нравится мне эта история с ядерным топливом. Энергия такого масштаба и в таких количествах может быть использована и для постройки оружия.

Артамонов кивнул.

– Мы узнаем это – сказал он – Даже если Треверс что-то и строит, это нельзя скрывать вечно. Рано или поздно, но всё прояснится.

– Главное, чтобы не слишком поздно – мрачно покачала головой Кристина – Что-то собирается вокруг, что-то большое и мне от этого не по себе.

– Значит, мы будем работать ещё лучше, чтобы это остановить – заверил девушку Артамонов – И думаю мне пона-

добиться новый помощник, ведь полковник Воротынцев, как оказалось выбрал не ту сторону.

Кристина хмыкнула.

– Кажется я даже знаю о ком вы – ехидно заявила она – Ксения Игоревна, по-моему, вам собираются сделать предложение от которого нельзя отказаться.

Ксения фыркнула.

– По-моему, уже сделали – сказала девушка – Вот уж где я точно не работала, так это в военной разведке.

Генерал повернул к ней голову и вежливо улыбнулся, как улыбаются старые битые хищники.

– Я не предлагаю – сказал он – Просто прошу. Потому что не только считаю, что вы достаточно опытни и профессиональны для такой службы, но и при ваших подвигах и сейчас и в прошлом, вас не оставят в покое. Люди на той стороне тоже не дураки, они все помнят и ничего не забывают. Мы же предложим вам не только защиту, но и карьеру достойную ваших навыков. Не всё же вам в лесной сторожке сидеть, полковник Авалова.

Ксения небрежно почесала щеку.

– Полковник значит – повторила девушка – умеете вы... так сказать, разъяснить всё, с нежным удушьем, так чтобы и вариантов не осталось для отказа.

– А вы и не отказываетесь – кивнул генерал – Просто поверьте, что по нашему ведомству служат не только такие как Воротынцев или Соколовский, с которым вы так нежно про-

стились. Я на правильной стороне.

Ксения пожала плечами.

– Вот только смотря для кого правильной – коротко улыбнулась девушка и бросила взгляд на Снори – Ну что, как думаешь, стоит соглашаться?

Генерал, следует сказать, несколько поразился, такому виду размышления над его предложением, однако не подал виду. Кот же только довольно мяукнул. Долгая жизнь в лесной глуши, очевидно его не прельщала. Нонсенс, усмехнулась про себя Ксения, ты прекрасно знаешь, какой дашь ответ и увиливать здесь нечего.

– Я принимаю вашу... просьбу – сказала девушка – Только с одним условием – Андрей Кирсанов пойдет со мной.

Молодой человек сидящий рядом вспыхнул красным цветом. Он был глубоко поражен таким предложением, но из вежливости промолчал.

– Не скрою, что не уверен в вашей просьбе – бросил Артамонов – Месть негодный советчик при нашей службе. Однако нам нужны горячие, честные и храбрые молодые люди и если вы в нем уверены, то и я согласен.

– Ну что же – протянула Ксения – Говорят, что великое всегда начинается с малого, а это уже какое-никакое, но решение.

И с этими словами Авалова вальяжно протянула генералу руку.

Эпилог

Через три недели после того, как на её глазах был открыт медальон и наконец-то разгадана тайна вакцины от смертоносного вируса, Наташа вновь находилась в своем рабочем кабинете, всё так же смотря сквозь окно на старинную площадь и красные крепостные башни. Всё было именно как в тот день, когда к ней зашла старая женщина имевшая просьбу спасти дочь, с чего и началось её далекое странствие, приведшее к самым невообразимым последствиям. А здесь, в этом кабинете, кажется? даже ничего не изменилось: всё те же бумаги, небрежно разбросанные по столу, милая девчушка Надя заваривает кофе, и вот совсем скоро, ей придется тащиться на заседание комитета. Наташа честно призналась себе самой, что безумно хочет, чтобы всё было именно так – спокойная рутинная жизнь вокруг, а всё остальное – не более чем секундный полет её фантазии.

Пока Наташи не было, в стране произошла уйма разных событий. Светская хроника скорбела о безвременно ушедшем в иной мир режиссере Школьникове, о смерти которого были впрочем одни лишь слухи, да и то передающиеся шепотом. Фильм же его, о последнем царе Великодержавии, который получил-таки прокатное удостоверение, крутили в кинотеатрах некоторое время, но большой популярности он не имел, кроме разве того, что стал предметом страшных ба-

ек и черных пародий, по большей части среди юного поколения, благодаря тому обстоятельству, что все, кто имел отношение к съёмкам этого фильма, таинственным образом, умерли. Впрочем довольно скоро на экраны вышли другие киноленты и фильм Школьникова окончательно затерялся в истории.

С разгадкой тайны медальона, по её возвращении случились и некоторые политические оказии:

Комитет по чрезвычайному положению, например, был распущен. Ещё в ночь их полета из Директории, генерал Артамонов отдал приказ частям, верным конституции, арестовать всех членов комитета, до его особого распоряжения, что и было исполнено, тихо и без лишнего шума. По возвращении Артамонов лично допросил всех заговорщиков, однако ничего существенно нового не узнал: все как один утверждали, что сотворили путч в состоянии беспамятства и сильнейшего психологического давления. А нити же заговора сводились к полковнику Воротынцеву, на нём и обрывались. Можно было заключить, что он очень умел располагать к себе людей, спекулируя на их патриотических чувствах. Судебных дел на заговорщиков заводить не стали, взяв с них письменное обязательство, что они более не будут выступать против конституционного строя ни тайно, ни явно, и с тем, распустили по домам, а история с чрезвычайным положением быстро стала предметом многочисленных острых и иногда даже пошлых шуточек. Только старики качали головами, жа-

дуясь, на постепенно возвращающийся ритм мегаполиса, и мечтая, чтобы вновь установилась какая-нибудь чрезвычайная власть с порядком и дисциплиной.

Тем временем правительство, в своем кратком заявлении, по итогам всего, сообщило о раскрытом заговоре международной террористической группы и отдельно о проведении совместной операции по уничтожению террористов на острове Ньюфаундленд. Всех причастных к делу поощрили высокими наградами и вдобавок красочными заголовками в прессе. Особенно отмечался героизм и несравненные дипломатические качества председателя комитета по международным делам Государственной Думы – Натальи Владимировны Покровской, во многом благодаря которой получилось урегулировать межгосударственные противоречия и согласовать операцию. Для прессы Покровская вновь превратилась в обожаемую супергероиню, и все довольно быстро забыли о тех статьях, в которых её, ещё совсем недавно, естественно по глубокому недоразумению, высмеивали и выставляли чуть ли не как агента иностранных держав. Да, собственно говоря, и статей этих уже никто и найти не мог и даже неизвестно были ли они вообще, а самую хвалебную оду Наталье Владимировне посветил известный ведущий Рудольф Галкин в своей ежедневной вечерней передаче.

Незавершённым остался только вопрос с законом о едином цифровом распределителе, рассмотрение которого, во втором чтении было назначено натурально на сегодня.

Стоял жаркий июньский день. Косыми лучами солнце жгло город и густая пыль наполняла воздух. Наташа всё смотрела в окно на старинную площадь и на мелкие точки прохожих и туристов, которые высыпали на улицу, стоило только правительству снять локдаун.

– Наталья Владимировна – окликнула её Надя – К вам опять из разведки, только уже девушка какая-то с ребенком.

Наташа вдохнула горячего воздуха и кивком головы велела помощнице пригласить гостя. Надя что-то недовольно пробурчала, мол зачастили к нам из конторы, добром это не кончится.

Секунду спустя, скрипнув дверью в кабинет прошла Ксения Авалова, в своем обычном образе – джинсы, рубашка с закатанными до локтей рукавами, на бедрах блестят браунинги, волосы собраны сзади в мощный хвост – менять, который, для парламента Ксения Игоревна не посчитала нужным.

Девушка была одна, за руку за руку она вела того самого мальчугана из клиники – главного свидетеля страшных опытов доктора Аристова. У Наташи каждый раз сжималось сердце, когда она глядела в его лицо. Она с ужасом представляла сколько бед должен был испытать этот ребенок в своем ещё столь юном возрасте и какую силу он выработал, чтобы всё перестрадать, а она со своей интеллигентской рефлексией, по сравнению с ним, всего лишь избалованная кисейная барышня. Не имеет она права вести себя, как размазня.

– Пойдем выступать – с серьезным видом сказал Коля –
Ксюша сказала, что будет ку-у-ча человек.

Мальчик распротёр тоненькие ручки, словно бы обхватывая количество всех будущих слушателей.

– Надеюсь, что так? – улыбнулась Наташа – Люди должны услышать твою историю.

Мальчик нахмурился.

– И детей больше не будут сажать в клетки? – серьезно спросил он.

Наташа осторожно подошла ближе к мальчику и неуклюже потрепала его по голове.

– Нет, – успокаивающе сказала она – Больше не будут. Злой доктор хотел так делать со всеми, но появилась прекрасная воительница «Арнис» и спасла нас.

Мальчик шмыгнул носом.

– «Арнис» хорошая – бодро произнес мальчуган – Она долго играла со мной. Вот было бы здорово, если бы она сделала всех детей улыбающимися.

Наташа улыбнулась.

– Если ты веришь в её силу, так обязательно будет – подмигнула девушка – Идем теперь. Она нам помогла, а теперь мы должны ей помочь.

Наташа давно себе пообещала, что приложит всё, чтобы такие дети не плакали. Ради этого стоит жить и бороться стоит. Она не допустит того ужаса, что видела в департаменте Аристова, ни в стране ни в мире.

Да, это достойная цель, кивнула своим мыслям девушка, затворяя тяжелую дверь кабинета.

Старинный зал заседания из резного дерева, отделанный, как и всё убранство парламента в псевдорусском стиле, только чуть обновленный техническими достижениями был забит до отказа самыми разными представителями законодательной ветви власти и партийными и беспартийными, журналистами, операторами... как только Наташа зашла в него, на неё тут же обрушился поток вопросов и выкриков. Она всем улыбалась, раздавала короткие комментарии и старалась быть любезной даже зная, что ещё очень недавно эти люди, без всякой острастки наводили на неё такие напраслины, что даже её фантазия не могла это переварить. И тем не менее, Покровская держалась. Годы службы в прокуратуре и работы здесь не прошли даром. Сегодня перед ней стояла простая и единственная цель – сорвать принятие закона.

– Как думаешь, у меня получится? – спросила она у Ксении, стоявшей сзади, в позе телохранителя.

Авалова пожала плечами.

– Ну, как минимум, многим людям, Артамонов предоставил материалы, которые тебя реабилитируют – сказала девушка – Знаешь, он был очень убедителен. Ну а кроме того многие тебя поддерживали и во время всей истории, только не высказывались. Теперь они не станут молчать.

Наташа вежливо кивнула. Хотелось бы верить.

Ты выступаешь второй? – светским тоном осведомилась Авалова.

– Конечно – кивнула Наталья – Сначала выступит автор закона. Я должна оппонировать.

Ксения хмыкнула.

– Чувствую будет то ещё шоу – многозначительно заметила девушка, разглядывая собственные кеды и синий, в крапинку, палас зала заседаний.

Наташа, усмехнувшись, кивнула в ответ. Она предпочла смотреть в украшенной лепниной старинный потолок. Говоривших сейчас слушать не хотелось.

На трибуне появился спикер парламента Анатолий Грешнев – внушительный мужчина с проседью на висках и жестом руки попросил депутатов в зале заседаний замолчать и сосредоточить свое внимание на актуальной информации.

– Господа депутаты, уважаемые коллеги! – мужчина откашлялся, прочищая голос, и сделал несколько глотков воды, – Преступаем к работе. Просьба зарегистрироваться.

Через несколько секунд регистрация присутствующих депутатов была подтверждена, и спикер продолжил:

– Кворум присутствует, порядок работы утвержден – сказал он, глядя на табло для голосования – Переходим к повестке дня. Основной вопрос на сегодняшний момент – принятие во втором чтении Закона о Едином Цифровом Распределителе. Вопрос, как вы знаете, чрезвычайно важен и животрепещущ. Представлять закон будет его автор – Исаков Ев-

сей Александрович – депутат от Саратовской губернии. Оппонировать – Покровская Наталья Владимировна – депутат от свободного округа Цареград, в связи с последними событиями её доклад может повлиять на уже сформированное у большинства мнение...

В зале началось необыкновенное возбуждение, несколько депутатов в разных концах зала начали вставать с мест и громко кричать. Общий смысл сказанного можно было консолидировать в единую мысль – «Зачем это нужно, если закон уже практически утвержден?!». Досталось и Покровской. С рядов в её сторону послышалось что-то вроде «Где ваша лояльность правящему курсу?» или что-то похожее, трудно было разобрать в общем гаме.

– Коллеги, успокойнее – заявил в микрофон спикер – У нас демократическая процедура и всестороннее обсуждение законопроекта должно учитывать и такой взгляд на проблему. Давайте будем культурными людьми.

Крики и шум не утихал, превращая происходящее во что-то несусветное. Наташа поняла, что здесь всё было разыграно заранее сторонниками закона, чтобы не дать ей выступить. Они всячески будут пытаться сорвать заседание и в конце концов заставят его перенести или что хуже просто поставить вопрос на голосование без обсуждения. Нужно было что-то решать.

И тогда Наташа просто встала со своего места и направилась к трибуне. Удивительно, но в сложившейся ситуации

она ни только не вышла из состояния душевного равновесия и стала нервничать, но, наоборот, смогла максимально сконцентрироваться и собраться с мыслями. Резким движением она сорвала микрофон со стойки и громко заговорила:

– Уважаемые коллеги – начала она – Вижу, что вас как всегда очень заботит моя скромная персона. За последние недели, уверенна, что у вас было много поводов меня обсудить и сегодня я здесь, перед вами и вы можете мне задать любые вопросы и раскритиковать любое мое слово. Я прекрасно знаю, как вы ко мне относитесь. Да, я молода и возможно неопытна, возможно я иногда бываю слишком категорична в суждениях, но меня, как и вас, больше всего заботит судьба страны, которая приняла меня в самое тяжёлое для меня время, именно поэтому я и обращаюсь к вам, с этой трибуны, в надежде увидеть в вас не только союзников, но и мудрых учителей, которые помогут мне убрать мои собственные недостатки. Взамен я прошу одно – дать мне высказаться.

Зал затих. Сидящие на депутаты вдруг увидели перед собой не просто привлекательную молодую женщину, которая хочет «засветиться» в парламенте, но и настоящего борца, которому не безразлична судьба людей. Некоторые даже стали прислушиваться к словам Покровской. Ошеломленный спикер застыл на месте, лишившись дара речи. Он потерянно смотрел на Покровскую, широко распахнув глаза. Наташа ответила ему вызывающим взглядом и ждала, чем кончится

ее демарш.

Спикер развел руками и коротко улыбнулся.

– Слово предоставляется Наталье Владимировне Покровской – сказал Грешнев, вытирая испарину – Наталья Владимировна, прошу всё же соблюдать хотя бы временной регламент.

Наташа кивнула.

– Коля Шатилов – веско и громко сказала она, указывая взглядом, на сидящего рядом с Ксенией мальчика. Депутаты завертели головами, выискивая его и стали быстро шуськаться меж собою.

– Коля был подопытным пациентом в так называемом Департаменте биологического благоустройства доктора Льва Аристова – продолжала Наташа – Доктор Аристов, как нам теперь известно, занимался нелегальными опытами с вирусами и именно в его лаборатории был синтезирован и сознательно выпущен на свободу вирус «Зеленый призрак».

Зал вновь загудел.

– Тому есть неопровержимые доказательства, представленные нашей военной разведкой – говорила Наташа – Коля Шатилов вместе с родителями был похищен и заточен в департаменте доктора Аристова. Там он был умышленно подвергнут заражению, до сего момента неизвестной мутацией вируса «VOC-1». В очень скором времени от этого вируса умерли сначала его отец, а затем мать. Самого мальчика чудом спасли от неминуемой смерти. Целью доктора Аристова, ради которой, он создал и выпустил вирус, была разработка собственной вакцины, используя которую его департамент

превратился бы в монополиста в области создания перспективных лекарств от опасных болезней. Проект «Acquisition», который стал детищем Аристова, заключался в создании и вживлении в тело человека чипа-ингибитора, снабженного агентом, который бы не уничтожал вирус полностью, а блокировал бы его, до тех пор, пока человек оставался лояльным интересам кураторов Аристова. В противном же случае чип бы отключался и человек умирал от мучительной болезни. Умирал за свои убеждения, как умерли родители Коли, которые не захотели мириться с тиранической властью Директории. Именно для этого вам и пытались навязать закон о Едином цифровом распределителе. Используя его, можно получить данные о любом человеке, о всех его связях, взглядах, предпочтениях и использовать его в своих целях. Я сразу оговорюсь, что я не против цифрового реестра в целом, но прежде чем его принимать необходимо установить четкие правила о том, как им нужно пользоваться, чтобы не нарушить интересы общества. Необходимо именно сейчас понимать последствия принятия этого закона, ведь если он вступит в силу в этой редакции, то будут нарушены элементарные права наших граждан. А для кого же тогда этот закон?!

Зал молчал.

– Посмотрите на саму процедуру голосования! – говорила Наташа – Ведь такой поверхностный подход сродни безответственности. Общественные слушания не предусмотрены, а значит, процесс корректировки исключает саму идею

открытости и массовости. Почему-то мы не хотим защищать полученную информацию и статусом государственной тайны. Хотя здесь, как раз, все понятно. Ведь собирает данные частный подрядчик! А теперь самое главное, для тех, кто думает лоббировать интересы отдельных структур. Вас самих отстранят от полученной информации. Только на этапе голосования за принятие закона ваши интересы, казалось бы, будут учтены. Но подумайте, что будет потом! Отсутствие конфиденциальности собранных данных будет распространяться на всех, включая и вас самих. Коле Шатилову, когда он был в боксе и готовился к ужасной смерти выжгли на руке номер – КШ2903, подобно тому, как давали номера в нацистских лагерях. Этот номер останется с ним навсегда и память о том, что с ним делали тоже. Аналогичное мы видим в законопроекте о Едином цифровом распределителе – человеку присваивается пожизненный номер. Согласно Законопроекту все сведения об одном физическом лице, включаемые в Регистр, образуют одну запись, которая идентифицируется уникальным несменяемым номером. Таким образом, уникальный номер будет идентифицировать именно конкретного человека. Присвоение номерного идентификатора человеку можно расценивать, как умаление достоинства личности, тогда как Международный военный трибунал в Нюрнберге в числе прочих преступлений признал практику присвоения людям пожизненных обезличивающих номеров и клеймения этими номерами преступлением против че-

ловечности, не имеющим срока давности. Неужели мы забыли уроки той страшной войны?

Наташа сделала трёхсекундную паузу в молчавшем зале, который слушал её с великим вниманием.

– Уважаемые коллеги! – Покровская олицетворяла собой само спокойствие и уверенность. – Нам ни в коем случае сейчас нельзя поддаваться ни панике, связанной с пандемией, ни излишней умиротворенности, корни которой опять же уходят в безответственность и лояльность к силам, которые обещают урегулировать создавшуюся сложную ситуацию при помощи тотального контроля. В первом случае, страна обрекает себя на экстренное введение чрезвычайной ситуации, которая будет действовать продолжительное время и позволит беспрепятственно обогащаться... структурам далеким от государства и парламента. А во втором – опять же на сцену выходят эти же силы. И у меня возникает законный вопрос! Почему мы, представители закона так усердно отстраняемся от участия в законотворчестве страны, отдавая все рычаги власти третьим силам. Получается, что ни народ, на который всем наплевать, ни Парламент, не получают никаких преимуществ от «Закона о едином цифровом распределителе». Все мы окажемся в той «корзине», которая полностью отстранена от управления страной. Вам это нужно, скажите мне, уважаемые депутаты?!

Кто-то из стариков украдкой покачал головами. Девочка далеко пойдет, так и на президентских потом выступать бу-

дет.

– Если не ради простых людей, тогда ради кого, мы сражаемся, не только в этих кабинетах, но и на внешнем контуре? – спросила у молчавшего зала Покровская – Мой народ – наш народ и наши законы должны не только уберегать его от страданий и лишений, но показывать пример гуманизма и добродетели, вшитый в наш генетический код, для всего мира. Я всецело поддерживаю важность вопросов безопасности, но если мы действительно сейчас решим лишить людей права на свой собственный выбор, то с врагом мы столкнемся не на полях сражений, а в сердцах наших сограждан. Поэтому наш с вами долг и прямая обязанность выступить в защиту прав народа, отклонив этот законопроект!

Тут Наташе показалось, что люстра, висевшая на старинном потолке зазвенела и рассыралась мириадами осколков и эти осколки казалось обрушились на неё погребая целиком в блестящей пыли – громадный старинный зал очнулся и стоя приветствовал её громкими аплодисментами, которые почти моментально перешли в овации, от которых даже уши заложило. Первую секунду, девушка даже не могла сдвинуться с места, настолько неожиданной для неё была эта реакция.

Она уже не помнила, как отошла от трибуны и направилась к своему креслу, не помнила, как проходя мимо депутатских рядов, её коллеги осыпали её восторженными комплиментами и шумными восклицаниями. Казалось, что весь зал хотел, чтобы эта смелая девушка была сейчас с ними и

вела их вперед, словно бы только она знала какую-то неизвестную им истину.

На центральном подиуме спикер усердно махал руками. Как это было ни странно, но ему удалось утихомирить бушующее море депутатов.

– К порядку, коллеги – сипло прокричал он в уже затихшем зале – К порядку, прошу вас. Уважайте друг друга.

Спикер поднялся со своего места и простер руки в немой просьбе. Через несколько минут было объявлено решение начать срочное голосование в виду чрезвычайной важности и сложившихся экстренных условий.

Теперь поднялся депутат Исаков.

– Я предлагаю перед голосованием все новые факты изучить профильным комитетам – громко заявил он – И вернуться к этому вопросу на следующем заседании.

– Отсрочка недопустима! – вскричал один из депутатов – Дебаты должны быть окончены! Неужели нам мало из того, что мы слышали?! Голосование следует провести немедленно!

Зал вновь загудел. Просить кого-то соблюдать регламент было бесполезно. Спикер прокричал включить экран голосования и ещё раз зачитал главный вопрос повестки дня. Возбужденные депутаты стали жать кнопки на своих пультах. Несколько секунд спустя всё было кончено.

– Результаты голосования показали, что законопроект о Едином цифровом распределителе не прошел! – торжественно

но объявил спикер – Таким образом Государственная Дума Великоруссии отклоняет данный законопроект в окончательном втором чтении.

Депутатские ряды разразились овациями, которые теперь не сулили ничего хорошего тому, кто бы открыто высказался против результатов голосования. Это была одна из древних традиций великорусского парламентаризма – коллективное и зачастую показное единодушие с большинством, по какому бы вопросу большинство ни высказывалось бы. Здоровый самостоятельный индивидуализм здесь не выживал. Наташа очень хорошо знала это и сумела использовать, поэтому сегодня ей аплодировали даже те, кто считал её своим главным врагом.

Впрочем Наташе было уже все равно до этого. Она сделала свое дело. Совершенно измучанная и выжатая будто лимон, Наташа откинулась на спинку кресла.

– На твоём месте я бы сейчас предпочла тишину и покой – заметила ей Ксения.

Наташа пожала плечами.

– Ты же вроде хотела шоу? – весело поинтересовалась девушка – Наслаждайся! Они и через полчаса не угомонятся!

Где-то над головой раздался презрительный смешок. Наташа повернулась – над ней возвышался депутат Исаков.

– Исторический момент, милочка, не правда ли? – осведомился он.

Наташа отвесила учтивый поклон.

– Благодарю вас, Евсей Александрович – вежливо ответила девушка.

Исаков сотворил на лице кислую мину.

– Оу, боюсь это был не комплимент – заметил депутат – Не стоило говорить подобное. Это не патриотично.

Наташа пожала плечами.

– Боюсь это был он – улыбнулась девушка – Лично я считаю непатриотичным избрание вашей жены в совет директоров рыбного комбината в Покровске. Кажется она модельер по-профессии. Или в моду уже вошло носить чешую?

Исаков фыркнул.

– У вас плохо с лояльностью, Наталья Владимировна – сказал депутат – Думаете, вы особенная и вне общих правил? Но вы ошибаетесь и очень скоро убедитесь в этом. Так что, наслаждайтесь своим сиюминутным вниманием, пока у вас есть такая возможность, уверяю вас, что ситуация может измениться и весьма драматично.

Наташа вновь учтиво поклонилась.

– Боюсь у нас с вами разные взгляды на лояльность, но непременно приму к сведению ваше предостережение, Евсей Янкелевич – сказала девушка – А сейчас простите, мне, как вы, верно заметили, нужно насладиться сиюминутным вниманием.

Исаков, хищно улыбнулся в ответ и удалился с горделивым чувством собственного превосходства.

Ксения только многозначительно хмыкнула.

– Так это автор закона о цифровом распределителе – усмехнулась девушка. – Он явно не на стороне ангелов.

Наташа мрачно кивнула. Неприятное чувство сейчас поразило её – осознание, что несмотря на одержанную победу, у неё здесь ещё очень много врагов и они не замедлят с ответным ударом. Теперь ей нужно действовать с двойной осторожностью – в этом зале у неё никогда не было особых друзей, а сейчас и подавно не будет. Она выросла – слабые её коллеги будут её бояться, а сильные ненавидеть. Это закон современной политики.

Но сегодня она не будет об этом думать. Сегодня она, действительно, просто насладится своей победой и наконец сможет выкинуть из головы все треволнения и хлопоты... хотя бы на сегодня, а обо всём остальном она подумает завтра, когда на неё неумолимо навалится новый день.

* * *

Футуристические цифровые часы в кабинете Шломо Бенаюна показывали пятнадцать минут шестого, когда директор ВОЗ прибыл на срочное совещание в женевскую штаб-квартиру. Последние дни происходила какая-то чертовщина. Вся пресса только и гудела о безвременной кончине доктора Аристова при взрыве его исследовательского департамента. Вместе с департаментом, погибла и его вакцина. Честно говоря Бенаюн был даже рад, что избавился от проклято-

го доктора, даже несмотря на то что пресса уже в сотый раз котком проехала по ВОЗ и эффективности её работы по борьбе с вирусом.

А теперь ещё и это экстренное заседание. Его созвали по требованию Великоруссии. Их представитель, надо сказать, весьма известная девушка, в узких кругах политики и бизнеса, свалилась, как снег на голову, и потребовала объяснить, почему решение о вакцине Аристова было принято без их участия? С недовольством девицы тут же солидаризировались две европейские фурии – Суарес и Фонсмарк. Они-то, с самого начала бывшие против переговоров с Аристовым, теперь обрели крепкого союзника, точнее союзницу, и в настоящий момент восторженно слушали, как невесть откуда взявшаяся великорусский делегат рассказывает жестокую правду об ужасах Департамента биологического благоустройства и подлинном смысле проекта «Acquisition». Всё с фактами, связями и документами. По правде говоря, у Бенаюна, у самого, засосало под ложечкой, от услышанного. Особенно, когда посланница Великоруссии, он плохо запомнил имя, но почему-то был уверен, что оно ненастоящее, включила видеозапись с мальчиком – подопытным из клиники. Директория похитила его вместе с семьей, ради опытов Аристова. От вируса, которым доктор планировал заразить планету в случае отказа принять его требования, погибли мать и отец мальчика. Возможно, доказательств не было достаточно для Международного уголовного суда, но для членов

исполкома ВОЗ вполне достаточно, чтобы внести все разработки Аристова, если, конечно, такие сохранились, в папку особого контроля. Самое главное, что как бы дело ни повернулось, достанется всё равно ему. Не просто недоглядел, так ещё и вступил в сговор с, де-факто, международным террористом. Не самый прагматичный поступок, прямо скажем. За это его точно не похвалят. Тем более, что его коллеги, даже не пытались скрывать эмоции, во время рассказа посланницы. Сначала они были глубоко потрясены тем фактом, что вирус уничтоживший планету изначально был разработан в лабораториях Аристова и что беглый шпион, в отравлении которого подозревали властей Великоруссии оказался нулевым пациентом с которого пошло заражение по всему миру, а документы об этом были предоставлены не какой-нибудь частной расследовательской группой, а военной разведкой НАТО, затем шок, от подобных новостей, сменился ужасом осознания факта, что вирус разработанный вот теперь, был ещё страшнее. От одного вида гигантских бактерий, в которые в буквальном смысле разжижались люди, выворачивало наизнанку. И всё это создал Аристов.

– Прошу меня извинить за долгий рассказ, – сказала посланница Великоруссии, поправив полу своего жакета. – Однако нам предстоит многое обсудить, и вы, как представители Всемирной организации здравоохранения, должны знать полную картину происходящего.

Амелия Суарес кивнула с мерцающего экрана.

– Сеньорита Де Леон, – произнесла она, стараясь сохранять спокойствие. – Возможно, мы действительно не слушали раньше и упустили достаточно времени, однако хотелось бы верить, что упущение некритическое. Эта таинственная леди Арнис... о которой все говорят, она действительно передала вам альтернативную вакцину?

Сидевшая напротив Бенаюна посланница Великоруссии чему-то пространно улыbnулась, так, словно бы знала об этой Арнис нечто такое, что не было доступно собравшимся в зале. «Интересно, почему Великоруссию представляет испанка» – задался вопросом Бенаюн, – «за этим определенно что-то кроется». Что-то чего он очень не хотел знать. В конце концов он просто чиновник и не разбирался в хитросплетениях мировой политической закулисы.

. – Да. – ответила девушка. – Я не могу вам точно сказать, при каких обстоятельствах она была получена, но полагаю, что ваши специалисты разберутся с этим экстрактам надлежащим образом.

Теперь заговорил доктор Тедрос из Эфиопии.

– Информация, что вы предоставили будет очень полезна, если мы хотим создать качественную стратегию разрешения кризис, – произнес мужчина. – Я думаю, всем присутствующим известно, что возможность использования экстрактов растений для уничтожения вирусов постоянно находится в процессе теоретического обсуждения, однако многие не верят. Исследовав «Лунную процессу» и выделив её свойства,

возможно, мы совершим качественную революцию в медицине. Однако всё-таки удивительно, что всё это не научная фантастика, и мы имеем возможность совершить качественный скачок в разработке вакцин. Кто бы ни была эта леди Арнис, она оказала неоценимую услугу в деле борьбы за развитие человечества.

– Она иногда любит совершать подобное, – ухмыльнулась гостья. – Полагаю, в этом её кайф.

– И всё же, что касается вируса, у нас есть только жуткие снимки происходящих с пациентами мутаций, – заметил американец Марк Демпси. – Боюсь, этой информации не хватит, чтобы провести выделение и классификацию. Нужно иметь последовательность метогенома, чтобы понимать природу вируса. К сожалению, думаю, что что бы Аристов не создал, он унес эту тайну с собой в могилу, и со взрывом Департамента возможность изучения нового вируса ушла навсегда.

– К сожалению или нет, мы сказать не можем – произнесла Амелия Суарес – Иметь дело с чем-то новым всегда крайне опасно и без каких-либо гарантий. Возблагодарим Господа, что произошло так, как произошло и вирус самоуничтожился. Считаю, что нашей первоочередной задачей является создание вакцины уже от существующего вируса, думаю, это будет хорошим началом. Возможно, в процессе создания вакцины мы поймем и генетические свойства нового вируса.

– Это верно, – заявила Рие Фонсмарк. – Но есть и другое

гораздо более важное соображение. Допустим, нам удастся нейтрализовать этот вирус, но кто может поручиться, что новый альтернативный вирус уничтожен навсегда? Если кто-то решит использовать его для своих целей, мы просто вернемся к исходной ситуации.

В обычно спокойном голосе датчанки проскользнули нотки страха. Изучавшая её Кристина де Леон, вероятно, это отметила.

– Согласна, – сказала девушка. – Значит, нам нужно как можно быстрее не только наладить производство вакцины, но досконально изучить все её аспекты, а не только утилитарные возможности в борьбе с VOC-1. Аристову нужен был этот экстракт, а значит, он предполагал использовать её против нового вируса. Может ли Всемирная организация здравоохранения начать такие работы?

Фонсмарк кивнула.

– Это вполне возможно, – сказала она – Думаю, что нужно создать комиссию, которая вылетит в Великоруссию и там сможет обследовать того подопытного мальчика, о котором вы нам сообщили, если, конечно, для него это не будет психологически тяжело.

– Не понимаю, зачем это нужно? – осведомился Бенаюн. – Вряд ли на нём присутствуют какие-то следы вируса.

Гостья смерила его любопытным взглядом и многозначительно пожала плечами.

– Мне неизвестно насколько детально его обследовали, – вежливо ответила девушка, беря в руки винный бокал с новозеландским рислингом. – Но в любом случае люди Аристова проводили на нём множество опытов. Возможно, мы установим что-то, о чём совсем не догадываемся. Однако для чистоты исследований, чтобы не было кривотолков, я бы рекомендовала доставить его на территорию Швейцарии и обследовать его уже здесь. Нужен определенный контекст, чтобы выработать моральную позицию, необходимую для оценки и моделирования различных вариантов реагирования.

Бенаюн украдкой поморщился. Слухи в научном мире были правдой – эта Кристина де Леон, действительно крайне умна и образованна. А ещё она обладает редкой способностью оказывать крайне позитивное и вдохновляющее влияние на людей. С ней нужно быть осторожным.

– Полагаю, что вы тоже захотите высказать свою позицию? – осторожно поинтересовался Бенаюн.

– Не думаю, что моя позиция приведет ВОЗ в восторг, – улыbnулась гостья. – Боюсь, я покажусь им слишком старомодной при распространяющихся идеях трансгуманизма и прочих весьма опасных социальных экспериментах.

– Значит, вы против ускорения эволюционного процесса для достижения благополучия? – спросила Рие Фонсмарк. – Странно слышать такое от вас. Человек всю свою историю учился эволюционировать и преодолевать естественные ограничения. Мы научились добывать огонь, изобрели книгопечатание, расщепили атом. Теперь используя гениую инженерию, мы воссоздаем новых себя. Себя, которые здоровее; себя, которые умнее. Не это ли цель вашей научной работы?

Гостья усмехнулась.

– Цель моей работы – обеспечение безопасности, – сказала девушка. – Вы перечислили великие открытия, да... но... книгопечатание привело к религиозным войнам, расщепленный атом к ядерному оружию. Наука может быть очень опасной и никогда не несет одно лишь благо. Даже самые потрясающие технические достижения могут обращаться во зло такими безусловно гениями, как Аристов, которые используют свой талант для совершения чудовищного. Мы должны понять это. Главное – это не новые супертехнологии, а ответственность перед будущим поколением за устойчивость этого мира. А эта ответственность осознается только тогда, когда подчиняешься законам мироздания, написанными да-

леко не нами. Их создали силы далекие от нашего, весьма утилитарного, понимания, и точно не нам их менять.

– Ну а если не так? – спросила Фонсмарк. – Если цель оправдывает средства?

– Все великие грехи начинались с заботы о человечестве, – пожала плечами гостя. – Правда в том, что о нем не нужно слишком заботиться. Нужно просто исполнять то, что предначертано и иногда усмирять свой эгоизм. А если цель оправдывает средства... то и уничтожение человечества с помощью вируса-убийцы можно оправдать, и печи Освенцима тоже. Всё это имело свою цель, но вот чистая ли эта цель и к чему она ведет? На мой взгляд всё-таки не к добру.

– Звучит пугающе, – согласилась Амелия Суарес. – Но я уверена, что всё заключается в мере, которую мы закладываем в наши действия. Чем мера эгоистичнее, тем последствия страшнее. Я против вмешательства в провидение, какими бы благими не были идеи. Мы хорошо знаем, куда ведут такие намерения. Осталось объяснить это обществу. Впереди много работы.

Гостя вежливо кивнула.

– А что будет с мальчиком? – спросила она.

– Частный самолет вылетит за ним – кивнул Демпси – ВОЗ обеспечит ему необходимые условия и безопасность. Документы мы подготовим. Можете быть уверены. Тогда же мы заберем образец для создания вакцины и передадим его для исследований. Это нужно в первую очередь. Вы точно

не хотите присоединиться к нам? Думаю у нас есть чему поучиться друг у друга.

Гостья пожалала плечами.

– Возможно, в другое время и в других обстоятельствах, – произнесла она. – На данном этапе я всего лишь скромный политконсультант, плохо разбирающаяся в делах вирусологии. Вряд ли я чем-то смогу вам быть полезна. Вы и вам подобные в международных кабинетах сами должны осознать хрупкость окружающего вас мира. Эпидемия – это только одна из угроз. Будут другие, и на них тоже надо будет реагировать.

Бенаюн флегматично кивнул, чтобы поддержать беседу и заметил, что Амелия Суарес пристально смотрит на Кристину де Леон. Что-то, по-видимому, очень занимало её в словах или внешности этой девушки.

– Удивительно, но мне очень хочется вам верить, – сказала Амелия, – кто вы? Вы ведь не просто посланница Веллкоруссии, верно?

Кристина Легонова пожалала плечами.

– Возможно, только плод вашего воображения – улыбнулась девушка, звонко ставя на стол винный бокал.

* * *

На закате солнца высокий мужчина стоял на балконе того самого красивого здания, где располагался парламент Ве-

ликоруссии. Перед его взором открывалась старинная площадь, забитая веселящимися людьми. Отмена локдауна и провал закона о цифровом распределителе превратился в неуправляемый карнавал, как-то даже несвойственный для этих мест. По всем центральным каналам передавали репортажи из парламента и пламенную речь Натальи Покровской, которая уже стала народной героиней.

– Просто поразительно, – как будто в пространство сказал мужчина. – Ты можешь захватить весь мир территориально, и всё же слова одной юной девы могут завоевать сердца миллионов.

Стоявшая рядом Анастасия Урусова, одетая в длинное черное платье и легкий дорожный плащ, почтительно склонила голову.

– Они называют это демократией, – с холодной вежливостью заметила Охотница. – Однако же право стыдно отступить, когда находишься уже почти у победного финиша.

– Стыд ты переживешь, моя милая – прошелестел мужчина – Ради будущего общего блага. Ради того, чему ты поклялась служить. Волны от наших действий стали расходиться вокруг, влияя на все большее количество людей. Мир всколыхнулся, испугался, и отныне живет в постоянном в страхе. Следующий этап нашего плана они заметят слишком поздно. Ты должна гордиться собой.

– Воистину, – кивнула Анастасия. – Однако я хотела бы спросить... оправдана ли такая тактика глобального страха?

По-моему, это крайне нерационально и не имеет гарантий.

– Ученица поучает учителя, – насмешливо отозвался мужчина, – мне крайне повезло.

– Я не поучаю, – почти обиженно сказала Охотница. – Все-го лишь небольшое рассуждение. Что проку во власти без ментального подчинения?

– Паника – это то, чему никто не может сопротивляться, – пояснил мужчина. – Потенциально даже мы с тобой. Учиться управлению паникой в своих целях – это сравни открытие частицы Бога. Люди на этом миллиарды делают.

– Полагаю... вы как всегда правы, – кивнула Анастасия, учтиво сложив руки на груди.

Она всегда удивлялась, каким же искусным манипулятором был стоящий перед ней. Он познакомил её с таким океаном возможностей, о котором она и мечтать не могла даже при её светском положении и материальном достатке. Наслаждение от роскоши было ничем по сравнению с возможностью манипулировать другими. Она надеялась, что когда-нибудь поймет всю эту премудрость до конца.

– Я рассудителен и логичен. В этом залог успеха. Уверен, ты скоро это поймешь. – улыбнулся мужчина, словно прочтя её мысли.

– Шломо Бенаюн скорее всего уже получил компонент для вакцины, – решила сменить тему Охотница. – Возможно, им стоит заняться?

Мужчина продолжал смотреть на чернеющее небо и ли-

кующую площадь.

– Оставим его пока, – махнул он рукой. – Не хочу тратить время на обхаживание нового Директора ВОЗ. Это будет непозволительной роскошью. А напомнить Бенаюну о нашем маленьком договоре мы всегда успеем в каком-нибудь нужном случае. Такова реальная политика. Моя милая.

Анастасия небрежно кивнула.

– Что же вы намерены делать теперь?

Мужчина сложил губы в улыбке. Интересно, ему показалось, или в её голосе он сейчас услышал иронию в свой адрес.

– Пока, пусть всё идет, своим чередом, – сказал он. – Как должно. Все фигуры на доске сыграли свою роль в этом раунде. Слабые ушли, сильные остались. Один из законов глобальной эволюции. Пусть же теперь её маховик сделает круг. И тогда эта самая демократия, которую сейчас использовали наши враги, уничтожит их раз и навсегда.

* * *

Кристина стояла у самой кромки воды на металлическом пандусе и смотрела, как диск солнца, пройдя мимо высокой струи фонтана – одной из визитных карточек Женевы, опускается за чернеющие впереди горы. Она вдыхала аромат платанов и акаций, впервые за много дней наслаждаясь спокойствием. Редкие капли воды попадали на её белый жакет, под которым привычно был спрятан меч.

– Ты намеренно не сказала им про Анну? – поинтересовался Флориан.

Кристина пожала плечами.

– Так было нужно, – кивнула она. – У этой девушки была страшная судьба в её прошлой жизни. И раз ей подарили новую, то пусть она проживет её так, как сама захочет. Не будем ей мешать, и, может быть, она найдет собственную гармонию и в этой жизни ей повезет больше, чем тогда.

Штильхарт развел руками.

– Что ещё раз доказывает, что ты человек крайне широкой души, – заметил молодой человек. – Ты ведь знала, что всё так сложится, верно?

Кристина обернула голову, заставив закатное солнце играть в её волосах, и скептически сдвинула брови.

– Ты мне льстишь, Штильхарт? – удивленно сказала девушка, – Кто я такая, чтобы знать, как всё сложится? Впрочем сама история оказалась довольно безынтересной. Мы с тобой только и делали, что были свидетелями событий, которые происходили сами по себе, и катились, как два мячика в лунку для гольфа. Верховский – вот кто действительно всё знал. Он составил блестящий план и всё-таки их переиграл. Честно признаюсь, я его игру недооценила.

Флориан сделал задумчивую гримасу.

– Ну как же переиграл? – заметил молодой человек. – Его ведь убили. Собственная жена, между прочим. Оно и понятно. Нельзя жить только страстью и наваждением – это самая

эфемерная наша черта. Человек перестает видеть что-либо, кроме объекта своей любви, и в таком состоянии способен на самые черные вещи. Мне никогда не были понятны Каренина и Вронский, ради чего они жили? Только для удовлетворения собственных мелких желаний, а это нестерпимо скучно.

– Ну, конечно, – усмехнулась Кристина, – поэтому ты предпочитаешь...

– Я жестокий белый супремасист, – осклабился Флориан. – Боюсь, что со мной уже ничего нельзя сделать.

– Боюсь, что да, – весело согласилась Кристина. – Сегодня никогда нельзя до конца рассчитывать на мужчин. Что же до Анастасии, она сама сделала свой выбор. Заставить человека пасть никто не может, даже Организация. Ты прав, её и Верховского двигали собственные страсти. Не любовь, не симпатии, а именно страсти – непреодолимое животное влечение друг к другу. Одна страсть поглотила и уничтожила другую, потому что она не может существовать параллельно с ней. Это ещё раз доказывает, что страсть далеко не синоним любви. Когда любишь, то отдаешь, жертвуешь, а страсть – это забирать силой. У них не было любви, и они высосали друг из друга всё без остатка. Анастасия забрала у Верховского последнее – жизнь, а в ней самой почти ничего не осталось, от той славной девчушки, которую ты когда-то давно видел в Швейцарии. И всё же в ней ещё есть доброта и сострадание, только она запрятала их в самый дальний уголок своей

души. Я не знаю, смогу ли я достать их оттуда и указать ей путь, но уверена, что с ней мы обязательно встретимся ещё раз. В ином месте, в иное время.

– Не самая приятная мысль, учитывая, некоторые её особенности обращения с мужчинами, – заметил Флориан. – Тем не менее всё закончилось достаточно хорошо: вакцина у нас, вирус уничтожен, и мы в очередной раз спасли планету.

– Это становится уже доброй традицией, – согласилась Кристина. – Неплохо было бы отметить, тем более что есть дополнительный повод.

– Дополнительный повод? – задумался Флориан. – Секунду, не подсказывай. Пасха прошла, Троица тоже, для Рождества слишком тепло... что же остается?

Кристина помахала перед его носом банковским чеком.

– Щедрость международных медиков, – сказала девушка. – Чек на пятьсот тысяч, от фонда «G. Health», за своевременную помощь в доставке вакцины. Они всё-таки выплатили награду, как обещали.

Штильхарт усмехнулся.

– Ну что же, в кои то веки и международные фонды выполнили свое обещание, – кивнул он. – Думаю, что они просто не хотели упустить хорошую сделку.

– Естественно, – улыбнулась Кристина. – Ведь мы избавили их от гораздо больших трат при разработке собственной вакцины. Так что это более чем равноценный дар за оказанные услуги, а посему, теперь друг мой, я предлагаю нам об-

ратится к более приятным вещам. Такой весомый труд, который мы проделали, дает нам право на хороший дружеский вечер с бокалом чудесного вина, не так ли?

Штильхарт понюхал носом, наполненный ароматом платанов воздух.

– Это отличная идея, – сказал он. – Первая, за много дней. Но знаешь, просто вечер это так тривиально. Я привык к масштабности. Моя идея: на быстроходном катере до Монтрё, ужин в Jazz Cafe с мясом на камне и улитками в зеленом масле, бокал Лансон при луне, в Шильоне.

– Восхитительная мысль – покровительственно отозвалась Кристина, сложив руки на груди. – Да, рассчитывать на мужчин можно, конечно, не всегда, но иногда они всё же оправдывают ожидания. Пошли, милый.

Штильхарт сотворил широкий реверанс.

– Иду, дорогая! – прошелестел Флориан.

Кристина улыбнулась и вновь обернула голову на заходящее за горы солнце, и прикоснувшись к клинку, снова подумала о деве Жанне и её словах: «Господь знает, куда он ведет нас, а мы узнаем в конце пути».

*Мой умысел – к закату парус править,
За грань его, и, прежде чем умру,
Быть там, где тонут западные звезды.
Быть может, пропасть моря нас проглотит,
Быть может, к Островам дойдем Счастливым,
Увидим там великого Ахилла,
Которого мы знали. Многих нет,
Но многие доньше пребывают.
И хоть в нас нет прежней силы давних дней,
Что колебала над землей и небо,
Но мы есть мы. Закал сердец бесстрашных,
Ослабленных и временем, и роком,
Но сильных неослабленною волей.
Бороться и искать, найти и не сдаваться.*

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Covert Netherworld. Медальон погибшей принцессы. Энциклопедия

Составлена по авторским материалам

Accusition – чип-ингибитор способный восстанавливать любые функции нервной памяти человека. Фактически искусственный нейрон, в который заключено человеческое сознание.

Авалова Ксения Игоревна – Бывший офицер понтийской милиции. Дочь юристов из Борисфена. Закончила юридический факультет Государственной юридической академии Понтии. Несмотря на возражения родителей выбрала службу в правоохранительных органах. Пять лет отслужила в оперативно-розыскном бюро, начав с должности оперуполномоченного. За раскрытие дела о похищении дочери американского дипломата была награждена орденом за отвагу и медалью за доблесть США. Считалась умным и расчетливым офицером, который всегда старается действовать на опережение. Именно к ней в руки попало дело об убийстве Екатерины Кирсановой. Ксения выяснила, что убийство было со-

вершенно по приказу начальника Главного управления разведки Соколовского. Однако в Республике происходит военный переворот, и генерал Соколовский становится одним из руководителей страны. Понимая, что она никак не сможет привлечь Соколовского к суду, Ксения убивает его. После этих событий и прихода к власти Директории ушла из органов правопорядка и устроилась лесничей в Подкарпатье. Считала себя виновной в произошедшем военном перевороте, т. к. она не смогла первоначально понять мотивов Соколовского. Её уединение было прервано, когда к ней приехал Андрей Кирсанов – брат девушки, убийство которой она расследовала перед военным переворотом. Она согласилась помочь ему в расследовании пропажи двух иностранных ученых. После истории с Медальоном великой княжны Анны приняла предложение генерала Артамонову поступить на службу в ГРУ. Владеет черным поясом по каратэ-до, стиля шито-рю, навыки которого предпочитает применять чаще чем личное оружие, что, впрочем, не исключает, что девушка носит оное для внушительности, причем довольно вычурно – два армейских браунинга, всегда закреплены у неё на бедрах.

Авонамйелус Алин – капитан канадских ВВС. Родилась на острове Илуйлойак. Коренная индианка, стала самым юным кадетом, принятым в королевский военный колледж, боевой летчик 1-го класса, совершила более сотни вылетов в Афганистане, Ираке и Ливии. Была командиром отдельно-

го 181 штурмового авиакрыла НАТО, состоящего из пилотов-командос, которому дали прозвище «Отверженные» Во время выполнения задания в Афганистане её эскадрилья отказалась уничтожать полевого командира ценой жизни мирных жителей. Алин подала рапорт о внутреннем расследовании, однако путем интриг была обвинена в военных преступлениях и арестована. Во время допроса её попытался изнасиловать офицер по фамилии Тайберт, которого в ходе борьбы Алин ранила из собственного пистолета. В результате Алин была лишена всех наград и осуждена на длительный срок. Однако адмирал Рид, будучи в составе суда, поверив в её историю, добился заседания комиссии по помилованию, которая отменила приговор.

Аграсьяда – священный меч девы-воительницы, по легенде принадлежавший Жанне Д'Арк, а после Василисе Колдыревой – дочери воеводы Ивана Великого, которая бежала ко двору кастильской королевы Изабеллы, после того как Ивана Великого одурманили новгородские еретики. Позже вероятно он являлся и другим воительницам в том числе Софье Широградской. Пока наконец обломок меча не нашла Кристина Легонова. Меч очень гармоничных пропорций, с клинком в виде вытянутого листа ивы, на котором была выгравирована охранная надпись на латыни. «Сей меч зовётся «Аграсьяда», благородная защита от врагов для благородной леди». Вероятно такое имя мечу дала Василиса Колдырева. По легенде каждая воительница должна давать мечу

своё имя, которое подходит по её свойствам. Было ли так действительно не известно, так как в текстах вообще нет ни одного упоминания о названии меча. Во всяком случае Кристина Леонова сохранила изначальное название. Благодаря кузнецам из Балторуссии она выковала новое лезвие заточив его углеродным лазером, что помогало разрезать любой металл, включая оружие. Новое лезвие могло убираться в обломок меча, благодаря специальному механизму, что делало клинок практически не заметным под одеждой.

Адашев Сергей Сергеевич – генерал-лейтенант КГБ. Его продвижение по служебной лестнице происходило без особых взлетов, но и без падений, пока в конце 1980-х он не попал на работу в первое управление КГБ, во внешнюю разведку, где сразу пошел в гору. После путча 1991 года оказался на дипломатической службе в США, сведения о которой и годах проведённых там крайне скудны. Один из архитекторов государственного переворота 25 октября и установления Директории. Позже Адашев стал одним из её членов и шефом Секуритаты, во время руководства которой запомнился жестким, авторитарным стилем управления.

«**Адашевка**» – лагерь-деревня был домом для людей лишенных домов и земель и согнанных Директорией в болотистую местность, где не было ни пресной воды, ни возможности разводить домашний скот или культивировать растения. Свое название получил в честь генерала Адашева – шефа Секуритаты.

Альтерглобализм или альтернативная глобализация – идея, ставящая своей целью альтернативные пути глобализации. Альтерглобалисты отвергают европейско-американскую либеральную модель глобализации, полагая, что она часто работает в ущерб, или не в полной мере способствует развитию человеческих ценностей, таких как охрана окружающей среды, социальная справедливость, охрана труда, мультикультурализма и прав человека, и пытаются найти иные пути развития процесса. Альтерглобалисты согласны, что процесс объединения мира объективен. Но они отвергают глобальную власть капитала, когда транснациональные корпорации превращаются в силу, сравнимую с силой государства. Вместо этого они видят своё движение как альтернативу тому, что они называют неолиберальной глобализацией, в которой международные институты (Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный валютный фонд и т. д.) и крупные корпорации работают на обогащение развитых стран мира, практически не обращая внимания на пагубные последствия своих действий на людей и окружающую среду в менее развитых странах, странах, правительства которых часто слишком слабы или слишком коррумпированы, чтобы как-то противостоять или регулировать их деятельность.

Аристов Лев Дмитриевич – Ученый. Вирусолог. Генетик. Создатель печально известного вируса «Зеленый призрак». Выходец из потомственной профессорской семьи. По-

лучил блестящее образование. Семейные связи позволили ему несмотря на железный занавес поступить в интернатуру во Франции из которой, однако был исключен за нарушение медицинской и научной этики. Позже он стал скитаться по миру, занимаясь самообразованием и совершил множество ужасающих экспериментов. Во время одного из путешествий он привлек внимание доктора Хельмута Ланге – нацистского преступника, который, однако, избежал тюрьмы, потому что его знания были ценны для Советского союза, который смог вывести доктора в Сибирь. Аристов потряс Ланге своей жадной властью через науку, и доктор сделал его своим учеником, посвятив во многие тайны в том числе клонирование и тайну создания вируса «Синяя смерть» больше известного как Испанка. Получив необходимые знания, Аристов убил своего учителя и стал воплощать в жизнь свою идею абсолютного контроля. Аристов настоящий научный гений, он смог воплотить в жизнь многие идеи, которые считались фантастичными, однако наука для Аристова не способ познания мира, а средство для самоутверждения сильной личности над слабой. Он проявлял следующие черты: чрезвычайный интеллект, грандиозность, неспособность к раскаянию, высокомерие и нездоровая степень уверенности в себе. Он также показал очень макиавеллиевские черты.

Артамонов Сергей Евгеньевич – Генерал-лейтенант. Шеф военной разведки Великооруссии. Родился в семье потомственных военных. Окончил высшее общевойсковое

командное училище, академию генерального штаба, а после Военно-дипломатическую академию. Боевой офицер. Руководил военной контрразведкой при штабе 58-ой армии. Владеет несколькими иностранными языками. До последнего назначения был первым заместителем начальника Главного управления Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации, курируя вопросы стратегической разведки, в частности в его ведении находились все зарубежные резидентуры Главного управления. Артамонов, преданный государству и родине офицер. Он готов без промедления уничтожить любую внутреннюю и внешнюю угрозу национальной безопасности. В тоже время Артамонов мудр и проницателен. Он грамотно анализирует ситуацию и может идти на разумные компромиссы. Предпочитает доверять своим подчиненным, предоставляя им свободу в действиях.

Балторуссия – самопровозглашённое государство в Северных областях Понтийской Директории, образованно в ходе поднятого, маленькой группой ополченцев, восстания, за восстановление Республики. Иногда встречается упоминание Северяне. В отличие от тотальных войн, ополченцы первоначально вели войну на истощение против правительства, основывая небольшие базы и заручаясь поддержкой многих поселений вместо того, чтобы брать под свой контроль города целиком. Все изменилось после резни в Полесье, учиненной Директорией. Поводом послужила реквизиция земельных участков и продовольствия в пользу армии В один из

дней колонна военных грузовиков, шедшая с зерном, была окружена толпой безоружных граждан, которые расположились на дороге и отказывались уходить, мешая движению. По подразумеваемому разрешению Директории, руководивший колонной майор приказал ехать прямо на толпу, многих ранив и убив. Выживших позже добились из автоматов. Учинив такую резню, майор получил чин генерал-полковника и был назначен на должность Наместника, предварительно казнив предыдущего за халатность в «подавлении бунта». Для многих, прежде даже сквозь пальцы смотревших на Директорию это событие, которое в народе стали именовать «полесская резня» стало сигналом к тому, что идеалы прошлого мертвы бесповоротно и что настало время для полноценного вооруженного сопротивления. Лидеры восстания, вдохновлённые примером жителей Кранцберга обратились за помощью к Великоруссии, и Московск объявил территорию северной Понтии своим протекторатом. Так была провозглашена Балторусская республика, и началась гражданская война, затянувшаяся на несколько лет. Ни одна из сторон не смогла добиться перевеса и решением ООН было подписано соглашение, по которому два воюющих государства были разделены Сожской демилитаризованной областью. Балторуссия организационно состояла из двух главных структур, одна из которых была гражданским правительством, а другая – вооруженные силы. Главой государства был председатель народного совета Республики и имел фактически неограниченную

власть над государством, что фактически также, как у Южан являлось диктатом. Выборы должны были проводиться каждые два года, хотя практически это было только формальностью, поскольку Александр Захаров имел единодушную поддержку среди членов парламента Балторуссии.

«Барс» – экспериментальная субмарина подводного флота Великорусского царства. Её создание было вдохновлено легендарным подводным кораблём Жуля Верна Наутилус. Как и источник вдохновения «Барс» обладал феноменальными мореходными качествами для своего времени и внушительным оружием. В длину корабль был, восемьдесят метров десять метров в ширину, изящной стреловидной конструкции серебренного цвета. На боевой рубке высотой метра четыре была изображена голова снежного барса.

«Белый автобус» – городская легенда Ольвии. Страшилка, созданная пропагандой Директории, заключалась в том, что якобы по городу курсирует демонический автобус белого цвета и похищает инакомыслящих для экспериментов. Легенда так обросла подробностями, что многим людям стало казаться, что Директории помогают потусторонние силы или мутанты, выведенные в зараженных радиацией районах. Кристина Легонова планировала захватить автобус, чтобы на нём проникнуть в Департамент Биологического Благоустройства. В действительности выяснилось, что под белым автобусом на самом деле скрывается вполне обычный бронетранспортер белого цвета. Повстанцы захватили боевую ма-

шину, хоть и не без потерь и пропагандистская страшилка была разрушена.

Борисфен – столица и один из крупнейших городов Директории. Был основан сосланными Римом после одного из восстаний иудеями, которые обосновались на бывшей греческой колонии и сохранили старое название. культурный, политический, социально-экономический, транспортный, научный и религиозный центр страны. Седьмой по населению город Европы.

Великоруссия – государство в Восточной Европе и Северной Азии. Занимает первое место в мире по территории. Шестое – по объёму ВВП по ППС и девятое – по численности населения. Денежная единица – великорусский рубль. Великоруссия – многонациональное государство с широким этнокультурным многообразием. Имеет две столицы: административно-политическую – Московск и судебную – Петерштадт, где так же расположена верхняя палата парламента Великоруссии. Постоянный член Совета безопасности ООН. Великоруссия страна-обладатель ядерного оружия и входит в клуб великих держав. Активно продвигает свои интересы на внешнем контуре.

Великорусское царство – Империя, существовавшая в северной Евразии. Была третьим по площади из когда-либо существовавших государств (после Британской и Монгольской империй). К концу своего существования она простиралась до Северного Ледовитого океана на севере и Эвксин-

ского моря на юге, до Балтийского моря на западе и Тихого океана на востоке. Главой государства был Царь. Государственной идеологией Великорусского царства была триада на основе идеологической доктрины «Православие, Самодержавие, Народность». На внешнем контуре Великорусский царь был членом так называемого священного союза монархов – неофициального братства христианских государей, созданное для противодействия хаосу и поддержанию христианского благочестия. Создание Священного союза монархов явилось серьезной угрозой для Организации, которая стала бороться против Братства монархов, играя на их политических противоречиях. Организации удалось убить трех подряд царей Великорусии, с помощью боевиков-социалистов. В конечном итоге Организация спровоцировала мировую войну, в результате которой ей удалось организовать революцию, руками великорусских социалистов из партии Большевиков, лидер которых являлся агентом Организации. Большевики разбрасывали антивоенные прокламации, которые были заражены вирусом «Синяя смерть» Конечной целью Большевиков явилась гражданская война, в результате которой им удалось победить белую гвардию – повстанческое движение, выступавшее за путь христианского благочестия, которое несмотря на первоначальный успех, потеряло веру в победу, после ритуального жертвоприношения семьи последнего царя Великорусии, которое большевики принесли Хаосу.

Так на месте христианской империи возникла коррумпированная тоталитарная диктатура, которая впоследствии будет свергнута национально-патриотическими силами во главе с бывшим семинаристом Иосифом Сталиным, что стало причиной развязывания Организацией Второй мировой войны, с целью уничтожения возрождённой империи. Советский союз победил в этой войне и таким образом смыл с себя кровь и хаос большевистской революции.

Верховский Александр Владимирович он же «Аспирант» – Некогда известный и крайне амбициозный ученый в области органической химии и основатель новой экспериментальной лаборатории по изучению свойств растений. Был главным монополистом производства фармацевтики в Республики. Основатель холдинга Farmacare, который специализируется на гомеопатических таблетках. В действительности Александр желая вернуть утраченную любовь Анастасией Урусовой, путем научной известности, на самом деле выкрал у своего учителя профессора Вяземского формулу боевого нейролептика «Греларозол» и переделал его в стимулятор для лечения психологических болезней. Александром заинтересовался Сергей Адашев, который предложил за вознаграждение передать формулу стимулятора с сохранением авторской лицензии Верховского. Верховский согласился, не предполагая тогда, что Адашев хочет обратно превратить стимулятор Верховского в боевой нейролептик. Как потом стало известно это произошло не по вине Вер-

ховского, как многие считали, а в результате манипуляций доктора Льва Аристова. Первоначально Верховский полностью разделял идеи и цели Адашева, о захвате власти, организации общества путем контроля. Но потом Александр нашел дневник своего прадеда – Александра Николаевича Верховского – офицера Секретной службы Его величества. Прочтя их, он осознал разрушительную силу, которой является Адашев и его партнеры. Александр так же понял, какую он губительную роль сыграл в этом, фактически дав этим людям мощнейший рычаг для контроля. Стремясь исправить ошибку всей своей жизни, Александр сумел взломать базу данных завода, на котором производился Греларозол и поменял формулу, что сорвало массовый выпуск препарата. После прихода к власти Директории, чему он фактически поспособствовал, Верховский встал во главе группы повстанцев, сражавшихся против тирании.

Верховский Александр Николаевич – Морской офицер. Старший помощник на подводной лодке Барс. Принимал участие во всех миссиях этого корабля. Служил вместе с капитаном Долматовым в Секретной службе его Величества. Вместе с Долматовым и Софьей Широградской боролся против восхождения Организации и установления постоянного хаоса путем мировой войны. Сумел сбежать от рук большевистских агентов, служивших организации и спрятал медальон Великой княжны Анны с компонентами для лекарства против вируса «Синяя смерть». Дальнейшая судьба

неизвестна.

Воительница – по легенде, девушка, которая добровольно принимает на себя El sceencia. Воительница благородная своим изяществом, достоинством, смиренностью и сдержанностью. Мудрая, терпеливая и элегантная она та, кто бросает вызов Хаосу, ведя людей к христианской гармонии и благочестию. Воительница никогда не ищет корысти или славы. Несмотря на принятие El sceencia борьба с хаосом не является для воительницы самоцелью. Основным смыслом её бытия является постижение окружающего мира, который не так искажен, как это хочет доказать Организация. В отличие от своих главных противниц – Охотниц, Воительница не заковывает свой дух в цепи страстей, ненависти и мести, которые ведут к разрушению собственного я, она прежде всего созидательная и сострадательная натура, даже к своим врагам. Каждой воительнице по легенде является меч Жанны Д'Арк, который был брошен в Луару её братьями. Меч должен выбрать воительницу, и она должна дать ему собственное имя. Однако меч воительница может использовать только как орудие самозащиты, ей запрещено обагрять его кровью живого существа и лишать его жизни с помощью меча. Правда о том, можно ли использовать другое оружие, чтобы лишить жизни врага ничего не говорится. Жанна Д'Арк – небесная покровительница Воительницы, т. к. считается, что именно она первой узнала о дьявольской сущности Организации в своем ведении.

Воротынцев Константин Александрович – Офицер военной разведки Великолукской области. Блестящий интеллектуал с феноменальными аналитическими способностями. На публике демонстрирует дипломатичность и чувство такта. Его предком был большевистский комиссар Сеймус Лакцис, видный большевик, организатор красного террора в Гражданскую войну. Лакцис и его жена были расстреляны по приказу НКВД конце 1930-х, в ходе партийной чистки. У них остался маленький сын, которого усыновила семья Воротынцевых. Много позже, работая в архивах КГБ Константин Воротынцев, его сын и внук комиссара Лакциса нашел документы по уголовному делу в отношении деда. Он понял, что по иронии судьбы служит структуре, которая виновна в гибели его настоящей семьи. В действительности в ГРУ были осведомлены о прошлом Воротынцева, однако посчитали, что за давностью лет история забылась. На самом деле история деда так потрясла молодого тогда офицера, что он поклялся отомстить государству, которая лишила его семьи. Прошел стандартную подготовку офицера разведки. Однако ещё с самого первого курса академии старался быть первым по всем предметам, особенно по военной и политической подготовке. Блестяще знал историю и владел шестью иностранными языками. Воротынцев бессердечный психопат. Он обладал мрачным, саркастичным и циничным чувством юмора. Он был чрезвычайно утонченным, с точки зрения речи и внешнего вида. Воротынцев был хитрым и ма-

стерски умел втираться в доверие. Он обладал достаточным мастерством и уверенностью, чтобы обмануть своих шефов из ГРУ и осуществить свою месть.

«Голубь» – информатор Ксении Аваловой. Контрабандист, сутенер и торговец информацией. Держит несколько публичных домов и ночных клубов. Его второй бизнес торговля голубями. Так же часто назначает встречи в автобусе с птицами. За это и получил свою кличку.

Греларозол – первоначально разработанный в секретных лабораториях КГБ боевой нейролептик, подавляющий волю. Работы по препарату были свернуты. Позже на его основе был разработан стимулятор для лечения психических болезней уникальным методом гипноза. Лечение было эффективным в девяносто процентах случаев, однако сам препарат вызывал наркотическое привыкание.

Грошик Соломон Яковлевич – Парикмахер из города Ольвия. Его альтернативным заработком является торговля информацией. Заинтересовавшись историей медальона Великой княжны Анны, он рассказал эту историю Александру Верховскому и посоветовал ему познакомиться с Анной Щербатовой. Неизвестно знал ли он о планах Аристова и намекал Верховскому на них или это был просто счастливый случай.

ГРУ – Главное разведывательное управление – Военная разведка Великооруссии. Цель управления выявление и уничтожение любых угроз национальной безопасности Великооруссии. Борьба с внешними и внутренними врагами. Офице-

ры ГРУ наделены исключительными полномочиями, такими, как например «лицензия на убийство» и работают под прикрытием, вне правового поля.

Д'Арк Жанна – Легендарная дева-воительница. Во время Столетней войны ей было видение Архангела Михаила, который сказал, что война между двумя христианскими народами была развязана, чтобы отлучить человека от благочестия и что миссия Жанны бороться с агентами хаоса и разрушения. Более всего из святых Жанна почитала святую Екатерину и однажды небесный голос сказал ей, что в церкви этой святой за алтарём не очень глубоко в земле находится необычный меч. Когда она была в Туре, то послала за ним оружейника и написала тамошним прелатам. Жанна просила, чтобы святые отцы отправили этот меч ей. Священники церкви нашли в указанном месте заржавленный меч. Но стоило его протереть, как ржавчина сразу и без усилий отошла. Так Жанна стала обладательницей волшебного меча, о котором никто не знал. Девушка всегда носила его при себе. По всей Франции распространились слухи о чудесном мече после снятия осады с Орлеана. Находка необычного меча имела мистическое значение и была воспринята народом как чудо. Это оружие видели соратники Жанны, солдаты её армии и придворные дофина Карла, и множество удивительных подвигов и невероятных событий связано было с этим мечом, но Жанна знала, что ей придется пожертвовать своей жизнью и в свой последний бой меч не взяла, отправив его сво-

им братьям, которые спрятали меч. Организация объявила охоту на деву-воительницу и убила её с помощью предательства, но не убила идею борьбы за христианское благочестие. Идея Жанны жила и зажигала множество сердец и так стало, что много лет спустя юная королева Кастилии – Изабелла, столкнувшись с агентами Организации, узнала об истории Жанны, от Василисы Колдыревой и призвала своих верных людей на битву, провозгласив «El ceepcia» – борьбу с языческим хаосом за спасение человека.

Департамент Биологического благоустройства (ДБВ) – автономный экспериментальный научный центр при министерстве здравоохранения созданный доктором Львом Аристовым. Позиционировался как передовое учреждение, занимающееся улучшением биосферы страны и граждан. Аристов разработал специальную генетическую терапию для людей, растений и животных, благодаря которой осуществлялась замена неправильных и вредных генов на правильные, которые позволяли живым организмам не только улучшать свой жизненный цикл, но также и продлевать его. Скрытой деятельностью Департамента являлась разработка боевых вирусов и тестирование их на живых людях, схваченных Секуритатой за инакомыслие.

Дестреза – испанская техника фехтования. Буквальный перевод означает «мастерство», однако в литературе чаще всего переводят как «истинное искусство». Основы движений во время боя построены на аспектах логики и геомет-

рии, которые начали активно развивать в эпоху Ренессанса. В это же время (XV–XVI века) появляются первые упоминания о дестрезе, однако достоверная дата создания этого вида фехтования неизвестна. Совершенно очевидно, что при создании основных убеждений испанской школы фехтования использовали труды таких ученых как Аристотель, Евклид и Платон. Так же, начиная с 1543 года европейцы начали теснее общаться с Японией и несомненно переняли некоторые принципы из кендо, которые были так же положены в основу техники дестреза. Об этом косвенно свидетельствуют принципы дестрезы – принцип концентрации внимания, движения по кругу, по вершинам фигур: треугольник, четырёхугольник. Также создатели дестрезы уделили много времени такому принципу, который современные специалисты называют «биомеханикой». Основоположителем дестрезы считают дон Иеронимо Санчес де Карранза которого называют «первопроходцем науки обращения с оружием». Одной из его учениц была легендарная Василиса Колдырева.

Долматов Дмитрий Владимирович – Офицер военно-морского флота Великодержавии, ученый-путешественник, агент Секретной службы Его величества. В какой-то момент был назначен командиром секретной подводной лодки «Барс». Совершил кругосветное путешествие, превзойдя рекорд литературного капитана Немо. Возвращаясь из путешествия Долматов, узнал, что недалеко от местонахождения «Барса», терпит крушение пассажирский лайнер Тита-

ник. Долматов приказал идти на полной скорости к месту крушения, что позволило подводной лодке первой прийти на помощь тонущему кораблю и спасти множество людей. В последствии выяснилось, что катастрофа Титаника была инспирирована агентами Организации. На борту Титаника Долматов вместе со своей подругой Софьей Широградской вступил в противоборство с Охотницей, и они вынудили её отступить. Так им стало известно о существовании Организации, мечтающей о мировом хаосе. После возвращения, был принят Императором и награжден орденом святой Анны, однако поскольку сама лодка «Барс» была под строжайшей государственной тайной, подвиг экипажа лодки никак не был отражен в прессе. Прибыв во дворец на аудиенцию Долматов, встречает юную дерзкую девчонку, называющую себя «горничной Великой княжны Анны». Долматов ссорится с ней из-за того, что незнакомка дразнит его излишней героичностью, как будто в старых романах. Позже Долматов узнает, что дерзкая девица и есть Великая княжна Анна – дочь царя Великоруссии. Постепенно молодые люди сближаются и между ними возникает взаимная любовь. Анна просит разрешение на брак с Дмитрием, но решение вопроса откладывается из-за войны. Долматов отправляется на фронт, и Анна дарит ему две вещи, как оберег – рубашку, которую она сама сшила и медальон с прядью своих волос. Всю войну Долматов боролся с все возвышающейся мощью Организации, которой и была развязана война. Его последним по-

двигом стало спасение индейской деревни от вируса «Синяя смерть», от которого ему требовалось найти вакцину, чтобы удержать империю от революции. Несмотря на успех миссии, во время возвращения домой он узнал о заговоре и аресте императора. Тогда Долматов решил спрятать компоненты для вакцины в подаренный княжной Анной медальон, который могла открыть только она сама. За медальоном стали охотиться большевистские чекисты и Охотницы. В конце концов Долматов был схвачен и убит, но так и не выдал тайну медальона, который успел передать юнге с подводной лодки «Барс».

El creencia (Вера) – Принцип борьбы с дьявольским хаосом и разрушением, который провозгласила королева Кастилии Изабелла борьбу с языческим хаосом за спасение человека путем воспитания в нем богобоязненности и христианского благочестия. Человек не может быть подконтролен никому кроме триединого Бога и только одного его он должен страшиться в своих деяниях, ибо он должен помнить, что за каждое его действие или бездействие ему необходимо будет отвечать перед высшим судом. И предначертано было королевой, что вечным, в плоть до последних времен, будет противостояние людей веры и агентов Организации. И борьба эта будет отражением существующей эпохи и событий, определяющих её. Людям, которые принимали на себя El creencia запрещались убийства и любое пролитие крови ими самими, даже во имя самых благих дел. В противовес

Организации, которая считает, что политические убийства и смерти коррупционных чиновников принесут мир и чувство безопасности простым людям.

Захаров Александр – Ныне председатель Народного совета Балторуссии. До событий 25 октября был Лидер Понтийского союза – крупнейшей теневой организации Республики. Его сын погиб от рук Охотницы, когда отказался вложить деньги в политическое движение Сергея Адашева. Захаров поклялся отомстить и стал собирать на Адашева компромат. Благодаря своим связям, он узнал, что в страну из-за океана привозят большие партии оружия. Чтобы помешать действиям Захарова, Адашев организовал похищение его дочери, которую поместили в клинику Бориса Тополевича и подсадили на наркотики. Адашев решил таким образом шантажировать Захарова и прибрать «Понтийский союз» в свои руки. Однако шантаж не удался, девочку сумели вызволить Кристина Левонова и её друг Флориан Штильхарт. После того как установилась Директория Адашев и его люди сумели поднять в северной части страны восстание против власти Директории и заручившись поддержкой Великоруссии провозгласили Балторусскую республику. В течение всей войны с Директорией Захаров возглавлял народный совет.

«**Зеленый призрак**» – закрепившееся в людской молве название штамма вируса VOC-1 разработанного доктором Львом Аристовым, на основе печально известного ви-

руса «испанка». Аристов генетически модифицировал вирус в результате чего болезнь стала уничтожать клетки человека, размягчая его ткани и кости и фактически превращая больного в желе. Вирус поражал все ткани организма, кроме нервной, вследствие чего протекание болезни сопровождалось невыносимыми болями. Выход зрелых вирионов из клетки вызывал её растворение, инкубационный период при этом длился двенадцать дней. Название «Зеленый призрак», стало популярным по причине того, что очевидцы якобы видели, как вместе с последним вздохом умирающего, у него изо рта вырывалось, нечто вроде зеленого дыма.

Изабелла Кастильская – легендарная королева Кастилии и Леона, провозгласившая борьбу с языческим хаосом за спасение человека путем воспитания в нем богобоязненности и христианского благочестия, в противовес идее абсолютного контроля, которую через своих агентов продвигала SIGMA. К её двору спасаясь от новгородской ереси бежала дочь сподвижника Ивана Великого Василиса Колдырева. Девушка передала королеве восемь священных камней, которые способны одухотворять человека и заряжать его созидательной энергией. Они были прокляты новгородскими еретиками, которые с их помощью управляли разумом своих рабов. Выслушав историю девушки, Изабелла вставила эти камни в золотой крест, который получила от матери, зачаровав их и разрушив проклятие, которое можно возродить только соединив камни и прочтя над ними особое заклина-

ние. Под сенью креста Изабелла отправилась завоевывать Гранаду. Позже этот крест был подарен ею своему адмиралу Христофору Колумбу перед его путешествием. Вместе с этими людьми она стала бороться с еретиками провозгласив «El steencia» – борьбу за мировоззрение живого и нравственно-го всеединства человека, Человечества и Вселенной, в их отношениях к Творцу и творению, основанное на добродетели и христианском благочестии. Была отравлена одной из Охотниц.

Кирсанов Андрей Сергеевич – оперативник отдела убийств криминальной полиции Директории. Брат Екатерины Кирсановой, которая была убита, потому что стала свидетельницей подготовки государственного переворота. Трагедия, произошедшая в его семье, сильно повлияла на молодого человека. Почувствовав ещё в детстве зло и несправедливость мира, Кирсанов поступил после военной службы в полицейскую школу, чтобы бороться с преступной нечестью, которая мешает жить хорошим людям. С детства хранит подаренную Ксенией Аваловой кобуру, которая та дала ему во время посещения его семьи. Как и все молодые люди времен Директории крайне идеологизирован и патриотичен. Слепо верит в идеи Директории и пытается их ревностно отстаивать. Однако его разум и светлая душа видят явные несоответствия в декларируемом и реальном. Ксения Авалова окончательно раскрывает ему глаза на сущность режима Директории, которая и стала виновницей гибели его сестры. После

истории с медальоном разочаровавшийся в идеях Директории, но не потерявший мечту бороться со злом поступает на службу к генералу Артамонову. Кирсанов импульсивный и пассионарный юноша. Он сначала делает, а потом понимает к чему это может привести.

Кирсанова Екатерина Сергеевна – Она была очень способной ученицей и увлекалась политологией. Мечтала стать политологом. Её идеалом была Кристина Леонова, которую она однажды видела по телевизору. Была зарезана Охотницей, как свидетель подготовки государственного переворота в Понтии. Андрей Кирсанов её младший брат.

Колдырева Василиса Владимировна – дочь новгородского воеводы Ивана Колдырева – сподвижника и советника князя Ивана Великого. После того, как Новгород и Московск были захвачены еретиками Владимира Колдырева жестоко казнили, однако его дочь, которой ещё не исполнилось семнадцати сумела сбежать, выкрыв пять камней, которые были зачарованы колдовством еретиков. От своего духовника, Василиса часто слышала рассказы о благочестивой христианской королеве Изабелле, живущей далеко на Западе. Презрев все опасности, девушка пустилась в путь, чтобы у просить у королевы защиты и покровительства. Сведения о деяниях и жизни Василисы, в том числе о самом путешествии очень обрывисты. По легенде, когда она проезжала через Французское королевство, то остановилась в городе Домреми. Там она встретила девушку в белом крестьянском

платье и с золотыми развивающимися волосами. Девушка дала уставшей Василисе кров и спросила Василису куда та держит путь и почему покинула родную землю, на что Василиса ответила, что её отца и мать убили еретики, обуреваемые дьявольской злобой. Тогда девушка сказала ей, что Василисе предназначено было быть избранной воином, который бросит вызов этому дьявольскому хаосу. Василиса не поверила, решив, что над ней издеваются. Девушка же подвела её к реке и спросила видит ли Василиса что-то. Вначале Василиса ничего не увидела, но потом глаза разглядели на дне реки меч чудесной роботы. Василиса захотела достать меч, но девушка задержала её сказав, что если она возьмет меч, то у неё будет выбор – подчиниться дьявольской тирании или вести людей к христианской гармонии и благочестию. Василиса пообещала, что никогда не употребит сей меч во зло и прощаясь спросила имя той, кто помогла ей, на что девушка ответила, что её зовут Жанна из Арка. Неизвестно как Василиса добралась до Сеговии, однако в легендах говорится, что Василиса рассказала королеве об истинной сущности ереси, которая угрожает всем христианским народам и передала Изабелле камни, которые та вставила в золотой крест. Так они потеряли свои колдовские чары. Со временем Василиса Колдырева, как сказано в легендах стала довереннейшей confidentкой королевы и совершила множество великих подвигов. Участвовала в завоевании Гранады и даже принимала участие в экспедиции Христофора Колум-

ба, однако достоверных источников этому нет.

КССНК – подразделение специального назначения армии Канады высокой степени готовности, численностью не превышающее батальона. КССНК может проводить и помогать при проведении широкого спектра миссий, включая прямое действие, оборонную дипломатию и военное содействие, специальную разведку и внутренний контртерроризм.

Ланге Хельмут – ученый-генетик, служивший нацистам в годы Второй мировой войны. Ланге экспериментировал над беременными женщинами в концлагерях. Накачивал их химическим составом, после чего у женщины на последнем месяце случался выкидыш. После чего останки ребенка подвергались химическому расщеплению в результате чего появлялись пригодные к делению клетки. После войны оказался в Советском союзе, где по заказу НКВД изучал влияние ядерного оружия на генетическую структуру человека. После смерти Сталина был отправлен в Восточную Германию, откуда он перебежал в ФРГ. Перебирался в Великобританию, где начинает сотрудничать с британской оборонной лабораторией науки и техники, и по их заказу занимается генетическими мутациями разных вирусов. Позже сбежал в Китай и исчез на несколько лет. Позже вернулся под именем датчанина Леона Фрейверта, получив кафедру в одном из швейцарских университетов. Ланге крайне заинтересовали методы и работы Льва Аристовя, и он сделал того своим учеником, который убил его, получив информацию о вирусе

«Синяя смерть».

Латгалия – Эксклав Директории на балтийском море, отделенный Балторусской республикой. Основное население латгалы – балтийский народ, появившийся в результате слияния финоугров, балтов и остзейских немцев. Долгое время территория Латгалии принадлежала духовно-рыцарскому ордену меченосцев, который был изгнан оттуда войсками Великорусского царя. Латгалы сыграли определяющую роль в революционных событиях начала XX века, составляя цвет красной гвардии большевиков.

Леонова Кристина Сергеевна – Или Кристина де Леон. Она же леди Арнис. Политолог, политический консультант и ученый, в области международных отношений. Дочь пропавших без вести дипломатов из Великоруссии после чего попала в дипломатический интернат при посольстве Великоруссии Швейцарии, с особым уклоном на изучение дипломатии, истории, искусства, этикета, церемоний и т. д., чем сама очень гордится. Закончила Женевский университет, по специальности глобальные исследования. Её научной специализацией являлось устойчивое развитие и глобальная безопасность. Кристина гений математической логики. Она может просчитать и предугадать то или иное развитие событий в зависимости от условий. За это она ценится как практически незаменимый политконсультант, которого привлекают для решения сложных вопросов. Во время учебы Кристина попала в криминальную историю и её обвини-

ли в убийстве человека. Тогда же она познакомилась с отставным канадским адмиралом Стивеном Ридом, который предложил ей выбор: суд, где не было надежды на справедливость или помогать ему исправлять ошибки правосудия и расследовать дела, которые оказались не по зубам полиции, вместе с молодым детективом Флорианом Штильхартом. В результате эти двое стали командой и хорошими друзьями, питая друг к другу бережливую дружескую привязанность и пускаясь в авантюры, иногда случайно, иногда по поручению адмирала. Незадолго до прихода к власти Директории была привлечена депутатом Андреем Левицким консультантом по продвижению проекта Североевропейского транспортного коридора из Китая в Европу. Пытаясь узнать, кто противодействует этому проекту, Кристина отвечала за представление его преимуществ по сравнению с «турецким конкурентом». После убийства Левицкого к ней обратились из МИД Великоруссии с просьбой продолжить работу над проектом. Желая узнать, имеет ли убийство Левицкого отношение к интеграционному проекту Кристина начала собственное расследование, в результате которого ей стало известно о существовании Организации и Охотниц. После чего, она поняла, что Организация объявит на неё охоту, как на человека, знающего правду. Поэтому она изменила свое имя и историю жизни став Кристиной де Леон. Несмотря на это девушка сохранила профессию, но изменила её содержание. Оказывая консультационные услуги, Кристина стала через

влиятельных людей пытаться понять кто из них связан с Организацией и её сущность. Несколько позже по рабочим делам оказалась на Багамских островах. Там на острове Гуа-нахани, девушка обнаружила в одной из пещер обломок меча. Её поразило странное чувство будто меч сам просится ей в руку. Предположив его возможную историческую ценность, Кристина отнесла его в один из местных монастырей. Увидев клинок, настоятель монастыря поведал ей предание о прекрасной духом деве-воительнице, что когда-то давно прибыла сюда и принесла свет христовой веры. Настоятель передал девушке старинный свиток и сказал, что она, прочтя его, должна сама понять историю меча и тогда узнает о своем предназначении. Кристина плохо поняла эти слова, но сохранила свиток. Неожиданно началась гроза. Девушка попросила остаться переночевать. Настоятель согласился и отвел Кристину в одну из келий, где уже была одна постоянлица – тоже молодая девушка, паломница из Франции. Девушка представилась Жанеттой. Разговорившись Кристина показала девушке клинок и свиток. Увидев клинок, Жанетта только рассмеялась и сказала: «У меня тоже был такой, а теперь и у тебя есть. Та, что носила этот клинок боролась с той же силой, что и ты Кристина Леонова». На что Кристина спросила откуда её собеседница знает фамилию, которую ей не называли. Жанетта ей ответила: «Мое настоящее имя ты знаешь, хоть и забыла, и я твое настоящее знаю. Теперь ты перед выбором или подчинишься дьявольской силе и мрак

падет на Землю или бросишь ей вызов, как бросали ей до тебя. Судьба испытает тебя, когда ты вернешься откуда улетила». Наутро, когда Кристина проснулась, девушки не было, а настоятель уверял, что переночевать он пускал только её одну. С тем Кристина покинула монастырь. Пророчество неизвестной девушки оказалось точным. Некоторое время спустя Кристина вновь оказалась в Директории, в одном из маленьких городков в Латгалии, решив начать уединенную жизнь. Во время её прибывания там в город были введены батальоны Секуритаты, с их помощью новая власть заставляет местное население работать на янтарных рудниках, добыча которого главный экспорт экономики Директории. Неожиданно для себя Кристина оказалась втянутой в сопротивление власти диктата Директории, вместе с двумя девушками, с которыми подружилась в городе – сестрами Илзе и Инессой. Под её руководством горожане проводят несколько удачных акций саботажа, однако во время одной из них Кристина теряет свиток из монастыря, который попадает в руки одной из Охотниц. Несколько позже она берет в заложники местную подругу Кристины Инессу. Требуя в обмен на её жизнь, чтобы Кристина явилась к ней и отдала «незаконно взятое». Хитростью Кристина и горожане отбивают захваченную девушку. После чего Легонова решает улететь из города, чтобы не привлекать беду. Тем временем деятельность Кристины привлекает внимание Александра Захарова, лидера зарождающейся Балторусской республики. Он приглашает Кри-

стину на встречу. Там он предлагает объединить усилия в борьбе с Директорией. Кристина не спешит соглашаться, но Захаров рассказывает девушке о зверствах Директории и демонстрирует среди последних сюжетов – расстрел из танков мирной демонстрации рабочих. Многих из убитых Кристина уже знала. Леонова, понимая, что косвенно стала триггером для этой трагедии, решает дать настоящий бой Директории. Понимая, что у неё нет более никакого оружия она просит Захарова сделать новое лезвие для меча, который нашла в пещере. Той же ночью, Кристина во сне вновь видит ту девушку, которая якобы ночевала с ней в келье. Жаннетта, говорит, что Кристина сделала свой выбор и остерегает девушку говоря, что меч можно использовать только для самозащиты и никогда чтобы проливать кровь.

Прибыв в балтийский городок, Кристина встречается с Илзе, чудом избежавшей смерти от рук Директории. Девочка рассказывает, что сестру забрали в плен вновь. Кристина успокаивает её и на встрече с местными мятежными рабочими убеждает их эвакуировать все местное население. После этого Кристина идет к тюрьме, где держат Инессу. Там её ждет Охотница. В результате короткого и тяжелого боя, Кристине удается повредить Охотнице её боевую перчатку. Оружие взрывается вместе с обладательницей. На месте боя остается только свиток из монастыря и маленький камень, который Кристина так же забирает его себе и позже вставляет в кольцо. Ворвавшись в тюрьму Леонова, освобождает

Инессу и ещё нескольких заключенных. Их окружают бойцы Секуритаты. Однако в решающий момент в город врываются бойцы народной милиции Балторуссии и спасают от неминуемой смерти местных ополченцев. Позже многие из которых будут сражаться в армии Балторуссии, в том числе Илзе и Инесса. Оправившись от пережитого Кристина, прочитала свиток, из которого она узнала про вечную борьбу Воительниц и Охотниц, верно поняв, что девушка, которая являлась к ней была никто иная как Жанна Д'Арк, благословившая её на путь воительницы. Прочитав свиток, Кристина до конца понимает подлинную сущность Организации и решает следовать El sceencia, которую, однако пытается отождествить не просто как путь воительницы, но как нечто метафизическое, призванное обеспечить глобальную устойчивость и выживание человека в мире хаоса. Приняв El sceencia Кристина, по предложению Захарова, становится его политическим советником и берёт себе кодовое имя – «Арнис». В обычной жизни Кристина обожает пионы, шоколадные конфеты и моду. Увлекается фехтованием и игрой на фортепьяно. Любит смотреть фигурное катание. Имеет паспорта пяти или шести государств, а также несколько подданств, которые ей выдавали лично главы государств, в благодарность за её услуги. Свободно владеет семью языками. Она обладает самообладанием, мотивацией и чрезвычайно успешна, хотя порой девушку тянет на авантюристичные поступки. Её IQ составляет 300 процентов.

Морган Лео – Боевой пилот канадских ВВС. Служил вместе с Алин Авонамйелус, пройдя самые горячие точки. Сын нелегальных эмигрантов из Африки. После опалы, которой подверглась Алин занял её место командира эскадрильи «Отверженных», кроме того, являлся профессиональным минером и отвечал в эскадрилье за взрывное дело.

Нильсен Эми – американка из Калифорнии. Пилот в звании лейтенанта. Родилась в приморском городке в богатой семье. Во время трагедии 11 сентября потеряла жениха, который был в здании ВТЦ. Движимая жаждой мести записалась в армию, однако у неё не было никакой военной подготовки, кроме того, что она умела управлять самолетом, и её назначили официанткой на авиабазе, так как в то время женщин не особо брали в боевую авиацию. Практически сразу познакомилась и подружилась с Алин Авонамйелус, которая, увидев летные таланты Эми пригласила её в свою эскадрилью «Отверженные». Постепенно Эми, которую в начале в эскадрильи не приняли, дразня за манерность и гламурную внешность, завоевала уважение у коллег, т. к. обладала острым умом и часто выручала в трудных ситуациях. В эскадрилье так же является снайпером.

Ноосфера – информационное поле Земли, тесно связанное со всеми разумными существами, проживающими на планете, и хранящее все их мысленные образы. Она порождается всеми живыми существами, окружала и пронизывала их всей своей сущностью. Как и большинством других

форм энергии. Ноосфера способна чувствовать и логически мыслить, возможно указывая на течение глобальных процессов, через глобальную эволюцию. Ноосферой нельзя управлять или направлять её. Ноосферу можно только постигать, для достижения гармонии и благочестия. Постигая ноосферу, можно ощущать её в живом существе. Постигание ноосферы позволяет установить связь с животными и растениями. Установление связи с ноосферой несомненно, позволяет сохранить свою личность, после физической смерти.

Ольвия – город-порт на Эвксинском море. Когда-то южная столица Понтийской республики. Как и многие другие города бывшей Понтийской республики была образованна древнегреческими колонистами. С тех пор переходила из рук в руки, пока там не закрепились Великоруссия, которая превратила Ольвию в крупный торговый и научный центр. Дома выстроены из желтого кирпича, за это Ольвию называют масляный город. Ольвия известна своими катакомбами, некогда масштабными каменоломни, которые были прорыты для добычи известняка, нужного при строительстве города. Много позже каменоломни использовались как укрытие во время войн XX века. В 1950-х в катакомбах был открыт музей партизанской славы. В 1987 году Ольвию постигла катастрофа – произошла авария на местной АЭС и в воздух было выброшено крупное радиоактивное облако. Угрозу непосредственно для города удалось купировать, но местность вокруг осталась практически безлюдной.

Организация или SIGMA – созданное группой интеллектуалов-прогрессистов, на основе старинных легенд об Ассасинах, всемирное тайное общество целью которого стала организация глобального хаоса и переформатирование человечества, путем абсолютного контроля личности, сознания и разума. Стремятся создать идеальный глобальный мир, в котором будут преобладать порядок и контроль по их упорядоченному правилу. Отрицают возможность устойчивого развития общества, веря в доброкачественную тиранию. Организация основана на трех взаимоисключающих ирониях максимах: Контролируй, но не властвуй; Будь везде и нигде; Отрицай неотрицаемое.

«Отверженные» – экспериментальное гибридное подразделение, созданное Алин Авонамйелус в структуре ВВС Канады. Состояла из пилотов, обладавших навыками бойцов командос. Свое название обрела благодаря тому, что набиралась из аутсайдеров, неудачников или людей вообще не годных к военной службе. Алин Авонамйелус лично отбирала каждого претендента. Несмотря на то, что первоначально это были неумелые и иногда эмоционально нестабильные пилоты дружба и чувство взаимовыручки сделали то, что не смогли бы и годы тренировок, фактически превратив эскадрилью в единый мозговой цент, где каждый понимает друг друга с полуслова. Поэтому для них приказы и боевая задача были не так важны сколько жизни товарищей и безопасность людей. Это качество стало определяющим, когда эскадрилья от-

казалась выполнять приказ уничтожить индейцев на острове Илуйкояк, которых объявили террористами, а позже угнала старые истребители Спитфайр, с помощью которых удалось уничтожить лаборатории Аристова в Директории, несмотря на то что за оба действия они должны были пойти под трибунал.

Отец Игнатий – В миру Николай Извеков. Служил юнгой на подводной лодке Барс. Воевал в двух мировых войнах. Во время второй мировой командовал подразделением морской пехоты, бравшей Кранцберг. Видя страдания людей после войн, принял монашество. Именно Николаю Извекову капитан Долматов передал медальон княжны Анны. После Отец Игнатий сопровождал Флориана Штильхарта Наталью Покровскую и Алин Авонамйелус в их поисках подводной лодки Барс, как было сказано в индейском пророчестве.

Охотницы – Элитная группа убийц Организации, состоящая из пяти девушек, хотя никто точно не знает, сколько их на самом деле, поскольку они окутаны ареалом мистики и тайны. Для убийства пользуются как правило вмонтированным в кожаную перчатку клинком или метательным диском. На левой руке носят татуировку в виде черной пики. Владеют боевыми единоборствами. Так же используют множество технических устройств, таких как адаптивный камуфляж, который позволяет им менять внешность, гранаты, начиненные напалмом, в виде зажигалок, магнитные генераторы, которые излучают сверхмощное магнитное поле и могут

изменять траекторию металлических предметов, таких, как например пули. Каждая из Охотниц подверглась психологическому или сексуальному насилию со стороны, поэтому они являются яркими феминистками и особенно любят сексуально соблазнять свою жертву, прежде чем, как убить.

Покровская Наталья Владимировна – Родилась в Кранцберге в семье морского офицера, который героически погиб при выполнении задания. В дни, предшествующие событиям 25 октября, будучи старшим следователем Генеральной прокуратуры Понтийской республики, расследовала громкое убийство депутата Андрея Левицкого, которое как выяснила Наталья было связано с производством препарата Греларозол, (обладающего наркотическим эффектом) и политической борьбой между кланами Республики. В результате расследования Наталье стало понятно, что само производство Греларозола специально задумано, чтобы публично объявить о том, что политическая элита Республики с помощью это психотропного препарата занимается растлением несовершеннолетних девушек, и спровоцировать бунт против властей во время международного саммита, что и было осуществлено Организацией. После провозглашения Директории написала рапорт об увольнении, обосновав своё решение тем, что «стыдно жить в стране, где по улицам свободно разгуливают неонацисты и диктуют свои условия так называемой новой власти». Наталья поехала к родственникам в Цареград, где и предложила свою помощь прави-

тельству Цареградской волости, чтобы не допустить повторения событий в Борисфене. Тогда и вспыхнула «Цареградская осень» – первое из народных восстаний не желавших подчиняться тирании Директории. Гражданские активисты, вышли перед зданием местной администрации с мирными протестами против новых суровых законов. Против них бросили войска. В это тяжелое время Наталья, используя то, что она дочь морского офицера, поднявшись на один из боевых кораблей убедила моряков-балтийцев присягнуть на верность народному правительству, возглавляемому Валерием Аксеном. Проникновенное выступление Покровской позже было обыграно в музыкальном клипе, вдохновленном девичьей миловидной внешностью Натальи. Несколько позже Аксен послал Покровскую в Великоруссию с просьбой оказать военно-политическую поддержку. Покровская сумела добиться встречи с президентом Великоруссии, на которой Президент предложил Покровской сделку: в обмен на помощь Московска, Цареградская волость должна была войти в состав Великоруссии. На это Покровская ответила, что это возможно только после проведения свободного и демократического референдума и что Цареградская волость получит статус свободного округа со статусом Порто Франко, что и произошло. После референдума была избрана в Парламент Великоруссии от свободного округа Цареград. Впоследствии закончила Дипломатическую академию и была утверждена председателем комитета по международным делам.

Понтийский язык – государственный язык Понтийской Республики. Сформировался под влиянием соседних государств, прежде всего Польши и Великоруссии. Так при письме используется фактическая транслитерация с кириллицы на латиницу. Фонетически практически ничем не отличается от великорусского языка, однако у понтийцев при произношении много свистящих и шипящих звуков, особенно это заметно у деревенских жителей севера страны.

Понтия или Понтийская Республика или просто Республика – некогда существовавшее восточно-европейское государство с республиканской формой правления, занимающее пространство от Балтийского до Эвксинского моря, лежащее между Великоруссией на востоке, Польшей на западе и Венгрией на юге. Своим названием Республика обязана древнегреческим колонистам, заселившим когда-то эти территории. В Средние века Великое княжество понтийское было важным торговым центром, соединявшим Западную Европу с загадочными восточными странами, прежде всего с Китаем, однако с течением времени и под набегами орд кочевников с востока некогда великое государство утратило свой статус и в XIV веке была заключена уния с королевством Польским, для общей защиты от грабительских врагов, благодаря чему половина страны до сих пор исповедует католицизм, а позже, в веке XVIII, северные соседи из Великоруссии победили поляков и присоединили территорию Понтийского княжества к своей империи, и оставалась

Понти я в составе её вплоть до распада коммунистического Советского Союза в 1991 году. Тогда Понтия вновь обрела независимость и на всенародном референдуме был принят республиканский строй правления. Столица – Борисфен. В результате военного переворота и провозглашения Директории оказалась расколота гражданской войной на южную часть (Директория) и северную (Балторуссия).

Понтийская Директория. – Часто просто Директория. Официальное название южной части бывшей Понтийской Республики, данное по форме правления. Директория была провозглашена генералом ГУР Соколовским после указа 128–8 о переходе всех властных полномочий Верховному совету в связи с трагической гибелью Президента Республики и для преодоления глубокого социально-политического и нравственного кризиса в стране. Директория представляла собой военную-хунту из двенадцати высших военных офицеров, которые выбирают исполнительную власть – Президента сроком на один год. Население было разделено на граждан и лиц без гражданства. Гражданство давалось не в восемнадцать лет, как было ранее, а в двадцать два года и стало носить характер приобретаемого, то есть, чтобы его получить нужно было выполнить ряд условий. Одним из них была обязательная армейская служба, как для мужчин, так и для женщин. Только после отбытия воинской или полицейской повинности можно было обрести заветную пластиковую карточку, подкреплённую избирательным правом,

социальными льготами, оплатой обучения и внеочередным разрешением иметь детей. Директория разделена на губернии, которыми управляет утверждаемый Директорией наместник, из числа младших армейских офицеров который обладает всей полнотой власти над вверенной ему территорией. Почти сразу же после установления режима, многие государственные органы были переименованы в его честь. Началось полномасштабное военное строительство, объясняемое тем, что Директория находится в кольце внешних врагов. Директория являлось порождением разума Организации, которая через провозглашение государства абсолютного контроля хотела продемонстрировать прелесть такого устройства остальному миру. И действительно в Директории было много соблазнительного: стройная и крепкая система социального обеспечения, полностью бесплатное образование, была уничтожена бюрократия и рвачество чиновников, уничтожение выборных институтов привело к появлению мощной централизованной власти. Однако на поверку Директория была ультроклассовым обществом, где классы превратились фактически в касты, за пределы которых житель не мог выйти. Прекрасные футуристичные города, выстроенные директорией, существовали за счет ограбления деревни и бесконтрольной добыче полезных ископаемых, что приводило к многочисленным техногенным катастрофам. Несмотря на, казалось бы, бесконечную удачную экспансию, случались и провалы. Так, в балтийском город-

ке Лайелупе Директорией был организован промышленный сбор янтаря, сильно ухудшивший экологию. Это привело к растущему недовольству, вылившемуся в восстание во главе с Кристиной Легоновой, принявшей El-Greencia, и силами, тайно руководимыми Александром Захаровым, который стал ключевой фигурой сопротивления Директории, провозгласив в северных областях Директории Балторусскую республику, против которой Директория начала антитеррористическую операцию, переросшую в гражданскую войну.

Рид Стивен – отставной адмирал королевского канадского военно-морского флота и отставной начальник военно-морской разведки Канады. Был уволен в результате коррупционных действий Тополевича, чьи действия в Понтии поддерживало ЦРУ. После ухода на пенсию стал международным консультантом, что позволило ему вести борьбу и привлекать к ответственности многих высокопоставленных негодяев, наказать которых ранее он не мог из-за бюрократии и коррупции на своей службе. Рид консервативный и вежливый мужчина, старого воспитания. Главная ценность для него достижение общего блага и поддержание справедливости.

Сабуров Альберт Шамильевич – понтийский бизнесмен, бывший министр торговли Понтии. Владелец самого мощного и богатого торгового флота в Республике. Суровый и харизматичный, привыкший идти даже сквозь бурелом для достижения своих целей. Родился в Кранцберге от фронто-

вого романа немецкой девушки и капитана красной Армии, татарина по национальности, позже погибшего при штурме города. Мальчика назвали в честь деда. Всего в жизни, в том числе и состояния добился собственным упорным трудом, начав с нуля. Могущественный игрок на политической арене Республики, и его считают влиятельным лицом, к мнению которого прислушиваются. Увлекается автоспортом. Многократный чемпион мира по ралли.

Свободный округ Цареград – когда-то принадлежащая Германии территория, отторгнутая у неё по итогам Второй мировой войны. Преимущественно населена ассимилированными немцами. Постоянный источник споров между Понтией, Польшей и Великоруссией. Была сецессирована Московском по итогам референдума жителей волости о присоединении к Великоруссии. Является зоной порто-франко.

Секуритата – созданная на базе расформированной Службы Безопасности Республики тайная полиция, задача которой юридическое и физическое устранение внутренних и внешних врагов Директории. Секуритата отслеживает и шпионит за гражданами Директории. Особо известна за своё подразделение специального назначения, целью которого является скрытый арест, пытки и казни инакомыслящих. На Секуритату работает около двух миллионов информаторов. Даже одно слово, произнесённое не в том месте и не с той интонацией, могло стать причиной сурового наказания. В таких условиях противостоять режиму практи-

чески невозможно. Секуритата так же следила за соблюдением традиционных ценностей в семьях и занималась патриотическим воспитанием молодежи. Существовала молодежная полиция, которая следила за своими сверстниками и доносила об их поведении. Секуритатой так же поощрялись школьные разборки. Обычно если ребенок говорил неосторожное слово, молодежная полиция устраивала товарищеский суд на «виновным» и запирала его в сарае или подвале на несколько дней без еды и воды. Обученные с детства такой жестокости бойцы Секуритаты были практически лишены эмоций. Несмотря на то, что жестокость Секуритаты была известна всему миру, многие страны, из числа сверхдержав отнюдь не брезговали услугами тайной полиции Директории, для решения особых задач. Принцип работы Секуритаты прост: нравственно всё, что можно употребить для защиты государства.

СЕКуры – жаргонное название бойцов спецназа Секуритаты.

Силы специальных операций Великоруссии – высокоподвижная, специально обученная, технически оснащённая, хорошо экипированная армейская группировка сил, предназначенная для выполнения специальных задач с целью защиты интересов Великоруссии как внутри страны, так и за рубежом, как в мирное, так и в военное время, находящаяся в постоянной и высокой готовности к немедленному применению.

Снори – кот норвежской породы. Друг и можно сказать фамилльяр Ксении Аваловой. Когда-то жил у известной блоггерши и модели, которая использовала его как декоративную игрушку. Сбежал от неё и едва не был сбит автомобилем Аваловой. Он был тощий и голодный, потому что модель была веганом. Ксения назвала его Снори в честь Снори Стурлусона. Обладает гордым и независимым характером. Бескомпромиссно защищает Ксению от врагов. Пользуясь своим положением кота, легко добывает для хозяйки и друга важную информацию. Ксения практически всегда советуется со Снори перед тем, как принять решение, ибо Снори всегда держит нос в правильном направлении.

Сожская республика – демилитаризованная зона образованная решением ООН по 52 параллели, разграничивающая воюющие Северную и Южную части бывшей Понтийской Республики – государство свободной предпринимательской зоны. Правительство Сожской республики состояло из нескольких наиболее могущественных корпораций. Главный источник власти – Исполнительный Совет директоров, состоящий из 55 человек – бизнес-управляющих. Совет, в свою очередь, управлялся Главным администратором. Столицей Сожской республики стал город Гомелум, когда-то центр литиевой промышленности Понтийской республики. Гомелум объявил себя вольным городом, занимавшим нейтральную позицию по отношению к обеим воюющим сторонам. И Директория, и Балторуссия пытались заручиться под-

держкой гоменчан, которая давала бы право на безграничное использование местного лития, а, следовательно, и преимущество в войне. Городской совет Гомелума умело лавировал между обеими сторонами установив законы, которые те должны были соблюдать, в противном случае они лишались права на покупку и транспортировку лития. Гомелум также стал приютом для множества беженцев, спасающихся от войны. Кто-то из них оставался здесь на заработки, кто-то перебирался отсюда в другие страны. Половина успешного бизнеса Сожской республики была построена мелкими дельцами, имевшими ранее проблемы с законом, но достаточно изворотливыми и хитрыми, чтобы угодить местным властям. Краугольным камнем бизнеса в Гомелуме была контрабанда, причем всего, от сигарет, до оружия сторонам конфликта. Международные чиновники на это дело смотрели сквозь пальцы, вступая только тогда, когда дело доходило до откровенной войны между дельцами, чтобы сохранить нужный им баланс.

Тополевич Борис Борисович – великорусский предприниматель, политический деятель, Доктор фармацевтических наук, Доктор психологических наук. Был заместителем секретаря Совета безопасности Великоруссии. Был близок к окружению первого Президента Великоруссии, в избрании которого принимал участие финансово. Был замешан в ряде коррупционных и политических скандалов. После избрания нового Президента, которого вначале Тополевич под-

держивал, стала вызывать резкую критику предпринимателя. Тополевич стал выступать открытым политическим оппонентом власти Великолоруссии и был вынужден покинуть страну. Он также утратил контроль над своими активами. Перенбрался в Понтию, где принимал участие в организации протестных акций против власти Республики. Тополевича называли «серым кардиналом» власти Понтии, однако, когда в результате новых выборов пришла к власти нынешняя Президент, которую поддерживала Великолоруссия, Тополевич растерял все свое влияние и был вынужден эмигрировать в Швейцарию, где получил статус политического беженца. Был убит Охотницей, чтобы скрыть следы экспериментов в его клинике.

Треверс Джеффри – Американский финансист и промышленник. Организатор конкурсов красоты на своем частном острове. Меценат в сфере образования, спонсировал международные стажировки для детей из Восточной Европы. Был обвинен в сексуальных преступлениях и растлении малолетних, однако дело закрыли за отсутствием доказательств. Организовал корпорацию IBF (Into a bright future), которая занимается созданием и продвижением инновационных стартапов в самой разной сфере деятельности: от коммерческого космоса, до вопросов изменения климата.

Хорошевская Марианна Леонидовна – министр государственного просвещения Директории. Воспеваается государственной пропагандой как символ возрождения Пон-

тийской государственности. Родилась в глубокой деревне, была практикантом-преподавателем Международного лицея по истории и философии. Была руководителем класса Екатерины Кирсановой. Всегда отличалась горячим патриотизмом. Во время памятных тебе событий вывела на площадь своих лицеистов – протестовать против революции, несколько из которых погибло в завязавшейся драке с «либерально настроенной молодежью». После установления Директории они были объявлены героями борьбы за национальный суверенитет, а Хорошевская получила министерский пост. В действительности является одной Охотниц.

Школьников Ефим Алексеевич – кинорежиссер из Великоруссии. Считается мастером высокохудожественного исторического кино для широкого зрителя. Его главная идея продемонстрировать на экране пик страстей исторических личностей, в результате которых они входят в состоянии психической экзальтации, что определяет их главные поступки в жизни. Этот стиль сделал Школьников практически иконой в среде либеральных интеллектуалов, однако Школьников в своих интервью всегда отмежевывался от любой революции и активно поддерживал политический курс руководства Великоруссии.

Широградова Софья Владимировна – Жившая до революции агентесса Секретной службы Его Величества. Приват-доцент историк. Фрейлина и близкая подруга Великой княжны Анны. После начала Великой войны приняла Е-

стеенсіа, став девој-воительницей. Её следы теряются после прихода к власти красных.

Штильхарт Флориан – Был старшим инспектором швейцарской уголовной полиции. Вскоре после начала Гражданской войны в Понтии получил предложение о работе в должности советника по безопасности посольства Швейцарии в Сожской области. Родился в Женеве в обеспеченной семье. Изучал международное право в университете Женевы. После окончания университета предпочел службу в полиции, где курирует международное сотрудничество. Расследовал преступления, так называемой «великорусской мафии». Личными качествами Штильхарта являются авантюризм, пристрастие к женщинам, азартным играм и алкоголю. Флориан прекрасно разбирается в вине, оружии, автомобилях и, по собственному признанию, женщинах, свободно разговаривает на нескольких иностранных языках, когда говорит на великорусском обожает сыпать пословицами, однако неправильно их произносит, предпочитает одеваться в дорогие костюмы и носит часы известных марок. Первоклассный спортсмен. Во время расследования одного из дел познакомился с отставным адмиралом Стивенем Ридом, с которым они стали друзьями. Позже Рид познакомил Флориана с Кристиной Леоновой, с которой они стали командой раскрывавшей запутанные преступления. Парочка постоянно пускалась в авантюры, иногда случайно, иногда по поручению адмирала. А их дружба с годами не претерпела изме-

нений, несмотря на постоянные перебранки, что подчас бывает между старыми друзьями.

Щербатова Анна Станиславовна. Для всех талантливая скрипачка-виртуоз. Дочь погибших в автокатастрофе родителей, которые оставили дочери состояние. В действительности, Анна – клон, выращенный в лаборатории доктора Аристова. Является точной генетической и фенотипической копией Великой княжны Анны – дочери последнего царя Великороссии, расстрелянной вместе с семьей большевистскими палачами. Анна обладала уникальным медальоном, в который её возлюбленный – офицер Секретной службы Его величества Дмитрий Долматов спрятал компоненты для создания лекарства против бушевавшей в те годы пандемии «Испанки», ставшей причиной революции, уничтожившей Великорусское царство. «Испанка» на самом деле была создана молодым ученым Хельмутом Ланге, а позже доработана его учеником Львом Аристовым. Аристову для того, чтобы предстать избавителем человечества от чумы XXI века были необходимы компоненты вакцины, которые были украдены у Ланге агентами Секретной службы Его величества. Именно с этой целью он и создал клон Великой княжны, пытаясь выявить в её памяти местонахождение медальона, который открывался только её рукой. Так же в процессе работы Аристов выяснил, что царская кровь Анны обладает ускоренной реакцией и передает больше кислорода, следовательно она не может застаиваться. На основании её крови Ари-

стов хотел создать чип-ингибитор, блокирующий возникновение опухолей, который можно будет отключить если человек с чипом выйдет из-под контроля. Вмешательство Кристины Левоновой помешало планам Аристова и Анна обрела физическую и ментальную свободу. Анна сострадательная и очень тонкая девушка. Во время своих приключений она подружилась с Андреем Кирсановым и между молодыми людьми возникло сильное чувство, которое, однако, не получило продолжения, ибо Анна, узнав о своем происхождении, поклялась хранить верность своему возлюбленному.